РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

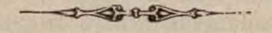
Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 2.

ФЕВРАЛЬ 1904 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 года).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 12 Февраля 1904 г.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

О разрѣшеніи принимать окончившихъ курсъ общеобразовательныхъ классовъ Императорскихъ Александровскаго лицея и училища правовѣдѣнія на юридическій факультетъ Императорскихъ университетовъ безъ аттестата зрѣлости (15 іюня 1902 года).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 15 день іюня 1902 года Высочайше повелѣть соизволилъ разрѣшить принимать лицъ, прошедшихъ полный курсъ общеобразовательныхъ классовъ Императорскихъ Александровскаго лицея и училища правовѣдѣнія въ число студентовъ Императорскихъ университетовъ исключительно на юридическій факультетъ, безъ представленія ими аттестата или свидѣтельства зрѣлости, но при этомъ бывшихъ воспитанниковъ названнаго лицея—съ дополнительнымъ испытаніемъ изъ исторіи церкви, воспитанниковъ же училища правовѣдѣнія безъ всякаго дополнительнаго испытанія. (Циркуляръ по Рижскому учебному округу. 1903 г. № 10).

О предоставленіи ученикамъ приготовительныхъ классовъ при среднихъ техническихъ училищахъ: Саратовскомъ, Ростовскомъ-на-Дону и Новозыбковскомъ правъ и преимуществъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 1-й день текущаго ноября Высочайше соизволилъ на предоставленіе ученикамъ приготовительныхъ классовъ при среднихъ техническихъ училищахъ: Саратовскомъ, Ростовскимъ-на-Дону и Новозыбковскомъ, по окончаніи полнаго курса сихъ училищъ, правъ и преимуществъ, присвоенныхъ ученикамъ среднихъ техническихъ училищъ, согласно основнымъ положеніямъ о промышленныхъ училищахъ 7 марта 1888 г.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи г. товарищъ министра народнаго

просвѣщенія предложеніемъ отъ 7 ноября 1903 г. за № 6.174 увѣдомляетъ для надлежащихъ распоряженій. (Циркуляръ по Кіевскому учебному округу 1903 г. № 11).

О предоставленіи правъ государственной службы лицамъ, окончившимъ курсъ въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ Императорскаго Русскаго музыкальнаго Общества *).

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и промышленности, наукъ и торговли и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ о предоставленіи правъ государственной службы лицамъ, окончившимъ курсъ въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ Императорскаго Русскаго музыкальнаго Общества, мнѣніемъ положилъ:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить, въ видѣ временной мѣры, впредь до разрѣшенія общаго вопроса о служебныхъ правахъ, пріобрѣтаемыхъ окончаніемъ курса наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ:

1) Лица мужескаго пола, окончившіе курсъ въ музыкальныхъ училищахъ Императорскаго Русскаго музыкальнаго Общества, въ случаѣ поступленія ихъ на Государственную службу, производятся въ первый классный чинъ безъ испытанія.

2) Лица мужескаго пола, удостоенныя дипломовъ или аттестатовъ объ окончаніи курса въ консерваторіяхъ названнаго Общества (ст. 1), пользуются правомъ поступленія на государственную службу, съ утвержденіемъ въ чинѣ XIV класса, а въ случаѣ опредѣленія на классныя должности въ консерваторіяхъ или въ музыкальныхъ училищахъ того же Общества—въ чинѣ XII класса.

3) Преподаватели музыки въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, имѣющіе дипломъ или аттестатъ объ окончаніи курса въ консерваторіяхъ Императорскаго Русскаго музыкальнаго Общества, пользуются, относительно класса должности и чинопроизводства, правами, предоставленными преподавателямъ другихъ преметовъ въ сихъ заведеніяхъ (за исключеніемъ учителей черченія и чистописанія).

4) Лица, служащія въ консерваторіяхъ Императорскаго Русскаго музыкальнаго Общества, считаясь на государственной службѣ, состоятъ въ классахъ, опредѣленныхъ расписаніемъ должностей сихъ консерваторій.

II. Статьи 372 и 430 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (Св. Зак., т. III, изд. 1896 г.)—отмѣнить.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, 16 декабря 1902 года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

---

*) Изъ „Правит. Вѣстника“ за 1903 г. № 30.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Указъ Правительствующаго Сената по вопросу объ освобожденіи дѣтей іудейскаго исповѣданія, обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, городскихъ и начальныхъ училищахъ Кіевскаго округа, отъ письменныхъ занятій по субботамъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло по жалобамъ евреевъ жителей городовъ Звенигородки, Кіевской губ., Ковеля и Луцка, Волынской губ., Якова Грушевскаго, Бейриша Рабинерзона, Шліома Бардаха и др. на отказъ министра народнаго просвѣщенія въ освобожденіи дѣтей ихъ, обучающихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, городскихъ и начальныхъ училищахъ Кіевскаго округа, отъ письменныхъ занятій по субботамъ. Приказали: Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и принимая во вниманіе, 1) что еврейскія дѣти, поступающія въ среднія учебныя заведенія, городскія и начальныя училища, обязаны подчиняться установленному въ сихъ заведеніяхъ порядку и распредѣленію классныхъ занятій и могутъ быть освобождены отъ письменныхъ занятій по субботамъ не иначе, какъ въ видѣ особой льготы, въ тѣхъ случаяхъ, когда учебное начальство признаетъ такое освобожденіе совмѣстнымъ съ обезпеченіемъ правильнаго и успѣшнаго хода занятій; 2) что, при нежеланіи подчиняться существующему въ означенныхъ выше заведеніяхъ порядку занятій, евреи могутъ обучать своихъ дѣтей въ спеціальныхъ еврейскихъ училищахъ, приспособленныхъ къ требованіямъ еврейской вѣры и обрядовъ; 3) что отказъ министерства народнаго просвѣщенія въ удовлетвореніи ходатайствъ просителей не имѣетъ значенія стѣсненія свободы вѣроисповѣданія евреевъ или ихъ дѣтей, на что указываютъ просители, ссылаясь на ст. 45 Зак. Осн. Т. I изд. 1892 г., и ст. 968 т. IX изд. 1876 года (ст. 789, по изд. 1899 года), Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: жалобы просителей, какъ неосновательныя, оставить безъ послѣдствій. О чемъ на рапортъ отъ 15 января 1901 г. за № 1.122, министру народнаго просвѣщенія и для объявленія просителямъ, по жительству ихъ Грушевскаго и пр. въ гор. Звенигородкѣ, Рабинерзона и пр. въ гор. Ковелѣ, Бардаха и пр. въ гор. Луцкѣ, со взысканіемъ съ послѣднихъ гербоваго сбора за отвѣтъ, Волынскому Губернскому Правленію послать указы. Октября 26 дня 1901 года № 11.073. (Циркуляръ по Кіевскому учебному округу 1903 г. № 11).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Циркулярное предложеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія: О предстоящемъ въ 1904 году первомъ международномъ конгрессѣ школьной гигіены въ гор. Нюрнбергѣ (17 сентября 1903 года, № 28.560).

Съ 4 по 9 число апрѣля мѣсяца 1904 г. (нов. ст.) въ Германіи, въ Нюрнбергѣ, состоится первый международный конгрессъ школьной гигіены.

Сообщая о семъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходи-

тельство предложить врачамъ и преподавателямъ учебныхъ заведеній ввѣреннаго Вамъ учебнаго округа, желающимъ принять участіе въ означенномъ конгрессѣ, обращаться за справками къ Генеральному секретарю послѣдняго, по адресу: Generalsekretär des I internationalen schulhygienischen Kongresses, Kgl. Hofrat Dr. med. P. Schubert, Gemeindebevollmächtigter in Nürnberg. (Циркуляръ по Кавказскому учебному округу 1903 г. № 11).

Къ вопросу объ изученіи новыхъ языковъ учениками III класса гимназій, оставшимися въ этомъ классѣ на повторительный курсъ. (Отнош. департ. народ. просв. отъ 13 октяб. 1903 г. № 32.287).

Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвъ вопросъ объ изученіи новыхъ языковъ учениками III класса гимназій, оставшимися въ этомъ классѣ на повторительный курсъ, и принимая во вниманіе, что ученикамъ, оставшимся на повторительный курсъ въ III-мъ классѣ по неуспѣшности ученья и обучавшимся въ предшествующемъ учебномъ году лишь одному новому языку, трудно будетъ догнать своихъ товарищей по другому языку, и что число такихъ учениковъ незначительно, а также имѣя въ виду, что тѣ ученики V-го класса, которые обучались въ IV-мъ классѣ одному новому языку, освобождаются, по силѣ циркуляра 21 іюля сего года за № 22.224, отъ изученія второго новаго языка,—призналъ правильнымъ распространить указанную льготу также и на учениковъ III-го класса гимназій, оставленныхъ въ этомъ классѣ на повторительный курсъ и обучавшихся въ предшествующемъ году лишь одному новому языку.

О таковомъ мнѣніи ученаго комитета, утвержденномъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, департаментъ народнаго просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить для надлежащихъ распоряженій. (Циркуляръ по Кіевскому учебному округу 1903 г. № 11).

По вопросу о введеніи письменныхъ домашнихъ работъ по русскому языку въ 5 классѣ гимназій.

Разсмотрѣвъ доставленные учебно-окружными начальствами отзывы по вопросу о введеніи письменныхъ домашнихъ работъ по русскому языку въ 5 классѣ гимназій въ связи съ заключеніемъ по сему предмету ученаго комитета, министерство народнаго просвѣщенія признаетъ желательнымъ, чтобы и въ назначенномъ классѣ, по примѣру трехъ старшихъ, учащимся задавались домашнія письменныя работы по русскому языку.

Число означенныхъ работъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ онѣ уже производятся нынѣ, можетъ быть оставлено безъ измѣненія и впредь. Вообще же число этихъ работъ не должно превышать четырехъ и можетъ быть увеличиваемо (но не далѣе восьми) лишь въ исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія окружнаго начальства, на основаніи мотивированныхъ ходатайствъ педагогическихъ совѣтовъ и во вниманіе къ мѣстнымъ условіямъ. Темы для вышеупомянутыхъ работъ должны быть составляемы преподавателями и утверждаемы педагогическими совѣтами заблаговременно на весь предстоящій учебный годъ, и списокъ означенныхъ темъ

долженъ быть представляемъ попечителю учебнаго округа, для свѣдѣнія, еще до начала учебнаго года.

Объ этомъ, согласно предложенію министерства народнаго просвѣщенія отъ 9-го сентября за № 31.513, сообщается для надлежащихъ распоряженій (ib.).

Къ вопросу о повторныхъ испытаніяхъ для ученицъ VII-го класса женскихъ гимназій (Предлож. г. мин. нар. просв. 3 ноября 1903 года за № 34.264).

Увѣдомляю Ваше Превосходительство, для руководства по ввѣренному вамъ учебному округу, что ученицы VII класса женскихъ гимназій, начиная съ текущаго учебнаго года, по выдержаніи ими выпускныхъ экзаменовъ, могутъ быть допускаемы къ повторнымъ испытаніямъ для повышенія балла по тѣмъ предметамъ, по которымъ онѣ получили въ младшихъ классахъ, до 5-го включительно, отмѣтку, мѣшающую награжденію ихъ медалями, но съ тѣмъ, чтобы вопросы о допущеніи къ таковымъ испытаніямъ возбуждались педагогическими совѣтами, и чтобы таковыя испытанія производились однажды для каждой ученицы (ib.).

Къ вопросу о разрѣшеніи тому или другому лицу открывать спеціальные курсы (Предл. г. министра народнаго просвѣщенія отъ 25 окт. 1903 г. за № 33.211).

Министерствомъ народнаго просвѣщенія на имя попечителя Одесскаго учебнаго округа, 18-го апрѣля 1901 года за № 10.021, было разъяснено, что вопросы о разрѣшеніи тому или другому лицу открывать спеціальные курсы слѣдуетъ подвергать особому разсмотрѣнію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по представленіи въ министерство подлежащихъ начальствъ.

Нынѣ министерство народнаго просвѣщенія, примѣняясь къ ст. 3.715-ой началу и концу ст. 3.720-ой и къ ст. 40-ой уст. учебн. завед. изд. 1893 г., признало необходимымъ предоставить начальствамъ учебныхъ округовъ давать разрѣшеніе на открытіе различныхъ курсовъ, съ соблюденіемъ при этомъ установленныхъ закономъ условій относительно открытія частныхъ учебныхъ заведеній.

Объ изложенномъ г. министръ народнаго просвѣщенія предложеніемъ отъ 25 октября сего года за № 33.211 увѣдомляетъ для руководства и исполненія (ib).

По вопросу о переводѣ учениковъ промышленныхъ училищъ изъ класса въ классъ безъ экзаменовъ.
(Предл. Мин. отъ 31 іюля 1903 г., за № 4.010).

Вслѣдствіе представленій Вашего Превосходительства отъ 4 февраля и 30 апрѣля 1903 г., за №№ 2.231 и 7.997, имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, для надлежащихъ распоряженій, что право перевода учениковъ промышленныхъ училищъ изъ класса въ классъ безъ экзаменовъ не исключаетъ требованія производить экзамены по всѣмъ пройденнымъ спеціальнымъ предметамъ, входящимъ въ курсъ обученія въ дан-

номъ учебномъ заведеніи: оно указываетъ на возможность производить экзамены не въ каждомъ классѣ, а лишь въ тѣхъ, въ которыхъ заканчивается прохожденіе какого-либо спеціальнаго предмета или самостоятельнаго его отдѣла.

Въ виду того, что въ Комисаровскомъ техническомъ училищѣ по курсу технологіи и бухгалтеріи, пройденному въ VII классѣ, экзамены не производились, слѣдуетъ, согласно съ мнѣніемъ отдѣленія Ученаго Комитета, экзамены по курсамъ этихъ предметовъ во всемъ ихъ объемѣ произвести въ VII классѣ названнаго училища, чѣмъ надлежитъ руководствоваться и на будущее время (Циркуляръ по Московскому учебному округу 1903 г. № 10).

По вопросу о разрѣшеніи открытія коммерческихъ училищъ и курсовъ коммерческихъ знаній.

(Предл. Мин. отъ 29 іюля 1903 г., за № 3.966).

Вслѣдствіе представленія Вашего Превосходительства отъ 12 мая сего года, за № 8.861, имѣю честь увѣдомять Васъ, Милостивый Государь, для надлежащихъ распоряженій, что, на основаніи Высочайше утвержденнаго 25 апрѣля 1894 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, вновь открывающіяся коммерческія училища должны состоять въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, при чемъ въ силу Высочайше утвержденнаго 15 апрѣля 1896 года Положенія о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ Министру Финансовъ предоставляется разрѣшать открытіе и курсовъ коммерческихъ знаній. Признавая вполнѣ цѣлесообразнымъ, чтобы всѣ вновь открываемые самостоятельно, не при учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, курсы бухгалтеріи и коммерческихъ знаній находились въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, я нахожу, что оно и должно давать разрѣшеніе на ихъ открытіе (ib.).

По вопросу о переводѣ учениковъ городскихъ училищъ въ слѣдующіе классы безъ испытанія.

(Предл. Мин. отъ 21 іюня 1903 г., за № 19.165).

Ваше Превосходительство ходатайствуете о разрѣшеніи переводить учениковъ городскихъ училищъ ввѣреннаго Вамъ учебнаго округа въ слѣдующіе классы безъ испытанія, на основаніи годовыхъ отмѣтокъ.

Вслѣдствіе сего имѣю честь увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что, въ виду ст. 3.155 уст. учен. учр. и учебн. завед. т. XI ч. Св. Зак. (изд. 1893 г.), Министерство не считаетъ себя въ правѣ удовлетворить означенное ходатайство, къ разрѣшенію же его въ законодательномъ порядкѣ не представляется достаточныхъ основаній (ib.).

О правахъ лицъ, окончившихъ курсъ въ Московскомъ Земледѣльческомъ училищѣ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, на полученіе званія начальнаго учителя безъ особаго испытанія.

(Отн. Департ. Нар. Просв. отъ 9 августа 1903 г., за № 24.408).

Въ виду поступившаго къ Вашему Превосходительству прошенія окон-

чившаго курсъ въ Московской земледѣльческой школѣ В. Прозорова о выдачѣ ему, какъ лицу, окончившему курсъ средняго учебнаго заведенія, безъ особаго испытанія, свидѣтельства на званіе учителя начальнаго училища съ дачей лишь пробнаго урока, Вы, Милостивый Государь, просили указаній Департамента Народнаго Просвѣщенія, слѣдуетъ ли г. Прозорова, на основаніи существующихъ правилъ, какъ не имѣющаго свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса средняго общеобразовательнаго учебнаго заведенія, подвергать установленному для сихъ лицъ испытанію, или же ограничиться лишь требованіемъ отъ него пробнаго урока.

Особое Отдѣленіе Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, а также Особый Отдѣлъ Ученаго Комитета, на разсмотрѣніе коихъ было передаваемо настоящее дѣло, мнѣніемъ своимъ, утвержденнымъ Его Высокопревосходительствомъ г. Министромъ, признали, что лицо, окончившее успѣшно курсъ въ Московскомъ земледѣльческомъ училищѣ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, можетъ пользоваться правомъ на полученіе званія начальнаго учителя, безъ особаго испытанія, по пробному уроку.

Объ этомъ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить (ib.).

По вопросу о разрѣшеніи публичныхъ лекцій для учителей, собираемыхъ на съѣзды.

(Отнош. Деп. отъ 24 августа 1903 г. за № 25.617).

Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что, по докладу г. Управляющему Министерствомъ Товарищу Министра отношенія отъ 4 мая текущаго года, за № 8.400, Его Превосходительство не изволилъ усмотрѣть какихъ-либо достаточныхъ основаній къ приравненію публичныхъ лекцій, разрѣшаемыхъ къ прочтенію на съѣздахъ учителей, къ частнымъ курсамъ и приказалъ поставить Васъ въ извѣстность, что означенныя лекціи должны быть разрѣшаемы въ порядкѣ общихъ по сему предмету законоположеній (ib.).

По вопросу о правѣ домашнихъ наставниковъ, пріобрѣвшихъ это званіе полученіемъ высшаго юридическаго образованія, на преподаваніе въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ I разряда *).

(Отн. Деп. Нар. Пр. 29 марта 1903 года, за № 10.564).

Вслѣдствіе ходатайства одного изъ домашнихъ наставниковъ о признаніи за нимъ права на преподаваніе математики и исторіи въ частномъ учебномъ заведеніи I разряда, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія не призналъ возможнымъ удовлетворить это ходатайство, такъ какъ званіе домашняго наставника пріобрѣтено просителемъ полученіемъ высшаго юридическаго образованія, которое, согласно ст. 3.726 т. XI ч. I Св. Зак. (изд. 1893 г.), не даетъ права на преподаваніе упомянутыхъ предметовъ (ib.).

*) Изъ цирк. по Рижск. уч. окр. № 4—5 1903 г.

По вопросу объ учрежденіи уроковъ для взрослыхъ при частныхъ учебныхъ заведеніяхъ *).

(Отн. Деп. отъ 20 іюня 1903 г., за № 19.112).

Вслѣдствіе возбужденнаго попечителемъ округа вопроса о возможности учрежденія уроковъ для взрослыхъ при частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, по приказанію г. Товарища Министра, разъяснилъ, что Министерство, принявъ во вниманіе, что, согласно ст. 3.713 уст. учеб. зав., частныя учебныя заведенія назначаются для обученія дѣтей, пришло къ заключенію, что Министръ своею властью не можетъ разрѣшить частнаго училища для взрослыхъ, чѣмъ отрицательно разрѣшается и возбужденный попечителемъ округа вопросъ (ib.).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ. (Ж. М. Н. Пр. Январь 1904 г.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Беллярминовъ, И.* Руководство къ древней исторіи. Изданіе 10-е. Спб. 1903. Стр. VII+255+XVI. Цѣна 80 коп.“ (для IV и VIII классовъ мужскихъ гимназій).

— „*Киселевъ, А.* Краткая алгебра. 6-е изданіе, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. VI+206. Цѣна 80 коп.“ (для женскихъ гимназій).

— „*Миттельштейнеръ, Э.* Первый годъ изученія нѣмецкаго языка по наглядному и натуральному методу. А. Изданіе для учениковъ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. V+170. Цѣна 80 коп.“

— „*Поповъ, Николай.* Священная исторія Ветхаго Завѣта. Изданіе 16-е. Вятка. 1903. Стр. 213+III. Цѣна 45 коп.“

— „*Чихановъ, Б.* Учебникъ ариѳметики. Изданіе 5-е. Варшава, 1904. Стр. 111. Цѣна 60 коп.“

— „*Schmeil, Otto.* Leitfaden der Botanik. Verlag von Erwin Nägele. Stuttgart. 1903. 310+32. S. Preis 3 Mark“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Hauff, Wilhelm.* Ausgewählte Märchen. Обработалъ *Н. Г. Розенбергъ* (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей подъ ред. *С. А. Манштейна*). Изданіе С. А. Манштейна (4-е, пересм. и доп.). Спб. 1904. Стр. 126 (въ текстѣ)+100 (въ приложеніяхъ). Цѣна въ папкѣ съ приложе-

*) Изъ цирк. по Рижск. уч. окр. 1903 г. за № 7.

ніями 50 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Пономаревъ, Р. Д.* Сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. 2-е изданіе, дополн. и пересм. Харьковъ. 1903. Стр. 189. Цѣна 1 р.“

— „*Шиллеръ, Ф.* Избранныя баллады и стихотворенія съ приложеніемъ объяснительнаго матеріала изъ другихъ классическихъ писателей (Поэзіи часть II). Введеніями, примѣчаніями, постатейнымъ словаремъ и правилами нѣмецкаго стихосложенія снабдилъ *Максъ Фишеръ.* Изданіе 3-е. М. 1904. Стр. X+301. Цѣна 1 р.“

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „1) Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовыя картины Россіи XVII вѣка. Рисунки Дрезденскаго альбома, воспроизведенные въ натуральную величину. 61 табл. рис.+1 карта.—2) Объяснительныя примѣчанія къ рисункамъ составлены *Ѳ. Аделунгомъ,* вновь пересм. и доп. *А. М. Ловягинымъ.* Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903. Стр. X+189. Цѣна не обозначена“ (для старшаго возраста).

— „*Баранцевичъ, К. С.* Дуня Перехватова. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1901. Стр. 28. Цѣна 25 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Баранцевичъ, К. С.* Первый заработокъ и другіе разсказы. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1901. Стр. 281. Цѣна 2 р. 25 коп.“ (для младшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки)

— „*Berkowitz, Anne.* Littérature française à la portée des élèves. Riga. 1903. Pages 116+II. Prix 1 rouble“ (съ тѣмъ, чтобы цѣна книги была понижена до 60 коп.).

— „*Бутовскій, А. Д.* Система шведской педагогической и военной гимнастики. Изданіе 2-е, В. Березовскаго. Спб. 1903. Стр. 180. Цѣна 1 руб. 35 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Бѣлгородскій, А. В.* Заграничная экскурсія воспитанниковъ Кіево-Печерской гимназіи. Ревель. 1903. Стр. 71. Цѣна 35 коп.“ (для старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Бѣлгородскій, А. В.* Малое слово о великомъ (По поводу 200-лѣтія основанія Петербурга). Ревель. 1903. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“ (для средняго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Бѣляевъ, І.* Судьбы православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Спб. 1903“ (для средняго и высшаго возраста, особенно для среднихъ учебныхъ заведеній Прибалтійскаго края).

— „*Веселовскій, Юрій.* Друзья и защитники животныхъ въ современной французской беллетристикѣ. М. 1903. Стр. 92. Цѣна 75 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— *Веселовскій, Юрій.* Литературные очерки. М. 1900. Стр. II + 592. Цѣна 2 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Ворисгоферъ, С.* Среди морскихъ разбойниковъ. Переводъ съ нѣм. *Г. Генкеля.* Изданіе Б. Н. Звонарева. Спб. 1902. Стр. IV+592. Цѣна 2 р.“

(для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Гопъ, Антони.* Симонъ Дэль. Переводъ съ англійскаго. Подъ ред., съ введеніемъ и примѣчаніями *А. Трачевскаго.* Изданіе А. Ильина (Рядъ историческихъ романовъ). Спб. 1903. Стр. LXXII+346. Цѣна 1 р. 25 коп." (для старшаго возраста).

— *Горталовъ, Н. К.* Княжество Черногорія и поѣздка Казанскихъ гимназистовъ въ іюнѣ 1902 года. Казань. 1903. Стр. 14. Цѣна 15 коп." (также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Дефо, Даніэль.* Робинзонъ Крузо. Переводъ съ французскаго. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1903. Стр. 414. Цѣна въ папкѣ 1 р. 75 коп., въ перепл. 2 р. 25 коп." (для средняго возраста, а также и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Кирпичниковъ, А. И.* Очерки по исторіи новой русской литературы. Томъ II. Изданіе 2-е, дополн., магазина „Книжное дѣло". М. 1903. Стр. 225. Цѣна 1 р. 20 коп." (для старшаго возраста).

— „*Коверскій, Э.* 1) Карта Россійской Имперіи и сопредѣльныхъ съ нею государствъ. Картографическое заведеніе топографическаго отдѣла главнаго штаба. 1903.—2) Замѣтка къ картѣ. Спб. 1903. Стр. 42+I карта." (также и въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Ловягинъ, А. М.* Очерки отечествовѣдѣнія и сравнительной географіи. Изданіе т-ва „Литература и наука". Спб. 1903. Стр. 222. Цѣна не обозначена" (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Островскій, А. Н.* Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. *М. И. Писарева.* Книгоиздательское т-во „Просвѣщеніе". Спб. Томъ I. Стр. VIII+502. Цѣна за 10 томовъ 16 р." (для средняго и старшаго возрастовъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Печерскій, Андрей (П. И. Мельниковъ).* Груня. Разсказъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. 1901. Стр. 32. Цѣна 25 коп." (для младшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Пушкинъ, А. С.* Сочиненія и письма. Критически провѣренное и дополненное по рукописямъ изданіе подъ ред. *П. О. Морозова.* Книгоиздательское т-во „Просвѣщеніе". Т. I. Спб. 1903. Стр. XXX+696. — Т. II. Спб. 1903. Стр. XI+635." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Рагозина, З. А.* Краткая всемірная исторія. Изданіе А. Ф. Маркса. Вып. I. Древнѣйшіе народы. Спб. 1903. Стр. 140. Цѣна 60 коп. — Вып. II. Древнѣйшій Египетъ. Спб. 1903. Стр. 127. Цѣна 60 коп." (для младшаго и средняго возрастовъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Рёскинъ, Джонъ.* Сочиненія. Переводъ *Л. П. Никифорова.* Изданіе магаз. „Книжное дѣло" и И. А. Баландина. Серія I. Книжка 1. Сезамъ и Лиліи. М. 1900. Стр. 81. Цѣна 50 коп.—Книжка 2. Письма и совѣты женщи-

намъ и молодымъ дѣвушкамъ относительно: платья, воспитанія, брака сферы дѣятельности, вліянія, работы, правъ и проч. М. 1900. Стр. 37. Цѣна 30 коп. — Книжка 3. Послѣднему, что и первому (Unto this last). 4 очерка основныхъ принциповъ политической экономіи. М. 1900. Стр. 92. Цѣна 50 коп.—Книжка 4. Лекціи объ искусствѣ. М. 1900. Стр. 102. Цѣна 80 коп.— Книжка 5. Оливковый вѣнокъ. 4 лекціи о промышленности и войнѣ. М. 1900. Стр. 98. Цѣна 50 коп. — Книжка 6. Этика пыли. М. 1901. Стр. 145. Цѣна 50 коп.—Книжка 7. Сельскіе листья. (Frondes agrestes). Отрывки изъ „Современныхъ живописцевъ". М. 1902. Стр. 97. Цѣна 50 коп. — Книжка 8. Радость навѣки и ея рыночная цѣна или политическая экономія искусства. 2 лекціи. М. 1902. Стр. 138. Цѣна 60 коп." (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Сизераннъ, Робертъ*. Рёскинъ и религія красоты. Переводъ *Л. П. Никифорова*. Изданіе магаз. „Книжное дѣло" и И. А. Баландина. М. 1900. Стр. 202. Цѣна 80 коп." (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „*Уваровъ, М. С*. Гигіена. Спб. 1903. Стр. 178+II. Цѣна 75 коп." (для старшаго возраста, а также и въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги

въ ученическія библіотеки средних учебныхъ заведеній:

— „Герои труда. Рядъ біографій, составленныхъ по Смайльсу и др. Подъ ред. *Елизаветы Бекетовой*. Изданіе Н. П. Карбасникова. Спб. 1902. Стр. 274. Цѣна 1 р. 50 коп." (для старшаго и средняго возрастовъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіетеки, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги біографія Ломоносова была тщательно переработана или же вовсе исключена изъ книги).

— „*Кирпотенко, А. П*. Князья растительнаго царства. Изданіе 3-е. Н. С. Аскарханова (Иллюстрированная естественно-научная библіотека). Спб. 1903. Стр. 43. Цѣна 20 коп." (также и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжки было обращено большее вниманіе на корректурную исправность ея).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Браузеръ* и *Шпеннратъ*. Машинистъ-практикъ. Съ послѣдняго нѣм. изданія перевелъ *В. Остерманъ*, подъ ред. *Г. Артюшкова*. Изданіе В. Губинскаго. Спб. 1901. Цѣна 40 коп."—допустить въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книгу: „*Миттельштейнеръ, Э.* Первый годъ изученія нѣмецкаго языка по наглядному и натуральному методу. Б. Изданіе для учителей. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. VIII+60+V+170. Цѣна 1 р."—допустить въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Азбукинъ, М.* Справочникъ по русскому этимологическому правописанію. Орелъ. 1903. Стр. 107. Цѣна 10 коп.“

— „*Бубликовъ, М.* Русская школа. Практическій курсъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ). Спб. 1904. Стр. IV+80. Цѣна 30 коп.“ (для тѣхъ школъ, въ которыхъ учащіеся при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски).

— „*Герасимовъ, М.* Русская грамматика для начальныхъ училищъ. Изданіе 2-е, П. В. Луковникова. Спб. 1903. Стр. 146. Цѣна 25 коп.“ (для начальныхъ народныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ).

— „*Гречушкинъ, С. И.* Міръ Божій. 1-я послѣ букваря книга для чтенія. Изданіе 2-е, В. В. Думнова. М. 1903. Стр. II+160. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Котельниковъ, И.* Краткій учебникъ геометріи и собраніе геометрическихъ задачъ. Спб. 1903. Стр. 132. Цѣна 60 коп.“ (для городскихъ училищъ).

— „*Львова,* кн. *М. А.* Краткая священная исторія ветхаго и новаго завѣта. М. 1903. Стр. 101. Цѣна 20 коп.“

— „*Смирновъ, К.* Учебная книга географіи. Общія свѣдѣнія. 39-е, перераб. изданіе. Спб. 1903. Стр. 115+6 картъ. Цѣна 40 коп.“

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гейки, Арчибальдъ.* О преподаваніи географіи. Переводъ съ англ. съ дополн. къ русскому изданію, *Л. Д. Синицкаго.* М. 1900. Стр. IV+170. Цѣна 80 коп.“

— „*Дависъ, И.* Народныя школы въ Швейцаріи. Юрьевъ. 1904. Стр. 84. Цѣна 30 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Лисянскій, Г. И.* Опытъ устройства церковнаго хора по преимуществу изъ крестьянскихъ мальчиковъ. Изданіе 2-е испр. Кіевъ. 1900. Стр. II+86. Цѣна 50 коп.“ (для начальныхъ школъ).

— „*Пузыревскій, А.* Главнѣйшія пѣснопѣнія на литургіи св. Іоанна Златоустаго. Спб. 1902. Стр. 40. Цѣна 30 коп.“

— „*Терешкевичъ, А. А.* Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ по типамъ. Изданіе 8-е, К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. 99. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, а также и въ ученическія библіотеки тѣхъ же училищъ).

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Правда въ сказкахъ. 2-е изданіе, К. И. Тихомирова. М. 1900. Стр. 59. Цѣна 25 коп.“

г) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Борисоглѣбскій, А.* Какъ я шелъ пѣшкомъ въ Петербургъ учиться. Изданіе С.-Петербургскаго общества грамотности. № 17. Спб. 1903. Стр. 64. Цѣна 10 коп.

— „*Дьяченко, Григорій.* Въ подарокъ дѣтямъ. Искра Божія. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Изданіе М. Я. Парадѣлова. М. 1903. Стр. XXII+492. Цѣна 1 р.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Гроза надвигается (Очерки изъ обороны Севастополя). Дешевыя изданія т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 35. Цѣна 3 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Митропольскій, Ив.* Разсказы про сѣдую старину. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 61. Цѣна 30 коп.“

— „*Морозовъ, П.* Лѣсовикъ. Изданіе С.-Петербургскаго общества грамотности. № 19. Спб. 1903. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Назаревскій. В.* Русская исторія. Чтеніе для Московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. III выпускъ. Изданіе коммиссіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1903. Стр. 74. Цѣна 50 коп.“ (также и въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Немировичъ-Данченко, В.* 1) Богъ проститъ. Изданіе 2-е. Стр. 63. Цѣна 10 коп.—2) Старый фельдфебель. Изданіе 2-е. Стр. 68. Цѣна 15 коп.—3) Соловьиная ночь. Изданіе 2-е. Стр. 12. Цѣна 5 коп.—4) Черный рыцарь. Изданіе 3-е. Стр. 32. Цѣна 7 коп.—5) Забытый рудникъ. Изданіе 4-е. Стр. 48. Цѣна 8 коп. (Всѣ—изданія Д. П. Ефимова. М. 1903)“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Страна холода. Изданіе 2-е, П. П. Сойкина. Спб. 1903. Томъ I. Стр. 369.—Томъ II. Стр. 310. Цѣна за 2 тома 3 р.“ (для городскихъ, по положенію 1872 г., училищъ, а также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Перслыгинъ, Н. И.* Кузнецъ-механикъ. Повѣсть для дѣтей. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 20 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Перелыгинъ, Н. И.* Молитва для ребенка. Повѣсть для дѣтей. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 40. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Поль, А. С.* Не безъ добрыхъ людей. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Станюкевичъ, К. М.* Куцый. Разсказъ. Изданіе 3-е, М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1902. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“.

— „*Сѣверцевъ, Г. Т. (Полиловъ).* Большое счастье. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 25 коп.“ также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Тарасовъ, Е. И.* Донской атаманъ Платовъ. Изданіе С.-Петербургскаго общества грамотности. № 20. Спб. 1903. Стр. 39. Цѣна 6 коп.“

— „*Успенскій, Н. В.* Пономарь Савельичъ или Деревенскіе сироты. Изданіе „Народной библіотеки“. М. 1887. Стр. 32. Цѣна 6 коп.

— „*Фишеръ, С.* Какъ люди плаваютъ по водѣ и летаютъ по воздуху. Изданіе т-ва И. Д. Сытина (Для школъ и народа). М. 1903. Стр. 39. Цѣна 10 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Чернышевъ, А.* Крестные ходы въ Вятской епархіи. Вятка. 1903. Стр. 48. Цѣна не обозначена.“

— *Черскій, Л.* Покинутый. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 39. Цѣна 25 коп.“ (также и въ ученическія, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

д) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „*Алексѣевъ, П. С.* Чѣмъ помочь великому горю? Какъ остановить пьянство? № 251. М. 1900. Стр. 35. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

— „*Богдановичъ, Л. А.* За чужой грѣхъ. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 13). М. 1903. Стр. 59. Цѣна 10 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Брилліантовъ, А.* Грѣхомъ вино настоено, несчастіемъ прокурено. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ „Жертвы вина“ № 12). М. 1903. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Брилліантовъ, А.* До поры до времени. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 15). М. 1903. Стр. 36. Цѣна 6 коп.“

— „*Востоковъ, Владиміръ.* Корысть къ омуту привела. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 17). М. 1903. Стр. 31. Цѣна 5 коп.“

— „*Востоковъ, В.* Утонулъ. Сгорѣлъ. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ (Серія разсказовъ „Жертвы вина“ № 14). М. 1903. Стр. 32 Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „Гончаръ-самоучка. № 68. М. 1900. Стр. 36. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Гибель корабля и другіе притчи и разсказы. № 391. М. 1900. Стр. 35. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Красотка и смерть и другіе притчи и разсказы. № 401. М. 1900 г. Стр. 35. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Мудрецъ Солонъ и другіе притчи и разсказы. № 393. М. 1900. Стр. 35. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

„*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Олень съ золотымъ обручемъ и другіе притчи и разсказы. № 399. М. 1900. Стр. 35. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

— *Горбуновъ-Посадовъ, И.* Пастухъ и царскій казначей и другіе притчи и разсказы. № 398. М. 1900 Стр. 35. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

— „*Гринченко, Б.* Поиски истины. Переводъ съ малороссійскаго *Н. П. Перелыгина*. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 16. Цѣна 3 коп.“

— „*Дмитріевъ, М. М.* Страшное дѣло. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 19). М. 1903. Стр. 49. Цѣна 8 коп.“

— „*Додэ, А.* I. Крушеніе корабля. II. Смерть дофина. III. Три ворона. Переводы *В. Микуличъ*. № 383. М. 1900. Стр. 36. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

— „*Заленскій, В.* Опыленіе и оплодотвореніе у цвѣтковыхъ растеній Кіевъ. 1903. Стр. 32. Цѣна 12 коп.“

— „*Зандъ, Жоржъ.* Чародѣйка. Переводъ *М. Шишмаревой.* Изданіе С.-Пб. Комитета грамотности. № 84. С.-Пб. 1895. Стр. 200. Цѣна 15 коп.“

— „*К—ой, Г.* Месть. Разсказъ изъ бессарабской жизни. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 20). М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „*Лейкинъ, Н. А.* 1) Подъ южными небесами. 5-ое изданіе. С.-Пб. 1902. Стр. 555. Цѣна 1 руб. 50 коп.—2) На лонѣ природы. Изданіе 4-е. С.-Пб. 1900. Стр. 476. Цѣна 1 руб. 50 коп.—3) Наши за границей. Изданіе 21-е. С.-Пб. 1902. Стр. 456. Цѣна 1 руб. 50 коп.—4) Господа и слуги. Разсказы. С.-Пб. 1903. Стр. 351. Цѣна 1 руб.—5) Записки Полкана. Повѣсть изъ собачьей жизни. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1897. Стр. 216. Цѣна 60 коп.—6) Христова невѣста. Романъ. Изданіе 5-е. С.-Пб. 1901. Стр. 288. Цѣна 75 коп.—7) На дачномъ прозябаніи. Изданіе III. С.-Пб. 1900. Стр. 320. Цѣна 1 руб.—8) Рождественскіе разсказы. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 94. Цѣна 20 коп.—9) Счастливецъ Романъ. Изданіе 2-е. С.-Пб. 1901. Стр. 228. Цѣна 60 коп.“

— „*Лонгфелло.* Разлученные или Евангелина. Съ англ. *Е. Б.* № 386. М. 1900. Стр. 89. Цѣна 6 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ. Д.* 1) Васька забалуй. Стр. 16. Цѣна 3 коп.—2) Постойко. Стр. 16. Цѣна 3 коп.—3) Савка. Стр. 32. Цѣна 5 коп.—4) Конь „Разбойникъ“. Стр. 48. Цѣна 7 коп.—5) Малиновыя горы. Стр. 48. Цѣна 7 коп.—6) Горой. Стр. 32. Цѣна 5 коп.—7) Исповѣдь. Стр. 16. Цѣна 3 коп.—8) Старый воробей. Стр. 16. Цѣна 3 коп.—9) Пріемышъ. Стр. 16. Цѣна 3 коп. (Всѣ—во 2-мъ изданіи, Д. П. Ефимова. М. 1903).“

— „*Марковичъ.* Онъ присягалъ. На волчьемъ хуторѣ. Разсказы. Переводъ *В. И. Строменко.* Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ. (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 14). М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „*Оболенскій, В.* Проклятыя деньги. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 16). М. 1903. Стр. 36. Цѣна 6 коп.“

— „*Паліенко, Н. П.* О законѣ (Общедоступная библіотека правовѣдѣнія, издаваемая обществомъ распростр. полезн. книгъ подъ ред. *Г. С. Фельдштейна*). М. 1903. Стр. 48. Цѣна 5 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и институтовъ и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Пассекъ, О.* Свѣтъ Азіи. Индійское сказаніе. По Арнольду. № 340. М. 1899. Стр. 36. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

— „*Политковская, Е.* Кто виноватъ? Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ (Серія разсказовъ „Отъ Божьяго ока не укроешься“ № 18). М. 1903. Стр. 56. Цѣна 8 коп.“

— „*Поселянинъ, Е.* Іоасафъ царевичъ. Христіанская повѣсть. Изданіе 2-е, А. Д. Ступина. М. 1904. Стр. 62. Цѣна 35 коп.“ (также и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Семеновъ, С. Т.* Нужды и недостатки крестьянскихъ обществъ. № 240. М. 1899. Стр. 32+IV. Цѣна не обозначена.“ (также и въ учительскія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Соловьева, Л.* Два сосѣда. Изданіе С.-Петербургскаго общества грамотности. № 18. С.-Пб. 1903. Цѣна 6 коп.“

— „*Стариненковъ, И. И.* Дядя Ѳаддей. Разсказъ. № 274. М. 1900. Стр. 35. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

— „*Т—ся.* Вино виновато. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ (Серія разсказовъ „Жертвы вина“ № 13). М. 1903. Стр. 36. Цѣна 5 коп.“ (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— „*Троллопъ, Антони.* На морскомъ берегу. Переводъ съ англ. *М. К. Николаевой.* № 348. М. 1900. Стр. 53. Цѣна 3 коп.“

— „*Фишеръ, К. О.* Наслѣдство по закону въ русскомъ правѣ (Общедоступная библіотека правовѣдѣнія, издаваемая обществомъ распространенія полезныхъ книгъ подъ ред. *Г. С. Фельдштейна*). М. 1903. Стр. 43. Цѣна 5 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій и институтовъ и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Хрѣновъ, К. А.* Женское горе. Сборникъ стихотвореній (Для взрослыхъ). Изданіе 2-е, измѣн. и доп., В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 92 Цѣна 20 коп.“ (также и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ).

— „*Успенскій, Н. В.* Пономарь Савельичъ или Деревенскіе сироты. Изданіе „Народной библіотеки“. М. 1887. Стр. 32. Цѣна 6 коп.

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Гречушкинъ, С. И.* Міръ Божій. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. 1) Русская азбука. Стр. IV+60. Цѣна 15 коп.—2) Вторая послѣ букваря книга для чтенія. Стр. IV+260. Цѣна 50 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты къ руководству замѣчанія ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: *Кринскій, М. О.* Религія Израиля. Изданіе „Гаоръ“. Варшава. 1903. Стр. XVI+260. Цѣна 90 коп.“—допустить къ употребленію учениками іудейскаго вѣроисповѣданія среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній при обученіи ихъ закону вѣры.

— Книгу: „*Клячко, П. Г.* Баръ-Мицво. Ученіе объ обязанностяхъ еврея, достигшаго совершеннолѣтія. Вильна. 1903. Стр. 36. Цѣна 30 коп.“—допустить въ тѣ учебныя заведенія, гдѣ преподается дѣтямъ евреевъ законъ еврейской вѣры.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО ТЕХНИЧЕСКОМУ И ПРОФЕССІОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессіональному образованію, утвержденными его превосходительствомъ г. товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, постановлено:

— Брошюру доктора медицины *В. Мацкевича*: „Дурная болѣзнь. Разсказъ 1902 года. Изданіе Тихомирова, цѣна 4 коп.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній съ выдачей этого

изданія ученикамъ старшаго возраста по усмотрѣнію начальства учебнаго заведенія.

— Представленныя книгоиздателемъ *К. И. Тихомировымъ* въ Москвѣ брошюры: а) *В. В. Шарковъ.* „Крестьянскія работы и сельская жизнь по мѣсяцамъ года.“ 1899 г. Цѣна 10 коп. б) „Одна овца все стадо портитъ.“ Цѣна 8 коп., в) *В. Н. Спасскій.* „Ива, польза ея, описаніе и разведеніе для различныхъ сельско-хозяйственныхъ надобностей и кустарныхъ промысловъ“. Цѣна 15 коп. и г) *А. Прохоровъ.* „Сушка овощей грибовъ и зелени.“ Москва. 1899 года. Цѣна 5 коп.—допустить въ библіотеки промышленныхъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія по сельско-хозяйственно-технической спеціальности.

— Книгу инженера путей сообщенія *Л. Н. Любимова* подъ заглавіемъ: „Низшая геодезія“. Лекціи, читанныя въ Томскомъ Технологическомъ Институтѣ Императора Николая II-го. Второе исправленное и значительно дополненное изданіе 9-ю цинкографіями и отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Изданіе *П. И. Макушина* въ Томскѣ. 1903 года. Цѣна съ атласомъ чертежей 4 рубля,—допустить въ фундаментальныя библіотеки среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ.

— Книгу профессора С.-Петербургскаго университета *П. Георгіевскаго* „Краткій учебникъ политической экономіи“ 1903 г. 2-е изданіе, исправленное и дополненное,—допустить въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ техническихъ училищъ.

— Книгу *А. Рейхлера*: „Физико-химическія теоріи“. Переводъ подъ редакціей профессора *А. А. Яковкина.* С.-Петербургъ. 1903 года. Цѣна 2 руб. 50 коп.—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для ученическихъ библіотекъ среднихъ химико-техническихъ училищъ.

— Книгу *Артура Вильке*: „Электричество, его добываніе и примѣненіе въ промышленности и техникѣ“. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей профессора *В. В. Скобельцина.* С.-Петербургъ. 1901 года,—одобрить для библіотекъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ.

— Книги: 1) „*З. Евзлинъ,* Коммерческая корреспонденція. Теорія и практика. „Самопомощь“. Библіотека коммерческихъ знаній. Серія А. Выпускъ 1. С.-Петербургъ. Цѣна 50 коп.“ и 2) „*И. Я. Чулковъ.* Общедоступный курсъ коммерческой ариѳметики въ связи съ объясненіемъ простыхъ и десятичныхъ дробей, въ 25 лекціяхъ. Руководство для самообученія. 1902 г. Цѣна 75 коп.“—допустить въ библіотеки техническихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу *М. А. Страхова*: „Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣненіями. 306 чертежей въ текстѣ. Изданіе 5-ое. С.-Пб. 1901 г.“—допустить въ качествѣ учебнаго руководства въ ремесленныя и техническія училища министерства народнаго просвѣщенія.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

На соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначена на 1905 годъ, по разряду

начальныхъ народныхъ училищъ, слѣдующая, дополненная по указанію г. министра народнаго просвѣщенія, тема:

„Книга для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію съ отдѣломъ по исторіи Россіи“.

Примѣрная программа.

I. *Карта Россійской Имперіи.* Протяженіе Россіи съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ. Какія моря омываютъ ее, и гдѣ идутъ ея сухопутныя границы. Съ какими государствами соприкасается Россія и какія изъ этихъ государствъ самыя важныя для насъ. Поверхность Россіи: низменности и горныя страны. Самыя большія рѣки и озера. Пространство и населеніе русскаго государства. Охрана русскихъ границъ въ настоящее время. Части Россійской имперіи: Европейская Россія, Кавказъ, Сибирь и Средне-Азіатскія владѣнія.

II. *Образованіе и ростъ Русскаго государства.* Восточные славяне. Черты изъ первоначальнаго быта. Призваніе варяжскихъ князей. Начало русскаго государства въ землѣ новгородскихъ славянъ. Объединеніе восточныхъ славянъ при первыхъ князьяхъ. Сношенія съ Византіею. Крещеніе Руси при Владимирѣ Святомъ. Ярославъ Мудрый. Свв. Антоній и Ѳеодосій Печерскій и ихъ монастырь. Владимиръ Мономахъ. Его поученіе. Образованіе Суздальскаго княжества. Андрей Боголюбскій. Татарское нашествіе. Александръ Невскій. Начало Московскаго княжества. Свв. Петръ и Алексій— митрополиты. Димитрій Донской. Куликовская битва. Св. Сергій и его монастырь. Иванъ III. Сверженіе татарскаго ига. Иванъ IV Грозный. Завоеваніе татарскихъ царствъ. Смерть царевича Дмитрія. Борисъ Годуновъ. Смутное время. Патріархъ Гермогенъ. Главные эпизоды изъ осады Свято-Троицкой Сергіевской лавры. Козьма Мининъ и князь Пожарскій. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Патріархъ Филаретъ. Царь Алексѣй Михайловичъ. Патріархъ Никонъ. Богданъ Хмельницкій. Присоединеніе Малороссіи. Петръ Великій и Великая Сѣверная война. Главнѣйшія преобразованія Петра Великаго. Ломоносовъ. Императрица Екатерина II. Ея пріобрѣтенія. Суворовъ. Императоръ Александръ I. Отечественная война. Кутузовъ. Императоръ Николай I. Крымская война. Оборона Севастополя. Императоръ Александръ II. Освобожденіе крестьянъ. Война съ Турціею за освобожденіе балканскихъ славянъ. Подчиненіе Кавказа и Средней Азіи. Императоръ Александръ III.

III. *Физическое обозрѣніе Европейской Россіи.* Какова поверхность Европейской Россіи (низменности, возвышенности и окраинныя горы). Ископаемыя богатства. Рѣки и озера. Гдѣ начинаются главныя рѣки, какъ текутъ и куда вливаются. Весеннее половодье и лѣтнее мелководье; замерзаніе. Климатъ. Времена года. Мѣста самыя холодныя и самыя теплыя. Гдѣ больше всего выпадаетъ дождя и снѣга и гдѣ меньше всего. Почвы и ихъ свойства. Растительныя области. Гдѣ простирается тундра. Что тамъ растетъ; жизнь въ тундрѣ лѣтомъ и зимой. Почему тундра неудобна для жизни человѣка. Гдѣ простираются лѣса. Самыя главныя деревья лѣсовъ. Лѣсные зрѣри и птицы. Важность лѣсовъ для Россіи. Гдѣ простираются степи. Дикія степи и степное скотоводство. Обработанныя степи и степное земледѣліе. Природа южнаго берега Крыма.

IV. *Обозрѣніе Европейской Россіи по группамъ губерній или областямъ*

1) Великорусскія губерніи и великоруссы. Природа средней Россіи. Происхожденіе великоруссовъ. Физическій типъ великорусса. Языкъ. Разселеніе великоруссовъ. Бытъ крестьянина-земледѣльца средней Россіи. Жилище. обстановка, одежда, пища. Семейная жизнь великоруссовъ. Черты изъ духовной культуры великорусской народности. Трудовой годъ крестьянина-земледѣльца. Кустари. Фабрично-заводская дѣятельность въ средней Россіи. Отхожіе промыслы. Торговля и пути сообщенія. Инородцы средней Россіи: карелы, приволжскіе финны, татары и др.; выходцы Западной Европы (нѣмцы и др.). Очерки и характеристики наиболѣе замѣчательныхъ въ религіозно-историческомъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ мѣстностей средней Россіи. 2) Озерныя губерніи. 3) Губерніи крайняго Сѣвера. 4) Пріуральскія губерніи. 5) Юго-восточныя губерніи. 6) Новороссійскія губерніи. 7) Малороссійскія губерніи. 8) Бѣлорусско-литовскія губерніи. 9) Привислянскія губерніи. 10) Прибалтійскія губерніи. 11) Финляндія.

V. *Азіатская Россія. Сибирь.* Положеніе Сибири относительно Европейской Россіи. Общій характеръ поверхности. Природа Сибири. Суровость климата. Раздѣленіе на части: тундру, тайгу, культурную и горную. Разселеніе русскихъ и инородцевъ. Бытъ инородцевъ и ихъ вымираніе. Промышленное и торговое значеніе Сибири. Замѣчательныя мѣстности Сибири. *Туркестанъ.* Положеніе и границы Туркестана. Поверхность Туркестана. Система Тянь-Шаня. Памиръ. Туркестанская низменность. Киргизскія степи. Пустыни Оазисы. Русское и туземное населеніе Туркестана. Киргизы, татжики и сарты. Промышленное и торговое значеніе Туркестана для Россіи. Замѣчательныя мѣстности Туркестана. *Кавказъ.* Природа Кавказа. Предкавказье: области Кубанская и Терская. Кавказскія горы. Закавказье. Западное побережье Кавказа. Долина Ріона. Долина Куры. Гокчайское нагорье. Араратъ. Климатъ и рѣки Кавказа. Растительность и животное царство. Жители Кавказа: казаки, горцы, народы Картвельскаго племени, армяне, татары. Замѣчательныя мѣстности Кавказа.

VI. *Пути сообщенія въ Россійской Имперіи.* Моря, какъ пути сообщенія морское государство. Рѣки, какъ пути сообщенія (въ прежнее время и теперь); искусственные водные пути. Гонка плотовъ по рѣкамъ, сплавъ барокъ и движеніе пароходовъ Грунтовыя и шоссейныя дороги. Значеніе желѣзныхъ дорогъ. Сколько по нимъ провозится грузовъ и пассажировъ. Наши важнѣйшія желѣзнодорожныя линіи.

VII. *Краткія свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ и о мѣстныхъ установленіяхъ Россіи.*

VIII. *Образованіе.*

Общія условія,

коимъ должна удовлетворять „Книга для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію съ отдѣломъ по исторіи Россіи“:

„Книга для народнаго чтенія по отечествовѣдѣнію“ должна быть доступна пониманію и удовлетворять любознательность читателей, получившихъ образованіе въ одноклассномъ начальномъ училищѣ. Сообразно этой цѣли, составитель книги долженъ принять въ соображеніе нижеслѣдующее:

1. Книга должна быть изложена просто, безъ длинныхъ періодовъ, безъ поддѣлки подъ народную рѣчь; тамъ, гдѣ нельзя избѣгнуть какого-либо

иностраннаго слова или термина, необходимо вводить соотвѣтствующее объясненіе, смотря по надобности, или въ текстѣ или въ примѣчаніяхъ, подъ чертою.

2. По составу матеріала географическій отдѣлъ не долженъ походить на какой-либо географическій курсъ или справочную книгу; поэтому забота автора должна быть главнымъ образомъ направлена не столько на полноту сообщаемыхъ свѣдѣній, сколько на то, чтобы всѣ характерныя данныя о природѣ, а равно и о дѣятельности человѣка были представлены по возможности живо и образно.

3. Въ отдѣлѣ „Карта Россійской Имперіи" глава „Пространство и народонаселеніе Россіи" должна содержать отвѣты на слѣдующіе вопросы: Какое пространство приблизительно занимало Русское государство за 1000 лѣтъ до нашего времени и какое занимаетъ нынѣ. Какіе народы и племена жили въ Русскомъ государствѣ 1000 лѣтъ тому назадъ и какіе живутъ нынѣ. Затѣмъ идетъ перечень главныхъ народовъ и племенъ, характеристика же ихъ вводится при описаніи Россіи по пространствамъ.

4. При описаніи Россіи по пространствамъ и областямъ обращается вниманіе на полноту или округленность въ томъ смыслѣ, что все, что необходимо сказать о данномъ пространствѣ, должно быть о немъ сообщено такъ, чтобы каждый отдѣлъ составлялъ нѣчто цѣлое. Въ общемъ, при описаніи каждой группы губерній или области, матеріалъ долженъ быть подведенъ подъ слѣдующія примѣрныя рубрики: Общій видъ поверхности. Рѣки. Озера. Климатъ. Вскрытіе и замерзаніе водъ, рѣкъ. Засухи, ливни или грозы. Ископаемыя богатства. Почва. Растительный и животный міръ. Русское и нерусское населеніе. Главныя черты изъ прошлаго. Пути сообщенія. Торговля. Достопримѣчательныя мѣста въ религіозномъ, историческомъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.

Въ этнографическихъ очеркахъ, при описаніи группы губерній или областей, народы и племена характеризуются преимущественно чертами своего быта.

Статистическія данныя сообщаются въ самомъ умѣренномъ количествѣ и главнымъ образомъ по отношенію къ количеству населенія. Данныя же изъ промышленной статистики сообщаются описательно и сравнительно; напримѣръ, что въ главномъ нашемъ рыбномъ бассейнѣ—Каспійскомъ—уловъ рыбы составляетъ почти половину всего добываемаго количества рыбы въ моряхъ и озерахъ Европейской Россіи.

Книга по отечествовѣдѣнію должна особенно подробно и обстоятельно ознакомить читателя съ историческими судьбами и современнымъ состояніемъ великорусскаго племени; поэтому среднюю Россію составитель можетъ разсматривать по болѣе мелкимъ группамъ губерній.

5. Въ главѣ „Краткія свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ" слѣдуетъ вкратцѣ ознакомить читателя съ законодательными, административными и судебными учрежденіями Россіи, при чемъ главнѣйше обращается вниманіе на установленія, ближе всего касающіяся сельскаго населенія. Въ этотъ отдѣлъ входитъ также вопросъ о воинской повинности и о вооруженныхъ силахъ Россіи.

6. Отдѣлу объ образованіи не слѣдуетъ придавать справочно-статистическаго характера, а сообщить въ немъ краткій очеркъ развитія русскаго просвѣщенія отъ Петра Великаго до нашихъ дней и указать, что въ Россіи существуютъ всѣ учебныя заведенія и другія образовательныя средства

(ученыя общества), какъ и въ другихъ государствахъ Европы, что учебныя заведенія доступны всѣмъ русскимъ сословіямъ, и что въ Россіи, какъ и въ Западной Европѣ, есть ученые по всѣмъ областямъ знаній, есть художники, архитекторы, живописцы, скульпторы, инженеры и всякаго рода мастера.

7. Въ историческомъ отдѣлѣ всѣ разсказы безусловно должны быть представлены въ хронологической послѣдовательности, и, гдѣ внутренняя связь можетъ быть кратко выяснена, она не должна быть опускаема. Но главная забота составителя должна сосредоточиться на томъ, чтобы каждый разсказъ, по возможности, былъ обстоятеленъ и изложенъ наглядно. Характерныя черты изъ нравовъ русскаго народа и быта, особенно военнаго, пріурочиваются, смотря по свойству матеріала, къ жизнеописаніямъ, войнамъ и преобразованіямъ. Всюду наблюдается, чтобы все свѣтлое, лучшее, возвышающее духъ читателя, имѣло преобладающее мѣсто, и чтобы въ общемъ весь историческій отдѣлъ былъ проникнутъ уваженіемъ къ религіи, преданностью къ Престолу и любовью къ отечеству. Главныя хронологическія данныя должны быть занесены въ текстѣ, а равно помѣщены въ концѣ историческаго отдѣла въ послѣдовательномъ порядкѣ, съ отмѣткою о совершившихся событіяхъ; также въ концѣ отдѣла помѣщается родословная таблица Государей изъ дома Романовыхъ. Въ частности, указанія на освѣщеніе, которое желательно было бы придать всѣмъ явленіямъ и событіямъ, внесеннымъ въ программу, составители могутъ найти въ объявленіи отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія о конкурсѣ на премія Императора Петра Великаго за „Исторію Россіи для народа", которое помѣщено въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за іюнь 1896 г.

Кромѣ отдѣла, спеціально посвященнаго исторіи, факты историческіе должны найти мѣсто: а) При описаніи губерній и областей; такъ, напримѣръ, географическому описанію Кавказа предшествуютъ краткіе очерки о первыхъ поселеніяхъ на рѣкѣ Терекѣ, затѣмъ главныя черты изъ Кавказской войны, преимущественно въ царствованіе Императора Александра II; при описаніи Сибири вкратцѣ повторяются заслуги Ермака, а вмѣстѣ съ тѣмъ и заслуга Дежнева, Хабарова, Пояркова и Невельскаго. б) При описаніи городовъ, конечно вкратцѣ, упоминается вновь объ имѣвшихъ отношеніе къ этимъ городамъ замѣчательнѣйшихъ событіяхъ, а равно и лицахъ, чѣмъ либо прославившихся на какомъ-либо поприщѣ. в) Въ краткомъ очеркѣ государственныхъ и мѣстныхъ учрежденій указываются Государи, при которыхъ возникли тѣ или другія учрежденія. г) Составитель не долженъ обходить описанія живописныхъ мѣстностей и долженъ останавливаться на болѣе замѣчательныхъ произведеніяхъ русскаго искусства и техники.

8. Мѣстами, какъ въ отдѣлѣ географическомъ, такъ и историческомъ, книга можетъ носить характеръ хрестоматическій, и въ нее могутъ входить поэтическія и прозаическія статьи, историческія пѣсни, поговорки и т. п.

9. Къ книгѣ должны быть приложены необходимыя географическія карты, хотя бы и схематическія. Иллюстраціи желательны, но не обязательны.

Въ случаѣ представленія конкурснаго сочиненія на разсмотрѣніе въ рукописномъ видѣ, требуемыя программой географическія карты при книгѣ могутъ быть и не заново составлены, а взяты для образца изъ числа уже существующихъ въ обращеніи.

10. Книга можетъ быть составлена и нѣсколькими авторами, но съ сохраненіемъ строгой связи и систематичности въ ея содержаніи и изложеніи. Желательно, чтобы въ отпечатанномъ видѣ книга не превышала своимъ объемомъ 35 листовъ.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позже 1 ноября 1904 г. и могутъ быть какъ рукописныя, такъ и въ видѣ отпечатанной книги. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени составителя (или составителей), подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія составителя и мѣстожительство.

Въ томъ случаѣ, если ни одно изъ конкурсныхъ сочиненій, представленныхъ къ 1 ноября 1904 года, не удостоится преміи Императора Петра Великаго или же будетъ присуждена одному изъ нихъ лишь малая премія, то конкурсъ на означенную книгу будетъ продолженъ еще на одинъ годъ.

II.

На соисканіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначена на 1906 годъ, по разряду начальныхъ народныхъ училищъ, слѣдующая, дополненная по указанію г. министра народнаго просвѣщенія, тема:

„Книга для класснаго чтенія во 2-мъ классѣ сельскихъ двухклассныхъ училищъ, съ отдѣломъ по естествовѣдѣнію“.

Примѣрная программа.

1. *По русскому языку:* Въ „Книгу для класснаго чтенія“ для второго класса сельскихъ училищъ должны войти статьи (стихотворенія, басни, разсказы, описанія и пр.) литературно-художественныя, съ цѣлію образованія и развитія у дѣтей эстетическаго вкуса (т. е. любви къ прекрасному). Для этой цѣли составитель „Книги для класснаго чтенія“ долженъ заимствовать статьи, или отрывки, меньшаго или большаго объема, изъ лучшихъ нашихъ писателей, отличающихся высокими идеями, умѣющихъ искусно (въ надлежащей стройности) излагать свои мысли (идеи) и выражающихся чисто русскимъ языкомъ, съ образцовою точностью и изяществомъ. Статьи (стихотворенія, басни, разсказы, описанія и пр.) составитель можетъ заимствовать не только изъ первостепенныхъ нашихъ писателей (каковы: Пушкинъ, Крыловъ, Тургеневъ и др.), но и второстепенныхъ, если только найдетъ въ произведеніяхъ этихъ послѣднихъ писателей „вдохновенныя страницы“ (выражаясь словами Гоголя). Заимствованныя изъ лучшихъ писателей статьи составитель долженъ снабдить или подстрочными краткими объясненіями малопонятныхъ словъ, или напечатать въ концѣ книги словарь, гдѣ были бы объяснены, въ азбучномъ порядкѣ, всѣ малопонятныя слова, находящіяся въ книгѣ для чтенія.

Не безполезно для дѣла сообщить хотя краткія біографическія свѣдѣнія о тѣхъ писателяхъ, сочиненія которыхъ будутъ напечатаны въ „Книгѣ для класснаго чтенія“ подобно тому, какъ это указано въ программѣ для городскихъ училищъ.

Касательно расположенія литературнаго матеріала, составитель не оставитъ безъ указаній, какія статьи изъ напечатанныхъ въ „Книгѣ для класснаго чтенія" онъ назначаетъ для младшаго отдѣленія 2-го класса и какія— для старшаго отдѣленія, чтобы, такимъ образомъ, видна была необходимость *постепенности* при изученіи литературнаго матеріала учениками. Желательно, чтобы въ старшемъ отдѣленіи преимущественно разбирались цѣльныя произведенія (а не отрывки).

Желательно также было бы имѣть въ „Книгѣ для класснаго чтенія" указанія на виды разныхъ письменныхъ упражненій, которыя составитель предполагаетъ соединить со статьями, въ „Книгѣ для класснаго чтенія" напечатанными.

Желательно, наконецъ, чтобы составитель предложилъ руководство, какъ пользоваться напечатаннымъ въ „Книгѣ для класснаго чтенія" матеріаломъ.

II. *По естествовѣдѣнію*: 1) Неорганическій міръ.—Почва. Какія бываютъ почвы? Какія изъ нихъ плодороднѣе. Для чего нужно удобрять почву. Каменистая почва и дикокаменныя породы: гранитъ, гнейсъ, сланецъ. Вывѣтриваніе гранита. Воздухъ и его дѣйствіе на тѣла: окисленіе. Вода: три состоянія воды. Растворяющее ея дѣйствіе. Роль воды при разрушеніи горныхъ породъ. Минералы, произведенія изъ кристалическихъ породъ песокъ, глина. Песчанники. Известнякъ; плитнякъ. Понятіе о слоистыхъ горныхъ породахъ. Окаменѣлости. Каменная соль. Каменный уголь. Желѣзныя руды. Золотыя розсыпи. Нефть.

2) Растительный міръ.—Поле. Какія растенія произрастаютъ на поляхъ? Что нужно для развитія растенія? Сѣмя и его устройство. Сѣмядоли; бѣлокъ Проростаніе. Корень, его устройство и назначеніе. Для чего служитъ стебель? Листья и дыханіе растеній. Хлѣбныя растенія. Картофель; понятіе о подземныхъ стебляхъ. Лугъ. Луга заливные и искусственные. Кормовыя травы. Клеверъ и его вліяніе на почву. Необходимость посѣва клевера на поляхъ. Понятіе о сѣвооборотахъ. Лѣсъ. Краснолѣсье и чернолѣсье. Правильное устройство и раціональная вырубка лѣса. Сухостой. Подлѣсокъ. Значеніе лѣса для климата. Составъ древеснаго ствола. Главнѣйшіе виды деревьевъ хвойныхъ и лиственныхъ. Споровыя растенія; папоротники, хвощи, мхи, водоросли, лишаи и грибы. Микроскопическія формы грибовъ: бактеріи.

3) Строеніе человѣческаго тѣла и отправленіе его органовъ.—Скелетъ человѣка. Составъ костей. Хрящи. Способы соединенія костей. Мускулы и ихъ дѣйствія на кости. Мозгъ и нервная система. Органы чувствъ. Органы пищеваренія, кровообращенія и дыханія. Органы выдѣленія.

4) Животный міръ.—Животныя полезныя человѣку: копытныя. Откуда они происходятъ, и гдѣ находятся ихъ дикіе родичи. Лошадь, быкъ и корова, овца, коза. Устройство желудка жвачныхъ Свинья и ея тропическіе родичи: слонъ, носорогъ, гиппопотамъ. Собака и ея главныя породы. дворняшка, овчарка, гончая и борзая. Дикіе родичи собаки: волкъ и лисица Кошка. Медвѣдь. Хорекъ. Грызуны: заяцъ и бѣлка. Главныя отличія птицъ отъ звѣрей. Птицы куриныя: домашнія и дикія лѣсныя породы. Черная семья—вороновыя птицы. Осѣдлыя птицы: голубь и воробей. Насѣкомоядныя птицы: ласточка, скворецъ и польза, приносимая ими человѣчеству. Перелетъ птицъ, и для чего онъ совершается? Хищныя птицы. Земноводныя: змѣи, ящерицы и лягушки. Рыбы: отличія ихъ по строенію и образу жизни отъ другихъ животныхъ. Описаніе главныхъ представителей насѣкомыхъ.

Жесткокрылыя: майскій жукъ и жукъ-кузька. Прямокрылыя: тараканъ, кузнечикъ, саранча. Бабочка-тутовый шелкопрядъ. Перепончатокрылыя: пчела и муравей. Клопъ и вошь, какъ представители паразитовъ на животныхъ и человѣкѣ. Рѣчной ракъ, дождевой червь и его значеніе въ образованіи чернозема. Садовая улитка. Прудовикъ. Микроскопическія животныя: инфузоріи и корненожки.

5) Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ метеорологіи и физики.—Солнце, какъ источникъ жизни на землѣ. Атмосфера и явленія, въ ней происходящія. Различная степень теплоты воздуха въ разныхъ частяхъ земли, и отчего это происходитъ. Водяные осадки, появляющіеся въ атмосферѣ. Грозовыя явленія: молнія и громъ. Объясненія грозы. Три состоянія тѣлъ и переходъ изъ одного состоянія въ другое подъ вліяніемъ нагрѣванія и хлажденія. Вѣсъ тѣлъ и взвѣшиваніе. Вѣсы. Удѣльный вѣсъ и плотность. Земное притяженіе и его направленіе. Отвѣсъ и ватерпасъ. Давленіе на тѣла, погруженныя въ жидкость. Плаваніе тѣлъ. Давленіе атмосферы и понятіе о барометрѣ.

Общія условія,

коимъ должна удовлетворять „Книга для класснаго чтенія во 2-мъ классѣ сельскихъ двухклассныхъ училищъ, съ отдѣломъ по естествовѣдѣнію“:

1) Содержаніе книги должно распадаться на двѣ части, каждая съ своимъ распорядкомъ статей: первая часть должна содержать литературно-художественные образцы, вторая—статьи изъ области естествознанія. При этомъ каждая часть можетъ быть составлена двумя и болѣе лицами и издана отдѣльно, т. е. составить отдѣльный томъ книги для чтенія подъ общимъ заглавіемъ.

2) Рисунки въ книгѣ желательны, но не обязательны. Въ первой части желательно помѣщеніе портретовъ славныхъ отечественныхъ писателей, о которыхъ будутъ даны въ книгѣ біографическія свѣдѣнія; во второй части желательны чертежи и рисунки для объясненія излагаемыхъ свѣдѣній по предметамъ естественныхъ наукъ.

3) Книга должна быть издана съ соблюденіемъ научно-установленныхъ гигіеническихъ требованій, предъявляемыхъ къ учебнымъ книгамъ касательно бумаги, формата (длины строкъ), шрифта и печати. Стихи должны быть напечатаны въ общепринятой формѣ.

4) По объему своему книга не должна быть болѣе 40 печатныхъ листовъ.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія не позже 1-го ноября 1905 г. и могутъ быть, какъ рукописныя, такъ и въ видѣ отпечатанной книги. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени составителя (или составителей) подъ какимъ-либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія составителя и мѣстожительство.

Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи.

IV.

(Продолженіе).

Очеркъ развитія средняго женскаго образованія во второй половинѣ XIX вѣка.

Въ предшествующей главѣ мы видѣли, что состояніе средняго женскаго образованія въ Германіи въ половинѣ только что истекшаго вѣка было очень плохо. Можно сказать, что оно оставалось безъ существенныхъ измѣненій почти вплоть до франко-прусской войны, такъ какъ основаніе лучшаго типа среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній т. наз. höhere Mädchenschulen *), относится, главнымъ образомъ, къ послѣдней четверти XIX вѣка. Благодаря тому, что дѣло женскаго (средняго) образованія продолжало находиться преимущественно въ частныхъ рукахъ, а также вслѣдствіе индифферентнаго, если не подозрительнаго отношенія къ женскому образованію со стороны общественныхъ властей, въ этой сферѣ существовалъ весьма значительный хаосъ, который, во что-бы то ни стало, слѣдовало уничтожить, какъ это не могли не видѣть болѣе прогрессивные элементы нѣмецкаго общества и мыслящая часть самихъ женщинъ.

Вотъ почему организованный въ 1865 г. „Общій Нѣмецкій Женскій Союзъ“ (Allgemeiner Deutscher Frauenverein) обратилъ особое вниманіе на разработку вопросовъ женскаго образованія. Много помогъ дѣлу и тотъ общественный подъемъ, которымъ сопро-

*) Мы называемъ эти учебныя заведенія женскими гимназіями, такъ какъ они наиболѣе близки по своимъ задачамъ и курсу къ нашимъ женскимъ гимназіямъ, хотя въ Германіи женскія учебныя заведенія гимназіями никогда не называются. Въ послѣдующемъ изложеніи мы ознакомимся съ нѣкоторыми фактами, нѣсколько ограничивающими правильность этого общаго положенія.

вождались успѣхи германскаго оружія во второй половинѣ 60-ыхъ и въ началѣ 70-ыхъ годовъ.

Женскія гимназіи стали возникать одна за другой. Города соперничали между собой въ готовности тратить значительныя деньги на постройку удобныхъ и обширныхъ зданій и на обезпеченіе женскихъ гимназій самымъ лучшимъ педагогическимъ персоналомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ центральныя правительства союзныхъ государствъ новой (Германской) имперіи сосредоточили свои заботы на мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, города направили свои средства преимущественно (поскольку вопросъ касается области средняго образованія) на женскія гимназіи. До 1880 г. было основано такимъ образомъ до 180 женскихъ гимназій. Директора женскихъ гимназій *) начали устраивать періодическіе съѣзды для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ женскаго образованія и воспитанія. Къ этому же времени относится появленіе обширной литературы книгъ и журнальныхъ статей по тѣмъ же вопросамъ и по женскому вопросу вообще. Въ цѣляхъ пропаганды женской эмансипиціи и развитія женскаго образованія возникли спеціальныя періодическія изданія и разныя женскія общества **).

Въ это же время стали, наконецъ, дифференцироваться два типа женской средней школы въ Германіи: höhere Mädchenschule и Mädchen Mittelschule, при чемъ первое названіе было даваемо по преимуществу среднимъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ съ болѣе продолжительнымъ курсомъ и съ двумя новыми языками (въ Mittelschule одинъ новый языкъ).

Указываемый нами прогрессъ женскаго образованія совершался помимо всякаго содѣйствія правительственныхъ властей, продолжавшихъ относиться къ вопросу безучастно.

Такое индифферентное отношеніе правительственныхъ властей и частью проистекавшее отъ этого отсутствіе извѣстнаго единства въ организаціи женскихъ гимназій, лишало какой-либо планомѣрности всю систему женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Къ тому же, благодаря указанному безразличному отношенію общественныхъ властей, многія женскія школы присваивали себѣ названіе женскихъ гимназій (höhere Mädchenschule), не имѣя на то никакого права и дискредитируя этимъ отчасти всю постановку женскаго средняго образованія въ глазахъ общества, въ которомъ истинные друзья

---

*) Какъ мы увидимъ ниже, до послѣдняго времени мужчины играли доминирующую роль въ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ тѣхъ, которыя имѣли общественный характеръ.

**) См. заключительныя главы настоящаго труда.

женскаго просвѣщенія, конечно, составляли тогда значительное меньшинство.

Изъ этого положенія могло быть лишь два выхода: или средняя женская школа должна была сама себя реорганизовать и упорядочить, или же за это должны были взяться государственныя власти. На послѣднее, казалось, могло быть больше надежды, такъ какъ общественная инціатива въ Германіи и теперь не отличается особой энергіей и предпріимчивостью (по крайней мѣрѣ, по сравненію, напр., съ Англіей), а тогда эти качества были свойственны нѣмцамъ, въ особенности нѣмецкимъ педагогамъ, въ гораздо меньшей степени.

Однако, правительственныя власти не обращали достаточнаго вниманія на дѣло женскаго образованія, и, такимъ образомъ, инціативу упорядоченія среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній пришлось взять на себя самимъ дѣятелямъ женской школы.

1872 годъ составляетъ важную эпоху въ исторіи женскаго средняго образованія въ Германіи. Въ указанномъ году состоялся въ Веймарѣ, по инціативѣ директора Крейенберга (Kreyenberg), съѣздъ директоровъ, начальницъ, учителей и учительницъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній (общественныхъ и частныхъ) всей Германіи. Подобные съѣзды бывали и ранѣе, но они не имѣли столь разнообразнаго и многочисленнаго состава участниковъ. Задачей съѣзда было обсудить необходимыя реформы, относящіяся къ учебной и воспитательной части женской школы и приведеніе женскихъ учебныхъ заведеній въ нѣкоторую систему.

Въ съѣздѣ участвовали до 164 лицъ, изъ которыхъ треть составляли женщины. Тутъ были люди самыхъ различныхъ мнѣній и направленій, представители общественныхъ и частныхъ, большихъ и малыхъ, хорошихъ и плохихъ женскихъ учебныхъ заведеній всей Германіи.

Предметы занятій съѣзда были формулированы въ 9 тезисахъ, и всѣ эти тезисы послѣ долгихъ и горячихъ преній были приняты съѣздомъ. Тезисы касались программъ преподаванія, возраста учащихся, количества классовъ (продолжительности курса), педагогическаго персонала и его подготовки, необходимости офиціальнаго признанія женскихъ гимназій, а слѣдовательно, и установленія извѣстныхъ условій, при соблюденіи которыхъ за той или иной женской школой можно признать право называть себя гимназіей (höhere Mädchenschule) и т. д.

Надо сказать, что совершившееся не задолго передъ тѣмъ объединеніе Германской Имперіи обратило взоры педагоговъ на полное несоотвѣтствіе въ организаціи женскихъ школъ въ разныхъ

союзныхъ государствахъ. Въ большинствѣ этихъ государствъ женскія гимназіи подлежали вѣдѣнію школьныхъ властей, имѣвшихъ, вообще говоря, своей задачей слѣдить исключительно за начальнымъ образованіемъ (Volksschule), такъ какъ *мужскія* среднія учебныя заведенія составляли особый разрядъ школьной администраціи *). Въ нѣкоторыхъ государствахъ дѣло средняго женскаго образованія находилось на попеченіи духовныхъ властей (Konsistorien); наконецъ, въ иныхъ частяхъ имперіи среднее женское образованіе было всецѣло предоставлено частной инціативѣ при полномъ безучастіи къ нему со стороны правительственныхъ властей.

Курсъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній сотоялъ большей частью изъ слѣдующихъ предметовъ: Законъ Божій, нѣмецкій языкъ, ариѳметика, французскій и англійскій языки, исторія, географія, естествознаніе, рисованіе, пѣніе, чистописаніе, рукодѣлье (гимнастика въ то время не вездѣ была обязательна). Распредѣленіе времени между этими предметами представляло, однако, большое разнообразіе. По статистическимъ даннымъ, составленнымъ на основаніи свѣдѣній, касавшихся 33 женскихъ гимназій (höhere Mädchenschulen), время удѣлявшееся урокамъ Закона Божія, составляло въ разныхъ школахъ отъ 65% до 12,1% всего времени, назначеннаго на классныя занятія, на нѣмецкій языкъ тратилось отъ 16,9% до 25,4%, на французскій отъ 9,7% до 20,4% и т. д. На естественныя науки было вездѣ назначаемо несообразно мало времени (1,7% до 6,2%, въ среднемъ 4,4%) и на рукодѣлье несообразно много (отъ 5,1% до 20,4%, въ среднемъ—11,4%).

Колебанія были-бы гораздо значительнѣе, если-бы статистика не ограничилась только 33 вполнѣ организованными женскими гимназіями, представлявшими къ тому же въ большинствѣ общественныя учебныя заведенія. Вспомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, что въ области средняго женскаго образованія все еще доминировали частныя учебныя заведенія, приспособлявшіяся, какъ это весьма понятно, къ вкусамъ и запросамъ родителей и самихъ учащихся, принадлежащихъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь къ одному общественному классу—буржуазіи.

Веймарскій съѣздъ въ качествѣ результата своихъ записей составилъ записку съ указаніемъ недостатковъ существовавшей организаціи женскаго средняго образованія и способовъ ихъ устраненія. Записка эта была послана правительствамъ каждаго изъ союзныхъ государствъ.

Важнѣйшимъ пожеланіемъ съѣзда было включеніе женскихъ

*) См. нашу книгу „Средняя школа въ Германіи". 1903. Спб.

гимназій въ систему среднихъ учебныхъ заведеній, при чемъ отличительнымъ признакомъ гимназій было предложено считать 10-лѣтній *) курсъ (съ 6 до 16) и обученіе 2 новымъ языкамъ.

Согласно той-же запискѣ педагогическій персоналъ женскихъ гимназій долженъ состоять изъ директора и учителей съ высшимъ образованіемъ и изъ начальныхъ учителей и учительницъ (для младшихъ классовъ). Учителя и учительницы женскихъ гимназій должны. въ общемъ, пользоваться тѣми-же служебными правами, какими пользуются учителя мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Правительство должно выработать нормальный учебный планъ женскихъ гимназій и, включивъ ихъ въ систему среднихъ учебныхъ заведеній, распространить и на нихъ свои заботы, тратя на ихъ содержаніе часть своихъ средствъ, и т. д.

Тѣ женскія учебныя заведенія, которыя не удовлетворяютъ указаннымъ условіямъ, но все-таки по своему курсу превосходятъ уровень народныхъ школъ, надлежитъ отнести къ категоріи „Mittelschulen", выработавъ и для нихъ нормальный планъ при содѣйствіи спеціалистовъ и свѣдущихъ лицъ **).

Таковы были, въ общемъ, пожеланія Веймарскаго съѣзда, имѣвшаго, какъ мы сказали, большое вліяніе на дальнѣйшія судьбы женскаго образованія въ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, частью подъ давленіемъ общественнаго возбужденія, вызваннаго трудами Веймарскаго съѣзда, прусское мин. народн. просвѣщенія въ слѣдующемъ-же году (1873) созвало въ Берлинѣ оффиціальный съѣздъ представителей общественныхъ и частныхъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и женскихъ учительскихъ семинарій для всесторонняго обсужденія нуждъ женскаго образованія.

Этотъ новый съѣздъ сталъ совершенно на ту-же точку зрѣнія, какъ и предшествующій съѣздъ въ Веймарѣ, и пришелъ, въ общемъ, почти къ одинаковымъ выводамъ и пожеланіямъ. Между прочимъ съѣздъ высказался за обязательность въ женскихъ гимназіяхъ (höhere Mädchenschule) второго новаго языка (англійскаго) и гимнастики.

---

*) Въ объясненіе этой цыфры слѣдуетъ сказать, что въ Германіи женскія гимназіи представляютъ собой учебныя заведенія совершенно независимыя отъ начальныхъ народныхъ школъ. Въ первыхъ классахъ этихъ гимназій даются начатки элементарнаго образованія. вслѣдствіе чего эти классы являются, въ сущности, приготовительными классами къ средней школѣ.

**) G. Bäumer. „Geschichte und Stand der Frauenbildung in Deutschland", S. 108—111. См. также Лили Браунъ. „Женскій вопросъ". Спб. 1902, ч. II, глава I.

Къ сожалѣнію, прусское правительство, осуществивъ нѣкоторыя изъ пожеланій только что упомянутыхъ съѣздовъ, скоро охладѣло къ вопросамъ женскаго образованія. Эти вопросы не перестали, однако, занимать общество, чему много содѣйствовало изданіе журнала „Zeitschrift für weibliche Bildung in Schule und Haus“ и основаніе „Общества для распространенія женскаго гимназическаго образованія“ (Verein für das höhere Mädchenschulwesen).

Можно даже утверждать съ извѣстнымъ основаніемъ, что исторія этого послѣдняго общества есть въ значительной мѣрѣ и исторія женскаго образованія въ Германіи. Члены общества съ неутомимой энергіей и усердіемъ преслѣдовали слѣдующія задачи: добиться повсемѣстнаго установленія извѣстной минимальной продолжительности учебнаго курса для права наименоваться женской гимназіей, достичь нѣкотораго единства въ организаціи женскихъ гимназій и оффиціальнаго ихъ причисленія къ системѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

Общество имѣетъ отдѣленія почти во всѣхъ частяхъ Германіи и каждые два года устраиваетъ съѣзды въ какомъ-либо болѣе значительномъ городѣ; на эти съѣзды вносятся извѣстные вопросы, то или иное рѣшеніе которыхъ оказываетъ значительное вліяніе на послѣдующій ходъ развитія женскаго образованія. На каждый съѣздъ приглашаются, помимо членовъ общества, представители министерствъ народнаго просвѣщенія каждаго изъ союзныхъ государствъ, входящихъ въ составъ имперіи.

Членами общества могутъ быть всѣ лица, имѣющія то или иное отношеніе къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ. Дѣлами общества завѣдуетъ правленіе, состоящее изъ представителей филіальныхъ отдѣленій общества, и особый распорядительный комитетъ, избираемый правленіемъ. Женщины принимаютъ участіе во всѣхъ дѣлахъ общества; нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ членами только что упомянутаго комитета. Правительства союзныхъ государствъ относятся, въ общемъ, съ полнымъ интересомъ къ дѣятельности общества, назначая всегда своихъ представителей на организуемые обществомъ съѣзды. Впрочемъ, даже и тѣ правительства, которыя не вполнѣ сочувствуютъ дѣятельности общества, признаютъ самоотверженіе и безкорыстіе его членовъ, имѣющихъ, въ самомъ дѣлѣ, въ виду одну лишь цѣль: содѣйствовать прогрессу женскихъ гимназій въ духѣ принциповъ, выработанныхъ на съѣздѣ въ Веймарѣ.

Задача оказалась не очень легкой. Надежды на прусское правительство не оправдались: сначала оно какъ будто-бы отнеслось очень сочувственно къ идеямъ, выраженнымъ Веймарскимъ и Германскимъ съѣздами, но потомъ охладѣло къ вопросу и стало заниматься другими дѣлами; остальныя союзныя государства Германіи довольно

долго ждали примѣра Пруссіи, и только тогда, когда убѣдились, что имъ, можетъ быть, пришлось-бы ждать этого примѣра слишкомъ долго, рѣшились, наконецъ, проявить свою иниціативу.

Какъ мы видѣли, важнѣйшимъ требованіемъ ревнителей женскаго образованія было включеніе женскихъ гимназій въ разрядъ среднихъ учебныхъ заведеній, путемъ изданія соотвѣтственныхъ законовъ Саксонія первая рѣшила удовлетворить эти требованія въ 1875 г.; за ней послѣдовали Вюртембергъ и Баденъ въ 1877 г., Гессенъ и Брауншвейгъ въ 1876 г. и т. д. Пруссія, однако, до сихъ поръ не выполнила этого справедливаго требованія ревнителей женскаго образованія *).

Много труда пришлось затратить также на рѣшеніе вопроса о положеніи женскаго педагогическаго персонала женскихъ гимназій. Руководящая роль въ женскихъ гимназіяхъ и преподаваніе въ старшихъ классахъ находились въ рукахъ мужчинъ, женщины-же играли подчиненное положеніе и преподавали только въ младшихъ классахъ. Въ 1876 г. были сдѣланы одновременно въ разныхъ частяхъ Германіи серьезныя попытки къ улучшенію положенія женскаго педагогическаго персонала гимназій путемъ предоставленія имъ преподаванія въ старшихъ классахъ, но эти попытки не имѣли успѣха. Надо сказать, впрочемъ, что даже и тѣ мужчины, которые въ принципѣ сочувствовали этимъ попыткамъ, находили ихъ нѣсколько преждевременными, исходя изъ того, что доступныя въ то время для женщинъ учебныя заведенія не могли дать имъ настолько серьезнаго образованія, чтобы имъ можно было поручать преподаваніе въ старшихъ классахъ.

Другія лица, державшіяся того-же мнѣнія, исходили изъ той мысли, что предоставленіе женщинамъ болѣе отвѣтственнаго положенія въ женскихъ гимназіяхъ, при господствовавшемъ въ то время взглядѣ на женщинъ, могло еще болѣе подорвать авторитетъ этихъ учебныхъ заведеній и затруднить достиженіе главной цѣли—признаніе женскихъ гимназій за учебныя заведенія, соотвѣтствующія въ отношеніи уровня сообщаемаго образованія мужскимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ.

Какъ мы увидимъ ниже, съ теченіемъ времени произошли значительныя перемѣны въ условіяхъ подготовки женщинъ-учительницъ, и такимъ образомъ, приведенныя выше возраженія потеряли свое значеніе. Кромѣ того, нѣмецкія женщины, занимавшіяся педагогической дѣятельностью и получившія образованіе при прежнихъ условіяхъ, своимъ упорнымъ трудомъ, усиленными занятіями въ часы

*) Gertrud Bäumer, цитиров. сочинен., стр. 114

своего небольшого досуга сумѣли доказать, что онѣ не только могутъ быть терпимы, но что онѣ даже крайне желательны въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій.

Въ 1886 г. прусское правительство совершенно неожиданно какъ будто стало снова проявлять интересъ къ судьбамъ женскаго образованія. Прусское министерство народнаго просвѣщенія выработало „Нормальные учебные планы для женскихъ гимназій гор. Берлина" и передало ихъ на обсужденіе вышеупомянутому „Обществу для распространенія женскаго гимназическаго образованія" *).

На съѣздъ, созванный „Обществомъ" въ Берлинѣ, прибылъ самъ министръ, обратился съ любезными словами къ собранію, приглашая его свободно высказываться по поводу „нормальныхъ учебныхъ плановъ" и обѣщая свое посильное содѣйствіе къ проведенію въ жизнь заключеній собранія. Общество въ основныхъ чертахъ одобрило эти планы, найдя въ нихъ лишь одинъ серьезный недостатокъ: ограниченіе курса гимназіи девятью годами, вмѣсто десяти, что, по мнѣнію съѣзда, должно было затруднить серьезную постановку преподаванія.

Какъ-бы то ни было, изъ этой первой попытки прусскаго правительства составить нормальный учебный планъ женскихъ гимназій ничего не вышло, такъ какъ въ министерствѣ вскорѣ восторжествовали опять реакціонныя вѣянія. Дѣло въ томъ, что прусское правительство боялось, какъ-бы дѣятели женскаго образованія не зашли въ своемъ усердіи слишкомъ далеко и не оказали вреднаго вліянія на женскій характеръ. Консервативные элементы нѣмецкаго общества относились вполнѣ отрицательно ко всякимъ идеямъ, имѣющимъ связь съ т. наз. женской эмансипаціей. Значительная часть германскаго общества относилась къ вопросу о женскомъ образованіи, если не враждебно, то индифферентно. При такихъ условіяхъ прусскому правительству нельзя было, конечно, разсчитывать на то, чтобы оно могло провести законъ объ офиціальномъ признаніи женскихъ гимназій въ качествѣ учебныхъ заведеній одного разряда съ мужскими гимназіями, о чемъ такъ хлопотали ревнители женскаго образованія.

Нѣмецкія женщины, однако, не смущались такимъ настроеніемъ общества и въ особенности офиціальныхъ сферъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1887 г. нѣкоторое число жительницъ Берлина подали въ рейхстагъ и въ прусское министерство народнаго просвѣщенія петиціи, въ которыхъ указывалось на необходимость серьезныхъ реформъ въ области женскаго средняго образованія. При петиціи была приложена

---

*) Verein für das höhere Mädchenschulwesen.

мотивированная записка знаменитой дѣятельницы на поприщѣ женскаго образованія Елены Ланге *).

Въ этой запискѣ подробно разбиралась существующая постановка учебнаго дѣла въ женскихъ гимназіяхъ, поверхностность сообщаемыхъ ученицамъ знаній, жалкая роль, на которую были обречены учительницы въ женскихъ гимназіяхъ и т. д. Однако, всѣ эти усилія оставались безуспѣшны. „Подождите", „не пришло еще время"—такъ можно вкратцѣ характеризовать отвѣты германскихъ руководящихъ сферъ на всѣ просьбы о реформѣ женскаго образованія вплоть до средины 80-ыхъ годовъ.

При всемъ томъ на съѣздѣ членовъ „Общества для распространенія женскаго образованія", происходившемъ въ 1890 г. въ Гейдельбергѣ, было прочитано много докладовъ, изъ которыхъ было видно, что дѣло женскаго образованія идетъ быстро впередъ и что, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, женщины завоевываютъ себѣ все болѣе и болѣе значительную роль въ женскихъ гимназіяхъ. По поводу одного изъ докладовъ, съѣздъ единогласно принялъ резолюцію, гласившую, что участіе женщинъ въ преподаваніи въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій безусловно необходимо и что поэтому правительство должно озаботиться организаціей какихъ-либо способовъ для подготовки женщинъ къ этой серьезной роли. Въ виду болѣе успѣшной пропаганды какъ этого, такъ и другихъ вопросовъ женскаго образованія, было организовано тогда-же особое „Общество женщинъ-учительницъ" (Allgemeiner Deutscher Lehrerinverein), въ которомъ руководящую роль играла съ самаго начала уже не разъ упомянутая Елена Ланге и Марія Леперъ-Уссель (Loeper-Housselle), пріобрѣвшая себѣ извѣстность изданіемъ основаннаго въ 1884 г. журнала „Die Lehrerin in Schule und Haus".

Новое общество задалось, между прочимъ, цѣлью добиться повышенія офиціальнаго авторитета и матеріальнаго положенія женщинъ-учительницъ, равно какъ и усиленія участія женщинъ въ народномъ образованіи вообще и въ области женскаго средняго образованія въ особенности. Успѣхъ общества превзошелъ, вѣроятно, самыя смѣлыя ожиданія его организаторовъ: въ первый-же годъ записались членами до 3,000 лицъ (въ настоящее время въ обществѣ насчитывается до 16,000 членовъ). Скажемъ кстати, что однимъ изъ результатовъ дѣятельности общества можно съ значительнымъ осно-

*) Напомнимъ читателю, что г-жа Ланге—главный редакторъ четырехтомной энциклопедіи „Handbuch der Frauenbewegung", послужившей основаннымъ источникомъ для настоящей работы.

ваніемъ считать организацію особыхъ научныхъ курсовъ для женщинъ въ Берлинѣ въ 1890 г. и въ Геттингенѣ въ 1893 г. *).

31 мая 1894 г. составляетъ важную эпоху въ исторіи женскаго образованія въ Германіи. Въ этотъ день прусскій министръ народнаго просвѣщенія издалъ весьма важныя „Постановленія касательно женскаго образованія, подготовки и экзамена учительницъ“ (Bestimmungen über das Mädchenschulwesen, die Lehrerinbildung und die Lehrerinnenprüfungen). Эти постановленія имѣли большое вліяніе на судьбы женскаго образованія не только въ одной Пруссіи, но и во всей Германіи, для которой примѣръ прусскаго правительства имѣетъ всегда и во всемъ большое значеніе.

Постановленія составили первый серьезный шагъ въ опредѣленіи положенія женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ они требовали соблюденія извѣстныхъ нормъ, касающихся разныхъ сторонъ учебной и воспитательной части, гигіеническихъ условій и т. д. Вотъ главныя изъ постановленій этого рода.

1. „Число ученицъ въ классѣ не должно превосходить 40“.

2. „Площадь пола классной комнаты должна составлять, по меньшей мѣрѣ, 0,8 кв. метр. на ученицу, будучи, въ общемъ, не менѣе 24 кв. метровъ при достаточной вышинѣ. Всякая классная комната должна имѣть достаточно свѣта и свѣжаго воздуха; окна должны имѣть занавѣски для защиты отъ яркаго солнечнаго свѣта. Свѣтъ долженъ быть слѣва, сидѣнья должны быть приспособлены къ росту ученицъ и такъ устроены, чтобы классныя занятія ученицъ не отзывались дурно на ихъ здоровьѣ. Вѣшалки для платьевъ должны быть въ коридорахъ внѣ классныхъ комнатъ“.

3. „Учебныя заведенія, имѣющія семь или болѣе классовъ, должны имѣть особыя подходящія помѣщенія для занятій рисованіемъ, пѣніемъ и гимнастикой“...

4. „Каждое учебное заведеніе должно имѣть достаточной величины садъ, дворъ или какое либо иное мѣсто, гдѣ ученицы моглибы играть во время перемѣны“.

5. „Каждое учебное заведеніе должно имѣть ученическую библіотеку съ подходящимъ подборомъ книгъ“.

6. „Для цѣлей обученія, въ учебномъ заведеніи должны быть:

a) по меньшей мѣрѣ, по одному экземпляру всѣхъ учебниковъ и пособій, употребляемыхъ при преподаваніи,

b) по крайней мѣрѣ, одинъ глобусъ,

c) необходимыя пособія для нагляднаго преподаванія, географи-

---

*) См. объ этомъ ниже.

ческія карты, орнаменты, кабинетъ съ естественно-научными коллекціями и физическими приборами,

d) піанино,

e) во всѣхъ классахъ долженъ быть журналъ, въ которомъ учитель отмѣчаетъ пройденное въ теченіе урока и то, что имъ задано къ слѣдующему уроку".

„Сверхъ этого, у каждаго учителя долженъ быть списокъ ученицъ, гдѣ должны быть отмѣчаемы особыя работы, задаваемыя отдѣльнымъ ученицамъ".

„Въ классѣ долженъ быть отдѣльный журналъ, гдѣ отмѣчаются случаи лѣни или небрежности учащихся и наложенныя на нихъ наказанія".

„Директоръ обязанъ вести дневникъ всѣхъ событій школьной жизни и списокъ всѣхъ учащихся".

f) „Слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы учащимся приходилось покупать возможно менѣе учебниковъ и пособій. Выборъ учебниковъ и пособій долженъ быть сдѣланъ такимъ образомъ, чтобы не приходилось къ нимъ дѣлать какихъ нибудь добавленій путемъ диктовокъ и пр."

7. „Каждая ученица, поступая въ школу, получаетъ списокъ необходимыхъ учебниковъ и пособій; такой же списокъ дается каждой ученицѣ при переходѣ изъ класса въ классъ. Ученицамъ не слѣдуетъ позволять покупать даже и по своей доброй волѣ учебниковъ и всякихъ иныхъ пособій кромѣ тѣхъ, которые указаны въ упомянутыхъ спискахъ".

8. „Желательно, чтобы ученицы имѣли по два экземпляра учебниковъ и пособій, что избавило-бы ихъ отъ необходимости носить ежедневно книги въ школу и домой. Ученическіе ранцы слѣдуетъ отъ времени до времени осматривать, чтобы предотвратить возможность обремененія ученицъ непосильной тяжестью."

9. „Максимальное число уроковъ на первомъ году обученія—18, на второмъ 20, на третьемъ 22, на четвертомъ 28 и въ слѣдующіе годы по 30. Всѣ предметы обученія обязательны".

10. „При составленіи расписанія уроковъ слѣдуетъ на время наибольшаго свѣта назначать занятія, требующія непрестанной работы зрѣнія (чтеніе, письмо, рисованіе, географія, рукодѣлье). Законъ Божій по возможности надо ставить на первый часъ".)

---

*) Что въ Германіи возможно, такъ какъ тамъ преподаваніемъ Закона Божія занимаются обыкновенные учителя и учительницы.

„Предметы, требующіе наибольшаго умственнаго напряженія, не должны слѣдовать одинъ за другимъ“.

11. „Между уроками должны быть перемѣны въ 10 минутъ, а послѣ второго и четвертаго урока въ 15 минутъ“ (такимъ образомъ, самые уроки продолжаются отъ 45 до 50 минутъ).

12. „Наиболѣе напряженная работа учащихся должна быть въ классѣ. На домъ должны быть задаваемы лишь такіе уроки, которые разработаны уже въ классѣ и для исполненія которыхъ не нужна посторонняя помощь. Продолжительность домашней работы не должна превышать для младшихъ классовъ одного часа, для среднихъ—полутора часовъ и для старшихъ—двухъ часовъ въ день“.

13. „Не слѣдуетъ давать работъ на вакантное время, даже для желающихъ“.

14. „Запрещается назначать какіе-либо уроки въ качествѣ наказанія“.

15. „Родители должны получать не менѣе, чѣмъ каждые полгода, свидѣтельства, удостовѣряющія поведеніе ихъ дѣтей и успѣхи по всѣмъ предметамъ преподаванія“.

Не останавливаясь на дальнѣйшихъ постановленіяхъ, касающихся внутренняго распорядка женскихъ учебныхъ заведеній, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ постановленіяхъ, которыя затрогиваютъ другія стороны женскаго образованія, наиболѣе интересовавшія вышеупомянутое Общество распространенія женскаго гимназическаго образованія (Verein f. d. höhere Mädchenschulwesen).

Въ общемъ можно сказать, что прусское министерство народнаго просвѣщенія рѣшило, наконецъ, исполнить нѣкоторыя важнѣйшія желанія Общества. Такимъ образомъ, въ постановленіяхъ въ первый разъ было дано офиціальное опредѣленіе женской гимназіи (höhere Mädchenschule): она должна имѣть не менѣе семи классовъ; курсъ долженъ продолжаться не менѣе 9 лѣтъ; педагогическій персоналъ долженъ состоять изъ мужчинъ съ университетскимъ образованіемъ и учительницъ, получившихъ спеціальную подготовку для преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ; въ число предметовъ преподаванія должно входить не менѣе двухъ новыхъ языковъ.

Гимназіи, организовавшія у себя десятилѣтній курсъ, могутъ оставаться съ таковымъ и впредь.

Надо сказать по этому поводу, что нѣмецкія женщины весьма усердно добивались установленія болѣе продолжительнаго курса для женскихъ гимназій, вслѣдствіе чего многія изъ нихъ очень жалѣли, что выше приведенныя постановленія допустили какъ норму девятилѣтній, а не десятилѣтній курсъ. Такія стремленія женщинъ объясняются слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ періодъ обязательнаго

обученія начинается въ Пруссіи съ 6 лѣтъ и такъ какъ образованіе въ женскихъ гимназіяхъ идетъ сначала параллельно начальной школѣ, установленіе для гимназіи 9-лѣтняго курса давало дѣвушкамъ возможность окончить среднее образованіе 15-ти лѣтъ, что конечно слишкомъ рано для мало-мальски серьезныхъ занятій. Это соображеніе тѣмъ болѣе важно, что въ нѣмецкихъ мужскихъ гимназіяхъ большинство оканчиваетъ курсъ 18—19 лѣтъ и старше, а цѣль ревнителей и ревнительницъ женскаго образованія заключалась, между прочимъ, и въ томъ, чтобы добиться уравненія правъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, что было-бы невозможно при столь раннемъ окончаніи курса дѣвицами.

Въ силу тѣхъ-же постановленій возрастъ, съ которымъ были допускаемы впредь къ экзамену дѣвицы, желающія пріобрѣсть право учительницъ, былъ повышенъ съ 16 до 19 лѣтъ и самое испытаніе стало болѣе серьезнымъ. Еще болѣе важнымъ было введеніе особаго научнаго испытанія на высшій педагогическій дипломъ, который давалъ право преподаванія въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій*).

Наконецъ, согласно новымъ постановленіямъ, въ каждой женской гимназіи одну изъ учительницъ старшихъ классовъ надлежало назначить помощницей**) директора (Gehilfin).

При всемъ томъ женскія гимназіи и послѣ изданія изложенныхъ постановленій не были признаны учебными заведеніями той-же категоріи, какъ и мужскія гимназіи или реальныя училища. Какъ было упомянуто выше, Пруссія не сдѣлала этого и до сихъ поръ, вслѣдствіе чего женскія гимназіи въ Пруссіи и теперь еще подлежатъ вѣдѣнію тѣхъ школьныхъ властей, которыя въ отношеніи мужскихъ учебныхъ заведеній завѣдуютъ лишь народными школами. Правда, прусское правительство сдѣлало нѣкоторыя уступки въ занимающемъ насъ вопросѣ, наградивъ званіемъ „профессоровъ" нѣкоторыхъ изъ *преподавателей* женскихъ гимназій, что ранѣе дѣлалось лишь относительно болѣе заслуженныхъ и даровитыхъ преподавателей мужскихъ гимназій***).

Только въ 1899 г. прусскій министръ народнаго просвѣщенія особымъ циркуляромъ разрѣшилъ перейти въ вѣдѣніе „Provinzial-Schulkollegium'овъ", т. е. административныхъ учрежденій, завѣдующихъ среднимъ образованіемъ, тѣмъ изъ женскихъ гимназій, при

---

*) См. объ этомъ ниже.

**) Особой задачей этой помощницы считается „содѣйствіе директору при разрѣшеніи вопросовъ воспитанія". G. Bäumer. „Geschichte und Stand der Frauenbildung in Deutschland, S. 121.

***) См. нашу книгу. „Средняя школа въ Германіи". 1902.

которыхъ состоятъ педагогическіе курсы (Seminar) въ виду неудобства отнесенія общей части учебнаго заведенія (Seminar), въ отношеніи контроля одной власти (Provinzial-Schulkollegium) и другой части (гимназическихъ классовъ) того-же учебнаго заведенія—другой власти*) (завѣдующій начальнымъ образованіемъ).

П. Г. Мижуевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

*) См. первое приложеніе къ цитированной монографіи Miss Mary Lyster.

Записки домашняго учителя.

(*Продолженіе*).

III.

За десять лѣтъ своей педагогической дѣятельности въ качествѣ домашняго учителя мнѣ пришлось познакомиться довольно близко съ семьями самаго разнообразнаго типа и общественнаго положенія. Были семьи интеллигентныя и почти нетронутыя культурой, очень богатыя и семьи средняго достатка; дворянскія, чиновничьи, буржуазныя, православныя и инославныя, коренныя русскія и инородческія: польскія, нѣмецкія, еврейскія. Въ дѣлѣ воспитанія своихъ подрастающихъ поколѣній каждая семья обнаруживала свой особый характеръ, свой собственный специфическій колоритъ. Оттѣнки его постоянно колебались и видоизмѣнялись въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ условій, въ какихъ находилась данная семья; но общій тонъ картины домашняго „семейнаго" воспитанія оставался вездѣ одинъ и тотъ-же. За исключеніемъ очень немногихъ семействъ, которыя можно было назвать въ полномъ смыслѣ „интеллигентными семьями", въ большинствѣ случаевъ семейная атмосфера, въ которой растетъ и складывается молодое русское поколѣніе, оказывалась до такой степени удушливой и такъ мало отвѣчающей самымъ скромнымъ педагогическимъ требованіямъ, какія въ правѣ предъявлять къ семьѣ каждый домашній учитель, что по временамъ совершенно опускались руки отъ сознанія своего полнаго безсилія и одиночества, отъ мысли, что всѣ самые благіе воспитательные порывы и начинанія должны разбиться, какъ о каменную стѣну, о толстую кору „семейнаго эгоизма", являющагося однимъ изъ типичнѣйшихъ признаковъ современной русской семьи...

Въ своихъ „Запискахъ учителя гимназіи" я уже имѣлъ случай указать на то, какъ далека отъ желательнаго идеала постановка въ Россіи дѣла семейнаго воспитанія. Болѣе близкое, непосредственное соприкосновеніе и знакомство съ послѣднимъ только подтвердили мои

первоначальные заключенiе и выводы, говорящiе далеко не въ пользу современной семьи. Я совсѣмъ не сторонникъ господствующей системы школьнаго воспитанiя; но думаю, что значительная доля ея слабыхъ сторонъ и недочетовъ обязана своимъ существованiемъ исключительно нездоровой нравственной атмосферѣ, которой дышатъ дѣти въ семьѣ, раньше чѣмъ поступятъ въ школу. Нельзя сваливать всѣ „грѣхи" воспитанiя только на школу, когда самую главную и бо́льшую часть своей жизни дѣти проводятъ въ семьѣ, на глазахъ родителей, а не ихъ офицiальныхъ воспитателей и наставниковъ. Не высокъ этическiй уровень послѣднихъ, но не можетъ похвастаться его высотой и семья, все зданiе которой построено на узко-эгоистическихъ основахъ, вся атмосфера которой пропитана ароматомъ себялюбивой обособленности. Еще покойный К. Д. Ушинскiй, говоря о нравственномъ воспитанiи русскаго юношества, указывалъ на то, что большинство нашихъ „интеллигентныхъ" матерей молятся исключительно о здоровьѣ своихъ дѣтей, полагая все ихъ счастье въ богатствѣ, чинахъ, крестахъ и т. п. „vanitées; интересы же государства, родного народа, науки, литературы и всего того, что такъ или иначе способствуетъ улучшенiю общественной жизни и развитiю въ людяхъ альтруистическихъ началъ, все это является въ ихъ глазахъ совершенно излишними и потому не заслуживающими никакого вниманiя, „посторонними" обязательствами. „Семейный эгоизмъ", о которомъ уже начали раздаваться голоса и въ перiодической печати,—сводя конечную цѣль всякаго образованiя и воспитанiя къ одному матерiальному благополучiю человѣка, несомнѣнно является одной изъ главнѣйшихъ причинъ низкаго нравственнаго уровня извѣстной части нашей молодежи. Къ глубокому сожалѣнiю, эта язва русскаго домашняго воспитанiя съ особеннымъ старанiемъ культивируется и всѣми мѣрами поддерживается въ большинствѣ случаевъ самими матерями семействъ,—какъ совершенно справедливо указывается на это въ интересной статьѣ о „семейномъ эгоизмѣ", помѣщенной въ № 258 „С.-Петербург. Вѣдомостей" за 1903 годъ. „Получивъ, за весьма рѣдкими исключенiями, поверхностное образованiе,—говоритъ авторъ этой статьи—г. Д. В. Өедоровъ,—и будучи недостаточно развитыми для того, чтобъ понимать глубокое значенiе общественнаго блага и труда на пользу своихъ ближнихъ, подобныя матери бываютъ серьезно убѣждены въ томъ, что не только все государственное устройство, но даже весь мiръ существуютъ исключительно для ихъ дѣтей. Если семья богата и дѣти вполнѣ обезпечены въ матерiальномъ отношенiи, то чуть не съ первыхъ моментовъ ихъ сознанiя домашнiе твердятъ имъ о томъ „влiянiи" и „высокомъ общественномъ положенiи", какого можетъ добиться образованный

человѣкъ; если это—семья средняго достатка, то дѣтямъ то и дѣло напоминаютъ о томъ сытомъ, обезпеченномъ существованіи, которое ожидаетъ ихъ впереди, „если они будутъ хорошо учиться"... Въ этомъ отношеніи наша крестьянская семья стоитъ гораздо выше средней интеллигентной. „Учись, сынокъ, грамотѣ,—человѣкомъ будешь"... говоритъ умный крестьянинъ своему сынишкѣ, опредѣляя его въ сельскую школу; ему не придетъ и въ голову сказать: „старайся получать, мой милый, хорошія отмѣтки,—выростешь—инженеромъ, докторомъ сдѣлаешься, большія деньги зарабатывать будешь"... И до тѣхъ поръ, пока въ самомъ строѣ современной семьи не совершится серьезнаго и рѣшительнаго переворота отъ „эгоизма" въ сторону альтруистическаго начала, всякіе толки и разговоры о нравственно-воспитательномъ вліяніи школы будутъ оставаться только пустыми разговорами, не могущими дать никакихъ практическихъ послѣдствій. Какъ-бы совершенно ни была поставлена школа въ воспитательномъ отношеніи, она никогда не можетъ замѣнить семьи, вліяніе которой охватываетъ ребенка со всѣхъ сторонъ, проникаетъ все его существо. Въ освѣженіи нравственной атмосферы семьи надо искать источниковъ оздоровленія и школьной атмосферы, находящейся въ самой тѣсной зависимости отъ первой. Плохой уходъ за растеніемъ, пока оно находится еще въ оранжереѣ, обыкновенно влечетъ за собой гибель или, по меньшей мѣрѣ—неправильное развитіе растенія, когда потомъ пересаживаютъ его изъ теплицы подъ открытое небо, гдѣ открытъ свободный доступъ самымъ разнообразнымъ внѣшнимъ вліяніямъ...

Разставшись съ семьей Цивинскихъ, я долго не могъ найти подходящихъ для себя учительскихъ занятій и переживалъ все это время довольно трудные для себя дни. Я уже началъ тогда писать изрѣдка въ газетахъ; но небольшія статейки, которыя изрѣдка благосклонно печатали столичныя редакціи, давали такъ мало, что я съ трудомъ сводилъ концы съ концами въ своемъ скромномъ бюджетѣ. Наконецъ, благодаря любезности директора одной изъ столичныхъ гимназій, я получилъ урокъ въ нѣмецкомъ семействѣ Ш—гъ.

Это была семья богатаго фабриканта, жившая въ окрестностяхъ Петербурга. Ш. предложили мнѣ заниматься съ ихъ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ 13—14, котораго надо было приготовить въ теченіе года къ поступленію въ 4-й классъ классической гимназіи. Заниматься надо было не менѣе 4-хъ часовъ въ день по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, за исключеніемъ нѣмецкаго языка и Закона Божьяго (лютеранскаго). Кромѣ того, для родителей мальчика „было желательно", чтобы я „немного присматривалъ" за нимъ, когда сами Ш. уѣзжали въ Петербургъ (а это случалось довольно

часто) и мальчикъ оставался на попеченіи француженки-гувернанки, которой онъ совершенно „не признавалъ“. Мое „присматриванье“ за мальчикомъ не было гувернерствомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, но все-таки должно было взять у меня часть времени и силъ и не могло не стѣснять меня въ распоряженіи моимъ досугомъ. За всѣ эти занятія Ш. предложили мнѣ 50 руб. въ мѣсяцъ. Это было, конечно, болѣе чѣмъ скромно, въ особенности для богатыхъ людей, имѣвшихъ свой выѣздъ и цѣлую орду домашней прислуги, но Ш. объяснили мнѣ, что такой именно гонораръ получалъ занимавшійся съ мальчикомъ мой предшественникъ, и я не сталъ торговаться. Мы заключили письменное условіе (нѣмецкая аккуратность!) и съ 1-го октября я долженъ былъ переѣхать въ ихъ домъ, находившійся при фабрикѣ, верстахъ въ 25-ти отъ столицы. Помимо желанія имѣть учительскія занятія вблизи Петербурга, на мое согласіе принять предложеніе Ш. повліяла еще и надежда на то, что, живя въ нѣмецкомъ семействѣ, я могу основательно изучить нѣмецкій языкъ, практическое знаніе котораго должно было весьма пригодиться мнѣ въ виду задуманнаго мною тогда перваго путешествія за-границу. Для „бывшаго учителя гимназіи“ такой урокъ въ матеріальномъ отношеніи не представлялъ особеннаго интереса, но онъ давалъ мнѣ возможность близко познакомиться съ совершенно новымъ для меня міромъ нѣмецкой буржуазіи, выросшей на русской почвѣ...

При близкомъ знакомствѣ семья моихъ новыхъ принципаловъ оказалась дѣйствительно интересной семьей въ смыслѣ матеріала для наблюденія. Состояла она изъ двухъ поколѣній—„отцовъ“, положившихъ основаніе фабрикѣ, и „дѣтей“, являвшихся теперь и руководителями ея, и фактическими хозяевами. Старики жили уже „на покоѣ“, въ отдѣльномъ флигелѣ, и не вмѣшивались въ управленіе фабрикой, которой завѣдывалъ, въ качествѣ директора, отецъ моего ученика. Но авторитетъ родительской власти въ этомъ семействѣ, жившемъ еще чисто-патріархальными устоями, былъ настолько силенъ, что директоръ фабрики не принималъ ни одного серьезнаго рѣшенія, не посовѣтовавшись предварительно со своими „стариками“. Въ болѣе же важныхъ случаяхъ во флигелѣ собирался полный семейный совѣтъ, на который съѣзжались изъ Петербурга и его окрестностей всѣ многочисленные представители этого семейства, стоявшіе во главѣ самыхъ разнообразныхъ промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій. Постановленія этого своеобразнаго „совѣта“ имѣли для его участниковъ обязательную силу; этотъ же „совѣтъ“ разбиралъ, въ качествѣ высшей инстанціи, и всякаго рода недоразумѣнія, иногда возникавшія между отдѣльными членами семьи, насчитывавшей въ общемъ около пятидесяти душъ. Пришлось предста-

виться и мнѣ этимъ „старикамъ", какъ только было подписано наше условіе, и приглашеніе мое въ качествѣ домашняго учителя въ семью средняго сына ихъ Карла Фридриховича можно было считать состоявшимся. „Самъ" произвелъ на меня впечатлѣніе самаго зауряднаго нѣмецкаго колониста, какихъ мнѣ часто приходилось видѣть на Волгѣ и на югѣ Россіи; онъ былъ еле грамотнымъ и, повидимому, ничѣмъ не интересовался, кромѣ семейныхъ и фабричныхъ дѣлъ и мелкихъ политическихъ и общественныхъ сплетенъ, которыя аккуратно вычитывалъ каждый день изъ одной маленькой нѣмецкой газетки. „Сама",—женщина лѣтъ подъ 60, представляла вполнѣ соотвѣтствующую „другую половину" своего супруга, отличаясь, впрочемъ, нѣсколько бо̀льшей, чѣмъ онъ, широтой своего умственнаго горизонта. По-русски она почти совсѣмъ не говорила и была, повидимому, очень обрадована, когда я заговорилъ съ нею по-нѣмецки. Проживъ всю жизнь въ Россіи, подъ самой ея столицей, наживъ здѣсь все свое состояніе, эти люди не позаботились даже о томъ, чтобъ научиться говорить на языкѣ страны, которой они были обязаны столь многимъ. Сперва меня это крайне поражало и удивляло, но впослѣдствіи, когда я познакомился въ Петербургѣ черезъ это семейство со многими другими нѣмецкими семьями, такъ же, какъ и „старики" Ш., совершенно не владѣвшими русскимъ языкомъ, то пересталъ этому удивляться. Только у насъ на Руси, кажется, и возможны подобныя общественныя аномаліи...

„Молодые" Ш., съ старшимъ мальчикомъ которыхъ „Вилей" (Вильгельмомъ) мнѣ предстояло теперь начать занятія по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, уже обнаруживали нѣкоторый интересъ и къ русской литературѣ и къ русской общественной жизни. Правда, интересъ этотъ былъ не особенно высокаго достоинства, но объяснялось это скорѣе ограниченнымъ образованіемъ супруговъ Ш., чѣмъ какими-либо другими причинами и соображеніями. Карлъ Фридриховичъ получилъ „домашнее воспитаніе" и потому не могъ похвастаться ни своимъ развитіемъ, ни знакомствомъ съ той областью человѣческихъ интересовъ, которые не имѣли прямого и близкаго отношенія къ его фабрикѣ. Въ общемъ, это былъ типичный „Geschäftsmann", какимъ только и можетъ быть развѣ одинъ нѣмецъ. Жена его—Амалія Эдуардовна была и образованнѣе, и вообще „интереснѣе" своего мужа, какъ человѣкъ. Будучи дочерью богатаго негоціанта, она получила прекрасное воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ частныхъ пансіоновъ столицы, прекрасно владѣла англійскимъ и французскимъ языками и много читала на этихъ языкахъ. Ей было уже за тридцать лѣтъ, но она такъ удивительно хорошо сохранилась, что ей нельзя было дать больше 25-ти. Трудно было по-

вѣрить и тому, что, кромѣ мальчика Вили, у нея было еще четыре дѣвочки, изъ которыхъ двѣ были близнецами. Въ характерѣ этой прекрасной женщины, крайне доброй и отзывчивой, было много привлекательнаго и симпатичнаго, напоминавшаго скорѣе славянскія, чѣмъ германскія черты. Удушливая атмосфера замкнутой буржуазной семьи замѣтно тяготила Амалію Эд—ну, и она инстинктивно рвалась изъ нея на свѣжій воздухъ, но такіе порывы стоили ей большихъ усилій, а иногда вызывали и серьезныя непріятности со стороны „стариковъ", зорко слѣдившихъ за каждымъ шагомъ молодой женщины. Имъ все казалось, что мужъ держитъ ее не достаточно строго и что независимый, смѣлый характеръ ихъ восторженной, вѣчно-увлекающейся невѣстки совершенно не гармонируетъ съ патріархальными устоями „честной нѣмецкой семьи". Своего первенца Вилю Амалія Эд—на любила до безумія и не разъ говорила мнѣ, что умретъ съ отчаянія и горя, если съ нимъ случится какое-либо несчастье.

А несчастье, дѣйствительно, всегда могло легко случиться, потому что мальчикъ отличался крайне слабымъ здоровьемъ и такой нервностью, которая заставляла серьезно задумываться о будущности этого мальчика. Какъ ученикъ, онъ представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ самый неблагодарный матеріалъ: ни способностей, ни усидчивости, ни малѣйшей привычки къ сколько-нибудь систематическому труду у мальчика не было. Въ довершеніе всего, онъ почти ничего не читалъ, не любилъ читать и былъ удивительно мало для своихъ лѣтъ развитъ въ умственномъ отношеніи. Причиной этого было отчасти его слабое здоровье, но, главнымъ образомъ, избалованность мальчика его родителями, нечаявшими въ сынѣ души и относившимися болѣе, чѣмъ снисходительно, къ его упорному равнодушію ко всякому ученью, были-ли это „учебные предметы", гимнастика или музыка. Этимъ же „попустительствомъ" надо было объяснить и тотъ скудный запасъ свѣдѣній, какой я нашелъ у мальчика, когда познакомился съ нимъ ближе. Его учебныя занятія съ моимъ предшественникомъ были прекращены еще весною, и такъ какъ съ тѣхъ поръ и до глубокой осени, т. е. въ теченіе пяти почти мѣсяцевъ, мальчикъ не бралъ, что называется, книги въ руки, то за это время успѣли испариться изъ его головы и тѣ жалкіе обрывки знаній, какіе были усвоены раньше. Мнѣ приходилось, такимъ образомъ, начинать почти „съ начала", т. е. чуть не съ азбуки, такъ какъ мой ученикъ совсѣмъ не умѣлъ писать по-русски и дѣлалъ на страницѣ обыкновеннаго диктанта по 10—15 грубыхъ ошибокъ. Не лучше обстояло дѣло и съ латинскимъ языкомъ: въ гимназической программѣ тогда еще на первомъ планѣ стояли пресловутыя „extem-

poralia“, и потому на переводы съ русскаго языка на латинскій предстояло обратить особенное вниманіе. Первыя письменныя работы моего новаго ученика на латинскомъ языкѣ были такъ плохи, что для меня казалось совершенно непонятнымъ, какъ съ такими познаніями мальчикъ могъ выдержать весною экзаменъ въ 3-й классъ гимназіи, и не только выдержать, а даже получить, къ великой радости его почтенныхъ родителей по четверкѣ какъ по русскому, такъ и по латинкому языку. Но мало-ли какихъ курьезовъ ни приходится наблюдать въ жизни нашей средней школы, особенно въ области „испытаній“, которымъ подвергаются поступающія въ нее дѣти!..

Занятія по греческому языку пошли у насъ на первыхъ порахъ какъ будто нѣсколько успѣшнѣе остальныхъ предметовъ (должно быть—вслѣдствіе новизны предмета), но зато ариѳметика и алгебра совершенно не давались мальчику. При крайней своей разсѣянности при поразительно-слабой памяти, мальчикъ съ трудомъ справлялся съ самой простой математической задачкой и по временамъ приводилъ меня въ полное отчаяніе своей неспособностью въ этой области. На каждомъ шагу чувствовалось, что занятія съ нимъ, съ самаго начала ихъ, велись до того безтолково, что у мальчика не выработалось никакого „навыка“ въ нихъ, столь необходимаго для успѣшнаго хода занятій. Крайне слабыми оказались свѣдѣнія Вили по географіи и съ большими усиліями усваивалась имъ исторія, начинавшаяся по старой гимназической программѣ съ 3-го класса. Успѣшнѣе всего шли занятія французскимъ языкомъ, но и то потому только, что мальчикъ занимался этимъ языкомъ уже много лѣтъ и довольно хорошо говорилъ на немъ. При такихъ условіяхъ нечего было и думать о томъ, чтобъ приготовить Вилю къ веснѣ къ поступленію въ 4-й классъ гимназіи. Во избѣжаніе могущихъ возникнуть недоразумѣній и чтобы не обманывать родителей своего ученика несбыточными мечтами, я тогда же, вскорѣ послѣ начала занятій съ Вилей, откровенно объяснилъ имъ положеніе дѣла и заявилъ, что я считаю совершенно немыслимымъ подготовить ихъ сына къ весеннимъ экзаменамъ. Родители выразили свое крайнее изумленіе по поводу этого, но въ концѣ концовъ должны были согласиться, что будетъ лучше, если мальчикъ будетъ держать экзамены осенью, гдѣ-либо на югѣ Россіи, куда вся семья Ш. собиралась на лѣтніе мѣсяцы. Безъ основательнаго и прочнаго усвоенія мальчикомъ всего предшествовавшаго курса я находилъ невозможнымъ движеніе впередъ, но родители обыкновенно въ такихъ случаяхъ весьма неохотно соглашаются съ мнѣніемъ учителей, обучающихъ ихъ дѣтей. Имъ все „кажется“, что учителя требуютъ отъ дѣтей слишкомъ многаго или относятся

къ нимъ слишкомъ строго. Я убѣжденъ, что и семья Ш. склонна была заподозрить меня въ желаніи провести у нихъ, въ качествѣ учителя, нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ, когда я открылъ имъ глаза на то, какъ мало знаетъ ихъ мальчикъ и какъ плохо подготовленъ онъ для того, чтобъ имѣть право на принятіе его въ 4-й классъ гимназіи.

Порядокъ дня въ домѣ Ш. былъ чисто-нѣмецкій; таковъ же былъ и весь внутренній, домашній складъ жизни. Вставали всѣ очень рано. Между 6—8 час. утра пили утренній кофе; въ 1 часъ дня подавался обѣдъ, въ 4 часа—снова кофе—или чай для тѣхъ, кто не пилъ кофе, и, наконецъ въ 8 час. вечера—ужинъ, почти такой же, какъ и обѣдъ. Такъ какъ я не привыкъ къ такому житейскому режиму, то на первыхъ порахъ мнѣ было не легко къ нему приспособиться. Но дѣлать было нечего: тернистый путь служенія домашняго учителя могъ заставить „приспособляться“ еще и не къ такимъ неудобствамъ... Занимались мы съ Вилей отъ 9 до 12 час. по утрамъ и 1—$1^1/_2$ часа днемъ послѣ обѣда. Утромъ я назначалъ обыкновенно математику и языки, въ послѣобѣденные часы—исторію или географію. Хотя нѣмцы и отличаются большой аккуратностью, но мой ученикъ не могъ похвастаться этой добродѣтелью. У него были свои часы, но это нисколько не мѣшало ему каждый разъ опаздывать на уроки, иногда на полчаса и болѣе. Онъ владѣлъ удивительнымъ искусствомъ куда-нибудь пропадать передъ самымъ началомъ занятій, и тогда начинались поиски его и по всему дому, и на дворѣ. Причинивъ всѣмъ кучу хлопотъ, онъ являлся потомъ ко мнѣ съ видомъ кающагося грѣшника и увѣрялъ меня, что это было „въ послѣдній разъ“. Но на другой день этотъ „послѣдній разъ“ повторялся снова—и снова приходилось искать его, чтобъ напомнить объ урокахъ. Сперва это сердило меня и раздражало, но потомъ я махнулъ на все это рукой, тѣмъ болѣе, что родители мальчугана смотрѣли на всѣ его проказы и шалости сквозь пальцы. Заводить же каждый разъ по поводу опаздыванія на уроки „исторіи“ не стоило уже по одному тому, что все равно это не достигло-бы при данныхъ условіяхъ никакой цѣли. Приходилось, главнымъ образомъ, направлять всѣ усилія на то, чтобъ заинтересовать мальчика учебными занятіями, а все остальное—думалось мнѣ—придетъ со временемъ само собой, когда начнется періодъ болѣе сознательнаго отношенія мальчика къ своимъ обязанностямъ. Но надеждѣ этой такъ и не суждено было осуществиться все время, пока я жилъ въ этомъ семействѣ.

Чтобъ пріучить мальчика къ чтенію или, по крайней мѣрѣ, къ слушанію, какъ читаютъ другіе, я сталъ устраивать по вечерамъ литературныя чтенія, стараясь выбирать для нихъ вполнѣ доступныя

и наиболѣе интересныя для него произведенія русскихъ писателей. На этихъ чтеніяхъ обыкновенно присутствовали Амалія Эдуардовна, ея кузина—Эмма Францевна, умненькая и бойкая дѣвушка, чрезвычайно любознательная и отзывчивая, и француженка-гувернантка,—та самая особа, которую систематически „изводилъ“ мой ученикъ. Всѣ онѣ отнеслись къ моей идеѣ очень сочувственно, и мы успѣли прочесть въ теченіе зимы болѣе двадцати лучшихъ разсказовъ Чехова, Короленко, Гаршина и др. писателей. Максимъ Горькій тогда еще только начиналъ писать и о немъ почти не говорили ни въ обществѣ, ни въ печати. По отношенію къ главному виновнику, ради котораго устраивались эти литературныя чтенія, послѣднія не увѣнчались успѣхомъ, потому что онъ быстро уставалъ слушать и, просидѣвъ въ гостиной около получаса, предпочиталъ перебраться затѣмъ въ дѣтскую, гдѣ и затѣвалъ шумную возню съ младшими сестренками, требовавшую вмѣшательства матери или гувернантки. Зато мои слушательницы, для которыхъ русская литература представляла совершенно невѣдомый до сихъ поръ міръ, превзошли всѣ мои ожиданія: мнѣ удалось заинтересовать ихъ этими чтеніями настолько, что онѣ сами просили меня увеличить количество литературныхъ вечеровъ въ теченіе недѣли съ двухъ до четырехъ разъ. Эмма Францевна увлекалась больше другихъ разсказами Чехова и тогда же начала переводить нѣкоторые изъ нихъ на нѣмецкій языкъ. Потомъ они появились въ переводѣ въ одномъ иллюстрированномъ семейномъ журналѣ. А экспансивная француженка, прожившая въ Россіи болѣе десяти лѣтъ и никогда даже не подозрѣвавшая, что у насъ есть писатели, кромѣ Толстого и Тургенева, имена которыхъ она слыхала еще за-границей, откровенно сообщила мнѣ, что наши скромныя „soirées“ на нѣмецкой фабрикѣ открыли для нея совершенно „новый міръ“... Самъ Карлъ Фридриховичъ, какъ дѣловой человѣкъ, на нашихъ чтеніяхъ, разумѣется, не присутствовалъ и относился къ нимъ даже нѣсколько иронически, вѣроятно, заподозривъ во мнѣ обрусительныя тенденціи...

Зима прошла почти незамѣтно, хотя, въ общемъ, это была для меня самая тяжелая зима, какую только мнѣ приходилось переживать за время своего учительства. Почти цѣлый день я былъ занятъ со своимъ ученикомъ, а по вечерамъ мы или вмѣстѣ читали, или я уѣзжалъ въ Петербургъ для занятій въ Императорской публичной библіотекѣ. Мнѣ предложили тогда одну большую работу компилятивнаго характера, ради которой мнѣ и приходилось просиживать въ библіотекѣ всѣ свободные вечера. Учебныя занятія съ Вилей шли кое-какъ, черезъ пень-колоду, лишь-бы только „пройти“ къ опредѣленному сроку все, что требовалось по программѣ гимназій. Я уже

чувствовалъ, что мнѣ не придется остаться въ этой семьѣ на долгое время, и потому не предпринялъ никакихъ шаговъ, чтобъ заявить о своемъ учительствѣ учебному начальству: такъ этотъ годъ и остался не зачтеннымъ мнѣ „за дѣйствительную службу“, хотя въ дѣйствительности онъ стоилъ мнѣ многихъ лѣтъ педагогической дѣятельности.

Ранней весною все семейство Ш. двинулось на югъ Россіи, сперва въ свое имѣніе—близъ Харькова, а затѣмъ въ Крымъ. Вмѣстѣ съ ними поѣхалъ и я, хотя мнѣ и предлагались на лѣто другія, болѣе интересныя во всѣхъ отношеніяхъ занятія. Но мнѣ казалось неудобнымъ нарушить наше условіе и оставить мальчика, не подготовивъ его къ экзамену. Лѣтомъ въ деревнѣ и потомъ въ Крыму (мы жили въ Гурзуфѣ) учебныя занятія шли еще хуже, чѣмъ зимой, но къ началу августа мы все-таки успѣли пройти весь курсъ 3-го класса и рѣшили держать экзаменъ, хотя это и было немножко рискованно. Для экзаменовъ была выбрана одна изъ одесскихъ классическихъ гимназій, гдѣ Виля уже однажды держалъ экзамены для поступленія во 2-й классъ. Инспекторомъ этой гимназіи оказался мой школьный товарищъ (по нѣжинской гимназіи), и гимназія сдѣлала для мальчика все возможное, чтобъ только облегчить ему „испытанія“, которымъ онъ долженъ былъ подвергнуться. Экзаменъ носилъ чисто-семейный характеръ, и только благодаря этому обстоятельству мой ученикъ выдержалъ его довольно сносно. А отнесись гимназія къ мальчику построже, онъ непремѣнно провалился-бы на этихъ „испытаніяхъ“.

По окончаніи экзаменовъ, Ш., вѣроятно, предложили-бы мнѣ продолжать занятія съ ихъ сыномъ, но неожиданно случилось одно обстоятельство, которое помѣшало этому. Какъ разъ наканунѣ послѣдняго экзамена моего ученика, я вздумалъ пройтись вечеромъ по Николаевскому бульвару, и не успѣлъ сдѣлать по бульвару и десяти шаговъ, какъ встрѣтился съ однимъ изъ друзей своего дѣтства, съ которымъ не видался въ теченіе многихъ лѣтъ. Мы такъ обрадовались этой встрѣчѣ, что просидѣли до глубокой ночи на бульварѣ, въ маленькомъ ресторанѣ, пріютившемся на немъ, а потомъ я поѣхалъ ночевать на квартиру къ своему пріятелю, чтобъ не тревожить, въ виду поздняго времени, моихъ нѣмцевъ, ложившихся аккуратно въ 11 часовъ. Когда на слѣдующее утро я явился къ нимъ на квартиру, Карлъ Фридриховичъ, пріѣхавшій изъ Петербурга на время экзаменовъ своего сына въ Одессу, встрѣтилъ меня очень холодно и началъ „читать мораль“ о неприличіи моего поведенія, о святости домашняго очага, о томъ, что я ночую „чортъ знаетъ гдѣ“, и что своимъ скандальнымъ поведеніемъ я оскорбляю „честную

нѣмецкую семью"... И все это говорилъ мнѣ человѣкъ, который съ точки зрѣнія шаблонной мѣщанской морали не выдерживалъ самой снисходительной критики! Въ его „нравоученіи" мнѣ я увидѣлъ непрошенное вторженіе въ область моей интимной жизни и энергично прекратилъ праздную болтовню разболтавшагося нѣмецкаго фабриканта. Чаша моего терпѣнія давно уже истощилась, и въ душѣ я былъ даже радъ этому веселому инциденту, сыгравшему роль послѣдней капли, переполнившей эту чашу...

Когда Виля вернулся домой съ экзамена, сіяющій и довольный, что выдержалъ его, я попросилъ его родителей найти себѣ другого учителя—для ихъ сына. А самъ, получивъ слѣдовавшія мнѣ деньги (53 руб. 50 коп. приходилось по математически-точному нѣмецкому расчету), переѣхалъ въ тотъ-же день въ гостиницу и навсегда разстался съ этой семьей...

IV.

Въ концѣ лѣта 1895 года, въ деревнѣ, на своей родинѣ, я неожиданно получилъ письмо изъ Москвы отъ княгини М—ой. Случайно узнавъ мой адресъ отъ одного общаго знакомаго, княгиня обращалась ко мнѣ съ просьбой, не могу-ли я рекомендовать ей кого-либо изъ своихъ товарищей по университету для занятій съ ея сыномъ, который только что вышелъ изъ 7-го класса классической гимназіи и собирался держать въ слѣдующемъ году экзаменъ прямо на аттестатъ зрѣлости. Нуженъ былъ знающій дѣло филологъ для занятій древними языками; математика-же княгиня уже имѣла въ виду, а по всѣмъ остальнымъ предметамъ ея сынъ намѣревался готовиться самостоятельно, безъ учительской помощи. Вознагражденіе предлагалось по сто рублей въ мѣсяцъ при полномъ содержаніи; предусмотрѣны были даже „прогонныя" и „суточныя" для проѣзда въ N—скую губернію, въ имѣніе „Отрадное", гдѣ княгиня предполагала провести вмѣстѣ съ сыномъ предстоявшую зиму. Въ началѣ письма княгиня писала, что она слышала, будто я совершенно оставилъ педагогическую дѣятельность и поселился въ деревнѣ, почему она и не рѣшается приглашать меня въ качествѣ учителя для ея сына, несмотря на все свое желаніе имѣть меня таковымъ.

Съ этимъ сыномъ ея — Жоржикомъ я когда-то занимался въ N—скѣ, когда еще служилъ тамъ учителемъ гимназіи. Жоржикъ былъ единственнымъ сыномъ въ княжескомъ семействѣ. Семейство состояло изъ князя, княгини, Жоржа и сестры князя,—вдовы, генеральши, жившей зимой въ домѣ своего брата, бывшаго въ N—скѣ

председателемъ губернской земской управы. Своему сыну князь старался дать прекрасное воспитанiе и не жалѣлъ для этого средствъ. Мальчику давалъ уроки цѣлый штатъ преподавателей-спецiалистовъ, попасть въ число которыхъ считалось въ городѣ „большой честью". Я занимался съ Жоржемъ русскимъ языкомъ два года подъ-рядъ и прекратилъ эти занятiя потому только, что князь получилъ важное административное назначенiе въ другую губернiю и княжеское семейство оставило г. N—скъ. Близкое знакомство мое съ этимъ симпатичнымъ и вполнѣ интеллигентнымъ семействомъ произвело на меня самое прiятное впечатлѣнiе, и я всегда съ удовольствiемъ бывалъ у нихъ и проѣздомъ черезъ тотъ городъ, куда былъ назначенъ князь, и въ ихъ имѣнiи „Отрадномъ", въ 12 верстахъ отъ губернскаго города N—ска. Потомъ, попавъ на нѣсколько лѣтъ на югъ Россiи, я долженъ былъ на время оборвать это знакомство и только изъ газетъ узналъ о преждевременной и трагической смерти князя М—скаго на Кавказѣ. Овдовѣвъ на 35-мъ году, княгиня совершенно покинула „большой свѣтъ", въ которомъ вращалась раньше, и поселилась въ своемъ имѣнiи, гдѣ и жила почти безвыѣздно круглый годъ. А Жоржъ былъ помѣщенъ въ одну изъ московскихъ классическихъ гимназiй и жилъ въ пансiонѣ при этой гимназiи, считавшейся въ то время лучшей въ Москвѣ.

Получивъ письмо княгини, я прежде всего сообщилъ ей о томъ, что живу въ деревнѣ на родинѣ исключительно потому, что не имѣю никакихъ опредѣленныхъ педагогическихъ занятiй, а затѣмъ прибавилъ, что, свободно читая до сихъ поръ à livre ouvert и полатыни, и по-гречески, я съ удовольствiемъ взялся-бы за приготовленiе Жоржа по древнимъ языкамъ на аттестатъ зрѣлости. При тѣхъ искреннихъ дружескихъ отношенiяхъ, какiя всегда существовали между мною и этимъ семействомъ, мое предложенiе не могло показаться „навязываньемъ" своихъ учительскихъ услугъ; и дѣйствительно, въ отвѣтъ на свое письмо я получилъ отъ княгини телеграмму слѣдующаго содержанiя: „Безконечно обрадована вашимъ любезнымъ письмомъ; заранѣе согласна на всѣ ваши условiя; выѣзжайте въ Москву при первой возможности: и я, и Жоржъ ожидаемъ васъ съ большимъ нетерпѣнiемъ". Послѣ такой телеграммы мнѣ оставалось только уложить на̀-скоро свой дорожный чемоданъ и тронуться съ первымъ отходящимъ пароходомъ въ путь. Мы встрѣтились въ Москвѣ и затѣмъ вмѣстѣ выѣхали въ имѣнiе, чтобъ остаться тамъ до весны. Я узналъ, что въ „Отрадномъ" есть богатая и интересная библiотека, основанiе которой было положено еще прадѣдомъ покойнаго князя М—скаго, и перспектива зимы въ имѣнiи, гдѣ не было по близости даже маленькой деревушки, не ну-

гала меня нисколько. Моимъ товарищемъ по предстоявшимъ занятіямъ оказался очень симпатичный и развитой молодой человѣкъ **К—нъ**, только что окончившій университетъ и собиравшійся писать диссертацію, чтобъ посвятить себя современемъ профессорской дѣятельности. „Математики“ не блещутъ, какъ извѣстно, ни широтой, ни разносторонностью своего развитія, но К—нъ составлялъ въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе, и въ самое короткое время мы сдѣлались съ нимъ почти друзьями. Княгиню я нашелъ немного постарѣвшей съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, но такъ-же, какъ и раньше, интересной въ качествѣ собесѣдницы и въ высшей степени отзывчивой и чуткой ко всему, что происходило вокругъ нея. Зато въ моемъ ученикѣ Жоржѣ, котораго я не видѣлъ около пяти лѣтъ, я съ большимъ трудомъ могъ узнать прежняго „Жоржика“, котораго я училъ когда-то русской грамотѣ. Изъ бойкаго жизнерадостнаго мальчугана съ пухлыми розовыми щеками, съ непокорными черными, какъ смоль, волосами, вѣчно-торчавшими вихромъ, и съ тоненькимъ пискливымъ голосомъ, выросъ высокій стройный юноша, съ блѣднымъ нервнымъ лицомъ, большими задумчивыми глазами, красивымъ музыкальнымъ голосомъ,—вялый и апатичный, какъ-будто уже утомленный своей короткой жизнью.

Съ половины сентября мы начали наши учебныя занятія. Просидѣвъ въ 6-мъ классѣ два года, Жоржъ не могъ оставаться въ слѣдующемъ классѣ на второй годъ, почему и вышелъ изъ гимназіи. Познанія его въ древнихъ языкахъ оказались довольно порядочными, и это въ значительной степени облегчало предстоявшую намъ задачу. Въ Москвѣ я запасся лучшими комментаріями къ произведеніямъ классическихъ писателей, и мы принялись за дѣло бодро и горячо. Совершенно основательно опасаясь, что такой „горячности“ въ занятіяхъ на долгое время не хватитъ, я старался по возможности сдерживать пылъ своего ученика и на первыхъ порахъ не особенно налегалъ на занятія, чтобы не вызвать переутомленія. Мы занимались съ нимъ ежедневно около $1^1/_2$—2 часовъ; столько же времени было назначено на математическіе предметы. Начавъ съ чтенія Саллюстія и Овидія по-латыни и Ксенофонта и Гомера по-гречески, я предполагалъ постепенно переходить къ чтенію болѣе трудныхъ писателей, знакомство съ которыми требовалось программой гимназій. Съ ноября мы разсчитывали начать Тита Ливія, „Энеиду“ Вергилія, Ѳукидида и „Иліаду“ Гомера, а на второе полугодіе назначили Цицерона и Горація по римской литературѣ и Демосѳена и Софокла—по греческой. Такимъ образомъ, къ веснѣ мой ученикъ могъ познакомиться со всѣми классическими авторами, переводъ произведеній которыхъ обыкновенно предлагался въ то время на окончатель-

ныхъ испытаніяхъ на аттестатъ зрѣлости. При чтеніи избранныхъ отрывковъ я придерживался такого порядка: сперва мы читали и переводили данный отрывокъ, затѣмъ разбирали его съ грамматической и стилистической стороны; въ заключеніе, Жоржъ выписывалъ въ тетрадь встрѣтившіяся при чтеніи незнакомыя слова и самъ уже, безъ моей помощи, повторялъ „на́-чисто“ переводъ даннаго отрывка, первоначально разработанный нами совмѣстными силами. Такой пріемъ требовалъ отъ меня, какъ учителя, предварительнаго ознакомленія съ тѣмъ, что читалось и разбиралось на урокѣ, но зато давалъ возможность прочитывать во время каждаго урока столько, сколько при классныхъ занятіяхъ въ нашихъ гимназіяхъ не прочитывается и за 3—4 урока. Помимо довольно обширнаго ознакомленія ученика съ тѣмъ или другимъ произведеніемъ древне-классической литературы, этотъ методъ казался мнѣ наиболѣе пригоднымъ въ данномъ случаѣ еще и потому, что имъ поддерживался въ ученикѣ постоянный и непрерывный интересъ къ читаемому имъ произведенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что если-бъ и въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ преподаватели древнихъ языковъ вмѣсто того, чтобы пережевывать съ учениками на нѣсколькихъ урокахъ подъ-рядъ однѣ и тѣ же строчки, старались познакомить учениковъ съ избраннымъ для перевода произведеніемъ путемъ прочтенія возможно-большаго числа законченныхъ и умѣло выбранныхъ отрывковъ изъ этого произведенія, то это значительно подняло-бы интересъ учащейся молодежи къ предлагаемымъ ей для изученія произведеніямъ классической древности. Тогда не было-бы, можетъ быть, на урокахъ древнихъ языковъ и той мертвящей „тоски“, на которую ученики не безъ основанія жалуются въ настоящее время. Преподаваніе древнихъ языковъ въ нашей средней школѣ давно уже требуетъ коренной и серьезной реформы, но въ „запискахъ домашняго учителя“, разумѣется, не мѣсто говорить объ этомъ сложномъ вопросѣ подробно.

То, чего я больше всего опасался относительно своего ученика, случилось гораздо раньше, чѣмъ можно было предполагать. Несмотря на то, что и я, и мой коллега-математикъ дѣлали все возможное, чтобы поддержать въ нашемъ ученикѣ интересъ къ занятіямъ, послѣднія стали замѣтно надоѣдать ему. За семь лѣтъ, которыя Жоржъ провелъ въ офиціальной школѣ (да еще „лучшей“, какъ я говорилъ), эта школа не научила его заниматься систематически и усидчиво, не привила и любви къ знанію, потребности совершенствоваться и итти впередъ и впередъ, чтобы сдѣлаться разносторонне-развитымъ истинно образованнымъ человѣкомъ. А безъ этой любви, безъ этой отребности, настоятельно требующей своего удовлетворенія, всякія,

правильныя изо-дня въ день, систематическія занятія неизбѣжно должны стать „скучными" и неинтересными, должны надоѣсть и опротивѣть. И Жоржъ сталъ замѣтно тяготиться уроками, къ которымъ на первыхъ порахъ отнесся, было, съ такимъ интересомъ. Въ школѣ онъ привыкъ работать исключительно въ силу внѣшняго принужденія, „изъ-подъ палки", что называется: но здѣсь, на полной свободѣ, этой „палки" не было, внутренній же импульсъ къ занятіямъ былъ слишкомъ слабъ въ юношѣ, и Жоржъ началъ быстро охладѣвать къ духовной пищѣ, которую мы подносили ему съ К—нымъ. Сперва онъ сталъ уклоняться отъ уроковъ подъ разными случайными предлогами: то головная боль, то спѣшная поѣздка по дѣлу въ другое имѣніе, находившееся въ сосѣднемъ уѣздѣ, то какія-либо другія причины. Потомъ онъ началъ все чаще и чаще уѣзжать изъ „Отраднаго" въ городъ, гдѣ у него было много пріятелей и знакомыхъ. Жизнь въ деревнѣ, отъ которой онъ уже давно отвыкъ и которая, разумѣется, не могла дать и сотой доли тѣхъ внѣшнихъ впечатлѣній, какія давала жизнь въ большомъ столичномъ городѣ, тяготила молодого князя, пожалуй, еще сильнѣе, чѣмъ учебныя занятія, и вызывала потребность въ развлеченіяхъ и удовольствіяхъ. Читать Жоржъ не любилъ да и не умѣлъ (школа не научила его даже и этому), и огромная библіотека, занимавшая три большихъ комнаты въ домѣ, не занимала его нисколько. Не интересовала и текущая литература, хотя въ имѣніи получалось нѣсколько лучшихъ газетъ и журналовъ и выписывались почти всѣ новыя книги, представлявшія серьезный общественный или литературный интересъ. Ни къ музыкѣ, ни къ какому-либо другому искусству Жоржъ также не обнаруживалъ ни малѣйшей любви, что всегда особенно огорчало его мать, страстно любившую музыку и обладавшую вообще тонкимъ художественнымъ вкусомъ. Школа старательно вытравила даже и тѣ слабые зародыши любви къ музыкѣ, какіе проявлялись у Жоржа въ годы его ранняго дѣтства.

Сперва рѣдкія, поѣздки Жоржа въ городъ становились все чаще и чаще, пока не сдѣлались почти ежедневными. Уѣзжалъ онъ въ городъ обыкновенно по вечерамъ, послѣ обѣда, подававшагося въ домѣ въ 6 часовъ. Возвращался поздно ночью, иногда—на разсвѣтѣ, совершенно усталый и разбитый, съ головной болью, мѣшавшей заниматься и на другой день... Когда княгиня стала упрекать сына, что онъ оставляетъ ее по вечерамъ одну, проводя ихъ большей частью въ городѣ, Жоржъ сталъ уѣзжать въ городъ поздно ночью, когда княгиня уже ложилась спать, а возвращаться раннимъ утромъ, пока она еще не успѣла встать. Мать думала (или дѣлала видъ только) что ночныя экскурсіи сына въ городъ прекратились, и больше не под-

нимала разговора съ нимъ на эту щекотливую тему, но для насъ, учителей Жоржа, стало еще труднѣе заниматься съ нимъ послѣ безсонныхъ ночей, проведенныхъ имъ внѣ дома. Княгиня почти не бывала въ городѣ и никого не приглашала къ себѣ въ имѣніе изъ своихъ городскихъ знакомыхъ; поэтому, весьма возможно, что она даже и не догадывалась о томъ, *какъ* именно тамъ проводилъ время ея сынъ. Я же, бывая въ городѣ каждое воскресенье, только и слышалъ тамъ о подвигахъ и ночныхъ похожденіяхъ своего ученика, котораго буквально зналъ весь городъ и о кутежахъ котораго циркулировали въ мѣстномъ обществѣ самые фантастическіе разсказы. Постоянными спутниками молодого князя и собутыльниками его были помощникъ управляющаго имѣнія, молодой человѣкъ съ спеціальнымъ высшимъ образованіемъ, и сынъ одного мѣстнаго крупнаго помѣщика, только что потерявшій отца и получившій огромное, почти милліонное наслѣдство, съ которымъ онъ не зналъ, что дѣлать. Заключивъ между собой тѣсный тріумвиратъ, они совершали, подъ предводительствомъ Жоржа, самые невѣроятные подвиги, посѣщали мѣстныя увеселительныя мѣста и разнаго рода вертепы, швыряя деньгами направо и налѣво и заставляя однихъ завидовать имъ и восторгаться, другихъ—возмущаться и негодовать...

Когда я вполнѣ убѣдился, что всѣ слышанные мною въ городѣ разсказы о ночныхъ оргіяхъ моего титулованнаго ученика не плодъ досужей обывательской фантазіи, а несомнѣнная, хотя и горькая правда, то при первомъ же удобномъ случаѣ завелъ съ Жоржемъ серьезный разговоръ по поводу его городскихъ похожденій.

— Я и самъ прекрасно понимаю, что все это, можетъ быть, и не хорошо,—отвѣчалъ Жоржъ,—но ничего не подѣлаешь противъ силы вещей. Я—пропащій человѣкъ, безнадежно-пропащій. Вы лучше, чѣмъ кто-либо, понимаете, что тотъ общественный слой, къ которому я принадлежу, исторически осужденъ на вымираніе... Мы исчезнемъ, потому что мы ненужны больше... У насъ есть кое-что въ прошломъ, позади, но нѣтъ ничего впереди, нѣтъ будущаго... Спасать насъ безполезно, потому что *нельзя* спасти. И чѣмъ скорѣе мы вымремъ, чѣмъ скорѣе исчезнемъ, тѣмъ лучше для человѣчества. Не поднимайте, поэтому, пожалуйста, больше никогда этого вопроса, если не хотите поссориться со мною и поссориться навсегда. Я уже на своихъ ногахъ и не обязанъ отдавать отчетъ въ своемъ поведеніи...

— Но, вѣдь, это „поведеніе“ отражается самымъ печальнымъ образомъ на нашихъ занятіяхъ,—не унимался я: какъ же мнѣ не протестовать противъ него? Послѣ безсонныхъ ночей трудно заниматься какъ слѣдуетъ, и я начинаю серьезно опасаться за исходъ нашихъ будущихъ экзаменовъ...

— Пустяки и это все...—нетерпѣливо перебилъ меня Жоржъ.— Экзамены я какъ-нибудь выдержу, а и не выдержу—такъ не велика бѣда. Поступлю тогда въ университетъ вольнослушателемъ. Наука меня не интересуетъ нисколько; дипломъ университетскій совершенно не нуженъ мнѣ, потому что служить я не собираюсь, а если я согласился готовиться на аттестатъ зрѣлости, то для того только, чтобъ доставить удовольствіе матери. Пускай потѣшится старушка! А мнѣ лично все это—ни къ чему...

Такъ какъ въ душѣ я и самъ былъ согласенъ, что для вымирающаго потомка старинной княжеской фамиліи все „это" было, пожалуй, дѣйствительно „ни къ чему", то доказывать противное было-бы для меня не легко. Да,—повидимому,—и безполезно, такъ какъ Жоржъ крѣпко стоялъ на своей позиціи и не согласенъ былъ пойти ни на какія уступки.

Такъ прошло еще около двухъ мѣсяцевъ. Хотя и медленно, съ перерывами, мы все таки подвигались понемногу впередъ, и я не терялъ надежды, что къ веснѣ мы подготовимся съ нимъ къ экзаменамъ. Остановились мы для этой цѣли на Кавказскомъ учебномъ округѣ, гдѣ при покойномъ К. П. Яновскомъ не особенно угнетали въ гимназіяхъ классической премудростью; да и экзамены, по полученнымъ мною оттуда предварительнымъ свѣдѣніямъ,—были значительно легче, чѣмъ въ другихъ учебныхъ округахъ.

Просидѣвъ въ деревнѣ нѣсколько мѣсяцевъ подъ-рядъ, я вспомнилъ, наконецъ, о томъ, что я—домашній учитель и что въ качествѣ таковаго я имѣю нѣкоторыя „права и преимущества", которыми и могу воспользоваться, если исполню требованія, предъявляемыя къ домашнимъ учителямъ „Положеніемъ 1834 года". Остановившись на этой мысли, я составилъ подробный отчетъ о своихъ педагогическихъ занятіяхъ, чтобъ представить его въ канцелярію мѣстной дирекціи народныхъ училищъ. Но—увы—эта работа оказалась напрасной тратой времени, такъ какъ дирекція не обнаружила ни малѣйшаго интереса къ моимъ занятіямъ. Имѣя дипломъ „домашняго учителя по русскому языку", я только этимъ языкомъ и долженъ былъ заниматься со своими учениками. А я, какъ на зло, преподавалъ въ семьѣ кн. М—скаго латинскій и греческій языки и совершенно не занимался съ Жоржемъ русскимъ языкомъ, по которому онъ былъ уже вполнѣ достаточно подготовленъ къ предстоявшимъ ему экзаменамъ. Кромѣ того, мой „отчетъ" оказался составленнымъ „не по формѣ", (существованія которой я не подозрѣвалъ), и, слѣдовательно, его пришлось-бы все равно передѣлывать, если-бы даже я занимался и тѣмъ предметомъ, которымъ долженъ былъ заниматься по своему диплому. Въ довершеніе моей неудачи съ этимъ злополучнымъ от-

четомъ, директоръ училищъ оказался человѣкомъ, не имѣвшимъ никакого понятія о древнихъ классическихъ языкахъ и считалъ себя „противникомъ" классической системы образованія, насколько это не было для него опаснымъ въ тѣ годы ultra-классическихъ теченій сверху. Письмоводитель канцеляріи предлагалъ, было, мнѣ „замѣнить" въ своемъ „отчетѣ" древніе языки русскимъ (фактическая провѣрка этихъ своеобразныхъ „отчетовъ", вѣдь, все равно невозможна), но я не согласился воспользоваться подобной „любезностью".

Еще печальнѣе была моя участь, когда я вздумалъ получить свидѣтельство о своемъ „поведеніи" отъ уѣзднаго предводителя дворянства. Настоящаго предводителя въ N-скѣ не было, а „временно исполнялъ его должность" одинъ богатый помѣщикъ, жившій въ своемъ имѣніи и пріѣзжавшій въ городъ только въ силу крайней необходимости. Существовали какъ будто опредѣленные дни, когда можно было застать его навѣрное, но я былъ въ его канцеляріи нѣсколько разъ и каждый разъ безуспѣшно. То и. д. предводителя въ городѣ не было, то въ канцеляріи не оказывалось... Въ концѣ концовъ, всѣ эти мытарства по канцеляріямъ такъ мнѣ надоѣли, что я рѣшилъ прекратить ихъ навсегда и отказаться отъ всѣхъ „правъ и преимуществъ", какія даетъ „Положеніе" домашнимъ учителямъ, состоящимъ на службѣ". Даже на душѣ сдѣлалось какъ-то легче, когда я пришелъ къ этому рѣшенію и, чтобы не было соблазна, спряталъ „дѣйствительный свой учительскій дипломъ вмѣстѣ съ другими „ненужными" бумагами. Дослужиться до пенсіи, при такихъ условіяхъ, не было никакой надежды, а тратить время на канцелярскія мытарства и деньги на гербовыя и почтовыя марки—у меня уже пропало всякое желаніе.

Въ началѣ апрѣля мы двинулись съ Жоржемъ на экзамены—на Кавказъ. По просьбѣ его матери я согласился сопровождать его до Тифлиса и остаться тамъ до окончанія экзаменовъ. К—нъ долженъ былъ отказаться отъ этой поѣздки, потому что торопился съ отъѣздомъ своимъ за-границу, гдѣ ему хотѣлось попасть на какой-то международный съѣздъ ученыхъ-спеціалистовъ. Мы благополучно добрались до Тифлиса, хотя дорогой мой Телемакъ и навѣдывался въ станціонные буфеты гораздо чаще, чѣмъ это вызывалось необходимостью. Устроившись въ Тифлисѣ въ одной изъ болѣе скромныхъ гостиницъ, въ центральной части города, и собравъ всѣ необходимыя свѣдѣнія относительно предстоявшихъ экзаменовъ, мы принялись усиленно за занятія. Оказались кое-какіе пробѣлы и недочеты, которые надо было торопиться пополнить.

„Испытанія" на аттестатъ зрѣлости начинались въ гимназіи въ послѣднихъ числахъ апрѣля. Кромѣ моего ученика, оказалось еще

нѣсколько человѣкъ „экстерновъ". На первомъ-же экзаменѣ (письменномъ—по русскому языку) Жоржъ такъ отличился, что превзошелъ всякія мои ожиданія. Сочиненіе на „окружную" тему оказалось написаннымъ „очень хорошо", и такой дебютъ невольно располагалъ педагоговъ гимназіи въ пользу Жоржа, внушая довѣріе къ его познаніямъ. Импонировалъ, кажется, и титулъ русскаго князя, „изъ Рюриковичей", имя отца котораго часто упоминалось въ газетахъ, какъ имя выдающагося общественнаго и государственнаго дѣятеля. Въ теченіе мая благополучно прошли и всѣ остальные экзамены. Слабѣе другихъ оказались познанія Жоржа по исторіи, но гимназія „натянула" ему тройку и по этому предмету. О результатахъ каждаго экзамена мы телеграфировали въ N—скъ княгинѣ, съ нетерпѣніемъ ожидавшей окончательнаго исхода экзаменовъ. Чѣмъ ближе была развязка, тѣмъ сильнѣе ослабѣвала энергія Жоржа, тѣмъ чаще онъ сталъ уѣзжать по вечерамъ въ разныя увеселительныя мѣста, которыми такъ богата столица Кавказа. Чаще всего онъ проводилъ вечера въ мѣстномъ театрѣ, гдѣ гастролировала въ то время хорошо знакомая ему по Москвѣ опереточная труппа. Въ день послѣдняго экзамена я тщетно ожидалъ своего ученика до поздняго вечера. Рѣшивъ, что онъ поѣхалъ послѣ экзамена куда-либо съ товарищами, чтобъ „вспрыснуть" благополучное окончаніе испытаній, я не особенно безпокоился объ отсутствіи Жоржа и, какъ всегда, послѣ 12 часовъ легъ спать. На разсвѣтѣ мнѣ принесли телеграмму: къ великому моему изумленію оказалось, что Жоржъ давно уже выѣхалъ изъ Тифлиса и катилъ теперь по Закавказской желѣзной дорогѣ, приближаясь къ Батуму. Прямо изъ гимназіи онъ заѣхалъ, какъ выяснилось потомъ, въ одинъ ресторанъ, справилъ здѣсь, какъ слѣдуетъ, полученіе аттестата зрѣлости и, не теряя времени, направился на вокзалъ. Вмѣстѣ съ собой онъ увезъ изъ Тифлиса и одну молоденькую хористку, которая пѣла въ опереткѣ и за которой онъ усиленно ухаживалъ во все время своего пребыванія здѣсь.

Такъ какъ въ телеграммѣ Жоржъ не сообщалъ мнѣ, куда онъ думалъ двинуться со своей „симпатіей", то я находился въ полной неизвѣстности относительно него въ теченіе нѣсколькихъ дней. Отъ хозяина гостиницы я узналъ, что Жоржъ получилъ наканунѣ изъ N—ска тысячу рублей, которые и рѣшилъ тотчасъ же утилизировать, какъ только былъ полученъ пресловутый „аттестатъ зрѣлости". Такъ начинались его первые житейскіе шаги съ этимъ аттестатомъ въ рукахъ! Жаль, что нѣтъ статистическихъ данныхъ, которыя указывали-бы, сколько именно такихъ „зрѣлыхъ" Жоржей выпускаютъ въ жизнь изъ своихъ стѣнъ наши классическія гимназіи!..

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

И. Бѣлозерскій.

Педагогическій процессъ.

Часть I.

О сущности педагогическаго процесса.

I.

Педагогическій процессъ съ внѣшней и внутренней сторонъ.

Обученіе, образованіе, пріученіе, воспитаніе, развитіе, наставленіе, увѣщаніе, взысканіе и другія подобныя многочисленныя слова обозначаютъ различные свойства, стороны, средства и моменты одного большого цѣлаго—педагогическаго процесса. Что такое педагогическій процессъ?

Если разсматривать педагогическій процессъ съ внѣшней стороны, то онъ представится въ видѣ передачи старшимъ поколѣніемъ младшему того, чѣмъ владѣетъ старшее поколѣніе, что оно пріобрѣтало само, переиспытало, пережило, и что получило готовымъ отъ своихъ предковъ, отъ болѣе раннихъ поколѣній. А такъ какъ всѣ, наиболѣе цѣнныя пріобрѣтенія человѣчества, раннѣе жившаго и нынѣ живущаго, объединяются въ одномъ словѣ „культура", то педагогическій процессъ съ внѣшней стороны можетъ быть понятъ, какъ передатчикъ культуры отъ старшаго поколѣнія къ младшему, отъ прежде жившаго человѣчества къ нынѣ живущему.

Необходимость такого процесса ясна. Культура—дѣло слишкомъ сложное и слишкомъ важное, чтобы не позаботиться о постепенномъ введеніи въ нее новыхъ поколѣній, о пріобщеніи къ ней. Забросить культуру нельзя, потому что это значило-бы отказаться отъ наиболѣе цѣннаго, что создало человѣчество. Нужно сдѣлать юнѣйшія поколѣнія настоящими наслѣдниками ихъ предшественниковъ, т. е. подготовить молодежь къ самому широкому пользованію благами культуры. Такой цѣли и служатъ образованіе, ученіе, воспитаніе, словомъ, педагогическій процессъ. Отсюда становятся понятными взгляды нѣкоторыхъ, что образованіе имѣетъ своею цѣлью удовлетвореніе потреб.

ности въ равенствѣ знаній. Учатся за тѣмъ, чтобы усвоить себѣ знанія болѣе свѣдущихъ, сравняться съ ними. Какъ скоро ученикъ сравнялся въ знаніяхъ съ учителемъ, цѣль достигнута и ученіе прекращается. Хорошее или дурное образованіе всегда и вездѣ, во всемъ родѣ человѣческомъ, опредѣляется только тѣмъ, медленно или скоро достигается равенство между учащимъ и учащимся: чѣмъ медленнѣе, тѣмъ хуже, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше (Л. Н. Толстой).

Подобное разсужденіе можетъ быть примѣнено и къ воспитанію: послѣднее имѣетъ цѣлью передачу старшимъ поколѣніемъ младшему убѣжденій, взглядовъ, мнѣній, навыковъ, всего строя и уклада жизни. Какъ скоро все это передано и младшее поколѣніе въ данномъ отношеніи сравнялось съ старшимъ, воспитаніе кончено. Чѣмъ скорѣе совершится такая передача, тѣмъ лучше; чѣмъ медленнѣе, тѣмъ хуже. Получится, такимъ образомъ, стройный взглядъ на педагогическій процессъ, какъ на передатчика культуры отъ старшихъ поколѣній къ младшимъ, какъ на культурнаго посредника между жившимъ человѣчествомъ и живущимъ.

Изложенное пониманіе педагогическаго процесса правильно передаетъ его внѣшній характеръ: въ воспитаніи постоянно заботятся о наученіи, сообщеніи, внушеніи, запоминаніи, убѣждаютъ, выговариваютъ, исправляютъ, все свое лучшее хотятъ передать воспитываемому. Многимъ все воспитаніе представляется просто весьма продолжительнымъ обученіемъ разнымъ разностямъ. Но остановиться на такомъ пониманіи педагогическаго процесса невозможно, такъ какъ внутренняя сторона его остается при этомъ совершенно не затронутой, все дѣло представляется лишь съ внѣшней стороны, поверхностно, а потому и неправильно.

Педагогическій процессъ не есть лишь передача чего-то отъ одного другому, онъ не есть только посредникъ между поколѣніями; представлять его въ видѣ трубки, по которой культура переливается отъ одного поколѣнія къ другому, неудобно. Подобный педагогическій взглядъ совершенно не отвѣчаетъ громадному количеству фактовъ, не подтверждается ими, и даже прямо опровергается. Громадное большинство людей суть люди самообразовавшіеся, саморазвившіеся, а не образованые и развитые кѣмъ-либо другимъ, воспринявшіе отъ другихъ культуру прежнихъ поколѣній. Таковы дѣти крестьянъ, о воспитаніи и образованіи которыхъ родители мало заботятся; уходъ за ними настолько плохъ, что часто не обезпечиваетъ имъ жизни, не предохраняетъ отъ увѣчья, пораненій, сильныхъ ожоговъ, ушибовъ и т. п.; духовное же ихъ развитіе остается въ полномъ небреженіи: въ этомъ отношеніи дѣти предоставляются самимъ себѣ. Что они наблюдаютъ, знаютъ, умѣютъ,

все это они пріобрѣтаютъ сами, собственною самодѣятельностью, безъ всякаго руководства; ихъ учитъ природа внѣшняя, природа ихъ собственнаго организма, и весьма мало люди. То, чему ихъ выучатъ родители, или что они узнаютъ въ школѣ, совершенно ничтожно по сравненію съ тѣмъ, что они пріобрѣтутъ сами. Все ихъ міровоззрѣніе, весь ихъ духовный складъ созданы ими самими, а не взяты откуда либо со стороны. Это—люди сами себя сдѣлавшіе, а въ такомъ положеніи находилось и находится громадное большинство человѣчества. Педагогическій процессъ въ немъ совершается, но, очевидно, далеко не въ формѣ внѣшней передачи, сообщенія, наученія.

При указаніи на такіе факты само собою напрашивается замѣчаніе, что какъ они ни многочисленны, но всѣ относятся къ людямъ мало культурнымъ, почти чуждымъ воспитанія и образованія въ собственномъ смыслѣ слова; между тѣмъ совершенно въ другомъ положеніи находятся истинно воспитанные и образованные люди: въ ихъ воспитаніи передача культуры, сообщеніе свѣдѣній, всякаго рода примѣры, запоминаніе играютъ весьма видную роль.

Прежде всего о сущности педагогическаго процесса мы должны судить по большинству явленій, имъ обнимаемыхъ, а не по меньшинству. Нельзя утверждать, что дѣти крестьянъ совершенно лишены воспитанія и образованія; они его получаютъ, но менѣе заботливое, въ меньшемъ, такъ сказать, объемѣ, вслѣдствіе чего сущность педагогическаго процесса не затемняется посторонними наслоеніями и вліяніями, а обнаруживается предъ нами въ истинномъ своемъ видѣ. Потомъ, совершенно ошибочно думать, что, будто-бы, у воспитанныхъ и образованныхъ людей сущность педагогическаго процесса измѣняется и является чѣмъ-то другимъ, а не саморазвитіемъ. Будемъ наблюдать развитіе дитяти въ образованной и достаточной семьѣ, дающей своимъ юнымъ членамъ полноту заботъ и попеченій, самый тщательный физическій и духовный уходъ: что, какой процессъ представляетъ развитіе такихъ дѣтей?

Каждое дитя, къ какому кругу общества ни принадлежали-бы его родители, само учится смотрѣть, слушать, поднимать голову, сидѣть, стоять, ходить, схватывать и держать вещи, само пріобрѣтаетъ искусство владѣнія органами тѣла и совершенія ими движеній, отдѣльныхъ и сложныхъ. Родители и воспитатели, правда, иногда пытаются вмѣшаться въ совершеніе этихъ процессовъ, стремятся учить дитя стоять, ходить, переносить вещи; но это вмѣшательство болѣе комично, чѣмъ дѣйствительно по существу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ аппараты и приспособленія для болѣе быстраго обученія дѣтей хожденію совершенно безполезны: дитя само начнетъ пытаться ходить, когда будетъ чувствовать къ тому достаточно

силъ, и непремѣнно выучится этому искусству безъ всякой посторонней помощи. Побуждать его ходить слишкомъ рано, прежде собственныхъ попытокъ,—вредно, можетъ повлечь ослабленіе и искривленіе органа. Слѣдовательно, вся помощь родителей и воспитателей дѣтямъ при самостоятельномъ обученіи дѣтей этому искусству можетъ состоять лишь въ предупрежденіи ушибовъ при паденіи и тому подобныхъ ничтожныхъ мелочахъ; сущность же дѣла будетъ сдѣлана самими дѣтьми. То же самое наблюдается во всѣхъ, выше указанныхъ процессахъ.

Въ духовномъ отношеніи у каждаго дитяти замѣчается подобный же процессъ саморазвитія, что и въ тѣлесномъ. Дитя само учится говорить. Правда, оно учится говорить на томъ языкѣ, который слышитъ около себя, но учится само: ему нѣтъ возможности объяснить, въ какое положеніе долженъ быть поставленъ голосовой аппаратъ, чтобы произнести тотъ или другой звукъ; да громадное большинство взрослыхъ само не знаетъ этого, а потому и объяснить не можетъ. Точно также чрезвычайно трудно объяснить ребенку смыслъ многихъ обычныхъ словъ съ отвлеченнымъ значеніемъ, напримѣръ, хочу, подумаю, послѣзавтра, можетъ быть, умно, глупо и пр., и ребенку обыкновенно приходится самому доходить до правильнаго пониманія такихъ словъ. Такимъ образомъ дѣтскій языкъ, съ внѣшней стороны представляющійся простымъ усвоеніемъ и подражаніемъ языку взрослыхъ, на самомъ дѣлѣ, по существу, есть плодъ дѣтской самодѣятельности, безъ которой овладѣніе языкомъ совершенно невозможно. Самодѣятельность дѣтей въ области языка простирается иногда такъ далеко, что дѣти сами создаютъ свой особенный языкъ, непонятный взрослымъ, такъ что они говорятъ на двухъ языкахъ: со взрослыми на ихъ языкѣ, а между собой—на особенномъ, только имъ понятномъ, самодѣльномъ языкѣ. И такой самодѣльный языкъ бываетъ нерѣдко довольно богатъ, удовлетворяетъ дѣтскимъ нуждамъ въ сообщеніи.

То же самое явленіе повторяетсяи во всѣхъ другихъ областяхъ духовной жизни: дитя само учится наблюдать окружающія явленія, выводить заключенія, мыслить, бороться съ встрѣчающимися препятствіями, осуществлять свои желанія, быть сострадательнымъ, любящимъ и т. п. Родители приходятъ къ нему на помощь, но эта помощь въ развитіи названныхъ процессовъ совершенно ничтожна по сравненію съ тѣмъ, что дѣти сдѣлаютъ сами. Въ духовномъ отношеніи они суть такія же саморазвивающіяся существа, какъ и въ физическомъ.

Всѣ перечисленные факты, какъ они ни важны и ни многочисленны, относятся, однако, къ одному только образовательному

періоду—семейнаго воспитанія, до-школьнаго. Но это такой періодъ, когда дѣти наиболѣе предоставляются себѣ, особенно по части духовнаго развитія, когда вліять на нихъ, за ихъ малымъ возрастомъ, бываетъ весьма затруднительно. Совсѣмъ иное положеніе начинается со времени школьнаго образованія: это время формировки дѣтей по шаблону, фабричнымъ способомъ, когда они массами загоняются въ учебныя заведенія и получаютъ одинаковую духовную пищу, когда на нихъ накладывается на всѣхъ одно и то-же клеймо школьнаго образованія. Какое же тутъ саморазвитіе? Учи хорошенько уроки,—и дѣло съ концомъ. Школьный періодъ образованія есть именно время, когда господствуютъ въ воспитаніи передача элементовъ наукъ, усвоеніе главнѣйшихъ пріобрѣтеній культуры. Школы суть трубки, проводящія и процѣживающія дѣтямъ знанія. Но это только съ виду, съ внѣшней стороны.

Извѣстны многочисленные факты значительной малоуспѣшности въ школахъ выдающихся позднѣе дѣятелей въ наукѣ, искусствѣ и практической дѣятельности, которымъ школа дала очень мало, а иногда противодѣйствовала развитію ихъ выдающихся способностей. Слѣдовательно, все школьное ученье, по своему вліянію на формировку такихъ личностей, равнялось почти нулю; такія личности почти всѣмъ обязаны лишь себѣ, а не школѣ. Далѣе, извѣстно, что школа своимъ ученьемъ окажетъ наиболѣе глубокое вліяніе въ томъ случаѣ, когда она будетъ слѣдовать природнымъ расположеніямъ учащихся, ихъ вкусамъ, склонностямъ и способностямъ, и будетъ предоставлять имъ возможно широкую свободу въ занятіяхъ любимыми предметами, т. е., другими словами, когда она образованіе поставитъ на почву самообразованія и саморазвитія и лишь будетъ, по мѣрѣ средствъ и возможности, помогать этому прогрессу. Если же школа будетъ держаться противоположнаго образа дѣйствій и не принимать въ соображеніе господствующіе вкусы и способности своихъ учениковъ, требовать отъ нихъ равнаго расположенія и равныхъ успѣховъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ, то толку будетъ мало; тогда первые въ школѣ окажутся послѣдними въ жизни и наоборотъ, что обыкновенно и бываетъ съ нашими школами при ихъ однообразныхъ учебныхъ курсахъ и свойственной имъ принудительности занятій. Такимъ образомъ, опять школьное вліяніе будетъ равняться почти нулю.

Къ указаннымъ фактамъ слѣдуетъ еще прибавить тѣ многочисленные случаи, когда люди оказываются вполнѣ развитыми и образованными, вовсе не побывавъ въ школѣ, или проведя въ ней самое малое время, такъ что все ихъ развитіе и образованіе есть плодъ ихъ саморазвитія и самообразованія, лишь съ самой малой примѣ-

сью школьнаго вліянія и передачи знаній. Таковы всѣ замѣчательные самоучки и самородки, заявившіе себя чѣмъ-либо выдающимся въ разныхъ областяхъ науки и искусства—механики, архитектуры, необычайно быстраго счисленія, въ живописи, пѣніи и пр.

Такимъ образомъ, не школа и не образованіе суть основа и источникъ самовоспитанія и самообразованія, какъ принято думать, а наоборотъ, саморазвитіе есть та необходимая почва, на которой школа только и можетъ существовать. Одинъ писатель говоритъ, что „о самовоспитаніи мы можемъ говорить только по аналогіи (per analogiam)" *), очевидно, съ воспитаніемъ. Мы же держимся такого мнѣнія, что вѣрнѣе было-бы сказать наоборотъ, что о воспитаніи мы можемъ судить лишь по аналогіи съ самовоспитаніемъ, точнѣе саморазвитіемъ. Человѣкъ начинаетъ съ саморазвитія, а не съ воспитанія; послѣднее присоединяется къ первому и можетъ дѣйствовать только на его почвѣ, по его образу и подобію. Въ частности школа есть не что иное, какъ примѣненіе къ дѣтямъ началъ саморазвитія.

Еще до возникновенія первой школы существовало самовоспитаніе. Первоначально учились лишь взрослые люди и учились сами такъ, какъ умѣли, безъ всякихъ методовъ и приспособленій, на мѣстѣ совершенія ремесла и профессіи. Извѣстныя знанія, привычки, умѣнья прежде всего нужны были взрослымъ и ими пріобрѣтались путемъ самообученія. Великая польза такихъ знаній и навыковъ побудила взрослыхъ учить тому же и дѣтей. Возникли мало-по-малу школы, усвоившія на первыхъ порахъ пріемы самообученія взрослыхъ. И до сихъ подъ разнымъ ремесламъ и мастерствамъ дѣти часто обучаются простымъ подражаніемъ дѣйствіямъ старшихъ, простымъ копированіемъ ихъ движеній. Только постепенно, въ теченіе продолжительнаго времени школа переработала пріемы самообученія взрослыхъ для удобства дѣтей, примѣнительно къ ихъ возрасту. Съ переработкой методовъ и пріемовъ примѣнительно къ новымъ условіямъ, т. е. собственно къ потребностямъ дѣтей, школа обособилась отъ семейнаго обученія, состоявшаго, главнымъ образомъ, въ самообученіи, получила особенный видъ и характеръ, никогда, впрочемъ, не порывая своей первоначальной зависимости отъ самовоспитанія. Каждый новый шагъ въ усовершенствованіи школы былъ примѣненіемъ началъ самообразованія къ школьному образованію юношества.

---

*) Sammlung von Abhandlungen aus dem Gebiete der pädagogischen Psychologie und Physiologie. Psychologische Analyse der Thatsache der Selbsterziehung. G. Cordes. Berlin, 1898. S. 13.

Въ чемъ заключаются усовершенствованія школы? Обыкновенно въ томъ, что вводится какой-либо пріемъ, методъ, правило, соотвѣтствующіе требованіямъ саморазвитія. Въ чемъ, напримѣръ, заключается сущность нагляднаго обученія? Въ изгнаніи прежняго отвлеченнаго способа обученія и въ утвержденіи новаго, начинающаго дѣло съ возбужденія органовъ внѣшнихъ чувствъ и образованія конкретныхъ представленій. Но послѣднимъ способомъ, т. е. нагляднымъ, испоконъ вѣка совершалось саморазвитіе всѣхъ людей. Когда дитя или взрослый приступалъ къ какому-либо новому предмету, занятію, то всегда начиналъ, по естественному порядку, съ нагляднаго знакомства съ нимъ. Дѣти плохо учились по отвлеченнымъ методамъ, туго понимали школьную мудрость, потому что основные пріемы школьнаго обученія не соотвѣтствовали естественному ходу самообразованія. Долгое время шла скрытая глухая борьба между этими двумя способами обученія, пока школа не поняла, наконецъ, своей ошибки и не ввела у себя порядокъ самообразованія—нягляд-ное обученіе. Этимъ она сдѣлала большой шагъ впередъ, значительно усовершенствовала все обученіе, а между тѣмъ суть дѣла заключалась въ выясненіи, усвоеніи и примѣненіи къ школьному обученію одного изъ началъ самообразованія.

Другой примѣръ. Въ настоящее время принятъ и совершенно разумно утвердился звуковой способъ обученія грамотѣ. Въ чемъ его сущность? Въ устраненіи искусственности и примѣненіи болѣе естественнаго метода. Изученіе названій буквъ, складовъ, продолжительное отсутствіе чтенія связной рѣчи при обученіи—все это признаки искусственнаго метода. Мы слышимъ вокругъ себя звуки членораздѣльной человѣческой рѣчи, а не буквы и названія ихъ; мы слышимъ связную осмысленную рѣчь, а не безсмысленные склады и отдѣльныя слова. Очевидно, такой методъ, который примѣнилъ къ обученію грамоты естественныя начала обученія живой рѣчи, тотъ порядокъ, котораго, слѣдуя указаніямъ природы, держится каждое дитя, усваивая родной языкъ, будутъ болѣе естественны, болѣе соотвѣтствовать ходу самообразованія, чѣмъ методы, построенные на другихъ основаніяхъ. А таковъ и есть звуковой способъ: онъ начинаетъ съ живой связной рѣчи, раздробляетъ ее на слова, слова на звуки, а потомъ эти элементы соединяетъ въ слова и связную рѣчь. Что дѣлаетъ дитя, учась родному языку? Сначала оно произноситъ отдѣльные звуки, выдѣляя ихъ изъ связной рѣчи взрослыхъ, а потомъ соединяетъ ихъ въ слова и связную рѣчь, которыя произноситъ само.

Третій примѣръ. Игры всегда составляли существенную сторону въ дѣтскомъ саморазвитіи: безъ игры не выростало ни одно дитя. Между тѣмъ, въ прежнее время школьное обученіе понималось, какъ

нѣчто чрезвычайно суровое, грозное, горькое, совершенно исключающее игры и веселье. Игры долгое время не входили въ учебные планы школъ. А теперь входятъ, и въ настоящее время школа, не дающая ни мѣста, ни времени дѣтскимъ играмъ и забавамъ, признается плохой школой. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, методъ самообразованія побѣдилъ методъ школьнаго обученія, вынудивъ школу включить въ составъ школьнаго образованія эту, нѣкогда столь презираемую, а на самомъ дѣлѣ весьма важную сторону самообразованія, т. е. игры.

Такимъ образомъ, основа школы и источникъ ея успѣховъ и усовершенствованія есть саморазвитіе человѣка, примѣненіе къ школьному обученію тѣхъ началъ и методовъ, которыми совершаются самовоспитаніе и самообразованіе. Иначе, конечно, и быть не можетъ.

Вообще, внимательный наблюдатель легко можетъ убѣдиться многими частными фактами, что сущность школьнаго образованія и воспитанія заключается въ самообразованіи и самовоспитаніи. Объясняйте учащемуся, сколько угодно, какое-либо правило; но если онъ самъ не пойметъ, въ чемъ дѣло, т.-е. не проявитъ необходимой собственной умственной дѣятельности, то все объясненіе будетъ напрасно, правило останется чуждымъ учащемуся, будетъ находиться внѣ его сознанія, не войдетъ въ него. Доказывайте воспитываемому на всѣ лады справедливость своего убѣжденія, напримѣръ, что надо выдать провинившагося товарища; но если дитя само разсуждаетъ по другому, то оно никогда не проникнется вашимъ убѣжденіемъ, будетъ поступать по своему, а ваше убѣжденіе признаетъ ложью, ошибкой, либо обманомъ, выдумкой, сочиненной лишь для угнетенія дѣтей, для достиженія подчиненія ихъ своему произволу. Чтобы добиться отъ дѣтей даже какого-либо внѣшняго успѣха, напр., заставить выучить что-либо безъ смысла — таблицу умноженія, молитву, стихотвореніе или внѣшнимъ образомъ подчиниться требованію, необходимо возбудить и привлечь ихъ вниманіе къ формѣ и послѣдовательности цыфръ, словъ, движеній. Безъ вниманія что-либо выполнить и запомнить невозможно, а вниманіе есть проявленіе самодѣятельности организма, требуетъ отъ человѣка напряженія воли. Очевидно, воспитаніе и образованіе въ цѣломъ и каждый отдѣльный моментъ ихъ могутъ удастся только тогда, когда воспитатель при объясненіи, внушеніи, доказательствѣ способенъ возбудить собственный самобытный процессъ въ сознаніи воспитываемаго, который въ извѣстной степени былъ-бы подобенъ процессу въ головѣ воспитателя и имѣлъ-бы таковую-же силу убѣдительности. Если этого не случится, то труды воспитателя не достигнутъ цѣли; тогда всѣ, самые разумные, доводы, самыя убѣдительныя внушенія останутся внѣ сознанія вос-

питываемаго и нисколько не подѣйствуютъ на него. Воспитатель будетъ твердить свое, а воспитанникъ будетъ поступать по своему.

Такой неудовлетворительный результатъ трудовъ педагога, при отсутствіи параллельной самодѣятельной работы учащихся, рѣшительно неизбѣженъ, такъ какъ ввести въ душу или тѣло воспитываемаго что-либо стороннее ему и готовое невозможно. Воспитываемый есть организмъ, тѣлесный и духовный. А организмъ—такое существо, которое живетъ и развивается по своимъ, присущимъ ему, законамъ, все воспринимаемое измѣняетъ и претворяетъ собственною дѣятельностью въ подобное себѣ, возникающее подъ вліяніемъ внѣшнихъ возбужденій. Внѣшняя природа, люди и вся ихъ жизнь даютъ организму лишь побужденія и матеріалъ для дѣятельности, но самая дѣятельность есть его собственная, своеобразная. Наблюдайте процессъ питанія организма, и вы замѣтите, что нельзя въ организмъ прямо ввести кусокъ какой-либо пищи. Лишь только вы положили кусокъ въ ротъ, какъ сейчасъ-же начали его измельчать зубами и размягчать слюной; проглотивъ пережованное, вы подвергаете его дѣйствію желудочнаго сока и работѣ другихъ органовъ, такъ что принятая пища поступаетъ въ кровь въ сильно измѣненномъ видѣ, сообразно законамъ и свойствамъ воспринявшаго ее организма. Что организмъ не можетъ переработать, то онъ извергаетъ вонъ тѣмъ или другимъ путемъ; если не можетъ извергнуть, то разстраивается и даже совсѣмъ погибаетъ, разрушается.

Душа—такой-же самобытный организмъ, какъ и тѣло; въ душѣ нѣтъ оконъ, въ которыя могло-бы войти въ нее что-либо извнѣ, стороннее ей. Все, что есть въ душѣ, есть результатъ ея самодѣятельности. Основное душевное явленіе есть ощущеніе; но ощущеніе, какъ извѣстно, представляетъ собою совершенно оригинальное явленіе, не похожее на вызвавшее его внѣшнее впечатлѣніе. Ощущенія—совершенно особенный, своеобразный міръ явленій, а изъ нихъ развивается вся душевная дѣятельность.

Слѣдовательно, получается такой основной выводъ: сущность педагогическаго процесса, съ внутренней стороны, заключается въ саморазвитіи организма; передача важнѣйшихъ культурныхъ пріобрѣтеній и обученіе старшимъ поколѣніемъ младшаго есть только внѣшняя сторона этого процесса, закрывающая самое существо его. На внѣшней только сторонѣ педагогическаго процесса нельзя остановиться при научномъ анализѣ воспитанія и образованія, а необходимо взять этотъ процессъ глубже и основательнѣе разсмотрѣть, въ чемъ онъ заключается по своему существу, по своей внутренней сторонѣ.

———

II.

Свойства педагогическаго процесса съ внутренней стороны.

Въ пониманіи сущности педагогическаго процесса совершалось постепенное углубленіе. Въ тѣ далекія времена, когда педагогическій процессъ считался простымъ передатчикомъ культуры отъ одного поколѣнія къ другому, онъ представлялся дѣятельностью механическаго характера, состоявшею, главнымъ образомъ, въ запоминаніи. Учи и учи, учи тверже, учи больше, не заботься много о пониманіи заучиваемаго, поймешь послѣ—вотъ что проповѣдывали и внушали воспитываемымъ педагоги того далекаго прошлаго. Какъ только педагоги поняли, что педагогическій процессъ не есть простой передатчикъ культуры, простой мостъ отъ одного поколѣнія къ другому, такъ сейчасъ-же постановка образованія и воспитанія измѣнилась. Учить наизусть недостаточно: нужно непремѣнно понимать заучиваемое, нужно усваивать въ системѣ, по порядку, такъ, чтобы умъ обогащался стройными рядами представленій о различныхъ предметахъ. Чѣмъ больше будетъ такихъ стройныхъ систематическихъ знаній у воспитываемаго, чѣмъ они будутъ разнообразнѣе, тѣмъ лучше. Наконецъ, и этимъ не ограничились. Знанія, конечно, цѣнны, но еще цѣннѣе умѣнье, искусство, способности. То человѣкъ знающій, а то человѣкъ умный. Умъ выше знаній, такъ какъ, владѣя умомъ, всегда можно пріобрѣсти знанія, а владѣя знаніями, не всегда пріобрѣтешь умъ. Такимъ образомъ, возникли два пониманія внутренняго саморазвитія организма: оно заключается или въ формальномъ развитіи способностей, или въ матеріальномъ развитіи, въ пріобрѣтеніи систематическихъ знаній.

Формальное развитіе есть такое развитіе и изощреніе способностей, которое дѣлаетъ ихъ пригодными для всякаго рода, самой различной, работы. Поэтому наиболѣе цѣнны такіе учебные предметы, которые не столько обогащаютъ умъ свѣдѣніями, сколько даютъ разнообразный матеріалъ для всесторонняго упражненія ума и, такимъ образомъ, сообщаютъ уму гибкость, подвижность, какъ-бы оттачиваютъ и шлифуютъ его. Отсюда, изъ указаннаго воззрѣнія, исходило убѣжденіе въ незамѣнимыхъ свойствахъ классическихъ языковъ и математики, какъ лучшихъ образовательныхъ предметовъ; здѣсь-же имѣетъ начало и мысль о томъ, что при образованіи ума нѣтъ никакой необходимости въ связномъ, послѣдовательномъ прохожденіи учебныхъ предметовъ, а достаточно брать изъ нихъ отдѣлы, наиболѣе богатые матеріалами для всесторонняго формальнаго упражненія ума. Знаніе само по себѣ, внѣ отношенія къ развитію ума, имѣетъ въ воспитаніи очень мало значенія: всего не узнаешь, всѣмъ наукамъ

не обучишься. Важно, чтобы человѣкъ самъ могъ учиться, чему нужно, а не то, чтобы онъ въ школѣ пріобрѣталъ возможно больше знаній. Самое важное пріобрѣтеніе учащихся—умѣніе правильно мыслить и говорить. Поэтому представители формальнаго направленія въ области воспитанія смотрѣли на весь міръ, какъ на матеріалъ для цѣлесообразныхъ упражненій дѣтей въ мышленіи и разговорѣ, составляли въ этомъ духѣ руководства и пособія, передѣлывали логику, приспособляя ее къ дѣтскому пониманію, и даже въ естествовѣдѣніи не находили ничего другого, какъ только поводъ потолковать съ дѣтьми, въ видахъ развитія ихъ мышленія и разговора, о цвѣтѣ, величинѣ, формѣ, движеніи и т. п. отвлеченныхъ понятіяхъ.

Въ отношеніи къ развитію воли при формальномъ направленіи заботятся не о томъ, чтобы снабдить воспитываемаго массой отдѣльныхъ добрыхъ привычекъ, благожелательныхъ чувствъ, научить его, какъ найтись въ томъ или въ другомъ частномъ затруднительномъ положеніи, ознакомить его съ манерой и правилами держать себя прилично въ извѣстныхъ слояхъ общества, а о томъ, чтобы закалить волю, т. е. сдѣлать человѣка твердымъ, мужественнымъ, находчивымъ, стойкимъ, способнымъ не потеряться среди любой, самой жестокой жизненной бури. Поэтому и воспитательная дисциплина при такомъ воспитаніи должна быть проникнута духомъ силы ненарушимости, а не гуманными послабленіями.

Противоположное направленіе сущность всего воспитанія и образованія полагало въ сообщеніи воспитываемымъ разнородныхъ и систематическихъ навыковъ и знаній. Формальное развитіе способностей—дѣло отвлеченное и нѣсколько темное; жизненное же значеніе солидныхъ знаній и хорошихъ навыковъ совершенно понятно и ясно каждому. Поэтому о сообщеніи знаній и привычекъ и слѣдуетъ хлопотать, оставивъ совершенно въ сторонѣ заботы о формальномъ развитіи способностей. Если таковое существуетъ и желательно, то оно получится само собою, какъ необходимый результатъ пріобрѣтенія систематическаго и разнороднаго знанія и систематическаго пріученія. Формалисты допускали ту существенную ошибку, что они недостаточно понимали и цѣнили значеніе для человѣка систематическаго научнаго знанія и волевого упражненія. Наука заключаетъ сама въ себѣ воспитывающую умъ силу; она есть не безпорядочная куча разнороднаго матеріала, а знаніе систематическое, организованное, усвоеніе котораго неизбѣжно дастъ благіе результаты и для формальнаго развитія ума безъ всякихъ объ этомъ заботъ. Все дѣло въ томъ, чтобы не калѣчить науку, не разрывать ее на кусочки, не лишать души, а давать ее въ настоящемъ видѣ. Чѣмъ больше дать науки, тѣмъ лучше. Отсюда беретъ свое начало такъ называемый, дидак-

тическій матеріализмъ, стремившійся сдѣлать учебный курсъ возможно широкимъ и разнообразнымъ и перегружавшій его до-нельзя—цѣлыми десятками самыхъ различныхъ наукъ, языковъ и искусствъ. Все полезно, все въ своемъ родѣ превосходно; жаль выбросить изъ курса хорошій предметъ, и вотъ получались ужасныя учебныя программы, совмѣщавшія въ себѣ всѣ виды образованія, представлявшія цѣлыя научныя энциклопедіи. Въ такомъ видѣ образованіе существовало у насъ долгое время, напримѣръ, въ первой половинѣ и въ началѣ второй прошлаго столѣтія. Въ программѣ нашихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній чего-чего не было втиснуто! Цѣлые десятки самыхъ различныхъ предметовъ наименовывались въ нихъ такъ, что диву даешься, читая теперь заглавія этихъ школьныхъ энциклопедій.

Въ волевомъ отношеніи также существовалъ своего рода матеріализмъ: заботились не о развитіи воли, а о частичныхъ навыкахъ, нужныхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ жизни. Какъ одѣваться, кланяться, какія чувства прилично выказывать и какія неприлично; какъ не показаться невѣжественнымъ, несдержаннымъ въ обществѣ, словомъ, житейская ловкость, внѣшній лоскъ, умѣнье для людей дѣлать веселую физіономію, когда на сердцѣ кошки скребутъ — вотъ о чемъ заботились. Съ особенною ревностью это направленіе въ воспитаніи воли осуществлялось и осуществляется въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ и преимущественно въ закрытыхъ женскихъ школахъ.

Казалось-бы, что самое правильное пониманіе процесса саморазвитія заключается въ устраненіи односторонности и гармоническомъ соединеніи формальнаго и матеріальнаго образованія и воспитанія въ педагогическомъ процессѣ. Но дѣло понимается не такъ. Въ настоящее время существуетъ такое педагогическое направленіе, которое полагаетъ возможнымъ значительно упростить задачи воспитанія и образованія, снявъ съ плечъ педагоговъ добрую половину тяжести, лежавшей на нихъ, именно устранивъ совсѣмъ вопросъ о формальномъ развитіи, какъ лишній. Утверждаютъ, что формальное развитіе способностей въ полной мѣрѣ присуще каждому человѣку и дитяти безъ всякаго ученья, при крайней бѣдности знаній. Учить мыслить значитъ учить ноги ходить, желудокъ—переваривать пищу, камень—падать и т. п., что, конечно, совершенно излишне, такъ какъ имѣется на лицо по природѣ. Въ отношеніи формальнаго развитія способностей 10-ти лѣтній и взрослый одинаковы: разница между ними „почти вся“ (эта оговорка—окажется пятой теоріи) объясняется количествомъ знаній, а не большимъ или меньшимъ совершенствомъ формальнаго развитія способностей. Не вполнѣ развитой

формально есть абсолютный дуракъ. Да и какъ формально развивать способности? Рѣшительно невозможно. Изученіе наукъ не развиваетъ ума, а лишь проявляетъ его. Умъ, независимо отъ предметовъ мышленія, владѣетъ всѣми своими свойствами, готовъ и развитъ съ самаго начала своего существованія, такъ что въ изученіи наукъ ему остается проявлять себя, а не развиваться. Процессъ познанія не можетъ обратно отражаться на умѣ и влiять на него: „никакое твореніе не умножитъ силы своего творца". Притомъ, если-бы можно было развивать способности, то, слѣдовательно, можно было-бы, по желанію, создавать талантовъ и геніевъ, а глупыхъ людей превращать въ умныхъ. Между тѣмъ, такой волшебной силой педагоги не владѣютъ. Вообще, мышленіе совершается по неизмѣннымъ органическимъ законамъ, въ дѣйствіи которыхъ ошибокъ не бываетъ. Всѣ ошибки возникаютъ отъ незнанія. Потому заботы о формальномъ развитіи мыслительности излишни и совершенно непроизводительный трудъ. И въ родѣ человѣческомъ, какъ и въ отдѣльной личности, способности не увеличиваются, остаются въ одномъ и томъ же положеніи; увеличиваются лишь знанія.

Такимъ образомъ, получается цѣлая стройная теорія, дающая особый видъ саморазвитію организма. Оказывается, что собственно саморазвитія, по крайней мѣрѣ въ умственной сферѣ, нѣтъ, что если его допускаютъ, то увлекаются иллюзіей, смѣшиваютъ пріобрѣтеніе и увеличеніе знаній съ формальнымъ развитіемъ, съ развитіемъ способностей, количественную сторону принимаютъ за качественную. Есть только увеличеніе знаній, а развитія способностей нѣтъ; послѣднія лишь проявляются, но не измѣняются къ лучшему, не развиваются; онѣ готовы и сполна вооружены съ самаго начала существованія человѣка, хотя, конечно, у разныхъ людей и бываютъ различными *).

Если изложенную теорію признать правильной, то она должна оказать большое вліяніе на постановку воспитанія и образованія, значительно его упростивъ и облегчивъ. Все дѣло педагога тогда будетъ касаться лишь сообщенія знаній, прочія же заботы отойдутъ отъ него, заботы не только о развитіи ума, но и воли, и чувствованій. Если умственныя способности не развиваются, то, понятно,

---

*) См. Н. Соколовъ. „Науки развиваютъ ли умъ или даютъ только знаніе?" Москва. 1895 г.—Журналъ „Русская Школа" за 1902 г. ст. „Педагогическіе парадоксы". Особенно за апрѣль (№ 4). – Въ болѣе умѣренной формѣ тѣ же мысли высказалъ D-r Huther, Die psychologische Grundlage des Unterrichts. Berlin. 1899. Преимуществено стр. 5, 6, 50, 54, 59, 65, 83 (Въ Sammlung von Abhandlungen aus dem Gebiete der pädagogischen Psychologie und Physiologie).

не развиваются и всѣ другія, такъ какъ онѣ—такія же душевныя способности, какъ и умственныя; формально онѣ также готовы. Слѣдовательно, человѣка по природѣ тупого, ограниченнаго, медлительнаго, слабовольнаго, жестокаго, эгоистичнаго и т. п. стараться сдѣлать лучше—совсѣмъ напрасный трудъ. Ему можно сообщить лишь знанія теоретическія и практическія, о наукахъ, о жизни, о поведеніи; а человѣкъ, въ сущности, останется такимъ, какимъ создала его природа: отъ воспитанія онъ не улучшится и не ухудшится. Слѣдовательно, большая часть педагогической тяжести снимается съ педагога: онъ пойдетъ въ свой путь налегкѣ, „веселыми ногами".

Очевидно, изложенная теорія требуетъ внимательнаго и тщательнаго разсмотрѣнія, по ея педагогической важности.

Новизна разсматриваемой теоріи весьма сомнительна: въ ней, напротивъ, слышатся весьма старые мотивы. Она представляетъ собою сочетаніе старинной теоріи о способностяхъ души съ кантовскимъ ученіемъ объ апріорныхъ формахъ мышленія, для которыхъ весь опытъ, всѣ впечатлѣнія суть только матеріалъ, грубый, сырой, нелогичный, ничего не могущій прибавить къ природному совершенству апріорныхъ формъ. Способности души и апріорныя формы количественно и качественно существуютъ съ самаго перваго момента бытія человѣка и на матеріалѣ только проявляются. Онѣ даютъ матеріалу порядокъ, связь, систематическій характеръ, а въ обмѣнъ не получаютъ почти ничего, лишь заполняя свою природную пустоту грубымъ, сырымъ матеріаломъ. Такимъ образомъ, утвержденія, что „умъ, какъ самостоятельная духовная способность, владѣетъ своими силами независимо отъ предметовъ, подлежащихъ познанію", что предметы умственныхъ занятій „не могутъ развивать активной силы ума, а служатъ только матеріаломъ для дѣятельности этой силы", „что всякій здоровый человѣкъ обладаетъ вполнѣ развитою логическою способностью, полнымъ формальнымъ развитіемъ" и т. п. суть не что иное, какъ изложеніе своими словами стариннаго ученія о способностяхъ души и кантовскаго взгляда на отношеніе между апріорными формами познанія, имѣющими чисто формальный характеръ, и впечатлѣніями опыта.

Въ настоящее время послѣдователей теоріи способностей души мало, а кантовскаго ученія объ апріорныхъ формахъ еще довольно много; но во всякомъ случаѣ входить въ критическое разсмотрѣніе этихъ старыхъ ученій было-бы здѣсь неумѣстно. Вопросъ обсужденъ уже давно и разносторонне, прибавить что-либо новое по этому вопросу трудно. Въ настоящее время каждый можетъ выбирать любое—старую психологію или новую. Поэтому о сущности изложенной

теорiи говорить собственно нечего и не стоитъ; но фактическая сторона дѣла требуетъ объясненiя.

Предполагать, что внутри у насъ скрытъ съ самаго рожденiя какой-то сложный аппаратъ, остающiйся во всю жизнь неизмѣннымъ,—неудобно; ничего неизмѣннаго ни вокругъ насъ, ни въ насъ самихъ нѣтъ: все измѣняется, а человѣческiй организмъ въ тѣлесномъ и духовномъ отношенiяхъ развивается. Что-либо неизмѣнное, сразу готовое навсегда, не подлежащее развитiю—это чудо среди измѣнчиваго и развивающагося мiра. Чтобы сдѣлать исключенiе изъ мiрового закона эволюцiи для какого-либо круга явленiй, для этого необходимы весьма серьезныя и твердыя основанiя, каковыхъ не представлено; неправильно вообразить себѣ душевныя способности существующими отдѣльно отъ душевныхъ процессовъ, отъ впечатлѣнiй, дѣйствующихъ на органы внѣшнихъ чувствъ; душевныя способности извѣстны только по дѣятельности: внѣ процессовъ мы ничего не знаемъ о душевныхъ способностяхъ. Поэтому выраженiя, что умъ владѣетъ своими силами независимо отъ предметовъ познанiя, что онъ всегда на-лицо и готовъ для умственной работы и т. п., есть чистая миѳологiя, раздѣленiе недѣлимаго и признанiе существующимъ независимо того независимаго, существованiя чего никто и никогда не видалъ и не знаетъ. Очевидно, все это—мало удовлетворительная психологiя.

Если душевные процессы развиваются, то развиваются и душевныя способности; развитiе же душевныхъ процессовъ несомнѣнно. Было-бы очень неправильно думать, что все развитiе душевныхъ процессовъ заключается въ увеличенiи количества знанiй. Тогда это было-бы не развитiе собственно, а простой ростъ, удлиненiе и расширенiе того, что есть, и въ тѣхъ направленiяхъ, которыя уже даны.

Это было-бы механическое увеличенiе, а не органическое развитiе и укрѣпленiе. Сами защитники разсматриваемаго взгляда не рѣшаются высказать свой взглядъ безъ всякихъ оговорокъ и оставляютъ себѣ маленькiя лазейки. Они говорятъ, что въ дѣлѣ формальнаго развитiя способностей 10-ти лѣтнiй и взрослый одиноковы; разница между ними, „почти вся“, объясняется количествомъ знанiй. Почти вся, а не вся. Значитъ, есть нѣчто въ развитiи, что невозможно объяснить количествомъ знанiй. А какъ скоро допущена хотя капля формальнаго развитiя, т. е. признано его существованiе, то вопросъ о размѣрѣ его является уже второстепеннымъ. Одинъ авторъ допуститъ его лишь каплю, а другой—цѣлое море.

Что же именно новаго прiобрѣтаетъ человѣкъ съ практикой душевной дѣятельности, съ упражненiемъ въ душевной работѣ? Другими словами, въ чемъ заключается формальное развитiе ума и

душевныхъ способностей вообще? Чтобы яснѣе отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся къ физическому труду и посмотримъ, не даетъ-ли онъ какого-либо своеобразнаго физическаго формальнаго развитія. Таковое, несомнѣнно, существуетъ.

Человѣкъ, изучающій какое либо мастерство, изучаетъ его съ двухъ сторонъ: со стороны матеріала и со стороны пріемовъ. Каждое мастерство имѣетъ свой особенный матеріалъ, и первое дѣло при знакомствѣ съ мастерствомъ знать, съ какимъ матеріаломъ будешь работать. Свойства матеріала опредѣляютъ и способы его обработки. За ознакомленіемъ съ матеріаломъ идетъ изученіе орудій и пріемовъ мастерства и пріобрѣтеніе въ нихъ надлежащей ловкости, усвоеніе различныхъ техническихъ навыковъ. Ничего болѣе въ мастерствѣ съ умственной стороны нѣтъ: знакомство съ матеріаломъ и знаніе пріемовъ мастерства, точнѣе, ловкость въ нихъ—вотъ и все.

Предположимъ теперь, что человѣкъ, изучившій одно мастерство, переходитъ къ изученію другого. Въ чемъ можетъ оказать ему помощь знакомство съ первымъ мастерствомъ? Помощь можетъ быть двоякая: въ ознакомленіи съ матеріаломъ и пріемами мастерства, если мастерства имѣютъ нѣкоторое сходство между собою. Чѣмъ больше будетъ сходство между матеріалами ремеслъ, тѣмъ больше знаній матеріала перваго мастерства пригодится при знакомствѣ съ матеріаломъ второго мастерства, тѣмъ легче и быстрѣе произойдетъ ознакомленіе съ послѣднимъ; если же сходства по матеріалу между ремеслами будетъ очень мало, или его даже совсѣмъ не окажется, то знаніе перваго мастерства нисколько не поможетъ при ознакомленіи съ матеріаломъ второго, и его придется вести совершенно заново. То же самое повторится по отношенію къ пріемамъ мастерства. При сходствѣ пріемовъ, пріемы перваго мастерства можно прямо перенести на второе; если же сходство незначительно, то прежнія знанія по мастерству будутъ мало полезны при изученіи новаго ремесла. Ни въ чемъ другомъ знаніе одного ремесла не можетъ помочь усвоенію другого.

Слѣдовательно, формальное развитіе въ физическомъ трудѣ будетъ состоять въ умѣньи пользоваться прежними знаніями матеріала и пріемовъ мастерства при усвоеніи техники новаго. Чѣмъ чаще будетъ переходъ отъ одного мастерства къ другому (предполагая хорошее усвоеніе каждаго), тѣмъ искусство въ пользованіи прежними знаніями и навыками при знакомствѣ съ новымъ ремесломъ будетъ возрастать, становиться больше и больше, тѣмъ опытнѣе, умнѣе и свѣдущѣе будетъ ремесленникъ. Отъ изученія многихъ ремеслъ у него получится общее ремесленное развитіе и искусство; рука и глазъ его привыкнутъ обращаться съ самымъ разнороднымъ

матеріаломъ, приспособляться къ нему: рука сдѣлается ловчѣе, а глазъ острѣе, работа будетъ итти быстро и складно. Такой ремесленникъ не потеряется ни въ одномъ затруднительномъ случаѣ, такъ какъ въ его обширномъ опытѣ найдется нѣчто сходное съ настоящимъ положеніемъ, окажется возможнымъ воспользоваться какимъ либо старымъ знаніемъ, съ видоизмѣненіемъ его по современнымъ обстоятельствамъ, для примѣненія въ новомъ сочетаніи. Тѣже самыя явленія происходятъ и въ духовномъ мірѣ при формальномъ развитіи душевныхъ способностей.

Каждая наука, каждое искусство, каждый языкъ представляютъ собою сочетаніе двухъ элементовъ: извѣстнаго матеріала и извѣстной логики. Наука, искусство и языки не суть груды матеріала, набросаннаго въ хаотическомъ безпорядкѣ, какъ пришлось; это есть знаніе и дѣятельности организованныя, систематическія, воздѣйствующія на каждый умъ непремѣнно и своей логикой. У каждой науки, у каждаго языка и искусства есть не только свой матеріалъ, но и своя логика. И матеріалъ и логика, конечно, различны: есть науки (также и языки) чрезвычайно богатыя и обильныя по матеріалу съ сравнительно несложной и подчасъ даже мало разработанной логикой; есть предметы съ болѣе сложной и хорошо разработанной логикой, но съ весьма небольшимъ матеріаломъ; есть предметы, значительно дѣйствующіе на чувство, и есть предметы, мало дѣйствующіе на чувство; есть предметы, требующіе преимущественно отвлеченнаго мышленія, и есть предметы, требующіе нагляднаго мышленія; есть предметы съ весьма сходнымъ матеріаломъ и логикой, и есть предметы съ весьма различнымъ матеріаломъ и логикой.

Очевидно, надлежащее развитіе ума можетъ получиться лишь при тщательномъ вниманіи къ процессу работы, къ пріемамъ при обработкѣ матеріала, къ ихъ анализу, къ выясненію ихъ значенія въ отдѣльности и въ общей связи одного съ другимъ. Иначе сказать, для хорошаго формальнаго развитія нужно тщательное изученіе логики отдѣльныхъ наукъ, а потомъ и логики вообще, а не только научнаго матеріала. Эта логическая, формальная сторона образованія въ настоящее время очень слаба.

Если признать указанную двойственность каждой умственной работы, то получится полная аналогія между физической и духовной работой: и въ духовной работѣ дѣло состоитъ въ ознакомленіи съ матеріаломъ работы и съ пріемами при обработкѣ матеріала, а формальное развитіе душевныхъ способностей будетъ заключаться въ умѣньи пользоваться прежними знаніями матеріала и пріемовъ его обработки при новыхъ работахъ.

Въ духовной работѣ знаніе свойствъ матеріала прежнихъ работъ можетъ большею или меньшею частью входить въ знакомство съ новымъ матеріаломъ. Напримѣръ, переходя отъ математики къ физикѣ, отъ физики къ химіи, отъ географіи къ исторіи мы значительную часть своихъ прежнихъ знаній о матеріалѣ науки переносимъ на новый, такъ какъ новый матеріалъ есть дальнѣйшее усложненіе предыдущаго или новый матеріалъ развивается на почвѣ прежняго. Чѣмъ больше стараго матеріала повторяется въ новомъ, тѣмъ легче и быстрѣе совершается усвоеніе новаго. Усвоеніе латинскаго языка представитъ извѣстныя трудности; но изученіе французскаго и итальянскаго значительно облегчится тѣмъ, что не малая часть матеріала въ этихъ языкахъ заимствована изъ латинскаго. То-же повторяется при переходѣ отъ французскаго и нѣмецкаго языковъ къ англійскому.

Пріемы умственной работы также переносятся съ одного предмета на другой. Если человѣкъ хорошо усвоилъ себѣ способъ математическаго разсужденія, то онъ будетъ пользоваться имъ въ весьма многихъ случаяхъ, такъ какъ астрономія и механика заключаютъ въ себѣ весьма много математическихъ элементовъ; въ физикѣ и химіи нерѣдко встрѣчается надобность въ математическомъ разсужденіи; въ нѣкоторыхъ другихъ также. Мы не говоримъ уже о томъ, что на математическое разсужденіе представляетъ не рѣдкій запросъ жизнь. Точно также усвоеніе метода тщательнаго наблюденія фактовъ, положимъ, въ ботаникѣ окажетъ услуги при наблюденіяхъ надъ минералами, животными и даже людьми; умѣнье обращаться съ историческими документами будетъ полезно и въ этнографіи, и въ соціологіи, и въ исторіи литературы и во многихъ частныхъ вѣтвяхъ знанія. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ даже необходимымъ, при классификаціи наукъ, представлять ихъ въ видѣ послѣдовательнаго усложняющагося ряда, въ которомъ каждая послѣдующая наука непремѣнно заключаетъ въ себѣ существенные элементы всѣхъ предшествующихъ и по содержанію, и по методу (Контовская классификація).

Итакъ, изученіе каждой науки, языка, искусства можетъ влечь и дѣйствительно влечетъ въ большей или меньшей степени (эта степень зависитъ отъ постановки образованія) двоякое развитіе ума: матеріальное—пріобрѣтеніе знаній, усвоеніе новаго матеріала—и формальное, заключающееся въ усвоеніи метода работы, въ пріобрѣтеніи навыка, искусства въ работѣ въ сферѣ данной науки и вообще какой-бы то ни было душевной дѣятельности. Искусство пользоваться старымъ матеріаломъ и прежними знакомыми пріемами работы при изученіи и обработкѣ новаго матеріала и составляетъ

то, что называется формальнымъ развитіемъ. Очевидно, такое развитіе совершается постепенно, требуетъ времени, хлопотъ и трудовъ, имѣетъ разные виды и степени, подобно тому, какъ есть степени въ количественномъ пріобрѣтеніи знаній: одинъ знаетъ больше по извѣстной наукѣ, а другой меньше. Обстоятельное изученіе одного предмета даетъ частное формальное развитіе въ области этого предмета: проникнувшись своеобразнымъ характеромъ матеріала и логики данной области знанія, человѣкъ пріобрѣтаетъ искусство въ разрѣшеніи вопросовъ этой науки, умѣнье съ успѣхомъ мыслить въ ея области. Изучивъ другую, третью, четвертую науки, изучающій расширяетъ матеріалъ своихъ научныхъ владѣній, свои знанія, а вмѣстѣ укрѣпляетъ новыми изслѣдованіями прежнее искусство въ разрѣшеніи научныхъ вопросовъ, расширяетъ и усовершенствуетъ свои научные пріемы, пріобрѣтаетъ новые науки, усваиваетъ новые способы умственнаго труда. Сочетаніе прежнихъ пріемовъ съ новыми въ умственной работѣ даетъ въ результатѣ общее формальное развитіе, заключающееся въ выработкѣ общихъ руководящихъ началъ при всякомъ умственномъ трудѣ. Мало-по-малу возникаютъ и укрѣпляются такія свойства, какъ глубина и основательность проработки вопросовъ, всесторонность ихъ разсмотрѣнія, осторожность въ сужденіяхъ, воздержаніе отъ личныхъ пристрастій, неторопливость въ выводахъ, стремленіе къ ихъ точной формулировкѣ и т. п. Такія свойства умственной дѣятельности неизбѣжно предполагаютъ позади себя довольно обширную и разнообразную работу, веденную правильно, методично, а не кое-какъ, притомъ съ тщательнымъ вниманіемъ къ процессу работы, къ ея методологіи.

Очевидно, утвержденіе, что въ отношеніи формальнаго развитія способностей 10-ти лѣтній и взрослый одинаковы или почти одинаковы, есть чистѣйшій вздоръ, отрицаніе неподлежащихъ никакому сомнѣнію фактовъ душевной жизни человѣка. Формальное развитіе такъ же растетъ, какъ и количественное увеличеніе знаній. Какъ въ послѣднемъ существуетъ безконечное число степеней и видовъ, такъ и въ первомъ. Каждый отдѣльный умъ гораздо больше характеризуется степенью своего формальнаго развитія, чѣмъ количествомъ пріобрѣтенныхъ знаній.

Говоря о формальномъ развитіи душевныхъ способностей, мы ссылались постоянно на практику ума; но то-же справедливо и по отношенію къ другимъ способностямъ. Напримѣръ, развитіе воли совершается тѣмъ же порядкомъ. Въ волѣ есть и матеріальная и формальная стороны, а формальное развитіе также бываетъ частнымъ и общимъ. Когда воля упражняется въ мужествѣ, предпріимчивости, бережливости, когда дитя пріучается къ порядливости, точному вы-

полненію своихъ семейныхъ или школьныхъ обязанностей, тогда отдѣльные движенія, дѣйствія и поступки, совершаемые въ той или другой частной области пріученія и укрѣпленія воли, составляютъ матеріалъ волевой дѣятельности; постепенность же и вообще порядокъ въ ихъ совершеніи, связываніе и сравненіе одного дѣйствія съ другимъ, словомъ, методологія этихъ дѣйствій составляетъ формальную сторону дѣла. Въ результатѣ получится не только овладѣніе отдѣльными движеніями, но и формальное развитіе въ этой частной сферѣ, искусство и легкость въ совершеніи изучаемыхъ движеній и поступковъ.

Когда изъ одной сферы дѣятельности человѣкъ перейдетъ въ другую сферу, тогда на новую сферу онъ перенесетъ, въ случаѣ нѣкотораго сходства ея съ прежней, свое знаніе отдѣльныхъ движеній и порядка и способа ихъ совершенія, вслѣдствіе чего вторая волевая область упражненій усвоится скорѣе и легче. А въ концѣ концовъ, отъ изученія многихъ такихъ областей, получится общее формальное развитіе воли, т. е. ея стойкость, выдержанность, обдуманность дѣйствій, необходимая для успѣха дѣла предпріимчивость, умѣнье во-время уступить, словомъ, возникнетъ въ области воли явленіе, совершенно аналогичное общему формальному развитію ума.

Подвижничество заключается, главнымъ образомъ, въ укрѣпленіи и развитіи воли. Какъ достигается такая воля, какъ вырабатывается? Путемъ постепеннаго усвоенія отдѣльныхъ способовъ подвижничества, т. е. овладѣнія волей частными областями поступковъ. Сначала подвижникъ упражняетъ себя въ неуклонномъ посѣщеніи церковныхъ службъ и совершеніи келейныхъ молитвъ, потомъ въ строгомъ соблюденіи постничества, въ безпрекословномъ повиновеніи монастырскимъ властямъ, потомъ борется съ чувствомъ зависти, властолюбія и т. д. Каждая отдѣльная область упражненій такъ-же обогащаетъ волю, какъ отдѣльная наука умъ, принося ей новый видъ движеній и поступковъ и создавая разнообразные навыки въ дѣйствованіи, расширяя пріемы и методы властвованія воли надъ всѣми грѣховными влеченіями. Въ концѣ концовъ создается твердая могучая подвижническая воля, не боящаяся никого и ничего, легко справляющаяся со всякимъ искушеніемъ, т. е. достигается общее формальное развитіе воли.

Сомнѣваться въ наличности очерченнаго формальнаго развитія, а равно въ томъ, что оно можетъ совершаться лишь постепенно, требуетъ времени и большихъ трудовъ, что дѣтямъ оно не присуще, какъ не присуще и многимъ взрослымъ,—невозможно. Какимъ же образомъ, на какомъ основаніи отвергаютъ эти факты и держатся мнѣ-

нія, прямо противорѣчащаго имъ? Строго говоря, такое мнѣніе есть плодъ недоразумѣнія.

Защитники приведеннаго мнѣнія опираются на тотъ фактъ, что дѣти и крестьяне, никогда въ школѣ не бывавшіе, въ доступныхъ имъ областяхъ, обнаруживаютъ хорошую сообразительность, надлежащее формальное развитіе. Удивляться этому нечего; такъ и должно быть. Вѣдь, сущность педагогическаго процесса заключается въ саморазвитіи, начинающемся съ перваго момента бытія. Слѣдовательно, въ какой-бы періодъ времени мы ни взяли человѣка, у него мы непремѣнно найдемъ извѣстную долю формальнаго развитія. Впечатлѣнія дѣйствуютъ на человѣка; душевные процессы совершаются въ немъ, а вмѣстѣ съ ними необходимо пріобрѣтается и формальное развитіе въ извѣстной степени. Иначе не можетъ быть, такъ какъ формальное развитіе не есть что-либо отдѣльное отъ пріобрѣтенія знаній и усвоенія впечатлѣній, а есть процессъ, неразрывно съ ними связанный. Формальное развитіе можетъ совершаться только съ развитіемъ знаній и посредствомъ практическихъ упражненій въ мышленіи. Знакомясь съ окружающими предметами, дѣти, дикари, крестьяне мыслятъ и вмѣстѣ учатся мышленію. Они провѣряютъ результаты своего мышленія фактами природы и своей собственной жизни, которые они наблюдаютъ, и такимъ путемъ исправляютъ свое мышленіе, развиваютъ и усовершенствуютъ свою мыслительную способность. Вѣдь, учиться мыслить можно не только въ школѣ, на учебныхъ предметахъ, но и въ жизни, на явленіяхъ природы и событіяхъ человѣческой дѣятельности; можно учиться подъ руководствомъ другихъ, какъ въ школахъ, можно учиться и безъ руководителей, какъ то бываетъ въ жизни. Сама наука и школа выростаетъ изъ жизни, какъ результаты самообразованія.

Мужики-земледѣльцы, передѣляющіе луга и поля, практически хорошо понимаютъ элементы наглядной геометріи и правильно мыслятъ въ этой области; крестьяне-пастухи знакомы съ началами астрономіи, мельники—гидравлики, странники — географіи и т. п. Въ области тщательно наблюденнаго и извѣстнаго мышленіе какъ простолюдина, такъ и дитяти можетъ быть совершенно правильнымъ и формально развитымъ въ силу самодѣятельности организма и собственнаго самоисправленія и самоконтроля, постепенно устраняющихъ ошибки; вслѣдствіе этого мышленіе научается быстрѣе и съ меньшимъ трудомъ достигать вѣрныхъ выводовъ. Но отсюда, очевидно, не слѣдуетъ, что формальное развитіе способностей присуще людямъ по природѣ, что всѣ владѣютъ имъ сполна съ рожденія и что заботиться о немъ не слѣдуетъ. Формальное развитіе начинается до школы, можно сказать, съ перваго дня рожденія,

а въ школѣ лишь продолжается. Въ періодъ до школы способности развиваются на разрозненныхъ, несистематическихъ фактахъ природы и человѣческой жизни, а въ школѣ, продолжая то-же развитіе, будутъ еще упражняться и вмѣстѣ развиваться систематизированнымъ научнымъ знаніемъ въ различныхъ его областяхъ и направленіяхъ. Знакомство съ науками послужитъ началомъ новаго періода въ развитіи знанія и формальнаго мышленія, но не началомъ вообще.

Наиболѣе явственное формальное развитіе наблюдается въ развитіи каждаго человѣка по возрастамъ и въ развитіи генія или выдающагося писателя, которое отчетливо можно прослѣдить по его произведеніямъ. Неужели справедливо, что все развитіе генія есть простое увеличеніе количества его знаній, что въ зрѣломъ возрастѣ, въ дѣтствѣ и въ глубокой старости сила его геніальности собственно находится на одномъ и томъ же уровнѣ? Нравственная и умственная зрѣлость человѣка совсѣмъ не тождественна съ количествомъ знаній: ею обозначается именно развитость духа, просвѣщенное міровоззрѣніе, твердые принципы въ дѣятельности, а не количество знаній, играющее въ зрѣлости второстепенную роль. Старикъ, умудренный долгимъ и разнообразнымъ опытомъ, вышколенный жизнью, отличается отъ 10-ти лѣтняго мальчика, или отъ юности не только количествомъ знаній: одинъ помаленьку теряетъ свои знанія, въ частности школьныя знанія имъ давно забыты; другой быстро расширяетъ свои знанія, такъ что въ количествѣ послѣднихъ они могутъ сойтись и быть равными; но по формальному развитію всѣхъ своихъ душевныхъ способностей они будутъ совершенно различными, что на каждомъ шагу и обнаруживается въ сужденіяхъ и поступкахъ юноши и старика.

Другое недоразумѣніе разсматриваемаго мнѣнія заключается въ далеко зашедшей полемикѣ противъ образовательной силы древнихъ языковъ и математики.

Давно уже существуетъ суевѣрное убѣжденіе въ необычайной образовательной силѣ названныхъ предметовъ, въ ихъ способности всесторонне воздѣйствовать на развитіе ума. Отвергая таковую силу, полемисты дошли до отрицанія формальнаго развитія вообще, до курьезнаго утвержденія, что „природная умственная сила человѣка составляетъ самостоятельное начало, совершенно независимое отъ знаній, и заключаетъ въ себѣ всѣ духовные элементы для успѣшности пріобрѣтенія знаній, какъ то: логичность мышленія, глубокомысліе, возможность къ напряженности ума, къ обдуманности и правильности выводовъ, и пр. и пр. Но всѣ эти качества, при умственныхъ занятіяхъ только проявляются, а не развиваются“... „Если нужна особенная напряженность ума для пониманія, умственная

сила проявитъ эту напряженность; если нужно особенное глубокомыслiе, умственная сила углубится“ и т. д. Прежде чѣмъ началась умственная работа, до совершенiя перваго мыслительнаго акта, въ умѣ есть уже и логичность, и глубокомыслiе, и обдуманность и пр., все это сидитъ гдѣ-то въ насъ готовымъ и ждетъ впечатлѣнiй, чтобы наброситься на нихъ съ логичностью, глубокомыслiемъ и пр., какъ голодный звѣрь набрасывается на добычу съ разинутой пастью, сверкающими зубами, налитыми кровью глазами и пр. Умъ—это совсѣмъ сложенная, вполнѣ, во всѣхъ частяхъ, благоустроенная машина, готовый паровикъ,—нужно только развести пары, чтобы онъ началъ дѣйствовать. Представленiе—совершенно несообразное съ фактами, чисто фантастическое, созданное въ видахъ полемическихъ цѣлей, а не для спокойнаго выясненiя вопроса.

Нѣтъ сомнѣнiя, что притязанiя поклонниковъ классическихъ языковъ и математики на какiя-то особенныя образовательныя свойства этихъ предметовъ неправильны. Найти одинъ-два предмета такихъ, которые совмѣщали-бы въ себѣ и по матерiалу, и по обработкѣ его все, что нужно для формальнаго развитiя, невозможно, но заключать отсюда, что не существуетъ такого формальнаго развитiя, было-бы несправедливо. Каждый предметъ, давая знанiя, сообщаетъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, и формальное развитiе.

Говорятъ, что упражненiя могутъ создавать лишь низшiя способности механическаго характера, а не высшiя. Развивая способности, нельзя создавать генiевъ, талантовъ, глупыхъ людей превращать въ умныхъ. Конечно, нѣтъ; да, вѣдь, такихъ задачъ формальному развитiю никто и не ставитъ, и нельзя ставить. Формальное развитiе есть увеличенiе работоспособности человѣка: что прежде дѣлалось съ трудомъ, то теперь дѣлается легко; что прежде требовало много времени, то теперь совершается въ малое время; что прежде дѣлалось тихо, съ погрѣшностями и недостатками, то теперь выполняется прекрасно и аккуратно. Возросла работоспособность, а вмѣстѣ увеличились результаты работы, улучшилось ея качество. Человѣкъ прiучился производить работу быстро и ловко, выдерживать трудъ продолжительное время, избѣгать ошибокъ, устранять непроизводительный расходъ силы и т. п. Замѣнить природные дары оно не можетъ; оно не въ состоянiи глупца сдѣлать умнымъ, но можетъ нѣсколько ослабить его глупость, сдѣлать человѣка болѣе ловкимъ въ простыхъ житейскихъ дѣлахъ. Словомъ, формальное развитiе ограничивается размѣрами природныхъ дарованiй: природное дарованiе оно сдѣлаетъ ярче, краше, производительнѣе, но создать его тамъ, гдѣ его нѣтъ, оно не можетъ.

Далѣе, слѣдуетъ признать простымъ недоразумѣнiемъ опровер-

женіе дѣйствительности формальнаго развитія такими соображеніями, что заботиться о формальномъ развитіи—то-же самое, что заботиться, чтобы камень падалъ, ноги ходили, желудокъ переваривалъ пищу и т. п. Камень не учится падать; но, несомнѣнно, всѣ мы учимся ходить, видѣть, говорить, мыслить и даже желудокъ учится переваривать пищу. Что мы учимся ходить, смотрѣть, слушать, мыслитъ— въ этомъ едва-ли кто будетъ сомнѣваться; что желудокъ учится переваривать пищу, видно изъ того, что онъ въ младенчествѣ и дѣтствѣ не въ состояніи переваривать весьма многихъ веществъ, которыя позднѣе перевариваетъ легко. Рядомъ строго обдуманныхъ и систематическихъ упражненій мы можемъ сдѣлать желудокъ способнымъ переваривать такія вещества, которыхъ онъ безъ этого навыка не былъ-бы въ состояніи переваривать. То-же самое наблюдается и по отношенію ко всѣмъ умственнымъ и вообще духовнымъ дѣятельностямъ: практикой, упражненіями мы развиваемъ, изощряемъ и укрѣпляемъ эти дѣятельности.

Теорія полной безполезности заботъ о формальномъ развитіи находитъ сильную поддержку въ логическомъ ученіи о томъ, что мышленіе совершается по неизмѣннымъ органическимъ законамъ, въ дѣйствіи которыхъ ошибокъ не бываетъ. Слѣдовательно, мышленіе разовьется само собой съ неудержимою силою и въ непогрѣшимомъ видѣ.

Мнѣніе это принадлежитъ проф. Гроту *), прямо заявившему, что „процессы мышленія, какъ и всѣ другіе процессы въ организмѣ, слѣдуютъ строго опредѣленнымъ самою организаціею этого послѣдняго законамъ (въ данномъ случаѣ законамъ ассоціаціи), и думать, что законы эти въ какомъ-нибудь случаѣ могутъ быть нарушены или обойдены, уже a priori было-бы совершеннымъ абсурдомъ: это значило-бы именно отказаться отъ идеи законности и „неизмѣнности“ процессовъ природы и даже отъ самой идеи „организма, которая основана на предположеніи, что всѣ столько-же физическіе, сколько и психическіе, процессы, въ животныхъ и въ человѣкѣ предопредѣлены самымъ устройствомъ и взаимными отношеніями извѣстныхъ элементовъ, ихъ составляющихъ“. Поэтому Гротъ полагалъ, вопреки обычному ученію логиковъ, что никакихъ ошибокъ мысли не бываетъ и не можетъ быть и что всѣ заблужденія и ошибки мышленія происходятъ лишь отъ недостаточнаго матеріала для мышленія, отъ

*) „Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ“ Николая Грота. 1882. Гл. V. Общіе законы мышленія, причины аблужденій ума и средства борьбы съ ними. Стр. 261—349.

ненаблюденія фактовъ и вообще отъ незнанія. „Незнаніе есть понятіе, обнимающее всѣ конечныя причины ошибокъ мысли и слова“.

Разсужденія Грота представляютъ любопытный образецъ того, какъ книжная мудрость затемняетъ иногда здравый смыслъ. Вся логика и въ частности ученіе о заблужденіяхъ существуютъ потому, что мы не можемъ овладѣть разомъ знаніемъ истины, а тяжелымъ трудомъ, тысячами ошибокъ должны итти къ ней и помаленьку ее завоевывать. Логика должна облегчить намъ этотъ трудный путь, указывая его настоящее истинное направленіе и возможныя уклоненія. Съ этою цѣлью въ логикѣ и разрабатывается отдѣлъ о заблужденіяхъ въ мышленіи. Гротъ говоритъ, что логики неправильно понимаютъ заблужденія ума, что заблужденій собственно нѣтъ, а есть незнаніе (разумѣется—истины), отъ котораго и происходятъ всѣ ошибки. Вотъ удивительное открытіе, равное тому, что люди говорятъ прозой! Развѣ въ этомъ кто-либо сомнѣвался? Вся логика только потому и существуетъ, что мы не знаемъ истины. Къ чему нужны были-бы логическія изысканія, если-бы мы знали истину, стояли къ ней лицомъ къ лицу и никогда никакихъ ошибокъ въ мышленіи не дѣлали-бы? Пока существуютъ заблужденія, до тѣхъ поръ будетъ существовать логика, а въ логикѣ—отдѣлъ объ источникахъ заблужденій.

Частнѣе, причину заблужденій ума Гротъ указываетъ въ недостаточности матеріала. Кто-же этого не знаетъ? Но вотъ вопросъ: можно-ли имѣть достаточный матеріалъ для мышленія, совершенно яснаго и опредѣленнаго, не допускающаго ошибокъ, о различныхъ предметахъ? Въ большинствѣ случаевъ—нѣтъ. О первобытныхъ людяхъ, о дикаряхъ, о народахъ, сошедшихъ съ исторической сцены, мы имѣемъ недостаточный матеріалъ, недостаточность котораго постоянно будетъ затруднять мышленіе. Этотъ матеріалъ будетъ увеличиваться новыми открытіями, но постоянно будетъ оставаться недостаточнымъ. Точно также мы недостаточно знаемъ о первобытныхъ растеніяхъ и животныхъ, объ ихъ исторіи. Изслѣдователь всегда будетъ наталкиваться въ данномъ отношеніи на пробѣлы. О свѣтилахъ небесныхъ у насъ имѣется недостаточный матеріалъ по ихъ отдаленности, и такая недостаточность знанія едва-ли когда нибудь исчезнетъ. Объ исторіи образованія вселенной и въ частности земли у насъ имѣется также недостаточный матеріалъ, равно какъ о томъ, что̀ есть въ центрѣ земли, какова жизнь на полюсахъ, въ глубинахъ океановъ и т. п. Если же мы возьмемъ доступный матеріалъ, то онъ окажется недостаточнымъ по своему необычайному богатству. Изслѣдователю нужно ознакомиться съ свойствами какого-либо вида растенія, животнаго, человѣка. Но экземпляровъ, принадлежащихъ

къ данному изслѣдуемому виду, существуетъ безчисленное множество; ихъ всѣхъ не пересмотришь: мало-ли на бѣломъ свѣтѣ отдѣльныхъ собакъ, жуковъ, сельдей, сосенъ, березъ, французовъ, нѣмцевъ! Всегда можно ошибиться въ заключеніи именно потому, что не всѣ экземпляры пересмотрѣны, хотя физическая возможность для этого и есть. Припомнимъ исторію съ утвержденіемъ, что всѣ лебеди бѣлы. Условія дѣятельности человѣческой мысли таковы, что она должна работать съ недостаточнымъ матеріаломъ, по невозможности-ли его достать или по его непомѣрному обилію; въ этомъ—трудность положенія человѣческой мысли. Зато потому наиболѣе цѣнна логика наиболѣе нужна.

Утвержденіе, что всѣ ошибки мышленія происходятъ отъ недостаточности матеріала, неправильно: отъ этой причины на самомъ дѣлѣ происходятъ не всѣ ошибки, а только многія. Есть ошибки, которыя могутъ происходить и при достаточномъ матеріалѣ, каковы, напр., ошибки при обобщеніи. Какому-либо изслѣдователю можно-бы предложить такую задачу: чѣмъ существенно нѣмецъ отличается отъ француза, какими свойствами? Можно-бы послать его въ Германію и Францію, чтобы онъ имѣлъ столько матеріала, сколько хотѣлъ, и при этомъ условіи онъ могъ-бы весьма неудовлетворительно рѣшить задачу. Правильное рѣшеніе задачъ зависитъ не только отъ количества собраннаго матеріала, но и отъ разсмотрѣнія и оцѣнки матеріала, отъ умѣнья распознать, что въ матеріалѣ важное и существенное и что незначительное, второстепенное и просто случайное. Для этого необходимо серьезное образованіе, способность не увлекаться внѣшнею поразительностью свойства, умѣнье отыскивать сходства за видимыми различіями и различія при видимомъ сходствѣ. Такихъ способностей, такого умѣнья и искусства нельзя получить отъ обильнаго матеріала: они суть результатъ упражненій, занятій, формальнаго развитія способностей. Нѣтъ этого развитія—и можно натворить массу ошибокъ при самомъ обильномъ матеріалѣ.

Къ ошибкамъ въ обобщеніи логики совершенно справедливо относятъ невѣрныя аналогіи, т. е. невѣрное распространеніе на неизвѣстные или неизслѣдованные случаи того, что выяснилось изъ извѣстныхъ случаевъ. Гротъ старается доказать, что въ неправильной аналогіи ошибка происходитъ отъ незнакомства съ матеріаломъ, что иначе „мы вовсе ничего и никогда обобщать не должны и не можемъ“. Это несправедливо,—обобщать на основаніи того, что мы знаемъ, мы можемъ, но съ осторожностью. Мы должны помнить тѣ условія, въ которыхъ работаетъ наша мысль, что умственный матеріалъ весь намъ въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть извѣстенъ, и что наше „обобщеніе твердо лишь въ тѣхъ предѣлахъ, ко-

торые нами обслѣдованы. Что-же касается того, что лежитъ за этими предѣлами, то здѣсь разумная аналогія всегда должна считаться временной: она существуетъ и считается правильной, пока новые факты ея не опровергнутъ. Таково настоящее логическое разсужденіе по аналогіи, и отступленіе мысли отъ такого типа аналогіи есть ошибка въ ходѣ самой мысли, въ логическомъ разсужденіи, а не слѣдствіе недостаточности матеріала. При недостаточномъ матеріалѣ строго-логическая аналогія часто бываетъ совершенно правильной.

Точно также бываютъ ошибки и въ выводахъ, въ умозаключеніяхъ. Напримѣръ, знаменитая ошибка: post hoc—ergo propter hoc. Дѣти, дикари, мало образованные люди и нерѣдко образованные дѣлаютъ выводы по этой формулѣ. Съ точки зрѣнія Грота, можно сказать, указанная ошибка происходитъ отъ незнанія, такъ нельзя заключать. Конечно, отъ незнанія; но вопросъ заключается въ томъ, въ чемъ именно заключается незнаніе. Если мы скажемъ, что болѣзни происходятъ отъ недостатка здоровья, то наше сужденіе будетъ правильно, но совершенно безплодно, ничему насъ не научитъ, въ пониманіи причинъ болѣзней не подвинетъ. Одинаково безплодно, при всей правильности, и сужденіе о незнаніи, какъ источникѣ ошибокъ ума. Размышленіе по формулѣ post hoc—ergo propter hoc—можетъ совершаться при знаніи достаточнаго числа противоположныхъ случаевъ; умъ нерѣдко такъ поражается послѣдовательностью фактовъ, что отказывается обращать вниманіе на опровергающіе случаи. На разсматриваемой формулѣ держится масса повѣрій и предразсудковъ, опровергаемыхъ весьма частыми противоположными случаями. Слѣдовательно, дѣло не въ количествѣ матеріала, не въ его недостаточности, а въ недостаточности воспитанія ума, отсутствіи критическаго анализа матеріала, надлежащихъ сопоставленій, словомъ, въ недостаточномъ общемъ формальномъ развитіи ума.

Допуская ошибки въ самомъ мышленіи, не отказываемся-ли мы отъ идеи законности и неизмѣнности процессовъ природы и даже отъ самой идеи объ организмѣ? Конечно, нѣтъ. Мы такъ устроены, что не можемъ узнать истину сразу, а лишь путемъ ошибокъ. Въ этомъ заключается неизмѣнность устройства нашего духовнаго организма. Нашъ тѣлесный организмъ подверженъ разстройствамъ и болѣзнямъ. Признаніе ихъ существованія вовсе не свидѣтельствуетъ объ отказѣ отъ идеи законности и неизмѣнности процессовъ природы или отъ идеи объ организмѣ. Невѣрныя аналогіи, невѣрныя обобщенія основываются очень часто на признаніи поверхностнаго сходства между явленіями и незамѣчаніи различія между ними. Но законъ сліянія сходнаго есть одинъ изъ основныхъ законовъ душевныхъ явленій. Разсужденіе по формулѣ post hoc—ergo propter hoc

также можетъ оказаться часто правильнымъ и основывается на законѣ ассоціаціи по смежности (послѣдовательности). Такимъ образомъ, ошибки и заблужденія мышленія не представляется чѣмъ-либо случайнымъ, прихотливымъ, нарушающимъ неизмѣнные законы, а суть результаты дѣйствія коренныхъ законовъ мышленія, не провѣренные только болѣе сложными и тонкими соображеніями и правилами. Кромѣ законовъ ассоціаціи, у насъ есть еще высшіе логическіе законы и правила, которыми дополняются и исправляются дѣйствія законовъ ассоціаціи. Чтобы правильно мыслить, мы должны руководиться тѣми и другими, законы ассоціаціи дополнять законами логическими. Мы всюду видимъ дѣйствіе разныхъ законовъ, напримѣръ, въ тѣлесной жизни человѣка дѣйствіе законовъ неорганической и органической жизни, при чемъ послѣдніе дополняютъ первые. Жизнь есть побѣда, торжество органическихъ законовъ надъ неорганическими, какъ смерть—торжество неорганическихъ законовъ надъ органическими. Такую же сложность и даже двойственность дѣйствія законовъ представляетъ и наша душевная жизнь.

На основаніи изложенныхъ соображеній, процессъ саморазвитія организма мы должны представлять совершающимся въ двухъ направленіяхъ: матеріальнаго и формальнаго развитія, пріобрѣтенія знаній и созданія и укрѣпленія пріемовъ и навыковъ, словомъ, искусства мыслить и дѣйствовать. Послѣдній процессъ, т. е. формальное развитіе, также имѣетъ два вида: частнаго и общаго развитія. Дальнѣйшій вопросъ, очевидно, заключается въ выясненіи отношенія этихъ двухъ основныхъ сторонъ процесса саморазвитія: матеріальной и формальной.

П. Каптеревъ.

(*Продолженіе будетъ.*).

Къ вопросу о реформѣ средней школы *).

Передаваемыя газетами свѣдѣнія о ходѣ работъ по реформѣ средней школы даютъ основаніе для предположенія, что въ организаціи средней школы не будетъ произведено существенныхъ перемѣнъ. Повидимому, старшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній, составляющіе въ собственномъ смыслѣ слова среднее учебное заведеніе, останутся въ такой же тѣсной и неразрывной связи съ младшими классами, какъ и нынѣ, и переходъ изъ низшей школы, т. е. изъ младшихъ трехъ классовъ въ IV классъ нынѣшнихъ среднихъ учебныхъ заведеній, не будетъ обставленъ никакими условіями, при которыхъ было-бы предотвращено поступленіе въ старшіе классы означенныхъ заведеній учениковъ малоразвитыхъ и малоспособныхъ. Повидимому, главнѣйшимъ способомъ подготовки къ поступленію въ

---

*) Хотя мы и не раздѣляемъ вполнѣ взгляда почтеннаго автора предлагаемой вниманію нашихъ читателей статьи, тѣмъ не менѣе мы охотно даемъ ей мѣсто на страницахъ нашего журнала, въ виду важности затрагиваемыхъ ею вопросовъ и нѣкоторыхъ изъ указанныхъ авторомъ мѣръ къ улучшенію постановки учебнаго дѣла въ нашей средней школѣ.

По нашему мнѣнію, крайній недостатокъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ долженъ быть во что-бы то ни стало восполненъ открытіемъ новыхъ учебныхъ заведеній, какъ въ столичныхъ и губернскихъ городахъ, въ которыхъ гимназіи и реальныя училища до нельзя переполнены, такъ и въ большихъ уѣздныхъ городахъ, какъ бы велики ни были расходы государственнаго казначейства на этотъ предметъ, такъ чтобы и мальчики среднихъ способностей могли получать среднее образованіе. Лишь временно можно довольствоваться открытіемъ въ уѣздныхъ городахъ подготовительныхъ школъ, соотвѣтствующихъ низшимъ классамъ гимназій и реальныхъ училищъ. Но, по нашему мнѣнію, достаточно выдѣлить изъ состава гимназій и реальныхъ училищъ въ видѣ самостоятельной подготовительной школы лишь приготовительный, первый и второй классы. Съ третьяго класса въ гимназіяхъ начинается преподаваніе латинскаго языка, алгебры, а также, согласно новой программѣ по исторіи, преподается исторія Востока и миѳической Греціи, а въ третьемъ классѣ реальныхъ училищъ начинается алгебра, проходится курсъ техническаго черченія и краткій систематическій курсъ древней исторіи. Такъ какъ несомнѣнно желательно дать наиболѣе

старшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній по прежнему остается прохожденіе курса ученія въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, а доступъ въ старшіе классы гимназій и реальныхъ училищъ будетъ также труденъ, какъ и нынѣ, для даровитыхъ мальчиковъ, которымъ не удается поступить въ младшіе классы этихъ заведеній. Если эти предположенія вѣрны, то есть основаніе опасаться, что реформа школы не устранитъ всѣхъ тѣхъ недуговъ, которыми страдаетъ она нынѣ, такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ недуговъ порождаются и поддерживаются именно особенностями современнаго устройства средней школы. Я уже давно и близко знаю среднюю школу, и потому считаю своевременнымъ указать въ настоящей статьѣ, какъ на то, какого рода недуги порождаются особенностями современнаго устройства средней школы, такъ и на средства къ устраненію ихъ.

Старшіе классы русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, начиная съ 4-го, въ которыхъ собственно и сообщается учащимся среднее образованіе, до послѣдняго времени были доступны почти исключительно для тѣхъ мальчиковъ, которые прошли низшіе три класса этихъ учебныхъ заведеній. Изъ лицъ, получившихъ домашнее воспитаніе или учившихся въ низшихъ школахъ, въ IV классъ поступало обыкновенно очень мало. Такъ, въ 1901 году въ гимназіи и прогимназіи Виленскаго учебнаго округа принято:

Въ приготовительный классъ	433 (59,4%)
въ первый классъ	261 (35,8%)
во второй классъ	22 (3,1%)
и во всѣ остальные	15.

Ученики этой послѣдней категоріи почти всѣ принадлежатъ къ числу перешедшихъ изъ другихъ учебныхъ заведеній безъ экзамена.

способнымъ мальчикамъ возможность поступать изъ городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 года, училищъ въ гимназіи и реальныя училища, а перечисленные предметы въ названныхъ городскихъ училищахъ не преподаются, то лучше всего дать возможность ученикамъ этихъ училищъ поступать не въ четвертый, а въ третій классъ гимназій и реальныхъ училищъ, для поступленія въ который вовсе не требуется ни латинскаго языка, ни алгебры, ни всеобщей исторіи, ни техническаго черченія, а требованія по французскому языку весьма ограничены.

Для подготовительныхъ школъ, курсъ которыхъ обнималъ-бы лишь приготовительный классъ и первые два класса среднеучебныхъ заведеній, легко найти удовлетворительно подготовленныхъ преподавателей изъ окончившихъ курсъ учительскихъ институтовъ и преподавательницъ изъ окончившихъ курсъ VIII-го педагогическаго класса женскихъ гимназій, а также Педагогическіе или Высшіе женскіе курсы. **Ред.**

Явленіе это легко объясняется тѣмъ, что въ районѣ каждаго средняго учебнаго заведенія есть лишь одна школа, дѣйствительно подготовляющая къ поступленію въ это заведеніе. Школа эта—низшіе классы этого самаго заведенія.

Въ силу указаннаго обстоятельства каждый родитель, желающій дать своему сыну среднее образованіе, естественно стремится отдать сына въ низшіе классы извѣстнаго средняго учебнаго заведенія. Иначе, гдѣ же онъ можетъ подготовить сына къ поступленію въ старшіе классы?

Для жителей городовъ, въ которыхъ существуютъ среднія учебныя заведенія, этотъ порядокъ представляетъ громадныя удобства. При помощи учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, родители, живущіе въ городахъ, гдѣ находятся такія учебныя заведенія, легко и дешево могутъ подготовить своихъ дѣтей къ поступленію въ первые классы среднихъ учебныхъ заведеній и, опредѣливъ дѣтей въ эти классы, могутъ быть увѣрены, что, если опредѣленные мальчики—не бездарны и будутъ учиться и вести себя хорошо, то они несомнѣнно пройдутъ курсъ средней школы.

Совсѣмъ не таково положеніе родителей, живущихъ внѣ городовъ, въ которыхъ существуютъ среднія учебныя заведенія. Съ опредѣленіемъ дѣтей въ низшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній для родителей этого рода неразрывно связана необходимость расхода на содержаніе дѣтей въ городѣ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ (не менѣе 9 при опредѣленіи сына въ приготовительный классъ гимназіи). А на это нужны весьма значительныя средства, которыми не обладаютъ весьма многіе изъ чиновниковъ и изъ дворянъ, живущихъ въ помѣстьяхъ. Далѣе, родителямъ, безъ сомнѣнія, не желательно оставлять безъ своего надзора дѣтей, когда они отданы въ младшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній, особенно въ первые годы пребыванія ихъ тамъ. Но чтобы выполнить это желаніе, родителямъ необходимо переселяться въ городъ, что далеко не всегда возможно.

Сколько возникаетъ при этомъ неудобствъ, и говорить излишне. Такимъ образомъ, разница въ положеніи родителей, живущихъ въ городахъ, гдѣ есть среднія учебныя заведенія, и родителей, живу вущихъ внѣ этихъ городовъ, велика.

Указанныя обстоятельства и создали тотъ фактъ, что нашими средними учебными заведеніями *пользуются главнѣйшимъ образомъ дѣти горожанъ*, и что *они лишь въ очень малой степени доступны для дѣтей тѣхъ лицъ, которыя живутъ внѣ городовъ*, имѣющихъ среднія учебныя заведенія.

Вотъ факты, въ достаточной мѣрѣ иллюстрирующіе эту мысль. Въ Виленской губерніи есть три среднія учебныя заведенія: двѣ

гимназіи и одно реальное училище. Всѣ эти среднія учебныя заведенія помѣщаются въ Вильнѣ. Принимаемъ цифру мужского населенія Виленской губ. за половину всего населенія губерніи, именно въ 858.233 человѣка. Въ этомъ числѣ 83.475 мужчинъ живутъ въ Вильнѣ и 774.758—на всей территоріи губерніи, внѣ Вильны. Дѣтей школьнаго возраста, считая общее число ихъ равнымъ 7% населенія, въ Вильнѣ должно быть 5.843, на всей остальной территоріи губерніи—54.233. Въ 1901 — 1902 учеб. году учились въ трехъ Виленскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 1.362 сына жителей города Вильны и 278 сыновей жителей всей Виленской губ., за исключеніемъ Вильны. Стало быть, изъ всего числа дѣтей школьнаго возраста, живущихъ въ Вильнѣ, обучается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 23,3%, а изъ числа дѣтей школьнаго возраста, живущихъ во всей губерніи, кромѣ Вильны, лишь 0,5. Такъ дѣло обстоитъ и въ сосѣднихъ съ Виленской губерніяхъ. Въ Гродненской губ. мужское населеніе всей губерніи равняется 808.311. Въ этомъ числѣ 20.640 живутъ въ Гроднѣ, 32.542 въ Бѣлостокѣ и 21.225 въ Брестѣ, всего 74.407. На всей территоріи Гродненской губ., кромѣ этихъ городовъ, живутъ 734.904. Принимая число мальчиковъ школьнаго возраста равнымъ 1.442 въ Гроднѣ, 2.275—въ Бѣлостокѣ, 1.484—въ Брестѣ и 51.373 на всемъ пространствѣ губерніи, кромѣ этихъ городовъ, и имѣя въ виду, что въ Гроднѣ обучались въ 1901—1902 учебномъ году 348 мальчиковъ—жителей города Гродны, въ Бѣлостокѣ—295 мальчиковъ—жителей города Бѣлостока, и что во всѣхъ этихъ заведеніяхъ обучалось 272 мальчика—жителей Гродненской губ. внѣ указанныхъ городовъ, получаемъ слѣдующіе выводы:

1) въ Гродненской гимназіи обучаются 24% всего числа мальчиковъ школьнаго возраста въ Гроднѣ, въ Бѣлостокскомъ реальномъ училищѣ 12,9% всего числа мальчиковъ школьнаго возраста въ этомъ городѣ, въ Брестской гимназіи—13% всего числа мальчиковъ школьнаго возраста въ городѣ Брестѣ.

2) Изъ числа мальчиковъ школьнаго возраста на всемъ остальномъ пространствѣ губерніи, кромѣ означенныхъ городовъ, обучается въ указанныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 272, т. е. 0,5% мальчиковъ школьнаго возраста.

По такому-же расчету въ Ковенской губ.:

а) въ Ковенской гимназіи обучаются 14% всего числа мальчиковъ школьнаго возраста въ Ковнѣ, въ Поневѣжскомъ реальномъ училищѣ—23% всего числа мальчиковъ школьнаго возраста въ Поневѣжѣ и въ Шавельской гимназіи—27% всего числа мальчиковъ школьнаго возраста въ Шавляхъ и

б) изъ числа мальчиковъ школьнаго возраста на всемъ осталь-

номъ пространствѣ губерніи, кромѣ означенныхъ городовъ, обучается въ указанныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ губерніи 323, т. е. 0,6% мальчиковъ школьнаго возраста.

Я не имѣю данныхъ относительно другихъ губерній; но, вѣроятно, и въ нихъ положеніе дѣлъ приблизительно таково-же, какъ въ указанныхъ губерніяхъ. А можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ внутренней России дѣло обстоитъ еще хуже. По крайней мѣрѣ, о Таганрогѣ извѣстно, что тамошняя Дума на просьбу директора гимназіи о субсидіи гимназіи для параллельнаго отдѣленія изъявила желаніе назначить эту субсидію только съ условіемъ, чтобы дѣти таганрогскихъ обывателей принимаемы были прежде другихъ иногородныхъ кандидатовъ и притомъ безъ конкурснаго вступительнаго экзамена („Нов. Вр.“ № 9518).

Приведенныя цыфры въ достачной мѣрѣ краснорѣчивы. Онѣ показываютъ, что дѣтямъ родителей, живущихъ внѣ городовъ, имѣющихъ среднія учебныя заведенія, эти заведенія почти не доступны, и, какъ сказано, пользуются ими главнѣйшимъ образомъ дѣти родителей, живущихъ въ губернскихъ и тѣхъ немногихъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ есть среднія учебныя заведенія. На образованіе этихъ-то счастливыхъ дѣтей и тратятся главнымъ образомъ всѣ средства, отпускаемыя на среднія учебныя заведенія всей Россіи.

Конечно, въ числѣ дѣтей, живущихъ внѣ городовъ, очень большой процентъ составляютъ дѣти крестьянъ и другихъ низшихъ сословій, для которыхъ, можетъ быть, и нѣтъ нужды въ среднемъ образованіи; но и за исключеніемъ этого рода дѣтей остается еще весьма значительный процентъ дѣтей дворянъ, чиновниковъ, почетныхъ гражданъ и купцовъ, которыя нуждаются въ среднемъ образованіи, и которыя получили-бы его, если-бы отцы ихъ жили въ городахъ съ средними учебными заведеніями. Такимъ образомъ, многія дѣти по необходимости должны довольствоваться начальнымъ образованіемъ.

По отчету директора народныхъ училищъ Виленской губерніи обучаются въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ 851 мальчикъ (32% всего числа дѣтей школьнаго возраста дворянскаго происхожденія въ губерніи) *).

Едва-ли нужно говорить, что эта масса дворянскихъ дѣтей обучается въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ по неволѣ: при малѣйшей возможности дать сыну среднее образованіе отецъ-дворянинъ непремѣнно опредѣлилъ-бы сына въ среднее учебное заведеніе.

*) Относительно 744 мальчиковъ школьнаго возраста дворянскаго происхожденія нѣтъ свѣдѣній, обучаются ли они гдѣ-нибудь.

Въ виду приведенныхъ данныхъ невольно возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли облегчить родителямъ, живущимъ внѣ городовъ, имѣющихъ среднія учебныя заведенія, возможность дать своимъ дѣтямъ среднее образованіе, по крайней мѣрѣ, хоть тѣмъ изъ нихъ, которые по своему соціальному положенію имѣютъ полное право на опредѣленіе своихъ дѣтей въ среднія учебныя заведенія? Конечно, очень многаго сдѣлать въ этомъ отношеніи нельзя: нельзя-же въ каждомъ уѣздномъ городѣ устроить среднее учебное заведеніе. Но родители, о которыхъ идетъ рѣчь, благословили-бы судьбу въ томъ случаѣ, если-бы имъ предоставлена была возможность подготовить своихъ дѣтей подъ своимъ надзоромъ къ поступленію въ старшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній. Конечно, для того, чтобы содержать своихъ дѣтей и въ старшихъ только классахъ средняго учебнаго заведенія, многимъ изъ нихъ все-таки пришлось-бы сдѣлать расходы, иногда лишніе, но все-таки положеніе дѣла измѣнилось-бы для нихъ въ сильной степени къ лучшему. Прежде всего важно въ этомъ случаѣ то, что сократился-бы на половину періодъ времени, требующій производства усиленныхъ расходовъ на воспитаніе дѣтей; а затѣмъ, когда пришлось-бы опредѣлять дѣтей въ старшіе классы, родители могли-бы быть болѣе, чѣмъ нынѣ, увѣрены въ производительности расходовъ. Теперь, когда родители опредѣляютъ своихъ дѣтей въ младшіе классы, для нихъ еще совершенно неясно, обнаружитъ-ли мальчикъ надлежащія способности, надлежащую охоту къ ученію. Для нихъ теперь, при опредѣленіи дѣтей, неясно, не придется-ли взять сына изъ учебнаго заведенія и такимъ образомъ даромъ потратить заработанныя пóтомъ деньги. Между тѣмъ, если-бы была возможность дать дѣтямъ на мѣстѣ подготовку для поступленія въ старшіе классы средняго учебнаго заведенія, для нихъ вó время выяснилось-бы, стоитъ-ли многимъ изъ нихъ опредѣлить дѣтей въ среднія учебныя заведенія, или нѣтъ. Само собою разумѣется, что тѣ родители, дѣти которыхъ оказались-бы даровитыми, охотно согласились-бы на расходы по образованію ихъ въ среднемъ учебномъ заведеніи.

Не въ личныхъ только интересахъ родителей, живущихъ внѣ городовъ, гдѣ есть среднія учебныя заведенія, было-бы осуществленіе проектируемой мѣры. Прямой государственный интересъ требуетъ, чтобы былъ облегченъ доступъ въ среднія учебныя заведенія даровитымъ мальчикамъ не только того небольшого количества городовъ, гдѣ есть среднія учебныя заведенія, но и всей вообще территоріи государства.

Высказанная мысль отнюдь не принадлежитъ къ числу неисполнимыхъ.

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Виленскаго Учебнаго Округа и въ прежнее время можно было встрѣтить учениковъ, поступавшихъ въ IV классъ этихъ заведеній, по окончаніи курса городскихъ училищъ. Подготовка ихъ для такого перехода совершалась слѣдующимъ образомъ. Общіе для городскихъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній предметы эти ученики изучали въ городскихъ училищахъ. И такъ какъ предметы эти преподаются въ училищахъ вообще хорошо (преподаваніе въ городскихъ училищахъ находится въ рукахъ людей, спеціально подготовленныхъ къ преподавательской дѣятельности), то ученикамъ городскихъ училищъ не представлялось затрудненій выдержать экзаменъ для вступленія въ IV классъ среднихъ учебныхъ заведеній. Трудно было подготовиться по графическимъ искусствамъ, такъ какъ до послѣднихъ лѣтъ черченіе и рисованіе преподавалось въ городскихъ училищахъ лицами, не получившими спеціальной подготовки по этимъ предметамъ. Еще затруднительнѣе было подготовиться для поступленія въ среднее учебное заведеніе по новымъ и древнимъ языкамъ: новые языки преподавались лишь въ крайне незначительномъ числѣ городскихъ училищъ, а древніе и вовсе не входили и не могли входить въ учебный курсъ городскихъ училищъ. По всѣмъ этимъ предметамъ желающимъ поступить въ среднія учебныя заведенія приходилось брать особые уроки.

Не удивительно поэтому, что число поступившихъ въ среднія учебныя заведенія изъ учившихся въ городскмхъ училищахъ было очень не велико.

Въ послѣдніе годы возможность для учениковъ городскихъ училищъ поступать въ среднія учебныя заведенія все больше и больше облегчается.

Министерство Народнаго Просвѣщенія всячески содѣйствуетъ тому, чтобы для обученія учащихся графическимъ искусствамъ были назначаемы лица, спеціально подготовленныя къ ихъ преподаванію. И плоды этой дѣятельности Министерства уже сказываются. Въ городскихъ училищахъ преподаваніе графическихъ искусствъ дѣйствительно ведется въ настоящее время надлежащимъ образомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ облегчилась для учащихся въ городскихъ училищахъ и возможность подготовиться для поступленія въ среднія учебныя заведенія.

Городскія Управленія начинаютъ мало-по-малу ясно понимать, какъ важно въ интересахъ обывателей городовъ дать существующимъ городскимъ училищамъ средства для введенія въ ихъ курсъ преподаванія новыхъ языковъ, что́ допускается положеніемъ о начальныхъ училищахъ. Управленія нѣкоторыхъ не только большихъ,

но и малыхъ городовъ, входящихъ въ районъ Виленскаго Учебнаго Округа, каковы, напр., Борисовъ и Невель, рѣшительно вступили на этотъ путь, и въ училищахъ этихъ городовъ преподаются нынѣ новые языки. А чѣмъ больше будетъ увеличиваться число городскихъ училищъ, гдѣ преподаются новые языки, тѣмъ больше будетъ увеличиваться и число кандидатовъ изъ учащихся въ городскихъ училищахъ на поступленіе въ среднія учебныя заведенія.

Съ 1901 г. преподаваніе греческаго языка въ младшихъ классахъ гимназій совершенно прекращено; прекращено и преподаваніе латинскаго языка въ I и II классахъ гимназій. Въ силу этихъ мѣръ ученикамъ городскихъ училищъ, желающимъ поступить въ IV классъ среднихъ учебныхъ заведеній, остается лишь подготовиться по латинскому языку и пройти курсъ III класса, что́ уже совсѣмъ не представляетъ особыхъ трудностей.

Сама жизнь выработала такимъ образомъ путь, который безъ особыхъ затрудненій можетъ привести учащихся въ городскихъ училищахъ въ IV кл. среднихъ учебныхъ заведеній. И если этотъ путь хоть нѣсколько еще уравнять и облегчить, что́ можетъ быть легко достигнуто введеніемъ въ курсъ всѣхъ городскихъ училищъ преподаванія новыхъ языковъ—конечно для желающихъ, то городскія училища безъ всякой ломки ихъ дадутъ дѣйствительно всѣмъ обитателямъ городовъ и массѣ живущихъ въ уѣздахъ лицъ возможность подготовлять своихъ дѣтей къ поступленію въ IV классъ среднихъ учебныхъ заведеній безъ тѣхъ крайнихъ затрудненій, какія они испытываютъ теперь.

Въ первой четверти XIX-го вѣка, до преобразованія учебныхъ заведеній по уставу 1828 г., во внутреннихъ губерніяхъ Россіи родители имѣли полную возможность подготовить своихъ дѣтей въ среднія учебныя заведенія. Существовавшія тогда въ уѣздныхъ городахъ уѣздныя училища организованы были такъ, что курсъ гимназій представлялъ лишь продолженіе курса уѣздныхъ училищъ. Такое устройство училищъ несомнѣнно имѣло свою хорошую сторону. Нашъ выдающійся русскій педагогъ К. И. Яновскій вотъ что говоритъ по этому вопросу: „Реформа гимназій и уѣздныхъ училищъ 1828 г. произведена въ подражаніе нѣмцамъ и притомъ въ ущербъ нашимъ потребностямъ. При существованіи такой связи уѣздныхъ училищъ съ гимназіями по курсу, при которой курсъ гимназій служилъ продолженіемъ курса уѣздныхъ училищъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ при отсутствіи сліянія тѣхъ и другихъ въ одно заведеніе, какъ это существуетъ теперь, болѣе успѣшно достигалось удовлетвореніе умственныхъ и соціальныхъ потребностей учащихся. Прежде ученики болѣе способные, окончившіе курсъ училища и нуждающіеся

по своему положенію въ высшемъ образованіи, поступали въ гимназіи и въ *большинствѣ оканчивали это заведеніе.* Теперь же масса болѣе или менѣе способныхъ стремится въ гимназіи, а также въ реальныя училища, предпочитая ихъ уѣзднымъ и городскимъ училищамъ, и только недостатокъ средствъ и неуспѣшность въ ученьи заставляютъ многихъ изъ нихъ выходить изъ заведеній недоучками и безъ того общаго образованія, какое они могли-бы получить въ уѣздныхъ и городскихъ училищахъ, если-бы ихъ не привлекали кажущіяся права и преимущества гимназій и реальныхъ училищъ".

По уставу 1828 г. къ классамъ гимназій присоединены младшіе классы, поставленные съ ними въ тѣсную связь, и курсъ этихъ младшихъ классовъ поставленъ совсѣмъ не такъ, какъ курсъ уѣздныхъ училищъ. Сдѣлано это главнымъ образомъ для того, чтобы закрыть доступъ въ среднія учебныя заведенія дѣтямъ лицъ непривилегированныхъ сословій.

Нынѣ среднія учебныя заведенія по закону открыты для всѣхъ подданныхъ Россійской Имперіи. Этимъ устраняется и необходимость искусственно разъединять по программамъ курсы младшихъ классовъ и городскихъ училищъ.

Не трудно предвидѣть возраженіе, которое можетъ быть направлено противъ мысли о желательности открыть доступъ въ среднія учебныя заведенія учащимся въ городскихъ училищахъ. Открытіе такого доступа, скажутъ, до крайности увеличитъ число желающихъ поступить въ среднія учебныя заведенія, потребуетъ устройства массы новыхъ заведеній, причемъ въ числѣ учениковъ этихъ новыхъ заведеній окажется много такихъ, которымъ, по соціальному ихъ положенію, было-бы лучше ограничиться окончаніемъ курса городского училища.

Это возраженіе имѣетъ нѣкоторыя основанія, но лишь при томъ условіи, если переходъ учащихся изъ младшихъ классовъ въ IV классъ будетъ совершаться на основаніи дѣйствующихъ правилъ, т. е. если эти правила останутся безъ измѣненія. А онѣ настоятельно требуютъ измѣненія.

Наши гимназіи и реальныя училища, по своему существу, суть подготовительныя школы къ университету и высшимъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ. Въ качествѣ таковыхъ школъ они могутъ функціонировать успѣшно лишь въ томъ случаѣ, если составъ учениковъ въ нихъ подобранъ соотвѣтственно преслѣдуемой имъ цѣли, если обучающіеся въ нихъ молодые люди способны усвоить себѣ курсъ преподаваемыхъ въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ наукъ. Если же этимъ заведеніямъ приходится имѣть дѣло съ учениками малоразвитыми, малоспособными, то они не въ силахъ дать

высшимъ учебнымъ заведеніямъ хорошихъ кандидатовъ. Между тѣмъ всякому, болѣе или менѣе близко стоящему къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, хорошо извѣстно, что и въ старшихъ классахъ этихъ заведеній нѣтъ недостатка въ ученикахъ малоспособныхъ, малоразвитыхъ и обладающихъ скуднымъ запасомъ знаній, что въ числѣ получающихъ аттестаты зрѣлости и свидѣтельства попадаются молодые люди, не умѣющіе даже грамотно изложить свои мысли. Это очень грустное, но неизбѣжное явленіе. Одна изъ причинъ этого явленія коренится въ томъ, что массѣ способныхъ людей, не имѣющихъ счастья жить въ городѣ, или вблизи отъ города, гдѣ находится среднее учебное заведеніе, закрытъ, какъ указано выше, доступъ въ среднія учебныя заведенія. Другая причина явленія, о которомъ идетъ рѣчь, заключается въ томъ, что поступившимъ въ низшій классъ заведенія слишкомъ широко открытъ доступъ въ старшіе классы. Громадное большинство учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ поступаютъ въ первый или второй классъ этихъ заведеній, по выдержаніи вступительнаго экзамена. Экзаменъ этотъ, само собой разумѣется, отнюдь не можетъ свидѣтельствовать о томъ, что выдержавшіе ихъ способны пройти курсъ средняго учебнаго заведенія. Онъ говоритъ лишь о томъ, что выдержавшіе его хорошо усвоили себѣ ту небольшую сумму знаній, какая требуется отъ желающихъ поступить въ нынѣшніе первый или второй классъ, и обнаружили на испытаніи требуемую для этихъ классовъ степень развитія. И никто не рѣшится, конечно, утверждать, что въ числѣ выдержавшихъ вступительное въ I кл. или II кл. испытаніе не найдется и не можетъ быть мальчиковъ, которые, усвоивъ въ младшихъ классахъ элементы знаній, окажутся мало способными къ усвоенію проходимыхъ въ старшихъ классахъ наукъ во всей широтѣ ихъ, что въ числѣ этихъ мальчиковъ не окажется такихъ, которые вслѣдствіе отсутствія или слабости родительскаго надзора опустятся, разлѣнятся, вслѣдствіе чего уже въ младшихъ классахъ образуются у нихъ пробѣлы, при наличности которыхъ они не съ силахъ будутъ слѣдить за курсомъ старшихъ классовъ. Между тѣмъ, для перехода изъ класса въ классъ вступившимъ въ низшіе классы средняго учебнаго заведенія открытъ нынѣ широкій путь. При несложности и легкости программъ младшихъ классовъ, при возможности поправить мало удовлетворительный годовой баллъ переэкзаменовками, при возможности пробыть по два года въ двухъ классахъ, не можетъ дойти до IV класса лишь хилый, совершенно неспособный или нетерпимый по своему поведенію ученикъ. Всѣмъ остальнымъ, не только способнымъ, но и мало развитымъ, дорога въ IV кл. открыта.

Съ IV класса, перваго класса собственно средняго заведенія,

курсъ ученія уже становится болѣе серьезнымъ. Что же ожидаетъ въ дальнѣйшемъ учениковъ, мало подготовленныхъ къ слушанію курсовъ старшихъ классовъ?

На этотъ вопросъ отвѣтятъ намъ слѣдующія данныя, заимствованныя изъ годовыхъ отчетовъ по Виленскому учебному округу.

Въ 1880 и 1881 гг., когда всѣ классы гимназій округа формировались уже по правиламъ, созданнымъ графомъ Толстымъ, численность учениковъ въ старшихъ классахъ, начиная съ IV, постепенно уменьшалась слѣдующимъ образомъ:

въ IV было въ 1880 г. . .	12,2%,	въ 1881 г. . . .	13%
въ V	„	7,5	„	8,1
въ VI	„	6,5	„	6,3
въ VII	„	5	„	5
въ VIII	„	3,5	„	4,5

Эти данныя показываютъ, что

а) число учениковъ V класса сильно сокращалось сравнительно съ IV классомъ (въ 1880 г. на 4,7%, въ 1881 г. на 4,9%) и затѣмъ въ послѣдующихъ классахъ паденіе численности было уже менѣе значительно.

б) численность учениковъ VIII кл. въ 1880 и 1881 гг. составляла немного болѣе $^3/_{10}$ всего состава IV класса.

Такое паденіе численности учениковъ въ старшихъ классахъ и немногочисленность старшаго VIII класса объясняли тогда строгостью экзаменовъ, особенно въ IV классѣ, и вообще строгостью требованій, какія предъявляли преподаватели къ ученикамъ.

Прошло послѣ этого восемь лѣтъ. Правила объ экзаменахъ были постепенно смягчаемы; преподаватели стали менѣе требовательны къ ученикамъ. Но экзамены въ IV и VI кл. оставались по прежнему. И вотъ что говорятъ намъ отчетныя данныя за 1889 г.:

въ IV кл. въ этомъ году было	. . .	14,7%
въ V	„ . . .	9,5
въ VI	„ . . .	7,5
въ VII	„ . . .	5,2
въ VIII	„ . . .	4,4

Такимъ образомъ и въ этомъ году, численность VIII кл. представляла собой $^3/_{10}$ состава IV класса. Равнымъ образомъ и составъ V кл. является сильно пониженнымъ сравнительно съ составомъ IV класса.

Въ 1890 г. система производства испытаній была измѣнена въ

интересахъ, казалось, учениковъ. Результаты же при полномъ примѣненіи этихъ правилъ въ 1891 г. получились слѣдующіе:

въ IV	кл. было	. . . 14,8
въ V	„	. . . 10,6
въ VII	„	. . . 8,6
въ VIII	„	. . . 4,8
въ VIII	„	. . . 5,1

Судя по этимъ даннымъ, численность учениковъ V кл. сократилась въ этомъ году нѣсколько менѣе, чѣмъ въ прежніе годы, но составъ учениковъ въ старшихъ классахъ по прежнему постоянно уменьшался и въ VIII кл. онъ былъ опять таки немногимъ выше $^{3}/_{10}$ численности учениковъ IV кл.

Возьмемъ теперь данныя за послѣдніе два года, когда экзаменаціонныя требованія уже рѣшительно ослаблены, когда многіе изъ учащихся стали переходить въ старшіе классы безъ экзамена.

Въ эти годы было:

въ IV	кл. въ 1900 г. было	. . 12,5%	въ 1901 г.	. . 13%
въ V	„	. . 11,1	„	. . 11,3
въ VI	„	. . 7,8	„	. . 8,4
въ VII	„	. . 5,8	„	. . 6,5
въ VIII	„	. . 5	„	. . 4,9

Изъ этихъ данныхъ видно 1) что составъ учениковъ VIII кл. въ 1900 и 1902 г. нѣсколько повысился, дошелъ до $^{4}/_{10}$ состава IV кл., но что въ 1901 г. онъ опять обнаружилъ стремленіе къ пониженію, 2) что въ V классѣ уже не замѣтно такого сильнаго паденія численности учениковъ сравнительно съ IV классомъ, какъ было прежде, но что въ разсматриваемые три года обнаружилось сильное паденіе численности учениковъ въ VI классѣ сравнительно съ V (въ 1900 г. на 3%, въ 1901 г. на 2,9%, чего прежде не замѣчалось).

Данныя эти очень поучительны. При ихъ свѣтѣ мы видимъ, что, какъ ни измѣнялись въ истекшіе двадцать лѣтъ правила объ испытаніяхъ, какъ ни смягчали въ это время преподаватели своихъ требованій къ ученикамъ, до VIII кл. по прежнему доходитъ незначительная часть учениковъ, и понынѣ не достигающая даже половины состава IV класса *).

---

*) Отчетныя данныя по реальнымъ училищамъ округа въ сущности таковы-же, какъ и по гимназіямъ. Различіе между ними лишь то, что тамъ до старшаго (VI класса) доходило и нынѣ доходитъ около 10% всего состава учениковъ.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что процентъ учениковъ, добровольно оставляющихъ гимназіи, особенно въ старшихъ двухъ классахъ, не только не уменьшился, но въ послѣдніе годы еще поднялся.

Въ 1880 г. изъ VII класса выбыло . . 6,6% изъ VIII . . 1,7%
Въ 1902 г. „ . . 11,9% „ . . 5,7%

Приведенныя данныя указываютъ, по моему мнѣнію, настоящую, дѣйствительную причину того печальнаго явленія, о которомъ идетъ рѣчь. Причина эта дѣйствовала и прежде, дѣйствуетъ и теперь. Измѣнились лишь формы проявленія ея. Прежде, когда ученики IV кл. подвергались серьезнымъ испытаніямъ, на этихъ испытаніяхъ ясно обозначались малоспособные и залѣнившіеся ученики. Они, конечно, были удаляемы изъ гимназій, а вслѣдствіе этого % учениковъ V класса значительно понижался сравнительно съ % учениковъ IV класса. То-же самое дѣйствіе оказывали и экзамены въ VI кл. Когда-же экзамены были ослаблены, а потомъ и совсѣмъ почти отмѣчены, проценты учениковъ V и VII кл., конечно, не могли падать такъ, какъ прежде: въ этихъ классахъ свободно могла оставаться часть слабыхъ учениковъ. Но этимъ только отсрочивалось для многихъ изъ нихъ время выхода изъ гимназій, и въ силу своей слабости, неподготовленности къ слушанію курса въ старшихъ классахъ, они должны были оставлять гимназіи добровольно. Такимъ-то образомъ и поднялся до значительныхъ размѣровъ % учениковъ, добровольно выходящихъ изъ VII и VIII кл. гимназій.

Итакъ, въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ есть масса юношей, которымъ никогда ни суждено кончить въ нихъ курса, которые рано или поздно должны выйти изъ нихъ лишь съ обрывками знаній, не подготовившись почти ни къ чему въ жизни. Зачѣмъ же они теряли и теряютъ время, обучаясь въ этихъ заведеніяхъ?

Въ виду этого печальнаго факта невольно задаешься вопросомъ, не слѣдуетъ-ли отмѣнить нынѣ дѣйствующее правило, по которому въ IV кл. открытъ доступъ всякому ученику III класса, добившемуся на экзаменахъ отмѣтки 3, и установить разъ на всегда неизмѣнное правило, по которому доступъ въ IV кл. можетъ быть открытъ лишь мальчикамъ вполнѣ способнымъ продолжать ученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ *).

*) Почтенный авторъ, очевидно, упускаетъ изъ виду, что умственное развитіе дѣтей, а также развитіе ихъ спообностей и интереса къ учебнымъ занятіямъ, главнаго двигателя всякаго успѣха, идетъ у различныхъ учениковъ далеко не одинаковымъ темпомъ, у однихъ медленнѣе, у другихъ

Если бы такого рода мѣры въ той или другой формѣ (частностей я не касаюсь) были приняты, въ такомъ случаѣ контингентъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній изъ проходившихъ курсъ младшихъ при нихъ классовъ быстро сократился-бы, и, стало быть, явилось-бы мѣсто и для лучшихъ изъ учившихся въ городскихъ училищахъ внѣ тѣхъ городовъ, гдѣ существуютъ среднія учебныя заведенія, и для подготовлявшихся къ поступленію въ IV кл. среднихъ учебныхъ заведеній дома.

Такимъ образомъ, въ интересахъ самихъ среднихъ учебныхъ заведеній было-бы въ высшей степени важно:

1) порвать связь между высшими классами средняго учебнаго заведенія, начиная съ IV-го, и низшими и допускать въ старшіе классы лишь тѣхъ, относительно которыхъ можно быть увѣреннымъ, что они могутъ безъ затрудненій пройти курсъ средняго учебнаго заведенія;

2) оставляя неизмѣннымъ типъ городского училища, ввести во всѣхъ нихъ обязательное обученіе графическимъ искусствамъ и открыть вездѣ для желающихъ обученіе новымъ языкамъ. Такимъ образомъ, учащіеся въ городскихъ училищахъ пріобрѣтутъ возможность готовиться къ поступленію въ среднія учебныя заведенія,

и 3) изъ учившихся въ городскихъ училищахъ и изъ подготовлявшихся дома принимать въ среднія учебныя заведенія лишь тѣхъ, которые на основаніи экзамена и данныхъ о ихъ занятіяхъ въ училищахъ будутъ признаны способными пройти курсъ средняго учебнаго заведенія.

Проектируемыя измѣненія въ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній не требуютъ ломки ихъ. А между тѣмъ приведеніе ихъ въ исполненіе обѣщаетъ много очень важныхъ и благотворныхъ послѣдствій для постановки учебно-воспитательнаго дѣла въ Россіи.

быстрѣе, что многіе ученики, успѣхи которыхъ въ низшихъ трехъ классахъ лишь удовлетворительны, по достиженіи болѣе сознательнаго возраста, дѣлаются нерѣдко хорошими и даже отличными учениками въ старшихъ классахъ, и наоборотъ—отличные ученики младшихъ классовъ становятся иногда въ старшихъ классахъ средними учениками. Изъ кончающихъ-же курсъ гимназіи въ числѣ среднихъ учениковъ вырабатываются нерѣдко въ университетѣ самые дѣльные и серьезные работники. Съ другой стороны случается, что оканчивающіе съ золотою медалью проявляютъ себя на университетской скамьѣ самыми заурядными студентами, а иногда и жалкими посредственностями. Вотъ почему строгая фильтрація учениковъ при переводѣ изъ III-го въ IV-ый классъ и пріемъ въ этотъ классъ какъ бы по конкурсу кажется намъ дѣломъ не педагогичнымъ и не отвѣчающимъ требованіямъ строгой справедливости. Переводъ же слабыхъ учениковъ изъ класса въ классъ (все равно будутъ-ли то ученики младшихъ или старшихъ классовъ) вообще крайне нежелателенъ. *Ред.*

1) Коль скоро жители городовъ, гдѣ нѣтъ среднихъ учебныхъ заведеній, и ихъ уѣздовъ, получили-бы возможность подготовить своихъ дѣтей къ поступленію въ IV кл. существующихъ среднихъ учебныхъ заведеній, они предпочли-бы воспитывать своихъ дѣтей подъ своимъ собственнымъ надзоромъ и руководствомъ, что́ и въ физическомъ, и умственномъ, и нравственномъ отношеніи было-бы для многихъ изъ нихъ очень полезно. Тогда въ городахъ съ средними заведеніями въ весьма значительной степени сократился-бы контингентъ учениковъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, которые не имѣютъ въ мѣстѣ невольнаго пребыванія ихъ интеллигентныхъ родственниковъ, и которые вынуждены жить на наемныхъ квартирахъ. Оторванные отъ семьи, вынужденные жить среди чужихъ людей, которые не могутъ замѣнить имъ отца и мать и лишь въ незначительной степени заинтересованы ихъ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, которые иногда даже вовсе не могутъ слѣдить за занятіями ввѣренныхъ имъ дѣтей, эти мальчики зачастую занимаются своимъ дѣломъ безуспѣшно, и нерѣдко опускаются; а нравственное ихъ развитіе, если мальчикъ случайно попадетъ подъ вліяніе испорченныхъ товарищей или знакомыхъ, иногда принимаетъ совершенно нежелательное направленіе. Контингентъ такихъ возбуждающихъ лишь жалость учениковъ въ городахъ съ средними учебными заведеніями быстро сократился-бы, а объ этомъ пожалѣли-бы развѣ только содержательницы квартиръ, лишившіяся заработка.

2) Разъ будетъ установлено правиломъ, что поступленіе въ среднее учебное заведеніе будетъ возможно лишь для тѣхъ, которые дѣйствительно покажутъ себя вполнѣ способными къ усвоенію курса средней школы, это заставитъ, по крайней мѣрѣ, болѣе развитыхъ и образованныхъ родителей гораздо серьезнѣе, чѣмъ нынѣ, слѣдить за образованіемъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей въ періодъ подготовки ихъ къ поступленію въ гимназію или реальное училище: кому же изъ родителей этого рода не хочется довести своего сына до возможности поступить въ среднее учебное заведеніе? Вмѣстѣ съ тѣмъ городскія училища въ несомнѣнно большей, чѣмъ нынѣ, степени будутъ привлекать къ себѣ вниманіе городскихъ обществъ и управленій и будутъ предметомъ большей, чѣмъ нынѣ, заботливости, потому что кому изъ лицъ, имѣющихъ значеніе и вѣсъ въ городѣ, не захочется поставить училище даннаго города въ возможность хорошо послужить дѣлу подготовленія дѣтей горожанъ въ среднія учебныя заведенія? Въ результатѣ несомнѣнно получится подъемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ городскихъ училищахъ.

3) Въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній ютится

нынѣ, какъ уже сказано, не малое количество малоразвитыхъ, мало способныхъ, разлѣнившихся учениковъ. Присутствіе такихъ учениковъ въ классѣ даже въ не особенно значительномъ количествѣ всегда отнимаетъ у преподавателя массу драгоцѣннаго времени для занятій именно съ этими учениками, и заставляетъ его оставлять лучшихъ учениковъ класса безъ дѣла, что не можетъ не отразиться на общемъ уровнѣ развитія класса. Но иногда въ классѣ собирается такихъ учениковъ до половины, или даже больше половины. Въ такихъ классахъ занятія идутъ неуспѣшно, и часто случается, что преподаватели не успѣваютъ, при всемъ напряженіи силъ, пройти положенные курсы. Но зло отъ присутствія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ массы малоспособныхъ, малоразвитыхъ учениковъ не ограничивается указанными только послѣдствіями. Неподготовленность ученика къ слушанію курса того класса, гдѣ онъ сидитъ, конечно, затрудняетъ ему пониманіе преподаваемаго. Но не всякій слабый ученикъ имѣетъ мужество сознаться, что именно эта причина мѣшаетъ ему успѣшно заниматься. Самолюбіе заставляетъ часто искать другой причины неуспѣшности и подсказываетъ ему мысль искать ее въ способѣ преподаванія, въ личныхъ отношеніяхъ къ нему преподавателей, въ особенности, если преподаватель предмета, въ которомъ онъ оказывается слабымъ, не отличается въ самомъ дѣлѣ искусствомъ вести преподаваніе вполнѣ удовлетворительно и умѣньемъ держать себя вполнѣ корректно. Такимъ образомъ и образуется почва, на которой выростаютъ обвиненія учениками учителей— иногда чудовищныя обвиненія—въ пристрастіи, въ неправильности ихъ дѣйствій, обвиненія, зачастую охотно поддерживаемыя людьми, близкими къ жалобщикамъ-неудачникамъ.

Само собою понятно, что многія изъ указанныхъ явленій не имѣли-бы мѣста, если-бы пріемъ учениковъ въ нынѣшній IV классъ совершался съ надлежащей строгостью, которая не позволяла-бы слабымъ, малоразвитымъ ученикамъ поступать въ эти классы.

Поднятію уровня нравственнаго развитія учениковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ указываемая мѣра содѣйствовала-бы и еще въ одномъ отношеніи.

Въ рядахъ лицъ, живущихъ въ томъ городѣ, гдѣ есть среднее учебное заведеніе, и отдающихъ въ это заведеніе своихъ дѣтей, есть значительное количество такихъ, которые по своему развитію не могутъ слѣдить за воспитаніемъ своихъ дѣтей. Есть между ними даже малограмотные. Дѣти такихъ родителей уже во время пребыванія въ младшихъ классахъ выбиваются изъ подъ вліянія своихъ родителей и ведутъ свои занятія, какъ имъ заблагоразсудится. Такіе ученики, конечно, легко подпадаютъ вліянію дурно настроен-

ныхъ въ нравственномъ отношеніи людей и уже въ младшихъ классахъ образуются въ нихъ нерѣдко задатки нравственной испорченности. Нѣкоторая часть такихъ учениковъ (наиболѣе опустившіеся и залѣнившіеся) оставляютъ учебное заведеніе изъ II или III класса; но нѣкоторые, благодаря легкости перехода въ IV классъ, продолжаютъ ученіе и въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, и пребываніе ихъ въ старшихъ классахъ, къ сожалѣнію, тогда не остается безслѣднымъ, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ ихъ товарищей: они портятъ этихъ товарищей.

При осмотрительномъ пріемѣ въ IV классъ этого рода ученики не могли-бы попасть въ среднее учебное заведеніе. Между малоспособными и малоразвитыми учениками старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній попадаются нерѣдко и такіе, которые охотно напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы одолѣть трудности проходимаго ими курса и относительно которыхъ никакъ нельзя сказать, что они портятъ своихъ товарищей. Невозможно не сочувствовать такого рода ученикамъ; а на многихъ изъ нихъ невозможно смотрѣть безъ чувства глубокаго сожалѣнія, но какъ помочь имъ? Крайнее напряженіе силъ, въ особенности, если домашняя обстановка такихъ учениковъ неудовлетворительна, замѣтно ослабляетъ ихъ организмъ и подтачиваетъ ихъ здоровье.

Къ чему способны они будутъ въ жизни?

4) Съ уничтоженіемъ связи между высшими и низшими классами среднихъ учебныхъ заведеній среднія учебныя заведенія остались-бы въ составѣ 3-хъ (реальныя училища безъ дополнительнаго класса), 4-хъ (полныя реальныя училища) и 5 классовъ (гимназіи). Это сокращеніе необъятныхъ нынѣ размѣровъ особенно нѣкоторыхъ среднихъ учебныхъ заведеній облегчило-бы управленіе ими, теперь представляющееся крайне труднымъ не только по массѣ учениковъ этихъ заведеній, но и потому, что педагогическому персоналу приходится имѣть дѣло съ людьми не одного возраста, и расширило-бы возможность воспитательнаго воздѣйствія на учащихся. Надо сказать и то, что осуществленіе указанной мѣры облегчило-бы возможность снабжать существующія учебныя заведенія учительскимъ персоналомъ и открывать новыя среднія учебныя заведенія. При переживаемомъ нынѣ средними учебными заведеніями „учительскомъ кризисѣ“ начальствамъ учебныхъ округовъ вовсе не остается мѣста для выбора учителей. Приходится брать всякаго кандидата, предлагающаго свои услуги, не разбирая, можетъ-ли онъ быть дѣльнымъ учителемъ. Однако и при этомъ нѣтъ возможности замѣстить всѣ открывающіяся вакансіи, и нѣкоторыя по цѣлымъ годамъ остаются незамѣщенными. Приведеніе въ исполненіе указываемой мѣры со-

кратитъ потребность въ учителяхъ и, слѣдовательно, дастъ возможность выбирать изъ числа предлагающихъ свои услуги лучшихъ.

Конечно, съ увеличеніемъ учителямъ содержанія и съ организаціей надлежащей подготовки учителей среднихъ учебныхъ заведеній „учительскій кризисъ“ устранится. Но нельзя забывать и того, что пройдетъ еще не мало времени прежде, чѣмъ это совершится, и что къ тому времени, когда оно совершится, потребность въ учителяхъ будетъ больше, чѣмъ нынѣ, такъ какъ число среднихъ учебныхъ заведеній неизбѣжно увеличится съ теченіемъ времени.

Потребность въ открытіи новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній настоятельно чувствуется и нынѣ, такъ какъ существующія учебныя заведенія переполнены учащимися. Но открытіе новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній въ ихъ нынѣшнемъ составѣ—дѣло нелегкое, такъ какъ устройство и содержаніе каждаго изъ нихъ требуетъ большихъ средствъ, и потому это дѣло по необходимости замедляется. Устройство среднихъ учебныхъ заведеній безъ низшихъ классовъ потребовало-бы гораздо меньшихъ суммъ и облегчило-бы такимъ образомъ возможность удовлетворенія настоятельнѣйшей нуждѣ населенія.

О томъ, что пришлось-бы, въ случаѣ принятія предлагаемой мѣры, сдѣлать съ низшими классами нынѣшнихъ среднихъ учебныхъ заведеній, нѣтъ нужды говорить подробно. Нынѣ существующія городскія училища по положенію 31 мая 1872 г. имѣютъ 6 отдѣленій. Но въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть достаточное количество приходскихъ училищъ, первыя два отдѣленія закрываются, и городскія училища остаются съ 4 отдѣленіями. Точно также можно было-бы поступить и съ низшими классами среднихъ учебныхъ заведеній. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ достаточнаго количества городскихъ училищъ для подготовленія дѣтей населенія къ поступленію въ среднія учебныя заведенія, эти классы могли бы быть преобразованы въ городскія училища, или даже остаться въ ихъ нынѣшнемъ видѣ, но подъ особымъ управленіемъ, внѣ связи съ средними учебными заведеніями. Гдѣ не будетъ чувствоваться въ нихъ нужды, они могутъ быть закрыты.

Остается остановиться еще на одномъ вопросѣ. Отказать въ правѣ на полученіе какого-бы то ни было дальнѣйшаго образованія тѣмъ молодымъ людямъ, которые будутъ не въ состояніи поступить въ среднее учебное заведеніе, конечно, нельзя. Но такъ какъ курсъ средняго учебнаго заведенія имъ не по силамъ, то для нихъ нужно создать новый типъ среднихъ учебныхъ заведеній съ облегченнымъ курсомъ. Выработка типа такихъ заведеній возложена на Министерство Народнаго Просвѣщенія Высочайшей Волей. Входить въ

обсужденіе типа такихъ учебныхъ заведеній не составляетъ цѣли настоящей статьи. Но полагаю, что наиболѣе цѣлесообразнымъ было-бы дать этимъ учебнымъ заведеніямъ устройство шестиклассныхъ реальныхъ училищъ съ значительнымъ сокращеніемъ курса математики (до предѣловъ преподаванія его въ женскихъ гимназіяхъ) и съ введеніемъ въ составъ его одного или двухъ предметовъ, знакомство съ которыми въ особенности требуется условіями нашей русской жизни. Курсъ этого новаго училища долженъ быть сближенъ съ курсомъ реальнаго училища для того, чтобы не преграждать наиболѣе способнымъ ученикамъ его перехода въ реальное училище, хотя и съ особой нелегкой подготовкой по нѣкоторымъ предметамъ. Изъ предметовъ, преподаваніе которыхъ могло-бы быть введено въ курсъ новаго училища, я назову законовѣдѣніе. Русскіе люди дорого и иногда жестоко платятся въ жизни за незнаніе законовъ, касающихся самыхъ жизненныхъ ихъ интересовъ. Въ сознаніи этого уже много разъ возникала мысль о введеніи законовѣдѣнія въ курсъ средней школы. Но попытки эти не увѣнчались успѣхомъ именно потому, что среднія учебныя заведенія суть школы подготовительныя къ университету и высшимъ спеціальнымъ заведеніямъ, для слушанія курса которыхъ нѣтъ ни малѣйшей необходимости въ знаніи законовѣдѣнія. Если оно и можетъ войти въ составъ курса средней школы, то только такой школы, которая подготовляетъ къ жизни, а не къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Что созданіе такого рода новыхъ школъ было-бы дѣломъ въ высшей степени полезнымъ, это показываютъ существующія нынѣ при нѣкоторыхъ реальныхъ училищахъ коммерческія отдѣленія. Въ отдѣленія эти обыкновенно поступаютъ тѣ ученики, которые не чувствуютъ себя въ силахъ пройти курсъ V и VI классовъ реальныхъ училищъ. Но эти слабые ученики не затрудняются пройти облегченный курсъ коммерческаго отдѣленія и почти всегда въ полномъ своемъ составѣ оканчиваютъ курсъ. Для жизни они такимъ образомъ не теряются, и какъ показываетъ масса примѣровъ, устраиваются въ ней сносно. А не существуй этихъ коммерческихъ отдѣленій, эти молодые люди остались-бы недоучками, непригодными ни къ какой дѣятельности. Такую службу могли-бы сослужить и школы того типа, о которыхъ идетъ рѣчь.

А. Бѣлецкій.

Къ вопросу о реформѣ женскихъ гимназій.

Прошло уже около полувѣка съ тѣхъ поръ, какъ двѣ яркихъ звѣзды взошли на горизонтѣ средняго женскаго образованія въ Россіи, и широко распространили онѣ свой свѣтъ, лучи котораго проникли изъ столицы въ самые глухіе углы нашей родины и мало-помалу разсѣивали и разсѣиваютъ до сихъ поръ мракъ невѣжества, предразсудковъ и недостойнаго взгляда на женщину, на ея умственные запросы, на ея права на просвѣщеніе.

Мы имѣемъ въ виду почти одновременное появленіе въ 60-хъ годахъ знаменитаго проекта Н. А. Вышнеградскаго объ учрежденіи женскихъ гимназій*) и новой программы преподаванія въ Смольномъ Институтѣ К. Д. Ушинскаго**). Съ беззавѣтной любовью и вѣрой въ свое дѣло, съ неутомимой энергіей принялись Вышнеградскій и Ушинскій за образованіе русскихъ женщинъ, и, надо отдать имъ справедливость, они поставили среднее женское образованіе въ Россіи на такую высоту, на какой оно не стояло и въ Западной Европѣ***). Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ въ Россіи уже съ 1858 года учреждаются, по иниціативѣ Вышнеградскаго, открытыя женскія гимназіи, доступныя лицамъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій, отличающіяся серьезной постановкой учебно-воспитательнаго дѣла и программами, почти не уступающими программамъ мужскихъ гимназій, Западная Европа еще долгое время довольствуется въ сферѣ средняго женскаго образованія узко-сословными великосвѣтскими школами,

*) См. *Ельницкій*. „Краткій очеркъ развитія средняго женскаго образованія въ Россіи", 1887. 19 марта 1858—открытіе 1-го общедоступнаго Маріинскаго женскаго училища въ СПБ; въ томъ же году въ Твери, В. Волочкѣ и др. открытія ж. гимназій.

**) 4 февраля 1860 г.—составленіе Ушинскимъ „программы для Воспитательнаго общ. благородныхъ дѣвицъ" [см, Аріанъ, „Первый ж. календарь" 1903, стр. 430].

***) См. Шашковъ. „Историческія судьбы женщины"; Аріанъ, „Первый женскій календарь", 1903 г., отд. IV; Зинченко, „Женское образованіе въ Россіи", СПБ. 1902.

клерикальными школами при монастыряхъ и практическими спеціальными училищами.

Но проходитъ безъ малаго 50 лѣтъ; число женскихъ гимназій въ Россіи растетъ; расширяется мало-по-малу и женское низшее и высшее образованіе: но, къ сожалѣнію, приходится признаться, что Россія, опередившая въ 60 годахъ въ указанной выше области Западную Европу, позволила постепенно не только догнать себя въ дѣлѣ постановки женскаго образованія, но и опередить*). Не будемъ касаться вопроса о допущеніи женщинъ въ университеты и вообще о высшемъ женскомъ образованіи; оставимъ пока въ сторонѣ и сравненіе статистическихъ данныхъ о количествѣ женщинъ, получающихъ низшее школьное образованіе въ Россіи и въ Западной Европѣ; отмѣтимъ только, что въ области средней женской школы въ Россіи истекшее 50-лѣтіе дало очень мало новаго, свѣжаго, соотвѣтствующаго духу времени по отношенію къ программамъ, а по отношенію къ веденію дѣла преподаванія, къ подбору педагогическихъ силъ для женской школы, къ возбужденію вниманія и симпатій общества къ женскому образованію наше время сдѣлало положительно шагъ назадъ по сравненію съ 60-ми годами**). Чтобы не быть голословными, отмѣтимъ нѣсколько особенно бросающихся въ глаза фактовъ ненормальности въ постановкѣ средняго женскаго образованія и укажемъ нѣкоторыя изъ особенно важныхъ, на нашъ взглядъ, мѣръ для устраненія этихъ ненормальностей.

Программы женскихъ гимназій въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ появились въ 60-хъ и 70-хъ гг.***) имѣли въ виду не тѣ узкія цѣли, которыя ставились женскому среднему образованію въ Западной Европѣ, т. е. не только приготовленіе хорошихъ хозяекъ и добродѣтельныхъ женъ и матерей, въ сущности же, полу-образованныхъ людей, а ставили себѣ высокую цѣль сдѣлать изъ русской женщины по возможности широко и глубоко „развитого человѣка“, который

---

*) См. А. Браунъ. „Женскій вопросъ“. 1903 г. ч. II, гл. I.

**) См. упомянутые выше труды и проф. Тарасова, „Образованіе женщинъ и женскій трудъ“, 1903.

***) Въ 1860 г. 10 мая было Высочайше утверждено „Положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ М. Н. Просв.“, а 24-го мая 1870 г. состоялось Высочайшее утвержденіе новаго „Положенія“, дѣйствующаго и понынѣ съ тѣми дополненіями, которыя были изданы 31 авг. 1874 г. подъ названіемъ „Правила испытаній при поступленіи учениць въ ж. гимназіи и прогимназіи, переводѣ изъ класса въ классъ, окончаніи курса и относительно другихъ подробностей учебнаго дѣла (подр. планы, программы и т. д.). Частичныя добавленія къ указанному „Положенію 1874“ дѣлались впослѣдствіи, но сущность его не подвергалась измѣненію, какъ это наблюдалось по отношенію къ уставамъ средней мужской школы (1870, 71, 90 г.г.).

впослѣдствіи будетъ въ состояніи и продолжать свое умственное развитіе, въ случаѣ поступленія въ высшую школу, и нести честно и съ знаніемъ дѣла тѣ или иныя открытыя для женщины общественныя обязанности, и являться понимающею интересы и стремленія мужа женою, въ случаѣ выхода замужъ, и, наконецъ, проникнутою сознаніемъ величія своей роли и вооруженною достаточными свѣдѣніями матерью и воспитательницею дѣтей.

Въ интересахъ такого, возможно всесторонняго и гармоническаго развитія русской женщины въ программѣ женскихъ гимназій были совмѣщены и предметы, развивающіе религіозное чувство, какъ Законъ Божій, и предметы, развивающіе умъ, нравственное чувство и разумную любовь къ родинѣ, каковы русская литература, р. исторія, р. географія, и предметы, изощряющіе формальное мышленіе и пріучающіе мысль къ точности, каковы точныя науки—математика, свѣдѣнія изъ логики, грамматика языковъ и т. д.; не были обойдены въ программѣ и науки, знакомящія съ окружающимъ міромъ и законами природы, каковы естествознаніе, физика, космографія, и предметы, знакомящіе съ духовнымъ богатствомъ, съ міровоззрѣніемъ и складомъ жизни чужихъ народовъ, каковы всеобщая исторія, всеобщая географія, новые языки съ ихъ литературами, и искусства, развивающія эстетическое чувство, каковы пѣніе, музыка, рисованіе, танцы, и одно изъ необходимыхъ для женщины ремеслъ—рукодѣліе. Наконецъ, предметомъ, развивающимъ и умъ, и нравственное чувство, знакомящимъ и съ физической, и съ психической природой человѣка, облегчающимъ практическую дѣятельность въ сферѣ воспитанія и обученія, явилась педагогика, также введенная въ программы женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, но признанная какъ-бы излишней роскошью для юношей-гимназистовъ и реалистовъ, которые выходятъ изъ средней школы безъ всякихъ свѣдѣній по физіологіи, психологіи, философіи, безъ знанія великихъ именъ и идей Песталоцци, Коменскаго, Ушинскаго, Пирогова, Корфа, безъ свѣдѣній о простѣйшихъ пріемахъ обученія хотя-бы своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ и т. д., а въ незнаніи всего перечисленнаго нельзя упрекать дѣвицъ, окончившихъ среднюю школу, если только, разумѣется, преподаваніе педагогики, методики и дидактики было въ рукахъ знающаго и любящаго свое дѣло преподавателя.

Распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, количество часовъ, отведенныхъ для того или иного предмета, наконецъ, отсутствіе такой строгой регламентаціи, которая имѣла мѣсто въ объяснительныхъ запискахъ къ учебнымъ планамъ мужскихъ учебныхъ заведеній,—вотъ тѣ три, на нашъ взглядъ, положительныя стороны, которыя остались въ большей или меньшей степени до нашего вре-

мени въ программахъ женскихъ гимназій въ качествѣ остатка славной эпохи зарожденія на Руси открытой средней женской школы.

Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ въ мужскихъ гимназіяхъ по учебнымъ планамъ 1871—1877 и 1890 г.г. наблюдалось колебаніе изъ стороны въ сторону, и при распредѣленіи учебнаго матеріала всегда замѣчалось преобладаніе изученія древности надъ знаніемъ современности, пристрастіе къ иностранному и отвлеченному въ ущербъ знакомству съ національнымъ и реальнымъ,—въ программахъ женскихъ гимназій, оставлено было преобладаніе и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніямъ родного языка, литературы и исторіи надъ другими предметами; обращалось (по крайней мѣрѣ, по идеѣ) серьезное вниманіе на знаніе живыхъ новыхъ языковъ*) вмѣсто установившагося въ мужскихъ гимназіяхъ пренебрежительнаго взгляда на новые языки, какъ на предметы второстепенные; наконецъ, въ женскихъ гимназіяхъ никогда не изгонялись естествознаніе и педагогика,—два предмета, изъ которыхъ одинъ при умѣломъ веденіи дѣла открываетъ великую книгу природы, а другой даетъ, помимо знакомства съ чисто педагогическими вопросами, по крайней мѣрѣ, элементарныя свѣдѣнія по философскимъ наукамъ: психологіи, логикѣ, исторіи философіи.

Что касается упомянутой нами регламентаціи, то приходится придти къ такому заключенію: тогда какъ, по мѣрѣ перехода отъ учебныхъ плановъ 70-хъ годовъ къ учебнымъ планамъ 90-хъ годовъ, въ нашихъ мужскихъ гимназіяхъ наблюдалось все бо̀льшее и бо̀льшее стремленіе поставить преподавателя въ самыя опредѣленныя рамки**), выходить изъ которыхъ положительно воспрещалось, не взирая ни на составъ классовъ, ни на отличительныя особенности преподавателя,—въ женскихъ гимназіяхъ все было оставлено такъ, какъ было вначалѣ, и преподаватель былъ меньше стѣсненъ и меньше обращался въ человѣка въ футлярѣ. Приведемъ даже одинъ особенно яркій, на нашъ взглядъ, примѣръ: въ объяснительной запискѣ учебныхъ плановъ 1890 г. по русской словесности мы чи-

---

*) Къ сожалѣнію, это положеніе касается далеко на всѣхъ среднихъ ж. учебныхъ заведеній, а лишь Маріинскихъ гимназій, институтовъ и только нѣкоторыхъ министерскихъ ж. гимназій (напр., въ Варшавѣ новые языки обязательны и начинаются—фр. яз. съ приготовительнаго класса и нѣм. яз. съ перваго класса—лишь въ 1-ой и 3-ей ж. гимназіяхъ); въ большинствѣ же министерскихъ ж. гимназій изученіе новыхъ языковъ не обязательно и, несомнѣнно, эта ненормальность будетъ устранена предстоящей реформой ср. ж. школы.

**) Ср. Ив. Ивановъ. „О русской словесности, какъ учебномъ предметѣ въ гимназіяхъ“. Варш. 1901.

таемъ, между прочимъ: „Учителю нѣтъ никакой надобности стараться связывать отдѣльные историко-литературные факты, сообщаемые ученикамъ по поводу разбираемыхъ произведеній, потому что придуманная ad hoc связь между ними не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого научнаго значенія, а можетъ послужить лишь къ пустой тратѣ времени". Приведенная выписка отлично показываетъ, къ какому жалкому minimum'у сводился курсъ исторіи русской литературы, по которому, кстати сказать, не рекомендовалось сообщать свѣдѣній больше, чѣмъ въ краткомъ учебникѣ р. словесности Галахова; знакомитъ также эта выписка и съ недовѣріемъ къ научному авторитету преподавателя, неспособнаго устанавливать связь не ad hoc, и съ неизбѣжнымъ обезцвѣчиваніемъ такого живого, будящаго мысль и вырабатывающаго міровоззрѣніе предмета, какъ исторія русской словесности.

Въ программахъ женскихъ гимназій, оставленныхъ безъ объяснительныхъ записокъ, исторія русской литературы не низводилась на степень оторваннаго отъ исторической почвы и безсвязнаго чтенія и разбора произведеній русской словесности, и преподаватель, не поставленный въ узкія рамки, могъ съ бо̀льшимъ увлеченіемъ, съ бо̀льшей широтой и глубиной вести свое дѣло.

Всѣ указанныя положительныя стороны постановки учебнаго дѣла въ женскихъ гимназіяхъ являются, однако, достояніемъ стараго времени, завѣтомъ 60-хъ годовъ; но, вѣдь, за полвѣка жизнь и наука ушли впередъ, а что, спрашивается, новаго, соотвѣтствующаго духу и потребностямъ времени, внесено въ среднюю женскую школу? Если не внесено въ жизнь этой школы тѣхъ отрицательныхъ новшествъ, о которыхъ мы говорили выше и отъ которыхъ постепенно освобождается мужская средняя школа распоряженіями послѣднихъ министровъ народнаго просвѣщенія, то что же новаго-то, положительнаго дали женской средней школѣ послѣднія 40—50 лѣтъ? Родная литература, эта сокровищница русскаго духа, хранительница лучшихъ завѣтовъ и идеаловъ великихъ писателей, дала за эпоху второй половины XIX столѣтія не мало трудовъ, способныхъ оказывать не меньшее воспитательное вліяніе на умы, нравственное и эстетическое чувства молодежи, чѣмъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, и гораздо бо̀льшее, чѣмъ, напр., Фонвизинъ, Державинъ, Кантемиръ и др. Между тѣмъ, за исключеніемъ женскихъ гимназій, имѣющихъ спеціальные педагогическіе классы *), нигдѣ въ программу не вошли произведе-

---

*) Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ нѣтъ, напр., ни одной 8-классной женской гимназіи, и только что указанный пробѣлъ въ программахъ женскихъ гимназій по русскому языку особенно чувствуется.

денія И. С. Тургенева, гр. Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, А. Н. Островскаго и др. корифеевъ новѣйшей русской литературы. Разумѣется, тамъ, гдѣ преподаватели 7-классныхъ женскихъ гимназій находятся на высотѣ своего призванія и обладаютъ широтой кругозора и энергіей, они, не щадя силъ, пополняютъ указанный пробѣлъ путемъ литературныхъ бесѣдъ и назначенія домашнихъ чтеній, пользуются такъ называемыми „министерскими праздниками", наконецъ, привлекаютъ такъ или иначе къ своимъ класснымъ объясненіямъ по литературѣ начала XIX в. и явленія литературы второй половины этого вѣка. Но во всякомъ случаѣ надо сказать, что при теперешнемъ положеніи преподавателей женскихъ гимназій, о чемъ рѣчь будетъ ниже, при теперешнемъ подборѣ педагогическихъ силъ средней женской школы, указанная выше постановка дѣла непремѣнно должна являться лишь исключеніемъ. Далѣе, соотвѣтствующее современному положенію русской литературы и потребностямъ времени веденіе дѣла является при указанной выше (даже исключительной) постановкѣ дѣла далеко не совершеннымъ: получаемыя учащимися свѣдѣнія по литературѣ второй половины XIX в. случайны, безсвязны, несистематичны. Такимъ образомъ, или введеніе рѣшительно при всѣхъ гимназіяхъ спеціальныхъ педагогическихъ (8-хъ) классовъ съ преподаваніемъ въ VII и VIII кл. литературы всего XIX вѣка (Пушкинъ, Гоголь, Крыловъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Толстой, Гончаровъ, Островскій), или расширеніе программъ по словесности въ VI и VII классахъ путемъ замѣны менѣе видныхъ писателей древней и средней словесности корифеями новой литературы — вотъ тѣ два пути, которыми могъ-бы быть исправленъ одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ нѣсколько уже устарѣвшей программы средней женской школы *).

Знакомство съ западно-европейскими писателями ограничивается въ настоящее время лишь отрывочными свѣдѣніями о нихъ при прохожденіи теоріи словесности и исторіи русской литературы; иногда свѣдѣнія эти пополняются на урокахъ новыхъ языковъ въ старшихъ классахъ. Подобное положеніе дѣла намъ представляется тоже ненормальнымъ, такъ какъ при такихъ условіяхъ важное и съ учебной, и съ педагогической точекъ зрѣнія знакомство съ выдающимися литературными произведеніями Запада и ихъ авторами носитъ характеръ случайный и безсистемный.

---

*) Мы лично высказались-бы безусловно за первый изъ указанныхъ путей, такъ какъ повсемѣстное учрежденіе спеціальныхъ 8-хъ педагогическихъ классовъ было-бы важно не для одной русской словесности, но и для другихъ предметовъ, о чемъ рѣчь ниже.

Бросается намъ въ глаза и еще одинъ крупный и существенный пробѣлъ старыхъ программъ, именно отсутствіе въ нихъ курса гигіены. Врядъ ли слѣдуетъ распространяться о важности знанія гигіены для дѣвушекъ, какъ будущихъ воспитательницъ, матерей и т. д.

Считать гигіеной тѣ ничтожныя свѣдѣнія по вопросамъ физическаго воспитанія, которыя сообщаются въ курсѣ педагогики и о которыхъ рѣчь будетъ дальше, разумѣется, никому не придетъ въ голову. Между тѣмъ, теперь, когда есть у насъ въ Россіи женскій медицинскій институтъ, несовременность отсутствія курса гигіены въ женскихъ гимназіяхъ особенно бросается въ глаза; женщины-врачи съ успѣхомъ могли-бы взять на себя преподаваніе этого курса, но надо сказать, что введеніе этого курса непремѣнно потребовало-бы повсемѣстнаго измѣненія 7-классныхъ гимназій въ 8-классныя, о чемъ была рѣчь и раньше.

Необходимость расширенія отечествовѣдѣнія, сознанная по отношенію къ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ, нисколько не меньше имѣетъ отношенія и къ женской школѣ; болѣе серьезная и широкая постановка естествовѣдѣнія, чѣмъ та, на которую теперь приходится часто слышать жалобы, также была-бы необходимымъ шагомъ впередъ и въ связи съ раньше отмѣченнымъ „тѣмъ новымъ", положительнымъ добавленіемъ, объ отсутствіи котораго въ „забытой" за 50 лѣтъ женской школѣ мы сказали выше *).

„Забытой" мы назвали среднюю женскую школу, и сказали это не безъ умысла. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ той высокой и серьезной постановки средняго женскаго образованія, которая создалась подъ вліяніемъ заботъ Вышнеградскаго и Ушинскаго въ эпоху великихъ реформъ, началась мало-по-малу реакція во взглядахъ на женское образованіе, продолжавшаяся почти до послѣднихъ лѣтъ, и лишь за самое послѣднее время наблюдается, повидимому, поворотъ къ болѣе свѣтлому будущему женскаго образованія вообще и постановки женскихъ гимназій въ частности. Въ эпоху реакціи по отношенію къ женскому

---

*) Въ настоящей статьѣ мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о постановкѣ особенно важнаго, на нашъ взглядъ, предмета—педагогики, такъ какъ разсмотрѣнію этого вопроса мы посвящаемъ спеціальную статью: не коснемся также области вѣроученія и физико-математическихъ наукъ, такъ какъ, несомнѣнно, по этимъ вопросамъ выскажутся спеціалисты; наша же задача—высказать общее положеніе о *необходимости возможно большаго соотвѣтствія* современному *положенію науки* программъ ж. гимназій и привести примѣры несоотвѣтствія этому основному положенію современныхъ программъ по предметамъ, наиболѣе намъ знакомымъ, благодаря преподаванію ихъ въ одной изъ женскихъ гимназій г. Варшавы.

образованію въ обществѣ все больше и больше стали раздаваться голоса о томъ, что дѣвушекъ слишкомъ многому учатъ.

„Много ли для нихъ надо? Вѣдь, не ученыхъ изъ нихъ готовить? Къ чему и себя, и ихъ утруждать? Имъ-бы сохранить побольше свѣжести, здоровья, красоты, да пристроиться поскорѣе замужъ!" и т. д., и т. д. — вотъ что приходилось, да, пожалуй, приходится и теперь слышать лицамъ, преподающимъ въ женскихъ гимназіяхъ и, къ сожалѣнію, не только въ медвѣжьихъ углахъ.

Забывается при подобныхъ заявленіяхъ, что въ настоящее время, какъ показываетъ статистика, болѣе 40% дѣвушекъ, оставаясь незамужними, должны сами прокладывать себѣ дорогу, которая становится торной и широкой какъ для мужчины, такъ и для женщины лишь при свѣтѣ серьезнаго образованія. Далѣе, если смотрѣть на ученицъ и какъ на будущихъ женъ и матерей, то нельзя не согласиться съ давно уже высказаннымъ мнѣніемъ: „если въ низшемъ быту жена бываетъ помощницей мужу во всѣхъ его трудахъ, то почему же она не можетъ быть ему опорой въ высшихъ сферахъ дѣятельности, гдѣ требуется зрѣлая мысль, образованный умъ?" Разумѣется, для того, чтобы быть такой опорой, женщина должна получать и надлежащую подготовку. Что касается женщины, какъ матери и воспитательницы, то, не говоря уже о всѣмъ извѣстной силѣ материнскаго вліянія на характеръ, интересъ и міровоззрѣніе дѣтей, не приводя безчисленныхъ въ данномъ случаѣ историческихъ и литературныхъ примѣровъ, повторимъ только по этому вопросу недавно высказанныя проф. Тарасовымъ глубоко вѣрныя слова: „Вліяніе матери отражается на всей жизни человѣка, а потому, можно ли сомнѣваться въ томъ, что чѣмъ образованнѣе мать, тѣмъ культурнѣе будетъ ея вліяніе. Очевидно, что, образовавъ изъ женщины возможно болѣе цѣльнаго человѣка—что достигается отнюдь не однимъ только воспитаніемъ, но и образованіемъ — сдѣлаешь изъ нея и хорошую мать, подобно тому, какъ и мужчина, будучи цѣльнымъ человѣкомъ, будетъ и хорошимъ отцомъ. Всѣ знаютъ, что воспитаніе дѣтей, чтобы оно не было одностороннимъ, должно совершаться подъ согласнымъ вліяніемъ отца и матери; спрашивается, почему же одинъ воспитатель долженъ быть вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, а другой полуобразованнымъ или даже и совсѣмъ невѣжественнымъ" *)?

Не будемъ болѣе распространяться о необходимости для женщинъ такого же серьезнаго образованія, какъ и для мужчинъ, о равноправности обоихъ половъ въ стремленіи къ свѣту знанія и на-

*) См. проф. Тарасовъ „Образованіе женщинъ и женскій трудъ". 1903. Стр. 30.

учной истины; отмѣтимъ только, что при нормальныхъ условіяхъ семейной обстановки и при гигіеническомъ устройствѣ школы умственный серьезный трудъ, требуемый школьнымъ ученіемъ, никогда не отзовется пагубно на здоровьѣ, и дѣвушки сохранятъ и свѣжесть, и здоровье, и красоту, но вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ и развитыми людьми, а въ семейной жизни все меньше и меньше будетъ повторяться исторія Сократа и Ксантиппы.

Мы остановились довольно долго на взглядахъ общества на женское образованіе, замѣтили, что нѣкоторая часть общества сдѣлала по этому вопросу шагъ назадъ сравнительно съ тѣмъ, что было въ 60-хъ годахъ, но всецѣло-ли виновато въ своихъ отсталыхъ взглядахъ само общество? Не кроется-ли причина и въ самомъ веденіи дѣла женскаго образованія? Къ сожалѣнію, на послѣдній вопросъ приходится отвѣтить утвердительно. Въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ или неуспѣхъ средней женской школы, довѣріе или недовѣріе къ ней общества должно было зависѣть въ значительной степени отъ тѣхъ силъ, которымъ поручалось веденіе дѣла женскаго образованія.

Между тѣмъ, надо сознаться, что условія, въ которыя былъ поставленъ педагогическій персоналъ женскихъ гимназій, таковы, что лучшія силы педагогическаго міра должны были стремиться изъ женской средней школы въ мужскую, и, такимъ образомъ, различіе внѣшнихъ условій, въ которыя поставленъ педагогическій персоналъ среднихъ мужскихъ и женскихъ гимназій, какъ-бы подсказывало, какое образованіе считается болѣе важнымъ, болѣе нужнымъ и на какое можно смотрѣть, какъ на дѣло второстепенное.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу опять нѣсколько особенно бросающихся въ глаза фактовъ различія въ положеніи учителей женскихъ и мужскихъ гимназій.

Извѣстно, что урокъ въ мужскихъ гимназіяхъ оплачивается 60 р., въ женскихъ—40 р.; въ одномъ изъ привилегированныхъ округовъ, Варшавскомъ, нормальное число уроковъ для учителя мужскихъ гимназій—15, для учителя женскихъ гимназій—18; штатный окладъ словесника въ томъ-же округѣ въ мужской гимназіи—1,500 р., въ женской гимназіи—1,200 рубл.; бремя письменныхъ работъ одинаково лежитъ на учителяхъ и мужскихъ, и женскихъ гимназій, но первымъ за трудъ полагается вознагражденіе, вторымъ-же никакого и т. д. и т. д.

Жизнь, между тѣмъ, не дѣлаетъ различія между преподавателями мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, и въ результатѣ однимъ по сравненію съ другими приходится бѣдствовать; одни являются какъ-бы привилегированнымъ сословіемъ, другіе второстепеннымъ,

и, присматриваясь къ составу преподавателей женскихъ гимназій, мы замѣчаемъ слѣдующее.

Въ лучшихъ случаяхъ, въ университетскихъ городахъ, преподавателями женскихъ гимназій являются лица, готовящіяся къ профессурѣ, магистранты, лаборанты и т. д., которые берутъ уроки въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ тамъ меньше требуется слѣдить за дисциплиной, меньше приходится надрывать голосъ, больше можно встрѣчать усердія и вниманія со стороны ученицъ, чѣмъ со стороны учениковъ и т. д.; преподаватели подобнаго рода, вносящіе обыкновенно въ дѣло преподаванія много свѣжаго, новаго, преподаватели, не порвавшіе связи съ наукой и почерпающіе въ этой наукѣ энергію и интересъ къ расширенію умственнаго горизонта учащихся, являются, однако, почти исключеніемъ въ общей массѣ педагогическаго персонала женскихъ гимназій; мало того, никогда нельзя ручаться, что преподаватель, профессорскій стипендіатъ, для котораго главная цѣль—наука, не броситъ въ самый разгаръ работы своей педагогической дѣятельности; однимъ словомъ, преподаватели только что разсмотрѣнной группы должны быть признаны и случайными людьми въ средней женской школѣ, и слишкомъ ничтожными по количеству.

Въ громадномъ большинствѣ гимназій Имперіи и отчасти на окраинахъ преподавателями женскихъ гимназій являются учителя мужскихъ гимназій, которые, во-первыхъ, слишкомъ обременены работой, чтобы, какъ слѣдуетъ, вести дѣло преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ, куда они, по собственному признанію, ходятъ „отдыхать“; во-вторыхъ, получая слишкомъ ничтожный гонораръ за уроки въ женской гимназіи, они стараются, по возможности, избѣгать этихъ уроковъ, а само собой ясно, какъ пойдетъ дѣло, если за него берутся почти противъ воли.

Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ на окраинахъ, гдѣ оклады преподавателей женскихъ гимназій больше, чѣмъ въ Имперіи, имѣются собственные преподаватели въ женскихъ гимназіяхъ, но опять-таки надо сказать, что, такъ какъ положеніе этихъ преподавателей обезпечено во всякомъ случаѣ гораздо хуже, чѣмъ преподавателей мужскихъ гимназій на тѣхъ-же окраинахъ, то въ женскую гимназію попадаютъ или совершенно неопытные, начинающіе преподаватели, или переведенные за какую-либо вину въ видѣ пониженія изъ мужской гимназіи въ женскую; въ первомъ случаѣ является недостойный взглядъ на женскую среднюю школу, какъ на школу, гдѣ можно производить педагогическіе эксперименты; во второмъ случаѣ женская гимназія является прямо какъ-бы мѣстомъ ссылки; въ обоихъ случаяхъ преподаватели женской школы ждутъ не дождутся, когда ихъ „повысятъ“ въ мужскія гимназіи.

Наконецъ, и это уже прямо исключенія, есть среди преподавателей средней женской школы убѣжденные сторонники женскаго образованія, готовые мириться со всѣми невыгодными сторонами службы въ женской гимназіи, готовые пренебречь всѣми матеріальными и іерархическими выгодами службы въ мужской гимназіи, но, повторяемъ, такихъ преподавателей—служителей идеи надо искать днемъ съ огнемъ *).

Для полноты картины добавимъ, что руководителями преподавателей въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ, за весьма малыми исключеніями, являются лица, или мало компетентныя, или вовсе не компетентныя въ женскомъ образованіи. Въ большинствѣ случаевъ, какъ извѣстно, предсѣдателями педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій являются директора мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, либо никогда не преподававшіе въ женскихъ гимназіяхъ, либо совершенно незнакомые съ исторіей западно-европейскаго и русскаго женскаго образованія, либо настолько отставшіе въ вопросахъ женскаго образованія отъ науки, что преподаватель врядъ-ли обратится къ нимъ за руководящимъ совѣтомъ и врядъ-ли отнесется съ довѣріемъ къ ихъ замѣчаніямъ, противорѣчащимъ иногда самымъ основнымъ положеніямъ корифеевъ педагогической науки. Не больше принесутъ пользы преподавателю и лица, ревизующія женскія гимназіи, такъ какъ окружныхъ инспекторовъ, которые были-бы спеціалистами по женскому образованію, знали-бы хорошо и исторію женской школы, и отличительныя черты русской школы, и, кромѣ того, имѣли-бы досугъ слѣдить за литературой и всегда быть въ курсѣ дѣла по вопросамъ женскаго образованія, найдется, быть можетъ, на всю Россію нѣсколько человѣкъ. Для пользы-же дѣла, для того, чтобы каждый преподаватель могъ услышать вѣское и научно-обоснованное слово, наконецъ, для того, чтобы преподаватель могъ двигаться впередъ, встрѣчая опытнаго, авторитетнаго и поддерживающаго интересъ къ дѣлу руководителя, необходимо существованіе при каждомъ округѣ, по крайней мѣрѣ, одного окружного инспектора-спеціалиста по женскому образованію, постоянно слѣдящаго за наукой и находящагося въ сношеніяхъ съ

*) Мы не касаемся учительницъ женскихъ гимназій, такъ какъ до сихъ поръ онѣ являлись въ большинствѣ случаевъ лицами съ среднимъ образованіемъ, и процентъ курсистокъ былъ очень незначителенъ; въ настоящее время, когда можно ожидать притока свѣжихъ силъ съ Петербургскихъ, Московскихъ и Одесскихъ высшихъ курсовъ и особенно изъ СПБ. Педагогическаго женскаго Института, можно надѣяться на улучшеніе состава педагогическихъ силъ въ женскихъ гимназіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо и полное уравненіе правъ лицъ, служащихъ въ женскихъ и мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

выдающимися педагогами-практиками. Ближайшими руководителями учебнаго дѣла въ женскихъ гимназіяхъ тоже, разумѣется, должны быть опытныя и авторитетныя по вопросамъ женскаго образованія лица, и въ этомъ отношеніи, на нашъ взглядъ, гораздо больше отвѣчаютъ своему назначенію такъ называемые „завѣдывающіе женской гимназіей“ (въ Варшавскомъ Округѣ), чѣмъ директора мужскихъ учебныхъ заведеній, никогда, быть можетъ, не дававшіе, какъ мы сказали, уроковъ въ женскихъ гимназіяхъ, а потому и мало ими интересующіеся, какъ это отмѣчено и въ одномъ изъ послѣднихъ циркуляровъ г. министра. Необходимы, наконецъ, въ интересахъ улучшенія дѣла съѣзды преподавателей женскихъ гимназій и устройство коммиссій по женскому образованію при Педагогическихъ Обществахъ.

Не будемъ уже распространяться о тѣхъ неблагопріятныхъ и парализующихъ энергію преподавателя условіяхъ, которыя имѣютъ мѣсто во многихъ мужскихъ, и въ особенности въ женскихъ гимназіяхъ; имѣемъ въ виду—отсутствіе необходимыхъ наглядныхъ пособій для преподаванія, жалкое состояніе фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ, отсутствіе физическихъ и естественно-научныхъ кабинетовъ и т. д. Скажемъ только, что при всѣхъ указанныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ подборъ педагогическихъ силъ въ женскихъ гимназіяхъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ не могъ не стать очень слабымъ; при неудачномъ же подборѣ силъ веденіе дѣлъ въ женскихъ гимназіяхъ представляло массу ненормальностей и не могло возбуждать къ себѣ довѣрія и симпатій общества, которое, не всматриваясь сплошь и рядомъ глубоко въ причины ненормальности хода дѣла, выражало отрицательный взглядъ на самое дѣло.

За послѣднее время, какъ мы указали, начинается, повидимому, поворотъ къ лучшему въ постановкѣ вопроса о женскомъ образованіи въ Россіи вообще и о женскихъ гимназіяхъ въ частности.

Пробужденіе въ обществѣ интереса къ женскому образованію, имѣвшему столь блестящее начало въ нашемъ отечествѣ, выразилось въ появленіи за послѣднее время какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ трудовъ по женскому вопросу и женскому образованію, пользующихся значительнымъ спросомъ на книжномъ рынкѣ *).

Открытіе въ СПБургѣ женскаго медицинскаго института, Московскихъ Высшихъ женскихъ курсовъ, Высшихъ Женскихъ курсовъ въ

---

*) См. приложенный въ концѣ „Опытъ перечня важнѣйшихъ книгъ и статей по женскому образованію на русск. яз.“, въ которомъ мы отмѣчаемъ годы изданія перечисленныхъ трудовъ.

Одессѣ, женскаго Педагогическаго Института въ СПБургѣ, преобразованіе Варшавскихъ женскихъ курсовъ новыхъ языковъ изъ временныхъ въ постоянные и т. д.—вотъ одни изъ свѣтлыхъ явленій самаго послѣдняго времени, позволяющія надѣяться, что женское высшее образованіе возвращается къ завѣтамъ великой эпохи реформъ. Учрежденіе въ 1901 г., съ Высочайшаго соизволенія, при Ученомъ Комитетѣ Министерства Нар. Просвѣщенія особаго отдѣла по профессіональному женскому образованію, съ одной стороны, и послѣдніе циркуляры г. Министра Нар. Просвѣщенія, требующіе серьезнаго отношенія къ вопросамъ средняго женскаго образованія и предлагающіе рядъ вопросовъ въ интересахъ улучшенія этого образованія, съ другой стороны,—обращаютъ на себя вниманіе, какъ предвѣстники предстоящаго улучшенія средняго женскаго образованія въ Россіи и внушаютъ надежду, что женская средняя школа не будетъ обойдена и забыта при реформѣ средней русской школы вообще.

Въ своемъ настоящемъ очеркѣ, далекомъ, несомнѣнно, отъ полноты, мы хотѣли-бы только на основаніи изученія трудовъ по вопросамъ женскаго образованія и на основаніи личнаго педагогическаго опыта высказать положенія:

1) о необходимости освѣженія и расширенія программъ женскихъ гимназій въ духѣ современнаго состоянія научныхъ знаній, значительно подвинувшихся за послѣднее 50-лѣтіе впередъ;

2) о необходимости, въ связи съ расширеніемъ программъ, повсемѣстнаго учрежденія 8-хъ педагогическихъ классовъ, которые, имѣя, главнымъ образомъ, практически-педагогическій характеръ, расширяли-бы и умственный кругозоръ спеціалистокъ по предмету ихъ спеціальности;

3) о необходимости привлеченія въ среднюю женскую школу лучшихъ педагогическихъ силъ путемъ полнаго уравненія правъ преподавателей женскихъ и мужскихъ гимназій;

4) о необходимости улучшенія института руководителей средняго женскаго образованія путемъ подбора для этой цѣли компетентныхъ и живо интересующихся дѣломъ лицъ взамѣнъ обремененныхъ своими прямыми обязанностями начальниковъ мужскихъ учебныхъ заведеній;

5) о необходимости серьезнаго улучшенія библіотекъ, научныхъ кабинетовъ, наглядныхъ пособій и т. п. вспомогательныхъ при преподаваніи средствъ.

П. Заболотскій.

Опытъ перечня важнѣйшихъ трудовъ

по вопросамъ женскаго воспитанія и образованія за послѣднее 10-лѣтіе (на р. яз.).

А) Воспитаніе женщинъ.

1) Шашковъ. Историческія судьбы женщины—СПБ. 1898 г., изд. Поповой.

2) Его-же. Исторія русской женщины—СПБ. 1898 изд., Поповой.

3) Современное воспитаніе женщинъ—„Вѣст. Восп.“ 1894, IV, 60.

4) О физическомъ воспитаніи женщинъ—„Образ.“ 1894, IV.

5) Воспитаніе женщинъ къ Нидерландахъ—„М. Бож.“ 1895, V.

6) В. Б-ва. „Материнскія школы во Франціи“. 1896 г.

7) Диттесъ. Исторія воспитанія и обученія для учителей и воспитателей, рядъ свѣдѣній о воспитаніи женщинъ въ извѣстныхъ капитальныхъ трудахъ по исторіи педагогики: Шмидта (1877—81), Раумера, Модзалевскаго (1874); по исторіи русскаго ж. воспитанія въ трудѣ Демкова (1897), а также въ педагогическихъ журналахъ: „Русск. Школа“, „Вѣстн. Восп.“, „Педагогич. Сборникъ“, „Педагогич. Еженедѣл.“, „Отчеты Моск. Педаг. Общ.“ и др.

В) Образованіе женщинъ.

1) Проф. Тарасовъ. „Образованіе женщинъ и ж. трудъ“. М. 1903 г.

2) Зинченко. „Женское образованіе въ Россіи“. СПБ. 1902.

3) Лихачева. „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“. СПБ. 1901.

4) Демковъ. „Исторія русской педагогіи“. 1897 (рядъ свѣдѣній по исторіи ж. образованія въ трудахъ Шмидта, Раумера, Модзалевскаго, Диттеса, Шашкова и др.).

5) Ельницкій. „Краткій очеркъ развитія средняго женскаго образованія въ Россіи“. 1887.

6) Евг. Дюрингъ. „Высшее жеское образованіе и университеты“. СПБ. 1902 (сочиненіе 1885 г.).

7) Женщины въ Европ. университетахъ—„Міръ Бож.“ 1895, VI. Помимо отмѣченныхъ трудовъ, рядъ цѣнныхъ статей по вопросамъ о преподаваніи тѣхъ или иныхъ предметовъ въ женскихъ гимназіяхъ см. въ извѣстныхъ педагогическихъ журналахъ: „Русская Школа“ „Вѣстникъ Воспитанія“ и др. (см. Указатель); рядъ цѣнныхъ справокъ практическаго характера можно найти въ отдѣлѣ „Женское Образованіе“ книжки Аріанъ „Первый женскій календарь“. СПБ. 1903.

О значеніи начала общественности въ коммерческой школѣ *).

Быстрое развитіе коммерческаго образованія въ Россіи должно быть признано безспорно наиболѣе выдающимся явленіемъ въ исторіи нашего просвѣщенія въ послѣднее время. Иностранцы, мало освѣдомленные вообще объ условіяхъ русской жизни, различно объясняютъ такіе успѣхи коммерческой школы у насъ: то быстрымъ ростомъ нашей торговли и стремленіемъ нашего коммерческаго люда просвѣщенно выступить на болѣе широкіе пути международнаго обмѣна, то заботами правительства о поднятіи знаній и этики въ торговой средѣ. Такое объясненіе вѣрно только отчасти. Причины широкаго распространенія коммерческаго образованія на Руси—гораздо глубже.

Современная Россія жадно хочетъ учиться. Исканіе живой и плодотворной школы представляетъ самую выдающуюся черту переживаемой нами эпохи. Въ русскомъ народѣ, во всей его огромной совокупности, уже успѣло исторически сложиться твердое сознаніе, что только школа можетъ дать ему прочную матеріальную и нравственную мощь для лучшаго устройства своихъ собственныхъ судебъ и для примѣненія всѣхъ богатыхъ природныхъ даровъ къ общей духовной работѣ человѣчества. Какъ ни расширяются дороги къ русской школѣ, все-же онѣ узки сравнительно съ потребностью въ просвѣщеніи; какъ ни широко открываются двери въ школу, все-же онѣ тѣсны сравнительно съ запросами жизни. Поэтому, главнѣйшія заслуги коммерческой школы заключаются въ томъ, что онѣ умножили и расширили пути просвѣщенія въ странѣ.

За шестилѣтній періодъ число учебныхъ заведеній коммерческой спеціальности выросло съ 9 въ 1896 г. до 139 къ 1-му января 1903 г.; иначе говоря, въ 6 лѣтъ число ихъ увеличилось на 130, а если къ этому прибавить 15 уже разрѣшенныхъ къ открытію заведеній, то это число поднимется до 145. Слѣдовательно, за 7 лѣтъ Россія получила 145 новыхъ источниковъ просвѣщенія,

*) Рѣчь, произнесенная при открытіи Съѣзда дѣятелей по техническому и профессіональному образованію.

35.000 учащихся, а съ открытіемъ всѣхъ классовъ и новыхъ школъ эта цыфра выраститъ до 50.000 человѣкъ.

Проложеніе этихъ путей образованія не отяготило Россіи новыми налогами, почти не вызвало новыхъ расходовъ по государственной росписи. Первоначальное устройство коммерческихъ учебныхъ заведеній сдѣлано цѣликомъ на средства общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, въ общей суммѣ пяти милл. рублей. Ежегодный бюджетъ коммерческихъ учебныхъ заведеній превосходитъ $3^1/_2$ милл. рублей, при чемъ казна отпускаетъ только 49.000 р., т. е. менѣе $1^1/_2$%, почти исключительно на низшія учебныя заведенія—торговыя школы и торговые классы. Такимъ образомъ, коммерческая школа почти всецѣло выросла на почвѣ общественнаго сочувствія къ ней. Широкимъ потокомъ притекали и притекаютъ къ ней единовременныя и ежегодныя пожертвованія со стороны купеческаго сословія, кредитныхъ учрежденій, городскихъ обществъ, земствъ и частныхъ лицъ. О размѣрѣ пожертвованій дадутъ понятія слѣдующія немногія цыфры: московскимъ биржевымъ обществомъ было собрано на устройство и содержаніе Александровскаго коммерческаго училища 700.000 руб.; въ Москвѣ-же на учрежденіе третьяго коммерческаго училища и торговыхъ классовъ общества распространенія коммерческаго образованія до 200.000 р.; въ Кіевѣ — на устройство и содержаніе коммерческихъ заведеній свыше 450.000 р.; въ Баку на учрежденіе коммерческаго училища 190.000 р., въ Ростовѣ-на-Дону—150.000 р. и пр. Московское купеческое общество взаимнаго кредита и Московскій торговый банкъ ежегодно отчисляютъ 5% съ прибылей въ пользу коммерческихъ учебныхъ заведеній Москвы; Волжско-Камскій ежегодно даетъ 1% со своихъ прибылей на нужды коммерческаго образованія Поволжья, что составляетъ, въ среднемъ, около 35.000 р. въ годъ. Обязательные сборы съ сословныхъ купеческихъ и промысловыхъ свидѣтельствъ приносятъ ежегодно: по Варшавѣ—свыше 100.000 р., а въ Кіевѣ—около 50.000 р., въ Петербургѣ до 40.000 р., въ Ростовѣ-на-Дону — 30.000 р., а въ Харьковѣ и Одессѣ до 28.000 р. и пр. Какъ велики были пожертвованія со стороны частныхъ лицъ, можно судить по тому, что только шестью лицами было дано 700.000 р. на дѣло коммерческаго образованія.

Коммерческая школа, давая профессіональное образованіе на основѣ общаго, не только способствуетъ распространененію просвѣщенія вообще, но и удовлетворяетъ реальной потребности реалистическаго по своему складу русскаго народа: онъ ищетъ не одного свѣта знанія, но также способовъ улучшить свою жизнь. Практичность и приложимость къ жизни познаній, пріобрѣтаемыхъ въ коммерческой школѣ,—ея вторая заслуга и вторая причина ея успѣха.

А этотъ успѣхъ такъ громаденъ, что Россія по справедливости можетъ имъ прямо-таки гордиться. Въ самомъ дѣлѣ, страна, въ общемъ, бѣдная школами, ежегодно обогащается, почти безъ затратъ казны, на 20 школъ, половина которыхъ падаетъ на дорого стоющія коммерческія училища, требующія каждое по среднему разсчету около 50.000 р. въ годъ на свое содержаніе. При все еще скудномъ бюджетѣ на народное просвѣщеніе сколько десятилѣтій должно было бы пройти, чтобы государству было по силамъ тратить на коммерческое образованіе столько, сколько тратится въ настоящее время изъ частныхъ источниковъ?

Патріотъ не можетъ не испытывать радости при мысли, что общественныя учрежденія и богатыя частныя лица охотно жертвуютъ большія суммы на школу, если въ ней живетъ живой и бодрый духъ, если она идетъ навстрѣчу жизни. Нравственное значеніе этихъ затратъ тѣмъ выше, что богатые жертвователи не извлекаютъ непосредственной пользы отъ школъ: дѣти ихъ обучаются тамъ рѣдко; коммерческая школа открыта для всѣхъ сословій, а не только для дѣтей купеческаго класса. Особеннаго вниманія заслуживаютъ расходы общественныхъ учрежденій и частныхъ жертвователей на устройство торговыхъ школъ и торговыхъ классовъ: эти низшія коммерческія учебныя заведенія предназначены почти исключительно для наиболѣе темнаго и бѣднаго торговаго населенія.

Чѣмъ-же объясняется такой небывалый у насъ успѣхъ школы по коммерческой спеціальности? Потребность просвѣщенія въ странѣ растетъ съ необычайною силою. Нужда въ профессіональныхъ знаніяхъ огромна. Купечество наше, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, и общественныя учрежденія сознаютъ, что безъ коммерческихъ знаній на основѣ общаго образованія торговля наша, даже домашняя, не говоря уже о внѣшней торговлѣ, не можетъ развиваться широко, вестись разумно и добропорядочно. Типы Замоскворѣчья не могутъ устоять предъ напоромъ жизни, моральныя требованія и коммерческое соперничество подтачиваютъ пригодность формулы: „не надуешь—не продашь“.

Однако, однѣми этими причинами нельзя было-бы объяснить поразительно-быстрое распространеніе коммерческаго просвѣщенія въ Россіи.

Количественное и качественное развитіе коммерческой школы есть прямой результатъ общественнаго къ ней сочувствія. А общественное сочувствіе отдано коммерческой школѣ потому, что она несетъ съ собою новыя черты, обезпечивающія осуществленіе цѣлей, во имя которыхъ она создана, и производительность сдѣланныхъ на нее затратъ—деньгами и усиліями. Коммерческая школа новая—не

столько по задачамъ, сколько по духу, внутреннему укладу и порядку управленія.

Главнѣйшими новыми чертами коммерческой школы должны быть признаны—гибкость ея, приспособляемость къ жизни и общественности. На этихъ чертахъ мы и остановимся: онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Даже въ предѣлахъ одной отрасли профессіональнаго образованія, каковымъ является образованіе коммерческое, потребности такой огромной и хозяйственно-разнородной страны, какъ Россія, чрезвычайно разнообразны. Запросы коммерческіе такъ-же различны, какъ и торговые условія и интересы.

Эти запросы различны по районамъ тяготѣнія къ тѣмъ или другимъ русскимъ или иностраннымъ рынкамъ, по интересамъ отдѣльныхъ отраслей торговли и промышленности, по необходимости подготовлять для коммерческой дѣятельности персоналъ съ неодинаковымъ уровнемъ знаній—отъ недѣльца для мелкой торговли и простенькаго конторщика до крупнаго коммерсанта, способнаго оцѣнить не только русскія, но и международныя конъюнктуры со сложными вліяніями экономической политики.

Законодательнымъ актомъ 15 апрѣля 1896 г. именно и создана такая гибкая коммерческая школа. Этимъ актомъ какъ-бы начертана великая руководящая идея: *не жизнь по школѣ, а школа по жизни.* Школьные запросы жизни не укладываются въ неподвижные типы. Окаменѣлость типовъ вредно отражается на развитіи и школы, и жизни, не можетъ привлечь общественнаго сочувствія, а слѣдовательно, и добровольной матеріальной помощи. Нѣкоторыя профессіональныя школы у насъ не возникали потому, что имъ не было мѣста въ общей системѣ типовъ, что ихъ нельзя было уложить въ заранѣе приготовленныя рамки. Между тѣмъ, нормированіе школы по неподвижнымъ типамъ не можетъ быть оправдано предоставленіемъ оканчивающимъ въ ней опредѣленныхъ правъ. Прежде всего, не всякое обученіе необходимо сопряжено съ правами по воинской повинности и другими. Затѣмъ, предоставленіе правъ, строго говоря, не препятствуетъ устройству эластической школы, соотвѣтственно дѣйствительной потребности.

Гибкость коммерческой школы, по Положенію о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ, достигается широкою возможностью устройства этихъ заведеній соотвѣтственно мѣстнымъ нуждамъ. Заведенія эти могутъ быть устраиваемы различныхъ разрядовъ, и въ предѣлахъ разрядовъ допускается разнообразіе въ зависимости отъ потребностей жизни. Низшее учебное заведеніе—торговая школа—можетъ быть одноклассной, двухклассной, трехклассной и четырех-

классной, съ приготовительными классами и безъ нихъ. Коммерческія училища допускаются, какъ съ 3 и 4 классами, такъ и 7 и 8 классами. Коммерческіе курсы приспособляются къ различнымъ уровнямъ предварительной подготовки, и на нихъ преподаютъ всѣ или лишь нѣкоторые предметы коммерческой спеціальности. Особеннаго вниманія заслуживаютъ торговые классы; это—наиболѣе эластичные изъ коммерческихъ учебныхъ заведеній. Въ нихъ могутъ пріобрѣтать коммерческія познанія лица всѣхъ возрастовъ, не моложе 12 лѣтъ; слушателями могутъ быть избираемы или всѣ предметы, или нѣкоторые изъ нихъ, или даже одинъ; время начала и конца учебнаго года установляется въ зависимости отъ мѣстныхъ условій; занятія могутъ происходить и въ вечерніе часы. Торговымъ классамъ предсказывали неуспѣхъ; говорилось, что они у насъ не привьются, что они хороши тамъ, у нѣмцевъ. Жизнь не подтвердила такихъ опасеній. Уже и теперь имѣется ихъ свыше 30, съ числомъ учащихся около 10.000 человѣкъ. Въ будущемъ можно ожидать еще большаго распространенія торговыхъ классовъ: они удовлетворяютъ стремленію занятыхъ службою лицъ расширить или пріобрѣсти познанія по опредѣленнымъ спеціальностямъ.

Въ отношеніи объема преподаванія, распредѣленія уроковъ и пр. Положеніе о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ предоставляетъ каждому изъ нихъ полную возможность приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ, что и выражено въ слѣдующемъ постановленіи закона: „Устройство, порядокъ управленія, объемъ преподаванія и распредѣленіе уроковъ опредѣляются для каждаго коммерческаго учебнаго заведенія особыми уставами, составляемыми на основаніи сего Положенія, по соображенію съ мѣстными условіями“. Такая широта взглядовъ законодателя, впервые высказанная въ Положеніи о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣла самое благотворное вліяніе на ихъ широкое распространеніе и обезпечила имъ здоровое развитіе, чему способствовали въ неменьшей мѣрѣ быстрота разрѣшенія ходатайствъ объ учрежденіи коммерческихъ учебныхъ заведеній и чуждое формализма отношеніе власти къ ихъ текущей жизни.

Если гибкость и приспособляемость коммерческой школы вызвали къ ней большое сочувствіе со стороны общества,—сочувствіе, выразившееся въ устройствѣ большого числа коммерческихъ учебныхъ заведеній почти исключительно на частныя средства, то, безспорно, еще большее значеніе въ томъ-же направленіи имѣло *допущеніе къ участію въ завѣдываніи этими заведеніями представителей городовъ, сословій и обществъ, дающихъ средства на ихъ устройство.*

Широкій общественный починъ, энергичная общественная работа по устройству новыхъ учебныхъ заведеній вызваны именно такимъ допущеніемъ къ участію въ завѣдываніи школами. Явились энергичные дѣятели, проповѣдники новой школы, образовались и образуются общества распространенія коммерческихъ знаній, широкою волною полились общественныя и частныя средства на устройство коммерческой школы не только въ городахъ, но и въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ, гдѣ до того лежала густая духовная тьма. Нельзя не отмѣтить слѣдующей особенности устройства коммерческихъ учебныхъ заведеній: учрежденіе коммерческаго училища даетъ толчокъ къ открытію и другихъ разрядовъ коммерческихъ учебныхъ заведеній—торговыхъ школъ и торговыхъ классовъ. Такимъ образомъ, училище является какъ-бы центромъ, около котораго осѣдаютъ низшія заведенія той-же спеціальности. Наиболѣе широко проявилась общественная инициатива въ большихъ городахъ. Такъ, Москва имѣетъ 32 учебныхъ коммерческихъ заведенія, Петербургъ—17, Варшава—12, Одесса—7, Кіевъ—6, Ростовъ-на-Дону, Саратовъ и Тифлисъ—по 4, Рига, Харьковъ и Кишиневъ—по 3.

Согласно Положенію 1896 г., общее завѣдываніе дѣлами каждаго коммерческаго учебнаго заведенія возлагается на попечительный совѣтъ. Предсѣдатель и члены попечительнаго совѣта избираются тѣми земскими собраніями, учрежденіями городского общественнаго управленія, сословіями и мѣстными обществами, на средства которыхъ заведенія содержатся. Въ случаѣ надобности, въ помощь попечительному совѣту, при училищахъ учреждается хозяйственный комитетъ, въ составѣ котораго, въ числѣ прочихъ членовъ, входятъ и два члена попечительнаго совѣта. Предсѣдательство въ комитетѣ возлагается на одного изъ членовъ попечительнаго совѣта, по выбору послѣдняго. По Положенію 1900 г., въ составъ педагогическихъ комитетовъ при коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ входитъ одинъ изъ членовъ попечительнаго совѣта по выбору послѣдняго. Завѣдывающіе торговыми классами и курсами коммерческихъ знаній, инспектора торговыхъ, директора и инспектора коммерческихъ училищъ избираются попечительными совѣтами и утверждаются Министромъ Финансовъ. Инспектора Коммерческихъ училищъ, законоучители и прочія должностныя лица въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ избираются директорами училищъ, инспекторами и другими лицами, завѣдывающими этими учебными заведеніями.

Въ только-что приведенныхъ постановленіяхъ закона и заключается существо того, что мы назвали началомъ общественности въ коммерческой школѣ.

Благодаря этому началу, коммерческая школа и сложилась въ школу новую по духу и всему внутреннему строю.

Это—школа жизненная, живая, приспособленная къ опредѣленнымъ практическимъ потребностямъ, отвѣчающая мѣстнымъ нуждамъ, удовлетвореніе которыхъ обезпечивается учрежденіемъ попечительныхъ совѣтовъ.

Это—школа, такъ сказать, „своя". Она учреждена на мѣстныя средства, обставлена соотвѣтственно надобностямъ дѣла, управляется при участіи представителей тѣхъ учрежденій, которыя и создали ее на собственный счетъ и обезпечиваютъ ея существованіе и дальнѣйшее развитіе. Превосходно устроенныя или приспособленныя зданія, хорошая постановка учебнаго дѣла, учебно-вспомогательныхъ учрежденій—музеевъ, лабораторій, кабинетовъ, заботы о физическомъ развитіи учащихся, удовлетворительномъ вознагражденіи преподавателей—являются результатомъ работъ попечительныхъ совѣтовъ и обществъ распространенія коммерческихъ знаній въ „своей" школѣ. Глубоко трогательное впечатлѣніе производятъ, напр., старанія нѣкоторыхъ обществъ приказчиковъ о наилучшей постановкѣ торговой школы, точно такъ-же, какъ энергія и заботливость почетныхъ попечителей и почетныхъ блюстителей о благополучіи коммерческихъ учебныхъ заведеній. И все это—потому, что хорошая „своя" школа составляетъ предметъ гордости мѣстныхъ дѣятелей. Коммерческую школу любятъ какъ свое дѣтище, а потому и хлопочутъ объ ея благосостояніи.

Коммерческая школа чужда шаблоннаго однообразія, которое мертвитъ всякую школу. Живому духу этой школы и ея индивидуальности много способствуетъ предоставленіе попечительнымъ совѣтамъ права избирать начальниковъ общественныхъ коммерческихъ учебныхъ заведеній. Какъ общее правило, можно сказать, что попечительные совѣты выбираютъ на эти должности лицъ съ большою осмотрительностью и представляютъ къ утвержденію только кандидатовъ, прошлая педагогическая дѣятельность которыхъ служитъ имъ достаточною рекомендаціею. Съ своей стороны, избранные попечительнымъ совѣтомъ начальники учебныхъ заведеній пользуются его поддержкой въ осуществленіи своихъ предположеній на пользу школы. Предоставленіе начальникамъ коммерческихъ учебныхъ заведеній полной свободы въ выборѣ преподавателей и другихъ должностныхъ лицъ отражается очень плодотворно на постановкѣ учебнаго дѣла.

Каждое коммерческое учебное заведеніе живетъ своею самостоятельною жизнью, такъ какъ оно не испытываетъ на себѣ стѣснительной регламентаціи центральнаго управленія и окружныхъ инспекторовъ. Администрація и преподавательскій составъ коммерческой

школы имѣютъ полную возможность проявить свой починъ на пользу учебнаго заведенія, въ результатѣ чего является бодрая и согласованная работа.

Наконецъ, благодаря такой индивидуальной жизни каждой коммерческой школы, центральное управленіе можетъ быть свободно отъ тѣхъ ошибокъ, которыя неизбѣжны при большой регламентаціи и вредно отзываются на школѣ.

Таковы добрыя послѣдствія широкаго примѣненія начала общественности въ коммерческой школѣ. Эти послѣдствія такъ очевидны, что то-же начало, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями сообразно спеціальностямъ школъ, вошло въ положеніе о мореходныхъ и художественно-промышленныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Здоровое начало даетъ и здоровые результаты. Такова логика вещей. Поэтому, нельзя не пожелать ему самаго широкаго примѣненія въ нашей школьной системѣ съ тѣми видоизмѣненіями, которыя вызываются особенностями различныхъ категорій школы.

Съ примѣненіемъ этого начала школа получитъ другой обликъ, другой строй: просвѣщеніе шире распространится. Общественное сочувствіе къ ней возрастетъ.

Въ заключеніе позволю себѣ еще разъ повторить: Россія теперь хочетъ учиться. Она такъ охотно, съ такимъ добрымъ, нерѣдко съ благоговѣйнымъ чувствомъ отдаетъ на добрую школу даже отъ скудныхъ своихъ средствъ! Отдаетъ охотно потому, что въ народномъ сознаніи школа есть храмъ науки.

В. И. Ковалевскій.

Замѣтки по вопросамъ сельскохозяйственнаго образованія *).

III. О профессіональномъ воспитаніи въ сельскохозяйствсныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Профессіональное воспитаніе должно быть направлено къ подготовкѣ практическихъ дѣятелей; при этомъ имѣется въ виду не только образованіе въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. сообщеніе техническихъ знаній и умѣній, не только воспитаніе человѣка вообще, но и выработку характера, упражненіе *воли* въ примѣненіи къ опредѣленной профессіи, въ данномъ случаѣ къ сельско-хозяйственной. При такомъ направленіи воспитанія, земледѣльческая школа должна привить своимъ питомцамъ нѣкоторыя особенныя привычки и нравственныя правила, которыя по возможности облегчали-бы имъ успѣшную практическую дѣятельность и побуждали-бы ихъ соотвѣтственнымъ образомъ реагировать на обычныя явленія сельской жизни.

Къ сожалѣнію, наши сельскохозяйственныя учебныя заведенія мало задавались такими спеціальными задачами. Въ среднихъ земледѣльческихъ училищахъ до сего времени дѣло воспитанія поставлено было на формальныхъ началахъ и сводилось, главнымъ образомъ, къ офиціальной выучкѣ учащихся или къ досрочному удаленію изъ школъ тѣхъ изъ нихъ, кто не поддавался спокойному ходу этой выучки. Дѣйствующія инструкціи и правила для учениковъ устанавливаютъ чисто формальныя отношенія между воспитателями и воспитываемыми, требуя, главнымъ образомъ, только соблюденія внѣшнихъ правилъ порядка и стѣсняя дѣятельность начальниковъ училищъ. Въ школахъ же низшихъ дѣло воспитанія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ казенныхъ заведеній, министерскими правилами не регулируется, и результаты воспитанія здѣсь, завися отъ многихъ случайностей, не всегда удовлетворительны.

---

*) См. „Русск. Школа“ 1902 г.

Въ настоящее время на этотъ вопросъ обращено серьезное вниманіе Министерствомъ Земледѣлія, и это даетъ намъ возможность сообщить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія и соображенія. Мы начнемъ съ нравственнаго воспитанія, и затѣмъ перейдемъ къ практическимъ занятіямъ, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ профессіональнымъ воспитаніемъ.

Высочайше утвержденное, 30 мая 1878 года, положеніе о земледѣльческихъ училищахъ и уставъ ихъ 10 марта 1888 г. не касаются воспитательной части, ограничиваясь только установленіемъ должностей надзирателей и репетиторовъ съ жалованьемъ по 600 рублей въ годъ, безъ права на пятилѣтнія прибавки къ жалованью. Съ формальной стороны, этотъ недостатокъ восполняется въ инструкціи училищъ (6 апрѣля 1890 г.) и правилахъ для учениковъ (22 декабря 1892 г.); но эти распоряженія далеко не исчерпываютъ вопроса и не даютъ почти никакого простора лицамъ, причастнымъ къ дѣлу воспитанія юношества. Такъ, хотя во главѣ каждаго училища поставленъ директоръ въ качествѣ отвѣтственнаго начальника заведенія и ему подчиняются, между прочимъ, инспекторъ училища. какъ непосредственный руководитель воспитательной частью, и надзиратели за учениками, но дѣятельность ихъ по инструкціи сводится почти исключительно къ формальному надзору и ограничивается довольно тѣсными правилами. „Обязанность директора состоитъ, главнымъ образомъ, въ бдительности и руководствѣ“, говорится въ п. 7 инструкціи. Но руководство это требуется лишь въ тѣхъ случаяхъ, „когда подчиненныя лица, по порученнымъ имъ дѣламъ, не находятъ указаній въ подлежащей инструкціи, или когда они отступаютъ отъ этихъ указаній, или когда дѣйствія ихъ не согласуются съ интересами заведенія“. Непосредственное и полновластное распоряженіе директора по личному его усмотрѣнію допускается „впредь до разъясненія дѣла высшимъ начальствомъ“ только „въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда отъ дѣйствія подчиненныхъ лицъ проистекаетъ, по убѣжденію директора, очевидный и серьезный вредъ“. Директору, равно какъ инспектору и учителямъ, воспрещается содержать у себя на квартирѣ учащихся. „Директоръ наблюдаетъ, чтобы обращаемо было вниманіе на нравственное воспитаніе учащихся и *для сего* (!) требуетъ, чтобы инспекторъ, надзиратели и преподаватели не позволяли себѣ дурного обращенія съ учениками“. По части исключенія учениковъ власть директора ограничивается согласіемъ Педагогическаго Совѣта и утвержденіемъ Департамента; положенное инспекторомъ наказаніе директоръ можетъ только усилить, но не ослабить (примѣчаніе къ тому же пункту).

Инструкціи инспектору и надзирателямъ земледѣльческихъ учи-

лишь даютъ еще меньше простора въ дѣлѣ воспитанія, ограничивая ихъ обязанности, главнымъ образомъ, полицейскимъ наблюденіемъ за внѣшнимъ порядкомъ въ училищѣ и наложеніемъ незначительныхъ взысканій на провинившихся учениковъ. О цѣляхъ и средствахъ нравственнаго воспитанія здѣсь не говорится ни слова, и его могутъ касаться косвенно лишь слѣдующіе пункты: „Въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ инструкціею, инспекторъ получаетъ указанія отъ директора, который или самъ ихъ даетъ, или вноситъ возбужденный инспекторомъ вопросъ на обсужденіе Педагогическаго Совѣта“. На инспектора возлагается непосредственный надзоръ за учениками и попеченіе о ихъ нуждахъ, при чемъ „*въ случаѣ надобности* онъ даетъ ученикамъ необходимые совѣты и наставленія“. Наконецъ, инспекторъ можетъ вносить на разсмотрѣніе Совѣта, чрезъ директора, вопросы о воспитательныхъ и учебныхъ нуждахъ, которые онъ усмотритъ при исполненіи своихъ обязанностей. Надзиратель, имѣя постоянный надзоръ за воспитанниками, днемъ и ночью, долженъ обращаться въ затруднительныхъ случаяхъ къ руководству инспектора и въ точности исполнять его распоряженія; впрочемъ, надзирателю предоставляется каждаго вновь поступающаго ученика знакомить съ обязанностями его по отношенію къ начальству и къ товарищамъ, а „въ видахъ *исправленія* провинившихся разъяснить имъ свойства и послѣдствія проступка, дѣлая, если онъ признаетъ нужнымъ, замѣчанія или выговоръ“. Такимъ образомъ, бесѣды съ учащимися чиновъ инспекціи допускаются только въ особыхъ нарочитыхъ случаяхъ, въ противность задачамъ истиннаго воспитанія.

Преподаватели касаются дѣла воспитанія, по инструкціи, лишь въ засѣданіяхъ Педагогическаго Совѣта, по вносимымъ директорами училищъ вопросамъ. Правда, Совѣтъ можетъ собираться по письменному заявленію трети его наличныхъ членовъ, а каждый членъ Совѣта имѣетъ право представлять въ Совѣтъ предложенія по предметамъ его вѣдѣнія, но въ данномъ случаѣ этимъ правомъ едва-ли удобно пользоваться преподавателямъ, такъ какъ ихъ обязанности по воспитательной части сводятся къ наблюденію „за порядкомъ и тишиною во время урока“. На практическихъ занятіяхъ учениковъ роль преподавателей сводится къ руководству или наблюденію за работами и къ аттестаціи успѣховъ учениковъ въ этихъ работахъ. Отношенія же преподавателей къ ученикамъ во время экскурсій совсѣмъ не предусмотрѣны въ дѣйствующихъ правилахъ.

Правила для учениковъ земледѣльческихъ училищъ состоятъ изъ чисто формальныхъ указаній и, главнымъ образомъ, относительно внѣшнихъ отношеній учащихся къ церкви, къ начальникамъ

(сюда отнесены, между прочимъ, надзиратели и преподаватели) и къ другимъ лицамъ, къ школьному имуществу и учебнымъ пособіямъ, къ распорядкамъ въ теченіе дня и вообще къ внѣшней дисциплинѣ. При этомъ введены и такія правила: „Уходить со своихъ мѣстъ, какъ во время уроковъ, такъ и въ часы приготовленія къ урокамъ, воспрещается, и лишь въ случаяхъ крайней необходимости дозволяется испрашивать разрѣшеніе“... „Въ свободное отъ занятій время воспитанники *могутъ* устраивать игры (предпочтительно соединяемыя съ движеніемъ на открытомъ воздухѣ)“... „Они могутъ также заниматься музыкою или пѣніемъ, если получатъ на то разрѣшеніе дежурнаго надзирателя“. Только въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ правилами, ученики должны обращаться *за разъясненіями или указаніями* къ дежурному надзирателю. Многочисленныя, сухія и формальныя требованія отъ учащихся дополняются особыми правилами о взысканіяхъ за проступки учениковъ. По этимъ правиламъ, къ „исправительнымъ мѣрамъ“ отнесены, между прочимъ: „стояніе ученика, болѣе или менѣе продолжительное время, на мѣстѣ или у стѣны“, „недопусканіе къ играмъ“, „стояніе во время завтрака, обѣда или ужина, съ назначеніемъ въ пищу хлѣба и воды“, заключеніе въ карцерѣ *до трехъ дней* и даже *исключеніе* изъ училища безъ права поступленія въ другія заведенія (непонятно, какъ эта послѣдняя мѣра можетъ „исправить“ ученика).

По низшимъ сельскохозяйственнымъ учебнымъ заведеніямъ инструкціи, касающіяся воспитательной части, имѣются только по Маріино-Горской школѣ (1879 г.), по Никитскому училищу садоводства и винодѣлія (1895г.) и по Пензенскому училищу садоводства (1899 г.). Въ инструкціи Маріино-Горской школы правила для учениковъ немногочисленны и изъ числа мѣръ наказанія исключены „стоянія“, недопусканіе къ играмъ, „хлѣбъ и вода“. Инструкціи же по двумъ остальнымъ училищамъ дѣлаютъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ воспитанія. Такъ, преподаватели-воспитатели Никитскаго училища, являясь отвѣтственными блюстителями за поведеніемъ учениковъ, должны, по инструкціи, исполнять свои обязанности „такимъ образомъ, чтобы предупрежденіе проступковъ и безпорядковъ бдительностью и вліяніемъ личнаго авторитета стояло на первымъ планѣ, а съ другой стороны, чтобы исправительныя мѣры, налагаемыя воспитателями, были чужды всякаго пристрастія и раздраженія“. Далѣе—„выработка цѣлесообразной системы обращенія съ учениками и необходимаго воспитательнаго такта составляетъ *важнѣйшую* задачу преподавателей-воспитателей“;... „надлежитъ избѣгать вредныхъ крайностей, т. е. какъ неумѣстной формальности и слабости по отношенію къ ученикамъ, такъ и излишней непривѣтли-

вости и строгости. Преподаватель-воспитатель всегда долженъ помнить, что вліяніе его на учениковъ и успѣшное исполненіе его обязанностей зависитъ не отъ внѣшнихъ мѣръ, но именно отъ умѣнія сохранить свой авторитетъ всегда и во всѣхъ случаяхъ". И еще „по отношенію къ вновь поступающимъ ученикамъ и вообще въ началѣ каждаго учебнаго года воспитатель обязанъ употребить всѣ усилія къ ознакомленію новичковъ съ правилами приличія и вѣжливости по отношенію къ начальству и ихъ сотоварищамъ". „Воспитатели должны помнить, что хорошее исполненіе этого правила въ значительной степени обезпечиваетъ не только установленіе надлежащей дисциплины, но и пріобрѣтеніе самими воспитателями должнаго авторитета въ глазахъ учениковъ". Взысканія, налагаемыя преподавателями-воспитателями, установлены только нравственнаго свойства, какъ-то: убѣжденіе и разъясненіе, замѣчаніе и выговоръ и притомъ лишь за опредѣленные проступки—нарушеніе тишины и порядка, неприличныя пререканія, брань и драки между учениками, всякое нарушеніе учениками правилъ вѣжливости, приличія и опрятности и, наконецъ, всякое проявленіе лѣности и недобросовѣстное исполненіе учениками своихъ обязанностей.

Инструкція по Пензенскому училищу, списанная большею частью съ инструкціи среднихъ земледѣльческихъ училищъ, однако, сильно смягчена и заключаетъ довольно полезныя указанія. Такъ, управляющій училищемъ долженъ дѣйствовать на подчиненныхъ своимъ примѣромъ. Каждый преподаватель обязанъ, при удобномъ случаѣ, „внушать словомъ и примѣромъ чувства долга, справедливости и нравственныя христіанскія убѣжденія", а въ научныхъ занятіяхъ оказывать воспитаннику всякую посильную помощь по усвоенію его предмета, т. е. объяснять встрѣчающіяся трудности, указывать вспомогательныя сочиненія, бесѣдовать о прочитанномъ и видѣнномъ и т. п. Наряду съ изложеніемъ своего предмета, преподаватель обязанъ постоянно слѣдить, насколько каждый изъ учениковъ усваиваетъ предметъ, и пріучать воспитанниковъ къ самодѣятельности, посредствомъ самостоятельныхъ работъ, состоящихъ въ чтеніи книгъ и письменныхъ рѣшеній задачъ и изложеніи прочитаннаго или видѣннаго, а въ старшихъ классахъ самостоятельныхъ разсужденій по какому либо вопросу... Садовники и огородникъ училища не должны во время работъ ограничиваться однимъ надзоромъ за исполняющими ихъ работами, но, принимая въ дѣлѣ личное участіе, указываютъ, какъ должно выполнять предстоящую работу, и выясняютъ подробно ея значеніе.

По низшимъ сельскохозяйственнымъ школамъ, по школамъ молочнаго хозяйства, практическимъ и женскимъ, Министерствомъ еще

не издано никакой инструкціи. Но въ отдѣльныхъ уставахъ по этимъ школамъ дается обыкновенно общее указаніе относительно простого образа жизни учащихся и, кромѣ того, попечителямъ школъ вмѣняется въ обязанность выработать и представить на утвержденіе Департамента Земледѣлія правила, касающіяся продовольствія учениковъ, порядка ихъ занятій, выдачи наградъ за работы, производства испытаній, наблюденія о нравственно-религіозномъ воспитаніи учениковъ и взысканіяхъ за лѣность ихъ, непослушаніе и нарушеніе ими установленнаго въ школѣ порядка. Такія правила выработаны для нѣкоторыхъ школъ; они довольно разнообразны, такъ какъ при разсмотрѣніи ихъ Департаментъ не хотѣлъ стѣснять дѣятелей низшей школы шаблонными требованіями. На съѣздахъ дѣятелей по сельскохозяйственному образованію (труды ихъ большею частію печатались въ „Русской Школѣ") вопросы воспитанія пользовались большимъ вниманіемъ, и съѣзды высказали рядъ заключеній и желаній.

Но „заключенія" эти еще не вполнѣ исчерпываютъ вопроса, а пожеланія съѣздовъ вообще довольно далеки отъ дѣйствительности.

На съѣздахъ перечислялись различныя нравственныя качества, которыя желательно развить въ питомцахъ сельскохозяйственныхъ школъ, и довольно систематически проведено положеніе, что этого возможно достигнуть только настойчивымъ вліяніемъ и добрымъ примѣромъ учителей-воспитателей. Для этого предлагалось даже сократить число учащихся въ многолюдныхъ школахъ и увеличить число воспитателей.

Учащіеся почти во всѣхъ заключеніяхъ съѣздовъ разсматриваются, какъ инертная среда, подлежащая безостановочному воздѣйствію разныхъ воспитательныхъ мѣръ и оказывающая притомъ сопротивленіе творческой работѣ призванныхъ къ дѣлу педагоговъ,— точно наши школы исправительныя заведенія. На самомъ же дѣлѣ это далеко не такъ; при пріемѣ въ сельскохозяйственныя школы, по крайней ихъ малочисленности, можетъ производиться систематическій отборъ лучшихъ, и хотя въ большинствѣ случаевъ этотъ отборъ дѣлается неправильно (чрезъ конкурсные экзамены, спѣшно производимые), однако, всетаки въ наши школы попадаютъ по большей части неиспорченные и скромные молодые люди, вполнѣ сознательно стремящіеся къ образованію, и ихъ весьма легко склонить къ внутренней работѣ надъ своимъ воспитаніемъ совмѣстно съ ихъ руководителями. Къ сожалѣнію, въ громадномъ большинствѣ нашихъ школъ такого сознательнаго взаимодѣйствія вовсе не замѣчается, а бывшіе съѣзды почти не коснулись этого вопроса.

Многіе участники съѣздовъ, высказывая передовыя мысли въ

области воспитанія юношества, отрицая всякія наказанія и насильственныя мѣры (иногда въ противорѣчіи съ своею прямою дѣятельностью), въ сущности придерживались стариннаго взгляда на воспитателей и воспитываемыхъ, какъ на двѣ борящіяся стороны, какъ-бы съ противоположными интересами, и предлагали употреблять только *нравственныя усилія* (гдѣ прежде дѣло ограничивалось физическими—въ видѣ наказаній) для преодолѣнія силы *отрицательной*, которую якобы представляютъ учащіеся. Въ дѣйствительности же изстари замѣчаемый во многихъ учебныхъ заведеніяхъ антагонизмъ между учителями и учениками, какъ начальниками и подчиненными, является лишь результатомъ неправильной постановки воспитанія, и этого антагонизма не должно быть совсѣмъ. Такимъ образомъ, съѣзды упустили изъ виду самое главное—ученика, его сознательную работу на пользу себѣ и ближнимъ, его добрую *волю*.

Среди *учащихся* принимаемыхъ въ училища по выбору въ возрастѣ 14—16 лѣтъ и остающихся здѣсь до 20—24-хъ лѣтъ, замѣчается въ послѣднее время большой упадокъ дисциплины, съ частыми уклоненіями отъ обязательныхъ занятій, отъ церковной службы и т. п., съ проявленіями грубости нравовъ и неблаговоспитанности. При этомъ замѣчается и довольно слабое умственное развитіе и неумѣніе ясно выражать мысли, хотя, съ другой стороны, большинство учащихся обнаруживаетъ довольно сильное стремленіе къ самостоятельному чтенію, между прочимъ, толстыхъ журналовъ и книжекъ.

Новыя движенія среди учащихся застали врасплохъ ближайшихъ руководителей воспитанія—*директоровъ и учителей-инспекторовъ училищъ*, привыкшихъ къ спокойному формальному надзору за внѣшнею дисциплиною въ заведеніяхъ и связанныхъ притомъ неудачными инструкціями и правилами, какъ объяснено выше. Наличныхъ силъ *надзирателей* оказалось совершенно недостаточно, чтобы слѣдить за внѣшнимъ порядкомъ и сдерживать все возраставшее число проступковъ учениковъ и сознательныхъ отступленій ихъ отъ дисциплины.

Что касается *учителей*, то поставленные въ сторонѣ отъ надзора за поведеніемъ учениковъ и вообще отъ воспитательнаго дѣла, они обыкновенно сопротивляются и всякимъ попыткамъ привлеченія ихъ къ этому дѣлу и ограничиваются большею частію формальнымъ исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, къ сожалѣнію, не всегда умѣлымъ и удачнымъ.

Вліяніе *семьи* и окружающей среды, на которое возлагались надежды въ гимназіяхъ и другихъ открытыхъ заведеніяхъ въ сельско-

хозяйственныхъ училищахъ съ интернатами и короткими отпусками сводится почти къ нулю. Нѣкоторые родители совсѣмъ не интересуются воспитаніемъ своихъ дѣтей и даже не возвращаютъ посылаемыхъ имъ изъ училищъ свѣдѣній, а большинство родителей и не можетъ оказать никакой помощи начальству заведеній. Въ иныхъ случаяхъ начальство разсчитываетъ, что родители, подъ вліяніемъ угрозы исключенія, просятъ сыновей исправиться, не портить карьеры, не губить себя и т. п.; но эти соображенія рѣдко останавливаютъ молодыхъ людей отъ увлеченій. Зато можно отмѣтить случаи отрицательнаго вліянія на нравственность жителей окружающихъ деревень или подгородныхъ слободокъ, гдѣ ученики земледѣльческихъ училищъ часто находятъ непристойныя и вредныя забавы. Въ концѣ концовъ часто замѣчается, что ученики пріобрѣтаютъ въ училищѣ вредныя привычки и даже болѣзни и портятъ свою нравственность на глазахъ у своихъ воспитателей, чего, можетъ быть, и не случилось-бы, если-бы тѣ же молодые люди оставались въ своей родной средѣ и въ простой сельской обстановкѣ.

Сказанное о среднихъ училищахъ, за немногими исключеніями и особенностями, относится и къ низшимъ сельскохозяйственнымъ школамъ. Неудовлетворительные результаты воспитанія въ этихъ школахъ должны получаться уже потому, что воспитателями въ нихъ являются иногда прямо со школьной скамьи питомцы среднихъ училищъ, въ которыхъ, какъ объяснено выше, дѣло воспитанія стоитъ не высоко.

Вообще сельскохозяйственныя учебныя заведенія, получая обыкновенно еще неиспорченныхъ, наивныхъ мальчиковъ, нерѣдко не обезпечиваютъ имъ здороваго нравственнаго воспитанія, а только даютъ имъ нѣкоторое умственное развитіе и сообщаютъ техническія знанія, которыми, однако, они часто не умѣютъ даже пользоваться въ практической жизни, предъявляя къ ней съ своей стороны преувеличенныя требованія. Недостатокъ добраго вниманія къ учащимся со стороны педагогическаго персонала одинаково вредно отражается какъ на воспитаніи, такъ и на выучкѣ ихъ, и, въ общемъ, получаются нерѣдко заносчивые и требовательные, но мало знающіе, недѣловитые и неустойчивые въ моральномъ отношеніи работники, которымъ необходимо бываетъ еще пройти суровую школу жизни, прежде чѣмъ они поймутъ свою роль. Неудовлетворительная постановка воспитанія сознается, повидимому, какъ учебнымъ персоналомъ, такъ и учениками нашихъ школъ, чему доказательствомъ могутъ служить мнѣнія и заявленія тѣхъ и другихъ. Обѣ стороны находятся въ настоящее время въ угнетенномъ состояніи, при которомъ оживленная работа становится затруднительною.

Чтобы получить лучшіе, чѣмъ теперь, результаты, нужны иныя учебно-воспитательныя средства въ нашихъ школахъ. Эти средства, по отношенію собственно къ нравственному воспитанію, должны быть сведены къ дружной и сознательной работѣ воспитателей и воспитанниковъ въ соотвѣтственно устроенной обстановкѣ.

Установившаяся система воспитанія всю силу его видитъ въ старшихъ руководителяхъ и внѣшней обстановкѣ, почти не оставляя мѣста для личной дѣятельности ученика. А между тѣмъ самый лучшій воспитатель человѣка—онъ самъ.

Дѣйствительно, настойчивою дисциплиною можно привить ученику многія хорошія качества и привычки, но эта „вторая натура", равно какъ подражательность учениковъ, не могутъ идти даже въ сравненіе съ правилами, усвоенными человѣкомъ путемъ самостоятельной внутренней работы надъ самимъ собою. Часто подъ вполнѣ приличною наружностью скрывается нравственное убожество, безхарактерность и даже развращенность.

Ни одинъ воспитатель, какъ-бы онъ ни изучалъ каждаго воспитанника, не можетъ уловить всѣхъ движеній его души и замѣтить многихъ грѣховъ „дѣломъ, словомъ или помышленіемъ", какіе открыты самонаблюденію человѣка. А между тѣмъ успѣшная борьба человѣка съ его недостатками и предупрежденіе имъ самимъ нежелательныхъ проявленій путемъ усилій воли составляютъ главную задачу воспитанія, и въ этой борьбѣ добра и зла, происходящей въ человѣкѣ, вліяніе воспитателя сильно ограничено. Но воспитатель можетъ и долженъ объяснить и внушить ученику, что такое „добро" и что такое „зло", и помочь ему въ этой борьбѣ, пока характеръ молодого человѣка не укрѣпится въ добрыхъ привычкахъ и склонностяхъ, сознательно усвоенныхъ.

Ученики нашихъ школъ—юноши, которые внѣ стѣнъ учебнаго заведенія, напримѣръ, въ крестьянскомъ быту, могли-бы пойти вровень со взрослымъ рабочимъ. Они никакъ не могутъ быть разсматриваемы какъ дѣти, обязанныя лишь послушно исполнять чужія приказанія. Напротивъ, отъ нихъ можно ожидать и требовать вполнѣ сознательнаго отношенія не только къ требованіямъ внѣшней дисциплины, общежитія и преподаванія, но и къ болѣе тонкимъ нравственнымъ понятіямъ. Внушивъ имъ съ самаго начала понятія о личной чести и долгѣ, объ обязанностяхъ его, какъ христіанина, семьянина и будущаго практическаго дѣятеля, объяснивъ, что каждый человѣкъ долженъ постоянно стремиться къ умственному и нравственному самоусовершенствованію, пользуясь пребываніемъ въ школѣ, дорожить этимъ временемъ, какъ благомъ, помогать товарищамъ и т. д., и т. д.,—воспитатели могутъ значительно облегчить

свою задачу. Въ ученикахъ они найдутъ себѣ союзниковъ безъ особыхъ усилій и дорогихъ предпріятій.

Многіе педагоги склонны оказывать вліяніе на своихъ воспитанниковъ, не посвящая ихъ въ свои заботы и тревоги. А такъ какъ это довольно затруднительно при нормальномъ ходѣ дѣла, то предлагаются различныя мѣры для сближенія съ учащимися на нейтральной почвѣ — прогулки, чтенія, вечера, спектакли и т. п. Но, кажется, всѣ эти нововведенія хороши, какъ средства развлеченія и развитія учащихся, но имъ едва-ли можно придавать большое значеніе въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія; вліяніе ихъ будетъ скорѣе косвенное. Воспитаніе юношей нужно вести открыто, и ученикамъ должны быть ясно поставлены цѣли ихъ воспитанія и указаны всѣ средства его, въ томъ числѣ, и главнымъ образомъ—ихъ самодѣятельность.

Воспитаніе, поставленное такимъ образомъ на началахъ откровенности и самодѣятельности учащихся, требуетъ нѣкоторыхъ приспособленій въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, выработаетъ свои пріемы, о которыхъ въ настоящее время можно говорить въ общихъ чертахъ, на основаніи имѣющагося ограниченнаго опыта. Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ среднимъ сельскохозяйственнымъ училищамъ, нельзя прежде всего не пожелать, чтобы съ ихъ начальниковъ, учащихъ и учащихся было снято недовѣріе, которымъ проникнуты дѣйствующія инструкціи и правила для учениковъ. Необходимо установить болѣе простыя, семейныя отношенія,—какъ у родителей къ дѣтямъ,—при которыхъ забываются часто обиды и прощаются недостатки.

Далѣе, при неизбѣжномъ пересмотрѣ дѣйствующихъ инструкцій, казалось-бы необходимымъ начать съ разработки того идеала человѣка—профессіональнаго дѣятеля, котораго каждое училище должно подготовлять. Условившись относительно этого идеала и желательныхъ качествъ сельскохозяйственнаго дѣятеля данной категоріи, легче будетъ намѣтить ближайшія цѣли и средства воспитанія въ училищахъ. Матеріаломъ для этого могутъ послужить отчасти заключенія съѣздовъ, а также и другія пожеланія. При этомъ нужно замѣтить, что сельскохозяйственная дѣятельность питомцевъ нашихъ школъ очень отвѣтственная; сталкиваясь съ разными классами населенія, они должны умѣть поставить себя, особенно по отношенію къ подчиненнымъ и рабочимъ, и даже оказывать на нихъ воспитательное воздѣйствіе.

Переходя къ средствамъ воспитанія въ училищахъ, нужно принять во вниманіе, что это воспитаніе обусловливается тремя факторами: 1) порядкомъ, дисциплиною въ заведеніи и сельскохозяйствен-

ною обстановкою его: 2) вліяніемъ воспитателей и 3) самостоятельною душевною дѣятельностью учащихся. До сего времени возлагались надежды, главнымъ образомъ, на первый и отчасти на второй факторы, тогда какъ сами учащіеся занимали подчиненное, пассивное мѣсто. Но обстоятельства, практика школъ и психологическія данныя указываютъ на необходимость выдвинуть и этотъ послѣдній факторъ на подобающее мѣсто. Поэтому, въ новыхъ распоряженіяхъ нужно установить болѣе правильное, чѣмъ теперь, взаимодѣйствіе всѣхъ указанныхъ элементовъ.

При помощи внѣшней дисциплины, прививающей человѣку хорошія привычки, а также добраго примѣра воспитателей и учителей, вызывающаго ученика на подражанія, но безъ упорной душевной работы воспитанника надъ самимъ собою, безъ упражненій воли въ достиженіи намѣченнаго идеала, невозможно получить энергичныхъ, предпріимчивыхъ и честныхъ тружениковъ, какіе такъ необходимы русскому земледѣлію.

Поставивъ-же въ программу такое самовоспитаніе учащихся, необходимо создать и благопріятныя условія для этого, а именно:

а) Кромѣ директоровъ и инспекторовъ училищъ, желательно привлечь всѣхъ учителей и другихъ штатныхъ служащихъ къ содѣйствію ученикамъ въ ихъ внутренней душевной дѣятельности. Надо, чтобы всѣ эти наставники при всякомъ удобномъ случаѣ, даже на урокахъ (ничего, если на это и потеряется часть времени) внушали учащимся идеалы *любви*, *добра* и профессіональной чести и разъясняли имъ хорошіе и дурные проступки, въ связи съ послѣдствіями для совершившаго ихъ и для другихъ лицъ.

б) Нужно уничтожить существующее отчужденіе учащихъ и учащихся и сблизить ихъ на общей работѣ, для чего можно рекомендовать не только забавы и полезныя развлеченія, но и разныя работы учениковъ (опыты, наблюденія, рефераты и проч.) подъ руководствомъ учителей; кромѣ того, преподаватели могли-бы хоть изрѣдка посѣщать учениковъ во внѣурочное время, помогать имъ въ занятіяхъ, разговаривать о нуждахъ учениковъ и злобахъ дня, чего теперь никогда не дѣлается.

в) Заботы о порядкѣ и чистотѣ въ школахъ, исправности орудій и инструментовъ, а также завѣдываніе ученическими библіотеками, читальнями и проч. нужно возложить на самихъ учащихся, для чего установить очередныя дежурства или выборныя должности (напримѣръ—классныхъ старшинъ). Многочисленная прислуга въ нашихъ училищахъ часто приноситъ вредъ воспитанію, а потому и для сокращенія издержекъ желательно всѣ работы по уборкѣ помѣщеній, въ столовой, на дворѣ и проч. возложить на самихъ учащихся.

г) Всегда существующее между учениками общественное мнѣніе можно направлять на борьбу съ пороками и слабою волею отдѣльныхъ учениковъ, для чего нужно дать возможность учащимся собираться по классамъ или возрастамъ и вести пренія въ присутствіи и подъ руководствомъ наставниковъ („круги" въ Воздвиженской школѣ). Въ особо важныхъ случаяхъ можно-бы было устраивать судебныя засѣданія, подъ руководствомъ начальниковъ или преподавателей законовѣдѣнія; приговоры должны утверждаться педагогическимъ Совѣтомъ или директоромъ училища.

д) Пользуясь замѣчаемымъ среди учащихся стремленіемъ къ самоусовершенствованію, желательно содѣйствовать образованію среди учащихся кружковъ съ воспитательными задачами, съ разрѣшенія Совѣтовъ училищъ и подъ наблюденіемъ наставниковъ. На тѣхъ-же основаніяхъ можно-бы было устраивать чтенія рефератовъ, составленныхъ учениками, домашніе спектакли, декламаціи и издавать ученическіе журналы.

е) Оказывая учащимся заслуженное довѣріе, слѣдовало-бы *постепенно*, по мѣрѣ прохожденія ими курса, *ослаблять дисциплинарныя требованія къ нимъ, дабы постепенно подготовить ихъ къ самостоятельной жизни*. Съ этою цѣлью, быть можетъ, было-бы полезно раздѣлять учениковъ по возрастамъ, помѣщая ихъ въ отдѣльныя общежитія или павильоны. Нужно также по возможности сокращать постоянное пребываніе надзирателей среди учениковъ.

На одномъ изъ съѣздовъ выражено было пожеланіе, чтобы учителямъ земледѣльческихъ училищъ за исполненіе обязанностей классныхъ наставниковъ было выдаваемо особое жалованье. Намъ кажется, однако, что вышеочерченная дѣятельность преподавателей не можетъ подлежать учету, какъ добровольная въ значительной степени, и должна быть поощряема и *награждаема*, но не оплачиваема. Напротивъ, при назначеніи опредѣленнаго жалованья, живая дѣятельность наставниковъ можетъ свестись къ формальнымъ и безполезнымъ отношеніямъ. Большого недостатка въ преданныхъ такому дѣлу педагогахъ не встрѣтится. Въ каждомъ училищѣ и теперь можно указать 2—3 наставниковъ, которые охотно пойдутъ на новую живую работу, какъ скоро будутъ предначертаны задачи и способы новаго воспитанія.

Остается упомянуть о наказаніяхъ учениковъ за проступки.

Новая система, вѣроятно, ослабитъ остроту этого вопроса, но, конечно, не можетъ исключить необходимости принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Чѣмъ больше оказывается довѣрія человѣку, тѣмъ больше и его отвѣтственность. Поэтому нельзя согласиться на отмѣну извѣстныхъ наказаній, но число и интенсивность ихъ должны быть

уменьшены и сообразованы съ возрастомъ учениковъ. Что касается исключенія учениковъ, то въ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеніяхъ это не составляетъ большого зла, такъ какъ и не окончившіе полнаго курса легко могутъ устроиться на практической сельско-хозяйственной дѣятельности, при добромъ желаніи и при извѣстной организаціи практическихъ занятій въ школахъ. Къ сожалѣнію, эта послѣдняя часть (практическія занятія) еще оставляетъ желать много, что мы и постараемся показать въ слѣдующей главѣ.

Приведенная программа можетъ быть приложена и къ обсужденію вопроса о воспитаніи въ низшихъ школахъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ послѣднихъ сдѣлано всего болѣе опытовъ въ указанномъ направленіи.

И. Мещерскій.

Прикладное значеніе языкознанія *).

Мм. Гг.! Всякій вступающій въ какую либо научную область, естественно желаетъ прежде всего познакомиться съ тѣмъ, какого рода задачи ставитъ себѣ данная наука, и какими путями она ихъ разрѣшаетъ, другими словами—познакомиться съ содержаніемъ и методами ея. Это и будетъ ближайшимъ образомъ составлять предметъ нашихъ дальнѣйшихъ чтеній. Но въ нашъ практическій вѣкъ ко всякой наукѣ предъявляютъ еще и иное требованіе: желаютъ знать, къ чему она пригодна. И если нѣтъ надобности въ настоящее время распространяться о пользѣ наукъ вообще, то все-таки прикладное значеніе языкознанія, на мой взглядъ, настолько неясно большинству нашего образованнаго общества, что я думаю эту лекцію посвятить выясненію этого вопроса.

Господствующая у насъ система средняго образованія носитъ рѣзко выраженный филологическій характеръ. Всякій, желающій, поступить въ университетъ, долженъ затратить значительное количество силъ и времени на изученіе языковъ—главнымъ образомъ двухъ классическихъ и, кромѣ того, одного или, по большей части, двухъ новыхъ. Казалось-бы поэтому, что поступающіе въ университетъ молодые люди должны-бы быть знакомы съ вопросами языкознанія. На самомъ дѣлѣ оказывается, что кромѣ непреоборимой ненависти къ классическимъ языкамъ, часто встрѣчающейся даже у поступающихъ на филологическій факультетъ, окончившіе курсъ гимназіи приносятъ къ собою въ университетъ знаніе только различныхъ спеціальныхъ терминовъ: accusativus cum infinitivo, ablativus absolutus, tmesis, attractio и т. д. За деревьями они однако не видятъ лѣса; да и, по правдѣ сказать, никто и не старался выяснить имъ, что кроется за этими ненавистными терминами. Однимъ словомъ, они знаютъ нѣкоторое количество фактовъ, но не понимаютъ ихъ. Ихъ знаніе только развѣ количественно отличается

*) Вступительная лекція въ курсъ „Введенія въ языкознаніе“, читанная въ Юрьевѣ 12 сентября 1902 года.

отъ знанія лицъ, получившихъ реальное образованіе. На языкъ и изученіе языка они смотрятъ съ тѣмъ же наивнымъ недоумѣніемъ, какъ и люди, незнакомые съ классическими языками, какъ и все наше образованное общество. А можно съ увѣренностью сказать, что нѣтъ ни одной области знанія, въ которой-бы наше образованное общество было менѣе свѣдуще, чѣмъ въ языкознаніи. Даже по отношенію къ родному языку оно рѣдко предъявляетъ языковѣдамъ запросы, выходящіе за предѣлы правописанія. На языковѣда смотрятъ, какъ на человѣка, который долженъ знать, какъ пишется каждое слово и какъ его слѣдуетъ писать. И если на подобный вопросъ языковѣдъ отвѣтитъ, что онъ не можетъ этого знать, и разъяснитъ, что для него иногда гораздо большее значеніе имѣетъ безграмотное письмо, чѣмъ грамотное, то на лицѣ спрашивающаго часто можно прочесть недоумѣніе и замѣтить снисходительную улыбку: „Неужели, молъ, даже и для этого непригодна ваша наука? На что-же послѣ этого она нужна?“ Конечно, такіе взгляды имѣютъ всѣ преимущества простоты, но языкознанія они даже и не касаются: настолько они далеки отъ него.

Вамъ, поступившимъ на филологическій факультетъ съ цѣлью изучить съ той или другой стороны произведенія человѣческаго слова, нѣтъ нужды доказывать практическую пользу изученія языка. Для васъ это изученіе ближайшимъ образомъ необходимо, васъ оно интересуетъ, и потому вопроса о практической пользѣ его для васъ, пожалуй, и не существуетъ. Но вы, навѣрно, уже не разъ встрѣчались съ мнѣніемъ, что изученіе языковъ, въ особенности древнихъ, безполезно. Это мнѣніе настолько распространено и такъ укоренилось въ обществѣ, что его можно услышать даже изъ устъ подростковъ и дѣтей, которые еще не могутъ имѣть своего взгляда на этотъ предметъ. Сущность этого взгляда сводится къ слѣдующему простому положенію: языкознаніе—наука ненужная, потому что она неприложима къ жизни. Эта фраза, конечно, не столько характеризуетъ языкознаніе, сколько узко-практическое направленіе тѣхъ, кто ее высказываетъ. Если ту-же мѣрку приложить къ другимъ наукамъ, то число ненужныхъ наукъ можно значительно увеличить.

Астрономія окажется пригодной развѣ только для провѣрки часовъ, палеонтологія—вовсе неприложимой къ жизни; не говоря уже о томъ, что ненужными окажутся наиболѣе великія научныя открытія, которыми, по справедливости, гордится XIX вѣкъ: непримѣнимы къ жизни ни теорія Дарвина, ни періодическая система Менделѣева, ни теорія звуковыхъ, свѣтовыхъ и электрическихъ волнъ. Съ узко-практической точки зрѣнія значительная часть всѣхъ наукъ окажется ненужной. Но объ ихъ ненужности не говорятъ, видя, что

эти науки, хотя и не всѣ, отъ времени до времени, все чаще и чаще дарятъ человѣчеству весьма осязательныя удобства жизни. Такихъ удобствъ языкознаніе дѣйствительно не обѣщаетъ дать, и въ этомъ смыслѣ его приходится признать наукой безполезной. Но мы и не можемъ, и не должны прилагать къ наукѣ такую узко-практическую мѣрку. Дѣло въ томъ, что всякая наука имѣетъ какъ теоретическую, такъ и прикладную сторону, потому что всякая наука возникаетъ изъ потребностей человѣческой жизни и первоначально служитъ ихъ удовлетворенію. Но съ теченіемъ времени ея теоретическая разработка нерѣдко ведетъ къ тому, что наука эта начинаетъ преслѣдовать свои собственныя цѣли и, такимъ образомъ, ведетъ къ забвенію тѣхъ жизненныхъ потребностей, которымъ она удовлетворяла. Съ другой стороны послужить какой-либо практической цѣли наука можетъ только своими выводами, и человѣку, пользующемуся этой услугой науки, часто нѣтъ никакого дѣла до того, какимъ путемъ добытъ этотъ полезный выводъ. Бондарь, приготовляя дно для бочки, дѣлитъ циркулемъ окружность ея края на шесть частей и увѣренъ въ томъ, что кружокъ этого радіуса, вырѣзанный изъ дерева какъ разъ войдетъ въ края бочки; но ему нѣтъ никакого дѣла до того, какъ доказывается та истина, которою онъ пользуется для своихъ цѣлей, т. е. что радіусъ круга равенъ сторонѣ правильнаго вписаннаго шестиугольника.

Но какъ-бы рѣзко ни отдѣлялась прикладная часть науки отъ теоретической, связь между тою и другой никогда не можетъ быть порвана, и въ настоящее время чаще, чѣмъ когда-либо, можно слышать жалобы на недостатокъ теоретической подготовки у практиковъ-спеціалистовъ. Чтобы быть хорошимъ инженеромъ совѣтуютъ пройти сначала математическій факультетъ; чтобы быть хорошимъ докторомъ, рекомендуютъ сначала пройти естественный факультетъ и т. д. Такимъ образомъ, сама практика вызываетъ потребность въ развитіи чистой науки, и это обстоятельство яснѣе всего указываетъ на то, что оторванной отъ практики чистой науки нѣтъ. Могутъ существовать представители чистой науки, которымъ чужда ея прикладная сторона; но наука въ цѣломъ всегда имѣетъ и свою прикладную сторону.

Для того, чтобы признать, что данная наука нужна, вовсе нѣтъ надобности доказывать, что каждый ея выводъ приложимъ къ жизни. Если въ жизни существуютъ потребности, которымъ данная наука удовлетворяетъ—этого уже достаточно: она имѣетъ право на существованіе, и, отмежевавъ себѣ извѣстную область явленій, она можетъ распоряжаться тамъ по своему усмотрѣнію.

Отъ этихъ общихъ соображеній перейдемъ теперь къ языкознанію

и посмотримъ, чѣмъ оно можетъ оправдать себя. Если мы въ настоящее время не даемъ себѣ отчета въ томъ, какія жизненныя потребности вызвали къ существованію языкознаніе, то это легко объясняется тѣмъ, что корни его кроются въ глубокой древности. Едва-ли найдется другая наука, которая-бы вела свою родословную въ такую глубь вѣковъ. Но, съ другой стороны, языкознаніе встало твердо на ноги только въ самое послѣднее время. Эта странная судьба языкознанія, его почти полная неподвижность въ теченіе многихъ вѣковъ, несомнѣнно, отразилась во взглядахъ на него нашего образованнаго общества, которое, давно махнувъ рукой на эту „ненужную науку", не замѣтило его пробужденія и не заинтересовалось тѣмъ новымъ, уже не схоластическимъ, а научнымъ направленіемъ, съ которымъ языкознаніе выступило на научную арену въ первой половинѣ XIX вѣка.

Надъ вопросами языкознанія люди стали задумываться еще до изобрѣтенія письма. Объ этомъ свидѣтельствуютъ миѳы, объясняющіе возникновеніе языка или языковъ. Очевидно, самый фактъ существованія у людей языка старались такъ или иначе объяснить. Но эта задача, трудная даже и для современнаго языкознанія, не могла въ то время быть рѣшена научно. Поэтому въ этихъ миѳахъ можно видѣть только слабую попытку разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ языкознанія. Но уже фактъ изобрѣтенія письма указываетъ на то, что къ этому времени накопился извѣстный запасъ наблюденій надъ строемъ языка, такъ какъ на письмѣ человѣческая рѣчь является уже разложенной на составные элементы. Слѣдовательно, изобрѣтенію письма долженъ былъ предшествовать болѣе или менѣе полный анализъ звукового состава человѣческой рѣчи. Съ появленіемъ письменности задачи сдѣлались сложнѣе. Языкъ постоянно измѣняется, и записанное на немъ съ теченіемъ времени становится все менѣе и менѣе понятнымъ. Между тѣмъ сохраненіе старинныхъ текстовъ и правильное ихъ пониманіе представляло насущную потребность: обыкновенно это были либо священные тексты, либо историческіе: и тѣ, и другіе были одинаково дороги народу. Такимъ образомъ, появляются лица, умѣющія читать и толковать данные тексты: это *первые языковѣды*. На этой почвѣ съ дальнѣйшимъ усложненіемъ дѣла создаются пособія для толкованія этихъ священныхъ текстовъ: пишутся комментаріи, словари, грамматики. Такъ было въ Индіи, гдѣ брахманы должны были толковать священныя веды; такъ было и въ Греціи, гдѣ толковались творенія Гомера; вообще съ тѣми или другими измѣненіями такъ дѣло шло всюду, гдѣ появлялась письменность.

Рука объ руку съ этой работой толкованія устарѣвшихъ текстовъ

идетъ и развивается и *педагогическая дѣятельность* ученыхъ. Вокругъ нихъ группируются кружки учениковъ, которые наслѣдуютъ и продолжаютъ работу своихъ учителей. Мало-по-малу новая наука перестаетъ быть привилегіей ограниченнаго класса людей и становится общимъ достояніемъ народа. Всякій желающій, обыкновенно, находитъ возможность ознакомиться съ элементами грамотности, и ему, такимъ образомъ, дѣлаются доступными произведенія родной письменности. Организуется систематическое обученіе дѣтей чтенію и письму. Такимъ образомъ, обученіе родному языку становится основой всего дальнѣйшаго обученія. Въ этомъ отношеніи дѣло не измѣнилось и до настоящаго времени. Кругъ элементарныхъ наукъ, правда, значительно расширился, но вмѣстѣ съ тѣмъ расширились и требованія въ области родного языка и литературы. Мы не можемъ себѣ представить, чтобы когда-либо въ будущемъ дѣло могло итти иначе. Обученіе родному языку въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова всегда будетъ лежать въ основѣ образованія, и многимъ изъ васъ придется посвятить себя этому дѣлу. Поступая на филологическій факультетъ, быть можетъ, многіе изъ васъ уже и сознательно намѣрены подготовлять себя къ этой дѣятельности. А если такъ, то знакомство съ основами языкознанія, съ явленіями жизни языка, съ силами, обусловливающими эти явленія, для васъ необходимо. Преподавать какой-бы то ни было языкъ безъ этого знанія можно только ощупью, безсознательно. Особенно даровитый преподаватель, конечно, иногда можетъ достигнуть очень хорошихъ результатовъ и безъ знанія основъ науки о языкѣ, но только благодаря тому, что его природная чуткость дала ему возможность безсознательно пользоваться силами, дѣйствующими въ языкѣ. Но это явленіе исключительное: такой преподаватель уже недалекъ отъ самостоятельнаго открытія уже открытыхъ истинъ языкознанія. Гораздо чаще приходится встрѣчать такихъ преподавателей языка, которые, желая облегчить своимъ ученикамъ усвоеніе предмета, стараются дать явленіямъ свое толкованіе, обыкновенно совершенно невѣрное. И это ихъ благое намѣреніе ведетъ только къ тому, что ученики, усвоивъ объясненіе преподавателя, съ теченіемъ времени убѣждаются въ его неправильности и выносятъ твердое убѣжденіе въ томъ, что въ языкѣ ничего нельзя объяснить и что всѣ существующія объясненія—просто праздныя измышленія, придуманныя ad hoc. Вамъ, вѣроятно, и самимъ приходилось не разъ смѣяться надъ такими объясненіями преподавателей. Это печальное явленіе, конечно, только поддерживаетъ то отрицательное отношеніе къ языкознанію, которое господствуетъ въ нашемъ обществѣ. А между тѣмъ языкознаніе можетъ и должно оказать дѣлу преподаванія очень важ-

ную услугу. Нигдѣ практика не находится въ такой тѣсной зависимости отъ теоріи, какъ именно въ дѣлѣ изученія языка. Не говоря уже о томъ, что преподаватель языка всегда долженъ хоть отчасти познакомить своихъ учениковъ и съ теоріей, часто даже незначительная теоретическая подробность можетъ облегчить ученикамъ усвоеніе предмета. Неуспѣхъ преподаванія языка зачастую зависитъ отъ того, что преподаватель слишкомъ повышаетъ требованія въ области теоріи въ ущербъ практики: если-бы онъ зналъ, какимъ путемъ усваивается языкъ, то онъ легко понялъ-бы, въ чемъ заключается его ошибка. Языкознаніе и на это даетъ отвѣтъ: оно научаетъ сознательно пользоваться безсознательно дѣйствующими силами, которыя играютъ роль въ усвоеніи языка. Трудно перечислить всѣ тѣ услуги, которыя языкознаніе можетъ оказать дѣлу преподаванія. Если-бы нашъ интересъ къ ней не исчерпывался вопросами правописанія, если-бы мы понимали хотя-бы отношеніе звука къ его графическому весьма несовершенному изображенію, то, вѣроятно, не ставили-бы мы судьбу человѣка въ зависимость отъ умѣнія правильно употреблять букву ѣ, правильно раздѣлять слова, употреблять ъ въ серединѣ словъ и отъ другихъ условностей традиціонной орѳографіи

Всѣмъ извѣстно, что продолжительное и усиленное преподаваніе древнихъ языковъ у насъ не ведетъ къ ихъ усвоенію. Послѣ восьмилѣтняго обученія только немногіе могутъ свободно читать по-латыни и по-гречески, и никто не достигаетъ умѣнія излагать свои мысли на этихъ языкахъ. Явленіе, дѣйствительно, странное. Не разбирая всѣхъ его причинъ, мы укажемъ на одну, самую общую. Все обученіе древнимъ языкамъ основывается у насъ, главнымъ образомъ, на переводахъ. Естественно является вопросъ, насколько они полезны для усвоенія языка. Вотъ что говоритъ по этому поводу Георгъ фонъ-деръ Габеленцъ, умершій въ 1893 г., авторитетный лингвистъ, знакомый съ многочисленными языками земного шара: „Всякая метода преподаванія языка должна по возможности ограничивать переводы. Мы естественно пользуемся роднымъ языкомъ, какъ средствомъ преподаванія чужого; но это посредничество всегда есть зло, хотя и необходимое зло. Чѣмъ чаще напоминаютъ намъ родное, тѣмъ труднѣе намъ на чужбинѣ чувствовать себя, какъ дома... Во многихъ мѣстахъ еще до сихъ поръ злоупотребляютъ упражненіями и экстемпораліями. Преподаватель чувствуетъ въ нихъ бо́льшую нужду, чѣмъ ученикъ, который долженъ доказать, что онъ хорошо усвоилъ выученныя правила и слова и умѣетъ ихъ правильно примѣнять. Но ученикъ долженъ при этомъ совершать удивительную гимнастику, постоянно перепрыгивая съ одного языка на другой и нигдѣ не имѣя покоя. Это можетъ служить прекраснымъ упражненіемъ для какихъ-

либо другихъ способностей ума, но для изученія языка успѣхъ этого занятія сомнителенъ“ (Sprachwissenschaft. S. 73). Такимъ образомъ, оказывается, что самая система преподаванія отчасти разрушаетъ то зданіе, которое строитъ. И здѣсь языкознаніе помогаетъ опредѣлить наиболѣе короткій и вѣрный путь. Такихъ примѣровъ приложимости языкознанія къ преподаванію языковъ можно было-бы привести множество. Трудно даже указать такой отдѣлъ нашей науки, который былъ-бы неприложимъ къ педагогической практикѣ.

Итакъ, вы видите, какимъ жизненнымъ потребностямъ можетъ и должно служить языкознаніе. Я указываю на эту прикладную сторону нашей науки потому, что на нее слишкомъ рѣдко обращаютъ вниманіе, и если наше общество смотритъ на языкознаніе, какъ на науку ненужную, то въ этомъ виноваты отчасти и мы сами, нерѣдко забывая объ этой сторонѣ дѣла. Если вы имѣете въ виду посвятить себя педагогической дѣятельности, то вамъ уже съ первыхъ шаговъ вашихъ научныхъ занятій слѣдуетъ имѣть это въ виду. Чѣмъ глубже вы будете вдумываться въ явленія языка, чѣмъ яснѣе будете видѣть и понимать систему движущихъ языкъ силъ, тѣмъ плодотворнѣе будетъ и ваша будущая педагогическая дѣятельность.

Но, кромѣ этого прикладного значенія, языкознаніе имѣетъ еще и другое болѣе общее. Языкъ есть выраженіе нашей мысли и средство общенія людей между собою. Мысль только тогда пріобрѣтаетъ ясность и опредѣленность, когда она выражена словомъ. Слово, закрѣпляя мысль, даетъ возможность развивать ее далѣе. Оно играетъ такую-же роль, какъ условные знаки въ математикѣ. Какъ невозможно себѣ представить развитіе математики безъ этихъ условныхъ знаковъ, слагающихся въ математическія формулы, такъ невозможно себѣ представить и развитіе какой-бы то ни было науки безъ языка. Языкъ далъ въ свое время великій толчокъ развитію культуры, сросся съ существомъ человѣка и сдѣлался какъ-бы органомъ общенія. Обладаніе языкомъ сдѣлалось настолько естественнымъ, что мы пользуемся его услугами безсознательно, играемъ словомъ, находимъ удовольствіе въ упражненіи этой нашей способности точно такъ-же, какъ мы находимъ удовольствіе въ прогулкахъ и гимнастикѣ. Поэтому мы обыкновенно и не замѣчаемъ, какую услугу оказываетъ намъ языкъ. Нужны особенныя условія, чтобы пробудить наше сознательное отношеніе къ языку. Уже первыя попытки изложенія мыслей на письмѣ обыкновенно показываютъ, какое значеніе имѣетъ словесное выраженіе. Часто только изложивъ свои мысли, замѣчаешь въ нихъ ошибки, противорѣчія, неточности и видишь, что самый процессъ облеченія мыслей въ форму слова оказываетъ дисциплинирующее вліяніе на нихъ. Такъ бываетъ всегда: орудіе, увеличи-

вающее наши естественныя, данныя природою силы, оказываетъ вліяніе на органъ, работающій при помощи этого орудія. Кузнецъ, работающій молотомъ, такъ сильно развиваетъ мускулатуру своихъ рукъ, что нерѣдко по мускуламъ можно опредѣлить его спеціальность. Точно также и языкъ, какъ орудіе нашей мысли, оказываетъ обратное вліяніе на мысль, увеличиваетъ ея силы и изощряетъ ее.

Особенность языка, какъ орудія мысли, заключается въ томъ, что здѣсь человѣкъ превращаетъ въ орудіе не внѣ его лежащія силы, а свои собственные органы. Этимъ то обстоятельствомъ и объясняется, почему мы гораздо меньше обращаемъ вниманія па языкъ, чѣмъ на ослѣпительныя открытія послѣдняго времени: они болѣе бросаются въ глаза, болѣе доступны наблюденію, чѣмъ въ насъ самихъ происходящіе физическіе, физіологическіе и психическіе процессы, сопровождающіе нашу рѣчь. Но это обстоятельство, конечно, не можетъ служить оправданіемъ невнимательнаго отношенія къ вопросамъ языкознанія. Напротивъ, чѣмъ труднѣе изучить жизнь языка, тѣмъ болѣе усилій необходимо употребить, чтобы ее понять. Я говорю „*необходимо*“ не въ томъ только смыслѣ, что всякій, желающій познакомиться съ языкознаніемъ, не долженъ щадить своихъ усилій, а также и въ томъ, что существуетъ *потребность* въ изученіи языка, какъ орудія нашей мысли. Языкомъ пользуются всѣ, и даже математика, изобрѣтшая свой собственный языкъ знаковъ, не можетъ обойтись безъ языка. Какъ *всеобщее орудіе мысли*, языкъ долженъ привлечь къ себѣ вниманіе всякаго, кто имъ пользуется. Физикъ, прежде чѣмъ производить изслѣдованія, долженъ познакомиться съ тѣми приборами, которыми онъ пользуется, узнать даже индивидуальныя ихъ особенности, измѣрить степень ихъ точности, чтобы внести необходимыя поправки въ результаты своихъ изслѣдованій. То-же дѣлаетъ и естествоиспытатель и математикъ, который опредѣляетъ степень точности своихъ вычисленій. Только по отношенію къ языку это почему-то считается ненужнымъ. Характеръ этого орудія мысли почему-то считается уже всякому извѣстнымъ. До нѣкоторой степени, конечно, всякій владѣющій языкомъ имѣетъ извѣстное представленіе о силахъ, дѣйствующихъ въ немъ. Но бѣда въ томъ, что человѣкъ владѣетъ языкомъ безсознательно: между предметами и ихъ именами устанавливается до такой степени тѣсная и прочная ассоціація, что мы часто въ своихъ мысляхъ довольствуемся *словомъ* тамъ, гдѣ слѣдовало-бы быть цѣлому *понятію*. Мѣткія слова Гёте, вложенныя имъ въ уста Мефистофеля, имѣютъ, быть можетъ, болѣе глубокій и болѣе широкій смыслъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ: „Гдѣ нѣтъ понятій, тамъ всегда во-время является на помощь слово. Словами удобно можно спорить, на словахъ удобно

построить систему"... Въ этихъ словахъ удачно отмѣчены два главнѣйшихъ злоупотребленія словомъ: это, во-1-хъ, многочисленные, всякому хорошо извѣстные споры о словахъ и, во-2-хъ, построенныя на словахъ философскія системы. Послѣдній упрекъ выраженъ здѣсь, быть можетъ, слишкомъ рѣзко, но въ существѣ дѣла онъ совершенно правиленъ. Можетъ быть, когда философскія системы будутъ разобраны съ точки зрѣнія языка, окажется, что онѣ всѣ грѣшили, въ большей или меньшей степени, играя словами; а эта игра словъ обыкновенно сводится къ нарушенію основного закона логики, закона тождества. Всѣ слова въ языкѣ употребляются довольно свободно: одно и то-же слово въ различныхъ сочетаніяхъ имѣетъ и различныя значенія. Достаточно немного уклониться въ сторону, и то-же самое слово приметъ уже другое значеніе, и рѣчь наша только съ виду будетъ итти о томъ-же предметѣ, а на самомъ дѣлѣ уже перескочитъ на другой. Извѣстно, что Аристотель смѣшивалъ безграничное пространство съ пространствомъ, занимаемымъ какимъ-либо тѣломъ, мѣстомъ. И то, и другое понятіе называлъ онъ одинаково tópos, и, несомнѣнно, это-то обстоятельство и сбивало съ толку великаго мыслителя древности. Едва онъ доходилъ до понятія „пространства", какъ обыденное значеніе слова tópos снова низводило его къ понятію „мѣста". Если-бы проанализировать всѣ философскія системы съ этой точки зрѣнія, то, я увѣренъ, нашлось-бы не мало подобныхъ же примѣровъ. Если математика рѣзко выдѣляется изъ числа другихъ наукъ необыкновенной точностью своихъ выводовъ, то это въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что она выработала особую систему обозначеній, почти вполнѣ гарантирующую ее отъ подобныхъ ошибокъ. Не удивительно, что и другія науки стремятся достичь такой же точности выводовъ: но вынужденныя работать надъ своими объектами при помощи языка, и не сознавая того, насколько уклоняется слово отъ мысли, выражаемой имъ, онѣ нерѣдко впадаютъ въ ошибки, сводящіяся къ простой игрѣ словъ.

Чаще всего въ этомъ отношеніи грѣшатъ науки историческія, имѣющія дѣло съ древними памятниками письменности или вообще съ произведеніями человѣческаго слова. Какъ часто впадаютъ историки въ ошибку, вкладывая въ древній терминъ современное значеніе! Чѣмъ древнѣе памятникъ, надъ которымъ мы работаемъ, тѣмъ болѣе чуждъ намъ его языкъ. Чтобы ясно, отчетливо понять этотъ памятникъ, намъ нужно разобраться въ его языкѣ, и недостаточно для этого такого знакомства съ языкомъ, которое даетъ возможность уловить общій смыслъ и связь мыслей между собою: зачастую приходится обратиться къ разбору употребленія отдѣльныхъ

словъ и цѣлыхъ выраженій и къ другимъ чисто грамматическимъ работамъ.

Такимъ образомъ, вы видите, что языкознаніе имѣетъ широкое практическое значеніе, только практическое не въ смыслѣ служенія матеріальнымъ удобствамъ жизни, а въ смыслѣ удовлетворенія столь-же дѣйствительныхъ, какъ и матеріальныя, потребностей жизни. Оно, во-1-хъ, можетъ и должно служить дѣлу преподаванія какъ родного, такъ и всякаго другого языка. Во-2-хъ, знакомство съ наукой о языкѣ, какъ всеобщимъ орудіи мысли, важно для всякаго, кто пользуется этимъ орудіемъ. Это знакомство, давая возможность сознательно пользоваться языкомъ, можетъ предостеречь и уберечь насъ отъ многихъ ошибокъ во всякой научной работѣ. Наконецъ, оно особенно важно въ этомъ отношеніи для историковъ, которые постоянно имѣютъ дѣло съ древними памятниками человѣческаго слова.

Д. Кудрявскій.

Въ защиту научности всемірно-исторической точки зрѣнія въ преподаваніи исторіи.

(По поводу одной рецензіи).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ двое изъ нашихъ профессоровъ всеобщей исторіи, независимо другъ отъ друга, коснулись мимоходомъ всемірно-исторической точки зрѣнія въ преподаваніи исторіи, и оба высказались противъ нея, усмотрѣвъ въ ней остатокъ гегельянскаго конструированія исторіи. Незадолго передъ тѣмъ я, наоборотъ, какъ-разъ защищалъ эту точку зрѣнія въ „Замѣткахъ о преподаваніи исторіи“, помѣщенныхъ въ „*Русской Школѣ*“ за 1900 г. и вышедшихъ потомъ въ свѣтъ отдѣльною брошюрою. Появленіе въ печати мнѣнія, съ которымъ я никакъ не могъ согласиться, дало мнѣ поводъ снова возвратиться къ той же темѣ въ статьѣ „О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи“, которая была напечатана также въ „*Русской Школѣ*“ за 1901 г. и въ которой первыя десять страницъ были посвящены мною разбору взглядовъ, враждебныхъ защищаемой мною точкѣ зрѣнія. Своею задачею тамъ я поставилъ выяснить, что въ основѣ разсматриваемыхъ взглядовъ лежитъ нѣкоторое недоразумѣніе. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что, съ одной стороны, всемірно-историческая точка зрѣнія подсказывается зрѣлищемъ совершающихся въ исторіи взаимодѣйствія и преемственности народовъ и культуръ, и что, съ другой стороны, эти взаимодѣйствіе и преемственность могутъ быть такимъ же предметомъ исторической науки и историческаго преподаванія, какъ и внутренніе процессы, совершающіеся въ жизни одной страны. Написавъ въ запрошломъ году „Главныя обобщенія всемірной исторіи“, я предпослалъ тексту этой книжки тоже своего рода оправданіе всемірно-исторической точки зрѣнія, въ которой повторялъ все наиболѣе существенное изъ вышеупомянутой статьи, разсматривавшей отрицательные взгляды двухъ нашихъ историковъ на защищаемую мною въ преподаваніи исторіи точку зрѣнія. Ей же я посвятилъ, кромѣ того, и всю первую главу своей книги „Общій ходъ всемірной исторіи“, соста-

вившей одно изъ приложеній къ „Вѣстнику Самообразованія“ за прошлый годъ, и въ этой главѣ равнымъ образомъ счелъ себя въ правѣ коснуться возраженій, дѣлаемыхъ мнѣ относительно всемірно-исторической точки зрѣнія *).

У меня нѣтъ никакихъ основаній отказываться отъ своего прежняго взгляда и теперь, и я буду всегда его защищать, когда къ тому представится поводъ. Тѣ наши историки, мысли которыхъ, мимоходомъ высказанныя, уже давали мнѣ лишній случай еще разъ поговорить объ этомъ вопросѣ, больше въ печати по нему не высказывались, но то, что ими въ свое время было высказано, повидимому, нѣкоторыми ихъ читателями принимается за непререкаемую истину, и съ этой точки зрѣнія несогласно мыслящіе объявляются людьми, не стоящими на уровнѣ современной науки и новѣйшаго пониманія задачъ историческаго преподаванія. Вовсе не имѣя намѣренія полемизировать съ двумя упоминавшимися историками и потому не считая нужнымъ называть ихъ здѣсь по имени, я хочу поговорить здѣсь объ одной статьѣ, въ которой совсѣмъ уже новый въ этомъ спорѣ авторъ объявилъ, что всемірно-историческая точка зрѣнія не соотвѣтствуетъ ни современному состоянію науки, ни правильной постановкѣ преподаванія.

Конечно, настоящее, т. е. соотвѣтствующее своей задачѣ преподаваніе того или другого предмета не должно быть антинаучнымъ, и то, что ненаучно, тѣмъ самымъ должно быть признано и непедагогичнымъ. Вотъ почему въ дальнѣйшемъ я буду говорить главнымъ образомъ о предполагаемой ненаучности всемірно-исторической точки зрѣнія даже и безъ гегельянскаго характера, какой она принимала раньше.

На своемъ вѣку мнѣ очень часто приходилось выслушивать весьма строгіе приговоры о многихъ историческихъ книгахъ, которыя обвинялись въ полномъ несоотвѣтствіи съ современнымъ состояніемъ науки лишь потому, что высказанные въ нихъ взгляды не совпадали съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, только что вычитаннымъ въ той или другой книгѣ, въ которой видѣли „послѣднее слово науки“. Конечно, чаще всего приходилось выслушивать подобнаго рода осужденія отъ очень молодыхъ людей, вообще склонныхъ къ догматическому усвоенію всякихъ мнѣній, въ томъ числѣ и мнѣній критическихъ, и лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ такимъ качествомъ отличались люди постарше.

Помню, напр., какъ однажды я посовѣтовалъ одному совсѣмъ юному студенту прочесть „Старый порядокъ и революцію“ Токвиля,

*) См. стр. 17—20.

въ отвѣтъ на его просьбу указать, гдѣ-бы онъ могъ прочесть что-либо вполнѣ научное о причинахъ французской революціи, съ фактами которой онъ былъ знакомъ уже, кажется, по Гейсеру. Совѣтъ мой былъ исполненъ, но читатель моимъ совѣтомъ остался недоволенъ.

„Что же васъ не удовлетворило въ этой превосходной книгѣ?" спросилъ я его.

— Ея полное несоотвѣтствіе съ современнымъ научнымъ пониманіемъ вопроса,—отвѣчалъ мой собесѣдникъ.

„Конечно, возразилъ я, многое во взглядахъ Токвиля требуетъ поправокъ и дополненій, но вѣдь какъ-разъ съ этой книги, собственно говоря, и начинается настоящее научное отношеніе къ предмету, такъ что вся новѣйшая литература стоитъ до извѣстной степени на Токвилѣ, и я не понимаю, какъ вы могли найти, что эта книга не соотвѣтствуетъ современному состоянію науки.

— Но, вѣдь, извѣстно же, что главная причина французской революціи, какъ это превосходно доказано Боклемъ, заключается въ распространеніи въ обществѣ естественныхъ наукъ, которыя по самому существу своему демократичны. Вотъ на эту тему я у Токвиля ничего не нашелъ, и онъ даже не упоминаетъ объ этомъ объясненіи Бокля.

Пришлось разъяснить, что Токвиль умеръ раньше, чѣмъ могла ему сдѣлаться извѣстною „Исторія цивилизаціи въ Англіи" Бокля и что во всякомъ случаѣ онъ объясненія Бокля не принялъ-бы, какъ не приняли его и вообще историки французской революціи.

Другой аналогичный примѣръ—недовольство тѣмъ же Токвилемъ такъ какъ онъ „не стоитъ на точкѣ зрѣнія экономическаго матеріализма единственно вѣрной и современной въ исторической наукѣ". Это мнѣніе было высказано мнѣ не такъ давно въ эпоху чуть не повальнаго увлеченія экономическимъ матеріализмомъ, когда вѣрующими въ это ученіе объявлялось „научнымъ" лишь то, что соотвѣтствовало этой точкѣ зрѣнія. Мнѣ не пришлось слышать мнѣнія о „Старомъ порядкѣ и революціи", какъ о книгѣ, не соотвѣтствующей современному пониманію исторической науки съ точки зрѣнія контовскихъ „трехъ фазисовъ развитія" или спенсеровскихъ „интеграціи цѣлаго и дифференціаціи частей", но обѣ формулы на моихъ глазахъ примѣнялись иногда то къ одной, то къ другой исторической книгѣ чтобы сдѣлать одинъ только о ней выводъ—о ея ненаучности.

Боюсь, что и въ вопросѣ о всемірно-исторической точкѣ зрѣнія у нѣкоторыхъ лицъ могло составиться такое же догматическое сужденіе. Говорю, разумѣется, не о тѣхъ, у кого есть свои резоны отвергать эту точку зрѣнія, а о тѣхъ, которые пока только jurant

in verba magistri и принимаютъ или отвергаютъ тѣ или другіе взгляды не по внутреннимъ основаніямъ логическаго или фактическаго содержанія, а лишь потому, что за нихъ или противъ нихъ—тотъ или другой авторитетъ, принимаемый за безусловно современный. Единственный аргументъ противъ всемірно-исторической точки зрѣнія, о которомъ можно говорить, это—то, что ею сильно злоупотребляли блаженной памяти гегельянцы, но злоупотреблять всемірно-историческою точкою зрѣнія можно, и не будучи гегельянцемъ, какъ это въ новѣйшее время, даже совсѣмъ-совсѣмъ недавно, сдѣлалъ Бюхеръ, а съ другой стороны, есть и въ данную минуту цѣлый рядъ ученыхъ которые, являясь представителями наиболѣе „современныхъ" теченій въ исторической наукѣ, какъ-разъ съ особою заботливостью примѣняютъ всемірно-историческую точку зрѣнія. Укажу хотя-бы на Эдуарда Мейера, который въ своей „Geschichte des Alterthums", выходящей въ свѣтъ вотъ уже двадцать лѣтъ, но еще не законченной, разсматриваетъ взаимодѣйствіе и преемственность народовъ и культуръ древности, а въ извѣстной брошюрѣ своей „Экономическое развитіе древняго міра" полемизируетъ съ Бюхеромъ по поводу неправильнаго примѣненія послѣднимъ своей формулы экономической эволюціи къ всемірной исторіи, самъ стоя также на всемірно-исторической точкѣ зрѣнія, которую раздѣляетъ и Бюхеръ *). Равнымъ образомъ и въ области преподаванія исторіи въ средней школѣ не такъ-таки уже безнадежно положеніе въ настоящее время разсматриваемой точки зрѣнія. Напр., на ней даже настаиваютъ два нашихъ университетскихъ историка, принадлежащихъ къ сравнительно молодой генераціи ученыхъ, мнѣнія которыхъ были мною приведены на стр. XIV—XVI предисловія къ моимъ „Главнымъ обобщеніямъ всемірной исторіи". Я говорю именно объ акад. А. С. Лаппо-Данилевскомъ и проф. И. М. Гревсѣ. Интересующійся предметомъ читатель можетъ прочесть собственныя соображенія обоихъ названныхъ лицъ о школьномъ ознакомленіи съ „общимъ ходомъ эволюціи человѣчества" или со „всемірно-исторической эволюціей", обратившись къ ихъ статьямъ въ „Памятной книжкѣ Тенишевскаго училища за 1900—1901 г." (Спб., 1902). Такимъ образомъ, и въ исторической наукѣ, и въ историческомъ преподаваніи не такъ-то уже всемірно-историческая точка зрѣнія можетъ считаться всѣми отвергнутою и потому несовременною. Называя имена иностранныхъ и русскихъ ученыхъ, я, конечно, выставляю ихъ здѣсь не въ качествѣ экспертовъ по вопросу, возбуждающему у насъ споръ лишь въ силу нѣкотораго недоразумѣнія, какъ я

*) См. мою книгу „Государство-городъ античнаго міра", стр. 61—65, гдѣ изложена сущность спора.

думаю,—а въ качествѣ „современныхъ" ученыхъ, которымъ признаніе всемірно-исторической точки зрѣнія нисколько не мѣшаетъ быть и оставаться представителями именно „современной исторической науки", по крайней мѣрѣ, въ глазахъ людей, не зараженныхъ школьнымъ догматизмомъ.

Все это пришло мнѣ въ голову, когда мнѣ пришлось прочитать въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Воспитанія" за прошлый годъ критическую замѣтку г. Н. Никольскаго о моихъ „Главныхъ обобщеніяхъ". Она почти вся посвящена именно всемірно-исторической точкѣ зрѣнія, проведенной черезъ эту мою книгу, и результатъ рецензіи тотъ, что книга „далеко неудовлетворительна съ точки зрѣнія и современной исторической науки, и новаго направленія въ преподаваніи исторіи". Боюсь, однако, что мой критикъ подъ точкою зрѣнія современной исторической науки вообще разумѣетъ исключительно свое частное мнѣніе, или частное же мнѣніе какихъ-либо другихъ лицъ, быть можетъ, и не столь притомъ рѣшительное, какъ его собственное, а въ новомъ направленіи преподаванія слѣдуетъ видѣть лишь нѣкоторыя pia desideria, тоже, можетъ быть, понятыя критикомъ слишкомъ исключительно и односторонне.

Вотъ эта-то рецензія и даетъ мнѣ поводъ еще разъ вернуться къ защитѣ всемірно-исторической точкѣ зрѣнія, которою я руководился въ „Главныхъ обобщеніяхъ".

Прежде всего замѣчу, что критикъ совершенно напрасно двухъ почтенныхъ историковъ, взглядъ которыхъ на всемірно-историческую точку зрѣнія оспаривается въ „Главныхъ обобщеніяхъ", называетъ моими „оппонентами", тогда какъ правильнѣе было-бы меня назвать ихъ оппонентомъ, потому что ни тотъ, ни другой мнѣ не возражали, а какъ-разъ именно я подвергъ анализу ихъ мнѣнія относительно всемірно-исторической точки зрѣнія. Задачею моею было доказать, что оба противника этой точки зрѣнія напрасно смѣшиваютъ ее или даже отожествляютъ съ философіей исторіи Гегеля, о которой, замѣчу здѣсь еще мимоходомъ, съ интересующей насъ теперь стороны было мною довольно много сказано, какъ о совершенно ненаучной концепціи, еще двадцать лѣтъ тому назадъ въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи". Въ сущности, „оппоненты" объ ошибкахъ гегельянства говорятъ то же самое, что говорилось раньше и мною, и потому мнѣ, конечно, не трудно было согласиться, что въ той формулировкѣ, какую всемірно-исторической точкѣ зрѣнія даютъ ея критики, она, какъ выражается рецензентъ, „является дѣйствительно неудобопріемлемой". Отмѣчая, далѣе, что я считаю родоначальникомъ правильной точки зрѣнія не Гегеля, а Полибія, онъ самъ находитъ, что у меня „дѣло идетъ, значитъ, не о законѣ или

планѣ, а о фактахъ дѣйствительнаго взаимодѣйствія частныхъ исторій, каковы: передача культуры, преемственность идей, международныя отношенія, образованіе великихъ монархій". Разницу между такою формулировкою и взглядомъ одного изъ моихъ „оппонентовъ," признающаго, конечно, такого рода факты", критикъ усматриваетъ въ томъ, что „оппонентъ" „на первый планъ ставитъ здѣсь внутреннія отношенія воспринимающаго или заимствующаго общества, сдѣлавшія такое заимствованіе необходимымъ", а я считаю „невозможнымъ ограничиваться только этимъ, и требую точнаго ознакомленія съ самими внѣшними отношеніями, какъ путемъ, которымъ шли заимствованія". Разницу рецензентъ, если угодно, подмѣтилъ вѣрно, но далѣе онъ невѣрно ее истолковалъ. И въ „Главныхъ обобщеніяхъ", и въ статьяхъ моихъ „О преподаваніи исторіи въ средней школѣ" и „О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи", на которыя я ссылаюсь въ предисловіи къ „Главнымъ обобщеніямъ", я признаю, что одинаково и „вопросъ о внутреннихъ условіяхъ, дѣлающихъ возможнымъ то или другое культурное воспріятіе существенно важенъ", и „внѣшнія отношенія между отдѣльными обществами (народами и государствами) играли роль въ исторіи заимствованій". Т. е. я беру и то, и другое; въ толкованіи же рецензента выходитъ такъ, что мой „оппонентъ" стоитъ за одно первое, а я будто лишь за одно второе.

Взгляды, высказанные мною въ предисловіи къ „Главнымъ обобщеніямъ", рецензентъ называетъ „довольно умѣренными" и, хотя „всецѣло присоединяется къ новой точкѣ зрѣнія", формулированной моимъ „оппонентомъ", тѣмъ не менѣе находитъ, что и мною поставленная задача „не можетъ быть отвергнута цѣликомъ". Впрочемъ, согласіе тутъ дается, какъ на pis—aller своего рода: разъ „не всякому преподавателю возможно вести преподаваніе въ новомъ направленіи по многимъ причинамъ всякаго рода, ужъ лучше принять точку зрѣнія проф. К., чѣмъ давать одни факты внѣшней исторіи". Но вотъ въ чемъ бѣда, по мнѣнію рецензента: въ предисловіи-то взгляды высказаны мною довольно умѣренные, „но всѣ положенія предисловія стушевываются, когда мы заглянемъ въ самый текстъ" книги. Другими словами, исполненіе не соотвѣтствуетъ обѣщанію, и все противорѣчіе, по словамъ рецензента, заключается въ томъ, что „та самая телеологическая точка зрѣнія, отъ которой проф. К. отрекся въ предисловіи, проведена имъ систематически въ книгѣ".

Прочитавъ эти слова, я могъ только изумиться.

Телеологическая точка зрѣнія?! Понимаетъ ли мой строгій критикъ общепринятый смыслъ термина—телеологія? Боюсь, что нѣтъ.

Противъ того, что у исторіи, какъ эволюціоннаго и чисто генетическаго процесса, есть объективная цѣль, которую она и осуществляетъ, т. е. противъ внесенія въ исторію планомѣрности и цѣлесообразности, хотя отдѣльные люди и цѣлыя группы и ставятъ себѣ цѣли, я всегда протестовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ во всѣхъ своихъ исторіологическихъ разсужденіяхъ и, смѣю думать, не примѣнялъ никогда телеологической точки зрѣнія къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ историческихъ эпохъ и въ чисто историческихъ работахъ. Телеологія, вѣдь, значитъ ученіе о цѣляхъ, а въ примѣненіи къ исторіи - ученіе о цѣляхъ въ смыслѣ объясненія явленій не изъ ихъ причинъ, а изъ ихъ цѣлей. Гдѣ же у меня телеологія? Рецензентъ приводитъ въ доказательство нѣсколько мѣстъ, но вотъ что въ нихъ говорится: „взаимоотношенія и преемственность народовъ и цивилизацій составляютъ единство всемірной исторіи, *въ которой, конечно, отдѣльные народы играли и играютъ неодинаковую роль*... Разсматривая всемірную исторію, *какъ единое цѣлое*, наука, кромѣ того, прослѣживаетъ тѣ успѣхи, которые человѣческій родъ въ своемъ развитіи дѣлалъ въ отношеніяхъ матеріальномъ, духовномъ и общественномъ. *Съ этой точки зрѣнія всемірная исторія превращается въ изображеніе общечеловѣческаго прогресса*". Въ чемъ же рецензентъ усматриваетъ тутъ телеологію?

Разсмотрѣніе всемірной исторіи въ ея цѣломъ не есть телеологія.

Разсмотрѣніе успѣховъ, сдѣланныхъ человѣчествомъ на пути матеріальнаго, духовнаго и общественнаго развитія, тоже отнюдь не есть телеологія.

Признаніе за отдѣльными народами неодинаковаго значенія въ исторіи, равнымъ образомъ, кажется, также никакъ не можетъ быть названо телеологіей.

Пусть для кого только угодно будетъ большимъ вздоромъ все, что приведено рецензентомъ, отмѣтившимъ курсивомъ всѣ, вѣроятно, телеологическія съ его точки зрѣнія мѣста, но, право, телеологическаго здѣсь ровно ничего нѣтъ, и „неудовлетворительность" всемірно-исторической точки зрѣнія „съ точки зрѣнія современной исторической науки и новаго направленія въ преподаваніи исторіи" нужно доказывать какъ-нибудь иначе, а вовсе не ссылкой на ея телеологичность, которой въ ней нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Неужели будетъ какая-либо телеологія въ моемъ заявленіи, что, съ одной стороны, взаимодѣйствіе отдѣльныхъ личностей въ обществѣ создаетъ единство общественной жизни, въ которой отдѣльныя личности играютъ, однако, далеко не одинаковую роль, и что, съ другой, индивидуальные вклады въ общее достояніе общества могутъ быть въ суммѣ своей названы успѣхами всего общества? Въ исторіи наблюдается фактическое объ-

единеніе народовъ культурными, политическими и экономическими узами, и мы говоримъ безъ всякой телеологіи о міровой торговлѣ, о міровой политикѣ и т. п.: это—вполнѣ реальный и объективный процессъ, который самъ по себѣ достоинъ историческаго изученія, и только въ томъ случаѣ можно было-бы говорить о ненаучности или непедагогичности изображенія этого процесса, если-бы объяснялся онъ не генетически, а телеологически, т. е. не изъ причинъ, а изъ цѣлей, и исторіи приписывалось при этомъ осуществленіе какого-либо предустановленнаго плана. Далѣе, неодинаковое значеніе отдѣльныхъ народовъ въ этомъ процессѣ — тоже реальный и объективный фактъ, требующій, конечно, каузальнаго объясненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, почему одни народы опередили другіе или отъ другихъ отстали, почему одни оказали бо́льшее или меньшее вліяніе на другіе или никакого вліянія не оказали и т. п.: все это—темы вполнѣ научныя, хотя очень часто и неразрѣшимыя; и вотъ если-бы мы стали объяснять неодинаковую роль отдѣльныхъ народовъ въ исторіи человѣчества тѣмъ, кто каждый изъ нихъ выполнялъ предназначенную ему миссію въ осуществленіи плана, ведущаго къ торжеству конечныхъ цѣлей исторіи, это, конечно, была-бы ненаучная телеологія. Въ томъ, что я, напр., отмѣчалъ „услуги, оказанныя греками философіи и наукѣ, искусствамъ и литературѣ, объединительную и организаторскую роль римлянъ и созданное ими право, значеніе евреевъ въ религіозной исторіи“ и т. п., право,—нѣтъ ни малѣйшаго даже намека на какую-либо телеологію, которую усматриваетъ рецензентъ.

Наконецъ, и то также есть реальное и объективное явленіе, что культурными успѣхами однихъ народовъ пользуются и другіе народы и что въ этомъ состоитъ общечеловѣческій прогрессъ, причемъ оно, явленіе это, тоже можетъ быть объясняемо по категоріямъ *почему* и *какъ*, и только лишь въ томъ случаѣ можно было-бы заговорить о ненаучной и непедагогичной телеологіи, если-бы въ упомянутыхъ успѣхахъ мы стали усматривать отдѣльные этапы или моменты планомѣрно-цѣлесообразнаго процесса, въ которомъ все должно быть объяснено изъ понятія causa finalis.

Итакъ, телеологію въ пониманіи историческаго процесса я принципіально отрицаю и не нахожу ее нигдѣ въ разбираемой рецензентомъ книжкѣ. Но если мы и не будемъ говорить о цѣляхъ историческаго процесса, то о его результатахъ говорить, конечно, имѣемъ право и въ этомъ именно смыслѣ я говорю объ успѣхахъ въ матеріальной, духовной и общественной культурѣ человѣчества, объ услугахъ, оказанныхъ въ этомъ дѣлѣ отдѣльными народами, объ общечеловѣческомъ прогрессѣ, „въ смыслѣ увеличенія власти человѣка

надъ природою и въ смыслѣ улучшенія его культуры". Приводя мою сокращенную передачу формулировки однимъ изъ моихъ „оппонентовъ" гегельянскаго взгляда, рецензентъ, между прочимъ, говоритъ, что я „почему-то" опустилъ нѣсколько выписанныхъ имъ мѣстъ, „точнѣе уясняющихъ суть этой гегельянской философіи исторіи". По всей видимости, тутъ съ моей стороны предполагался особый умыселъ, ибо въ приведенныхъ имъ мѣстахъ,—мною „почему-то", наоборотъ, опущенныхъ,—говорится и о *прогрессѣ*, рецензентомъ нарочито въ цитатѣ подчеркнутымъ для напечатанія курсивомъ, и о томъ, „какъ одинъ народъ выработалъ свободу, другой— порядокъ, одинъ—идею красоты, другой—идею государства, одна эпоха—умственную критику, другая—мораль и т. д.". Внѣшнее сходство съ моими яко-бы телеологическими заявленіями здѣсь есть, но чисто внѣшнее. Во-первыхъ, въ гегельянствѣ народъ и эпоха только и вырабатываютъ ту или другую идею, нужную для осуществленія общаго плана исторіи и прежде всего для появленія идеи слѣдующаго „момента", а у меня особое значеніе того или другого народа въ одномъ какомъ-либо отношеніи (политическомъ, религіозномъ, коммерческомъ и т. п.) мыслится, какъ результатъ данныхъ условій жизни этого народа безъ всякаго отношенія къ слѣдующему моменту, хотя-бы послѣдній, въ свою очередь и опредѣлялся всѣмъ предыдущимъ, что на него могло оказывать вліяніе. Во-вторыхъ, въ гегельянствѣ, такія „идеи" суть неизбѣжные моменты „безусловно необходимаго и непрерывно осуществляемаго на всемъ протяженіи историческаго движенія", а я какъ-разъ всегда противъ такого пониманія прогресса протестовалъ, и въ „Главныхъ обобщеніяхъ" также ничего похожаго на это не говорилъ. Мало того: въ текстѣ книги (стр. 11—13) прямо сказано о томъ, что постояннаго и непрерывнаго прогресса нѣтъ въ исторіи, что гибли цѣлыя цивилизаціи и бывали эпохи и долгаго застоя, и культурныя катастрофы, и задержки культурнаго движенія, что даже совершались прямыя возвращенія вспять и что вообще ходъ прогресса не былъ равномѣрнымъ.

Я совсѣмъ не сталъ бы возражать рецензенту „Вѣстника Воспитанія", если-бы дѣло шло о моей книгѣ, а не о принципіальномъ вопросѣ; но разъ именно разсматриваемая рецензія послужила поводомъ для этой статьи, цѣль которой отвѣтить на вопросъ, дѣйствительно ли всемірно-историческая точка зрѣнія отвергается современною наукою и новымъ направленіемъ преподаванія, то я считаю не излишнимъ коснуться и тѣхъ основаній, которыя заставили автора рецензіи резюмировать свое мнѣніе о книгѣ словомъ, напоминающимъ въ школьной системѣ балловъ *двойку*—„неудовлетворительно".

„Проф. К., говоритъ рецензентъ, забываетъ совершенно, сколько

раздоровъ, войнъ и кровавыхъ преслѣдованій вызвали „религіозныя разногласія“. Совершенно забываю?! Но у меня говорится и о гоненіи на юдаизмъ *) при Селевкидахъ (101), и о преслѣдованіяхъ христіанъ (105), и о преслѣдованіяхъ за вѣру самими же христіанами, и объ искорененіи буддизма въ Индіи послѣдователями старой вѣры (106), и о борьбѣ христіанства съ исламомъ (109), и о внутреннихъ религіозныхъ раздорахъ и смутахъ среди самихъ христіанскихъ народовъ, вызывавшихся, напр., появленіемъ ересей въ родѣ аріанства и иконоборства, борьбою католицизма съ православіемъ и протестантизмомъ, возникновеніемъ старообрядства въ Россіи (110), и о насильственномъ подавленіи иновѣрія вообще (112). Замѣчаніе о томъ, что „я-де совершенно забываю“ все это, слѣдуетъ у автора за выраженіемъ несогласія съ моимъ опредѣленіемъ общественнаго значенія религіи, какъ силы, „духовно связывавшей между собою членовъ общества, подчинявшей ихъ извѣстнымъ правиламъ общежитія и служившей санкціей для учрежденій, которыя поддерживаютъ политическую связь между отдѣльными частями общества и внутренній въ немъ порядокъ“. По мнѣнію рецензента, это будто-бы можно сказать только объ юдаизмѣ временъ второго храма и объ исламѣ да отчасти о средневѣковомъ католицизмѣ, тогда какъ это—общее явленіе, и рѣчь можетъ итти только о степеняхъ, оттѣнкахъ и т. п. И вотъ здѣсь слѣдуютъ слова о томъ, что я „совершенно забываю“ слѣдствія религіозныхъ разногласій въ прошломъ, а затѣмъ мнѣ тутъ же ставится на видъ, что „въ настоящемъ религія становится все болѣе и болѣе дѣломъ индивидуальной совѣсти“. Читатель можетъ, пожалуй, подумать, что и это я „совершенно забываю“. Отъ общественнаго значенія религіи я какъ разъ всегда отличаю ея значеніе для личной совѣсти (ср. стр. 99 и 105), и о религіозномъ индивидуализмѣ у меня достаточно говорится и по поводу „разныхъ личныхъ толкованій основныхъ положеній каждой религіи“ (108 и 112), и по поводу сектъ, требовавшихъ религіозной свободы (111), и по поводу возникновенія вообще уваженія къ свободѣ совѣсти человѣка (112), и о религіозномъ индивидуализмѣ, часто разрушавшемъ самое понятіе церкви, въ связи съ личнымъ характеромъ раціонализма и мистицизма (113).

Въ частности рецензентомъ мнѣ еще ставится въ упрекъ, что я „даю традиціонныя, давно уже потерявшія опору, утвержденія о

---

*) Еще примѣръ перетолкованія. На стр. 101 я говорю, что евреи стали видѣть въ іеговизмѣ основной признакъ своей національности *особенно* со времени гоненій на него со стороны Селевкидовъ, а г. Н. Никольскій передаетъ мою мысль такъ, какъ будто я говорю, что до Селевкидовъ еврейская религія не имѣла національнаго характера.

культурномъ вліяніи Византіи на Русь и о задерживающей роли монгольскаго ига". О первомъ у меня сказано настолько общо („крещеніе русскихъ славянъ по восточному обряду прямо поставило ихъ подъ культурное вліяніе Византіи", стр. 29), что о томъ, въ какой мѣрѣ я признаю это вліяніе, рецензентъ, конечно, судить не можетъ, а потому и не имѣетъ права говорить, будто я повторяю какія-то „старыя, но нынѣ отвергнутыя наукою мнѣнія" *).

Совершенно то же относится и къ вліянію монгольскаго ига; если-бы я, дѣйствительно, повторялъ все, что когда-то говорилось о вліяніи татарщины на нашу старую исторію, то другой и разговоръ былъ-бы, тогда какъ и все-то мое утвержденіе заключается въ словахъ: „однимъ изъ неблагопріятныхъ условій для исторіи цивилизаціи на востокѣ Европы были постоянныя нашествія на нее азіатскихъ кочевыхъ народовъ (напр., завоеваніе Россіи монголами и Балканскаго полуострова турками)" (стр. 12). Слишкомъ и тутъ опять-таки мало сказано для того, чтобы судить о степени этой задерживающей роли монголовъ. Не думаетъ же столь категорически рѣшающій всѣ вопросы рецензентъ, что ни Византія, ни татары такъ-таки не оставили никакого слѣда на русской культурѣ, да и едва ли „современная историческая наука и новое направленіе въ преподаваніи исторіи", отъ имени которыхъ говоритъ рецензентъ, совершенно должны вычеркивать изъ русской исторіи и византійское, и татарское вліянія, даже если мы ограничимъ ихъ сравнительно съ нѣкоторыми прежними преувеличенными взглядами.

Не слѣдуетъ еще забывать,—и это подчеркнуто въ предисловіи,— что „Главныя обобщенія" написаны, именно какъ обобщенія, основанныя на матеріалѣ, заключающемся въ моихъ учебникахъ всеобщей исторіи, на отдѣльные параграфы которыхъ постоянно и дѣлаются въ книжкѣ ссылки. Если-бы мною былъ составленъ учебникъ и по русской исторіи, на который могло-бы опираться изложеніе обобщающей книги, я, конечно, ввелъ-бы въ нее больше указаній на фактическій матеріалъ и изъ нашего національнаго прошлаго; но изъ того, что я этимъ матеріаломъ пользуюсь сравнительно мало, вовсе еще не вытекаетъ, будто я „почти совершенно игнорирую русскую исторію". Образованію европейскаго историческаго міра, международнымъ отношеніямъ въ новой Европѣ и господству европейскихъ націй въ другихъ частяхъ свѣта, т. е., въ сущности, всей внѣшней политической исторіи отъ греческой эпохи до нашихъ дней у меня

---

*) На стр. 27, которой, впрочемъ, г. Н. не цитируетъ, я говорю „о *громадномъ* вліяніи Византіи въ культурномъ отношеніи", имѣя въ виду все, что пришло къ намъ съ православіемъ и съ письменностью.

посвящено 58 параграфовъ (§§ 32—89), изъ которыхъ, начиная съ десятаго изъ нихъ (по общему счету 42), на долю Россіи приходится семь-восемь (§§ 42. 43, 44, 45, 60, 62, отчасти 81 и 84), не считая многихъ другихъ мѣстъ, гдѣ о Россіи упоминается по ея участію въ европейскихъ событіяхъ а это составляетъ восьмую часть всѣхъ параграфовъ, въ которыхъ рѣчь идетъ о Греціи и Римѣ, о Византіи и о средневѣковыхъ и новыхъ государствахъ и странахъ Запада, каковы въ особенности Франція, Италія, Германія, Англія, славянскія государства и Венгрія.

Наконецъ, по словамъ рецензента, въ книгѣ „мало подчеркнута эволюціонная точка зрѣнія, получившая господство въ наукѣ съ половины XIX в.“. Онъ ссылается при этомъ на стр. 7, гдѣ объ эволюціонной точкѣ зрѣнія, дѣйствительно, сказано мало, но зато объ этомъ достаточно говорится на стр. 4—5, 59—60, 62 и др. Столь же неосновательно заявляется рецензентомъ и то, будто въ книгѣ „отсутствуетъ теорія историческаго процесса въ смыслѣ выясненія историческихъ факторовъ и ихъ дѣйствія среди человѣческихъ обществъ“. Не забудемъ, что въ текстѣ книги всего-то 129 страницъ, а между тѣмъ теорія историческаго процесса, какъ я ее, конечно, понимаю, „присутствуетъ“ въ цѣломъ рядѣ параграфовъ (92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 102, 104, 106), занимающихъ съ небольшими перерывами восемь страницъ, на которыхъ говорится и о зависимости исторіи отъ природныхъ условій (климата, расы и т. д.), и о причинахъ какъ устойчивости культурно-соціальныхъ формъ, такъ и ихъ измѣняемости, и о постоянномъ ихъ между собою взаимодѣйствіи, и о зависимости ихъ отъ человѣческихъ дѣятельностей, и о роли личности (въ частности такъ называемыхъ великихъ людей) въ исторіи, и объ эволюціонной и каузальной связи между предыдущимъ и послѣдующимъ въ историческомъ процессѣ, и о его закономѣрности, и о вліяніи заимствованій у сосѣдей и т. п. Съ педагогической точки зрѣнія я скорѣе могъ-бы ожидать упрека въ томъ, что все это въ книгѣ „присутствуетъ“, но гдѣ же то „отсутствіе“, о которомъ говоритъ рецензентъ?

Н. Карѣевъ.

Къ реформѣ городскихъ по Пол. 1872 г. училищъ.

Въ маѣ 1902 года исполнилось 30-лѣтіе городскихъ по Положенію 1872 г. училищъ. Въ томъ же году началось усиленное преобразованіе послѣднихъ уѣздныхъ училищъ въ городскія и, наконецъ, тогда же промелькнуло извѣстіе, что съ 19 марта при министерствѣ народнаго просвѣщенія начались занятія особой коммиссіи по преобразованію низшей общеобразовательной школы, при чемъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ того времени, реформа должна была коснуться именно городскихъ по Положенію 1872 г. училищъ. Недавно, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ газетахъ вновь промелькнуло извѣстіе о подготовляющихся реформахъ. Къ какимъ выводамъ пришла прошлогодняя коммиссія, чего собственно коснется реформа, и дѣйствительно ли въ настоящее время подготовляются перемѣны, пока неизвѣстно; но, очевидно, реформа необходима, и тридцатилѣтняя жизнь городскихъ училищъ выдвинула такіе вопросы, которые такъ или иначе рѣшить необходимо. О неудовлетворительности городскихъ училищъ говорилось уже давно и говорилось много; указывались недостатки, какъ въ самой организаціи этихъ школъ и положеніи ихъ среди другихъ учебныхъ заведеній, такъ и въ постановкѣ въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла. Можетъ быть, благодаря этому, уже кое-что и измѣнено въ ихъ организаціи, въ видѣ „временныхъ допущеній и разрѣшеній“, но, судя по всему, не за горами и общее обсужденіе вопроса о реформѣ. Въ виду этого мнѣ хотѣлось бы въ настоящей замѣткѣ обратить вниманіе на одинъ такой недостатокъ теперешней школы, о которомъ спеціально, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не говорилось, но который, какъ пережитокъ старой, дореформенной школы, еще существуетъ и дѣлаетъ свое дѣло.

Въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія вмѣстѣ съ возрожденіемъ нашего общества къ новой жизни происходитъ крутой поворотъ въ его воззрѣніяхъ на цѣли и задачи школьнаго обученія. Подъ вліяніемъ педагогическихъ идей Запада, широкой волной хлы-

нувшихъ къ намъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, наше общество въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей ясно увидѣло всю ненормальность тогдашней постановки образованія нашихъ дѣтей и произнесло строгій, но справедливый приговоръ существовавшей тогда системѣ школьнаго обученія. Осудивъ безповоротно царствовавшее тогда „зубреніе" и систему обученія „отъ сихъ и до сихъ", признавъ вреднымъ въ дѣлѣ воспитанія муштровку тѣла и духа ребенка, осмѣявъ безпощадно систему наградъ, наказаній, отмѣтокъ съ розгою, „красными" и „черными досками",—общество измѣнило свой взглядъ и на значеніе въ школѣ учителя, какъ необходимой для учениковъ палки, обязанности которой сводились къ тому, чтобы придти въ классъ, спросить „вызубренный" учениками урокъ, задать „отъ сихъ и до сихъ" новый и, поставивши на колѣни, или приговоривши къ розгѣ почти полъ-класса, уйти домой. Въ противовѣсъ всему этому были провозглашены принципы правильнаго, непринужденнаго гармоническаго развитія всѣхъ душевныхъ способностей ребенка-человѣка, путемъ воздѣйствія на него учителя-воспитателя. Отрицаніе стараго, отжившаго и увлеченіе новымъ было такъ велико въ ту поистинѣ великую освободительную эпоху, что не осталось, кажется, ничего и въ дѣлѣ педагогіи, что не подверглось бы критикѣ, или не было бы обсуждаемо. Новыми идеями воспитанія и обученія были полны впервые зародившіеся въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ наши педагогическіе журналы: „Русскій Педагогическій Вѣстникъ", „Журналъ для родителей и наставниковъ", „Воспитаніе", „Учитель", „Ясная Поляна". Вопросы воспитанія и обученія занимали такихъ дѣятелей и мыслителей, какъ Левъ Толстой, Пироговъ, Добролюбовъ и др. „Ясная Поляна" Толстого, „Вопросы жизни" Пирогова, педагогическіе статьи Добролюбова, Толстого, Писарева, „Очерки бурсы" Помяловскаго нанесли тяжелый и неотразимый ударъ рутинѣ и формализму въ системѣ нашего обученія. Необходимость нововведеній и перемѣнъ въ школьномъ дѣлѣ чувствовали и сознавали всѣ, не исключая и органовъ правительства, и шестидесятые и начало семидесятыхъ годовъ было эпохою усиленной дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. За это время были созданы теперешнія гимназіи и прогимназіи мужскія и женскія, реальныя училища, народныя школы и ихъ администрація. Въ это же время, въ 1872 г., на развалинахъ блаженной памяти уѣздныхъ училищъ, съ ихъ розгою, „зубрежкою" и мертвымъ формализмомъ выростаетъ новый типъ школы—городскія по Положенію 1872 г. училища, съ новыми идеалами, положенными въ ихъ основу, а для подготовки учителей-воспитателей для этихъ школъ создаются спеціальныя учебныя заведенія—учительскіе институты, гдѣ основною задачею ста-

вится не только ознакомленіе ихъ питомцевъ съ новѣйшими пріемами обученія, но и воспитательное руководство ими въ продолженіе трехлѣтней совмѣстной ихъ жизни въ институтѣ. Городскія училища были призваны не только *учить*, но и *воспитывать*, чѣмъ они главнымъ образомъ и должны были отличаться отъ уѣздныхъ училищъ. Классная система преподаванія, введеніе въ курсъ городскихъ училищъ естественныхъ наукъ и свѣдѣній изъ исторіи русской словесности, исключеніе изъ программы Закона Божія пространнаго катихизиса,—все это ставилось въ число положительныхъ его сторонъ. Чрезъ два-три года въ главѣ новой школы становятся молодыя силы—питомцы института, съ новыми взглядами на школу и ея задачи, съ страстнымъ желаніемъ послужить ей, отдать ей свои лучшія силы. Дореформенный строй уѣздныхъ училищъ трещалъ по всѣмъ швамъ. Помню, какъ недружелюбно встрѣтилъ насъ съ товарищемъ штатный смотритель одного изъ уѣздныхъ училищъ, куда мы назначены были по окончаніи курса въ институтѣ. На одномъ изъ первыхъ же засѣданій педагогическаго совѣта у насъ произошла съ нимъ сильнѣйшая схватка, схватка новой школы съ старою. Мы, новые, горячо доказывали смотрителю, что цѣль школы не „изученіе школьныхъ предметовъ", какъ утверждалъ онъ, а „всестороннее, гармоническое развитіе всѣхъ душевныхъ способностей ученика", что „спасеніе школы" не „въ строгости и наказаніяхъ", а въ „любви къ дѣтямъ и уваженіи къ ихъ личности", что „формальное отношеніе" не „дисциплинируетъ школу" въ лучшемъ смыслѣ, а „мертвитъ дѣло, вытравляетъ живую душу"... и проч., проч. въ этомъ родѣ. Схватки происходили на каждомъ шагу и при каждомъ удобномъ случаѣ. Чиновникъ-смотритель пугалъ насъ „донесеніемъ" о чемъ-то „по начальству", „внесеніемъ" чего-то „въ формуляръ", но мы не смущались этимъ. Почувствовали и родители, что школа измѣняется, что въ ней явился новый духъ, новыя вѣянія, что, когда они сами (родители) учились, то „было совсѣмъ иначе".

Возможно ли было послѣ всего этого ожидать, чтобы многое изъ того, что было осуждено, признано негоднымъ, вреднымъ въ старой школѣ, осталось почти нетронутымъ и въ новой школѣ, заняло въ ней мѣсто краеугольнаго камня и благополучно дожило до нашихъ дней? А между тѣмъ это такъ: вся система обученія въ старой школѣ жила и держалась механическою памятью учащихся; зубреніе отъ сихъ и до сихъ царствовало въ ней безраздѣльно; весь трудъ пріобрѣтенія знаній падалъ на домашнее время ученика, а классное употреблялось на „выспрашиваніе" стараго и „заданіе" новаго урока. Естественно, что такая система должна была выдвинуть значеніе учебника и возвысить его до степени вѣрнаго и самаго дѣйствительнаго

образовательнаго средства школы, а въ жизни ученика сдѣлать его чѣмъ-то огромнымъ и часто роковымъ. Новая школа въ основаніе всего поставила всестороннее развитіе *всѣхъ* душевныхъ способностей ученика, путемъ воздѣйствія на него учителя-воспитателя. Такая постановка дѣла должна была неминуемо вытѣснить господство учебника въ школѣ, освободить ее отъ зубрежки и направить на раціональный, естественный путь. Но, къ сожалѣнію, этого не случилось: зубреніе и учебникъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребляла дореформенная школа, не утратили своего значенія и въ новой и даже въ настоящее время являются въ ней почти тою же огромною величиною, какою они были и въ старой. Возьмите любую школу и посмотрите, чѣмъ она жива и на чемъ держится въ ней вся система учебновоспитательнаго дѣла: на томъ же учебникѣ, на томъ же зубреніи... И я сомнѣваюсь, возможно ли указать такую школу, гдѣ бы не только такіе предметы, какъ Законъ Божій, исторія, географія, но даже и такіе, какъ естествовѣдѣніе, ариѳметика, геометрія и русскій языкъ преподавались безъ учебника; а если это и имѣетъ гдѣ-либо мѣсто, то только благодаря какимъ-либо исключительнымъ обстоятельствамъ, какъ это было, напримѣръ, въ прошломъ учебномъ году съ физикой: во многихъ училищахъ болѣе полугода занимались по ней безъ учебника, такъ какъ старое изданіе его было распродано, а новое выходомъ въ свѣтъ запоздало. Вездѣ учебникъ и теперь главная и необходимая книга, вездѣ онъ и теперь имѣетъ рѣшающее значеніе въ успѣшности занятій, чего нельзя не видѣть хотя бы въ повсемѣстныхъ жалобахъ на отсутствіе хорошихъ учебниковъ, въ указаніяхъ на ихъ сухость, неинтересность и некартинность, какъ на причину и неуспѣшности занятій, и неразвитости учениковъ, и отвращенія ихъ къ книгѣ, причемъ въ подтвержденіе послѣдняго неудачно приводится обыкновенно тотъ общеизвѣстный фактъ, что всякій, даже и любознательный и прилежный ученикъ, непремѣнно ненавидитъ учебникъ, а по выходѣ изъ школы считаетъ за величайшее наслажденіе прежде всего забросить всѣ книги, какъ нѣчто не только ненужное, но и ненавистное. Къ сожалѣнію, при этомъ забывается, что, если бы тому же ученику дали самый интересный, самый идеальный учебникъ и заставили бы его не просто прочитать одинъ-два раза, а выучить его самымъ добросовѣстнымъ образомъ, то и такой учебникъ сдѣлался бы ученику ненавистнымъ, и съ нимъ бы онъ поступилъ такъ же. Безъ учебника въ настоящее время не обходится даже начальная школа, о чемъ свидѣтельствуетъ не только существованіе для этихъ школъ учебниковъ по Закону Божію и русскому языку, но и выходъ новыхъ и даже по такому предмету, какъ ариѳметика (ар. Шафрова). Вездѣ учебникъ, учебникъ и учеб-

никъ! И всего печальнѣй то, что учебникъ и въ реформированной школѣ играетъ не второстепенную, или третьестепенную роль, не является простымъ класснымъ пособіемъ, справочною книгою, или книгою для домашняго „прочтенія“, а является прямо-таки учебною и обязательною для него книгою: ученику прежде всего вмѣняется въ обязанность имѣть всѣ необходимыя книги; это первая забота и учителя въ началѣ учебнаго года. Нѣсколько уроковъ сряду напоминаетъ онъ ученикамъ, что безъ книги учиться нельзя, что онѣ должны быть у каждаго; если же случится, что ученикъ по бѣдности или другой причинѣ не имѣетъ книги и плохо знаетъ урокъ, то ему обыкновенно прямо указывается на неимѣніе книги, какъ на причину его неуспѣшности, и большое горе, какъ для ученика, такъ и для родителя, если въ единственной лавчонкѣ уѣзднаго города учебныя книги, выписанныя по списку начальника заведенія, распроданы, и ученикъ останется безъ книги: онъ, дѣйствительно, будетъ учиться плохо, такъ какъ и сама школа ставитъ на первый планъ учебникъ и, если въ ней теперь и не „приказываютъ затвердить слово въ слово, чтобы отъ сихъ поръ и до сихъ поръ („отъ параграфа, который начинается словами: „проведемъ между точками“... до параграфа который начинается словами: „на основаніи этихъ“) знали, какъ „отче нашъ“, а говорятъ лишь: „выучите (или: „приготовьте“) это получше, чтобы все, что есть объ этомъ у васъ въ книгѣ, могли разсказать хорошо“,—то для ученика, которому это говорится, это почти одно и то же: ему все равно, прослушавъ разсказъ учителя, или прямо чтеніе и объясненіе имъ новаго урока по книгѣ,—ничего не остается, какъ, возвратившись домой, развернуть тотъ же учебникъ, отыскать въ немъ заданное, да еще часто и „размѣченное“ (терминъ, хорошо извѣстный ученикамъ) и, какъ и во время дореформенной школы, заучить все самымъ добросовѣстнымъ образомъ, памятуя, что для того ему и книга дана и что больше того, что въ ней есть, съ него и не потребуется. И счастливъ тотъ ученикъ, который поторопился запастись всѣми необходимыми книгами: онъ, хотя и въ ущербъ своимъ силамъ, здоровью и общему развитію, но показно, формально, какъ собственно и требуется, будетъ знать уроки; и плохо положеженіе того, который въ силу ли бѣдности или по другой причинѣ не могъ этого сдѣлать: въ классѣ онъ „не запомнилъ хорошо“, или, выражаясь языкомъ педагоговъ, „не усвоилъ“ объясненнаго учителемъ, а выучить „не-по-чемъ“; въ результатѣ—единица или двойка въ „классномъ журналѣ“ и „лѣнивый“ или „неспособный ученикъ“ во мнѣніи педагогическаго совѣта. Хорошо понимаетъ и ученикъ это роковое для себя значеніе учебника: помню, какого горя надѣлала мнѣ потеря географіи Ободовскаго, когда я учился. Хватившись книги

по приходѣ изъ училища и не найдя ея нигдѣ, я, какъ сейчасъ помню, такъ былъ пораженъ этимъ и почувствовалъ такую безпомощность, какъ будто отъ книги зависѣла и вся моя судьба, и съ потерею ея мнѣ грозила неминуемая гибель. А это было въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, т. е. въ то время, когда школа уже вступила на новый путь, когда насъ уже не ставили на колѣни, не пороли, не „приказывали" зубрить уроковъ, какъ „Отче нашъ", и когда одному изъ нашихъ учителей, старому сердитому малороссу, былъ сдѣланъ строгій выговоръ за то, что онъ выдралъ одного ученика за уши. Но ужъ и съ того времени прошла четверть вѣка; многое съ того времени перемѣнилось въ школьной жизни, и только не перемѣнилась роль и значеніе учебника, который и теперь, и въ реформированной школѣ остается по прежнему выше и важнѣе учителя. Но почему же это? Вѣдь нельзя же отрицать того, что съ реформою школы, съ перемѣною ея руководителей измѣнилась кореннымъ образомъ и сама школа, измѣнились ея цѣли и задачи, измѣнились воспитательныя средства воздѣйствія на учениковъ, измѣнились и требованія отъ нея общества,—почему же не измѣнилось значеніе учебника? Почему и въ новой школѣ онъ живъ и стоитъ непоколебимо? Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ есть такой факторъ школы, безъ котораго она немыслима и безъ котораго невозможно учебновоспитательное дѣло и подготовка нашихъ дѣтей? И не есть ли онъ что-либо въ родѣ желудка изъ извѣстной притчи римскаго сенатора Мененія Агриппы, съ ослабленіемъ котораго ослабнутъ и ученики, на него работающіе? Нѣтъ и нѣтъ.

Всѣ считаютъ за непреложную истину, что учебникъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его употребляла дореформенная школа, есть огромное зло. Съ этимъ согласны и тѣ, кто его употребляетъ; такъ думаютъ и глубоко чувствуютъ на своихъ дѣтяхъ и родители. Если это такъ, то почему же онъ не только существуетъ, но и продолжаетъ по старому дѣлать свое вредное дѣло? Кто виноватъ въ этомъ?

Вопросъ этотъ много разъ поднимался въ педагогическихъ совѣтахъ, не разъ составлялъ предметъ жаркаго спора въ товарищеской средѣ, или педагоговъ съ родителями; много разъ приходилось и мнѣ говорить о немъ съ нѣкоторыми изъ родителей, и взглядъ ихъ на него настолько интересенъ и поучителенъ, что заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться.

Большинство родителей обвиняютъ безусловно и во всемъ самого учителя. Они положительно не согласны съ мнѣніемъ педагоговъ, что при тѣхъ условіяхъ, въ какія поставлена настоящая реформированная школа, учебникъ необходимъ, и изгнаніе его изъ школы немыслимо. Если, говорятъ они, въ новой реформированной школѣ

остались дореформенные принципы, если наше общество—и спустя полъ-столѣтія послѣ того, какъ само же подъ вліяніемъ западныхъ идей осудило дореформенную систему обученія,—вѣритъ и теперь учебнику и ставитъ школу въ такія условія, что занятія безъ него невозможны, то виноваты въ этомъ именно сами же носители этихъ новыхъ идей—учителя. Сваливая все на школьныя условія, на невозможность при ихъ существованіи вести преподаваніе по новому пути, гармонически развивая всѣ душевныя способности ученика, а не одну лишь механическую память, и пользуясь учебникомъ почти такъ же, какъ пользовалась имъ и дореформенная школа,—учителя сами же являются и главными защитниками и охранителями этихъ условій, сами же даютъ имъ смыслъ и значеніе въ жизни новой школы; а между тѣмъ, если бы тѣ же учителя, вмѣсто того, чтобы жаловаться на непреодолимость школьныхъ условій и слѣпо отдаваться ихъ вліянію, вмѣсто того, чтобы поддерживать старое, осужденное,—стали бы въ ряды дѣятельныхъ борцовъ за новыя идеи, шагъ за шагомъ, неуклонно проводили бы новые принципы въ жизнь школы, а къ тому, что выработано многовѣковымъ педагогическимъ опытомъ, отнеслись критически, взявъ изъ него только лучшее, то, быть можетъ, уже давно бы не было такого господства учебника и зубристики и въ новыхъ мѣхахъ не оказалось бы вино старое, какъ это вышло теперь. Родители хорошо понимаютъ, что занятія безъ учебника трудъ нелегкій, что учитель долженъ имѣть много истинной, а не показной добросовѣстности, много энергіи и вѣры въ свое дѣло и любви къ нему, чтобы, забывъ о своемъ здоровьѣ, правѣ на посильный трудъ и достаточный отдыхъ, отказаться отъ учебника и биться съ учениками по 4—5 часовъ надъ разработкой часто малопонятнаго для нихъ учебнаго матеріала. Не отрицаютъ родители и того, въ какое страшно отвѣтственное положеніе становится учитель, занимаясь безъ учебника: успѣхъ или неуспѣхъ занятій, хорошія или плохія знанія учениковъ—все это учитель беретъ на себя, на свой страхъ; тутъ, дѣйствительно, каждая единица, поставленная ученику, будетъ единицею самому учителю,—но говорятъ они—тѣмъ выше, тѣмъ цѣннѣе будетъ заслуга учителя передъ обществомъ, такъ какъ только при такихъ условіяхъ онъ и можетъ быть истиннымъ другомъ дѣтей, на что такъ часто претендуетъ учитель, не имѣя на то никакого права. А это—не шутка! Наши дѣти, дѣйствительно, нуждаются и очень нуждаются въ школѣ въ истинныхъ, а не показныхъ друзьяхъ, въ участливомъ и сердечномъ къ нимъ отношеніи. Они почти цѣлый день обременены непосильной, несвойственной дѣтскому организму умственной работой; они лишены движенья, игръ, правильнаго отдыха и достаточнаго и своевремен-

наго питанія. Стоитъ только перенестись въ свои дѣтскіе годы, вдуматься въ то состояніе духа и тѣла, въ какомъ мы находились, неся свою школьную ношу, чтобы понять, какъ глубоко несчастны наши дѣти! Вспомните, что мы думали и чувствовали въ то время. Учась, мы считали себя самыми несчастными людьми въ мірѣ, которыхъ давитъ и гнететъ непосильная ноша, а учителей своихъ считали своими злѣйшими врагами, для которыхъ мучить насъ составляетъ великое удовольствіе. Уча уроки, мы тысячу разъ задавали себѣ вопросъ: почему необходимо зубрить по географіи, по русскому языку или Закону Божію? Намъ хочется играть, бѣгать, рисовать, читать, работать что-нибудь, а мы должны сидѣть и зубрить неизвѣстно для какой надобности: „крайняя оконечность материка Европы, крайняя оконечность материка Европы"... или: „почему достойно примѣчанія сіе обстоятельство, почему достойно примѣчанія сіе обстоятельство"? и т. д. и т. д., до изнеможенія, до одурѣнія. Мы вовсе не противъ науки, не противъ ученья; напротивъ, намъ многое хочется узнать; мы желали бы узнать все, рѣшительно *все*; но неужели это „*все*" будетъ потеряно для насъ, если мы его узнаемъ въ умной, оживленной бесѣдѣ, а не изъ книги чрезъ зубреніе, потеряно будетъ для насъ только потому, что не прошло чрезъ горнило тяжелаго и ненавистнаго зубренія по учебнику географіи, или физики, или другому какому-нибудь учебнику? Не разъ и теперь, задавая себѣ этотъ вопросъ, мы искренно недоумѣвали, почему нельзя установить въ школѣ, вмѣсто безсмысленной системы выспрашиванія вызубренныхъ учениками уроковъ, систему бесѣдъ съ ними, наблюденій, опытовъ, осмотровъ музеевъ, экскурсій и проч. Почему, напримѣръ, по Закону Божію необходимо учить на „зубокъ" катихизисъ, священную исторію, богослуженіе и пр.? И отчего бы уроки Закона Божія не могли представлять собою бесѣды пастыря съ дѣтьми? Потерялъ бы развѣ Законъ Божій отъ этого? Никогда. Напротивъ, онъ глубже бы ложился въ сердца дѣтей и не вызывалъ бы чувства непріятнаго, какъ при теперешней системѣ заучиванія наизусть. А вѣдь та или другая постановка преподаванія зависитъ исключительно отъ учителя и никакія школьныя программы, на которыя обыкновенно сваливается педагогами вся вина, не запрещаютъ этого: онѣ только опредѣляютъ минимумъ того, что нужно пройти, и срокъ, но не только не требуютъ, чтобы учитель проходилъ непремѣнно по учебнику, а напротивъ, даже рекомендуютъ стараться, чтобы ученики не заучивали безсмысленно своихъ уроковъ. Но дѣло въ томъ, что преподаваніе безъ учебника было бы подвигомъ: для этого требуется огромное усиліе; это будетъ уже не шуточное служеніе! Вотъ это-то и есть главная причина того, что учебникъ и сейчасъ живъ, что онъ и

сейчасъ необходимая книга. Да и кому, въ самомъ дѣлѣ, пріятно идти по новому, тяжелому и отвѣтственному пути, у кого хватитъ на это силы воли, самоотверженія, если рядомъ съ этимъ есть другой не возбраняемый закономъ, совсѣмъ легкій и неотвѣтственный путь, по которому учился и самъ учитель, и учили его предшественники: стоитъ только ему пойти по проторенной дорожкѣ, поставить на высоту главнаго образовательнаго средства учебникъ, и дѣло изъ труднаго станетъ легкимъ и изъ отвѣтственнаго почти совсѣмъ неотвѣтственнымъ. Вмѣсто того, чтобы „биться" съ учениками 3—4 часа, надрывая свои силы и здоровье, учитель можетъ просто придти въ классъ, положить предъ собою учебникъ и слѣдить по немъ за отвѣтами учениковъ, а чтобы замаскировать задачу новаго урока по старому методу—„отъ сихъ и до сихъ", онъ прочтетъ вслухъ по тому же учебнику слѣдующую по порядку статью, объяснитъ въ ней непонятное для учениковъ и задастъ „приготовить". И легко и просто: тутъ учителю не требуется ни знать свой предметъ, его литературу и методику, ни обременять себя необходимостью готовиться къ урокамъ, ни слѣдить за движеніемъ педагогической науки и открытіемъ новыхъ пріемовъ преподаванія, да еще, за всѣмъ тѣмъ, онъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи массу свободнаго времени. Но и этого мало: такой методъ преподаванія ставитъ учителя почти внѣ всякой отвѣтственности за успѣшность занятій своихъ учениковъ.

— У тебя есть книга?

— Есть.

— Почему же ты не приготовилъ урока?

— Я не успѣлъ: уроковъ было много.

— Ну, останься здѣсь послѣ уроковъ и выучи то, что не успѣлъ выучить дома. Или:—У тебя есть книга?

— Есть.

— Почему же ты не выучилъ урока?

— Я не понялъ.

— Ну, останься здѣсь послѣ уроковъ и внимательно разбери, что не понялъ. За однимъ тобою всѣмъ останавливаться нельзя: „семеро одного не ждутъ".

Или:

— У тебя есть книга?

— Нѣтъ.

— Почему же ты до сихъ поръ не купилъ?

— Папаша сказалъ, что сейчасъ денегъ нѣтъ.

— Ну, я не виноватъ, что у твоего „папаши" (дѣлается ударе-

ніе) денегъ нѣтъ. Возьми книгу у своего товарища, останься здѣсь послѣ уроковъ и выучи...

Вотъ самые обычные разговоры учителя съ дѣтьми. Изъ нихъ ясно, какъ Божій день, что въ неуспѣшности занятій учениковъ виноватъ не учитель, который какъ необходимая палка, какъ пугало для учениковъ, выполнялъ свои обязанности образцово, а виноватъ ученикъ: онъ „не выучилъ", онъ „не понялъ", онъ „не купилъ книги"...

Въ томъ же учитель старается убѣдить и родителя ученика.

— Я пришелъ къ вамъ поговорить на счетъ своего сына,—раскланивается почтительно предъ учителемъ родитель, встревоженный полученною сыномъ двойкою.

— А какъ его фамилія?

— Семеновъ.

— А, Семеновъ? Онъ очень лѣнивъ... никогда уроковъ не знаетъ, не готовитъ,—сваливаетъ учитель вину на ученика.

— Да онъ дома занимается: все за книжкой,—пробуетъ родитель свалить вину на школу (на учителя).

— Ну, ужъ мнѣ лучше знать! Способности есть, а уроковъ не знаетъ! Значитъ—не готовитъ... Онъ и виноватъ, что двойку получаетъ...

— Значитъ мало занимается,—говоритъ въ раздумьи родитель...

— Конечно. Погонять его хорошенько надо, вотъ и будетъ лучше заниматься...

И опять виноватъ не учитель, а ученикъ...

Какъ же не соблазниться такимъ легкимъ и неотвѣтственнымъ путемъ служенія обществу. И учитель соблазняется. Онъ идетъ по проторенной рутинной дорожкѣ „горькихъ корней ученія и сладкихъ плодовъ его", а сила зубрежки и учебника въ школѣ не только не ослабляется, а растетъ и ширится у каждаго учителя по мѣрѣ того, какъ онъ приближается къ 25 лѣтнему юбилею своей дѣятельности и къ вожделѣнной пенсіи. Конечно, не всѣ учителя таковы, не всѣ соблазняются заманчивой рутиною, не требующей никакого умственнаго напряженія и, сваливая всю вину на школьныя условія, погружаются въ лѣнь и спячку, чередующіяся съ „картишками" и „легкимъ, на сонъ грядущій чтеніемъ"; есть и стоящіе на высотѣ своего великаго положенія, но это—исключеніе и исключеніе весьма рѣдкое... Не ясно ли, кто виноватъ въ томъ, что учебникъ и зубреніе и теперь царствуютъ въ школѣ, а дѣти наши несутъ непосильное бремя „учебы"?

Вотъ что говорятъ интеллигентные родители, вотъ какое тяжкое обвиненіе они возводятъ на учителя!

Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ, дѣйствительно, есть доля правды,

но только именно доля, не больше; и стоитъ только глубже вникнуть въ положеніе школьнаго дѣла, въ его реальную обстановку, чтобы большая часть этихъ обвиненій пала сама собою.

И въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь въ жизнь теперешняго учителя, учителя хорошо подготовленнаго къ своей дѣятельности, воспитаннаго на новыхъ гуманныхъ идеалахъ, окрыленнаго самыми лучшими, самыми безкорыстными стремленіями, учителя, еще на школьной скамьѣ института мечтавшаго объ общественномъ служеніи и принесеніи ей себя въ жертву,—всмотритесь въ его жизнь, въ его дѣятельность, въ его надежды, желанія,—однимъ словомъ, во все то, чѣмъ онъ живъ, когда онъ на службѣ, а не на школьной скамьѣ,—и вы поразитесь: учитель—это не тотъ вполнѣ подготовленный къ своей дѣятельности, а потому и заслуживающій во всѣхъ отношеніяхъ довѣрія, самостоятельный работникъ, господинъ своего дѣла, какъ его часто представляютъ себѣ, а это—чиновникъ, по рукамъ и ногамъ связанный программами, объяснительными записками, инструкціями, правилами, положеніями, циркулярами и всякими предписаніями. Онъ—положительный рабъ всѣхъ этихъ программъ, инструкцій, циркуляровъ; въ нихъ предусмотрѣнъ почти каждый его шагъ и не только касательно его школьной дѣятельности, но часто общественной и даже семейной жизни (вспомните инструкцію, если не ошибаюсь, тульскаго директора народныхъ училищъ сельскимъ учителямъ, гдѣ предусматривалось не только правила, какъ держать себя сельскому учителю, но и прическа, головные уборы, носовые платки и пр.)! Вездѣ и во всемъ учитель ограниченъ; дѣятельность его въ высшей степени стѣснена и до крайности регламентирована. До чего иногда доходитъ эта регламентація, можно судить по слѣдующему факту, имѣвшему мѣсто въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ училищъ. Лѣтъ семнадцать тому назадъ по училищамъ появилось распоряженіе директора народныхъ училищъ о томъ, чтобы преподаватели въ началѣ каждаго учебнаго года представляли каждый по своему предмету подробное, по днямъ и часамъ, на весь учебный годъ впередъ распредѣленіе учебнаго матеріала, согласное, конечно, съ программами и объяснительными записками по этимъ предметамъ. Цѣль распоряженія—поставить учителя въ необходимость соразмѣрять количество учебнаго матеріала со временемъ и тѣмъ достигнуть, во-первыхъ, болѣе равномѣрнаго распредѣленія учебнаго матеріала въ теченіе года, а во-вторыхъ, обезпечить выполненіе программы. Цѣль, конечно, хорошая, но во что же тогда превращается учитель?! И куда можно дальше идти въ регламентаціи его дѣятельности? А вѣдь учитель почти во всемъ въ своей дѣятельности поставленъ въ такія строго опредѣленныя рамки. Возьмите про-

граммы; онѣ точно и ясно обозначаютъ все, что должно быть неукоснительно пройдено: пропустить что-либо, не пройти—нельзя, а если это и случится, то учитель обязанъ въ концѣ учебнаго года, передъ экзаменами, представить программу пройденнаго съ обозначеніемъ, что не пройдено и почему. А между тѣмъ въ основаніе школьныхъ программъ положенъ разсчетъ на домашній трудъ учащихся и на ихъ память, т. е. проще сказать, въ основаніе программъ положенъ все тотъ-же дореформенный учебникъ и зубрежка; поэтому онѣ сравнительно обширны и изобилуютъ массою такихъ подробностей, которыя, не имѣя почти никакого значенія въ дѣлѣ развитія умственныхъ и нравственныхъ способностей учащихся, отнимаетъ у нихъ массу времени на заучиваніе. Между тѣмъ количество класснаго времени на изученіе школьныхъ предметовъ по этимъ программамъ дается такъ мало, что, если-бы учитель захотѣлъ обойтись безъ учебника и не сталъ пользоваться механическою или хотя-бы и сознательною памятью учащихся, то программа оказалась-бы далеко не выполненною, а знанія учениковъ совсѣмъ-бы не соотвѣтствовали экзаменаціоннымъ требованіямъ. Могу положительно сказать на основаніи своего собственнаго опыта, что за то время, какое дается на изученіе предмета, возможно пройти, занимаясь безъ учебника, не болѣе половины того учебнаго матеріала, какой опредѣляется программами. По программѣ исторіи, напримѣръ, требуется пройти въ 3-мъ отдѣленіи городского училища почти столько, сколько разсказано въ „Отечественной исторіи для народныхъ школъ" Рождественскаго, въ 32 урока. А въ указанной книжкѣ 238 страницъ убористой печати; слѣдовательно, на каждый получасъ (въ 3-мъ отдѣленіи получасовые уроки съ учителемъ) приходится около семи страницъ. Чтобы дать понятіе, какъ необходимо здѣсь „проходить" исторію, я скажу только, что по этому разсчету въ теченіе получаса, помимо спроса прошлаго урока, необходимо разсказать дѣтямъ примѣрно: объ основаніи Кіево-Печерской лавры Антоніемъ и Өеодосіемъ, о Несторѣ Лѣтописцѣ, Ярославѣ Мудромъ и Владимірѣ Мономахѣ... и это все въ полчаса! Въ 5-мъ отдѣленіи по программѣ исторіи полагается пройти всю древнюю и почти всю среднюю и настолько болѣе или менѣе подробно, что всего разсказа наберется не менѣе 150 стр. (Учебникъ Иловайскаго, младш. возр.), да по всеобщей географіи болѣе 100 стр. убористой печати (Учебникъ Плетнева). И на изученіе этихъ 250 стр. дается всего около 100 (въ сущности не болѣе 90) получасовыхъ уроковъ съ учителемъ! На каждый получасъ падаетъ не менѣе $2^1/_2$ страницъ; а есть такія страницы (въ географіи Плетенева), что на одинъ урокъ приходится до 80 собственныхъ именъ. Какъ-же тутъ возможно обойтись безъ зуб-

ренія и не пользоваться учебникомъ и домашнимъ трудомъ учащихся да еще въ болѣе или менѣе широкомъ размѣрѣ?

Да я еще ничего не говорю о томъ, что одновременныя занятія учителя съ двумя отдѣленіями превращаютъ получасовые уроки въ 25 и даже въ 20 минутные, и что и эти уроки, благодаря тому-же обстоятельству, не могутъ идти спокойно и плавно, а это не такое обстоятельство, чтобы не принимать его въ разсчетъ. И мы пользуемся учебникомъ и мучимъ дѣтей зубрежкой, но не потому, что такой путь легче для насъ, а потому, что иначе нельзя... И развѣ мы, получившіе спеціально педагогическое образованіе, а потому и хорошо знающіе, чѣмъ должна быть школа, какія цѣли и задачи она должна преслѣдовать и какія употреблять для этого средства,—развѣ мы не лучше другихъ знаемъ, что учебникъ—зло школы, что, благодаря существующей системѣ учебно-воспитательнаго дѣла, вся задача обученія нынѣшней школы сводится къ развитію механической памяти въ дѣтяхъ? Развѣ мы не видимъ, что дѣти наши замучены „учебой“ и платятъ слишкомъ дорогою цѣною за тѣ часто безцѣльныя и ненужныя знанія, какія даетъ имъ школа? Знаемъ, видимъ и вполнѣ оцѣниваемъ всю ненормальность, все зло этого; но въ то же время мы глубоко чувствуемъ, что не въ учителѣ здѣсь дѣло. Поставьте школу въ такія условія, чтобы учитель въ ней являлся облеченнымъ полнымъ довѣріемъ и самостоятельностью настолько, что свободно могъ-бы избирать какой угодно ему путь преподаванія, чтобы отъ учениковъ требовалась не выучка извѣстнаго учебнаго матеріала, а сознательное къ нему отношеніе, чтобы результаты занятій учителя мѣрились не количествомъ заученнаго, или вызубреннаго учениками при помощи механической памяти и не знаніемъ подробностей курса, а общимъ развитіемъ и умѣньемъ схватывать и понимать суть, — и повѣрьте, первый-бы возрадовался учитель! Онъ ожилъ-бы духомъ, вновь бы повѣрилъ въ пользу и благодѣтельность своего труда, полюбилъ-бы его, какъ трудъ свободный и самостоятельный. Для него явилась-бы возможность стремиться къ тѣмъ высокимъ юношескимъ идеаламъ, которые такъ жестоко разбиваются обыкновенно дѣйствительностью школы... И живая, дружная разработка учебнаго матеріала въ классѣ замѣнила-бы мертвую зубрежку, а учебникъ остался бы въ школѣ не больше, какъ справочною книгою и для учителя и для ученика.

Повторяю, мы глубоко убѣждены въ ненормальности существующей системы учебно-воспитательнаго дѣла, какъ покоящейся на учебникѣ и зубреніи; но крайне несправедливо обвинять въ этомъ учителя, такъ какъ господство учебника тѣсно связано и держится всей организаціей нашихъ школъ; и, чтобы пошатнуть его значеніе

и сдѣлать преподаваніе сообразнымъ съ выработанными за послѣднее полстолѣтіе педагогическими правилами, необходима коренная ломка самаго строя нашихъ школъ, путемъ устраненія тѣхъ причинъ, которыя поддерживаютъ и охраняютъ дореформенную зубрежку Ближайшими изъ нихъ, по нашему мнѣнію, являются: *несоотвѣтствіе количества учебнаго матеріала съ временемъ на его изученіе, и ненормальное положеніе въ школѣ учителя.*

Количество учебнаго матеріала по программѣ большинства предметовъ очень велико, а времени на ихъ выполненіе дается очень мало. Программы необходимо сократить опущеніемъ многихъ ненужныхъ и безполезныхъ подробностей, а количество класснаго учебнаго времени — увеличить, во-первыхъ, прибавленіемъ учебныхъ дней изъ числа нашихъ многочисленныхъ праздниковъ, а во-вторыхъ, уничтоженіемъ классовъ съ двумя отдѣленіями; это дастъ возможность, не увеличивая числа часовъ ежедневныхъ занятій (ихъ и такъ по 5 уроковъ каждый день), значительно увеличить общее количество учебнаго времени.

Въ положеніи учителя необходимо уничтожить ту фальшь, то тягостное противорѣчіе, которое учитель волею неволею испытываетъ, попавъ со школьной скамьи института въ обстановку школы. Его необходимо облечь большимъ довѣріемъ, самостоятельностью и предоставить ему необходимую свободу дѣятельности и иниціативы; его необходимо лучше обезпечить, потому что только свободный нравственно и матеріально обезпеченный учитель можетъ вполнѣ отдаться своему дѣлу, полюбить его, какъ свободный, самостоятельный и непринужденный трудъ. Только при такихъ условіяхъ школа будетъ въ состояніи освободиться отъ учебника и зубрежки, идти по новому естественному пути и быть на высотѣ современныхъ требованій.

А. Синдѣевъ.

Просвѣтительныя Общества и учрежденія на Ярославской выставкѣ *).

Благодаря невѣроятному количеству самыхъ разнообразныхъ, обстоятельствъ, до-нельзя тормозящихъ поступательное движеніе русскаго общества, послѣднее, между прочимъ, лишено возможности произвести учетъ силъ, работающихъ на поприщѣ просвѣщенія народныхъ массъ, и подвести итоги многолѣтней дѣятельности различныхъ просвѣтительныхъ общественныхъ организацій. Смѣшно сказать,—но это фактъ: мы до сихъ поръ не имѣемъ точнаго списка просвѣтительныхъ Обществъ! Наиболѣе полнымъ считается перечень, составленный Бюро Справочно-Педагогическаго Комитета Харьковскаго Общества грамотности и приложенный къ „*Каталогу библіотеки при справочно-педагогическомъ Комитетѣ*“ **), но вѣроятно, и въ немъ есть недочеты. Говоримъ „вѣроятно“, такъ какъ ничего нельзя сказать опредѣленнаго. Вѣдь для полученія точныхъ свѣдѣній необходимъ опросъ или изслѣдованіе, а этого можно достигнуть лишь путемъ созыва съѣзда представителей всѣхъ просвѣтительныхъ Обществъ и учрежденій, либо изданіемъ спеціальнаго органа. Но рядъ ходатайствъ о съѣздѣ не увѣнчались успѣхомъ, а недавно Харьковское Общество грамотности, желавшее издавать спеціальный органъ по внѣшкольному образованію, получило отказъ.

Изложенныя обстоятельства препятствуютъ просвѣтительнымъ Обществамъ и учрежденіямъ принимать широкое участіе на выставкахъ, а тѣмъ болѣе устраивать собственныя выставки съ цѣлью всесторонней характеристики своей дѣятельности. Обыкновенно, они ютятся въ отдѣлахъ выставокъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ народному образованію. И, по условіямъ русской жизни, это

---

*) Настоящая статья служитъ дополненіемъ къ статьямъ нашимъ, напечатаннымъ въ 10—11 и 12 №№ „*Русской Школы*“ за 1903 годъ, въ которыхъ сообщались свѣдѣнія объ участіи земствъ на Ярославской выставкѣ.

**) Издано въ Харьковѣ въ 1901 году.

единственная возможность общенія дѣятелей, безъ каковаго общенія совершенно немыслима благотворная работа.

На выставкѣ „Сѣвернаго Края“ въ Ярославлѣ, благодаря энергичному содѣйствію Ярославскаго Общества, нашли себѣ пріютъ рядъ просвѣтительныхъ Обществъ и учрежденій.

Постараемся перечислить ихъ, не ручаясь за точность, такъ какъ безграмотный „Каталогъ“ выставки не выдерживаетъ критики, а безъ такого руководства трудно не пропустить чего-либо.

Нами зарегистрированы слѣдующія общества и учрежденія: 1) Московскія: а) содѣйствіе устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій, б) педагогическое, в) воспитательницъ и учительницъ, г) распространеніе техническихъ знаній и д) музеи: наглядныхъ пособій для воскресныхъ школъ и прикладныхъ знаній; 2) С.-Петербургское Общество грамотности; 3) Харьковское; 4) Кіевское; 5) Ярославское Общество для содѣйствія народному образованію и распространенію полезныхъ знаній въ Ярославской губерніи и учрежденія въ Ярославской губерніи: а) Кинешемскій музыкально-драматическій кружокъ имени А. Н. Островскаго, б) Митинское Общество трезвости (Любимскаго уѣзда), в) безплатная библіотека въ селѣ Воржѣ (Ростовскаго уѣзда), г) Ростовская воскресная школа; 6) Вологодскія: а) Общество „Помощь“, б) воскресная школа имени О. П. Котляровой, в) Кадниковское Общество трезвости; 7) Костромскія: а) Общество „Помощь дѣятелей“, б) городская читальня имени А. Н. Островскаго; 8) Тамбовское Общество по устройству народныхъ чтеній въ Тамбовѣ и губерніи; 9) Пермская библіотека имени Д. Д. Смышляева; 10) Архангельское Общество для содѣйствія распространенію народнаго образованія; 11) Новгородское: а) Педагогическій кружокъ и б) Валдайское Общество попеченія о безплатной школѣ имени В. П. Острогорскаго; 12) Воронежская коммиссія народныхъ чтеній; 13) Иваново-Вознесенское (Владимірской губерніи) Общество по устройству народныхъ развлеченій; 13) Тифлисское Общество распространенія образованія среди грузинскаго населенія.

Помимо этого былъ еще рядъ Обществъ и учрежденій благотворительно-просвѣтительнаго характера, если можно такъ выразиться: Московскія ясли, Общество для пособія учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ: а) г. Пошехонья, б) Ярославское, в) г. Егорьевское, г) г. Чухломы и уѣзда, д) Костромское, е) въ г. Кунгурѣ и уѣздахъ.

Мы не имѣемъ возможности дать характеристику всѣхъ переименованныхъ Обществъ и учрежденій, съ одной стороны, вслѣдствіе ограниченнаго объема статьи, съ другой—потому, что громадное большинство этихъ Обществъ и учрежденій экспонировали безъ

всякой системы, ограничившись высылкою того, что было, такъ сказать, подъ руками: уставы, отчеты, фотографіи и т. п.

Да по правдѣ сказать, и трудно безъ опыта надлежащимъ образомъ подготовиться къ выставкѣ. Если земства, спеціально готовившіяся къ выставкѣ, выработавшія программу, все-же, какъ мы видѣли, были далеки отъ идеала, то что сказать о безправныхъ русскихъ частныхъ Обществахъ, которымъ невозможно съѣхаться, сговориться для выработки опредѣленной програмы.

Весьма естественно, что лишь нѣкоторыя изъ нихъ дали болѣе или менѣе полную характеристику своей дѣятельности. Мы подробнѣе остановимся на Обществахъ: С.-Петербургскомъ, Харьковскомъ и Ярославскомъ, какъ наиболѣе типичныхъ, а въ другихъ отмѣтимъ лишь характерныя черты.

Начнемъ съ Петербургскаго Общества грамотности, бывшаго Комитета грамотности. Кто изъ насъ не помнитъ, какую громадную роль игралъ послѣдній въ дѣлѣ просвѣщенія, какими симпатіями пользовался онъ во всей Россіи. Комитетъ этотъ возникъ въ знаменательный годъ паденія рабства, когда одновременно и все русское Общество призвано было къ самодѣятельности.

Своею задачею онъ поставилъ—„содѣйствовать матеріальными и нравственными средствами распространенію грамотности и полезныхъ свѣдѣній преимущественно между крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости“. И въ теченіе 34 лѣтъ Комитетъ грамотности съ достоинствомъ, высоко держало знамя просвѣщенія, развиваясь само и содѣйствуя развитію самодѣятельности всего русскаго Общества на поприщѣ народнаго образованія. Мѣсто не позволяетъ намъ перечислить всѣ заслуги этого Комитета; да онѣ всѣмъ извѣстны, такъ какъ преобразованіе его въ „Общество грамотности“, произошло всего 8 лѣтъ тому назадъ—17 ноября 1895 года. Въ этомъ году Комитетъ подчиненъ былъ Министерству Народнаго Просвѣщенія. Съ этого времени онъ сдѣлался учрежденіемъ чисто бюрократическимъ... Нужно удивляться, какъ Общество рѣшилось показать свою несостоятельность, какъ оно безбоязненно подчеркнуло, что имъ ничего не сдѣлано, что оно, этотъ „новый Комитетъ“, поставило крестъ надъ народнымъ образованіемъ.

Грустно было смотрѣть на маленькій кусочекъ стѣны, гдѣ прибиты были тощіе экспонаты Общества: нѣсколько изданныхъ брошюрокъ изъ сочиненій Гоголя и два тощіе отчета. Чтобы замазать большія прорѣхи, оно еще прислало нѣсколько изданій „стараго Комитета“; но эти всѣмъ извѣстныя изданія съ какимъ то испугомъ и конфузомъ выглядывали изъ-за отчетовъ „новаго Комитета“, словно опасаясь, что посѣтители могутъ смѣшать ихъ съ послѣднимъ: но,

конечно, ихъ не смѣшали, а „Отчеты“ „Новаго Комитета“ возбуждали всеобщее удивленіе.

Въ отчетѣ за первый періодъ дѣятельности его, съ 1896 по 1900 годъ, т. е. за пять лѣтъ, мы читаемъ *): *„главнымъ предметомъ занятій правленія за весь отчетный періодъ была забота о полученіи назначенныхъ Обществу капиталовъ и другого имущества бывшаго Комитета Грамотности на основаніи § 1 его устава“*.

Въ теченіе пяти лѣтъ правленіе *главнымъ образомъ* занималось пріемомъ имущества!

Можно подумать, что „Капиталы“ „бывшаго Комитета“ выражаются милліонами, а имущество тоже громадное.

Но въ томъ же „Отчетѣ“ **) мы читаемъ, что „капиталовъ“ *всего* 29.099 руб., въ библіотекѣ 11.784 тома книгъ и 3.553 картины. А такъ какъ пять лѣтъ составляютъ 1.825 дней, то на каждый день приходилось: по 15 рублей, по 6 томовъ книгъ и по 2 картины *на всѣхъ членовъ правленія*, которыхъ было 10. Слѣдовательно, на каждаго члена правленія приходилось въ день: 1 р. 50 к., 0,6 тома и 0,2 картины. Словъ нѣтъ, „полученіе капиталовъ и имуществъ“, очевидно, производилось болѣе, чѣмъ обстоятельно, но „дѣятельность“ эта чисто канцелярская, не имѣющая ничего общаго съ просвѣтительною работою не только „бывшаго Комитета“, но и всѣхъ просвѣтительныхъ Обществъ и учрежденій Россіи.

Однако пяти лѣтъ „новому Комитету“ оказалось недостаточно для его *основной работы*: въ „Отчетѣ“ за 1902 годъ мы опять читаемъ ***): *„въ отчетномъ году С.-Петербургское Общество Грамотности, въ лицѣ своихъ представителей, продолжало пріемъ отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества суммы и другого имущества бывшаго Комитета Грамотности и приняло все (славу Богу!), что безспорно (?) было передано этимъ послѣднимъ Обществомъ“*.

Итакъ, семь лѣтъ „новый Комитетъ“ только принималъ, принималъ и принималъ!

Опасаемся, что такое же количество лѣтъ уйдетъ на отдыхъ послѣ столь трудной работы. По крайней мѣрѣ, ярославская выставка не только не показала никакой другой „дѣятельности“ современнаго С.-Петербургскаго Комитета, но отъ него получилось впечатлѣніе могилы, подъ которой похороненъ „старый Комитетъ“...

---

*) Стр. 8—9.
**) Стр. 10.
***) Стр. 6.

Совершенно иное впечатлѣніе получалось отъ экспонатовъ Харьковскаго Общества Грамотности. Оно растетъ въ ширь и въ глубь. И объясняется это тѣмъ, что въ названномъ обществѣ нѣтъ ни единаго лица по назначенію: всѣ участники—лица, избранныя самимъ Обществомъ. Ничѣмъ не стѣсняемая частная иниціатива свободно проявляетъ свое творчество, выражающееся въ возникновеніи новыхъ Комитетовъ, филіальныхъ отдѣленій и учрежденій, соотвѣтственно назрѣвающимъ потребностямъ.

Вотъ учрежденія, возникшія въ Обществѣ за 35 лѣтъ его существованія *): въ г. Харьковѣ—первая и вторая смѣшанныя и третья женская школы; мужская и женская воскресныя школы; сельскія школы (въ Харьковскомъ уѣздѣ): имени писателя Гаршина и, такъ называемая, „Безруковская“ (отъ хутора Безрукова, гдѣ школа находится); декоративно-рисовальная школа въ Харьковѣ **); Комитетъ и Коммиссія въ Харьковѣ: народныхъ чтеній, издательскій, санитарный, справочно-педагогическій ***), школьный, по управленію „Народнымъ Домомъ“, сельскихъ библіотекъ и читаленъ ****) и Комитеты безплатныхъ библіотекъ въ Харьковѣ: первой, второй, третьей, четвертой (въ Народномъ домѣ) и пятой или „Журавлевской“; уѣздныя отдѣленія Общества: въ г. Славянскѣ, Богодуховѣ, Сумахъ, Волчанскѣ, Старобѣльскѣ и Лебединѣ.

Эти отдѣленія имѣютъ свои школы, коммиссіи, библіотеки и т. д.

Дѣятельность Общества давно уже вышла за предѣлы не только г. Харькова, но и Харьковской губерніи.

Такъ, напримѣръ, *справочно-педагогическій комитетъ*, возникшій только въ 1901 году, за $2^1/_2$ года существованія получилъ уже 277 запросовъ, причемъ запросы эти были, помимо Харьковской, еще изъ слѣдующихъ губерній и областей Россіи: Бессарабской, Владимірской, Волынской, Воронежской, Вятской, Земли Войска Донскаго, Екатеринославской, Елисаветпольской, Казанской, Калужской, Кіевской, Костромской, Кубанской, Курской, Лифляндской, Люблинской, Минской, Московской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской,

---

*) Къ слову сказать, 35-лѣтіе Общества заканчивается въ мартѣ 1904 г. и на Пасху предполагается ознаменованіе этого событія устройствомъ выставки, которая должна дать характеристику дѣятельности Общества за весь названный періодъ.

**) Школы Безруковская и декоративно-рисовальная вѣдаются особыми Комитетами.

***) При справочно-педагогическомъ Комитетѣ имѣется музей наглядныхъ пособій.

****) При этомъ Комитетѣ, какъ и издательскомъ, имѣются книжные склады.

Пензенской, Пермской, Подольской, Полтавской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Терской, Тифлисской, Тульской, Уфимской, Херсонской, Черниговской, Черноморской, Ярославской. Кромѣ того, изъ Сибири: Амурской области, Иркутской. Наконецъ, изъ областей Закаспійской и Ферганской.

Запросы, главнымъ образомъ, поступали изъ глуши провинцій отъ учителей и учительницъ народныхъ школъ, врачей, земскихъ управъ и просвѣтительныхъ обществъ; но пользовались по вопросамъ народнаго образованія совѣтами справочно-педагогическаго бюро и такіе крупные культурные центры, какъ Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ-на-Дону, Рига, Тифлисъ, Саратовъ, Тверь, Херсонъ, Самара, Смоленскъ, Пермь, Орелъ, Симбирскъ, Новороссійскъ, Курскъ.

И на всѣ эти запросы бюро дало отвѣты, благодаря прекрасной справочной библіотекѣ, въ которой теперь сосредоточено до 4.000 книгъ*).

Издательскій Комитетъ за $11^1/_2$ лѣтъ своего существованія продалъ 1.065.460 экземпляровъ изданныхъ имъ книгъ и во всѣ концы Россіи безплатно разослалъ 95.654 экземпляра. Покупателями его насчитываютъ 57 губерній и областей Россіи, изъ которыхъ мы приведемъ лишь тѣ, которыя предъявили наибольшій спросъ: въ Харьковской губерніи за $11^1/_2$ лѣтъ продано 200.059 экземпляровъ изданій комитета, въ Московской—114.841, въ С.-Петербургской—108.415, въ области войска Донского—106.785, въ Вятской губ.—85.988, въ Полтавской—45.212, въ Кіевской—35.775, во Владимірской—31.445, въ Курской—29.901, въ Нижегородской—26.554, въ Екатеринославской—25.312, въ Уфимской—20.766, въ Тамбовской—20.384. Въ другихъ губерніяхъ продано менѣе 20.000, причемъ изъ нихъ наибольшее количество продано въ Херсонской губерніи (19.992 экз.) и наименьшее въ Астраханской (11 экз.).

За названные $11^1/_2$ лѣтъ Издательскимъ Комитетомъ выпущено въ свѣтъ всего 87 названій и переиздано 44 названія, выдержавшихъ отъ 2 до 4 изданій.

Идавались книги по годамъ въ такихъ количествахъ: въ 1891 г.—30.000 экземпляровъ, въ 1892 г.—80.000, въ 1893 г.—60.000, въ 1894 г.—110.000, въ 1895 г.—150.000, въ 1896 г.—100.000, въ 1897 г.—80.960, въ 1898 г.—22.000, въ 1899 г.—273.000, въ

---

*) Адресъ Бюро: Харьковъ, Ветеринарная, 26. Всѣ справки выдаются безплатно.. На письменные отвѣты должна быть приложена марка.

1900 г.—113.558, въ 1901 г.—326.185 и въ 1902 г.—529.400 экземпляровъ, а всего—1.876.062 экземпляра.

Комитетъ по устройству библіотекъ и читаленъ, начавшій функціонировать въ 1894 году, въ настоящее время имѣетъ въ вѣдѣніи своемъ 350 библіотекъ-читаленъ, открытыхъ имъ въ уѣздахъ Харьковской губерніи. До открытія названнаго комитета обществъ во всей губерніи было всего только 2 библіотеки. За первый годъ своего существованія, въ 1895 г., комитетъ сразу открылъ 15 библіотекъ; далѣе открытіе происходило въ такомъ количествѣ: въ 1896 г.—31 библіотека, въ 1897 г.—39, въ 1898 г.—36, въ 1899—53, въ 1900—86, въ 1901 и по мартъ 1902 г. открыто было болѣе 38 библіотекъ, а сейчасъ, въ 1903 году, какъ мы уже сказали, Комитетъ имѣетъ въ Харьковской губерніи 350 библіотекъ. Читальни имѣются, приблизительно, при $^1/_4$ части библіотекъ. По даннымъ о 222 библіотекахъ за 1903 годъ видно, что въ этихъ библіотекахъ имѣлось: 154.654 тома книгъ и 40.128 подписчиковъ, причемъ имъ за 9 мѣсяцевъ выдано было 235.124 тома книгъ.

Въ теченіе 1900—1902 г. Комитетъ произвелъ обстоятельное обслѣдованіе своихъ библіотекъ, изложенное въ особо изданной книгѣ *). Комитетомъ издаются каталоги его книжнаго склада **), а въ 1903 году изданъ каталогъ для торговли лучшими и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевыми книгами ***). Въ 1903 году обороты книжнаго склада достигли 40.000 рублей. Оборотъ этотъ является, главнымъ образомъ, результатомъ заказовъ на книги для библіотекъ, получаемыхъ изъ разныхъ концовъ Россіи ****).

Обращаясь къ Комитетамъ Обществъ, дѣятельность которыхъ ограничивается предѣлами города Харькова, мы прежде остановимся на 4-хъ библіотекахъ ****) по „своду цыфровыхъ данныхъ“, впервые

---

*) „Библіотеки - читальни Харьковской губерніи по даннымъ изслѣдованія 1900—1902 г.“ Харьковъ. 1902 г. Цѣна 50 к.

**) При Комитетѣ имѣется Книжная Коммиссія, которая разсматриваетъ и редактируетъ книги, разрѣшенныя министерскимъ каталогомъ. Благодаря этому, лишь лучшія изъ разрѣшенныхъ книгъ попадаютъ въ каталоги Комитета, по которымъ возможно составлять библіотеки въ различныя цѣны. Въ 7-мъ изданіи исправленнаго и дополненнаго Каталога Книжнаго склада Комитета сельскихъ библіотекъ (Харьковъ, 1903 г.) сообщены подробные свѣдѣнія по составленію Комитетомъ народныхъ и школьно-ученическихъ библіотекъ на суммы отъ 5 до 800 рублей.

***) Цѣна 7 коп.

****) Комитетомъ издано „Руководство къ устройству безплатныхъ народныхъ библіотекъ“. Цѣна 10 коп.

*****) Въ перечнѣ ихъ 5, но пятая возникла лишь въ 1903 году при Народномъ Домѣ, куда перенесъ свою дѣятельность комитетъ 4-ой, Журавлев-

сдѣланному по даннымъ за 1901 г. *). Изъ этого „свода“ видно, что за названный годъ въ четырехъ библіотекахъ было сдѣлано 101.093 посѣщеній, причемъ изъ нихъ 37,2% посѣщеній сдѣланы взрослыми, 31,9% подростками и 30,9% малолѣтними. Число подписчиковъ равнялось 7.589, изъ которыхъ было 5.233 мужчинъ и 2.356 женщинъ. По сословіямъ, въ процентныхъ отношеніяхъ, они распредѣлялись такъ: крестьянъ 47,4%, мѣщанъ 41,0%, дворянъ 6,5%, почетныхъ гражданъ 2,2% и прочихъ сословій 2,9%, а по занятіямъ: 41,9% учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 11,0%—неизвѣстныхъ, 16,6% ремесленниковъ (хозяевъ, мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ), 6,0%—подростковъ безъ опредѣленныхъ занятій, 5,7%—учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 5,4%—служащіе въ разныхъ учрежденіяхъ, 4,2%—торговцы, хозяева и приказчики, 3,6%—дѣти, не учащіяся въ школѣ, 0,9%—прислуга и 0,3%—учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Всего выдачъ книгъ, газетъ и журналовъ во всѣхъ библіотекахъ въ 1901 г. было 101.093.

Коммиссія народныхъ чтеній одно изъ старыхъ учрежденій Общества. Именно, она начала функціонировать въ 1882 году, т. е. 12 лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время Коммиссія имѣетъ 7 аудиторій въ г. Харьковѣ. Въ теченіе 1901 года въ этихъ семи аудиторіяхъ было 146 чтеній, на которыхъ перебывало 20.440 слушателей. Въ томъ же году, при содѣйствіи Коммиссіи, устраивались чтенія въ 11 городахъ Харьковской губерніи. Кромѣ того, Коммиссія выдаетъ свои свѣтовыя картины нѣкоторымъ учрежденіямъ въ г. Харьковѣ, а также разсылаетъ и по губерніи.

Коммиссія издала также весьма обстоятельное „руководство для устройства народныхъ чтеній“, на которое имѣется большой спросъ.

Намъ остается еще сказать о самомъ новомъ учрежденіи Общества, — о „*Народномъ Домѣ*“, который возникъ лишь въ февралѣ 1903 года. Въ этомъ прекрасномъ „Домѣ“ имѣется громадная сцена, зрительный залъ на 1.000 человѣкъ, библіотека-читальня, чайная и въ ней-же столовая **). Тотчасъ послѣ открытія (2-го февраля 1903 г.) онъ сталъ функціонировать и быстро пріобрѣлъ попу-

---

ской читальни, образовавъ изъ послѣдней филіальное отдѣленіе четвертой читальни. Но въ концѣ 1903 г. при Журавлевской читальнѣ организовался самостоятельный Комитетъ.

*) До этого года въ общемъ отчетѣ обществъ каждая библіотека печатала отдѣльно свой отчетъ.

**) Въ этомъ же помѣщеніи производится торговля книгами отъ Издательскаго Комитета.

лярность и симпатіи среди широкихъ слоевъ населенія и, главнымъ образомъ, рабочихъ. Для болѣе яснаго представленія о функціяхъ „Дома“, приведемъ цыфровыя данныя о числѣ спектаклей, лекцій, концертовъ и количествѣ посѣтителей со дня открытія по 14 декабря 1903 года.

При открытіи „Народнаго Дома“ его посѣтили 918 человѣкъ. Затѣмъ съ февраля по 14 декабря въ немъ было: 50 спектаклей, 7 концертовъ, 5 лекцій и 3 литературно-музыкальныхъ вечера.

Перебывало-же на нихъ:

въ февралѣ	—5.052	человѣка.	въ августѣ	—1.727	человѣкъ.
„ мартѣ	—3.166	„	„ сентябрѣ	—3.676	„
„ апрѣлѣ	—7.231	„	„ октябрѣ	—6.647	„
„ маѣ	—5.464	„	„ ноябрѣ	—6.031	„
„ іюнѣ	—2,179	„	„ декабрѣ (за 14 дней)	—3.221	„
„ іюлѣ	— 860	„	„		„

А всего за $10^1/_2$ мѣсяцевъ „Народный Домъ“, не считая попечителей чайной, столовой и курсовъ для кройки и шитья,— посѣтили 45.254 человѣка.

И это все, въ подавляющемъ большинствѣ, рабочіе и ихъ семейства. Если мы прибавимъ къ этому, что рабочій людъ въ „Народномъ Домѣ“ является не только зрителемъ и слушателемъ, но весьма часто и исполнителемъ пьесъ, концертовъ и вечеровъ, а также, что рабочими организованъ оркестръ,—то ясно будетъ, что Харьковскій „Народный Домъ“ считается таковымъ не по названію только, но и по внутреннему содержанію *).

Мѣсто не позволяетъ намъ сообщить болѣе подробныя данныя о Харьковскомъ Обществѣ грамотности, но и сказаннаго достаточно, чтобъ убѣдиться, какую громадную роль играетъ общественная самодѣятельность. Въ 1903 году Общество перешло, какъ и всѣ просвѣтительныя Общества, въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, причемъ оно увѣдомлено, что получитъ „Нормальный уставъ“, взамѣнъ устава, утвержденнаго въ 1869 году.

Всѣ члены Общества основательно опасаются, что оно, какъ и Петербургское, скоро погибнетъ, а на развалинахъ его возрастетъ „Новое“ Общество, которое, вѣроятно, начнетъ и

*) На праздникѣ Р. X. въ 1903 г. въ Народномъ Домѣ устраивался народный балъ и елка для бѣдныхъ дѣтей, но такъ какъ настоящая статья составлена до Р. X., то не можемъ сообщить о количествѣ посѣтителей бала и елки.

закончить свою дѣятельность „пріемомъ“ дѣйствительно громаднаго имущества Общества *), какъ началъ и, нужно думать, закончитъ свою дѣятельность „Новый“ С.-Петербургскій Комитетъ, если не будетъ поставленъ въ старыя условія, которыя давали просторъ общественной инициативѣ.

Ярославское Общество для содѣйствія народному образованію и распространенію полезныхъ знаній въ Ярославской губерніи занимаютъ среднее мѣсто между двумя вышеописанными Обществами: С.-Петербургскимъ и Харьковскимъ.

Ярославское Общество существуетъ всего шесть лѣтъ, и за это время обстоятельства, повидимому, сложились для него благопріятно. Быть можетъ, по новизнѣ дѣла или, скорѣе всего, по случайному подбору „представителей“, за извѣстный періодъ была предоставлена относительная свобода дѣятелямъ Общества, что и способствовало значительному успѣху его.

Изъ выставленныхъ Обществомъ діаграммъ видно, что количество членовъ его прогрессивно возросло, за исключеніемъ 1901 г.: въ 1897 году ихъ было 129, въ 1898 г.—165, въ 1899 г.—227, въ 1900 г.—463 и въ 1901 г.—451.

Къ сожалѣнію, причина паденія числа членовъ въ послѣднемъ году не выяснена, а между тѣмъ явленіе это далеко небезразличное, и именно для молодого Общества.

Въ средствахъ Общества не замѣчается никакихъ колебаній: ростъ ихъ въ теченіе 5 лѣтъ прогрессировалъ весьма замѣтно: въ 1897 г. въ распоряженіи Общества было лишь 1.851 руб., въ 1898 г.— 2.407 руб., въ 1899 г.—2.780 руб., въ 1900 г.—3.223 руб., а въ 1901 г.—8.558 руб., т. е. больше, чѣмъ въ четыре раза, сравнительно съ 1897 годомъ.

Данныя діаграммы, показывающей ростъ расходовъ Общества, въ то же время характеризуютъ и его дѣятельность.

---

*) На основаніи отчета Харьковскаго Общества за 1901 годъ приведены нѣкоторыя данныя о его имуществѣ и расходахъ. Стоимость недвижимаго имущества на 1 января 1902 года опредѣлялась суммою 161.420 руб., не включая стоимости усадьбы женской ремесленной школы, первой читальни и „Народнаго дома“, который стоитъ не менѣе 200.000 руб. Стоимость процентныхъ бумагъ на 1 января 1902 года опредѣлялась суммою 215.751 руб. 23 к. По кассѣ одного только Правленія Общества, расходы на 1902 г. опредѣлялись суммою около 28.000 руб. и т. д. Значительное пособіе Обществу оказываетъ Харьковское Губернское Земство, ассигновавшее въ 1903 году 19.150 руб. (въ прошломъ году 15.000 руб.).

Вотъ эти данныя:

Расходы Общества на:

ГОДА.	Сельскія, тюремныя и больничныя библіотеки.	Воскресные повторительные классы.	Некрасовская народная библіотека.	Ростовская народная библіотека.	Изданія Общества.	Офени.	Канцелярія совѣта.	Прочіе расходы.	Некрасовское торжество.	ИТОГО.
1897	337	—	—	—	—	—	38	43	—	418
1898	828	60	1.486	—	250	—	25	—	—	2.649
1899	1.187	197	1.305	300	—	—	171	95	—	3.255
1900	1.408	138	1.285	326	—	—	206	72	—	3.455
1901	2.157	35	1.622	428	100	208	170	55	1.355	6.130

Изъ этихъ данныхъ видно, что центръ тяжести Ярославскаго Общества лежитъ въ устройствѣ библіотеки, причемъ городская Некрасовская библіотека поглощаетъ весьма значительную часть средствъ.

Для наибольшей продуктивности работы, Ярославское Общество выдѣлило изъ себя 4 коммиссіи: 1) библіотечная, которая завѣдуетъ безплатной Некрасовской библіотекой-читальней, 2) коммиссія народныхъ чтеній въ губерніи, 3) коммиссія преподавателей воскресно-повторительныхъ классовъ и 4) распорядительная коммиссія, занимающаяся добываніемъ средствъ для обществъ, путемъ устройствъ лекцій, концертовъ, вечеровъ и т. д. *).

Къ концу 1901 года въ Некрасовской библіотекѣ было 3.598 томовъ книгъ и 4.051 подписчикъ.

Коммиссія народныхъ чтеній къ 1-му января 1902 г. имѣла въ своемъ распоряженіи 31 фонарь и 3.340 картинъ къ 348 чтеніямъ. Она разсылала свои картины, книги и фонари въ 147 аудиторій, причемъ 20 изъ нихъ въ самомъ городѣ Ярославлѣ, а остальныя въ губерніи. Всего въ этихъ аудиторіяхъ за 1901 годъ устроено

*) Въ г. Ростовѣ имѣется особая коммиссія, завѣдующая Ростовскою безплатною библіотекою. Это какъ бы филіальное отдѣленіе Ярославскаго Общества.

было 1.331 чтеніе. Не довольствуясь и этою дѣятельностью, коммиссія устроила 5 литературно-музыкальныхъ дѣтскихъ утръ съ туманными картинами. Она-же сдѣлала опытъ продажи книгъ черезъ книгоношъ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности этой коммиссіи можно почерпнуть изъ обстоятельной брошюры, изданной этою коммиссіею и фигурировавшей на выставкѣ: „*Народныя аудиторіи въ Ярославской губерніи. Очеркъ дѣятельности коммиссіи народныхъ чтеній*“ *). Ею экспонировалась и еще одна брошюра: „*Каталогъ картинъ для волшебнаго фонаря въ складѣ коммиссіи по устройству народныхъ чтеній при Обществѣ содѣйствія народному образованію въ Ярославской губерніи*“ **). Не можемъ не упомянуть еще объ одномъ экспонатѣ коммиссіи—это именно діаграмма распредѣленія различныхъ вѣдомствъ народныхъ аудиторій въ Ярославской губерніи. Изъ этой діаграммы видно, что въ названной губерніи имѣется: 87 аудиторій земскихъ, 48—церковно-приходскихъ, 17—при разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, 15—различныхъ учрежденій и обществъ, 11—министерскихъ, 9—фабричныхъ, 7—тюремныхъ, 6—при библіотекахъ и 2—при городскихъ начальныхъ училищахъ.

Во время выставки Общество, въ лицѣ своихъ коммиссій, устраивало засѣданія, на которыя приглашались и иногородные посѣтители выставки, интересовавшіеся дѣломъ просвѣщенія.

На засѣданіи коммиссіи по устройству народныхъ чтеній, при участіи значительнаго числа учителей и учительницъ земскихъ школъ Ярославской и нѣкоторыхъ другихъ губерній (Тверской, Саратовской, Курской) обсуждался вопросъ относительно необходимости тѣснаго единенія коммиссіи съ народными учителями и участіе послѣднихъ въ организаціи чтеній въ деревняхъ.

Второе засѣданіе было устроено библіотечною коммиссіею, на которомъ дебатировался вопросъ о наилучшей организаціи библіотекъ.

Вообще Ярославское Общество не только способствовало устройству на выставкѣ Отдѣла просвѣтительныхъ Обществъ, какъ мы уже говорили, но проявило весьма живую дѣятельность въ періодъ самой выставки, заслуживъ симпатіи всѣхъ тѣхъ дѣятелей по народному образованію, которые посѣтили г. Ярославль. И тѣмъ болѣе печально думать, что нѣкоторые имѣющіеся въ уставѣ Общества параграфы могутъ когда-нибудь прервать самодѣятельность полныхъ силъ и энергіи членовъ его.

---

*) Ярославль, 1903 г.

**) Ярославль, 1902 г.

Чтобы не возвращаться болѣе къ Ярославской губерніи, сообщимъ здѣсь-же нѣкоторыя свѣдѣнія о другихъ общественно-просвѣтительныхъ организаціяхъ этой губерніи, экспонировавшихъ на выставкѣ.

Мы уже упоминали объ открытіи Ярославскимъ Обществомъ библіотеки въ Ростовѣ, гдѣ имѣется 93 члена общества. Изъ отчета за 1901 г. видно, что въ библіотекѣ было 1.942 тома (1.430 названій) книгъ и 1.548 подписчиковъ. Въ томъ-же Ростовѣ имѣется еще воскресная школа, существующая съ 1892 года, т. е. она образовалась на 5 лѣтъ ранѣе возникновенія Просвѣтительнаго Общества въ Ярославлѣ. Въ 1900—1901 учебномъ году учащихся въ этой школѣ было 145 (22 мальчика и 123 дѣвочки), а учащихъ 28 человѣкъ, среди которыхъ почему то цѣлыхъ 3 законоучителя. Впрочемъ, это объясняется, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что школа находится въ вѣдѣніи епархіальнаго совѣта, который и даетъ слишкомъ духовное направленіе школѣ. Направленіе школы, должно быть, объясняетъ и то обстоятельство, что она посѣщается, главнымъ образомъ ($92{,}_5\%$), дѣтьми отъ 7 до 14 лѣтъ, а взрослые, которые въ названномъ году составляли лишь $7{,}_5\%$, повидимому, избѣгаютъ ее.

Много болѣе интереса представляетъ дѣятельность безплатной народной библіотеки-читальни въ с. Воржѣ, того-же Ростовскаго уѣзда.

Она экспонировала весьма интересную діаграмму, характеризующую дѣятельность этой маленькой, но много говорящей организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, не доказываетъ-ли самостоятельное Общество въ селѣ, что культура мало-по-малу стала проникать во всѣ щели нашего отечества, несмотря на всѣ препятствія.

Подтверждаетъ распространеніе культуры въ глуши и Общество трезвости въ селѣ Митинѣ, Люблинскаго уѣзда, Ярославской губерніи, также участвовавшее въ выставкѣ.

———

Теперь отмѣтимъ другія общественно-просвѣтительныя организаціи: въ 1899 году образовалось въ Архангельскѣ Общество для содѣйствія распространенію народнаго образованія. На выставкѣ оно экспонировало лишь свой уставъ и нѣкоторые отчеты. Изъ устава видно, что Общество можетъ устраивать библіотеки, читальни и открывать книжные склады, но малочисленность интеллигенціи тормозитъ дѣло. Въ 1902 году въ Архангельскомъ Обществѣ числилось 163 члена, изъ которыхъ дѣйствительныхъ было 125. Въ названномъ году оно открыло 6 новыхъ библіотекъ, а ранѣе учрежденнымы въ

вѣдѣніи Общества имѣется 21 библіотека въ губерніи, въ которыхъ числится 6.315 томовъ книгъ. Книжный складъ устроенъ одинъ, именно въ селѣ Воскресенскомъ, Шенкурскаго уѣзда. Изъ него въ 1902 году продано всего 457 книгъ на 70 рублей.

Для болѣе интенсивной и плодотворной работы Обществу, на нашъ взглядъ, слѣдовало-бы включить въ число его членовъ наиболѣе идейные элементы интеллигенціи, имѣющейся въ Архангельскѣ. Не говоря уже о томъ, что въ средѣ ея имѣется громадный % лицъ болѣе чѣмъ образованныхъ, вся она проникнута горячимъ стремленіемъ къ насажденію культуры и отличается энергіею въ борьбѣ съ мракомъ и невѣжествомъ. Такіе дѣятели, гдѣ-бы они ни очутились, всегда оказываютъ громадное содѣйствіе просвѣщенію, и при ихъ поддержкѣ Архангельское Общество, несомнѣнно, заняло-бы выдающееся мѣсто среди другихъ Обществъ.

Изъ Архангельской прямой переходъ къ губерніи *Вологодской*.

Въ самой Вологдѣ довольно успѣшно работаетъ Общество „*Помощь*“. Оно экспонировало свои отчеты, уставъ, діаграммы, изданія и фотографіи Народнаго дома.

Помимо этого Общества въ Вологдѣ существуетъ отдѣльная небольшая организація,—именно воскресная школа имени О. П. Котляровой. Въ Кадетковскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, имѣется Общество трезвости.

Данныхъ о другихъ Обществахъ, экспонировавшихъ на Ярославской выставкѣ, у насъ очень мало, а потому мы ничего сказать о нихъ не можемъ *).

Нельзя не выразить пожеланія, чтобы устроена была всероссійская выставка просвѣтительныхъ Обществъ, которая дала-бы возможность всесторонне познакомиться съ дѣятельностью всѣхъ обществъ въ Россіи. Намъ думается, что ее слѣдовало-бы устроить одновременно и совмѣстно съ проектируемою общественною выставкою по народному образованію въ Москвѣ. И это тѣмъ болѣе раціонально, что просвѣтительныя общества въ земской Россіи находятся въ самой тѣсной связи съ земствомъ, которое, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, субсидируетъ ихъ, основательно видя въ этихъ Обществахъ своихъ помощниковъ въ дѣлѣ распространенія культуры.

И. П. Бѣлоконскій.

---

*) Изъ южныхъ Обществъ, помимо Ярославскаго, участвовало лишь Кіевское, но и оно ограничилось высылкою лишь отчетовъ Общества и школъ, да изданною книгою рецензій.

Начальныя народныя училища Вятской губерніи за 1901 годъ.

(*Окончаніе*).

Ремесленные школы и классы.

Училищъ и школъ, посвященныхъ спеціально ремесленному образованію, имѣется въ Вятской губерніи всего 7; одно изъ нихъ находится въ г. Вяткѣ, а всѣ остальныя въ шести уѣздныхъ городахъ Вятской губерніи: Елабугѣ, Нолинскѣ, Орловѣ, Сарапулѣ, Котельничѣ и Слободскомъ, при чемъ въ первыхъ пяти городахъ открыты и дѣйствуютъ хорошо устроенныя ремесленныя училища, а въ г.г. Котельничѣ и Слободскомъ небольшія начальныя школы, болѣе похожія на простыя мастерскія, чѣмъ на ремесленныя училища. Кромѣ того, въ Вятской губерніи основаны въ послѣднее время и продолжаютъ дѣйствовать слѣдующія профессіональныя учрежденія: учебныя мастерскія Вятскаго Губернскаго Земства въ городѣ Вяткѣ (2); таковыя же мастерскія Яранскаго уѣзднаго земства въ г. Яранскѣ; мастерскія по издѣліямъ изъ рога въ г. Нолинскѣ; школа по усовершенствованной кладкѣ печей въ г. Вяткѣ; небольшія ремесленныя мастерскія при фермахъ Вятскаго Губернскаго Земства, въ селахъ— Асановѣ Елабужскаго уѣзда, Окуневѣ Уржумскаго и Верхосунскомъ Слободского уѣздовъ, и кружевныя школы въ Бѣло-Холуницкомъ заводѣ Слободского уѣзда и въ слободѣ Кунаркѣ Яранскаго. Далѣе, при Глазовскомъ городскомъ училищѣ и при нѣкоторыхъ начальныхъ народныхъ школахъ губерніи открыты и дѣйствуютъ 24 небольшихъ ремесленныхъ отдѣленія, главнымъ образомъ, по столярному ремеслу и сапожно-башмачному. Всего, такимъ образомъ, имѣется въ Вятской губерніи 7 ремесленныхъ школъ, 24 отдѣленія и 10 ремесленныхъ мастерскихъ, имѣющихъ своею цѣлью распространять техническія и ремесленныя знанія среди городского и сельскаго населенія обширной Вятской губерніи. Изъ этихъ профессіональныхъ школъ и учре-

жденій особенно хорошо дѣйствуютъ одни только специально ремесленныя школы и такія же мастерскія мѣстнаго губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Что же касается ремесленныхъ отдѣленій при начальныхъ народныхъ училищахъ, то успѣхи занимающихся здѣсь ремеслами дѣтей ни въ какомъ отношеніи не могутъ быть признаны достаточно удовлетворительными, и это объясняется прежде всего малолѣтствомъ нашихъ школьныхъ дѣтей, а также и крайней непродолжительностью всего курса ихъ школьнаго обученія. Въ три учебныхъ зимы учениковъ народной школы, дѣйствительно, можно только ввести въ первые элементы ремесленныхъ занятій и не дать имъ въ этомъ отношеніи ничего болѣе прочнаго и устойчиваго. Что же касается дальнѣйшаго развитія и укрѣпленія дѣтей въ ремеслахъ на пути практической ихъ жизни и дѣятельности, то для нихъ въ этомъ отношеніи не предвидится ничего благопріятнаго, такъ какъ запросъ на ремесленный трудъ въ крестьянской средѣ еще очень не развитъ, вслѣдствіе чего тамъ легко ослабѣваютъ и утрачиваются даже тѣ немногіе навыки, какіе ученикъ, прошедшій чрезъ наше ремесленное отдѣленіе, выноситъ съ собою въ жизнь изъ своей школы.

Инородческія училища.

Для распространенія русской грамотности и просвѣщенія среди мѣстнаго инородческаго населенія въ Вятской губерніи существуютъ 88 чисто инородческихъ училищъ и 210 школъ съ смѣшаннымъ составомъ учащихся, состоящихъ частью изъ русскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, частью изъ дѣтей инородцевъ. Въ составъ чисто инородческихъ училищъ входятъ: 61 школа для вотскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, 11 черемисскихъ училищъ въ Уржумскомъ, Сарапульскомъ и Яранскомъ уѣздахъ, 13 русско-татарскихъ школъ въ Елабужскомъ, Малмыжскомъ и Сарапульскомъ уѣздахъ и 3 чисто пермяцкихъ училища въ Глазовскомъ и Орловскомъ уѣздахъ. Къ числу дѣйствующихъ въ губерніи полуинородческихъ или смѣшанныхъ училищъ принадлежатъ 139 школъ съ составомъ учащихся изъ русскихъ и вотяковъ, 56 училищъ съ смѣшаннымъ русско-черемисскимъ составомъ учащихся, 4 смѣшанныхъ русско-татарскихъ школы и 11 училищъ съ учащимися дѣтьми изъ русскихъ, бесермянъ и пермяковъ, съ значительнымъ преобладаніемъ въ нихъ инородческаго элемента надъ русскимъ. Вообще же въ 118 полуинородческихъ училищахъ русскій элементъ преобладаетъ надъ инородческимъ, а въ 92 школахъ, напротивъ, инородческій надъ русскимъ и иногда очень значительно.

Общее число инородческихъ дѣтей, учащихся въ чисто инородче-

скихъ училищахъ Вятской губернiи и въ школахъ съ смѣшаннымъ составомъ учащихся достигло къ 1 января 1902 г. до 12.419 лицъ обоего пола: 11.245 мальчиковъ и 1.174 дѣвочки.

По отдѣльнымъ племенамъ они распредѣлялись въ 1901 г. слѣдующимъ образомъ:

	Общее число учащихся.	
	Мальч.	Дѣвоч.
Вотяковъ обучалось	8.188	943
Черемисъ	2.014	115
Татаръ и башкиръ	697	71
Другихъ нацiональностей	346	45
Всего инородцевъ	11.245	1.174

Такъ какъ дѣти инородцевъ, поступающiя въ наши начальныя народныя училища, нерѣдко очень плохо понимаютъ по-русски, то курсъ ихъ обученiя продолжается большею частью по четыре года, при чемъ первое отдѣленiе подраздѣляется въ такихъ училищахъ на двѣ группы, въ каждой изъ которыхъ ученики остаются по одному году. Впрочемъ болѣе способные и болѣе знакомые съ русскою рѣчью инородческiя дѣти оканчиваютъ курсъ своего обученiя иногда и въ три года, что наблюдается, однако, главнымъ образомъ, въ полуинородческихъ или смѣшанныхъ училищахъ.

Въ училищахъ этого типа употреблялись до сего времени и продолжаютъ употребляться тѣ же самыя пособiя и руководства, по какимъ занимаются дѣти во всѣхъ другихъ училищахъ губернiи съ русскимъ составомъ учащихся. Нѣкоторое исключенiе въ этомъ отношенiи представляли и представляютъ лишь чисто инородческiя училища Глазовскаго и Елабужскаго уѣздовъ, гдѣ давно уже введены, а въ послѣднее время и училища Орловскаго уѣзда, гдѣ введены только въ отчетномъ году спецiальныя руководства по русскому языку М. Вольпера, примѣненныя къ обученiю инородцевъ въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленiи въ училища совершенно не умѣютъ говорить по-русски.

Въ большинствѣ инородческихъ и полуинородческихъ школъ губернiи обученiе ведется, главнымъ образомъ, на русскомъ языкѣ и

только въ самомъ началѣ обученія учащимъ приходится прибѣгать въ той или иной мѣрѣ къ инородческому языку, такъ какъ вновь поступающіе въ школу ученики-инородцы часто или совсѣмъ не понимаютъ по-русски, или владѣютъ этимъ языкомъ вообще очень слабо. Съ теченіемъ же времени, по мѣрѣ ознакомленія учениковъ-инородцевъ съ русскою рѣчью, нужда въ переводѣ русскихъ словъ на инородческіе языки встрѣчается все рѣже и рѣже, благодаря чему во второй, а особенно въ третьей школьной группѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ приходится прибѣгать къ помощи инородческихъ языковъ и притомъ преимущественно при объясненіи дѣтямъ однихъ только отвлеченныхъ понятій.

При крайне ограниченномъ кругозорѣ вотскихъ дѣтей и скудномъ запасѣ у нихъ словъ, необходимымъ условіемъ преподаванія въ инородческихъ школахъ является, по словамъ вновь опредѣленнаго въ должность инспектора училищъ Слободского уѣзда, наглядность преподаванія и пріобрѣтеніе картинъ, въ виду чего, по просьбѣ этого инспектора народныхъ училищъ, мѣстная земская управа и выслала уже въ вотскія училища уѣзда естественно-научный атласъ Лютца, не имѣющій въ настоящее время себѣ конкурентовъ среди школьныхъ изданій этого рода. Нельзя не привѣтствовать въ этомъ отношеніи и выхода въ свѣтъ книжки А. Тарнавскаго „По предметамъ и по картинкамъ. Первые уроки нагляднаго обученія инородцевъ русскому языку“ (съ 343 рисунками). Это пособіе, при первоначальномъ знакомствѣ съ нимъ, было одобрено всѣми учителями и учительницами инородческихъ училищъ Слободского уѣзда и, вѣроятно, будетъ введено современемъ и во всѣ вообще инородческія училища Вятской губерніи.

Объ осмотрѣ училищъ Вятской губерніи въ 1901 году.

Учебно-руководительный осмотръ начальныхъ народныхъ училищъ Вятской губерніи лежалъ почти исключительно на директорѣ и инспекторахъ народныхъ училищъ. Школы губерніи, какъ и въ прошломъ 1900 году, осматривались, главнымъ образомъ, въ зимніе мѣсяцы года и гораздо рѣже осенью и ранней весной, при началѣ и предъ окончаніемъ годичныхъ занятій, хотя въ концѣ учебнаго года— въ мартѣ, апрѣлѣ и особенно въ маѣ мѣсяцахъ, по даннымъ непосредственнаго надъ школами наблюденія, можно было бы гораздо полнѣе, точнѣе и всестороннѣе опредѣлять то, что успѣваютъ давать школьнымъ дѣтямъ наши начальныя народныя училища за каждый отдѣльный годъ ихъ школьнаго обученія.

Цѣлью школьныхъ осмотровъ въ первую половину 1901 года была преимущественно провѣрка результатовъ преподаванія; во вторую же половину посѣщеніе училищъ производилось, главнымъ образомъ, съ цѣлями руководительными, почему прежде всего осматривались въ это время года тѣ училища, въ которыя получали назначенія новыя лица въ качествѣ учителей и учительницъ, или ихъ помощниковъ и помощницъ. Двукратному же осмотру въ началѣ и въ концѣ года подвергались по преимуществу тѣ школы, въ которыхъ дѣло школьнаго преподаванія по какимъ-либо причинамъ не представлялось поставленнымъ достаточно правильно и цѣлесообразно.

Въ виду постояннаго почти пополненія состава народныхъ учителей и учительницъ новыми лицами, инспекторамъ народныхъ училищъ приходилось давать такимъ лицамъ при осмотрѣ школъ указанія, касавшіяся иногда самыхъ элементарныхъ положеній педагогики, дидактики, методики и училищевѣдѣнія, а также вводить ихъ и въ пониманіе тѣхъ условій, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ мѣстная школа вообще и каждое отдѣльное училище въ частности. Большинству этихъ новыхъ лицъ, конечно, нельзя было отказать въ теоретическихъ знаніяхъ по воспитанію и обученію; но нѣкоторыя изъ нихъ, не прошедшія спеціальнаго педагогическаго класса, оказывались недостаточно освѣдомленными и въ этомъ отношеніи. Особенно затрудняла новыхъ лицъ, что случается иногда и съ старыми преподавателями, правильная постановка уроковъ объяснительнаго чтенія и вообще уроковъ родного языка. Система письменныхъ работъ, главнымъ образомъ, самостоятельныхъ, выборъ матеріала для нихъ и способы исправленія этихъ работъ представляли также очень большія затрудненія для начинающихъ преподавателей. Общій же и самый значительный ихъ недостатокъ состоитъ въ отсутствіи у нихъ навыка владѣть вниманіемъ учениковъ всего класса посредствомъ цѣлесообразнаго назначенія вопросовъ всѣмъ учащимся. У отдѣльныхъ преподавателей этотъ недостатокъ переходитъ иногда почти въ одиночное обученіе. На пониженіе качественной стороны преподаванія и на ослабленіе общаго уровня учебно-воспитательнаго дѣла въ училищахъ, руководимыхъ молодыми преподавателями, вліяетъ нерѣдко и то, что послѣдніе съ самаго начала не могутъ установить правильныхъ отношеній къ учащимся, такъ какъ склонны бываютъ видѣть въ нихъ не дѣтей, нуждающихся въ дисциплинированіи и въ пріученіи къ порядку, а подобныхъ себѣ взрослыхъ людей. Дидактическое требованіе основательности обученія также далеко не выполняется такими преподавателями. Нерѣдко они упускаютъ изъ виду и не менѣе важное элементарное условіе школьнаго обученія — ровность достигаемыхъ дѣтьми успѣховъ, дозволяя

себѣ торопливость въ прохожденіи курса и довольствуясь нерѣдко въ этомъ отношеніи быстротой и легкостью усвоенія программы даннаго предмета одними лишь наиболѣе одаренными дѣтьми. Изъ другихъ дидактическихъ правилъ не всегда проводится на практикѣ малоопытными преподавателями и требованіе сознательности въ изученіи и усвоеніи дѣтьми преподаннаго. Такъ, нѣкоторые учителя и учительницы начальныхъ народныхъ училищъ губерніи чрезъ три мѣсяца послѣ начала учебнаго года находили возможнымъ упражнять дѣтей младшей группы въ одномъ только механическомъ чтеніи и предполагали приступить къ сознательному чтенію лишь послѣ новаго года. Самодѣятельность учащихся также очень сильно стѣсняется иногда во время уроковъ, въ ущербъ сознательности и твердости обученія, многорѣчивостью преподавателей, подсказывающими вопросами и господствомъ у нѣкоторыхъ акроаматической формы обученія. Особенныя же затрудненія встрѣчали и встрѣчаютъ преподаватели при организаціи занятій въ трехъ или въ двухъ группахъ одновременно. Здѣсь наблюдались и наблюдаются обыкновенно двоякаго рода недостатки: неумѣнье занять дѣтей цѣлесообразными самостоятельными работами и суетливость въ переходѣ отъ занятій съ одной группой къ занятіямъ съ другой, или манера заниматься съ двумя группами одновременно, при чемъ одной дается работа безъ надлежащаго расчета времени, потребнаго на ея выполненіе, вслѣдствіе чего учащіеся остаются иногда совсѣмъ безъ дѣла.

На всѣ эти недостатки въ учебно-воспитательной дѣятельности преподавателей лица школьнаго надзора и наблюденія обращали особенное вниманіе, разъясняя въ бесѣдахъ съ учащими требованія педагогики, дидактики и методики примѣнительно къ наблюдавшимся въ училищахъ явленіямъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ инспектора и сами занимались въ классѣ, чтобы наглядно демонстрировать учащимъ тѣ или другіе пріемы школьнаго преподаванія.

Въ видахъ достиженія большаго однообразія въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ училищахъ губерніи, нѣкоторые инспектора народныхъ училищъ разрѣшали вновь опредѣленнымъ на службу преподавателямъ посѣщать уроки старшихъ товарищей а назначенные на должность завѣдующихъ въ одноклассныя училища пользовались правомъ (Нолинскій уѣздъ) побывать 2—3 раза въ теченіе учебнаго года въ другихъ училищахъ, преимущественно подобнаго же типа, съ цѣлью ознакомиться съ направленіемъ въ нихъ дѣла школьнаго преподаванія. Посѣщенія эти оказывались всегда очень полезными для начинающихъ преподавателей.

Какъ и прежде, инспектора считали также своей обязанностью просматривать составляемые учителями и учительницами училищъ

списки предполагаемыхъ къ выпискѣ въ школьныя библіотеки книгъ, учебниковъ и учебныхъ пособій, а также и сами вносили въ списки этихъ книгъ тѣ пособія и руководства, которыя, по ихъ мнѣнію, было бы всего нужнѣе пріобрѣсти для того или другого училища.

Съ той же цѣлью улучшенія учебно-воспитательнаго дѣла въ начальныхъ училищахъ и установленія порядка въ распорядительной дѣятельности завѣдующихъ училищами лицъ, инспекторомъ народныхъ училищъ Нолинскаго уѣзда сдѣланы были въ теченіе 1901 года слѣдующія по всѣмъ училищамъ уѣзда распоряженія:

1) Предположено усилить надзоръ за учащимися во время перемѣнъ между уроками и въ свободное отъ занятій время.

2) Рекомендовано принять мѣры къ устраненію массовыхъ оставленій учащихся на повторительный курсъ.

3) Вмѣнено учителямъ и учительницамъ въ обязанность упражнять учащихся въ производствѣ вычисленій на торговыхъ счетахъ и практически знакомить ихъ съ значеніемъ мѣръ.

4) Указано было учащимъ, какъ вести записи въ классныхъ журналахъ, чтобы можно было ясно представить дѣятельность преподающихъ лицъ и порядокъ веденія ими учебнаго дѣла.

5) Предложено представлять мотивированные протоколы объ увольненіи учащихся изъ училищъ за неодобрительное поведеніе.

6) Сообщены общія учебно-образовательныя нормы, которымъ долженъ удовлетворять ученикъ, оканчивающій курсъ ученія.

7) Предписано представлять въ экзаменную коммиссію списки подлежащихъ испытаніямъ учащихся, съ обозначеніемъ успѣховъ ихъ по предметамъ школьнаго курса и съ указаніемъ числа пропущенныхъ ими въ теченіе послѣдняго года учебныхъ дней.

8) Предложено представлять свѣдѣнія о числѣ учащихся за каждый учебный день апрѣля и мая мѣсяцевъ.

9) Предложено еженедѣльно, до 8 октября каждаго года, доставлять вѣдомости о числѣ учащихся, посѣщавшихъ училища въ началѣ учебнаго года.

Кромѣ директора и инспекторовъ народныхъ училищъ, нѣкоторыя изъ начальныхъ школъ Вятской губерніи посѣщены были Преосвященнымъ Алексіемъ, Епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ (въ Вятскомъ и Глазовскомъ уѣздахъ), г. начальникомъ Вятской губерніи, Окружнымъ Инспекторомъ Казанскаго Учебнаго Округа А. А. Соловьевымъ (въ г. Вяткѣ), членами уѣздныхъ училищныхъ Совѣтовъ, о.о. благочинными, каждымъ по своему округу, наблюдателями церковно-приходскихъ школъ, участковыми земскими врачами, произво-

дившими санитарный осмотръ училищъ, членами уѣздныхъ земскихъ Управъ, наблюдавшими за состояніемъ въ училищахъ хозяйственной части, и участковыми земскими начальниками.

Личный составъ служащихъ въ училищахъ Вятской губерніи.

Въ 1901 году въ Вятской губерніи открыто было 44 новыхъ начальныхъ народныхъ училища и значительно расширена была дѣятельность нѣкоторыхъ училищъ, открытыхъ въ ближайшіе предшествующіе годы. Въ связи съ этимъ замѣтно увеличился въ губерніи и личный составъ преподавателей этихъ училищъ. Къ 1 января 1902 года онъ опредѣлился уже въ цыфрѣ 3.109 лицъ обоего пола и сравнительно съ прошлымъ 1900 годомъ возросъ на 161 лицо, именно на 33 законоучителя, 24 учителя и 104 учительницы. При постепенномъ увеличеніи по губерніи числа начальныхъ народныхъ училищъ, наличное число приходскихъ священниковъ оказывалось уже все болѣе и болѣе недостаточнымъ для занятія въ этихъ училищахъ законоучительскихъ должностей, и потому очень многіе законоучительскія вакансіи, въ настоящемъ году до 151, приходилось, по необходимости, замѣщать уже свѣтскими преподавателями закона Божія—бывшими воспитанниками духовной семинаріи. Необходимо было также предоставлять очень многимъ учителямъ и учительницамъ свѣтскихъ предметовъ и изученіе текста повседневныхъ молитвъ съ дѣтьми перваго года нашего школьнаго обученія.

Въ начальныхъ народныхъ училищахъ Вятской губерніи очень большое численное преобладаніе въ составѣ учащихъ лицъ имѣли въ 1901 году, какъ и прежде, учительницы, число которыхъ въ отношеніи къ общему числу учащихъ, не считая священниковъ-законоучителей, составляло 76,8 процента, между тѣмъ какъ число учителей достигало всего лишь до 23,2 процента въ отношеніи къ общей группѣ преподавателей. Въ этихъ немногихъ цыфровыхъ сопоставленіяхъ нельзя не видѣть указанія на то, что средства содержанія учащихъ лицъ не признаются теперь даже и у насъ достаточно оплачивающими трудъ мужчины, получившаго хотя бы и самое небольшое только общее образованіе; что всѣ другіе виды дѣятельности обѣщаютъ теперь каждому болѣе или менѣе способному человѣку больше матеріальныхъ выгодъ и больше простора въ послѣдовательномъ движеніи впередъ, чѣмъ наши начальныя народныя училища, и что, въ виду этого, широкое поле школьно-педагогической дѣятельности будетъ занято современемъ и у насъ, какъ это давно уже наблюдается въ другихъ странахъ, если и не исключительно,

то, во всякомъ случаѣ, почти исключительно лицами одного только женскаго пола. Такое измѣненіе въ составѣ лицъ, служащихъ дѣлу школьнаго преподаванія, съ нравственно-воспитательной точки зрѣнія можетъ быть признано вообще благопріятнымъ. Нѣсколько отрицательной стороной въ этой ожидаемой перемѣнѣ можетъ быть признано только то, что въ составѣ служащихъ школьному дѣлу лицъ будутъ происходить тогда еще большія, чѣмъ теперь, передвиженія и перемѣны, вызываемыя меньше всего тѣми или другими спеціально-педагогическими соображеніями. Составъ учащихъ лицъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ и теперь уже сравнительно очень неустойчивъ. Съ увеличеніемъ же числа учительницъ онъ сдѣлается еще подвижнѣе, такъ какъ на этотъ именно разрядъ служащихъ лицъ падаютъ въ настоящее время всѣ почти происходящія въ теченіе года передвиженія и перемѣны, вообще очень значительныя и крайне неблагопріятныя для успѣховъ нашего учебно-воспитательнаго дѣла.

Образовательный цензъ законоучителей, учителей и учительницъ не измѣнился существенно въ 1901 году по сравненію съ 1900 годомъ. Въ новыхъ статистическихъ на этотъ предметъ данныхъ наблюдается лишь тотъ совершенно неожиданный и ненормальный фактъ, что число законоучителей, не получившихъ законченнаго богословскаго образованія въ духовной семинаріи, не только не уменьшилось, но даже увеличилось въ 1901 году на 27 лицъ по по сравненію съ числомъ такихъ законоучителей въ 1900 году. Соотвѣтственно этому и въ составѣ учителей и учитель ницъ мѣстныхъ народныхъ училищъ число не получившихъ спеціально-педагогическаго или полнаго средняго образованія также увеличилось въ отчетномъ году на 40 учителей и 73 учительницы, или на 113 лицъ обоего пола, чего также нельзя не признать явленіемъ въ школьной жизни крайне неблагопріятнымъ вообще и очень нежелательнымъ.

Все это съ гораздо большей ясностью и наглядностью представляется нами въ цыфровыхъ данныхъ слѣдующей вѣдомости, въ коррой сопоставляются между собою совершенно однородныя данныя за 1900 и 1901 годы. (См. таблицу на стр. 175).

Средства содержанія учителей и учительницъ Вятской губерніи оставались и въ 1901 году по прежнему очень скромными и ограниченными, такъ какъ отъ 200 до 300 рублей и болѣе получали и въ 1901 году только 1.276 лицъ или 59,3 процента общаго числа преподавателей и преподавательницъ. Всѣ же остальные учителя и учительницы, въ числѣ 376 лицъ, получали менѣе этой цыфры и довольствовались обыкновенно содержаніемъ въ 15, 12 и даже, въ видѣ исключенія, въ 10 рублей въ мѣсяцъ и притомъ большею

Распредѣленіе законоучителей, учителей и учительницъ по образовательному цензу.	Въ 1902 году. Законоучителей.	Учителей.	Учительницъ.	Общее число учащихъ.	Въ 1901 году. Законоучителей.	Учителей.	Учительницъ	Общее число учащихъ.
1. Окончиившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ . . .	1	—	—	1	1	—	—	1
2. Окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ и вообще получившихъ спеціальную подготовку	8	141	25	174	8	150	40	198
3. Окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ . . .	859	122	920	1.901	865	97	936	1.898
4. Вышедшихъ изъ разныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній до окончанія курса	—	36	85	121	—	32	105	137
5. Окончившихъ курсъ въ женскихъ прогимназіяхъ	—	—	480	480	—	—	499	499
6. Окончившихъ курсъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ .	54	149	15	218	83	194	51	328
7. Обучавшихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но не окончившихъ въ нихъ курса . .	—	10	—	10	—	—	—	—
8. Получившихъ домашнее образованіе	2	9	21	32	—	6	17	23
9. Не имѣющихъ правъ на преподаваніе	—	8	3	11	—	20	5	25
Всего	924	475	1.549	2.948	957	499	16.53	3.109

частью безъ готовыхъ квартиръ при училищахъ. Какъ должны были жить на такія средства учителя и учительницы нашихъ начальныхъ народныхъ школъ и съ какими затрудненіями они должны были вести свое маленькое хозяйство, на это едва-ли уже нужно здѣсь и указывать.

Объ учащихся.

Къ 1 января 1902 года во всѣхъ начальныхъ народныхъ училищахъ Вятской губерніи состояло 82.355 учащихся, въ томъ числѣ мальчиковъ было 63.825, а дѣвочекъ 18.530. Къ началу же 1901

года всѣхъ учащихся было 75.211 человѣкъ. Такимъ образомъ, въ составѣ учащихся въ начальныхъ училищахъ губерніи произошло, по сравненію съ 1900 годомъ, очень значительное увеличеніе, именно на 4.501 мальчика и на 2.643 дѣвочки, или на 7.144 учащихся обоего пола. Это можетъ быть объяснено частью открытіемъ въ губерніи въ отчетномъ году 44 новыхъ начальныхъ народныхъ училищъ, частью же образованіемъ вторыхъ и третьихъ отдѣленій въ 66 училищахъ губерніи, открытыхъ въ 1899 и 1900 годахъ. Наконецъ, увеличеніе числа учащихся въ училищахъ нѣкоторыхъ уѣздовъ губерніи могло находиться въ извѣстной зависимости и отъ недостаточнаго вообще, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи и отъ совершенно плохого въ 1901 году урожая хлѣбовъ, травъ и овощей, благодаря чему дѣтямъ школьнаго возраста, за полнымъ почти отсутствіемъ осеннихъ полевыхъ работъ, могла быть предоставлена ихъ родителями полная возможность своевременно поступать въ училища и затѣмъ правильно посѣщать ихъ. Кромѣ того, мѣстная начальная народная школа могла привлекать въ отчетномъ году болѣе нуждающихся матеріально крестьянскихъ дѣтей и надеждой на полученіе въ ея стѣнахъ такого или иного пособія пищей или одеждой на счетъ частной или общественной благотворительности.

Въ 1901 году во всѣхъ училищахъ Вятской губерніи окончило курсъ 11.316 учащихся—на 132 учащихся болѣе, чѣмъ въ 1900 году. Но многіе изъ окончившихъ курсъ мальчиковъ (146) по малолѣтству или по какимъ либо другимъ причинамъ не получили при окончаніи курса свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности, благодаря чему число получившихъ таковыя свидѣтельства въ 1901 году уменьшилось по сравненію съ прошлымъ годомъ на 94 учащихся. Этого результата школьно-учебной дѣятельности нашихъ начальныхъ народныхъ училищъ нельзя уже признать благопріятнымъ, и это тѣмъ болѣе, что процентъ всѣхъ вообще окончившихъ курсъ по губерніи, въ отношеніи къ общему числу учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ, оставался и въ 1901 году все еще очень незначительнымъ (около 13,7%).

По вѣроисповѣдному составу учащихся дѣтей наша начальная народная школа можетъ быть названа, какъ и прежде, въ строгомъ смыслѣ слова православной, по сословному составу ихъ—народной или крестьянской и по племенному составу учащихся—русской начальной народной школой, такъ какъ иноисповѣдныхъ дѣтей обучается въ нашихъ училищахъ всего только 3,1 процента, въ отношеніи къ общему составу учащихся дѣтей разныхъ другихъ сословій, кромѣ крестьянскаго—5,1 процента и дѣтей иностранцевъ и мѣстныхъ инородцевъ всего 15,1 процента.

Изъ школьныхъ дѣтей, учащихся въ мѣстныхъ народныхъ училищахъ, очень многіе мальчики и дѣвочки или совсѣмъ не имѣютъ родителей и живутъ на попеченіи своихъ родныхъ и знакомыхъ; или же, хотя и имѣютъ родителей, но часто очень бѣдныхъ и не располагающихъ никакими средствами къ существованію. Въ виду этого, при школахъ губерніи представлялась бы весьма желательной организація болѣе или менѣе постоянной и дѣятельной помощи такимъ неимущимъ дѣтямъ. Между тѣмъ, до настоящаго времени въ Вятской губерніи сдѣлано въ этомъ отношеніи пока еще очень немного, и потому оказываемая учащимся мальчикамъ и дѣвочкамъ матеріальная поддержка всегда бываетъ болѣе или менѣе случайной и большею частью очень незначительной.

Болѣе правильно и цѣлесообразно организована была помощь учащимся мальчикамъ и дѣвочкамъ только въ гг. Вяткѣ и Слободскомъ, гдѣ въ положеніи учащихся въ школахъ дѣтей принимали непосредственное и самое живое участіе мѣстныя благотворительныя учрежденія: въ Вяткѣ—Попечительство о бѣдныхъ г. Вятки, а въ г. Слободскомъ—мѣстное благотворительное общество. Вятское Попечительство о бѣдныхъ выдавало особенно нуждающимся мальчикамъ и дѣвочкамъ теплую одежду и обувь, устраивало при училищахъ столовыя съ приготовленіемъ для дѣтей одного горячаго блюда. Слободское же благотворительное Общество содержало въ продолженіе всего отчетнаго года хорошо устроенную безплатную столовую для бѣднѣйшихъ учениковъ и ученицъ Слободскихъ начальныхъ училищъ, при заботливомъ участіи въ этомъ дѣлѣ бывшаго инспектора народныхъ училищъ, Г. И. Косарева, и жены мѣстнаго земскаго врача, П. П. Ивановской. На пособіе же ученикамъ сельскихъ училищъ въ этихъ двухъ уѣздахъ ассигновано было по Вятскому уѣзду—250 руб. изъ суммъ мѣстнаго уѣзднаго земства и по Слободскому уѣзду,—800 рублей изъ средствъ Слободского земства на пособія 956 бѣднымъ учащимся (открыто 12 столовыхъ), 599 р. 56 коп. изъ суммъ Губернскаго Земства на тотъ же предметъ и 80 руб. изъ средствъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По Глазовскому уѣзду устраивались въ учебные дни года при 46 училищахъ горячіе завтраки на собранныя учащими по подпискѣ средства и на отпущенныя земствомъ 1.000 рублей.

Далѣе, Малмыжскимъ уѣзднымъ земствомъ ассигновано и израсходовано было въ 1901 году до 2.000 рублей на пищу, одежду и обувь для учащихся.

По Нолинскому уѣзду мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ ассигновано было 300 рублей для выдачи этихъ денегъ въ 1901 году нуждающимся школьнымъ дѣтямъ, но, за неутвержденіемъ устава Общества

вспомоществованія нуждающимся учащимся начальныхъ училищъ Нолинскаго уѣзда, деньги эти не были употреблены по указанному выше назначенію. Такимъ образомъ, помощь школьнымъ дѣтямъ организована была здѣсь лишь по училищамъ 5 только волостей, гдѣ дѣйствовало и въ отчетномъ году Сунское общество вспомоществованія учащимся, израсходовавшее на помощь 513 школьнымъ дѣтямъ 332 руб. 57 коп.

По Сарапульскому уѣзду специальныхъ учрежденій для пособія нуждающимся дѣтямъ не имѣется. Земская же и Городская Управы, Сарапульское Благотворительное Общество и нѣкоторые попечители и попечительницы училищъ оказывали иногда вспомоществованіе учащимся и израсходовали на это въ общей суммѣ до 390 рублей.

По Яранскому уѣзду ассигновано было мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ на вспомоществованіе учащимся 1.000 рублей. Изъ этихъ денегъ выдавалось по 25 коп. въ мѣсяцъ каждому учащемуся сиротѣ и вообще каждому бѣдному ученику, нуждающемуся въ единовременномъ или постоянномъ пособіи.

Заключеніе.

При ближайшемъ сопоставленіи всѣхъ цыфровыхъ данныхъ 1901 года съ таковыми же данными объ училищахъ губерніи за 1900 годъ, нельзя не притти къ заключенію, что дѣло начальнаго народнаго образованія въ Вятской губерніи, такъ сильно поднятое и оживленное въ 1895 году извѣстнымъ постановленіемъ Вятскаго Губернскаго Земскаго Собранія объ открытіи въ губерніи 600 новыхъ школъ, продолжало и въ 1901 году послѣдовательно развиваться и расти въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и по всѣмъ почти уѣздамъ обширной Вятской губерніи. Такъ, въ 1901 году увеличилось на 44 общее число начальныхъ народныхъ училищъ Вятской губерніи, возросли на 74.822 рубля 4 коп. общія средства ихъ содержанія, увеличился на 161 лицо составъ служащихъ въ этихъ училищахъ законоучителей, учителей и учительницъ, и въ непосредственной связи съ этимъ произошли соотвѣтствующія измѣненія и въ составѣ учащихся въ этихъ училищахъ дѣтей, число которыхъ возросло за отчетный годъ на 7.144 учащихся обоего пола, или на 4.501 мальчикъ и 2.643 дѣвочки.

Довольно благопріятныя измѣненія наблюдаются за 1901 годъ въ группахъ дѣтей и по всѣмъ другимъ ихъ школьно-статистическимъ подраздѣленіямъ. Такъ, число вновь поступившихъ въ училища мальчиковъ и дѣвочекъ увеличилось за 1901 годъ, по сравненію съ 1900 годомъ, на 5.095 обоего пола дѣтей, число окончившихъ курсъ

ученія—на 132 учащихся и въ то же время на 2.110 обоего пола дѣтей уменьшилось, по сравненію съ 1900 годомъ, число учащихся, оставившихъ училища до окончанія въ нихъ полнаго курса ихъ школьнаго обученія.

Къ сожалѣнію, далеко не въ такомъ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ внѣшнимъ ростомъ школъ шла и развивалась въ училищахъ губерніи другая болѣе внутренняя сторона ихъ жизни и дѣятельности. Гораздо менѣе замѣтны были за это время въ составѣ служащихъ въ училищахъ лицъ желательныя и столь необходимыя для дѣла измѣненія къ лучшему въ методахъ ихъ школьнаго преподаванія. Недостаточно замѣтнымъ казалось за 1901 годъ и возрастаніе общаго нравственно-воспитательнаго вліянія учащихъ на учащихся. Учителями и учительницами нашихъ начальныхъ народныхъ школъ очень легко, какъ и прежде, достигалась въ школахъ губерніи достаточно правильная постановка лишь внѣшняго школьнаго порядка, или такъ называемой внѣшней классной дисциплины. Въ этомъ отношеніи не успѣвали вполнѣ только очень немногіе преподаватели и преподавательницы, по преимуществу не призванные къ школьно-учебнымъ съ дѣтьми занятіямъ. Что же касается дисциплинированія внутреннихъ настроеній дѣтей, развитія въ нихъ полнаго вниманія къ школьно-учебному дѣлу, полной сосредоточенности на немъ, а также и самаго широкаго къ нему интереса, то во всѣхъ этихъ отношеніяхъ достигнутый нашими школами успѣхъ не можетъ быть признанъ вполнѣ благопріятнымъ. Между тѣмъ, отъ правильнаго и успѣшнаго воспитанія вниманія дѣтей къ занятіямъ и отъ пробужденія въ нихъ внутренней сосредоточенности и внутренняго интереса къ предмету ихъ классныхъ занятій безусловно зависитъ весь успѣхъ того дѣла, какое выполняется нашими начальными народными училищами.

Въ прямой зависимости отъ недостаточно полнаго достиженія нашими преподавателями и преподавательницами этихъ существенно важныхъ цѣлей, находится, нѣтъ сомнѣнія, и тотъ весьма неблагопріятный фактъ, что изъ числа поступающихъ въ наши училища крестьянскихъ дѣтей до полнаго окончанія курса доходитъ сравнительно очень незначительная только часть, не болѣе 37,2 процента въ отношеніи къ общему составу вновь поступающихъ; что значительная часть и этихъ немногихъ дѣтей, очевидно, болѣе усердныхъ къ занятіямъ и болѣе даровитыхъ, достигаетъ окончанія курса не въ 3 года, какъ это предусматривается программами для начальныхъ народныхъ училищъ, а въ 4 и иногда даже въ 5 лѣтъ, и что въ гораздо большемъ своемъ числѣ поступающія въ школы дѣти совсѣмъ не доводятся учащими до окончанія курса и выбываютъ изъ

своихъ училищъ, въ числѣ 62,8 процента, очевидно, съ самымъ малымъ усвоеніемъ однихъ лишь первыхъ начатковъ элементарно-школьной грамотности. Всѣ эти школьныя потери и пріобрѣтенія можно совершенно ясно видѣть, правильно взвѣсить и съ достаточною точностію опредѣлить по немногимъ цыфровымъ даннымъ помѣщаемой здѣсь же вѣдомости, въ которой предлагаются свѣдѣнія о числѣ дѣтей, прошедшихъ чрезъ наши училища за время съ 1889 по 1901 годъ.

СВѢДѢНІЯ

о вновь поступившихъ въ училища Вятской губерніи, окончившихъ курсъ ученія и выбывшихъ изъ училищъ до окончанія яурса.

Вновь поступило въ училища.		Изъ общаго числа вновь поступившихъ дѣтей окончили курсъ чрезъ три года послѣ поступленія въ училища.	Процентное отношеніе окончившихъ курсъ къ общему числу вновь поступившихъ.	Число учениковъ, выбывшихъ изъ училищъ до окончанія курса своего обученія.
Время поступленія.	Число поступившихъ			
Въ 1889 году.	15,952	6.305	39,5	9.647
1890	17.642	6.731	38,1	10,911
1891	19.580	7.077	36,1	12.503
1892	22.623	7.384	32,6	15.239
1893	19.715	7.354	37,3	12.361
1894	18.319	7.367	42,2	10.952
1895	20.402	8.461	41,1	11.941
1896	27.590	9.824	35,1	17.766
1897	29.368	11.184	38	18.184
1898	31.564	11.316	35,1	20.248
Всего . . .	222.755	83.003	37,2	13.9752 62,8%

Таблица эта даетъ совершенно наглядныя указанія на то, съ какими еще не легко преодолимыми затрудненіями и ничѣмъ не вознаградимыми потерями ведется въ нашихъ училищахъ учебно-воспитательное дѣло. Въ виду этого, чтобы хоть нѣсколько уменьшить огромный процентъ этихъ тяжелыхъ школьныхъ потерь и хоть не-

много ослабить ту нравственную отвѣтственность, какая должна пасть за данное положеніе въ губерніи школьнаго дѣла на дѣйствующую въ настоящее время систему нашего школьнаго обученія, необходимо теперь же съ гораздо большею, чѣмъ прежде, серьезностью и съ значительно большимъ вниманіемъ отнестись къ выполненію своего дѣла какъ всѣмъ лицамъ ближайшаго за школами надзора и наблюденія, такъ, въ особенности, самимъ преподавателямъ и преподавательницамъ.

А. Красевъ.

Рисованіе во французскихъ начальныхъ школахъ.

Рисованію—этому „могучему способу дѣйствовать и выражаться“, по мѣткому замѣчанію французовъ, на послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1900 г. была отведена одна изъ самыхъ видныхъ ролей среди всего педагогическаго отдѣла; и все, что выставили французы по части обученія рисованію, одинаково интересовало всѣхъ посѣтителей выставки.

Особенное вниманіе привлекали экспонаты по рисованію начальныхъ школъ. Для русскаго обозрѣвателя это было настолько же интересно, насколько и поучительно, такъ какъ обученіе рисованію въ нашей отечественной начальной школѣ находится все еще въ зачаточномъ состояніи.

Конечно, успѣху дѣла много способствуетъ и особенность организаціи дѣла народнаго образованія во Франціи. Еще до поступленія ребенка въ начальную школу въ такъ называемыхъ „материнскихъ“ школахъ (écoles maternelles) и въ „дѣтскихъ садахъ“ (classes enfantines), куда поступаютъ въ возрастѣ отъ 2 до 5 лѣтъ, главной цѣлью воспитанія ставится пріученіе дѣтей къ вниманію, возбужденіе въ нихъ любви къ труду, къ школѣ.

По офиціальнымъ программамъ въ écoles maternelles полагаются также „элементарныя упражненія въ рисованіи“. Упражненія эти выражаются въ умѣньѣ распознавать и сочетать линіи, изображать эти сочетанія на доскѣ или на бумагѣ, а затѣмъ воспроизводить легкіе рисунки общеупотребительныхъ предметовъ, а также рисовать и простѣйшіе орнаменты.

Самыя занятія, начинающіяся съ изображенія линейныхъ фигуръ помощью палочекъ, переходятъ въ черченіе линій во всевозможныхъ направленіяхъ и, въ концѣ концовъ, незамѣтно, безъ утомленія, доводятъ ученика до степени умѣнья графически изобразить тотъ или другой предметъ.

Съ этой цѣлью въ материнскихъ школахъ употребляются гри-

фельныя доски и разлинованныя клѣточками тетради, иногда даже съ заранѣе приготовленными рисунками, по которымъ въ первое время ребенку остается только обводить. Такое, на первый взглядъ, механическое упражненіе, даетъ, однако, начинающему учиться рисовать ребенку полное чувство удовлетворенія своей собственной работой и безъ всякаго напряженія способностей позволяетъ ему вычерчивать безчисленное множество красиво комбинированныхъ линій, иногда очень сложныхъ фигуръ и орнаментовъ. Послѣ воспроизведенія геометрическихъ фигуръ о двухъ измѣреніяхъ учащіеся въ материнскихъ школахъ дѣти приступаютъ къ изображенію наиболѣе простыхъ предметовъ съ натуры, при чемъ, конечно, всѣ такія изображенія носятъ условный характеръ, хотя и приближающійся болѣе или менѣе къ точному воспроизведенію видимаго.

На выставкѣ встрѣчалось безчисленное множество работъ, сдѣланныхъ на клѣтчатой бумагѣ и, надо отдать справедливость, многія изъ нихъ замѣчательно хорошо были исполнены, что, конечно, слѣдуетъ приписать неустанному терпѣнію учительницъ материнскихъ школъ и ихъ заботѣ о выполненіи предписанной программы.

Въ правилахъ для материнскихъ школъ учительницамъ вмѣняется въ строгую обязанность не отдавать никакого предпочтенія при пріемѣ въ школу дѣтей, сильно подвинутыхъ въ развитіи, передъ дѣтьми, мало подготовленными къ ученію. Всѣ упражненія въ école maternelle должны отвѣчать общему принципу: *помогать всестороннему развитію способностей ребенка безъ утомленія, но и безъ чрезмѣрнаго разнообразія.*

Чувство зрѣнія и осязанія изощряются рядомъ постепенныхъ упражненій и занятіями и опытами, такъ или иначе воспитывающими умъ. *„Добрые школьные навыки, вкусъ при рисованіи, умѣнье изобразить видимое, быстрота глаза, способность наблюденія, сосредоточенность вниманія на извѣстнаго рода явленіяхъ—вотъ что должно получаться послѣ первыхъ лѣтъ, проведенныхъ въ школѣ“*— говорится въ „кодексѣ“ первоначальнаго образованія *).

Всѣ такого рода идеи въ полной мѣрѣ выражаются на урокахъ рисованія во французскихъ школахъ. Послѣ первыхъ упражненій учащіеся въ école maternelle дѣти приступаютъ къ такъ называемому „свободному“ рисованію, гдѣ всякій ребенокъ стремится собственными силами графически выразить полученное имъ впечатлѣніе.

Содержаніемъ для упражненій въ свободномъ рисованіи служатъ изображенія по памяти видѣнныхъ ребенкомъ рисунковъ, воспроиз-

---

*) Extraits du Code, de l'Instruction primaire—Édition Prichard, 1890.—Programme des Écoles maternelles.

веденіе попавшейся ему на глаза сцены изъ дѣйствительной жизни, иллюстрація прочитанной имъ сказки и т. п. Подобнаго сорта упражненія въ „свободномъ творчествѣ“, изощряя вниманіе, служатъ подтвержденіемъ способности зрительнаго пониманія ребенка, пріучающагося такимъ образомъ запоминать все, что онъ видитъ, а иногда даже, что онъ мыслитъ и чувствуетъ.

Когда сравнивая на выставкѣ работы, сдѣланныя свободно, съ упражненіями, исполненными на клѣтчатой бумагѣ, то бросалась въ глаза меньшая точность и правильность формъ и меньшее изящество первыхъ работъ сравнительно со вторыми. Выражалось даже мнѣніе, какъ бы такое, не подчиняющееся никакимъ правиламъ рисованіе, не привило нежелательнаго поверхностнаго отношенія къ дѣлу, ненужнаго диллетантизма. Однако, осмотръ дальнѣйшихъ работъ учащихся въ материнскихъ школахъ убѣдилъ въ противномъ, такъ какъ на ряду съ тщательными работами по клѣткамъ и менѣе правильными свободными рисунками, фигурировали другія упражненія, сдѣланныя на чистой бумагѣ, отличающіяся систематичностью и изяществомъ выполненія.

Работы эти, выполненныя дѣтьми по глазомѣру начинаются обыкновенно съ изображенія линій во всевозможныхъ направленіяхъ, а затѣмъ путемъ разнообразнаго соединенія линій учащіеся постепенно переходятъ къ рисованію плоскаго орнамента. Комбинируя линіи, учительница заставляетъ дѣтей иногда вычертить то букву, то цыфру; иногда дѣти срисовываютъ и съ натуры какую-нибудь модель, причемъ учительница предварительно всесторонне разбираетъ эту модель, обводя пальцемъ ея контуры и показывая ее со всѣхъ сторонъ цѣлому классу. Упражненія такого рода, однако, рекомендуются въ послѣднихъ классахъ école maternelle или же въ дѣтскихъ классахъ (classes enfantines), гдѣ учащіеся постарше и посмышленѣе.

Всѣмъ извѣстна любовь дѣтей въ раскрашеннымъ картинкамъ; все красочное, цвѣтное какъ то невольно привлекаетъ вниманіе ребенка. Воспитательный персоналъ материнскихъ школъ очень часто и съ большимъ успѣхомъ пользуется этимъ обстоятельствомъ, давая посильную и интересную работу своимъ ученикамъ, незамѣтно пріучая ихъ къ распознаванію тоновъ и ихъ взаимному сочетанію.

Всюду, гдѣ только позволяютъ матеріальныя средства, цвѣтные карандаши являются къ услугамъ дѣтей, которыя, придя въ восторгъ отъ той мысли, что не приходится ограничиваться монотонными цвѣтами—бѣлымъ и чернымъ, пользуются случаемъ порадовать зрѣніе подъ-часъ очень причудливымъ, а иногда очень нѣжнымъ раскрашиваніемъ.

Образцовъ рисунковъ, исполненныхъ цвѣтными карандашами, на выставкѣ встрѣчалось очень большое количество; цѣлыя кипы такихъ рисунковъ были исполнены не только на бѣлой, но и на цвѣтной, даже черной бумагѣ.

Французы вполнѣ справедливо поощряютъ этотъ родъ упражненій, гдѣ незамѣтно получается знакомство съ цвѣтами, ихъ взаимнымъ отношеніемъ и гдѣ полу-шутя вырабатывается привычка въ умѣньи пользоваться красками.

Параллельно съ работами по рисованію, въ материнскихъ школахъ и въ дѣтскихъ классахъ выполняются нѣкоторыя другія упражненія, имѣющія такъ или иначе связь съ рисованіемъ.

На выставкѣ можно было видѣть разныя работы по вырѣзыванію, склеиванію, плетенію и т. п. Всѣ такія занятія не только способствуютъ развитію ловкости въ рукахъ, но вліяютъ и на выработку вкуса и глазомѣра.

Одна изъ школъ доставила на выставку узоры изъ раковинъ и камешковъ, другая экспонировала мозаику изъ цвѣтного картона, третья выставила разрисованное полотно и т. д. и т. д.

Очень много экспонатовъ дали écoles maternelles по части *лѣпки*—искусству, такъ сильно поощряемому во французскихъ школахъ, служащему существеннымъ пособіемъ для изученія міра формъ и очертаній простѣйшихъ предметовъ.

На урокахъ лѣпки вырабатывается умѣнье владѣть лѣпнымъ веществомъ: глиной, воскомъ, мастикой. При помощи этихъ матеріаловъ дѣти стараются выразить общую форму предметовъ, доступную въ одно и то же время и зрѣнію и осязанію.

Работа эта особенно нравится учащимся и не представляетъ, какъ пришлось слышать, для нихъ никакой трудности, не смотря на то, что на выставкѣ было не мало предметовъ, прекрасно вылѣпленныхъ, и такихъ, которые сдѣлали бы честь скульптору.

Упражненія въ лѣпкѣ начинаются съ того, что дѣти, скатывая обѣими руками глину, получаютъ шаръ; стискивая равномѣрно этотъ шаръ съ четырехъ сторонъ, они получаютъ кубъ; катая глину между ладонями получаютъ цилиндръ, затѣмъ конусъ и т. д. При сглаживаніи въ разныхъ мѣстахъ, при сѣченіи поверхности въ томъ или иномъ направленіи, при утолщеніи въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ можно достичь самыхъ разнообразныхъ формъ общеупотребительныхъ предметовъ: плодовъ, листьевъ, цвѣтовъ и даже животныхъ.

Курсъ элементарныхъ начальныхъ школъ (écoles primaires élémentaires *)) продолжается 6 лѣтъ. Ученики распредѣляются по

*) Organisation pedagogique et plan d'études des écoles primaires élémentaires.

тремъ группамъ: курсъ элементарный, среднiй и старшiй, причемъ въ каждой группѣ полагается пробыть два года.

Въ дѣтскихъ классахъ (section enfantine), которые бываютъ почти при всякой начальной школѣ, какъ я уже говорилъ, помимо комбинацiи линiй и воспроизведенiя рисунковъ, сдѣланныхъ рукою учительницы, ученики упражняются въ самостоятельной композицiи легчайшихъ орнаментовъ и въ рисованiи съ натуры обыденныхъ предметовъ.

Въ элементарномъ курсѣ (cours élémentaire), гдѣ дѣти бываютъ въ возрастѣ отъ 7 до 9 лѣтъ обученiе рисованiю начинается съ проведенiя прямыхъ линiй и дѣленiя ихъ на разныя части.

За этими упражненiями слѣдуютъ занятiя по вычисленiю соотношенiй линiй и далѣе—построенiе и вычисленiе угловъ. Всѣ такiя работы продолжаются довольно долго, и къ быстрому выполненiю ихъ ученикъ прiучается только послѣ цѣлаго ряда методическихъ упражненiй.

Задачи на вычисленiе соотношенiй линiй и угловъ производятся посредствомъ особаго аппарата-линейки, снабженной передвигающимся бѣгунцомъ. Устанавливая бѣгунецъ на одномъ изъ дѣленiй линейки, учитель обращается съ вопросами къ ученикамъ, которые опредѣляютъ отношенiе и воспроизводятъ его графически на бумагѣ.

Послѣ упражненiй въ рисованiи различныхъ геометрическихъ фигуръ ученики приступаютъ къ рисованiю звѣздообразныхъ розетокъ, которыя вначалѣ срисовываются ими съ образца, а потомъ, по мѣрѣ успѣховъ, самостоятельно составляются.

На среднемъ курсѣ (cours moyen), гдѣ дѣти въ возрастѣ отъ 9 до 11 лѣтъ, помимо рисованiя отъ руки (dessin à main levée), практикуется также и геометрическое черченiе (dessin géometrique). На урокахъ рисованiя дѣти сперва рисуютъ наиболѣе употребительныя геометрическiя кривыя: элипсъ, спираль и пр., а затѣмъ кривыя, заимствованныя изъ царства растительнаго: стебли, листья, цвѣты. При исполненiи этой послѣдней работы учащемуся предлагается какъ можно внимательнѣе всматриваться въ модель, хорошенько ее запомнить и рѣшить, какая изъ правильныхъ геометрическихъ формъ будетъ наиболѣе близкой къ данной модели. Изображая общую форму какого-нибудь листа или цвѣтка, ученикъ прежде всего долженъ намѣтить конечныя точки этой формы, а затѣмъ уже приступить къ отдѣлкѣ деталей.

Послѣ этихъ упражненiй ученики средняго курса приступаютъ къ рисованiю съ гипса плоскихъ орнаментовъ съ слабымъ рельефомъ, а затѣмъ, по ознакомленiи съ элементомъ перспективы, они начинаютъ рисовать съ геометрическихъ тѣлъ, вначалѣ однихъ кон-

туровъ ихъ, а впослѣдствіи съ легкой тушевкой. Законы перспективныхъ сокращеній никогда не сообщаются ученику догматическимъ путемъ, а лишь путемъ наблюденія, внимательнымъ разсматриваніемъ видимаго и правильнымъ пониманіемъ формы о трехъ измѣреніяхъ. Заботѣ о тушевкѣ, излишней отдѣленности рисунка отводится далеко не первое мѣсто во всѣхъ французскихъ школахъ, какъ это можно было усмотрѣть на выставкѣ. При начальномъ тушеваніи рекомендуется прокладка однѣхъ главныхъ тѣней, минуя полутоны, такъ какъ вѣрно положенныя главныя тѣни образуютъ основной характеръ каждой модели, и, будучи переданы вѣрно, даютъ сходство рисунка съ моделью.

Параллельно съ рисованіемъ геометрическихъ тѣлъ, учащіеся рисуютъ съ натуры предметы домашняго обихода; такъ, напр., нарисовавши цилиндръ, ученики приступаютъ къ рисованію ведеръ, бочки и т. п.

На урокахъ геометрическаго черченія учащіеся знакомятся съ употребленіемъ чертежныхъ инструментовъ: линейки, циркуля, наугольника и научаются проведенію всевозможныхъ линій на грифельной доскѣ.

На высшемъ курсѣ (cours supérieur) начальной элементарной школы, гдѣ возрастъ учащихся ограниченъ 11—13 годами, рисуютъ какъ съ эстамповъ, такъ и съ рельефныхъ гипсовыхъ орнаментовъ. Рисунки на эстампахъ и рельефные орнаменты берутся обыкновенно изъ растительнаго царства: листья, цвѣты и плоды, пальметки, вѣтки съ плодами и т. п. На этомъ-же курсѣ учитель знакомитъ своихъ учениковъ съ архитектурными ордерами, дѣлая это путемъ наглядныхъ объясненій на классной доскѣ и заставляя учениковъ зарисовывать показанное въ ихъ классныхъ тетрадяхъ. Изображеніемъ человѣческой головы заканчивается курсъ рисованія въ начальной элементарной школѣ, причемъ самому рисованію головы предпосылаются подробныя объясненія пропорцій ея отдѣльныхъ частей, которыя и зарисовываются съ натуры.

На урокахъ геометрическаго черченія ученики приступаютъ къ вычерчиванію на бумагѣ при помощи инструментовъ тѣхъ геометрическихъ линій, которыя были сдѣланы на доскѣ въ среднемъ курсѣ. Затѣмъ идетъ вычерчиваніе разнообразныхъ узоровъ въ видѣ каймы, паркета и т. п. Послѣ болѣе или менѣе пріобрѣтеннаго навыка въ умѣньѣ обращаться съ линейнымъ перомъ (рейсфедеромъ) учащіеся начинаютъ упражняться въ параллельной штриховкѣ, заливаніи тушью и колеровкѣ рисунковъ. Черченіемъ задачъ, примѣнительныхъ къ плотничному и столярному ремесламъ, и знакомствомъ съ условной оттушевкой строительныхъ матеріаловъ заканчивается весь школьный курсъ.

И. Евсѣевъ.

Рисованіе и чистописаніе въ народной школѣ.

(По поводу бывшей въ Курскѣ выставки по народному образованію).

Рисованіе въ народной школѣ является предметомъ, до сихъ поръ не пріобрѣтшимъ у насъ офиціальнаго права на свое существованіе. Повидимому, оно и не запрещается, и если иногда практикуется, то лишь, какъ предметъ роскоши или, точнѣе, прихоти, забавы. Бѣдность нашей народной школы въ области рисованія, между прочимъ, рельефно выступила на бывшей прошлымъ лѣтомъ въ Курскѣ первой земской выставкѣ по народному образованію, гдѣ цѣлая комната была занята экспонатами по рисованію въ американскихъ школахъ.

Между же огромными кипами тетрадей земскихъ школъ, присланныхъ сюда со всѣхъ концовъ Россіи, мы нашли только *одну* тетрадь по рисованію, и то съ шаблонными и скучными геометрическими фигурами по квадратной сѣткѣ.

Можно-ли назвать это рисованіемъ—вопросъ другой. Конечно, ожидать чего-либо отъ выставки именно въ этой области и не было никакихъ основаній: рисованіе не значится въ программахъ народной школы, а потому наличность его тамъ только бы свидѣтельствовала о расширеніи программы безъ соотвѣтствующаго разрѣшенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, было до сихъ поръ. Теперь же, повидимому, наблюдается нѣчто новое.

Мин. Нар. Пр., занявъ цѣлую комнату своими экспонатами по преподаванію рисованія и черченія въ американскихъ школахъ и командировавъ на выставку спеціалиста А. Н. Смирнова, тѣмъ самымъ, какъ видно, пропагандируетъ не только самое рисованіе, какъ предметъ всякаго *элементарнаго* обученія, но и болѣе совершенные методы его преподаванія.

Работы по рисованію учащихся въ американскихъ школахъ (штатовъ Альбани и Колорадо) привлекали къ себѣ на выставкѣ особенное вниманіе народныхъ учителей.

Въ поясненіе къ этимъ экспонатамъ А. Н. Смирновымъ былъ

прочитанъ 29 іюня докладъ въ присутствіи нѣсколькихъ сотъ учащихъ въ народныхъ школахъ.

Тутъ же демонстрировались многочисленные рисунки американскихъ школъ, а также и русскихъ, гдѣ уже примѣняется эта система. Докладъ вызвалъ оживляющій обмѣнъ мыслей. Большинство учителей и учительницъ горячо привѣтствовали рисованіе, какъ важный, интересный и живой предметъ въ курсѣ школы, и высказали пожеланіе, чтобы до введенія рисованія въ школьную программу были предварительно организованы курсы для ознакомленія учащихъ съ американскою системою рисованія.

Были голоса и противъ. По мнѣнію послѣднихъ, учебнаго времени слишкомъ мало, а программа такъ широка, и требованія ревизоровъ и экзаменаторовъ такъ велики, что при настоящихъ условіяхъ народной школѣ не до рисованія.

Во время преній выяснилось, что во многихъ нашихъ школахъ рисованіе находитъ, такъ сказать, приватное мѣсто. „У меня три отдѣленія, — сказалъ учитель изъ Харьковской губ.,—и когда мнѣ всецѣло нужно отдаться одному отдѣленію, я не нахожу для свободныхъ отдѣленій болѣе интереснаго и вполнѣ захватывающаго занятія, какъ рисованіе. Я тогда уже знаю, что мнѣ они не помѣшаютъ". Учитель изъ Московской губерніи сообщилъ, что ученики его школы пользуются правомъ, по окончаніи заданной имъ въ классѣ самостоятельной работы, занять оставшееся свободное время рисованіемъ. „И дѣтямъ интересно,—пояснилъ учитель,—и я спокоенъ, что ученики мои все время заняты, и притомъ полезною работою. Рисуютъ, что и какъ кому угодно, но въ большинствѣ случаевъ получаются иллюстраціи на злобу дня. Рисунки эти, конечно, совершенно свободны отъ всякаго посторонняго и моего контроля". Одинъ изъ учителей высказалъ увѣренность, что „пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и рисованіе займетъ въ народной школѣ свое законное мѣсто. Я,—продолжалъ онъ,—въ этомъ убѣжденъ по измѣнившимся въ настоящее время требованіямъ къ школѣ въ другой области. Такъ, требованіе отъ ученика школы умѣнья самостоятельно изложить свои мысли есть результатъ простого естественнаго отношенія къ дѣлу: чего, казалось бы, проще желать, чтобы ученикъ сумѣлъ приложить грамоту къ потребностямъ жизни, а между тѣмъ, только въ послѣднее время пресловутый диктантъ начинаетъ уступать господствующее положеніе письменному изложенію. Также и рисованіе: идя на встрѣчу запросамъ ребенка, мы не только должны будемъ признать рисованіе необходимымъ предметомъ въ циклѣ дисциплинъ, необходимыхъ для всесторонняго проявленія дѣтской души, но въ выборѣ системы рисованія неизбѣжно остановимся на простой, естественной,—американской".

Руководившій преніями предсѣдатель училищной коммиссіи Курскаго губ. земства кн. П. Д. Долгоруковъ въ заключеніе сообщилъ, что вопросъ о введеніи въ курсъ народной школы рисованія, о его системѣ и объ организаціи для учащихъ соотвѣтствующихъ курсовъ будетъ предметомъ обсужденія губернской училищной коммиссіи.

Въ результатѣ этого Курскимъ губ. земствомъ были организованы настоящимъ лѣтомъ спеціальные учительскіе курсы по американскому рисованію, но результаты ихъ намъ, къ сожалѣнію, въ настоящее время не извѣстны.

Отъ рисованія обратимся къ родственному ему предмету,—чистописанію. Здѣсь мы увидимъ обратное: наша школа, мало сказать,—не бѣдна чистописаніемъ, она очень часто почти исключительно имъ только однимъ и занимается... Если можно только горячо привѣтствовать тотъ духъ дѣтской самостоятельной мысли (самостоятельныя сочиненія на заданныя темы, воспоминанія, описаніе собственныхъ путешествій и проч.), который очень часто вѣялъ отъ вороховъ имѣвшихся на выставкѣ ученическихъ тетрадей, то именно въ силу его новизны, необходимости. Намъ онъ кажется чѣмъ-то рѣдкимъ, изъ ряда вонъ выходящимъ, какою-то особенною, благодатною струею на фонѣ обычнаго схоластическаго диктанта, списыванія, чистописанія. Если же мы зададимся цѣлью уловить не струи новаго вѣянія, а господствующій тонъ письменныхъ работъ нашихъ школъ, то поразимся обиліемъ въ нихъ чистописанія. Безъ преувеличенія можно сказать, что многія тысячи имѣвшихся на выставкѣ ученическихъ тетрадей представляютъ почти одно сплошное чистописаніе, т. е. на протяженіи цѣлыхъ десятковъ страницъ вы видите только отдѣльные буквы, слова, пословицы. Замѣчательны въ этомъ отношеніи ворохи тетрадей школъ Полтавскаго уѣзднаго земства.

Написанныя съ умопомрачительною чистотою тетради эти представляютъ лишь исключительно диктовки да пресловутое чистописаніе. Пишущій эти строки видѣлъ цѣлую тетрадь, старательно заполненную несчастнымъ ученикомъ одною безсмысленною фразою: „*Мальчики катаются на конькахъ ямщики линейки*“, 5 страницъ, исписанныхъ единственнымъ словомъ—„*Романъ*“ (около 300 разъ). А одинъ изъ учителей того же уѣзда (войтовская школа) додумался даже до соединенія уроковъ чистописанія съ уроками морали и терпѣнія. У него—по точному счету—6 страницъ ручонка ребенка старательно выводила импровизацію учителя: „*Начало премудрости—страхъ*“..., 6 страницъ—„*Почитай отца и матерь*“. Винить во всемъ этомъ однихъ учителей, конечно, нельзя.

Подчиняясь духу времени или, лучше сказать, требованію тѣхъ ревизоровъ, отзывы которыхъ объ учителѣ имѣютъ для послѣдняго

рѣшающее значеніе, учитель несомнѣнно и старается выѣзжать на ходкомъ товарѣ.

На выставкѣ можно было сдѣлать интересное наблюденіе: чѣмъ школьныя тетради съ внѣшней стороны больше выдѣляются своею чистотою, опрятностью, красивымъ, стройнымъ письмомъ, тѣмъ больше шансовъ на то, что, кромѣ „чистописанія“ да списыванія, вы въ нихъ ничего не найдете. Оно и понятно: вести такъ называемыя самостоятельныя письменныя работы, грамматическія упражненія, — не говорю уже объ изложеніяхъ—это значитъ быть готовымъ ко всякимъ помаркамъ, ошибкамъ, поправкамъ. Вниманіе ребенка двоится: ему уже нѣтъ возможности слѣдить только за красотою буквъ.

А разъ красота и чистота письма при такихъ условіяхъ нарушается,—учителю, имѣя въ виду ревизію, прямой расчетъ держаться одного чистописанія.

Наоборотъ: чѣмъ менѣе соотвѣтствуютъ тетради требованіямъ красоты и чистоты письма, тѣмъ больше въ нихъ „духа жива“, больше самостоятельной работы ученика, больше изложеній и меньше чистописанія. Для подтвержденія перваго я еще разъ укажу на тетради полтавскаго уѣзда.

Кромѣ того, интересны въ этомъ отношеніи тетради школъ Грайворонскаго и Новооскольскаго уѣздовъ Курской губ. Оказывается, что въ первомъ уѣздѣ чистописаніе не оставляетъ въ покоѣ даже и ариѳметику. Такъ, мы видѣли здѣсь тетради исписанныя ариѳметическими дѣйствіями въ такой строгой симметріи, такими крупными и образцово-каллиграфическими цыфрами, что, не вѣришь въ возможность такъ художественно выводить число и въ то же время знать, для чего оно пишется... Это, замѣтимъ, были тетради не по чистописанію, а по настоящей ариѳметикѣ.

Что же касается Новооскольскаго уѣзда, то кипа тетрадей изъ школы этого уѣзда положительно поражаетъ своими выдающимися каллиграфическими достоинствами. Такое исключительно красивое письмо въ начальной трехгодичной школѣ насъ особенно заинтересовало, и мы постарались поближе ознакомиться съ этою школою. Результаты этого знакомства оказались для насъ такъ необычайны, что въ интересахъ дѣла мы считаемъ нужнымъ подѣлиться ими съ читателями.

Выяснилось, что эта школа самая многолюдная въ уѣздѣ; такъ, въ прошломъ году въ ней было около *350 учащихся*. Всѣ учащіеся помѣщаются *въ трехъ совершенно отдѣльныхъ классныхъ комнатахъ*; между тѣмъ, учащихъ только *двое*, мужъ и жена, гг. С—вы. Принимая во вниманіе норму количества учениковъ на одного учителя, указанную М—мъ Н. Просвѣщенія, именно 60 человѣкъ, видимъ,

что учениковъ Чернянской школы хватило-бы на 6 учителей, а съ ними справляются только двое, и при томъ занимаясь въ трехъ отдѣльныхъ комнатахъ. Какъ и что можно сдѣлать при такихъ условіяхъ, пусть судитъ читатель. Вопросъ о необходимости третьяго учителя для этой школы поднимался нѣсколько разъ, но всякій разъ рѣшался отрицательно: не помнимъ сейчасъ, какая именно изъ уѣздныхъ школьныхъ инстанцій неизмѣнно находила, что учебное дѣло прекрасно идетъ и у двухъ преподавателей, а потому лишь рѣшено было въ цѣляхъ справедливости дать учителю, г. С—у, двойное жалованье... Такъ, много уже лѣтъ и тянется этотъ рѣдкій и интересный школьный курьезъ.

Интересно знать: если уѣздъ, очарованный красивымъ письмомъ, находитъ естественнымъ норму въ 350 человѣкъ на двоихъ учащихъ и двойное одному изъ учителей жалованье, то непонятно, почему губернское земство, такъ широко участвующее въ содержаніи школъ въ уѣздахъ, не считаетъ своимъ долгомъ и правомъ указать близорукому земству на эту аномалію. Для характеристики Новооскольскаго земства замѣтимъ еще, что никакихъ свѣдѣній о своихъ школахъ, кромѣ фотографіи и работъ школы, оно на выставку не доставило и по діаграммамъ и картограммамъ является самымъ отсталымъ въ губерніи.

Печальное явленіе господства въ нашихъ школахъ чистописанія находитъ себѣ объясненіе и въ министерскихъ обязательныхъ для школъ программахъ. Такъ, „Примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ вѣдомства М. Н. П.“, утвержденныя министромъ 7 февраля 1897 года, отводятъ на чистописаніе два часа въ недѣлю; если-же мы примемъ во вниманіе, что тѣ же программы на русскій языкъ отводятъ только 8 часовъ, и что въ начальной школѣ многіе уроки русскаго языка (письмо) наполовину носятъ характеръ того же чистописанія, то будетъ понятно, почему чистописаніе въ народныхъ школахъ склонно очень часто являться паразитомъ по отношенію къ наиболѣе важнымъ предметамъ начальнаго курса.

Требованія министерской программы идутъ и еще дальше: если школа находится при благопріятныхъ условіяхъ, то чистописаніе принимаетъ характеръ уже цѣлаго курса.

Въ такихъ случаяхъ школѣ рекомендуется „*Письмо круглымъ шрифтомъ* (*рондо*), *а для православныхъ также и славянское письмо полууставомъ*“.

Таковы требованія министерства; требованія же и симпатіи ревизоровъ окончательно довершаютъ дѣло...

И. Н. Шапошниковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

И. С. Андреевскій. Директоръ Глуховскаго Учительскаго Института. Научныя основы педагогики. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. Кіевъ—Петербургъ—Харьковъ. 1903. 135 стр. Ц. 60 к.

Сильно ошибется тотъ, кто, прочтя заглавіе книги г. Андреевскаго, подумаетъ, что это произведеніе имѣетъ что-нибудь общее съ наукой или научнымъ методомъ. Среди цѣлаго моря наивныхъ разсужденій о педагогикѣ, наполняющихъ фельетоны плохенькихъ газетъ, едва-ли все-таки можно найти такіе перлы, какіе преподноситъ своимъ читателямъ г. Директоръ Глуховскаго Учительскаго Института.

Строго говоря, о такой книжкѣ, какъ произведеніе г. Андреевскаго, не стоило-бы писать ни одной строчки въ серьезномъ журналѣ. Но, какъ произведеніе *директора* Учительскаго Института, она безспорно заслуживаетъ вниманія—хотя-бы какъ нѣкоторый документъ къ исторіи нашей культуры. Поэтому я позволю себѣ злоупотребить вниманіемъ читателей и привести нѣсколько характерныхъ выдержекъ.

Въ предисловіи г. Андреевскій говоритъ, что его книга представляетъ трудъ коллективный, такъ какъ въ немъ принимали „весьма дѣятельное участіе“ воспитанники Глуховскаго Учительскаго Института. „Помощь, оказанная мнѣ воспитанниками института, состояла не только въ изложеніи моихъ мыслей, но весьма часто и въ развитіи ихъ, а также въ тѣхъ дополненіяхъ, которыя вызывались настоятельной необходимостью сообщить мыслямъ возможную ясность и точность“.

Но какъ ни старались ученики сообщить возможную ясность и точность мыслямъ своего директора, эта задача оказалась имъ не подъ силу, и читатель „научныхъ основъ“, созданныхъ воспитанниками Глуховскаго Института, постоянно чувствуетъ „настоятельную необходимость“ удивляться, удивляться и удивляться.

Вотъ нѣсколько положеній педагогики г. Андреевскаго, исправленныхъ и дополненныхъ его учениками:

1) „Психологическое направленіе въ педагогикѣ есть временное и

случайное". „Я (очевидно, это говоритъ самъ г. Директоръ, безъ учениковъ) думаю, что чѣмъ скорѣе мы освободимся отъ этого направленія, тѣмъ будетъ полезнѣе для педагогики" (стр. III).

2) „Въ настоящее время эти идеи (древнихъ пиѳагорейцевъ) принимаются въ химіи: H, напр., принимается за 1, C обозначается числомъ 6,0—8, S—16 и т. д. (стр. 19).

3) „Средневѣковая школа спасла самобытность европейской культуры, а, слѣдовательно, спасла науку и искусство" (стр. 40).

4) „Взгляды позитивистовъ вообще и Руссо въ частности приближаются къ взглядамъ іезуитовъ" (стр. 62).

5) У воспитателя гербартіанской школы „нѣтъ идеала, къ которому онъ могъ-бы самъ стремиться и къ которому онъ желалъ-бы направить своего ученика" (стр. 120).

6) Науки слѣдуетъ раздѣлять на *формальныя*, *механическія* и *органическія*. Къ формальнымъ наукамъ относятся, напр., математика, ариѳметика и геометрія, а къ механическимъ—алгебра, механика и искусство мореплаванія. Химія органическая относится къ органическимъ наукамъ, а химія неорганическая—къ механическимъ (Стр. 121—122).

Впрочемъ, довольно выписокъ. Онѣ достаточно характеризуютъ уровень знаній и степень педагогическаго пониманія г. Андреевскаго.

Общее впечатлѣніе, получаемое отъ книги г. Андреевскаго, довольно точно можно выразить его же собственными словами: „Идеалъ—высшая энергія движенія, вихрь мыслей, чувствъ, желаній. Категорія смысла и цѣли дѣятельности отсутствуетъ" (стр. 132).

Александръ Нечаевъ.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана 1902—1903 г. изд. подъ ред. директора ея А. И. Степовича. Годъ 8-й.

Новый выпускъ „Ежегодника" Кіевской Коллегіи представляетъ сборникъ разнообразныхъ статей, матеріаловъ и замѣтокъ, кромѣ офиціальнаго отдѣла. Это уже 8-й выпускъ изданія. Отмѣчая выходъ послѣднихъ „Ежегодниковъ" въ „Русской Школѣ", мы указывали только на детальные недочеты изданія,—теперь же вынуждены подробнѣе остановиться на общихъ и болѣе существенныхъ недостаткахъ его. Мы говоримъ: вынуждены, — потому что дѣло изданія, очевидно, стало уже на твердую почву, стало правильно періодическимъ, выходитъ ежегодно въ объемѣ 35 печатныхъ листовъ и болѣе, снабжено весьма недурно выполненными снимками на отдѣльныхъ листахъ и т. п. При такой постановкѣ дѣла и затратѣ средствъ на изданіе къ нему могутъ быть теперь предъявлены уже и болѣе серьезныя требованія, какъ къ общелитературному изданію. Становясь мало-по-малу изданіемъ, годнымъ для болѣе широкаго круга читателей, чѣмъ нѣсколько десятковъ питомцевъ коллегіи,

указанный сборникъ съ каждымъ почти годомъ увеличивается въ объемѣ и улучшается съ внѣшней стороны *), но со стороны внутренней принимаетъ все болѣе и болѣе странный характеръ. Даже часть официіальная вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Такъ, напр., почему въ „Ежегодникѣ“ печатается только *извлеченіе изъ отчета, читаннаго на актѣ коллегіи*, редакторъ не считаетъ нужнымъ объяснить. Въ извлеченіи достаточно сухого цыфрового и поименнаго матеріала; но едва только отчетъ подходитъ къ обобщенію или вообще къ указаніямъ на ходъ учебнаго дѣла и выполненіе задачъ и мѣръ для улучшенія педагогическаго дѣла въ школѣ, какъ сейчасъ-же слѣдуютъ бѣглыя замѣтки, полныя вольнаго или невольнаго умолчанія, или общія мѣста и фразы, далеко не удовлетворяющія читателя. Такъ, напримѣръ, вопросы о школьной дисциплинѣ вообще, да еще въ закрытомъ учебномъ заведеніи (скажемъ—особенно въ Коллегіи, куда сходятся для общежитія юноши въ наиболѣе острый періодъ своей жизни 14—20 лѣтъ),—вопросы о поддержаніи этой дисциплины характеризуются въ „Ежегодникѣ“ слѣдующими общими фразами, напоминающими намъ общія мѣста, пропечатанныя и въ отчетахъ предыдущихъ годовъ изданія: „Дисциплинарная часть поставлена въ заведеніи такимъ образомъ, что совершенно исключаетъ какія-нибудь негигіеничныя (!) унизительныя наказанія физическаго характера. Взаимныя отношенія воспитателей и воспитанниковъ основаны вообще на довѣріи, а различные дисциплинарные проступки, безъ которыхъ немыслима жизнь закрытаго учебнаго заведенія, караются,—и это оказывается совершенно достаточнымъ,—лишь замѣчаніями подлежащаго или дежурнаго воспитателя и выговорами директора и правленія, въ крайнемъ случаѣ, пониженіемъ отмѣтки по поведенію. Воспитатели стараются въ отношеніи ученія воспитанниковъ воздѣйствовать на нихъ въ томъ смыслѣ, чтобы они учились лишь для науки, а не для отмѣтокъ и наградъ, которыхъ, впрочемъ и не имѣется въ Коллегіи, чтобы въ заведеніи пріобрѣли вкусъ къ умственной работѣ и любовь къ научнымъ занятіямъ. Посему уже издавна въ Коллегіи ежедневныя отмѣтки отсутствуютъ и оставлены четвертныя, какъ болѣе или менѣе вѣрные показатели уровня знаній воспитанниковъ. Уклоненіе отъ приготовленія заданнаго урока карается, впрочемъ, согласно теоріи естественныхъ наказаній, лишеніемъ воспитанника прогулки (!) или отпуска до исполненія неприготовленной работы и до изученія не выученнаго по лѣности или другой неуважительной причинѣ урока“. Однимъ словомъ,—не примѣняется только то, что несогласно съ „теоріей естественныхъ наказаній“... Не менѣе блѣдно и неясно все сказанное о распредѣленіи учебныхъ занятій и предметовъ, отличающихся по программамъ отъ другихъ средне-учебныхъ заведеній, о засѣданіяхъ и результатахъ дѣятельности правленія и совѣта Коллегіи и т. п., такъ что отчетъ не даетъ въ итогѣ никакой общей, опредѣленной картины жизни Коллегіи за истекшее время.

---

*) Впрочемъ, корректура очень плоха.

Часть неофиціальная составлена въ „Ежегодникѣ“ достаточно безпорядочно. Первыя 225 стр. заняты продолженіемъ безконечной Puschkinian'ы быв. восп. В. Каллаша, въ которой $^3/_5$ заняты стихотвореніями и особенно стихокропаніями по поводу Пушкина, произведеніями, которыя едва ли помѣстило-бы на своихъ страницахъ какое-бы то ни было даже спеціальное литературное или научное изданіе. Далѣе слѣдуетъ статья А. І. Степовича о славистикѣ на XII археолог. съѣздѣ въ Харьковѣ и предварительномъ съѣздѣ русскихъ славистовъ въ С.-Петербургѣ 1903 г. Вслѣдъ затѣмъ преподаватель Г. В. Александровскій помѣстилъ отрывокъ своихъ уроковъ изъ читаннаго въ VII классной частной женской гимназіи А. Т. Тучинской подъ заглавіемъ: „Введеніе въ исторію новѣйшей русской литературы“. Послѣ него преподаватель З. А. Архимовичъ сообщилъ о своихъ удачныхъ экскурсіяхъ съ воспитанниками въ мастерскія Юго-Зап. жел. дор., въ университетскій зоологическій музей, политехнич. институтъ и астрономическую обсерваторію; о другихъ экскурсіяхъ, хотя онѣ были и осуществлены въ учебномъ году, въ „Ежегодникѣ“ не говорится ничего. 284-я страница посвящена сообщенію отъ редакціи. Изъ него мы узнаемъ, что у директора Коллегіи накопился значительный малорусскій этнографическій матеріалъ, до сихъ поръ остающійся, вслѣдствіе недосуга, почти неиспользованнымъ. Боясь, чтобы онъ не растерялся, собиратель рѣшилъ понемногу заняться разборомъ его и помѣщеніемъ кое-чего въ сборникахъ Коллегіи П. Г. Въ слѣдующемъ выпускѣ обѣщается отъ редакціи помѣщеніе кое-чего „Изъ этнографическихъ матеріаловъ“ А. І. Степовича. Помѣщенный ниже отдѣлъ „Библіографіи“ А. І. Степовича и Г. В. Александровича носитъ совершенно хаотическій и случайный характеръ; разбираются книги, неизвѣстно почему и зачѣмъ, различныхъ годовъ изданія—и старыя, и новыя; статейки имѣютъ видъ бѣглыхъ, торопливыхъ замѣтокъ лицъ, читавшихъ тѣ или иныя книги, замѣтокъ, едва ли кому-нибудь нужныхъ въ предлагаемомъ видѣ, случайно попавшихъ въ печать и неизвѣстно для кого и для чего опубликованныхъ... Можно предполагать что оба рецензента, судя по ихъ литературнымъ работамъ, прочли или просмотрѣли очень много книгъ, что они даже сдѣлали для себя и замѣтки о нихъ,—и вотъ изъ этого вороха замѣтокъ вытащили то, что случайно попалось подъ руки, и предали эти, полезные развѣ только для нихъ лично, бѣглые наброски тисненію... Такъ, очевидно, и составился отдѣлъ въ 26 рецензій, занявшихъ около 2 печатныхъ листовъ. Гораздо болѣе удачно и систематично составлено начало библіографической статьи Г. А., которая носитъ заглавіе „Библіографическіе матеріалы по вопросу о внѣклассномъ чтеніи учащихся и литературныхъ бесѣдахъ“. Авторъ задался цѣлью подвести итоги того, что сдѣлано въ этой области педагогики до сихъ поръ. Съ этою цѣлью онъ и помѣстилъ критическій обзоръ нѣкоторыхъ работъ о внѣклассномъ чтеніи и литературныхъ бесѣдахъ, напр., о книгахъ В. П. Острогорскаго „Бесѣды о преподаваніи словесности“, Г. Дорофеева „О постановкѣ внѣкласснаго чтенія“,

М. Шимановскаго „О литературныхъ бесѣдахъ для учащихся“ и др. (Рѣзанова, Харламова, Верещагина, Горбункова). Г. А. обѣщаетъ въ слѣдующемъ выпускѣ закончить разборъ наиболѣе характерныхъ работъ по данному вопросу, а также дать свое посильное рѣшеніе его. Но вслѣдъ за указанной статьей, неизвѣстно для кого и для чего, помѣщены нѣкоторыя случайныя вырѣзки изъ газетъ и журналовъ съ подзаголовкомъ „Мысли по вопросамъ образованія и воспитанія“; такъ, приводятся нѣкоторыя мысли изъ статьи „Охрана молодежи“ г Е. Поселянина, помѣщенной въ Московск. Вѣд. 1902 г., 27 ноября, такіе же отрывки изъ статьи „О внѣшкольномъ поведеніи учащихся“ изъ „Рус. Вѣдом.“ 1902 г. отъ 7 декабря, изъ статей „Нов. Врем.“ „Педаг. Сборн.“ и т. п. Совсѣмъ непонятное занятіе собирать эти случайные пустяки, нанизывать ихъ въ безпорядкѣ и преподносить читателямъ результаты подобнаго безполезнаго труда. Отдѣлъ трудовъ преподавателей и бывш. воспитанниковъ Коллегіи заканчивается по набраннымъ отовсюду и тоже случайнымъ спискамъ „важнѣйшихъ достопамятныхъ дней въ русской литературѣ и искусствѣ 1902 и 1903 гг.“ на $2^1/_2$ печатныхъ страничкахъ. Лучшій отдѣлъ „Ежегодника“—„Матеріалы для ист. Коллегіи П. Г., біографіи Г. П. Галагана и пр.“ Среди нихъ находимъ и новыя и старыя письма, воспоминанія и замѣтки перваго директора школы В. Григорьева, Ив. Аксакова, Ѳ. В. Чижова, Юр. Самарина, Мих. Ал. Максимовича и самого Г. Галагана. А далѣе... далѣе среди матеріаловъ помѣщена „выписка изъ нѣкоторыхъ журналовъ, помѣстившихъ отзывы о „Ежегодникѣ“ К. П. Г. въ 1902 г. Судя по выдержкамъ, рецензенты похваливаютъ „Ежегодникъ“, а также сотрудниковъ его и редактора, но только... слишкомъ странное „литературное“ предпріятіе помѣщеніе подобныхъ отзывовъ. Въ данномъ же отдѣлѣ „Матеріаловъ“ помѣщены „новыя и исправленныя свѣдѣнія о бывшихъ воспитанникахъ Коллегіи“—однако, въ большинствѣ случаевъ это и не новыя, и не исправленныя свѣдѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, что это за свѣдѣнія, будемъ говорить къ примѣру, что воспитанникъ, окончившій коллегію въ 1880 г., Аксаковъ Сергѣй, изучалъ право въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ, Андреевъ В. В., „окончивъ курсъ Коллегіи 1884 г. факультетѣ (?), но курса въ немъ, по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не окончилъ“, Ефимовъ П. Н. окончилъ курсъ *1890* и поступилъ въ университетъ Св. Владиміра и т. п., и т п. Мы понимаемъ, что отдѣлъ свѣдѣній о бывшихъ воспитанникахъ не можетъ отличаться ни полнотою, ни новизною, такъ какъ почти всецѣло зависитъ отъ самихъ же бывшихъ воспитанниковъ,—одни изъ нихъ (немногіе) присылаютъ цѣлый формуляръ свой, особенно тщательно подбирая каждую брошюрку, каждую печатную строку, которой они обмолвились въ какихъ-нибудь хотя-бы архиспеціальныхъ изданіяхъ, другіе (большинство) никакихъ свѣдѣній о себѣ не сообщаютъ: и то и другое—крайности, независящія, однако, отъ редакціи „Ежегодника“; но зачѣмъ все-таки вводить въ заблужденіе читателей якобы новыми или исправленными свѣдѣніями о бывшихъ коллегіатахъ?

Не проще ли совсѣмъ не перепечатывать изъ года въ годъ съ новыми поправками и новыми ошибками подобнаго списка о судьбѣ бывшихъ воспитанниковъ Коллегіи?—Послѣдній отдѣлъ „Ежегодника“—Приложенія,—это статьи преподавателя А. Тихова „Ораторское искусство у древнихъ грековъ“, переводъ ученика Л. Домбровскаго подъ руков. преподавателя Альдингера статьи Г. Бузольта изъ „Deutsche Rundschau „Эпиграфика и ея значеніе для греческой исторіи“ и перев. учениковъ Франковскаго и Кржевскаго подъ ред. преп. Н. Гливенка статьи Беллэга изъ Revue des deux mondes „Великій музыкантъ-реалистъ Мусоргскій“.

Таково содержаніе „Ежегодника“ Коллегіи. Какъ сборникъ „для домашняго обихода“, für wenige, быть можетъ, онъ и умѣстенъ, и удовлетворителенъ; какъ изданіе для публики (цѣна каждаго тома, кромѣ 7 вып.,—1 р., а послѣдній—2 р.), появляющееся уже 8 лѣтъ и представляемое на судъ журналистики, оно требуетъ многихъ улучшеній, которыя-бы осмыслили подобное литературное предпріятіе. Нельзя же подобное дѣло pro domo sua затѣвать и вести, расходуя силы и средства и оправдывая его благородствомъ предпріятія и замысла: замыслу должно соотвѣтствовать и подобающее серьезному изданію выполненіе. А тогда,—въ добрый путь! **И. Ж.**

С. И. Шохоръ-Троцкій. 1) Ариѳметика для начальныхъ школъ. Сост. С. И. Шохоръ-Троцкій. Спб. 1903 г. Ц. 15 к. 2) Ариѳметическій задачникъ для учителей. Вып. 1-й (для одноклассныхъ начальныхъ школъ). Изд. 7-е исправленное и дополненное. Ц. 45 к.

Появленіе составленной С. И. Шохоръ-Троцкимъ книжки „Ариѳметика для начальныхъ школъ“, вызвано слѣдующими соображеніями: „Въ нѣкоторыхъ школахъ, особенно съ четырехгодичнымъ курсомъ (въ такъ называемыхъ „двухкомплектныхъ“), ученикамъ на выпускныхъ испытаніяхъ предлагаются иногда вопросы, относящіеся до ариѳметическихъ опредѣленій и правилъ. Ученики могутъ отвѣчать на эти вопросы вполнѣ удовлетворительно только въ томъ случаѣ, если они освоились какъ съ основными ариѳметическими представленіями и навыками, такъ и съ формулировкою разныхъ ариѳметическихъ опредѣленій и правилъ. Чтобы удовлетворительно отвѣчать на подобные вопросы, недостаточно знать предметъ и понимать его: необходимо умѣть выражаться, а это умѣнье также требуетъ навыка и упражненія. Для удовлетворенія этимъ потребностямъ начальной школы и предназначена предлагаемая нынѣ вниманію учителей и учительницъ ариѳметика для начальныхъ школъ“. Такъ въ предисловіи къ книжкѣ авторъ объясняетъ причину, вызвавшую изданіе ариѳметики для начальныхъ школъ, а также цѣль и назначеніе книжки.

Изъ особенностей этой книги, отличающихъ ее отъ другихъ книгъ того-же содержанія, отмѣтимъ слѣдующія:

1) Опредѣленія нѣкоторыхъ понятій (напр., о величинѣ, о единицѣ, о числѣ и т. п.) либо совершенно опущены, либо-же замѣнены краткимъ описаніемъ тѣхъ условій, при которыхъ данное представленіе или понятіе возникаетъ.

2) Словесныя формы для опредѣленій выбраны наипростѣйшія, но въ полномъ согласіи съ современными научными формулами. Это всегда имѣлось въ виду авторомъ, и на это имъ указывалось еще много лѣтъ тому назадъ.

3) Каждому опредѣленію, по возможности, предшествуетъ такой частный примѣръ, съ которымъ тѣснѣйше связаны соотвѣтствующее понятіе и необходимость установленія того или иного термина.

4) Тѣ исключительные случаи, когда то или иное дѣйствіе теряетъ свой первоначальный смыслъ (напр., прибавленіе нуля или умноженіе на одну единицу и т. п.), выдѣлены изъ числа основныхъ случаевъ примѣненія даннаго дѣйствія. Но въ виду нѣкоторой тонкости вопросовъ этого рода, параграфы, посвященные этимъ вопросамъ, отнесены къ числу необязательныхъ и отмѣчены звѣздочкой.

5) Именованнымъ числамъ, дѣйствіямъ надъ ними и ихъ преобразованіямъ посвящена не отдѣльная глава, а лишь отдѣльные, въ разныхъ мѣстахъ книги, параграфы, въ зависимости отъ содержанія предыдущихъ параграфовъ. Такъ, раздробленіе составныхъ именованныхъ чиселъ изложено въ главѣ объ умноженіи, а превращеніе—въ главѣ о дѣленіи. Такимъ образомъ, раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ являются только задачами того или иного рода.

6) Такъ называемымъ „тройнымъ“ правиламъ въ Ариѳметикѣ для начальныхъ школъ „не отведено никакого мѣста. Сдѣлано это на основаніи того, что задачи, извѣстныя подъ именемъ задачъ на тройныя правила, рѣшаются разсужденіемъ; изложеніе-же способовъ разсужденія при рѣшеніи задачъ всякаго рода не можетъ входить въ составъ книги..., содержаніе которой должно исчерпываться ученіями о четырехъ дѣйствіяхъ надъ цѣлыми числами и краткимъ изложеніемъ ученія о четырехъ дѣйствіяхъ надъ дробными числами“.

7) Внѣшность изданія книжки согласована съ современными школьно-гигіеническими требованіями. Ученики, по мнѣнію г. Шохоръ-Троцкаго, могутъ обращаться къ этой книгѣ не ранѣе третьяго года обученія въ начальной школѣ, и то только въ томъ случаѣ, если учитель станетъ непосредственно руководить занятіями учениковъ по этой книгѣ. Необходимо, чтобы ученикамъ приходилось, при изученіи этой книги, работать не надъ содержаніемъ ея, а преимущественно надъ тѣмъ, какъ то или иное ученіе ариѳметики выражено, изложено въ книгѣ, и отчасти надъ тѣмъ, почему оно такъ или иначе выражено. Подготовкою къ усвоенію того или иного ученія, той или иной мысли, того или иного правила, должно служить рѣшеніе ряда предварительныхъ, цѣлесообразныхъ задачъ, вопросовъ и упражненій, имѣющихъ въ виду не

только содержаніе предстоящей по книгѣ работы, но и словесное выраженіе, въ которое облечено это содержаніе.

Необходимо имѣть въ виду, что выучивать что-бы то ни было изъ этой книги наизусть ученики не должны ни въ какомъ случаѣ. Они должны себѣ хорошо усвоить мысли и идеи, а не слова.

Разсматриваемая нами книжка „Ариѳметика для начальныхъ школъ“ издана г. Шохоръ-Троцкимъ для учениковъ 3-го и 4-го отдѣленій начальной школы; принимая во вниманіе, что во многихъ начальныхъ школахъ дѣти практически учатся четыре года, авторомъ будутъ изданы двѣ книжки (одна для учителей, другая для учениковъ), посвященныя тѣмъ ученіямъ ариѳметики, которыя въ трехгодичной школѣ слабо или вовсе не усваиваются. Разсматриваемой нами „Ариѳметикой для начальныхъ школъ“ можно пользоваться при всякихъ учебныхъ пособіяхъ (задачникахъ и руководствахъ по методикѣ). Въ книгахъ, составленныхъ С. И. Шохоръ-Троцкимъ подъ заглавіями“: „Ариѳметическій задачникъ для учениковъ“, вып. І-ый, и „Методика Ариѳметики“, часть 1-я, усвоенію текста учебника ариѳметики посвящены преимущественно ступени 26, 27, 28, и 29.

7-е изданіе выпуска 1-го „Ариѳметическаго задачника для учителей“ исправлено и дополнено: онъ обработанъ для одноклассныхъ начальныхъ школъ.

6-е изданіе этого задачника разошлось въ теченіе одного года въ количествѣ 6.500 экземпляровъ, что указываетъ на то, что учителя русской начальной школы ощущаютъ большую потребность въ такого рода книгахъ, а книги, издаваемыя г. Шохоръ-Троцкимъ, въ которыхъ обстоятельно продумана каждая ступень обученія, вполнѣ способны удовлетворить этой насущной потребности сельскихъ учителей и учительницъ.

Седьмое изданіе „Ариѳметическаго задачника для учителей“ исправлено противъ шестого въ отношеніи изложенія и дополнено задачами на метрическія мѣры. Кромѣ того, сдѣлано добавленіе, посвященное метрической системѣ мѣръ и намѣчены нѣкоторыя упражненія надъ десятичными дробями.

Въ этомъ „Задачникѣ для учителей“ приведены только главнѣйшія методическія указанія, относящіяся до того, какъ въ данный моментъ учить дѣтей и къ чему стремиться при проработкѣ упражненій. Составленъ „Задачникъ“ согласно съ требованіями „методы цѣлесообразныхъ ариѳм. задачъ и ариѳм. упражненій“. Съ помощью-же этой методы, какъ справедливо говоритъ авторъ, „всякій здравомыслящій взрослый человѣкъ, хотя-бы даже безъ значительнаго математическаго образованія и учительской опытности, можетъ при желаніи и самому поучиться вмѣстѣ со своими учениками, вполнѣ удовлетворительно поспособствовать усвоенію послѣдними совершенно опредѣленной и достаточной для цѣлей начальнаго образованія совокупности ариѳметическихъ представленій, понятій, умѣній, навыковъ и познаній“.

Курсъ ариѳметики одноклассной начальной школы распадается на 30

рѣзко обособленныхъ ступеней. Курсъ 1-го года обнимаетъ 14 ступеней, 2-го года—11 ступеней, начинаясь нумераціею по десятичной системѣ и заканчиваясь дѣленіемъ на многозначныя числа; курсъ 3-го года начинается выработкою точныхъ понятій о сложеніи и вычитаніи и заканчивается рѣшеніемъ задачъ на вычисленіе времени и смѣшанныхъ задачъ на метрическія мѣры и сообщенія понятія о десятичныхъ дробяхъ.

По совершенно справедливому мнѣнію почтеннаго автора, программа эта выполнима при томъ лишь условіи, ежели не только первый, но второй и даже третій годы обученія освобождены отъ рѣшенія слишкомъ сложныхъ и сколько-нибудь замысловатыхъ задачъ.

Задачникъ для учителей, безъ сомнѣнія, окажетъ большую услугу начинающему, да и всякому учителю начальной школы, руководя его опытною рукою на каждой ступени обученія, давая ему конспективныя указанія, какъ выработать то или другое понятіе, какъ подойти къ тому или другому ариѳметическому ученію. „Задачникъ для учениковъ“, служитъ ему необходимымъ дополненіемъ, имѣя въ виду самостоятельныя работы учениковъ. Въ заключеніе пожелаемъ книжкамъ, изданнымъ г. Шохоръ-Троцкимъ, самаго широкаго распространенія, какъ могущимъ много посодѣйствовать дѣлу обученія начальной ариѳметикѣ въ нашемъ родномъ отечествѣ.

Владиміръ Шидловскій.

Проф. Н. К. Никольскій. Ближайшія задачи изученія древне-русской книжности. Спб. 1903.

Сообщеніе Н. Никольскаго, помѣщенное въ 167 выпускѣ „Памятниковъ древней письменности и искусства“, должно, по мысли автора, въ недалекомъ будущемъ совершенно измѣнить обычное построеніе русской литературы древняго и средняго періода. Именно, авторъ считаетъ необходимымъ прежде всего выдѣлить изъ научныхъ и учебныхъ курсовъ русской литературы всѣ тѣ произведенія, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ духовно-учительной книжности и которыя были очень далеки отъ всякихъ литературныхъ теченій и направленій, въ широкомъ смыслѣ послѣдняго слова. Къ этому мнѣнію г. Никольскій пришелъ слѣдующимъ путемъ. Онъ изучилъ составъ нѣсколькихъ наиболѣе крупныхъ монастырскихъ библіотекъ и убѣдился, что кругъ интересовъ древнерусскаго грамотея сосредоточивался, главнымъ образомъ, на книгахъ церковнаго содержанія, отчасти богослужебныхъ, отчасти духовно-беллетристическихъ, учительныхъ и каноническихъ. Отъ частныхъ наблюденій можно было перейти къ обобщеніямъ, и авторъ „Ближайшихъ задачъ“ находитъ возможнымъ утверждать, что, если постоянныя обобщенія несовмѣстимы съ правильнымъ движеніемъ научной мысли, такъ какъ они основываются на недостаточно опредѣленныхъ и мало изученныхъ первоисточникахъ, то полученное такимъ путемъ наблюденіе „можетъ задержать на продолжительное время поступательный ходъ

науки по ея прямому направленію. Строго научная методика требуетъ поэтому, чтобы выводъ не отдѣлялся посредствующими скачками отъ посылокъ, изъ которыхъ онъ исходитъ". „Въ современной исторіографіи такъ называемой древне-русской литературы правило это оказывается совершенно забытымъ не только въ изысканіяхъ по частнымъ вопросамъ, но и въ самомъ построеніи общей системы",—продолжаетъ изслѣдователь. Отчетливо выдѣляются здѣсь преждевременныя обобщенія, сдѣланныя еще въ 50-хъ годахъ минувшаго вѣка, и этими старинными недосмотрами и опредѣляются въ настоящее время тѣ ближайшія задачи, которыя должны предстоять изслѣдователю до-Петровскаго книжнаго дѣла. Казалось-бы, что возможно представить автору цѣлый рядъ возраженій, если-бы онъ не подтвердилъ нѣсколькими фактами общей мысли, что нельзя примѣнять одни и тѣ-же методы, и къ исторіи русской церковной письменности XI—XVII вѣковъ, и къ школамъ русскихъ писателей XVIII—XIX столѣтій. Приведемъ примѣры. Чуть-ли не первымъ памятникомъ литературы XI вѣка считаютъ „Поученіе" Луки Жидяты, извѣстное до послѣдняго времени по тремъ рукописямъ. Профессоръ Никольскій отыскалъ еще 14 списковъ и нашелъ, что поученіе это въ разныхъ рукописяхъ читается и въ разныхъ редакціяхъ и что заглавіе статьи приписываютъ авторство его то „Архіепископу Василію", то „Святому Епископу Григорію", то прямо эклезіасту или же „анонимнымъ" старцамъ, отцамъ, „апостоламъ" и т. д. Далѣе, мнихъ Іаковъ извѣстенъ у насъ, какъ авторъ „житія св. Владиміра", „Похвалы" тому-же князю, „Посланія къ слугѣ Божію Дмитрію" и „сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ". Изслѣдователь отказался на время отъ тѣхъ заключеній по данному вопросу, которыя были высказаны въ свое время Сахаровымъ, митр. Макаріемъ, Шевыревымъ, Погодинымъ и другими историками, и на основаніи многочисленныхъ рукописей пришелъ къ убѣжденію, что „литературная слава Іакова есть миѳъ, и всѣ выводы объ этомъ квази-писателѣ XI вѣка совсѣмъ не научны" (стр. 31); такой-же „разрушительный исходъ" имѣло изученіе имъ произведеній Ѳеодосія, Кирилла Туровскаго, митр. Георгія, митр. Ефрема и др. писателей XI—XII вѣковъ. Однимъ словомъ, „литературныя права" наиболѣе крупныхъ писателей древняго періода, такъ сказать, отняты у тѣхъ лицъ, которыя фигурировали въ учебникахъ въ качествѣ вполнѣ достовѣрныхъ русскихъ писателей.

Кромѣ того, изученіе рукописнаго матеріала привело Н. К. Никольскаго къ выводу, что въ типичной древне-русской библіотекѣ, а именно въ библіотекѣ любого изъ бывшихъ монастырей не было свѣтскихъ памятниковъ, потому что послѣдніе исключались, какъ не отвѣчавшіе практическимъ потребностямъ мѣстныхъ общинъ. Если на основаніи этого матеріала мы можемъ говорить о состояніи церковно-учительнаго дѣла, то онъ не даетъ почти никакихъ свѣдѣній для сужденія о древней литературѣ въ полномъ объемѣ ея произведеній. Вотъ почему, по мнѣнію автора, всѣ статьи русскаго пера, носившія свѣтско-литературный отпечатокъ, сохранились до насъ въ сравнительно

позднихъ и единичныхъ спискахъ, нерѣдко носящихъ печать искаженій. Совсѣмъ не случайно то обстоятельство, что сгорѣвшій списокъ „Слова о Полку Игоревѣ" былъ единственнымъ. Дѣло въ томъ, что монастырская библіотека нуждалась, главнымъ образомъ, въ книгахъ богослужебныхъ, назидательныхъ, твореніяхъ отцовъ церкви, читавшихся или въ церкви, согласно требованіямъ церковнаго устава, или же въ келіяхъ, съ цѣлью внѣ-богослужебнаго назиданія, иноческаго самосовершенствованія и т. д.

Такимъ образомъ, по убѣжденію автора, „было-бы несправедливо предполагать, что древне-русская церковно-монастырская библіотека, охватила собою всѣ разряды памятниковъ литературнаго творчества". Такъ какъ „книжныя палаты церквей и монастырей не были складами случайныхъ рукописныхъ запасовъ, но служили опредѣленнымъ цѣлямъ, которыя, съ одной стороны, исключали изъ библіотеки то, что не имѣло близкой связи съ этими цѣлями, съ другой стороны намѣчали спросъ на рукописи съ содержаніемъ, необходимымъ для церковно-монастырскаго книгохранилища".

Отвѣтомъ на книгу Никольскаго служитъ статья академика А. И. Соболевскаго, „Древне-русскія книги и церковь", напечатанная въ II книжкѣ „Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и слов. Акад. Наукъ" за нынѣшній годъ. Почтенный академикъ смотритъ на cоставъ библіотекъ совершенно иначе. По его мнѣнію, въ большихъ монастырскихъ библіотекахъ древней Руси не было никакого подбора: „составленныя въ значительной части изъ келейныхъ книгъ монаховъ, эти библіотеки заключали въ себѣ все, что читали древне-русскіе грамотеи, даже запрещенныя церковью статьи. Церковь не подвергала книгъ монастырскихъ цензурѣ и смотрѣла на нихъ прежде всего, какъ на цѣнное имущество. Если монастырскія библіотеки сохранили намъ мало произведеній древней русской свѣтской литературы, то единственно потому, что эта литература была совсѣмъ скудна. Духовная литература древней Руси, удовлетворявшая потребностямъ всего читающаго общества, то есть не только монаховъ и духовенства, но и мірянъ, была столь же обще-народною, сколько теперь, въ XIX—XX вѣкахъ, обще-народная свѣтская литература".

Во-вторыхъ, критикъ останавливается на затронутомъ г. Никольскимъ вопросѣ о гибели памятниковъ древне-русской литературы и приходитъ къ тому выводу, что судьба списковъ „Слова о Полку Игоревѣ" далеко не единична, такъ какъ можно составить довольно длинный перечень и переводныхъ, и оригинальныхъ произведеній духовной литературы, которыя дошли до насъ лишь въ позднихъ и единичныхъ спискахъ, обыкновенно съ искаженіями. Такъ, мы не имѣемъ ни одного полнаго экземпляра такого важнаго памятника духовной литературы, какъ Четьи-Минеи до Макарьевскаго состава, какъ житіе одного изъ популярныхъ нашихъ святыхъ, Антонія Печерскаго, наконецъ, монашеская хроника Іоанна Маллалы. Взамѣнъ этого утвержденія, А. И. Соболевскій ставитъ другой вопросъ: можемъ-ли мы предполагать, что свѣтская литература была сильна вообще въ древней Руси, и что когда-нибудь былъ даже ея

„значительный расцвѣтъ?“ Отрицательный отвѣтъ приходитъ самъ собой, потому что „снабжавшая насъ своими литературными произведеніями, Византія сама была бѣдна въ области свѣтской литературы. Правда, памятники Византійской свѣтской литературы дошли до насъ далеко не всѣ; правда, ихъ число можетъ быть нѣсколько пополнено древне-русскими переводами, какъ этихъ переводовъ ни мало. Но фактъ бѣдности византійской литературы свѣтскими произведеніями все-таки остается фактомъ.

Итакъ, нѣтъ основаній говорить объ обиліи у насъ переводныхъ съ греческаго свѣтскихъ произведеній. Древняя Русь такъ слѣдовала за Византіей, такъ копировала византійскіе образцы, что трудно даже предположить возможность обилія свѣтскихъ повѣстей русскаго происхожденія, въ родѣ „Повѣсти объ Акирѣ“. Аскетическій складъ древней русской жизни давалъ мало мѣста не только свѣтской литературѣ, но даже назидательной, по крайней мѣрѣ, не соблазнительной для благочестиваго человѣка; молодежь и зрѣлые люди, мало склонные къ аскетизму, имѣли въ своемъ распоряженіи пѣсни, сказки и вообще богатую и разнообразную въ то время устную словесность; книжные люди едва-ли были расположены къ свѣтскому чтенію и свѣтскому литературному творчеству. Забота о спасеніи души такъ глубоко сидѣла въ головѣ древне-русскаго человѣка, что онъ при первомъ удобномъ случаѣ шелъ въ монастырь, и монашескою рясою застраховывалъ себя отъ адскихъ мученій загробной жизни. Князья и бояре не представляли исключенія; хотя и передъ самою смертью, но все-таки они облекались въ иноческій чинъ. „Обмірщеніе“, если можно употребить это слово, началось въ Россіи относительно поздно. Московскіе цари XVI вѣка еще держатся аскетическаго идеала во всей его полнотѣ и умираютъ монахами. То же можно сказать о значительной части бояръ. Только въ XVII вѣкѣ, послѣ тяжелаго смутнаго времени, когда въ Москву нахлынули званые и незваные иноземцы, когда вообще Москва узнала много новаго,—мы въ ней видимъ ослабленіе аскетизма. И царь Михаилъ Ѳедоровичъ, и его сынъ умираютъ мірянами. Они оба благочестивы, усердно молятся и ѣздятъ на богомолье, но „обмірщеніе“ у нихъ, особенно у царя Алексѣя, уже замѣтно. То же можно сказать объ ихъ боярахъ. Есть между ними и такіе, что оставляютъ міръ и кончаютъ жизнь въ монастыряхъ; назовемъ знаменитаго Ордына-Нащокина, но большая часть также умираетъ въ мірскомъ платьѣ“. Намъ кажется, что со взглядомъ А. И. Соболевскаго слѣдуетъ вполнѣ согласиться, потому что наличный составъ всей до-Петровской литературы убѣждаетъ насъ въ томъ, что „свѣтскіе“ памятники появляются какъ разъ одновременно съ началомъ усиленнаго западнаго вліянія, когда опека Византіи прекратилась. Вотъ въ какомъ смыслѣ можно назвать „Слово о Полку Игоревѣ“ памятникомъ одинокимъ. Критикъ согласенъ съ Никольскимъ, что фактъ сохраненія этого памятника, всего въ одномъ спискѣ — не случайность. „Но необходимо добавить,—говоритъ онъ далѣе,—что было-бы полною странностью, если-бы онъ дошелъ до насъ въ большомъ числѣ списковъ. Мы не сомнѣ-

ваемся, что произведеній однородныхъ съ „Словомъ“ въ до-монгольской Руси было много, но эти лироэпическія описанія выдающихся въ дружинной жизни событій, иногда, вѣроятно, просто панегирики князьямъ, должны были имѣть лишь временный, скоро преходящій интересъ; да и понимать ихъ возможно было лишь современникамъ, знавшимъ событія“.

Естественно, они исчезали чрезвычайно скоро. Позволительно сомнѣваться, чтобы среди русскихъ читателей XV—XVI вѣковъ были такіе, которые моглибы интересоваться „словомъ“. Имъ трудно было наводить справки, о какомъ князѣ, о какомъ походѣ идетъ рѣчь; имъ были непонятны намеки на лица и событія, разсѣянные по всему „Слову“ и еще не вполнѣ разгаданные нами; вообще содержаніе „Слова“ имъ было совершенно неясно. Очевидно, оно было переписано въ XV вѣкѣ лишь въ силу инерціи, въ силу той привычки любителей книжнаго писанія списывать все, что попадалось подъ руку, благодаря которой мы имѣемъ поздніе списки такихъ текстовъ, которые для читателей не представляли даже малѣйшаго интереса. Другія подобныя „Слову“ произведенія погибли, кажется, безслѣдно. Вѣроятно, очень немногія изъ нихъ были въ свое время записаны. Мы не знаемъ, какъ именно исполнялось „Слово“; несомнѣнно, оно было назначено для чтенія вслухъ и притомъ, судя по стихотворному складу нѣсколькихъ мѣстъ, речитативомъ: должна была быть какаянибудь особая причина, почему оно было записано. Сходныя со словомъ произведенія также составлялись для чтенія вслухъ; можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ имѣли въ свое время еще большій успѣхъ среди слушателей, чѣмъ „Слово“; но не явилось достаточнаго основанія для того, чтобы ихъ занести на пергаментъ, и они не вошли въ составъ нашей письменности“.

Такимъ образомъ, упоминаніе о „Словѣ“ нисколько не нарушаетъ общаго характера въ древне-русской литературѣ, которая была строго церковной.

Является поэтому еще одинъ вопросъ: какое-же отношеніе имѣетъ вся эта „духовная до-Петровская литература“ къ „свѣтской послѣ-Петровской?“ Почему въ любомъ учебникѣ исторіи нашей литературы удѣляется мѣсто древнерусскимъ проповѣдникамъ, и не упоминаются такіе блестящіе церковные ораторы, какъ Архіеп. Иннокентій, Филаретъ, Путятинъ и другіе? Если древніе проповѣдники попали въ „исторію“ русской литуратуры только потому, что древній періодъ ея бѣденъ свѣтскими памятниками, то зачѣмъ-же выбрасывать изъ „исторіи“ всю духовную литературу, появившуюся послѣ Петра I? Вотъ вопросы, надъ которыми можно задуматься, и которые, надо полагать, разрѣшатъ въ недалекомъ будущемъ наши ученые.

А. И. Яцимирскій.

Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Историческія монографіи и изслѣдованія. Изд. Литературнаго фонда. Книга 1-я, томы I-й, II-й и III-й С.-Петербургъ, 1903.

Когда теперь ученые русскіе историки говорятъ о трудахъ Н. И. Косто-

марова, то приходится иногда слышать довольно скептическіе отзывы о научной цѣнности его изслѣдованій, а случается порою даже встрѣчаться со снисходительной оцѣнкой его трудовъ. Едва-ли это справедливо. Во-первыхъ, все же величайшими русскими историками XIX в. остаются С. Соловьевъ и Н. Костомаровъ (Карамзинъ скорѣе писатель-историкъ, тяготѣющій къ группѣ ученыхъ XVIII в., давшій завершеніе и отдѣлку ихъ предшествующей работѣ); во-вторыхъ, въ сферѣ пониманія исторіи такъ, какъ ее понимали лучшіе умы 30—50 лѣтъ тому назадъ во всей западной Европѣ, никто никогда въ русской исторіи не могъ не только превзойти его, но и сравняться съ нимъ. Русская историческая наука, особенно за послѣднія 20 лѣтъ, далеко шагнула впередъ, нашла себѣ новые пути изслѣдованія, изучила и освѣтила многое изъ того, что прежде казалось неяснымъ или неинтереснымъ и малозначащимъ въ прошлой жизни русскаго народа; но она находится все-же пока въ процессѣ подготовительной работы: когда-нибудь вѣроятно, явится высоко-талантливый историкъ и, использовавъ все добытое до него учеными историками новаго времени и направленія, проработавъ самостоятельно новые матеріалы и переоцѣнивъ новыя данныя, соберетъ ихъ въ рядъ цѣльныхъ и широкихъ, вѣрныхъ исторической дѣйствительности и точныхъ по научнымъ методамъ, картинъ русской исторической жизни, но... пока „Сочиненія“ Н. Костомарова не могутъ утратить для насъ своей и популярной, и научной цѣнности, несмотря на то, что съ объясненіемъ и освѣщеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, быть можетъ, теперь и не приходится соглашаться. Кромѣ того, труды знаменитаго историка цѣнны и съ общественной стороны: не забудемъ, что Н. Костомаровъ былъ лучшимъ представителемъ того пониманія русской исторіи, который былъ близокъ къ великому общественному движенію, какъ теперь часто говорятъ, къ „веснѣ“ русской жизни. Если имя Н. Костомарова остается на самомъ видномъ мѣстѣ въ обще-русской исторической литературѣ, то въ исторіи малорусской онъ занимаетъ и до сихъ поръ первое и неоспариваемое мѣсто, несмотря на выдающіеся и сильные труды такихъ и старыхъ, и новыхъ историковъ Украины, какъ В. Антоновичъ, А. Лазаревскій, О. Левицкій, М. Грушевскій и многіе др. Такимъ образомъ, историческая работа Костомарова имѣетъ далеко не одну только высокую цѣнность въ развитіи исторической русской науки,—они сохранили значеніе и сами по себѣ, какъ историческое и художественныя монографіи и статьи, безъ которыхъ и русскій образованный человѣкъ не можетъ обойтись и мимо которыхъ никакой русскій ученый историкъ пройти не имѣетъ права и возможности.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ очень кстати рѣшило предпринять новое изданіе трудовъ Костомарова: распространеніе среди публики тѣхъ свѣдѣній и тѣхъ взглядовъ, которыми освѣщены всѣ труды историка, необходимы особенно теперь, когда интересъ къ знанію вообще и къ историческому въ особенности все больше и больше охватываетъ ши-

рокіе круги русской публики. Между тѣмъ 21 томъ „Монографій“ и изслѣдованій ученаго, появлявшихся отъ времени до времени въ теченіе послѣдней четверти прошлаго вѣка, нынѣ часто является даже библіографической рѣдкостью: въ большинствѣ весьма полныхъ частныхъ и общественныхъ библіотекъ можно встрѣтить тотъ или другой томъ или рядъ томовъ „Монографій“, но весьма рѣдко всѣ или почти всѣ сочиненія Костомарова. На встрѣчу интересамъ читающей публики и выступаетъ теперь литературный фондъ со своимъ дешевымъ и полнымъ изданіемъ монографій и изслѣдованій историка. 21 томъ размѣщенъ компактно въ восьми книгахъ. Первая книга появилась недавно, послѣдняя выйдетъ въ свѣтъ черезъ полтора года. Въ появившейся книгѣ сосредоточенъ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій и статей первыхъ трехъ томовъ: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, „Двѣ русскія народности“, „Ив. Сусанинъ“, „Герм. Выговскаго“, „Бунтъ С. Разина“ и др.; такимъ же содержаніемъ будетъ отличаться и пятая книга (томы XII, XIII, XIV). Вторая книга—„Смутное время“ третья—„Сѣверно-русскія народоправства“ четвертая—„Богданъ Хмѣльницкій“—шестая—„Руина, Мазепа и Мазепинцы“ седьмая—„Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, а въ восьмой—остальныя монографіи 19, 20 и 21-го тома. Изданіе выполнено болѣе аккуратно и изящно, чѣмъ подобное же компактное изданіе „Ист. Россіи“ Соловьева въ 6 книгахъ; шрифтъ мелкій, но четкій, и страница, что очень пріятно для глазъ, не разбита на два столбца. Цѣна за 8 книгъ, каждая около 375 печ. листовъ, теперь опредѣлена въ 20 рублей,—это вполнѣ умѣренная и доступная цѣна за все изданіе.

Р. Пономаревъ. Сборникъ задачъ по элементарной физикѣ. 1902 г. **Ц. 1 руб.**

На послѣднемъ съѣздѣ преподавателей физики въ Москвѣ признана была необходимость введенія рѣшенія задачъ въ преподаваніе физики. На эту тему авторомъ настоящаго сборника былъ прочитанъ докладъ, встрѣтившій полное сочувствіе съѣзда. Это и побудило его составить предлагаемый сборникъ.

При этомъ онъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: облегчить трудъ преподавателей по придумыванію задачъ и дать возможность лицамъ, подготовляющимся къ экзаменамъ въ высшія учебныя заведенія, провѣрять и укрѣплять свои знанія. Первому изъ этихъ предназначеній сборникъ удовлетворяетъ весьма хорошо. Задачъ въ сборникѣ очень много, около 1.000, и среди нихъ, какъ говоритъ и составитель, одинаковыхъ немного. Это относится, конечно, лишь къ разнообразію числовыхъ данныхъ и условій задачъ; рѣшеніе же задачъ одного какого-либо отдѣла основано въ сущности на примѣненіи небольшого числа основныхъ уравненій. Съ этой точки зрѣнія многочисленность задачъ, пожалуй, и не важна, особенно при условіяхъ преподаванія физики въ нашей средней школѣ. Настоящимъ сборникомъ предусмотрѣны по всѣмъ почти отдѣламъ элементарнаго курса всевозможные случаи, могущіе встрѣтиться въ прак-

тикѣ рѣшенія задачъ въ классѣ. Хорошо разработанъ, между прочимъ, отдѣлъ электричества, содержащій много задачъ на примѣненіе законовъ Ома, Кирхгофа, Джоуля, Баридэя и по электростатикѣ. Въ очень небольшомъ числѣ задачъ по элекростатикѣ затронуты понятія о потенціалѣ и электроемкости. Слабѣе отдѣлъ объ измѣреніи и работѣ силъ, весьма важный и обыкновенно съ трудомъ усваиваемый учащимся. Свѣдѣнія, сообщаемыя школой по этому отдѣлу физики, обыкновенно весьма отвлеченны и слишкомъ лаконичны; поэтому весьма немногіе кончаютъ гимназію съ ясными понятіями изъ механической физики. Этой бѣдѣ отчасти можно было-бы помочь хорошимъ подборомъ задачъ изъ явленій практическихъ, обыденныхъ, напр., задачъ о движеніи поѣздовъ, ядеръ, пуль, молота, маховика, мельничныхъ крыльевъ и пр. Правда, пришлось-бы и тутъ считаться съ недостатками времени, посвящаемаго въ школѣ физикѣ. Въ небольшомъ числѣ задачъ отдѣлъ сборника объ измѣреніи силъ, количествѣ движенія, работѣ силъ, живой силѣ содержитъ ту-же отвлеченность, о которой обыкновенный учитель говоритъ и въ классѣ, оставаясь обыкновенно мало понятымъ своими учениками. Имѣется въ книжкѣ также цѣнный отдѣлъ о работѣ пара и электричества и о механическомъ эквивалентѣ теплоты, содержащій 33 простыя задачи.

Для второй поставленной составителемъ цѣли сборникъ менѣе удобенъ по слѣдующимъ причинамъ. Лицо, самостоятельно подготовляющееся, положимъ, къ экзамену, ищетъ въ задачникѣ, между прочимъ, надежную опору при разрѣшеніи своихъ сомнѣній насчетъ примѣненія того или другого закона, вѣрнаго отвѣта на задачу и удобной формы указанія, которыя лучше всего, конечно, давать въ видѣ общихъ буквенныхъ выраженій и уравненій. Требованія эти выполнены далеко не идеально. Въ этомъ отношеніи сборникъ значительно уступаетъ, напр., превосходному нѣмецкому задачнику по физикѣ Wilhelm'a Budde. Задачникъ Пономарева снабженъ въ концѣ книги особымъ отдѣломъ указаній способовъ рѣшеній, назначеннымъ главнымъ образомъ, по словамъ самого автора, для самостоятельной работы учениковъ и молодыхъ людей, готовящихся къ поступленію въ высшія учебныя заведенія. Указанія эти составлены въ видѣ уравненій, содержащихъ непосредственно числовыя данныя задачи, иногда громадныя числа. Разбираться въ этихъ числовыхъ уравненіяхъ, иногда очень длинныхъ, безъ указаній на значеніе и происхожденіе того или другого числа или буквы, отнимаетъ подчасъ порядочно времени. Притомъ на-ряду съ указаніями рѣшеній болѣе трудныхъ и типическихъ задачъ приведены указанія для нѣкоторыхъ совсѣмъ простыхъ задачъ; трудныя же для многихъ задачи по механикѣ совсѣмъ не имѣютъ указаній. Вѣдь, какъ ни просты, напр., основныя формулы $f = mg$, или $^1/_2\, mv^2 = fh$ (сила, работа), слѣдуетъ признать, что примѣненіе ихъ по большей части затрудняетъ учениковъ; занимающихся самостоятельно — еще болѣе, особенно, когда отъ теоретическихъ „дина“ и „эрга“ приходится переходить къ практическимъ единицамъ.

Довольно велико число замѣченныхъ нами неточныхъ и прямо ошибочныхъ

отвѣтовъ, напр., №№ 45, 85, 88, 292, 883, 907 и др. Кое-гдѣ неудачна и формулировка задачъ. Не можетъ быть одобренъ и такой неудобный способъ печатанія уравненій, какъ въ № 525, гдѣ не отличить конца одного уравненія отъ начала другого. Перепутаны также кое-гдѣ и номера указаній, напр., №№ 362, 368. Все это внѣшность, не умаляющая достоинства самыхъ задачъ; но уменьшается отъ этого удобство пользованія сборникомъ при подготовкѣ къ экзаменамъ, когда время всего дороже, и, вообще, при самостоятельной работѣ такія помѣхи нежелательны. **Э.**

Наглядная карта Европейской Россіи, составленная Томасикомъ, дополненная и изданная кружкомъ учителей подъ редакціей В. В. Урусова. Изданіе С. Г. Фабіянскаго.

Указатель къ наглядной картѣ Европейской Россіи. Варшава. 1903 г. Ц. 17 руб.

Въ послѣднее время при прохожденіи курса географіи обращено особенное вниманіе на наглядность преподаванія, для чего употребляются стѣнныя картины мѣстностей и типовъ населенія, различные рисунки, прилагаемые къ учебникамъ, иллюстраціи, наглядныя пособія и др. Но всѣ эти изображенія не имѣютъ непосредственной связи съ географической картой. Первой попыткой установить такую связь была карта Европейской Россіи, составленная И. Н. Михайловымъ, а позднѣе карта Шипова, на которой была изображена условными знаками промышленность Европейской Россіи.

Карты эти, однако, по своему исполненію и небольшимъ размѣрамъ не могли дать нагляднаго изображенія природы и жизни страны. Въ такомъ-же родѣ, только безъ очертаній контуровъ Европейской Россіи была и карта Дубенскаго, хотя и исполненная красками.

Разбираемая наглядная карта Европейской Россіи, составленная Томасикомъ, отличается отъ указанныхъ картъ своими большими размѣрами (214╳166 сантиметровъ или 3 арш. ╳ 2 арш. $5^1/_2$ верш., масштабъ 50 вер. въ 1 англ. дюймѣ) и является поэтому дѣйствительно наглядной.

„Для преподаванія географіи, — говорится въ предисловіи къ указателю карты,—является настоятельная потребность въ такомъ учебномъ пособіи, которое дало-бы возможность указать на связь пространства данной мѣстности съ органическою жизнью, на ней развивающейся и находящей пропитаніе. Такимъ пособіемъ должна быть географическая карта съ рисунками на ней, наглядно изображающими взаимное соотношеніе природы и ея географическаго базиса такъ, чтобы глазъ, при первомъ взглядѣ на эту карту, воспринялъ вмѣстѣ съ изображеніемъ предметовъ и впечатлѣніе этой связи“.

„Попытка составленія такой карты Россіи принадлежитъ учителю М. Томасику. Его „Опытъ наглядной карты Европейской Россіи“, появившійся на Нижегородской Всероссійской выставкѣ въ 1896 году, награжденъ дипломомъ за № 3.255 и вызвалъ лестные отзывы печати. Это обстоятельство послужило

къ образованію кружка учителей, задавшихся цѣлью, совмѣстно съ инціаторомъ М. Томасикомъ, дополнить эту карту географическими данными по новѣйшимъ источникамъ, сдѣлать нѣкоторыя улучшенія въ отношеніи внѣшности, отчетливости и возможной художественности воспроизведенія рисунковъ, дѣйствующихъ всецѣло на зрѣніе, т. е. на органъ, оказывающій памяти наибольшую услугу, и затѣмъ выпустить ее въ свѣтъ, какъ учебное пособіе, служащее вѣрнымъ средствомъ для легчайшаго закрѣпленія въ памяти учащихся свѣдѣній, помѣщенныхъ въ учебникахъ географіи".

Карта Томасика представляетъ то же, что и обыкновенныя географическія карты, т. е. границы, моря, заливы, острова, полуострова, горы (наглядно), рѣки, озера, каналы, желѣзныя дороги и т. п., но, кромѣ того, на ней изображено наглядно, красками: виды почвы, растенія, животныя, типы народовъ Европейской Россіи, промышленность, виды главнѣйшихъ городовъ, историческіе памятники, крѣпости, лѣчебныя мѣстности, таможни, рѣчныя пристани и морскіе рейсы съ обозначеніемъ времени, нужнаго для проѣзда отъ одного пункта до другого. Россія раздѣлена на пространства, отдѣленныя красной и двумя зелеными линіями, и губерніи, обозначенныя одной красной линіей. Границы губерній однако, такъ-же, какъ и желѣзныя дороги, часто прерываются различными рисунками. Фонъ карты свѣтлокоричневый соотвѣтствуетъ обыкновенной пахатной почвѣ (глинистой, суглинистой и супесчаной), темнокоричневый — почвѣ черноземной; зеленый съ различными оттѣнками и изображеніемъ растительности означаетъ болота, тундры и степи.

Лѣса указаны рисунками соотвѣтствующихъ древесныхъ породъ—хвойныхъ и лиственныхъ. Культурныя растенія также представлены подходящими изображеніями, которыя иногда даже указываютъ количественную разницу въ разныхъ мѣстахъ страны; такъ напр., при обозначеніи хлѣбныхъ растеній—ржи, пшеницы, овса, ячменя, снопъ съ колосомъ обозначаетъ сборъ хлѣба съ избыткомъ, пучекъ колосьевъ—сборъ хлѣба, достаточный для прокормленія населенія и для хозяйственныхъ надобностей, одинъ колосъ—недостатокъ своего хлѣба въ данной мѣстности. Количество разводимаго скота въ извѣстной мѣстности находится въ связи съ числомъ изображеній таковаго на картѣ: стадо овецъ, напр., означаетъ около 3.000.000 головъ. То же надо сказать и относительно обозначенія промышленности. Намѣчены на картѣ особенно важныя фабрики и заводы, при чемъ тѣ изъ нихъ, на которыхъ рабочихъ приходится менѣе 3.000 человѣкъ, показаны изображеніемъ одного только товара, а на которыхъ болѣе указаннаго числа рабочихъ, тѣ обозначены, кромѣ товара, еще фабричнымъ зданіемъ.

Сахарные заводы отмѣчены сахарной головой, производство обуви—сапогами, пчеловодство—ульями, минеральныя воды—ванной, ярмарки — вѣсами и т. п. При университетскихъ городахъ находится книга. Въ моряхъ изображены породы тѣхъ рыбъ, которыя тамъ водятся.

На свободныхъ поляхъ карты наглядно изображены статистическія данныя,

относящіеся къ Европейской Россіи: пространство, народонаселеніе, скотоводство, народное образованіе, ввозъ и вывозъ товаровъ, годовой сборъ зерновыхъ хлѣбовъ и картофеля, промышленныхъ растеній и волокнистыхъ веществъ, производство вина, спирта, масла, сахара, нефти, добычи металловъ и минераловъ. Наглядно изображена сравнительная высота горъ Европейской Россіи, величина главнѣйшихъ городовъ Европейской Россіи по числу жителей въ видѣ кружковъ различныхъ размѣровъ, длина главнѣйшихъ рѣкъ. Внизу представлены планы города С.-Петербурга и Москвы, красивые виды шлюза, водопада Иматры, царь-колокола и царь-пушки.

Въ особой рамкѣ указано раздѣленіе Европейской Россіи на пространства и губерніи съ указаніемъ главнѣйшихъ видовъ промышленности и занятій жителей каждаго пространства.

Вся эта карта окаймлена рамкой, въ которой находятся объясненія условныхъ рисунковъ, помѣщенныхъ на картѣ и гербы всѣхъ губерній. Въ углахъ рамки изображены эмблемы науки, искусства, промышленности, торговли и земледѣлія. Въ верхней части рамки около герба Россійской Имперіи представлены историческія событія и портреты: призваніе первыхъ князей, крещеніе кіевлянъ, привѣтствіе народомъ Царя-Освободителя (по поводу 19 февраля 1861 года), Священное коронованіе Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, портреты Рюрика, Владимира Св., царя Михаила Θеодоровича и Императора Петра Великаго.

Перехожу теперь къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ. На картѣ не нанесена р. Сосна, р. Вологда, рѣка Занга, т. е. озеро Гохча показано не имѣющимъ стока. Не обозначена желѣзная дорога къ Эривани, а у Саратова проведенъ желѣзнодорожный мостъ черезъ Волгу. Въ Архангельской губ. нѣтъ города Александровска, которой теперь сдѣланъ уѣзднымъ городомъ вмѣсто г. Колы.

На Кавказѣ нѣтъ Мцхета, древней столицы Грузіи, Новаго Аѳона, который имѣетъ большое значеніе для всего западнаго Кавказа, привлекая въ лѣтнее время тысячи богомольцевъ. Въ Екатеринославской губ. нѣтъ Юзовскаго завода. Въ Ирбитѣ не показана ярмарка, вторая по размѣрамъ въ Россіи; въ Петергофѣ не обозначена большая гранильная фабрика, хотя видно производство игральныхъ картъ, о чемъ обыкновенно не упоминается въ курсахъ географіи. Ораніенбаума нѣтъ совсѣмъ. Въ Крыму не указано разведеніе табака. Не вполнѣ удачно изображеніе табачныхъ фабрикъ въ видѣ какъ-бы двухъ книгъ, лежащихъ одна на другой; на книгахъ—палочка, которая, вѣроятно, должна изображать папиросу. Добываніе соли въ Крыму помѣчено знакомъ, соотвѣтствующимъ добыванію соды. У Ставрополя рисунокъ свѣчей не отвѣчаетъ условному знаку. Рисунокъ ржи трудно отличить отъ рисунка пшеницы, и нѣкоторые другіе. Длина Днѣпра и Дона указана неточно. Въ указателѣ, приложенномъ къ картѣ, на стр. 43 и 54 находимъ несуществующую Урало-Карпатскую возвышенность. На стр. 70 Кахетіей названа долина рѣки Куры.

Но всѣ указанные недочеты нисколько не нарушаютъ хорошаго впечатлѣнія, которое производитъ карта. Всѣ рисунки исполнены красками очень отчетливо, ясно и изящно. Особенно хороши картины сѣвера: корабль во льдахъ, виды тундры, охота на тюленей, медвѣдя съ рогатиной, на кита; видъ шлюза водопада Иматры и др. Рѣки, озера и моря ясно выдѣляются на общемъ фонѣ.

Карта не пестритъ названіями, которыя поэтому не мѣшаютъ ясности рисунковъ. Вообще желаніе представить наглядно въ картинахъ на картѣ жизнь и дѣятельность человѣка и тѣмъ заинтересовать учащихся заслуживаетъ вполнѣ одобренія и сочувствія. Поэтому нельзя не пожелать полнаго успѣха и распространенія этой карты, исполненіе которой потребовало не мало времени и усердной, кропотливой работы со стороны ея составителей.

Въ большихъ и многолюдныхъ классахъ употреблять эту карту неудобно, такъ какъ на большомъ разстояніи нельзя ясно разбирать всѣхъ предметовъ, помѣщенныхъ на картѣ; но для внѣкласнаго и домашняго употребленія карту эту можно рекомендовать при прохожденіи курса отечественной географіи въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ полезное наглядное пособіе которое, привлекая вниманіе своими разнообразными и хорошими рисунками, можетъ возбудить у учащихся интересъ къ изученію нашего обширнаго отечества. **А. В. Чеботаревъ**.

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература. Каталогъ книгъ для народныхъ чтеній. Ц. 50 к. Н.-Новгородъ. 1903 г. Стр. 107 in 16°.

Въ книжкѣ помѣщены названія 1.597 книгъ, по мнѣнію г. Лебедева, пригодныхъ для народныхъ чтеній. Огромное большинство изъ нихъ одобрены для народныхъ чтеній, библіотекъ-читаленъ и библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Конечно, трудно на слово повѣрить г. Лебедеву въ томъ, что всѣ 1.597 книгъ являются подходящими для народныхъ чтеній. Мы очень внимательно просмотрѣли каталогъ г. Лебедева и должны признаться откровенно, что сотни указанныхъ авторомъ книгъ намъ совершенно неизвѣстны, и потому о нихъ мы ничего не можемъ сказать—ни хорошаго, ни дурного. Изъ извѣстныхъ намъ книгъ въ каталогѣ г. Лебедева помѣщено не мало такихъ, которыя принято относить къ категоріи „невредныхъ". Попадаются также книги, совершенно не подходящія для народныхъ чтеній, напр.: „Учебникъ русской исторіи"—Н. А. Рожкова, „Городъ и деревня въ русской исторіи" (курсъ, читанный въ 1901—2 г. въ Моск. университетѣ) его-же, „Уголовное и Финансовое Право"—Гольцева, „Наука жизни"—Лункевича и т. п. Не надо забывать, что на народныя чтенія идетъ преимущественно сѣрый людъ, не получившій не только мало-мальски систематическаго, но часто и никакого образованія. И вдругъ этому-то сермяжному люду г. Лебедевъ рекомендуетъ читать университетскіе курсы!

Вмѣсто того, чтобы печатать списокъ 1.597 книгъ, г. Лебедеву слѣдовало-

бы дать въ своемъ каталогѣ рядъ программъ систематическихъ курсовъ по всѣмъ отраслямъ знанія, доступнымъ пониманію простого человѣка. Въ настоящемъ-же своемъ видѣ каталогъ г. Лебедева не принесетъ большой пользы руководителямъ народныхъ чтеній: интеллигентные руководители обойдутся и безъ указаній г. Лебедева, а мало знакомые съ предметомъ немногому научатся у г. Лебедева, особливо, если принять во вниманіе тѣ промахи, которые позволилъ себѣ авторъ во „введеніи“ къ книжкѣ. Г. Лебедевъ правила о народныхъ чтеніяхъ 28 января 1901 г. называетъ „новыми“. Это—непростительная ошибка для автора, такъ какъ въ данный моментъ дѣйствуютъ правила отъ 14—20 декабря 1902 г. Г. Лебедеву не трудно было узнать объ этихъ правилахъ, такъ какъ они были напечатаны и въ офиціальныхъ изданіяхъ (Ж. М. Н. П., Циркуляры по округамъ) и въ педагогическихъ журналахъ сразу-же по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Книжка-же г. Лебедева датирована 23 іюля 1903 г. Говоря о выборѣ матеріала для чтеній, г. Лебедевъ утверждаетъ, что „выборъ ограниченъ рамками изданнаго Мин. Нар. Просв. каталога для низшихъ учебныхъ заведеній и народныхъ чтеній. И въ данномъ случаѣ авторъ заблуждается, благодаря небрежному отношенію къ распоряженіямъ правительства о народныхъ чтеніяхъ. Г. Лебедеву слѣдовало-бы знать, что существуетъ циркуляръ М-ра Народн. Просв. отъ 4—14 марта 1902 г. за № 7.495 (Ж. М. Н. П., іюнь, 1902), въ которомъ признано возможнымъ „въ цѣляхъ расширенія матеріала для публичныхъ народныхъ чтеній, разрѣшить пользоваться на таковыхъ чтеніяхъ сочиненіями, поименованными въ каталогѣ книгъ и періодическихъ изданій для безплатныхъ народныхъ читаленъ“, „съ дозволенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мѣстныхъ директора или инспектора народныхъ училищъ“. Къ числу недостатковъ книги слѣдуетъ также отнести полное отсутствіе указаній относительно фирмъ, изготовляющихъ картины для народныхъ чтеній. Зато впереди текста отведены двѣ страницы для рекламы нижегородской мастерской Т-ва „Свѣтопись“. Во „введеніи“ къ книгѣ авторомъ одобряются только картины Т-ва „Свѣтопись“. Что-то ужъ очень сильно отдаетъ рекламой, когда впереди текста видишь широковѣщательное объявленіе о „Свѣтописи“, а въ самомъ текстѣ книги эта-же „Свѣтопись“ признается наилучшею. Возможно, что эта мастерская и на самомъ дѣлѣ наилучшая въ Россіи. Все возможно...

Цѣна—50 коп. за 107 стр. in 16°, непомѣрно высока; красная цѣна книжкѣ—25 коп.—Ничего этого нельзя было ожидать отъ г. Лебедева, автора книги „Дѣтская и народная литература, вып. I—книги для дѣтей младшаго и средняго возраста“, о которой въ свое время на страницахъ „Русской Школы“ мы дали отзывъ. **К. Левинъ**.

Родная Пчелка. Книга для чтенія въ приготов. клас. средн. учебн. зав. Я. Максимова и П. Глушина. Изд. 2-е. Спб. Изд. Г. Я. Юревича.

Никакъ нельзя утверждать и нынѣ, что мы чрезмѣрно богаты хорошими

учебными хрестоматіями. Но безспорно одно: теперь безпрерывными рядами появляются у насъ такъ называемыя книги для чтенія на потребу младшихъ и старшихъ возрастовъ, и начальныхъ, и „низшихъ“, и другихъ учебныхъ заведеній. Достоинствами своими (не чрезвычайными) и недостатками онѣ зачастую очень похожи другъ на друга. И если составители подобныхъ сборниковъ снабжаютъ свои изданія „предисловіями“, перечитываешь ихъ даже съ большою признательностью. Надо-же угадывать, по какимъ такимъ „уважительнымъ причинамъ“ предлагаются вамъ еще и еще педагогическіе подарки. Г.г. Максимовъ и Глушинъ ссылаются на слѣдующее: „Составители предлагаемой книги ознакомились почти со всѣми книгами для чтенія, спеціально предназначенными для употребленія въ приготовительныхъ классахъ, и во всѣхъ книгахъ встрѣчали одинъ и тотъ-же недостатокъ, состоящій въ томъ, что при расположеніи статей обращалось вниманіе не на внутреннюю связь между ними, а только на объемъ ихъ. Составители прилагаемой книги сдѣлали попытку дать такую хрестоматію, въ которой не только подборъ, но и расположеніе статей вполнѣ обусловливались-бы дидактическими требованіями: въ книгѣ „Родная Пчелка“, помимо церковно-славянскаго отдѣла и „первоначальныхъ свѣдѣній изъ русской грамматики“—4 части: „Изъ жизни людей“, „Изъ жизни животныхъ и растеній“, „Времена года“, „Разсказы изъ русской исторіи“. Если не вдаваться въ мелочность и формализмъ (ихъ, смѣемъ надѣяться, не одобряетъ и дидактика), невозможно согласиться съ рѣшительнымъ обвиненіемъ, выставленнымъ г.г. Максимовымъ и Глушинымъ противу „почти всѣхъ“ авторовъ хрестоматій. Каждая школьная книга для чтенія въ силу вещей до извѣстной степени и не систематична и безсвязна, и, конечно, отрывочна. Это только орудіе, посредствомъ котораго уже самъ педагогъ добивается должнаго единства и послѣдовательности, а не какими-то сомительно дидактическими окрошками и „отавами“. И въ чемъ новшество „Родной Пчелки“? Не вытянете хрестоматіи въ одну эволюціонную, что-ли, линію. Да на каждомъ шагу это обнаруживается и у г.г. Максимова и Глушина. Какую „внутреннюю связь“, напр., вы сочините между „жизнью людей“ и клочкомъ изъ поэмы „Беззаботная птичка“, между „Дѣдушкой“ Никитина и моралью о предусмотрительности, между „Демьяновой ухой“ и „Правдой и Кривдой“? Или „внутренняя связь“ г.г. Максимова и Глушина это—рѣжущая глаза наставительность, которая, пожалуй, и дѣйствительно выдѣляется красною нитью въ „Родной Пчелкѣ“? Пріемъ, разумѣется, весьма старый. Озабоченные „расположеніемъ“ статей г.г. составители видимо гораздо меньше трудились отъ себя надъ самымъ подборомъ своихъ образцовъ. Съ обозначеніемъ имени мы насчитали у нихъ 16 позаимствованій у Ушинскаго. Имѣются и неподписанныя. Взято и 12 вездѣ встрѣчающихся народныхъ сказокъ. Довольно использованъ и Паульсонъ. Это былъ благородный, убѣжденный и просвѣщенный педагогъ, можетъ быть, и недостаточно еще оцѣненный. Но въ его хрестоматіи именно „русское слово“ не всегда удобно—и резонерство занимаетъ

слишкомъ много мѣста. Внесли, однако, г.г. Максимовъ и Глушинъ въ свою книгу и одну вещичку перваго нашего дѣтскаго писателя г. Мамина-Сибиряка. Никакой педантической „внутренней связи“ онъ, безъ сомнѣнія, не способствуетъ. Кстати, отвѣчаютъ-ли отдѣлу „изъ жизни животныхъ и растеній“—басни и сказочки, замѣтно символизирующія людское житье-бытье?

Въ такъ называемой собственно „поэзіи“—г.г. составители преимущественно повторяютъ того-же Ушинскаго и другія чужія книги. Не отражаетъ никакихъ „свѣтлыхъ горизонтовъ“ и грамматическій отдѣлъ хрестоматій. Тѣ же предписанія, что тогда-то „нельзя“ писать, тѣ же сомнительные рецепты по поводу „сомнительныхъ гласныхъ“, тѣ же логико-грамматическія аксіомы.

„Предметовъ есть безчисленное множество“, „измѣненія окончаній существительныхъ называются падежами“. А склоненія? Словомъ, вкладъ г.г. Максимова и Глушина не оправдываетъ ихъ разсужденій о полнотѣ дидактическихъ требованій. **А. П. Налимовъ.**

Анастасіевъ А. „Первая книжка“. Казань. 1903 г. Ц. 10 к.

„Первая книжка“ г. Анастасіева заключаетъ въ себѣ азбуку, чтеніе послѣ азбуки, сборникъ статей и указанія для учителя. Все это умѣщается на 33 страницахъ большого формата. Въ книгѣ г. Анастасіева нѣтъ расплывчатости: все сжато и хорошо обдумано. Его указанія для лицъ, желающихъ пользоваться его книгой, занимаютъ всего три страницы, но они очень цѣнны и общедоступно изложены. Г. Анастасіевъ располагаетъ всѣ звуки въ 5 группъ по степени легкости ихъ произношенія. Здѣсь у него есть нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, неправильности: такъ, напр., н поставлена въ первую группу, и близкія между собою б—п, к—г и д—т стоятъ рядомъ, чего вообще слѣдовало-бы избѣгать. Очень хорошо, что г. Анастасіевъ остановился на разъясненіи сливанія согласныхъ звуковъ съ мягкими гласными и даетъ удачное упражненіе на словахъ малъ — мялъ; но начавши разъяснять эту звуковую трудность русскаго языка, не надо было останавливаться на одномъ смягченіи согласныхъ (мьялъ), а разъяснить такими-же примѣрами нотировку самихъ мягкихъ гласныхъ (напр., адъ—ядъ). Для облегченія усвоенія очертаній буквъ г. Анастасіевъ очень остроумно составляетъ рисунокъ буквы изъ предметовъ, напоминающихъ ея звукъ.

Матеріалъ для чтенія подобранъ совершенно доступный, весь почти изъ дѣтской жизни. Очень хорошо, что г. Анастасіевъ сразу рядомъ съ упражненіями въ чтеніи вводитъ очень много образчиковъ писаннаго, а не печатнаго письма. „Первая книжка“ г. Анастасіева, по своей дешевизнѣ и доступности содержанія, навѣрно будетъ очень желательна для маленькихъ дѣтей, начинающихъ учиться читать, а также можетъ служить и для самообученія; при извѣстномъ небольшомъ руководствѣ, ребенокъ по книгѣ г. Анастасіева и самъ сможетъ овладѣть грамотой. Небольшіе рисунки оживляютъ текстъ книги.

С. Русова.

Библіотека Юнаго Читателя. 1) „За океаномъ“ (Природа и люди Америки). Ц. 50 к. 2) „Страна тысячи острововъ“. Ц. 25. 3) „Три мѣсяца среди людоѣдовъ Суматры“ Ц. 25 к. 4) „На запретномъ пути“ (Путешествіе по Тибету Генри Ландора въ изложеніи Э. Пименовой). Ц. 50 к. 5) „Въ Индію“ (Приключенія двухъ юныхъ американцевъ). Ц. 50 к.

Вотъ рядъ интересныхъ книгъ географическаго содержанія — частью въ описательной, частью въ беллетристической формѣ.

„За океаномъ“ и „Страна тысячи острововъ“—это книги описательнаго характера, въ которыхъ въ живой образной формѣ рисуется рядъ картинъ природы и сценъ изъ жизни Америки—въ первой и Японіи—во второй.

Авторъ не касается современной политической жизни американцевъ, вполнѣ разумно устраняя такіе недоступные дѣтскому пониманію вопросы, но чрезвычайно живо рисуетъ характерныя особенности природы Америки: Эллостоунскій паркъ, Большой Каньянъ, Мамонтову пещеру и другія чудеса природы. Очень мѣтко въ отдѣльныхъ разсказахъ изображается жизнь прежнихъ обитателей Америки и ихъ постепенное вымираніе подъ напоромъ европейской цивилизаціи — словомъ дается полная и яркая географическая и этнографическая картина.

Не менѣе ярко, живо и мѣтко описана и Японія съ ея 1.000 острововъ, ея чудная природа, ея необыкновенно живые, подвижные и самобытные обитатели, которые еще такъ недавно открещивались отъ чужестранцевъ, а теперь такъ быстро и своеобразно переняли и продолжаютъ перенимать всѣ лучшія стороны европейской культуры. Описанію нравовъ, обычаевъ и образу жизни жителей отведено главное мѣсто въ этой интересной книгѣ, и японцы проходятъ передъ читателемъ, какъ живые.

Остальныя книги написаны въ беллетристической формѣ. Изъ нихъ самая лучшая—„Въ Индію“. Въ этой прямо увлекательной книгѣ талантливый авторъ соединилъ интересную фабулу—поиски украденнаго ребенка—съ необыковенно мастерскимъ описаніемъ таинственныхъ поэтическихъ красотъ Индіи съ ея величественными памятниками древности, съ чудными красотами природы съ высокообразованными и благородными представителями ея коренныхъ обитателей.

Другія книги „На запретномъ пути“ и „Три мѣсяца среди людоѣдовъ Суматры“—менѣе цѣнны и менѣе интересны: въ нихъ слишкомъ много мѣста отведено необыкновеннымъ и часто невѣроятнымъ приключеніямъ съ дѣйствующими лицами; но все же и изъ нихъ можно почерпнуть не мало географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній.

Ил. Смирновъ. „На привольѣ“. Разсказъ для дѣтей. Москва. 1903 г. Изд. Клюкина. Ц. 40 к.

Сборникъ содержитъ три разсказа: „Ловля раковъ“, „Тоня на Волгѣ“ и „Въ лѣсу и въ полѣ“. Какъ видно изъ заглавій, разсказы имѣютъ описательный характеръ, а дѣти, какъ извѣстно каждому, близко стоящему къ нимъ,

ищутъ въ книгѣ яркихъ сценъ, живыхъ образовъ и не цѣнятъ даже художественныхъ описаній. Въ разсказахъ Ил. Смирнова нѣтъ ни интереснаго дѣйствія, ни художественныхъ красотъ, и они будутъ читаться только такими страстными любителями чтенія, которые не могутъ равнодушно видѣть печатной страницы, да и тѣ, прочтя книгу эту, скажутъ: „скучно"!

О. Бѣлевсъ.

М. Соловьевъ. „На улицѣ и дома". Разсказъ для дѣтей изъ сельскаго быта. Съ рис. въ текстѣ. Москва. Изд. Клюкина. 1903 г. Ц. 40 к.

Хорошія мысли, добрыя намѣренія, но ни одного мало-мальски живого образа. Сельскій священникъ, учительница, учитель, устраивающій чтенія для взрослыхъ, бражная крестьянская семья, — все это хорошо, но ни въ чемъ нѣтъ жизни, а потому разсказъ не производитъ никакого впечатлѣнія. Изданіе книги хорошо.

О. Бѣлевсъ.

Ж. Мезюреръ. „Пережитое". Изъ воспоминаній мальчика. Переводъ съ франц. М. Ю. Митропольской. Москва. 1902 г. Изд. Клюкина. Ц. 50 к.

Дѣйствіе разсказа происходитъ въ осажденномъ Парижѣ во время франко-прусской войны. Разсказъ не даетъ ни кровавыхъ сценъ битвъ, ни описаній страданій раненыхъ и умирающихъ; громъ пушекъ, крики и стонъ только издали доносятся до читателя; но онъ переживаетъ вмѣстѣ съ осажденными безпокойство неизвѣстности, которой томится населеніе города, дѣлается свидѣтелемъ страданій людей отъ голода и холода, и, если авторъ хотѣлъ показать ненужность, жестокость, ужасъ войны, онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Разсказъ читается съ интересомъ и, развѣнчивая войну, часто окружаемую ореоломъ геройства, производитъ желательное впечатлѣніе. Переводъ хорошъ.

О. Бѣлевсъ.

Лукашевичъ. „Старый Памфилычъ". Ц. 25 к.

„Старый Памфилычъ"—самый уважаемый крестьянинъ въ деревнѣ: у него дружная трудолюбивая молодая семья, полное довольство въ домѣ; его фруктовые сады славятся на всю округу; никому не отказываетъ онъ въ совѣтѣ и помощи; онъ всѣми любимъ и почитаемъ. Уважаетъ его и сосѣдній помѣщикъ, и поѣздки за 20 вер. къ Памфилычу—лучшій праздникъ для его сына. Но въ одинъ день все счастье старика рушилось: сгорѣла деревня до тла, крестьяне лишились крова и хлѣба, а Памфилыча постигло тяжкое горе: въ огнѣ погибла его дочь съ маленькимъ сыномъ. Зять обезумѣлъ съ горя: остались только двѣ внучки. Горько оплакивалъ Костя своего друга Памфилыча и вскорѣ уѣхалъ, не видавъ его. Возвратился онъ уже весною, на каникулы. Однажды увидалъ онъ на дворѣ сгорбленнаго старика, въ которомъ узналъ Памфилыча. Готовый разрыдаться, онъ убѣжалъ и скрылся въ саду; только тогда

рѣшился онъ подойти, когда увидалъ гостя за чайнымъ столомъ, мирно бесѣдующаго съ матерью.

Памфилычъ разсказывалъ, что зять его въ больницѣ, внучка постарше живетъ въ нянькахъ, маленькая у тетки. На искреннія слезы и сѣтованія объ его горькой участи старикъ строго замѣтилъ: „Не говори такихъ рѣчей. Грѣшно. Богъ по силѣ крестъ налагаетъ. Его святая воля“. На предложеніе барыни переселиться къ ней съ дѣвочками Памфилычъ отвѣтилъ отказомъ, надѣясь пріучить внучекъ къ трудовой самостоятельной жизни. Ушелъ Памфилычъ, а Костя долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и задумался: отчего Памфилычъ не плачетъ, не жалуется? Развѣ онъ не скучаетъ? Не приводилось ему видѣть, какъ мужественно переноситъ горе простой русскій человѣкъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ.

Конгрессъ лиги врачей и семьи для улучшенія физической и умственной гигіены въ школахъ.

1-го и 2-го ноября 1903 г. въ практической школѣ медицинскаго факультета въ Парижѣ состоялся конгрессъ по школьной гигіенѣ, созванный членами учредителями „Лиги врачей и семьи для улучшенія физической и умственной гигіены въ школахъ". Этотъ конгрессъ кромѣ французскихъ дѣятелей привлекъ и представителей иностранныхъ обществъ, преслѣдующихъ такія-же цѣли, какъ напримѣръ „Германская ассоціація школьной гигіены" и „Ассоціація Педагоговъ" итальянцевъ. Но международнымъ въ полномъ смыслѣ слова его нельзя назвать; международный гигіеническій конгрессъ предполагается въ будущемъ году въ Нюренбергѣ.

Учредители подготовили цѣлый рядъ докладовъ, касающихся слѣдующихъ важныхъ вопросовъ:

1) Роль школьнаго врача. 2) Медицинскій надзоръ за начальными школами. 3) Относительное достоинство утренней и послѣобѣденной работы учащихся. 4) Продолжительность и распредѣленіе часовъ работы, сообразно съ возрастомъ учениковъ въ интернатахъ и для экстерновъ. 5) Профилакція туберкулеза въ лицеяхъ и колледжахъ.

Впрочемъ, послѣдній докладъ за недостаткомъ времени не обсуждался.

По вопросу о роли школьнаго врача былъ представленъ докладъ доктора Жандра, предсѣдателя конгресса. По мысли докладчика врачу отводится очень важная роль въ жизни школы. Онъ не долженъ ограничиваться только наблюденіемъ за больными дѣтьми и ихъ лѣченіемъ, на что сводится обыкновенно вся дѣятельность школьнаго врача: онъ долженъ принимать участіе въ администраціи школы, имѣть голосъ даже въ высшемъ школьномъ совѣтѣ. Постройка школьнаго зданія, устройство школьной обстановки,—все должно производиться подъ наблюденіемъ врача. Онъ долженъ слѣдить за здоровьемъ всѣхъ дѣтей, наблюдать малѣйшія уклоненія отъ нормы и предупреждать болѣзни, часто происходящія отъ несоблюденія гигіеническихъ условій въ школѣ и дома. Съ цѣлью лучшаго наблюденія за здоровьемъ учащихся каждому ребенку при поступленіи его въ школу должна выдаваться особая медицинская карточка, которая сохраняется до самаго выпуска и на которую заносятся всѣ замѣчанія врача.

На обязанности школьнаго врача кромѣ того должна лежать организація

физическихъ упражненій, врачебной гимнастики, и преподаваніе гигіены; онъ долженъ обращать вниманіе учителей на соблюденіе нормальнаго распредѣленія занятій и отдыха, на особые методы воспитанія, которые должны практиковаться для невполнѣ нормальныхъ дѣтей.

Такая разнообразная дѣятельность требуетъ особой подготовки, на что и указывается въ докладѣ; по мнѣнію референта долженъ быть установленъ особый экзаменъ на званіе школьныхъ врачей, и только удовлетворяющіе этимъ спеціальнымъ требованіямъ кандидаты, а не всякій, получившій обыкновенное медицинское образованіе, могутъ занимать эти отвѣтственныя мѣста.

Главныя положенія этого доклада были приняты конгрессомъ, причемъ было выражено пожеланіе объ учрежденіи особыхъ школъ для дѣтей, представляющихъ уклоненіе отъ нормальнаго типа, на подобіе школъ, существующихъ уже въ Бельгіи.

При обсужденіи этого доклада возбуждался вопросъ о роли спеціалистовъ врачей въ школьной жизни.

Нѣкоторые изъ членовъ конгресса находили желательнымъ назначеніе въ школы особыхъ зубныхъ, глазныхъ, ушныхъ врачей; другіе-же находили желательнымъ возложить всю заботу объ охраненіи здоровья учащихся на одного врача, отвѣтственнаго за свою школу, поручивъ ему отсылать къ спеціалистамъ дѣтей, требующихъ особаго лѣченія.

Въ петербургскихъ начальныхъ городскихъ училищахъ это дѣло уже организовано. Въ каждомъ школьномъ районѣ имѣется свой глазной и зубной врачъ, принимающій въ очередные дни въ центральномъ училищѣ района; къ этимъ спеціалистамъ и отсылаютъ дѣтей школьные врачи, если найдутъ нужнымъ особое лѣченье.

Второй докладъ о врачебномъ надзорѣ былъ представленъ докторомъ Мери. Какъ оказывается изъ доклада, врачебный надзоръ, установленный еще въ 1886 году и подтвержденный закономъ объ общественной гигіенѣ, изданнымъ въ 1902 году, существуетъ далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ Франціи.

Такъ, напримѣръ, безъ медицинскаго надзора остаются начальныя школы даже въ такихъ городахъ, какъ Марсель; да и тамъ, гдѣ онъ организованъ, онъ оставляетъ желать лучшаго. Доктора ограничиваются только осмотромъ больныхъ учащихся, совершенно не интересуясь наблюденіемъ за санитарными условіями школы. Референтъ требуетъ введенія мѣръ, предупреждающихъ заразу, методическія наблюденія за школой и учениками, запрещенія заставлять учениковъ мести классы, организаціи докторскаго осмотра учениковъ при поступленіи, введенія преподаванія гигіены какъ учителямъ, такъ и учащимся.

Два другихъ доклада были посвящены главнымъ образомъ вопросу о переутомленіи учащихся и неправильномъ распредѣленіи школьныхъ занятій. Упреки главнымъ образомъ, какъ и у насъ, сыплются на среднюю школу; но авторъ отчета о конгрессѣ, помѣщеннаго въ декабрьской книжкѣ „Revue pedagogique“ указываетъ на то, что и въ начальныхъ школахъ нерѣдко, въ особенности передъ выпускными экзаменами, ученики бываютъ завалены работой. Это заключеніе справедливо и относительно нашихъ начальныхъ школъ, которыя обыкновенно ускользаютъ съ этой стороны отъ критики общественнаго мнѣнія, такъ какъ родители учащихся въ этихъ школахъ не выражаютъ своего недовольства ва обремененіе дѣтей работой.

Въ докладѣ, представленномъ докторомъ Домри, доказывается на основаніи научныхъ изслѣдованій, что мозговая дѣятельность наиболѣе оживлена и продуктивна въ утренніе часы и особенно слаба во время переваривания

пищи. Въ виду этого референтъ осуждаетъ обычное расписаніе занятій въ школѣ, предлагая раздѣлить учебное время на два періода—утренній, на который должны быть отнесены самыя серьезныя занятія и послѣобѣденный (или послѣ завтрака), который долженъ начинаться не въ 1 часъ, какъ это бываетъ обыкновенно, а въ 3 часа, оставляя двухъ часовой промежутокъ между завтракомъ (или обѣдомъ) и ученьемъ для прогулки или игръ зимой, для отдыха лѣтомъ.

По поводу этого доклада подымался интересный вопросъ о томъ, насколько можно довѣрять выводамъ относительно вниманія, утомляемости, степени работоспособности учащихся, которыя дѣлаются изъ психофизіологическихъ наблюденій и опытовъ надъ дѣтьми, столь популярныхъ въ послѣднее время. Одинъ изъ членовъ конгресса, докторъ Филиппъ, категорически заявилъ, что никакого опредѣленнаго отвѣта эти опыты не даютъ. „Всѣ методы психофизіологическихъ лабораторій чисто теоретическіе“, говоритъ онъ: „и никакихъ рѣшающихъ результатовъ не даютъ... У насъ нѣтъ единицы измѣренія вниманія. Процессъ вниманія остается непроницаемой тайной, обладателями которой является только самый внимательный человѣкъ“. Указывая на то, что при измѣреніяхъ, произведенныхъ имъ (а имъ сдѣлано болѣе 6.000 измѣреній), часто случалось, что самые лучшіе отвѣты получались отъ поверхностныхъ учениковъ, которые менѣе другихъ контролируютъ себя и меньше работаютъ умомъ, докторъ Филиппъ предостерегаетъ отъ слишкомъ большого увлеченія новымъ методомъ и совѣтуетъ при пересмотрѣ программъ не опираться на преждевременные выводы изъ невполнѣ точныхъ наблюденій.

Между прочими взглядами, касавшимися распредѣленія учебнаго времени, интересенъ взглядъ нѣкоторыхъ членовъ конгресса на длительность урока. Во многихъ французскихъ школахъ урокъ продолжается не 45—50 минутъ, какъ у насъ, а $1^1/_2$ часа. Докладчикъ предложилъ въ начальныхъ школахъ „тамъ, гдѣ возможно“, замѣнить полуторачасовой урокъ часовымъ. Это предложеніе встрѣтило возраженіе со стороны доктора Морица-де-Флери. Онъ возстаетъ противъ короткихъ, многочисленныхъ и разнообразныхъ уроковъ въ теченіе одного дня, утверждая, что они болѣе утомительны для ребенка, такъ какъ ему приходится съ каждой перемѣной урока дѣлать новыя усилія, чтобы направить свое вниманіе на новый предметъ. Для иллюстраціи своей мысли докторъ приводитъ слѣдующій примѣръ: „Почему лошади парижскихъ омнибусовъ такъ быстро дѣлаются негодными? Дѣло не въ томъ, что имъ приходится возить непосильную тяжесть: онѣ утомляются оттого, что имъ приходится слишкомъ часто останавливаться, перепрягаться и снова отправляться въ путь“.

„То же происходитъ и въ сферѣ умственной дѣятельности: утомляетъ не столько продолжительность умственнаго усилія, сколько необходимость переходить отъ одной работы къ другой“.

Тѣ, кому приходилось заниматься въ нашихъ начальныхъ школахъ, гдѣ введены получасовые уроки, именно ради избѣжанія утомленія дѣтей, не могутъ не сознаться, что въ этомъ замѣчаніи есть доля правды; дѣти не могутъ сразу войти въ новую колею, и нѣкоторое время тратится на сосредоточиваніе мысли на новомъ предметѣ, что для нѣкоторыхъ дѣтей видимо достигается съ усиліемъ. Однако это мнѣніе встрѣтило рѣшительныхъ противниковъ, по крайней мѣрѣ, что касается младшихъ классовъ.

Кромѣ указанныхъ нами вопросовъ на конгрессѣ возбуждалось еще много другихъ: о необходимости чередованія научныхъ предметовъ съ уроками ручного труда:

объ установленіи связи между семьей и школой. По этому поводу было высказано пожеланіе лучшей организаціи способовъ общенія между семьей и школой, говорилось о „взаимномъ воспитаніи“, о совмѣстной работѣ родителей и учителей, безъ которой самыя лучшія программы и расписанія не имѣютъ большого значенія.

Этотъ вопросъ объ общеніи семьи и школы горячо обсуждался и у насъ на IV секціи нынѣшняго съѣзда дѣятелей по техническому образованію. Было предложено организовать постоянныя собранія родителей учащихся—каждаго класса въ отдѣльности, для обсужденія хода дѣла въ данномъ классѣ и успѣховъ отдѣльныхъ учениковъ, и общія—для обсужденія вопросовъ, касающихся общаго духа школы, характера дисциплины, постановки предметовъ преподаванія.

Вообще школа какъ на западѣ, такъ и у насъ (хотя-бы въ идеалѣ) начинаетъ прислушиваться къ голосу семьи и общества.

Интересна попытка, сдѣланная въ этомъ направленіи въ Тулузѣ, гдѣ образовалось общество кооперации лицея и школы. Комитетъ этого общества, состоящій изъ учителей мѣстнаго лицея, обратился съ печатнымъ воззваніемъ, приведеннымъ въ „Revue internationale de l'enseignement“ за февраль 1903 г., ко всѣмъ педагогамъ и родителямъ, прося ихъ содѣйствія въ дѣлѣ сближенія семьи и школы. Комитетъ указываетъ, что въ Англіи, Германіи и Бельгіи въ этомъ направленіи уже много сдѣлано, что въ этихъ странахъ наряду съ учебными заведеніями существуютъ общества родителей, преслѣдующія воспитательныя цѣли, напоминаетъ, что и во Франціи около начальныхъ школъ уже группируются и растутъ „кружки родителей-воспитателей“ и выражаетъ надежду, что предпринимаемое имъ изслѣдованіе, „enquête“, примется сочувственно и многіе родители учащихся пожелаютъ высказаться по вопросу, близко ихъ касающемуся.

Къ сожалѣнію, семья не всегда идетъ на встрѣчу новому стремленію школы къ единенію.

Такъ, г. Шабо, авторъ приведенной нами статьи о гигіеническомъ конгрессѣ, констатируетъ тотъ печальный фактъ, что на конгрессѣ участвовало очень мало представителей семьи; да и въ „Лигѣ врачей и родителей“ членами состоятъ исключительно спеціалисты-медики или педагоги.

Такое равнодушіе происходитъ отчасти отъ непониманія значенія дѣла. Въ виду этого постановлено на обсужденіе конгресса, имѣющаго состояться въ 1905 году, между прочими вопросами внести вопросъ „о профессіональномъ образованіи родителей“.

Хроника народнаго образованія.

Земскія ходатайства по вопросамъ народнаго образованія — старыя, на которыя получены отвѣты, и новыя, принятыя земскими собраніями сессіи 1903—4 года. — Особые земскіе органы для завѣдыванія земскою дѣятельностью въ области народнаго просвѣщенія. — Постановленія губернскихъ земскихъ собраній въ области народнаго просвѣщенія. Послѣдствія введенія безплатнаго обученія въ петербургскихъ городскихъ школахъ.—Народное образованіе и нефтяная промышленность.—Общество ревнителей просвѣщенія въ г. Вѣрномъ.—Любопытный приговоръ крестьянскаго общества объ обязательномъ обученіи.

Земскія ходатайства по вопросамъ народнаго просвѣщенія заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія всякаго наблюдателя текущей русской жизни, такъ

какъ въ этихъ ходатайствахъ выражаются пожеланія въ данной области средняго русскаго обывателя, большинства русскаго общества. Не представляя собою отнюдь ничего радикальнаго, а являясь лишь минимумомъ того, что, по мнѣнію этого средняго представителя русскаго общества, могло-бы быть осуществлено въ области народнаго образованія въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ, земскія ходатайства, съ одной стороны, рисуютъ стремленія большинства нашего культурнаго общества въ указанной области, а съ другой—могутъ служить указателемъ пути, по которому должно итти наше народное просвѣщеніе, являются программой практической дѣятельности, которой могли-бы съ пользою воспользоваться всѣ учрежденія и общественныя группы, такъ или иначе соприкасающіяся съ дѣломъ народнаго просвѣщенія. Здѣсь мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ земскихъ ходатайствъ, какъ возбужденныхъ въ прежнее время, но получившихъ разрѣшеніе только въ самое послѣднее время, такъ и въ особенности на ходатайствахъ, принятыхъ на земскихъ собраніяхъ сессіи 1903—4 г.

Предметомъ многочисленныхъ ходатайствъ земскихъ собраній нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ былъ вопросъ о вознагражденіи сельскихъ обществъ за тѣ доходы, которые получались ими до введенія винной монополіи въ видѣ платы за предоставленіе права виноторговли содержателямъ соотвѣтствующихъ заведеній. Земства ходатайствовали о томъ, чтобы это вознагражденіе поступило въ распоряженіе именно земскихъ учрежденій съ спеціальною цѣлью расходованія его исключительно на дѣло народнаго просвѣщенія. Такое именно ходатайство было возбуждено симбирскимъ губернскимъ земствомъ по постановленію земскаго собранія 1902 года. Въ концѣ 1903 года симбирская губернская земская управа получила увѣдомленіе о томъ, что ходатайство это оставлено безъ удовлетворенія, между прочимъ, въ виду того, что вопросъ о возможности и источникахъ возмѣщенія означенныхъ убытковъ сельскихъ обществъ „находится нынѣ на обсужденіи подлежащихъ вѣдомствъ“.

Нѣсколько земскихъ собраній сессія 1902 года постановили возбудить также ходатайства о предоставленіи въ распоряженіе земства на народное образованіе средствъ, отпускаемыхъ попечительству о народной трезвости. Въ числѣ этихъ собраній было и симбирское губернское. Какъ извѣстно, мнѣніе о полной безполезности тѣхъ огромныхъ затратъ, которыя производятся комитетами попечительства о народной трезвости (изъ одной казны въ ихъ распоряженіе поступаетъ до 5 милл. рублей), имѣетъ довольно широкое распространеніе. Между прочимъ, бывшій кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ, ген. Драгомировъ, высказывалъ въ своемъ отзывѣ о дѣтельности попечительства мысль о предпочтительности затраты ассигнуемыхъ въ распоряженіе попечительства суммъ прямо на нужды народнаго просвѣщенія. Большинство земствъ держатся той-же точки зрѣнія. Однако, симбирское земство получило въ концѣ 1903 года отвѣтъ на свое ходатайство въ томъ смыслѣ, что отпускаемыя комитетомъ попечительства о народной трезвости средства не могутъ подлежать использованію исключительно на нужды народнаго образованія, а потому признано невозможнымъ удовлетворить ходатайство симбирскаго земства о передачѣ въ его распоряженіе этихъ средствъ для употребленія на народное просвѣщеніе.

Такимъ образомъ, двѣ группы земскихъ ходатайствъ, имѣвшихъ цѣлью расширеніе средствъ, могущихъ быть употребленными на народное образованіе, остались неудовлетворенными.

Рядъ ходатайствъ возбуждался земскими собраніями въ послѣдніе годы по

разнымъ предметамъ, имѣвшимъ болѣе или менѣе тѣсное отношеніе къ вопросу о подъемѣ качественнаго состава учителей земскихъ школъ. Между прочимъ, рядъ земскихъ собраній возбуждалъ ходатайства объ устройствѣ общеобразовательныхъ курсовъ для этихъ учителей. По отношенію къ этому вопросу проявлялась довольно неустойчивая политика, такъ какъ въ однихъ мѣстахъ такіе курсы разрѣшались, въ другихъ не разрѣшались, и въ тѣхъ случаяхъ, когда они разрѣшались, ставились крайне разнообразныя условія и ограниченія. Въ ноябрѣ 1903 года воронежское губернское земство получило отъ министерства народнаго просвѣщенія отвѣтъ на аналогичное свое ходатайство, причемъ отвѣтъ этотъ содержитъ въ себѣ подробныя указанія на условія, при которыхъ могутъ быть разрѣшаемы общеобразовательные курсы для народныхъ учителей, и, повидимому, на будущее время этотъ отвѣтъ министерства будетъ имѣть руководящее значеніе при разрѣшеніи ходатайствъ даннаго рода. Общеобразовательные курсы найдено возможнымъ разрѣшать при слѣдующихъ условіяхъ. Общеобразовательные курсы не должны быть соединяемы съ курсами спеціально-педагогическими. Выборъ учителей, допускаемыхъ на курсы, зависитъ отъ директора или инспектора народныхъ училищъ, отъ которыхъ исходитъ и предложеніе объ открытіи общеобразовательныхъ курсовъ въ той или другой мѣстности. Такія предложенія вносятся на обсужденіе въ училищные совѣты, которые изыскиваютъ потребныя для курсовъ средства, входятъ для этого въ сношенія какъ съ земскими и городскими учрежденіями, такъ и съ частными лицами. Земствамъ, городскимъ управленіямъ, а также другимъ общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ предоставляется заявлять директорамъ народныхъ училищъ о своемъ желаніи устроить курсы съ принятіемъ на себя потребныхъ для сего расходовъ. Разрѣшеніе общеобразовательныхъ курсовъ принадлежитъ власти попечителя округа по сношеніи съ мѣстною губернскою властью. Руководители курсовъ приглашаются учрежденіями и лицами, предоставляющими средства для курсовъ, но не иначе, какъ по соглашенію съ директоромъ народныхъ училищъ, который и представляетъ ихъ на утвержденіе попечителю округа. Въ наблюдатели курсовъ назначается попечителемъ округа директоръ народныхъ училищъ или другое лицо учебнаго вѣдомства. На курсахъ число учителей, слушателей курсовъ, опредѣляется по мѣстнымъ условіямъ попечителемъ округа по сношеніи съ губернскою властью. Курсы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть публичными. На курсы допускаются лишь учителя, получившіе спеціальное образованіе или прошедшіе среднее учебное заведеніе. Программы курсовъ должны быть предварительно представляемы въ министерство народнаго просвѣщенія.

Этотъ чрезвычайно сложный порядокъ открытія общеобразовательныхъ курсовъ для народныхъ учителей, причемъ съ одной стороны земствамъ и другимъ учрежденіямъ, желающимъ устроить курсы для пополненія образованія своихъ учителей, предоставляется только одно право—заявлять директорамъ о своемъ желаніи устроить курсы, а съ другой — весь распорядокъ курсовъ и даже выборъ учащихъ, приглашаемыхъ на курсы, стоитъ внѣ воли земства и вообще устраивающаго курсы учрежденія,—едва-ли не приведетъ къ полному исчезновенію изъ нашей жизни общеобразовательныхъ курсовъ для народныхъ учителей, т. е. наиболѣе дѣйствительнаго средства поднятія качественнаго уровня существующаго уже состава народныхъ учителей. Едва-ли какому-либо учрежденію общественному придетъ охота продѣлать весь сложный порядокъ исходатайствованія разрѣшенія курсовъ съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ

на эти курсы не попали именно тѣ учителя, которые, по мнѣнію этого учрежденія, наиболѣе нуждаются въ прослушаніи такихъ курсовъ.

Именно къ такому результату начинаютъ приводить существующія правила о педагогическихъ курсахъ для народныхъ учителей. Такъ, вятское губернское земское собраніе только что закончившейся сессіи постановило не устраивать губернскихъ педагогическихъ курсовъ впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ существующихъ правилъ о курсахъ. Обстоятельства, приведшія вятское губернское земское собраніе къ такому рѣшенію, состоятъ въ слѣдующемъ. Уѣздныя земства Вятской губерніи проектировали въ 1903 году педагогическіе курсы въ Малмыжѣ и Орловѣ и учительскіе съѣзды въ Котельничѣ, Сарапулѣ и Яранскѣ; однако, ни курсы, ни съѣзды не могли состояться. Въ Малмыжскомъ уѣздѣ мѣстный училищный совѣтъ выполнилъ безъ замедленія всѣ требуемыя правилами о курсахъ формальности, и дѣло было передано для дальнѣйшаго направленія директору народныхъ училищъ; послѣдній задержалъ открытіе курсовъ, предъявивъ рядъ новыхъ требованій, которыя земство нашло совершенно не вытекающими изъ существующихъ и безъ того стѣснительныхъ правилъ. Въ Орловскомъ уѣздѣ ходатайство о курсахъ было возбуждено еще постановленіемъ земскаго собранія 1900 года. Затѣмъ переписка по этому вопросу продолжалась цѣлымъ три года, послѣ чего ходатайство было отклонено попечителемъ казанскаго учебнаго округа. Въ Котельническомъ уѣздѣ просто мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ не нашелъ возможнымъ въ 1903 году устройство съѣзда учителей. Въ Сарапульскомъ уѣздѣ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ заявилъ земской управѣ, что онъ не имѣлъ возможности своевременно подготовить всѣ необходимыя данныя для возбужденія ходатайства объ устройствѣ учительскаго съѣзда лѣтомъ 1903 года и даже затрудняется положительно сказать, будетъ-ли онъ имѣть возможность подготовить все необходимое для возбужденія ходатайства объ устройствѣ курсовъ лѣтомъ 1904 года. Яранская земская управа не получила ни въ 1902, ни въ 1903 году отъ попечителя округа разрѣшенія на созывъ съѣзда учителей, причемъ инспекторъ народныхъ училищъ объяснилъ причину неразрѣшенія съѣзда тѣмъ, что на съѣздахъ требуется присутствіе директора народныхъ училищъ, между тѣмъ какъ послѣдній не могъ присутствовать на предположенномъ въ августѣ 1903 года яранскомъ съѣздѣ, такъ какъ былъ занятъ наблюденіемъ за другимъ съѣздомъ. Разрѣшеніе на устройство съѣздовъ въ 1903 году получили только два уѣздныхъ земства Вятской губерніи—уржумское и слободское, причемъ на одномъ наблюдателемъ былъ директоръ народныхъ училищъ, а на другомъ мѣстный инспекторъ. Слободское уѣздное земство ходатайствовало предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ устройствѣ въ Вяткѣ въ 1904 году губернскихъ педагогическихъ курсовъ. Но губернское собраніе, согласно докладу управы, принимая во вниманіе, что бывшіе въ 1900 году въ Вяткѣ губернскіе педагогическіе курсы, не смотря: 1) на всѣ мѣры, принятыя учредителями къ соотвѣтствію существующимъ правиламъ, и 2) на завѣдываніе ими чиновника министерства народнаго просвѣщенія, все-таки оказались, по мнѣнію особаго отдѣла ученаго комитета, утвержденному министромъ народнаго просвѣщенія, „организованными и веденными неправильно и мало выясненными со стороны ихъ пользы“, — постановило, какъ сказано, не устраивать курсовъ до измѣненія правилъ о нихъ.

Такая-же судьба постигаетъ съѣзды учителей, отъ расходовъ на которые земства начинаютъ отказываться. Поучительная въ этомъ отношеніи исторія имѣла мѣсто въ Казанской губерніи. Послѣднее губернское земское собраніе

было, между прочимъ, ознакомлено съ исторіей разрѣшеннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія къ созыву въ августѣ 1903 года съѣзда учителей инородческихъ училищъ и отмѣненнаго попечителемъ учебнаго округа „въ виду недостаточной подготовки дѣла окрытія этого“. Отмѣна съѣзда послѣдовала за нѣсколько дней до открытія его, когда распоряженія по командированію учителей на съѣздъ, учениковъ во временную при немъ школу и представителей земскихъ учрежденій были уже выполнены на основаніи распоряженій директора народныхъ училищъ, на котораго попечителемъ была возложена организація съѣзда, и когда средства на проѣздъ учителей въ Казань и проживаніе здѣсь были имъ выданы земствомъ и значительная часть учителей и учениковъ уже явились на съѣздъ. Попечитель округа, отложивъ съѣздъ на 1904 годъ, выразилъ желаніе, чтобы средства, ассигнованныя земствомъ на съѣздъ въ 1903 году, были сохранены и на будущій годъ. Однако, часть уѣздныхъ земствъ, принявъ во вниманіе изложенныя обстоятельства, отказалась отъ ассигновки средствъ на съѣздъ 1904 года. Губернское собраніе вновь назначило на съѣздъ 1.700 рублей, но при этомъ постановило о дѣйствіяхъ попечителя округа, принесшихъ денежный ущербъ земству, довести до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія и просить послѣднее гарантировать земство отъ повторенія вновь неожиданной отмѣны съѣзда.

Тому-же казанскому губернскому земскому собранію былъ доложенъ отвѣтъ министерства народнаго просвѣщенія на ходатайство собранія 1902 года о допущеніи на вышеупомянутый съѣздъ учителей инородческихъ училищъ земскихъ гласныхъ. Министерство разрѣшило присутствовать на этомъ съѣздѣ только по одному представителю отъ губернскаго и отъ каждаго уѣзднаго земства. Собраніе постановило просить министерство разъяснить, какими основаніями и законоположеніями оно руководствовалось, ограничивая представительство земства на съѣздѣ, и въ случаѣ полученія необоснованнаго на законахъ отвѣта, обжаловать распоряженіе министерства въ Правительствующій Сенатъ.

Отмѣтимъ еще отвѣтъ на одно земское ходатайство изъ области народнаго просвѣщенія. Всѣмъ памятенъ съѣздъ директоровъ народныхъ училищъ, предводителей дворянства и предсѣдателей земскихъ управъ Московскаго учебнаго округа по вопросамъ народнаго образованія, имѣвшій мѣсто въ 1901 г. въ Москвѣ. Составленный изъ людей, близко стоящихъ къ дѣлу народнаго просвѣщенія, практическихъ работниковъ и притомъ людей, благонамѣренность которыхъ слишкомъ очевидна, съѣздъ этотъ высказался по множеству вопросовъ, касающихся дѣла народнаго просвѣщенія, въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ по этому постоянно высказываются наши земства и лучшая часть печати. Къ сожалѣнію, о трудахъ съѣзда русское общество можетъ судить только по тѣмъ краткимъ отчетамъ о его засѣданіяхъ, которые въ свое время появлялись въ газетахъ, причемъ, конечно, нельзя было составить себѣ ни детальнаго представленія о рѣшеніяхъ съѣзда, ни о мотивахъ, приводившихъ его къ этимъ рѣшеніямъ. Въ виду этого среди земскихъ дѣятелей явилась мысль о необходимости изданія трудовъ съѣзда, какъ могущихъ явиться своего рода руководствомъ въ области практической работы на благо народнаго просвѣщенія. Между прочимъ калужское губернское земское собраніе 1901 года постановило возбудить ходатайство предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ изданіи для всеобщаго пользованія трудовъ означеннаго съѣзда за счетъ земствъ, входящихъ въ составъ московскаго учебнаго округа. Отвѣтъ на это ходатайство пришелъ только чрезъ два года—къ земскому собранію 1903 г. Изъ отвѣта видно, что министерство народнаго просвѣщенія не нашло воз-

можнымъ удовлетворить означенное ходатайство калужскаго земства, и внесло это ходатайство въ комитетъ министровъ, который „за отсутствіемъ въ виду комитета уважительныхъ основаній къ напечатанію трудовъ для общаго пользованія“ предоставилъ министерству народнаго просвѣщенія ходатайство калужскаго земства отклонить.

Губернскія земскія собранія текущей сессіи (1903 — 4 г.), закончившія свои занятія къ тому времени, когда мы пишемъ эти строки, также приняли рядъ постановленій о возбужденіи разнообразныхъ и многочисленныхъ ходатайствъ по вопросамъ народнаго просвѣщенія. Одни изъ этихъ ходатайствъ касаются разныхъ частностей и второстепенныхъ пунктовъ, а другія затрогиваютъ вопросы первостепенной важности. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ ходатайствъ того и другого рода.

Орловское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать: 1) чтобы суммы, ассигнуемыя министерствомъ народнаго просвѣщенія на нужды начальнаго образованія, распредѣлялись между губерніями и уѣздами по предварительномъ сношеніи съ земскими учрежденіями, и 2) чтобы министерская субсидія ни въ чемъ не ограничивала учредительскихъ правъ земствъ по завѣдыванію начальными школами. Въ настоящее время, средства, которыми располагаетъ министерство народнаго просвѣщенія для содѣйствія мѣстнымъ учрежденіямъ въ ихъ дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія, распредѣляются совершенно случайно, причемъ часто рядомъ лежатъ губерніи и уѣзды, изъ которыхъ одни получаютъ такое содѣйствіе отъ министерства, а другіе такого совершенно не получаютъ. То, о чемъ рѣшило ходатайствовать орловское губернское земское собраніе, должно упорядочить данную сторону дѣла и сдѣлать содѣйствіе министерства народнаго просвѣщенія мѣстнымъ учрежденіямъ наиболѣе продуктивнымъ. Точно также желательно удовлетвореніе и второго ходатайства орловскаго земства, такъ какъ предоставленіе министерской субсидіи земствамъ въ дѣлѣ устройства и содержанія школъ подъ условіемъ отказа земствъ отъ своихъ правъ учредителя и содержателя школъ (дѣло идетъ собственно о лишеніи земства права представлять своихъ кандидатовъ на учительскія должности, являющагося нынѣ въ сущности единственнымъ „правомъ“ земства въ области народнаго просвѣщенія), рѣшительно не можетъ быть ничѣмъ оправдано и привело уже къ тому, что кое-гдѣ земства отказываются отъ министерской субсидіи, лишь-бы не лишиться послѣдняго права, какое имъ еще принадлежитъ въ данной области.

Владимірское губернское собраніе постановило, между прочимъ, ходатайствовать объ измѣненіи правилъ 5-го августа 1875 года о курсахъ для народныхъ учителей. Именно, земское собраніе ходатайствуетъ о томъ, чтобы а) приглашеніе руководителей курсовъ было представлено лицамъ и учрежденіямъ, принимающимъ на себя расходы по устройству курсовъ; б) чтобы право приглашенія учащихъ на курсы было предоставлено учредителямъ курсовъ; в) чтобы исключена была на курсахъ необходимость образцовой школы и обязанность назначенія на уроки практикантовъ и г) чтобы исключенъ былъ § 12 правилъ, устанавливающій лишь опредѣленное число слушателей на курсахъ по отношенію къ числу руководителей.

Нижегородское губернское земское собраніе постановило возбудить ходатайства о расширеніи каталога народныхъ чтеній, о разрѣшеніи московскому губернскому земству устроить общеземскую выставку по народному образованію въ 1905 году и объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ начальную школу

Ходатайства объ устройствѣ общеземской выставки по народному образованію приняты и нѣкоторыми другими губернскими земскими собраніями. Вообще вопросъ объ этой выставкѣ встрѣченъ очень сочувственно въ земской средѣ, и, кажется, всѣ губернскія собранія постановили ассигновать на расходы по участію въ выставкѣ бо́льшія или меньшія суммы.

Ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ начальную школу принято еще рязанскимъ губерскимъ земскимъ собраніемъ.

Орловское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать о закрытіи, въ виду безусловнаго вреда въ педагогическомъ отношеніи, школьныхъ сберегательныхъ кассъ въ начальныхъ училищахъ Орловской губерніи.

Петербургскому губернскому земскому собранію было доложено ходатайство петергофскаго уѣзднаго земскаго собранія о предоставленіи учащимъ въ земскихъ училищахъ права преподаванія въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ Закона Божьяго подъ наблюденіемъ законоучителя. Губернская управа, докладывая это ходатайство собранію, указала на то, что тѣ изъ учащихъ въ земскихъ школахъ, которые получили спеціально-педагогическое образованіе (а такихъ въ настоящее время большинство), должны безусловно считаться достаточно подготовленными къ преподаванію начатковъ вѣроученія въ предѣлахъ курса начальной школы. Кромѣ того, въ смыслѣ спеціально-преподавательской опытности и дидактическихъ навыковъ, равно какъ и въ отношеніи знакомства съ самими учащимися въ школѣ,—преподающіе въ земскихъ школахъ имѣютъ несомнѣнное преимущество передъ наѣзжающими лишь въ опредѣленные сроки законоучителями, занимающимися съ учениками лишь однимъ предметомъ и не имѣющими, поэтому, случая болѣе обстоятельно ознакомиться съ внутреннимъ міромъ и способностями каждаго учащагося. Нельзя не указать также и на то, что въ школахъ петербургскаго воспитательнаго дома учителя, окончившіе курсъ въ учительской семинаріи названнаго дома, стоящей по программѣ даже ниже земской учительской школы, вполнѣ успѣшно занимаются съ учениками и уроками Закона Божія. Въ виду этихъ соображеній петербургское губернское земское собраніе постановило поддержать предъ правительствомъ ходатайство петергофскаго уѣзднаго земскаго собранія.

Рязанское губернское земское собраніе постановило возбудить ходатайство о безплатномъ обученіи во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ дочерей народныхъ учителей, прослужившихъ десять лѣтъ.

Было принято губернскими земскими собраніями истекшей сессіи и множество другихъ постановленій о ходатайствахъ предъ правительствомъ по тѣмъ или другимъ предметамъ изъ области народнаго просвѣщенія. Но мы отнюдь не имѣли въ виду перечислить всѣ ходатайства этого рода, а лишь дать понятіе о ихъ разнообразіи и цѣлесообразности, что, думаемъ, достаточно ясно видно и по приведеннымъ примѣрамъ. Можно смѣло сказать, что, если-бы земскія ходатайства изъ области народнаго просвѣщенія получили удовлетвореніе, наше народно-образовательное дѣло подвинулось-бы впередъ весьма значительно.

Вообще, постановленія губерскихъ земскихъ собраній истекшей сессіи, касающіяся дѣла народнаго просвѣщенія, по прежнему проникнуты стремленіемъ поднять народно-образовательное дѣло на возможно большую высоту, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Между прочимъ, еще нѣсколько губернскихъ земствъ постановили завести спеціальные органы для завѣдыванія дѣлами по народному образованію. Такія учрежденія подъ разными наименованіями, какъ извѣстно, открываются все бо́льшимъ и

бо́льшимъ числомъ, какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ земствъ, что ясно показываетъ, съ одной стороны, все расширяющееся значеніе дѣятельности земствъ въ области народнаго просвѣщенія, а съ другой — недостаточность существовавшаго до сихъ поръ способа завѣдыванія дѣлами по народному образованію. Такимъ образомъ, петербургское земское собраніе истекшей сессіи постановило учредить при управѣ особое отдѣленіе по народному образованію, которому и поручено слѣдить за положеніемъ и развитіемъ народнаго образованія въ губерніи, а также за способами его распространенія въ другихъ губерніяхъ и завѣдывать всѣми учебно-образовательными учрежденіями губернскаго земства. Владимірское губернское земское собраніе постановило учредить при губернской управѣ особую постоянную коммиссію для предварительнаго разсмотрѣнія и разработки вопросовъ по народному образованію. Въ составъ коммиссіи входятъ: вся губернская управа, члены отъ земства въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, всѣ предсѣдатели уѣздныхъ управъ, шесть гласныхъ по выбору губернскаго земскаго собранія, губернскій земскій санитарный врачъ и дѣлопроизводитель губернской управы по народному образованію въ качествѣ секретаря коммиссіи. Означенной коммиссіи земское собраніе уже дало порученіе разработать вопросы объ организаціи текущей школьной статистики и о причинахъ слабаго посѣщенія школъ дѣвочками.

Созданіе особыхъ органовъ, которые въ томъ или иномъ отношеніи вѣдаютъ земскую дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія во всѣхъ земскихъ губерніяхъ, неизбѣжно отражается улучшеніемъ всѣхъ сторонъ народно-образовательнаго дѣла. И это понятно: особый органъ, всецѣло занятый именно народно-образовательнымъ дѣломъ, естественно замѣчаетъ многое, что̀ ускользаетъ отъ общихъ земскихъ органовъ, занятыхъ разнообразною дѣятельностью, направленною на всевозможныя предметы земскаго попеченія. Вмѣстѣ съ тѣмъ особый органъ имѣетъ возможность слѣдить за тѣмъ, что́ дѣлается въ другихъ земскихъ мѣстностяхъ въ области народнаго образованія, и переносить заслуживающее подражанія въ свою губернію. Наконецъ, сосредоточивъ свое вниманіе на спеціальномъ дѣлѣ, особый органъ можетъ проявить въ немъ и творческую дѣятельность въ значительно бо̀льшихъ размѣрахъ, нежели, напр., земская управа, поглощенная другими дѣлами.

Изъ дѣятельности земскихъ губернскихъ собраній истекшей сессіи, между прочимъ, наглядно видно, какъ много еще есть вопросовъ въ области народно-просвѣтительнаго дѣла, которые разрабатываются въ отдѣльныхъ земствахъ, причемъ результаты этой работы пока остаются безъ вниманія со стороны многихъ другихъ земствъ. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ, напр., вопросъ о горячей пищѣ для учащихся въ народныхъ школахъ. Конечно, нѣтъ надобности выяснять все громадное значеніе этого вопроса—въ странѣ, гдѣ значительное число учащихся въ начальной школѣ имѣетъ горячую пищу лишь въ видѣ исключенія. И, однако, не смотря на всю важность этого вопроса—и для охраненія народнаго здравія, и для успѣшности обученія, этимъ вопросомъ въ истекшую сессію земскихъ собраній, занялось, кажется, только одно владимірское губернское земское собраніе. Это собраніе обратило вниманіе на данный вопросъ еще въ 1900 году, постановивъ тогда ввести, въ видѣ опыта, въ нѣсколькихъ школахъ—по четыре на уѣздъ — горячіе приварки для бѣднѣйшихъ учениковъ, приходящихъ въ школу за двѣ и болѣе верстъ, и ассигновало по 55 р. на уѣздъ или по копейкѣ съ четвертью на учащагося. Дѣломъ этимъ уѣздныя земства (нѣкоторыя) занимаются давно, но для губернскихъ земствъ опытъ владимірскаго уѣзда явился первымъ. Опытъ продолжался

два года. Всѣ учителя, доставившіе въ управу свои отзывы по данному предмету, утверждаютъ, что горячая пища значительно улучшила самочувствіе учащихся и выгодно отразилась на ихъ успѣхахъ не только во время классныхъ занятій, но и при выполненіи учениками заданныхъ имъ на домъ уроковъ. Стоимость приварка въ разныхъ школахъ колебалась отъ 0,55 к. до 2,7 коп. въ день на человѣка. Нынѣшнее губернское земское собраніе ассигновало на школьные завтраки на 1904 годъ уже 3.400 р., причемъ о результатахъ опыта въ этихъ болѣе широкихъ размѣрахъ должно быть доложено по каждому уѣзду мѣстному земскому собранію, такъ какъ предполагается, что въ будущемъ половину расходовъ на завтраки должны давать уѣздныя земства, а другую половину приметъ на себя губернское земство. Такимъ путемъ во Владимірской губерніи можетъ, наконецъ, создаться то, что рано или поздно должно имѣть мѣсто при всѣхъ начальныхъ школахъ,—снабженіе всѣхъ учащихся горячею пищею.

Вообще наши губернскія земства, еще какія-нибудь десять лѣтъ назадъ, за ничтожными исключеніями, не принимавшія почти никакого участія въ дѣлѣ собственно народнаго образованія, полагая, что это дѣло должно вѣдаться исключительно уѣздными земствами, и принимая на себя лишь заботу о среднемъ образованіи, въ настоящее время всюду работаютъ самымъ усиленнымъ образомъ въ интересахъ количественнаго развитія и качественнаго подъема народно-просвѣтительнаго дѣла. Вотъ, для примѣра, въ какихъ крупныхъ цифрахъ выражаются ассигновки на 1904 годъ на народно-просвѣтительное дѣло харьковскаго губернскаго земства, которое довольно долго держалось въ сторонѣ отъ непосредственнаго участія въ заботахъ о народномъ просвѣщеніи: на содержаніе земскихъ начальныхъ училищъ—209.500 р., харьковскому обществу грамотности—19.150 р. (именно: комитету сельскихъ библіотекъ и читаленъ—15.000 р., издательскому комитету—1.800 р., коммиссіи народныхъ чтеній—1.400 р., справочно-педагогическому комитету—300 р. и музею наглядныхъ пособій—150 р.); кромѣ того, на устройство выставки по случаю 35-лѣтія этого общества назначено 500 р.; 1.000 р. ассигновано на участіе харьковскаго земства въ выставкѣ по народному образованію въ Москвѣ, осуществленіе которой предположено московскимъ губернскимъ земствомъ; наконецъ, собраніе разрѣшило городскому управленію Харькова заемъ изъ земскаго страхового капитала въ 250.000 р. на постройку зданій для городскихъ начальныхъ школъ.

Если не въ такихъ широкихъ размѣрахъ и не съ такою всесторонностью, какъ земскія учрежденія, тѣмъ не менѣе все съ большимъ и большимъ вниманіемъ начинаютъ относиться къ дѣлу народнаго просвѣщенія и наши городскія управленія. Здѣсь мы отмѣтимъ только одинъ любопытный фактъ, касающійся дѣятельности петербургскаго городского управленія въ данной области. До самаго послѣдняго времени въ Петербургѣ учащіеся въ городскихъ школахъ были обложены особымъ сборомъ въ пользу города. Этотъ остатокъ допотопныхъ порядковъ упорно держался въ петербургскомъ городскомъ управленіи, не смотря на всѣ старанія болѣе просвѣщенной части петербургскихъ городскихъ дѣятелей. И только въ прошломъ 1903 году, наконецъ, по случаю 200-лѣтія Петербурга городская дума рѣшилась отказаться отъ этого налога на начальное образованіе. И вотъ какіе результаты получились отъ этой мѣры: „Безплатное обученіе привлекло въ городскія училища громадный наплывъ дѣтей. Бывали даже случаи, что въ эти училища переходили воспитанники низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній; въ послѣднемъ случаѣ это боль-

шею частью дѣти родителей, не имѣющихъ возможности пріобрѣсти для своихъ дѣтей учебныхъ пособій. Въ виду этого, училищная коммиссія возбуждаетъ вопросъ о дополнительномъ ассигнованіи 10.000 р. на выдачу учебныхъ пособій для учениковъ городскихъ училищъ" („Русск. Вѣд.", 1903 г., № 339). Этотъ любопытный фактъ не мѣшаетъ имѣть въ виду тѣмъ городскимъ управленіямъ (къ счастью, не многимъ), которыя до сихъ поръ сохраняютъ въ своихъ школахъ платность обученія, равно какъ и тѣмъ городскимъ дѣятелямъ, которые время отъ времени возбуждаютъ въ думахъ вопросъ о введеніи платы за ученіе въ городскихъ школахъ тамъ, гдѣ, къ счастью, этой платы не взимается. Начальная школа не только не должна взимать платы съ учащихся, но и должна снабжать ихъ учебными пособіями, къ чему приходятъ, какъ видно изъ приведеннаго извѣстія, въ Петербургѣ, а также горячею пищею, что практикуется во многихъ мѣстностяхъ Западной Европы и что начинаетъ кое-гдѣ практиковаться и у насъ.

Кромѣ земскихъ и городскихъ учрежденій, у насъ, какъ извѣстно, работаетъ въ области народнаго просвѣщенія частная иниціатива. Здѣсь прежде всего должна быть отмѣчена народно-просвѣтительная дѣятельность всевозможныхъ частныхъ промышленныхъ, торговыхъ и др. предпріятій, какъ то: желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и заводовъ, горныхъ промысловъ, кредитныхъ учрежденій и т. п. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не было сдѣлано попытки собрать болѣе или менѣе исчерпывающія данныя относительно народно-просвѣтительной дѣятельности учрежденій этого рода. А въ этой области можно встрѣтиться порою съ очень любопытными фактами. Такъ, едва-ли многимъ извѣстна довольно широкая просвѣтительная дѣятельность бакинскаго съѣзда нефтепромышленниковъ. Имѣя въ виду, что въ такъ называемомъ Черномъ городкѣ, предмѣстьѣ Баку, въ которомъ сосредоточены керосиновые заводы, и на промысловыхъ площадяхъ — Балаханахъ, Сабунчахъ, Романахъ и Биби-Эйбатѣ, сосредоточено значительное рабочее населеніе, у котораго, по мѣрѣ того какъ оно дѣлается все болѣе осѣдлымъ, образуется значительный контингентъ дѣтей школьнаго возраста, бакинскій съѣздъ нефтепромышленниковъ съ каждымъ годомъ проявляетъ все большую и большую заботливость о созданіи школъ и устройствѣ разныхъ просвѣтительныхъ учрежденій для взрослыхъ: библіотекъ, народныхъ чтеній, вечернихъ курсовъ. Въ 1902 году съѣздъ истратилъ на нужды народнаго просвѣщенія 45.021 р., въ 1903 г. 67.920 р. и на 1904 г. ассигновалъ на тотъ-же предметъ уже 100 тыс. рублей. Къ 1 янв. 1903 года съѣздъ содержалъ семь школъ съ рядомъ параллельныхъ отдѣленій, въ которыхъ училось 986 дѣтей. Кромѣ того, въ районѣ дѣйствій съѣзда имѣлось еще 8 школъ, содержащихся отдѣльными фирмами, и одна городская школа: въ этихъ школахъ училось 731 учащихся. Такимъ образомъ, промысловое населеніе давало 1.717 учащихся въ начальныхъ школахъ. Значительное увеличеніе ассигновки съѣзда на народное просвѣщеніе въ 1904 году даетъ возможность настолько увеличить число школъ, что въ этомъ году уже всѣ дѣти школьнаго возраста получатъ возможность посѣщать школы, и, такимъ образомъ, въ этомъ уголкѣ нашей родины, будетъ осуществлено всеобщее начальное обученіе, что, несомнѣнно, для многихъ явится сюрпризомъ.

Не менѣе важное значеніе имѣетъ частная иниціатива въ области народнаго просвѣщенія, выражающаяся въ дѣятельности разныхъ просвѣтительныхъ обществъ и кружковъ, созданныхъ спеціально для работы въ этой области. Въ нынѣшней хроникѣ мы отмѣтимъ плодотворную дѣятельность одного изъ такихъ кружковъ, работающаго на одной изъ нашихъ окраинъ и остающагося

до сихъ поръ малоизвѣстнымъ даже лицамъ, слѣдящимъ за такого рода явленіями. Мы имѣемъ въ виду „коммиссію по учрежденію въ городѣ Вѣрномъ Общества ревнителей просвѣщенія".

„Коммиссія" эта возникла еще въ 1896 году. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, шла работа Коммиссіи по созданію названнаго общества. Только въ сентябрѣ 1902 года проектъ устава Общества былъ полученъ для исправленія. Всѣ требуемыя исправленія были сдѣланы, и исправленный проектъ вновь представленъ на утвержденіе. На этотъ разъ препятствій къ утвержденію больше не встрѣтилось, и 19 апрѣля 1903 года утвержденный уставъ былъ, наконецъ, полученъ коммиссіей, и самое образованіе новаго просвѣтительнаго общества состоялось уже осенью 1903 года.

За эти четыре года, пока шли хлопоты объ учрежденіи Общества, Коммиссія, созданная учредителями для выполненія этихъ хлопотъ, не бездѣйствовала, а принялась за просвѣтительную работу, такъ что новое Общество сразу же, при своемъ возникновеніи, имѣло въ своемъ распоряженіи рядъ уже созданныхъ просвѣтительныхъ учрежденій. Объ этой-то просвѣтительной дѣятельности коммиссіи мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ, пользуясь только что полученнымъ нами отчетомъ коммиссіи за четвертый годъ ея существованія.

Открыла свои дѣйствія коммиссія 10 декабря 1899 года. Общимъ собраніемъ сочувствующихъ учрежденію въ гор. Вѣрномъ Общества ревнителей просвѣщенія коммиссіи было предложено организовать народныя чтенія и воскресную школу. Коммиссія выполнила это порученіе и, кромѣ того, образовала еще книжный складъ. Раньше всего открылся отдѣлъ по веденію народныхъ чтеній, а именно 12 апрѣля 1900 года. Съ того времени по 1 сентября 1903 года этимъ отдѣломъ велись чтенія сначала въ одной, а затѣмъ въ двухъ и, наконецъ, въ трехъ аудиторіяхъ. Всего во всѣхъ аудиторіяхъ было устроено 150 чтеній. Число посѣщеній росло по годамъ слѣдующимъ образомъ: первый годъ было 6.444 посѣтителей на народныхъ чтеніяхъ, второй 8.514 и третій 11.784, а всего чтенія были посѣщены 26.742 человѣка. Мужская воскресная школа открыла свои дѣйствія въ сентябрѣ 1900 года. За три года существованія въ ней обучалось 390 учениковъ, которыми было сдѣлано 5.896 посѣщеній. Наконецъ, книжный складъ открытъ только въ октябрѣ 1902 года, и ко времени составленія отчета (1 сентября 1903 года) успѣлъ продать около трехъ съ половиною тысячъ. Новому Обществу коммиссія передала еще задачу учрежденія народной библіотеки.

Такая дѣятельность коммиссіи должна быть признана очень и очень успѣшною, особенно, если принять во вниманіе, что дѣло велось въ отдаленномъ, заброшенномъ въ глубь Азіи, городкѣ, имѣющемъ ничтожное населеніе и буквально лишь небольшую горсть интеллигенціи. Дѣлаетъ честь этой небольшой группѣ интеллигенціи, что она не погрязла въ мелкіе житейскіе интересы, а сумѣла, не смотря на внѣшнія неблагопріятныя условія, сохранить въ собѣ живой огонь и проявила столь живую дѣятельность въ области народнаго просвѣщенія.

Къ 1 октября 1903 года Вѣрненское Общество ревнителей просвѣщенія имѣло пять почетныхъ членовъ, шесть пожизненныхъ, 76 членовъ-учредителей, 13 членовъ-соревнователей и 29 членовъ-участниковъ. Члены—учредители и дѣйствительные члены вносятъ въ кассу Общества по 5 р., соревнователи по 3 р. и участники по 1 р. Кромѣ того, въ дѣйствительные члены, по уставу, зачисляются работающіе въ его учрежденіяхъ.

Закончимъ нашу хронику приведеніемъ крайне любопытнаго факта, характеризующаго отношеніе къ образованію и школѣ народной массы. Въ деревнѣ Хомутовой, Ольшанской волости, Орловскаго уѣзда, Орловской губерніи, нѣсколько времени тому назадъ сельскій сходъ, на которомъ присутствовало 95 общественниковъ, единогласно постановилъ: „если кто изъ нижеозначенныхъ крестьянъ пожелаетъ взять изъ мѣстной школы ученика или ученицу безо времени, т. е. до того времени, когда оканчиваются занятія въ школахъ, то таковые общественники подвергаются штрафу въ размѣрѣ 10 р., каковыя деньги должны поступать въ пользу школы и употребляться на покупку наглядныхъ пособій“ („Орловскій Вѣстникъ“, 1903 г., № 319).

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

Отношеніе къ народнымъ библіотекамъ истекшихъ губернскихъ земскихъ собраній.—Крупныя ассигновки на этотъ предметъ владимірскаго, харьковскаго и пермскаго губернскихъ земскихъ собраній.—Ассигновка тверского губернскаго земскаго собранія на библіотеку имени Головачева.—77 новыхъ народныхъ библіотекъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ.—Ходатайства нижегородскаго и московскаго губернскихъ земскихъ собраній о запретительномъ каталогѣ.—Первый годъ существованія Кагальницкой народой библіотеки.—Новый земскій книжный складъ.—Коллективная закупка книгъ земствами для своихъ книжныхъ складовъ.

Губернскія земскія собранія истекшей сессіи проявили чрезвычайно внимательное отношеніе къ народно-библіотечному дѣлу вообще. Дѣло это, какъ извѣстно, возникло у насъ всего какихъ-нибудь тринадцать лѣтъ (до 1890 г. были лишь отдѣльные случаи устройства народныхъ библіотекъ), а между тѣмъ къ настоящему времени уже не только почти всѣ уѣздныя земства (за исключеніемъ всего нѣсколькихъ наиболѣе заскорузлыхъ) имѣютъ ассигновки на народныя библіотеки, но и почти всѣ губернскія земства тратятъ на этотъ предметъ большія или меньшія суммы. Здѣсь наблюдается явленіе, какъ разъ противоположное тому, какое имѣло мѣсто по отношенію къ начальной школѣ. Какъ извѣстно, многія губернскія земства держались долго того мнѣнія, что забота о начальномъ образованіи всецѣло должна лежать на уѣздныхъ земствахъ, и хотя часть губернскихъ земствъ такого взгляда не придерживалась и издавна принимала участіе въ попеченіи о начальномъ образованіи, большинство губернскихъ земствъ включило въ программу своей дѣятельности этотъ предметъ лишь въ сравнительно позднее время. По отношенію же къ народнымъ библіотекамъ губернскія земства чаще брали на себя иниціативу дѣла, и лишь по примѣру губернскихъ земствъ тѣмъ же дѣломъ занялись и уѣздныя. Правда, и до сихъ поръ значеніе народныхъ библіотекъ еще слишкомъ скромно въ глазахъ земскихъ дѣятелей, почему и средства, ассигнуемыя ими на этотъ предметъ, очень скромны. Но это въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, что при томъ ограниченномъ книжномъ составѣ, какимъ могутъ располагать у насъ народныя библіотеки, дѣйствительное значеніе ихъ скромно, почему онѣ и не привлекаютъ къ себѣ того вниманія земскихъ людей, какого народныя библіотеки заслуживали-бы при болѣе правильной постановкѣ ихъ. Въ настоящее же время ассигновку губернскаго земства на

народныя библіотеки въ 10 тыс. и болѣе рублей приходится отмѣчать уже какъ крупную.

Ассигновки на народно-библіотечное дѣло въ указанномъ размѣрѣ сдѣлали въ только что истекшую сессію многія губернскія земскія собранія. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ этихъ ассигновокъ, заслуживающихъ вниманія по тѣмъ или инымъ причинамъ. Такъ, владимірское земское собраніе ассигновало 10.000 р. на поддержаніе существующихъ въ губерніи народныхъ библіотекъ и на открытіе новыхъ. Всего къ настоящему времени во Владимірской губерніи открыто земствомъ 110 народныхъ библіотекъ. Въ настоящемъ году предполагается увеличить число этихъ библіотекъ еще на 20. Харьковское губернское земское собраніе ассигновало на народныя библіотеки 15.000 р. Харьковское земство само не занимается устройствомъ народныхъ библіотекъ, а передало всецѣло эту функцію мѣстному обществу грамотности, которое имѣетъ для этой цѣли особый комитетъ сельскихъ библіотекъ. Такая комбинація должна быть признана очень удачною, такъ какъ, кромѣ ассигновки губернскаго земства, поступающей въ распоряженіе означеннаго комитета, послѣдній успѣваетъ ежегодно привлекать на дѣло устройства народныхъ библіотекъ въ губерніи еще значительныя средства изъ другихъ источниковъ. Пермское губернское земское собраніе, рѣшившее обратить на нужды внѣшкольнаго образованія особый образованный этимъ земствомъ капиталъ имени Александра III въ размѣрѣ 120 тыс. р., вмѣстѣ съ тѣмъ постановило проценты съ этого капитала, составившіе къ настоящему времени сумму около 25.000 р. употребить на учрежденіе 120 народныхъ библіотекъ. Такимъ образомъ, въ Пермской губерніи сразу же народно-библіотечное дѣло будетъ двинуто весьма замѣтно впередъ.

Рядомъ съ заботами объ увеличеніи числа народныхъ библіотекъ и содержаніи уже открытыхъ ранѣе учрежденій этого рода, на губернскихъ земскихъ собраніяхъ истекшей сессіи имѣли мѣсто также факты чествованія памяти усопшихъ дѣятелей и ознаменованія юбилеевъ дѣятельности еще живущихъ земскихъ работниковъ постановленіями объ открытіи новыхъ народныхъ библіотекъ. Отмѣтимъ здѣсь одинъ фактъ такого рода, о которомъ слегка мы уже упоминали въ предъидущей хроникѣ. Тверское губернское земское собраніе пожелало увѣковѣчить память покойнаго А. А. Головачева и поручило разработать этотъ вопросъ редакціонной коммиссіи собранія. Коммиссія пришла къ заключенію о необходимости устройства на общегубернскія средства народной библіотеки имени почившаго дѣятеля на его родинѣ въ Корчевскомъ уѣздѣ и предложила губернскому собранію ассигновать 4.000 р. изъ школьно-строительнаго капитала на сооруженіе зданія библіотеки и установить ежегодную ассигновку въ 600 р. на содержаніе ея. Собраніе это предложеніе приняло, и, такимъ образомъ, должна возникнуть народная билiотека, располагающая собственнымъ и притомъ цѣннымъ зданіемъ, что пока представляетъ у насъ крайне рѣдкое явленіе.

Вообще число народныхъ библіотекъ во всѣхъ концахъ нашего отечества растетъ чрезвычайно быстро. Порою сразу же открываются въ той или иной мѣстности десятки народныхъ библіотекъ. Выше мы упоминали объ ассигнованіи пермскаго губернскаго земскаго собранія 25 тыс. р. на открытіе 120 новыхъ народныхъ библіотекъ. Упомянемъ еще о томъ, что въ концѣ 1902 года нижегородскому уѣздному земству разрѣшено открыть публичныя библіотеки при 77 народныхъ училищахъ на основаніи ст. IV журнала совѣта министерства народнаго просвѣщенія отъ 30 января 1867 года за № 22. Биб-

ліотеки эти будутъ помѣщаться въ зданіи училищъ. Каталогъ ихъ будетъ составленъ примѣнительно къ каталогу народныхъ библіотекъ. Книги могутъ выдаваться только на домъ, а не для чтенія въ самомъ помѣщеніи библіотекъ.

Кромѣ ассигнованій средствъ на содержаніе и расширеніе существующихъ народныхъ библіотекъ и на открытіе новыхъ библіотекъ, губернскія земскія собранія не мало занимались также разными вопросами, связанными съ положеніемъ народно-библіотечнаго дѣла. Всего больше, какъ всегда, занималъ собранія вопросъ о расширеніи каталога народныхъ библіотекъ. По этому поводу рядъ собраній сдѣлалъ постановленія о возбужденіи ходатайства о замѣнѣ существующаго каталога одобренныхъ для библіотекъ книгъ запретительнымъ каталогомъ. Любопытныя пренія возбудилъ этотъ вопросъ въ нижегородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Губернская земская управа внесла въ собраніе докладъ, въ которомъ предлагала возбудить именно ходатайство о введеніи запретительнаго каталога взамѣнъ существующаго каталога одобренныхъ книгъ. Какъ ни странно, въ собраніи нашлись защитники этого послѣдняго каталога, т. е. существующаго положенія вещей, вызывающаго такія всеобщія жалобы. Именно, на защиту существующаго каталога одобренныхъ книгъ выступили гласные Хотяинцевъ, Обтяжновъ (земскіе начальники) и въ особенности Зененко (врачъ). Послѣдній нашелъ, что между книгами, которыя можетъ читать народъ, и книгами, которыя дозволительно читать интеллигенціи, должна лежать цѣлая пропасть. Онъ призналъ „вреднымъ" для народа даже такой журналъ, какъ „Журналъ для всѣхъ". Въ качествѣ аргумента противъ расширенія каталога народныхъ библіотекъ, г. Зененко пустилъ въ ходъ соображенія о вредѣ просвѣщенія безъ нравственнаго воспитанія, причемъ попутно сдѣлалъ нѣсколько вылазокъ противъ современной литературы, а также отмѣтилъ то ужасное обстоятельство, что въ Нижнемъ въ нѣкоторыхъ книжныхъ магазинахъ торгуютъ... евреи. Неудивительно, что ораторъ, стоящій на такой точкѣ зрѣнія, призналъ безусловно нежелательною замѣну каталога одобренныхъ книгъ запретительнымъ каталогомъ. Ораторъ былъ энергически поддержанъ гл. Обтяжновымъ, который также видитъ въ теперешней литературѣ опасное подрываніе основъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти „жупелы" не запугали собранія, и оно почти единогласно приняло докладъ управы о возбужденіи ходатайства о замѣнѣ каталога одобренныхъ для народныхъ библіотекъ книгъ запретительнымъ каталогомъ.

Повидимому, постоянныя ходатайства земскихъ собраній по вопросу о расширеніи каталога народныхъ библіотекъ, а также по вопросу объ упрощеніи порядка разрѣшенія открытія этихъ библіотекъ не прошли безслѣдно, какъ можно судить по отвѣту на соотвѣтствующія ходатайства московскаго губернскаго земства, полученному недавно послѣднимъ. Именно, въ засѣданіи 15 января сего года московскому губернскому земскому собранію былъ доложенъ отвѣтъ министерства народнаго просвѣщенія на ходатайство московскаго земства объ упрощеніи порядка открытія публичныхъ библіотекъ при начальныхъ училищахъ и о разрѣшеніи пользоваться въ этихъ библіотекахъ книгами, одобренными для среднихъ учебныхъ заведеній,—въ томъ смыслѣ, что при министерствѣ народнаго просвѣщенія вырабатывается проектъ новыхъ правилъ по возбужденнымъ земствомъ вопросамъ. Такимъ образомъ, быть можетъ, данный вопросъ, такъ давно назрѣвшій, хоть отчасти будетъ двинутъ впередъ.

То-же московское губернское земство предлагаетъ своеобразное разрѣше-

ніе вопроса о каталогѣ народныхъ библіотекъ, хотя едва-ли удачное. Именно, въ засѣданіи 16 января въ московскомъ земскомъ губернскомъ собраніи было доложено ходатайство звенигородскаго уѣзднаго земскаго собранія о расширеніи каталога школьныхъ библіотекъ. По этому поводу въ губернскомъ собраніи вопросъ былъ поставленъ на болѣе общую почву, и рѣчь зашла вообще о расширеніи каталоговъ книгъ, разрѣшенныхъ для школьныхъ, народныхъ и учительскихъ библіотекъ и для народныхъ чтеній. Гласный С. А. Соколовъ предложилъ возбудить ходатайство въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно принято нижегородскимъ земскимъ собраніемъ, т. е. въ смыслѣ изданія запретительныхъ каталоговъ, внѣ которыхъ всѣ остальныя книги могли бы безпрепятственно попадать во всякія библіотеки. Губернская управа предлагала иное разрѣшеніе вопроса. Именно, исходя изъ того, что при учрежденіи ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія въ 1856 г. на него отнюдь не возлагалось обязанности издавать каталоги одобренныхъ книгъ, а лишь объявлять объ особенно плохихъ книгахъ, управа предложила ходатайствовать, чтобы комитету была возвращена законная его функція; но затѣмъ управа проектируетъ слѣдующій порядокъ пополненія книгами всякихъ библіотекъ—школьныхъ, учительскихъ и народныхъ: училищные совѣты составляютъ для такихъ библіотекъ изъ книгъ, не запрещенныхъ ученымъ комитетомъ, каталоги, а попечитель округа утверждаетъ такіе каталоги. Гласный К. К. Мазингъ выразилъ опасеніе, что въ совѣтѣ попечителя округа составленные училищными совѣтами каталоги будутъ разсматриваться еще съ большею медленностью, нежели съ какою разсматриваются книги въ ученомъ комитетѣ, и потому проектируемая губернскою управою мѣра окажется еще хуже нынѣшняго положенія вещей. Тѣмъ не менѣе, предложеніе губернской управы было принято большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ трехъ. Надо еще замѣтить, что предложенное губернскою московскою управою ходатайство возбуждалось еще въ 1896 году, но до сихъ поръ на него не получено отвѣта.

Не смотря на ограниченность каталога народныхъ библіотекъ, повсемѣстно находятся люди, которые принимаютъ на себя трудъ по учрежденію и веденію этихъ просвѣтительныхъ учрежденій, а вмѣстѣ съ тѣмъ повсемѣстно вновь открываемыя народныя библіотеки привлекаютъ значительное число читателей съ первыхъ же дней своего существованія. Это лучше всего показываетъ, въ какой мѣрѣ отвѣчаетъ данное учрежденіе назрѣвшей потребности жизни, а отсюда становится яснымъ, насколько нежелательны стѣснительныя мѣры какого-бы то ни было рода по отношенію къ народнымъ библіотекамъ. Укажемъ здѣсь данныя по одной изъ народныхъ библіотекъ, возникшихъ всего годъ назадъ,—Кагальницкой (Донская обл.), отчетъ по которой только что доставленъ намъ. Не смотря на кратковременность существованія и на то, что библіотека представляетъ собою созданіе частной иниціативы небольшаго кружка сельской интеллигенціи, она къ концу перваго года своей дѣятельности успѣла собрать 1.362 названія книгъ въ 1.653 томахъ Работала библіотека въ теченіе года 355 дней. Пользовалось книгами изъ библіотеки для чтенія на дому 370 человѣкъ, которыми было прочитано въ теченіе года 4.077 книгъ. Въ читальнѣ при библіотекѣ было взято 4.542 книги и періодическихъ изданій. Завѣдываетъ библіотекою особое библіотечное общество, которое имѣло къ концу отчетнаго года 12 почетныхъ членовъ и 52 дѣйствительныхъ. Ближайшее веденіе дѣла возложено на совѣтъ общества, состоящій изъ 18 членовъ. Средствъ опредѣленныхъ библіотека не имѣетъ, а получаетъ ихъ отъ пожертвованій, членскихъ взносовъ, благотворительныхъ спектаклей и т. п.

Матеріальная сторона дѣла пошла такъ успѣшно, что библіотечное общество поставило уже на очередь вопросъ о постройкѣ собственнаго зданія для библіотеки. И все это достигнуто въ одинъ годъ въ одномъ изъ заурядпѣйшихъ селеній...

Въ истекшую сессію губернскихъ земскихъ собраній, рядомъ съ вопросами, касающимися народныхъ библіотекъ, не мало было удѣлено вниманія также и земскимъ книжнымъ складамъ, которые играютъ такую-же роль, какъ и библіотеки, содѣйствуя распространенію въ массѣ хорошей книги. Здѣсь отмѣтимъ только увеличеніе числа губернскихъ земскихъ книжныхъ складовъ еще однимъ—казанскимъ. Казанское губернское земство еще въ прошломъ году произвело небольшой опытъ устройства такого склада. Опытъ оказался удачнымъ, и потому губернская управа предложила губернскому собранію истекшей сессіи ассигновать 10.000 рублей на устройство уже настоящаго земскаго книжнаго склада, что и было принято собраніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе поручило управѣ разработать вопросъ объ издательской дѣятельности казанскаго губернскаго земства. Въ данномъ случаѣ казанское земство имѣетъ предъ собою примѣръ успѣшной издательской дѣятельности вятскаго губернскаго земства, которое, какъ извѣстно, въ послѣдніе годы издало множество дешевыхъ книгъ, причемъ въ программу издательской дѣятельности этого земства входитъ, какъ изданіе книгъ научно-популярныхъ и практическаго характера, такъ и отдѣльныхъ произведеній нашихъ лучшихъ авторовъ. Выступленіе на тотъ же путь издательства еще одного губернскаго земства можно только привѣтствовать.

Изъ области земской книжной торговли можно отмѣтить еще одинъ любопытный фактъ, представляющій собою естественное развитіе даннаго дѣла. Мы имѣемъ въ виду попытку коллективной закупки нѣсколькими земствами книгъ для книжныхъ складовъ. Вопросъ этотъ возникъ еще въ совѣщаніи завѣдующихъ земскими книжными складами, происходившемъ во время ярославской выставки. На этомъ совѣщаніи было рѣшено практиковать коллективныя закупки книгъ въ виду ихъ несомнѣнной выгодности, причемъ предварительные переговоры по дѣлу были поручены завѣдывающему вятскимъ земскимъ книжнымъ складомъ. Въ настоящее время и дѣлается попытка такой покупки вятскимъ складомъ для ряда земскихъ книжныхъ складовъ книжнаго инвентаря фирмы „Народная польза“, которая, ликвидируя дѣла, отдаетъ свой книжный запасъ со скидкою съ номинальныхъ цѣнъ въ 60%. Эта первая попытка, въ случаѣ ея успѣха, несомнѣнно, вызоветъ дальнѣйшее развитіе даннаго дѣла, и, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ рядомъ съ двумя существующими междуземскими бюро по закупкѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, мы увидимъ и междуземское бюро по пріобрѣтенію, а быть можетъ, и по изданію книгъ для земскихъ книжныхъ складовъ. Всякую мѣру, которая удешевляетъ книгу и дѣлаетъ ее болѣе доступною возможно большему кругу лицъ, можно, конечно, только привѣтствовать...

Я. Абрамовъ.

Хроника воскресныхъ школъ *).

10-лѣтній отчетъ Владикавказской женской воскресной школы. (1891 г.—1901 г.).

10 марта 1901 г. исполнилось ровно 10 лѣтъ, какъ открылась владикавказская женская воскресная школа. Учредителями ея были: общественная дѣятельница, Варвара Григорьевна Шредерсъ, и бывшій директоръ народныхъ училищъ Терской об., Сергѣй Ѳедоровичъ Грушевскій. Мысль объ открытіи школы впервые явилась у В. Г. Шредерсъ и нашла себѣ сочувствіе и поддержку со стороны директора. Владикавказъ со своимъ 50 т. населеніемъ нуждался и всегда будетъ нуждаться въ воскресной школѣ не потому, что для населенія не хватаетъ мѣста въ ежедневныхъ школахъ, а потому, что не всѣ имѣютъ возможность посѣщать ихъ, такъ какъ многія или обременены домашней работой или обязаны зарабатывать себѣ средства къ жизни съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Что это фактъ, не требующій доказательства, видно изъ того, что воскресная школа съ самаго основанія своего все болѣе и болѣе развивалась, и съ каждымъ годомъ число учениц ея увеличивалось. Воскресныя школы открываются съ цѣлью дать возможность поучиться взрослому населенію, не успѣвшему въ юные годы пройти курсъ первоначальнаго обученія, но оказывается, что и не всѣ малолѣтнія и подростки имѣютъ возможность посѣщать ежедневныя школы. Воскресная школа должна была придти и къ нимъ на помощь, такъ какъ и они не имѣли возможности поучиться гдѣ-либо помимо воскресной школы. Съ перваго же года воскресной школѣ пришлось принимать и подростковъ, причемъ рѣшено было разъ навсегда, чтобы принимались дѣти не моложе 12 лѣтъ. Къ крайнему своему прискорбію, воскресная школа должна была познакомиться съ такими родителями, которые не желали лишиться помощи дѣтей дома, не отпускали ихъ въ ежедневныя школы и рады были возможности поучить ихъ безъ большой траты времени и расходовъ. И до сихъ поръ воскресной школѣ приходится наталкиваться на подобные факты, когда родители умоляютъ взять ихъ дѣтей въ воскресную школу, такъ какъ въ будни они имъ самимъ нужны для домашнихъ работъ.

Принесла-ли воскресная школа пользу городу, замѣтно-ли ея вліяніе на массу, эти вопросы всегда являются на первый планъ, когда рѣчь заходитъ о воскресныхъ школахъ. Населеніе города Владикавказа слишкомъ разнохарактерное, разноплеменное, чтобы вліяніе воскресной школы возрастало быстро, но что оно есть—это внѣ всякаго сомнѣнія, и воскресная школа потому никогда не можетъ думать, что она лишняя и ненужная для города. Съ большимъ трудомъ завоевала себѣ воскресная школа уваженіе со стороны владикавказскаго общества, и это въ то время, когда народная масса уже ей вполнѣ довѣряла и относилась къ ней съ любовью и уваженіемъ. До сихъ поръ наша интеллигенція считала воскресную школу пустой забавой, что видно изъ того, какъ мало работниковъ привлекаетъ она, хотя вѣчно нуждается въ нихъ. Общество находитъ, что воскресная школа слишкомъ мало даетъ, чтобы она имѣла право на существованіе, но это совершенно неправильно. Воскрес-

---

*) Статьи и матеріалы по воскреснымъ школамъ редакція покорнѣйше проситъ направлять въ Харьковъ Христинѣ Даниловнѣ Алчевской или Маріи Николаевнѣ Салтыковой.

ная школа, дѣйствительно, не даетъ своимъ учащимся никакихъ аттестатовъ; сдѣлать это она не въ силахъ, потому что обученіе въ ней слишкомъ короткое: въ году не болѣе 34 учебныхъ воскресеній; но при всемъ томъ она даетъ достаточно, чтобы заставить общество приходить къ ней на помощь.

Кто не знаетъ, какъ проводитъ время наша темная, необразованная масса, которая единственное развлеченіе находитъ только въ сплетняхъ и въ вѣчныхъ ссорахъ. Удовлетворяетъ-ли ихъ такая жизнь—это лучше всего видно изъ того, какъ всѣ они накинулись на грамотность, единственную защиту ихъ отъ скуки. Знаетъ-ли общество, что цѣль всѣхъ учащихся въ воскресной школѣ не полученіе диплома, а желаніе найти съ помощью книги отвѣты на многіе запросы ума и сердца, и потому-то ихъ главная цѣль выучиться поскорѣе читать и понимать прочитанное. Воскресная школа даетъ возможность научиться грамотѣ; если она не можетъ явиться вполнѣ руководительницей образованія народной массы, то это только потому, что работниковъ въ воскресной школѣ слишкомъ мало; но все, что въ ея силахъ, она дѣлаетъ и находитъ себѣ удовлетвореніе въ самой работѣ и въ добромъ отношеніи къ себѣ своихъ ученицъ. Въ послѣдніе годы нерѣдко бывало, что мать приводила свою дочь поучиться туда, гдѣ она сама научилась грамотѣ, или же приходили учиться вмѣстѣ мать и малолѣтняя дочь. Каждая учительница могла бы сообщить массу трогательныхъ исторій, въ которыхъ главнымъ эпизодомъ служитъ борьба взрослой ученицы съ окружающими, когда она, несмотря на насмѣшки своихъ подругъ, знакомыхъ и родни, садилась за букварь и силою своего труда и жажды знанія одолѣвала всѣ трудности ученія и являлась примѣромъ того, что учиться никогда не поздно. Проходя по классу, видишь, съ какимъ вниманіемъ каждая группа прислушивается къ словамъ учительницы, какъ ученицы бываютъ опечалены, когда учительница пропускаетъ уроки; случается, что группа разсѣивается, если учительница бросаетъ ихъ, потому что многое имъ пришлось преодолѣть, чтобы освоиться съ обстановкой, съ учительницей, и снова пріучаться къ другой имъ бываетъ страшно трудно.

Добрыя отношенія ученицъ и любовь къ воскресной школѣ показываютъ, что школа вноситъ много хорошаго въ жизнь своихъ ученицъ. Она даетъ имъ возможность хоть на мигъ отрѣшиться отъ скучной, повседневной и, по большей части, печальной дѣйствительности, даетъ имъ возможность познакомиться съ природой, съ чужими странами, народами, съ исторіей и географіей своей страны знакомитъ ихъ съ литературой, съ произведеніями родныхъ писателей, научаетъ ихъ лучше мыслить и свѣтлѣе смотрѣть на жизнь.

Одна наша воскресница вышла замужъ за сапожника, научила его читать, и теперь свободное время мужъ проводитъ за книгой вмѣсто того, чтобы искать общества пьяныхъ товарищей. Другая ученица разсказывала, что ей было такъ тяжело жить въ семьѣ сына и невѣстки, что она часто подумывала наложить на себя руки, и вдругъ ей мелькнула мысль, при встрѣчѣ съ дѣвочками, идущими въ воскресную школу, пойти и самой поучиться. Явилось колебаніе, опасеніе, что ее осмѣютъ: но дѣти ее успокоили, говоря: „Вы, бабушка, не бойтесь, тамъ и такія учатся, какъ вы; начальница всѣхъ принимаетъ". Старушка пошла. Она учится 2 года и говоритъ, что за чтеніемъ и письмомъ забываетъ свое горе и домашнія непріятности.

Но какъ до сихъ поръ и въ интеллигентномъ обществѣ многіе ужасаются, когда дѣвушка живетъ самостоятельной жизнью, точно такъ же и среди родственниковъ воскресницъ есть масса лицъ, которыя являются силой, препят-

ствующей взрослой взяться за грамоту. Мужъ одной воскресницы, хотя не запрещалъ своей женѣ учиться, но былъ противъ того, чтобы она выступила на литературномъ утрѣ въ школѣ. Ученица эта служила въ водопроводной будкѣ и имѣла грудного ребенка. На время занятій она поручала знакомой свои служебныя обязанности и ребенка, а на перемѣну всегда бѣгала навѣщать его. Занималась она усердно и успѣшно, дома всегда исполняла лишнее сверхъ заданнаго урока. Занятія ея, къ сожалѣнію, прекратились послѣ перевода ея на службу въ другую водопроводную будку, очень далеко отъ воскресной школы. Другая воскресница приходила съ желѣзнодорожной будки и въ продолженіе цѣлаго года ни разу не пропустила уроковъ. Перестала она посѣщать школу только послѣ перевода ея отца еще дальше отъ города. Старушка 60 лѣтъ приходила каждую субботу съ тарскихъ хуторовъ, ночевала въ монастырѣ и аккуратнѣйшимъ образомъ посѣщала уроки воскресной школы въ продолженіе двухъ лѣтъ, пока не выучилась совершенно свободно читать по русски и по славянски. Оставляя занятія, она привела въ школу свою внучку и съ любовью вручила ее намъ. Часто завѣдующей приходилось вести по просьбѣ ученицъ переговоры съ ихъ суровыми родителями, убѣждать ихъ, что ученье не можетъ принести вреда ихъ дочерямъ. Много пришлось воскресной школѣ поработать, чтобы и ученицы болѣе увѣровали въ свои силы. Зачастую приходитъ взрослая ученица въ школу, хочетъ научиться читать и писать, но боится, что не одолѣетъ, что эта наука для нея слишкомъ трудна, и какъ она бываетъ рада, когда черезъ два, три воскресенья она уже можетъ различать буквы и составлять изъ нихъ слова.

10-го марта 1891 года было открытіе воскресной школы. Преосвященный Петръ, нынѣ архіепископъ пермскій и уфимскій, сочувствовалъ открытію воскресной школы и въ своей рѣчи, обращенной къ собравшимся на молебенъ 59 дѣвушкамъ и женщинамъ, большинство которыхъ были молокане, выяснилъ, какое важное значеніе имѣетъ просвѣщеніе для народа. Онъ горячо просилъ собравшихся звать и другихъ въ школу, не смущаться своимъ зрѣлымъ возрастомъ и помнить, что учиться добру никогда не поздно. Учительницамъ радостно было встрѣтить такую поддержку въ лицѣ уважаемаго пастыря, и онѣ бодро принялись за дѣло. Всѣхъ преподающихъ было 7, и ученицы были раздѣлены по возрасту и познаніямъ на 4 группы. Съ тѣхъ поръ число преподающихъ увеличилось, доходило и до 20 человѣкъ. Основательница и распорядительница школы В. Г. Шредерсъ съ такой любовью, съ такимъ рвеніемъ принялась за дѣло, что воодушевляла всѣхъ слѣдовать за собой. Но хотя у нея всегда были сотрудники и сотрудницы, всетаки ихъ было не достаточно. До сихъ поръ воскресная школа привлекаетъ слишкомъ мало преподающихъ, а, между тѣмъ, они всегда были ей нужны: постановка учебнаго дѣла была-бы лучше и можно было бы проходить больше, еслибъ у каждой учительницы была группа изъ 8—10 уч., а не изъ 20 и болѣе. Много разъ писалось у насъ объ этомъ, но до сихъ поръ школа не можетъ сказать, что она вполнѣ удовлетворена числомъ преподающихъ.

Со стороны дирекціи народныхъ училищъ воскресная школа всегда находила поддержку и благодарность за свой безкорыстный трудъ, что всегда хорошо и благотворно вліяло на преподающихъ. Городская управа тоже относилась сочувственно къ школѣ, доказывая это тѣмъ, что съ 1895 г. выдаетъ ей субсидію въ размѣрѣ 150 руб. На праздникъ десятилѣтія городская управа отпустила школѣ 100 руб.

Въ первый годъ открытія школы въ распоряженіи преподающихъ было

только 11 воскресеній; но они успѣли пройти весь букварь, такъ что, разставаясь на лѣто, ученицы могли прочесть и написать всякое слово. Къ концу года было 13 преподающихъ и 82 ученицы, изъ которыхъ только 8 въ возрастѣ 14—15 лѣтъ; всѣ остальныя были взрослыя. Занятія продолжались отъ $12^1/_2$ час. до 3 час. дня каждое воскресенье. Въ группахъ было по двѣ учительницы; одна изъ нихъ занималась съ отстающими ученицами. Помѣщалась воскресная школа въ 2-хъ-классномъ женскомъ училищѣ, въ 3-й части города, въ крайне тѣсномъ и ветхомъ помѣщеніи. Средства школы были самыя ограниченныя. Кромѣ 2—3 десятковъ учебниковъ было пожертвовано разными лицами только 5 рублей. Черезъ два года число ученицъ дошло до 281. Помѣщеніе не могло вмѣстить такого количества ученицъ. Школа была переведена въ училище общества мѣщанъ. Школа росла съ каждымъ годомъ. Съ 5-го года своего существованія она была переведена въ Николаевское городское училище; число ученицъ дошло уже до 358 ч. Несмотря на сырость и холодъ этого послѣдняго помѣщенія, ученицъ было всегда много: число ихъ доходило до 322 ч. одновременно. Занятія въ школѣ тоже измѣнились. Раньше не было учебниковъ, приспособленныхъ къ воскресной школѣ, ни библіотеки для чтенія на дому, ни организаціи чтенія съ туманными картинами, ни хорового пѣнія. Теперь мало-по-малу все это вводилось въ курсъ воскресной школы, чѣмъ разнообразились занятія, дѣлались понятнѣе для ученицъ отдѣлы географіи и естествознанія, когда они демонстрировались туманными картинами.

Нѣкоторыя ученицы посѣщали воскресную школу года два, но бывали и такія, которыя посѣщали ее въ продолженіе 5, 6 лѣтъ. Такія научаются хорошо писать и читать, а главное, научаются самостоятельно пріобрѣтать изъ книгъ новыя полезныя знанія. Всего перебывало за десять лѣтъ 3.085 чел. Изъ нихъ поступило вновь 1.838, прежде учившихся 1.247, выпущенныхъ грамотными 1.545. Такихъ, которыя посѣщали-бы школу 2, 3, 4, 5 лѣтъ, перебывало за 10 лѣтъ 1.247 ч. Какъ по религіи, такъ и по народности школа представляетъ большое разнообразіе. Изъ 3.085 уч. православныхъ перебывало 1.906, неправославныхъ 1.179. Изъ нихъ не христіанъ 175. Что касается народности—преобладаютъ русскія (2.965), еврейки (42) татарки (36), грузинки (14), армянки (17), осетинки (4), польки (6) и нѣмка (1).

По сословію преобладаютъ мѣщане (2.593), по возрасту—подростки отъ 12 до 14 лѣтъ. Но и съ 14 лѣтъ насчитывается 1.233 ученицы, причемъ ежегодно было нѣсколько ученицъ отъ 50 до 62 лѣтъ.

Чему учили въ воскресной школѣ, было видно изъ ежегодныхъ отчетовъ, которые печатались въ мѣстныхъ газетахъ. Законъ Божій—въ предѣлѣ программы одноклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Чтенію и письму ученицы обучались по букварямъ Тихомирова, Некрасова, Вахтерова, по класснымъ книгамъ Ушинскаго, Баранова, Поливанова, Островскаго, Льва Толстого, и въ послѣдній годъ по „Книгамъ взрослыхъ“, составленнымъ учительницами воскресной харьковской школы подъ ближайшимъ руководствомъ г-жи Алчевской. Изъ этихъ книгъ онѣ знакомились съ окружающей природой, краткой русской исторіей и географіей. При письмѣ болѣе обращалось вниманія на логическій смыслъ, чѣмъ на грамматику, хотя съ главнѣйшими правилами ея ученицы были ознакомлены. По ариѳметикѣ ученицы проходили первыя четыре правила съ числами отвлеченными и именованными и знакомились съ употребленіемъ торговыхъ счетовъ. Знанія свои ученицы пополняли чтеніемъ книгъ изъ библіотеки. Библіотека образовалась

при школѣ со второго года ея основанія, каждый годъ пополнялась книгами, и черезъ 10 лѣтъ она уже имѣла 1.471 книгу. Чтеніе книгъ съ каждымъ годомъ увеличивается: въ первый годъ было прочитано 175 книгъ, а въ послѣдній—1.470 книгъ. Всѣхъ книгъ за 10 лѣтъ прочитано 10.212, а число ученицъ, бравшихъ книги—1.479. Кромѣ грамоты, ученицы въ иные годы обучались кройкѣ и шитью и почти всѣ годы пѣнію, которое особенно любили. Почти каждую недѣлю бывали педагогическія собранія преподающихъ, на которыхъ обсуждались вопросы, касающіеся преподаванія и жизни школы.

Въ 1896 г. владикавказская женская воскресная школа отправила письменныя работы ученицъ и фотографическіе снимки съ группъ на Нижегородскую выставку, гдѣ и присуждено было выдать ей (за правильное веденіе дѣла и безкорыстный трудъ) дипломъ 1-й степени, который имѣется теперь при школѣ въ зданіи женской прогимназіи.

Средства первое время школа получала отъ супруги начальника области, которая ежегодно устраивала въ пользу школы концерты. Какъ выше было сказано, школа стала получать съ 1895 г. субсидію отъ города, сначала по 100 р. ежегодно, а послѣдніе три года по 150 р. Въ теченіе 10 лѣтъ расходъ на ученицу не превышалъ 90 коп., но были года, когда расходъ былъ 30 к. и 1 годъ—6 к.

Всѣхъ преподающихъ за десять лѣтъ перебывало 131 чел.; изъ нихъ, многіе работали 3—4 года, а нѣкоторые 7, 8 и 10 лѣтъ.

Какъ часто приходилось слышать отъ преподающихъ, что въ школѣ онѣ научились и работать, и любить народъ, и находить счастье въ его радости. Многія пишутъ, что время, проведенное ими въ школѣ, было самое свѣтлое въ ихъ жизни. Въ концѣ отчета помѣщены письма нѣкоторыхъ ученицъ и учительницъ, изъ которыхъ видно, какъ тѣ и другія относились къ воскресной школѣ. На самомъ дѣлѣ, въ воскресную школу часто идутъ отъ скуки, а потомъ привязываются къ ней всѣми силами души и неохотно разстаются съ нею, если приходится это сдѣлать въ силу какихъ-либо обстоятельствъ. Здѣсь же нельзя не упомянуть объ отношеніи владикавказскаго общества къ нашей школѣ. Первое время оно было несочувственно, а иногда даже враждебно. Учительницъ, идущихъ въ школу, провожали насмѣшками. Всюду было недовѣріе къ дѣлу, какъ было сказано выше, да и вообще въ городѣ мало интересовались школой. Нельзя сказать, чтобы все общество измѣнило свое отношеніе къ воскресной школѣ, но все-же съ радостью приходится замѣтить, что часть общества уже признала за школой ея несомнѣнную пользу и сочувственно относится къ дѣлу распространенія грамотности среди бѣднѣйшаго населенія города.

Городская управа въ день десятилѣтія воскресной школы выразила свою благодарность преподающимъ за ихъ безкорыстный трудъ. Начальникъ области и наказный атаманъ съ своей стороны поблагодарилъ ихъ. Преподающимъ дорого это вниманіе и поддержка.

Воспоминанія бывшей ученицы владикавказской воскресной школы.

П. М.

Родомъ я изъ Пензенской губерніи. Когда мнѣ исполнилось семь лѣтъ, я сильно желала научиться читать и писать, но такъ какъ у насъ въ селеніи школы не было никакой, то я стала обращаться съ просьбой къ своей ма-

тери, говоря, что я желаю учиться грамотѣ; мама сочла мои слова глупыми, такъ какъ я была очень маленькая. Ей было не до моего образованія и добраго воспитанія, такъ какъ судьба ея была незавидная: отецъ пилъ. А отцу нечего было и говорить о моемъ рѣшеніи,—ему не до того было, такъ какъ онъ только и зналъ, что занимался спиртными напитками такъ же, какъ и Савва Ев—вичъ Никитинъ, отецъ моего любимаго поэта. Я обратилась съ просьбой къ сестрѣ моего отца, которая учила дѣтей старообрядцевъ. Какъ я ее просила, какъ умоляла и плакала передъ ней неутѣшно. „Дорогая тетя! Научи меня только буквамъ, далѣе я не буду безпокоить тебя, я буду упражняться сама, какъ могу",—говорила я. Но ничто не помогло: на нее не подѣйствовали мои слезы; она отвергла мою просьбу, отлагая мое ученіе до десятилѣтняго возраста. А на десятомъ году Богу было угодно вывести меня изъ тьмы къ свѣту: я приняла новую для меня православную вѣру и таинство крещенія, такъ какъ до сихъ поръ надо мной не совершались таинства крещенія и миропомазанія. Я родилась въ семьѣ закоренѣлыхъ старообрядцевъ. Въ одно изъ воскресеній я въ первый разъ въ жизни собиралась въ церковь, но объ этомъ узналъ мой родитель и бабушка—его мать; сейчасъ же они меня раздѣли и разули, а я все-таки надѣла все старенькое и пошла въ церковь. Тутъ мои родные совсѣмъ меня забросили: не то, чтобы учить грамотѣ, даже не давали пить воды изъ одной посуды. Въ это время подкрѣплялъ меня и развивалъ мой дѣтскій умъ священникъ нашего селенія—отецъ Михаилъ, который совершилъ надо мной таинство крещенія. Мы съ мамой ходили къ священнику по ночамъ изъ опасенія старообрядцевъ. Много онъ разсказывалъ поучительнаго для меня; мама просила его научить меня грамотѣ: онъ пообѣщалъ, но потомъ слышу отказъ; такъ и осталась я неграмотной и пустилась въ жизненный путь съ порожней головой.

Когда мнѣ минуло 17 лѣтъ, меня выдали замужъ, и я стала еще болѣе сокрушаться сердцемъ, что и въ новой семьѣ не отъ кого мнѣ научиться грамотѣ. Черезъ 4 года мнѣ было суждено поѣхать во Владикавказъ; здѣсь я жила среди образованныхъ лицъ, слѣдя за каждымъ ихъ взглядомъ и движеніемъ. Я такъ размышляла: чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ умнѣе и скромнѣе онъ бываетъ. Здѣсь во мнѣ еще сильнѣе пробудилось прежнее желаніе учиться грамотѣ, и я стала думать, къ кому бы мнѣ обратиться и объяснить свое желаніе: всѣ чужіе да незнакомые, кто-же изъ нихъ обратитъ на меня вниманіе! И вотъ однажды пришлось мнѣ быть въ мѣщанской школѣ на актѣ. Тамъ мальчики разсказывали разные стихи, что мнѣ очень понравилось; со мной сидѣла незнакомая женщина, у которой сынъ учился въ этой школѣ. Я тяжело вздохнула и сказала: „Господи, Господи! Какъ счастливы эти дѣти, что на свѣтѣ жили мало, а знаютъ хорошаго много. Вотъ что значитъ наука-то!" Эта женщина мнѣ и отвѣчаетъ, что въ этомъ городѣ можно и взрослымъ женщинамъ научиться грамотѣ, такъ какъ здѣсь есть женская воскресная школа. Я немедленно обратилась къ ней съ вопросомъ, гдѣ и къ кому мнѣ обратиться. Она мнѣ указала на квартиру Лукерьи Трофимовны Сахаровой, которая въ это время училась въ воскресной школѣ. Я пошла къ ней и стала разспрашивать, гдѣ воскресная школа, къ кому и какъ нужно пойти, чтобы попасть туда. Она пообѣщала отвести меня въ эту школу въ слѣдующее воскресенье. Для меня эта недѣля шла цѣлый годъ! Я съ нетерпѣніемъ ждала воскресенья,—и вотъ наступилъ желанный день! 1892 года января 28-го, по окончаніи литургіи, я, не подкрѣпивши себя пищей, пошла къ Сахаровой прямо изъ церкви, и съ ней пошли мы въ воскресную школу. Иду

я дорогой и думаю, какъ я войду, что скажу и къ кому обращусь: даже морозъ пробѣгаетъ по всему тѣлу. Когда мы вошли въ школу, то я съ большой осторожностью переступила черезъ порогъ, какъ будто не своими ногами. Вотъ, какъ я ни страшилась внутренно и внѣшне, вошла все-же я въ школу, подняла свои взоры въ передній уголъ,—тамъ висѣла икона Спасителя, а передъ ней тихо горѣла лампада; я положила на себя крестное знаменіе и присѣла на скамейку. Мнѣ казалось, что всѣ смотрятъ на меня, какъ на лѣсного звѣря. Я опустила глаза внизъ и не смѣла поднять ихъ къ верху, какъ мытарь. Въ это время шелъ урокъ Закона Божьяго. Мнѣ въ первый разъ въ жизни приходилось слышать этотъ урокъ. Чтеніе Евангелія было о блудномъ сынѣ, и слова Евангелія на меня очень подѣйствовали. И съ какою радостью я слушала слово Божіе! Давно жаждала душа моя этой „живой воды", какъ нѣкогда Спаситель Нашъ сказалъ женѣ самарянкѣ. Какъ путешественникъ, идя по безводной пустынѣ въ знойный день лѣтомъ, достигаетъ источника и съ жадностью бросается къ водѣ, такъ и я, проживъ 25 лѣтъ на свѣтѣ, не слышала слова Божьяго ни отъ раскольниковъ, ни отъ православныхъ. Хотя я и присутствовала при Богослуженіи, но не каждое слово доходило до моего ума. Вотъ я и достигла желаннаго источника, о которомъ я столько времени мечтала день и ночь. Я была, право, въ дикомъ состояніи, когда первый разъ услышала Слово Божіе изъ устъ нашего любимаго учителя Е. А. С., который неутомимо трудился на этой нивѣ семь лѣтъ безсмѣнно. По окончаніи Закона Божьяго, всѣ спѣшили занять свои мѣста, а я стояла неподвижно, не зная, къ кому обратиться, какъ оглашенная, не принявшая таинства Крещенія и не присоединенная къ этому стаду. Ко мнѣ подошла Варвара Григорьевна; она ласково и радушно приняла меня и какъ будто оживила. Я никогда не ожидала, чтобы образованное лицо со мной такъ обошлось. И вотъ записали меня, дали мнѣ букварь, тетрадь, ручку. Я держу ихъ въ рукахъ и думаю, что я съ ними буду дѣлать, а руки трясутся, по тѣлу холодный потъ бѣжитъ... Потомъ усадили меня на скамейку и стали знакомить съ первоначальными буквами и съ тѣмъ, какъ надо вести себя въ школѣ во время занятій и т. д. Первоначальная учительница моя была О. Е. П.; помню, что ласковая и добрая была барышня, дай Богъ ей много лѣтъ жить на свѣтѣ и быть счастливой! Теперь оставалось мнѣ болѣть сердцемъ о томъ, что дома некому было подучить меня, а назвали только три первоначальныхъ буквы и съ ними нужно было сидѣть цѣлую недѣлю и ожидать воскресенья; а тутъ душа трепещетъ, чтобы скорѣе достигнуть того, о чемъ она такъ долго страдала. И вотъ, съ Божьей помощью кончила я букварь въ началѣ марта, а начала его 29-го января. Я поспѣшила попросить книжку изъ воскресной библіотеки; моя учительница разсмѣялась тому, что я слишкомъ скоро обращаюсь къ ней за книгами, но книгу мнѣ все-таки дала: „Разсказъ старушки о 12-мъ годѣ". Эту первую книгу я, хотя и съ трудомъ, читала, но она меня нерѣдко заставляла проливать слезы о пролитой русской крови отъ руки непріятеля. Немедленно купила я себѣ Евангеліе и начала читать о воплощеніи Господа Нашего Іисуса Христа и о его земной жизни, о чудесахъ, о его страданіяхъ, о крестной смерти и о славномъ Его Воскресеніи и вознесеніи на небо. Это я читала на Страстной недѣлѣ въ первый разъ въ жизни. Мнѣ не вѣрилось просто, что я сама читаю. Вотъ когда я узнала, что за мои тяжкіе грѣхи пострадалъ нашъ Іисусъ Христосъ, и вспомнила я родительское воспитаніе и незаботливость обо мнѣ съ юныхъ лѣтъ. А потомъ, когда пролетятъ, какъ тучки золотыя, дорогіе дни юности, то трудно исправиться человѣку, когда

дѣтская безпечность замѣняется заботами житейскими, горемъ и непріятностями! На второй годъ я учила книгу—сочиненіе Баранова, а учителемъ былъ А. Л. Б. На третій годъ я учила книгу исторіи Россіи. По этой книгѣ съ нами занимался Е. А. С. Онъ-же объяснялъ Законъ Божій и училъ насъ пѣнію. Мы пѣли много молитвъ, молебенъ, еще пѣли: „Къ Тебѣ, о, Матерь Пресвятая", „Радуйся Царица", „Пресвѣтлый ангелъ", „Въ минуту жизни трудную", „Сумракъ" и т. д. На 4-ый годъ я учила географію. Тутъ съ нами занималась сама наша милая Варвара Григорьевна. Она трудилась здѣсь неусыпно съ самаго начала и до своей смерти, стараясь посѣять добрыя сѣмена на всякой почвѣ. Много за 10 лѣтъ отпало вѣтокъ отъ этого ствола, а онъ все въ прежнемъ видѣ стоитъ непоколебимо и все старается болѣе и болѣе пріобрѣсти себѣ новыя вѣтки съ молодыми листьями!

Мы всѣ отъ души благодаримъ Всевышняго Творца Небеснаго, что Онъ послалъ намъ нашу воскресную школу для развитія нашего ума и способностей хоть теперь, вмѣсто упущенныхъ юныхъ лѣтъ. Школа эта много принесла пользы и облегченія въ моей жизни: она просвѣтила мой умъ и открыла очи, какъ нѣкогда нашъ Христосъ Спаситель открылъ очи слѣпорожденному. Многое я узнала изъ книгъ, но еще болѣе изъ объясненій въ школѣ.

Въ настоящее время я не учусь въ школѣ, такъ какъ не могу выбрать свободнаго времени, о чемъ очень сожалѣю. Но дорогая Варвара Григорьевна не забывала меня: во время праздниковъ въ школѣ ея я всегда имѣла счастье получать билетъ на праздникъ. Когда я пришла въ школу на рождественскій праздникъ въ этомъ году, то услышала голосъ между толпившимися ученицами воскресной школы: „пѣвчія, идите сюда!"—у меня заболѣло сердце, и горячія слезы брызнули изъ глазъ, потому что я не была на этотъ разъ среди пѣвчихъ, а пѣть я люблю всей душой....

Этимъ я и закончу мое описаніе о школѣ. Благодарю я Всевышняго Создателя, что онъ услышалъ мою горячую молитву и послалъ мнѣ благодѣтелей и учителей, которые привели меня къ познанію блага. О, какъ счастливы эти лица, которыя дѣлятся своимъ умомъ съ нами, бѣдняками! О, какая награда ожидаетъ ихъ на небѣ за ихъ доброе сѣмя! Не выдержитъ сердце, чтобы не воздать Богу горячую молитву за своихъ благодѣтелей! Чья дрожащая рука не напишетъ ихъ имена о здравіи или за упокой на просфорѣ или кусочкѣ бумаги и не подастъ священнослужителю, чтобы онъ вознесъ за нихъ горячую молитву ко Всевышнему Творцу? Это я считаю необходимымъ каждому изъ насъ совершать во всякое время: во-первыхъ, молиться за родителей, за то, что они произвели насъ на свѣтъ, вспоили и вскормили, а, во-вторыхъ, за нашихъ учителей, за то, что они научили насъ всему благому и дали намъ знанія и средства, какъ надо бороться съ жизнью!

Сочиненіе ученицы М. Ч.

Милая Маня!

Я учусь въ воскресной школѣ. Мнѣ очень хотѣлось учиться, потому что я ничего не знала. Читала я порядочно, но писать совсѣмъ не умѣла; и вотъ два мѣсяца тому назадъ я поступила въ воскресную школу. Здѣсь занимаются отъ 12 до 4 часовъ. Какъ только мы приходимъ, собираемся на молитву; послѣ молитвы мы раздѣляемся на групны: старшія въ одинъ классъ, младшія въ другой. Приходитъ законоучитель. Онъ прочитываетъ Евангеліе, которое въ

это воскресенье читали на литургіи, объясняетъ его, а потомъ спрашиваетъ насъ, заставляя повторять прочитанное. Послѣ этого онъ разсказываетъ намъ исторію Ветхаго Завѣта. Съ законоучителемъ мы занимаемся $^3/_4$ часа. Вотъ раздается звонокъ, и мы расходимся по группамъ. Въ каждой группѣ есть учительница. Я учусь въ старшей группѣ. Со старшей группой занимается наша начальница, Варвара Григорьевна. Прежде всего мы читаемъ книгу, по которой мы учимся, очень интересную. Тамъ написано обо всемъ: о странахъ жаркихъ и холодныхъ, о моряхъ и планетахъ, о томъ, какіе были знаменитые люди въ Европѣ, и еще о многомъ. Послѣ чтенія мы пишемъ о прочитанномъ или же намъ диктуетъ В. Г. Потомъ мы занимаемся ариѳметикой и расходимся на общую молитву. Я очень довольна, что учусь въ воскресной школѣ. Учительницы всѣ такія добрыя, хорошія. В. Г. объясняетъ намъ все такъ хорошо, толково, что мы все понимаемъ; чѣмъ больше я учусь, тѣмъ больше мнѣ хочется учиться. Когда раздастся звонокъ, возвѣщающій, что занятія кончены, мнѣ не хочется уходить изъ класса. Черезъ воскресенье у насъ бываютъ чтенія, очень интересныя. Читаютъ сначала что-нибудь духовнаго содержанія, потомъ какой-нибудь разсказъ. Но, къ сожалѣнію, теперь я думаю на чтенія не ходить, потому что около школы собираются много мальчишекъ, которые очень шалятъ и не пускаютъ насъ къ дверямъ.

Добрая В. Г., она все о насъ заботится: на первый день новаго года для насъ устроили праздникъ. На этомъ праздникѣ было очень весело. Сначала пѣвчія пропѣли тропарь Рождества Христова, потомъ говорили стихи, сначала духовнаго содержанія, потомъ свѣтскаго. Послѣ этого были живыя картины и, наконецъ, музыка и танцы. Только жаль, что я не умѣю танцовать. Впрочемъ, мнѣ и такъ было очень весело.

Желаю тебѣ, Маня, чтобы ты была также всѣмъ довольна, какъ я довольна воскресной школой.

Любящая тебя подруга М. Ч.

Десятилѣтіе воскресной школы.

Описаніе этого дня ученицею воскресной школы **М. Ч.**

11-го марта у насъ, въ воскресной школѣ, былъ праздникъ десятилѣтія со дня открытія этого учрежденія. Праздникъ начался молебномъ, который служили три священника съ діакономъ, а пѣли сами воскресницы. Послѣ молебна одинъ священникъ, обращаясь къ воскресницамъ, сказалъ, что архіерей не могъ быть здѣсь самъ по случаю болѣзни, что онъ очень объ этомъ жалѣетъ, присылаетъ намъ Божіе благословеніе и желаетъ всего хорошаго. На праздникѣ были всѣ воскресныя ученицы, а изъ приглашенныхъ—начальникъ области, городской голова, инспекторъ народныхъ училищъ и другіе гости.

Послѣ молебна Варвара Григорьевна прочла отчетъ о занятіяхъ въ воскресной школѣ. Потомъ учительницы поднесли въ подарокъ Варварѣ Григорьевнѣ альбомъ. Тутъ-же и мы, воскресницы, поднесли свой подарокъ, золотой брелокъ съ надписью: „въ память десятилѣтія отъ ученицъ воскресной школы“. Нашъ подарокъ былъ настолько бѣденъ передъ подаркомъ учительницъ, что его даже никто и не замѣтилъ. Послѣ этого одна прогимназистка прочла стихотвореніе, которое было написано очень трогательно. Многія дѣвочки плакали, вмѣсто того, чтобы веселиться. Варвара Григорьевна старалась улыбаться, а на глазахъ у нея блестѣли слезы; да и всѣ вообще были растроганы. Затѣмъ ученицы читали стихи и пѣли. Послѣ этого былъ чай

съ закуской для гостей; за закускою мы пѣли „Многая лѣта". Но вотъ гости разошлись, остались мы и наши учительницы. Мы всѣ были очень веселы. И ученицы, и учительницы всѣ были точно родныя. На душѣ у меня было такъ хорошо, какъ никогда не бывало; мнѣ всѣ казались такими добрыми, я такъ всѣхъ любила, какъ не любила никогда; и сколько-бы лѣтъ ни прошло, я никогда не забуду этого дня. Въ восемь часовъ вечера мы всѣ разошлись. **М. Ч.**

Письмо учительницы воскресной школы.

Въ 1893 году я поступила учительницей въ женскую воскресную школу существовавшую во Владикавказѣ уже 3-й годъ. Это случилось вскорѣ по моемъ пріѣздѣ изъ Петербурга, гдѣ, какъ принято думать, жизнь бьетъ ключомъ, а о провинціи думается, что она спитъ глубокимъ сномъ. Это понятіе о провинціальной спячкѣ складывается даже у такихъ людей, которые стоятъ впереди толпы: такъ, при моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга одинъ профессоръ напутствовалъ меня словами: „Туда вы спать ѣдете". Родина, съ которой я была въ разлукѣ 9 лѣтъ, тянула меня неудержимо, и потому я стремилась въ далекую провинцію, стараясь побороть въ себѣ всѣ страхи, навѣянные зловѣщимъ предсказаніемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ, съ мая до августа, дѣйствительно прошли очень вяло, чему немало способствовала невыносимая, послѣ холоднаго сѣвера, жара. Въ августѣ же я познакомилась съ завѣдующей двухклассным женскомъ училищемъ В. Г. Ш.; она же была завѣдующей и женскою воскресной школою. Довольно было раза два побесѣдовать съ ней, чтобы оцѣнить эту недюжинную личность. Мы съ нею очень скоро сблизились; я заявила ей о своемъ желаніи заниматься въ школѣ, что ее чрезвычайно обрадовало. Занятія въ школѣ начались съ 1-го сентября; впечатлѣніе перваго дня было просто неотразимо: масса учащихся разнаго возраста, отъ 12 до 60 лѣтъ: и на всѣхъ лицахъ, даже покрытыхъ морщинами, было такое оживленіе, что не одинъ профессоръ позавидовалъ-бы такому жизнерадостному настроенію ученицъ, сравнивая апатичныя лица своихъ слушателей съ этой молодежью и почти старушками, стремящимися къ свѣту и знанію. Весело было работать на такой благодарной почвѣ, особенно потому, что школа эта была подъ руководствомъ преданной дѣлу всей душой и опытной въ дѣлѣ веденія школы завѣдующей. Она обладала удивительнымъ чутьемъ при выборѣ учащаго персонала, заражая всѣхъ своей жизненностью и любовью къ дѣлу. Занятія велись, какъ и вездѣ въ школахъ: учащіяся дѣлились по группамъ, судя по степени грамотности, и съ каждой группой занималась отдѣльная учительница; правда, у насъ былъ такой наплывъ учащихся, что нѣкоторымъ изъ учительницъ приходилось вести 2—3 группы. Учащіе съ учащимися входили въ тѣсную связь; послѣднія не только ни дичились своихъ учительницъ, но считали ихъ своими лучшими друзьями, дѣлясь съ ними своими радостями и горемъ. Еще болѣе сближало ученицъ съ учительницами устройство праздниковъ для нихъ и чтеній. На праздникахъ ученицы читали заученныя на память стихотворенія, или прочитывали прозаическія произведенія. Чтобы произносить ихъ выразительно, ученицы посѣщали своихъ учительницъ на дому, что и служило поводомъ болѣе тѣсной связи между тѣми и другими. Чтенія съ туманными картинами были различны по содержанію и доставляли ученицамъ невырази-

мое удовольствіе. Какъ стремились онѣ послушать и посмотрѣть: какое оживленіе бывало въ школѣ передъ чтеніемъ и послѣ него! Кромѣ чтеній съ туманными картинами по физикѣ съ простѣйшими опытами, велись и внѣклассныя бесѣды по гигіенѣ, по анатоміи, по ботаникѣ и литературныя чтенія. Всюду классы были полны слушательницъ, вездѣ выражалась глубокая благодарность учительницамъ. Многія изъ учениць не ограничивались ученіемъ только въ школѣ по воскресеньямъ, а посѣщали своихъ учительницъ на дому въ свободные отъ своихъ работъ часы. Такъ, у меня бывала одна очень почтенная женщина лѣтъ 46 (Матрена Пѣшкова) и просиживала по 2 часа за чтеніемъ и письмомъ. Бывали еще ученицы; изъ нихъ наиболѣе сохранились въ моей памяти двѣ, почему-то особенно привязавшіяся ко мнѣ. Одна была еврейка, лѣтъ 19—20, Эсѳирь Русецкая. Судьба этой дѣвушки была поистинѣ трагическая. Родители очень не любили ее и отдали въ ученье къ одной портнихѣ, откуда она и стала посѣщать воскресную школу; это чрезвычайно не понравилось ея роднымъ, и по ихъ проискамъ портниха не стала отпускать ее по воскресеньямъ, такъ что бѣдняжка должна была оставить школу. Но она воспользовалась субботой, когда по еврейскому закону она не должна была работать; въ эти дни она и посѣщала меня на дому. Такъ продолжалось около года; она стала очень хорошо читать и порядочно писать; все въ ней меня радовало,—это была премилая натура. Ея всегда печальное лицо оживлялось во время занятій, и въ глазахъ загорался огонекъ, заставлявшій меня просиживать съ ней по два и по 3 часа. Къ величайшему сожалѣнію, наши занятія были неожиданно прерваны. Эсѳирь полюбила одного православнаго, приняла сама православіе и повѣнчалась съ своимъ избранникомъ. Но счастье не надолго озарило молодую чету: Эсѳирь умерла въ первый-же годъ своего замужества отъ преждевременныхъ родовъ. Сколько толковъ породило это среди учениць! „Мать прокляла ее, когда она крестилась, и вотъ это проклятіе свело ее въ могилу"—говорили мнѣ многія.

Другая ученица—Лиза Бутова, 18 лѣтъ. Жила она горничной въ одной богатой семьѣ и всѣ свои досуги отдавала грамотѣ; она раза 2 въ недѣлю посѣщала меня на дому и тутъ, позанявшись сколько-нибудь времени, много бесѣдовала со мной по разнымъ вопросамъ; но болѣе ее интересовали вопросы религіознаго характера, и она не пропускала ни одной бесѣды, устраиваемой иногда въ Братской церкви въ тѣ часы, когда занятія въ школѣ уже кончались. Лиза изъ школы всегда спѣшила въ церковь на бесѣду, а потомъ приходила ко мнѣ дѣлиться впечатлѣніями. Въ школѣ она хорошо выучилась читать, но письмо ей не давалось, какъ не давалась и ариѳметика, что ее чрезвычайно печалило. Съ ней мое знакомство продолжалось все время, пока я была во Владикавказѣ. Сколько отрады доставляли мнѣ занятія въ воскресной школѣ и какъ тяжело было разстаться съ этими милыми лицами! Прошло болѣе 4 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ судьба забросила меня далеко, далеко отъ воскресной школы; но воспоминаніе о ней никогда не исчезнетъ изъ моей памяти, какъ о лучшихъ минутахъ въ моей жизни. Дай Богъ, чтобы школа еще много лѣтъ не теряла своей руководительницы, которою она создана и которою держится и направляется. **А. К.**

Запросы учащихся къ воскресной школѣ.

Воскресная школа, предназначенная для взрослаго населенія, имѣетъ дѣло

съ людьми, взгляды, убѣжденія и запросы которыхъ до извѣстной степени сложились; и, естественно, она должна итти на встрѣчу стремленіямъ учащихся. Вопросъ сводится лишь къ тому, чтобы выяснить эти стремленія и напрячь всѣ усилія, для ихъ удовлетворенія. Иначе школа потеряетъ все значеніе, такъ какъ населеніе, не найдя въ ней удовлетворенія своимъ требованіямъ, покинетъ ее.

Не знаю, дѣлались-ли попытки въ другихъ воскресныхъ школахъ опредѣдѣлить запросы учащихся къ школѣ: если нѣтъ, то Томская женская воскреная школа является въ этомъ дѣлѣ піонеромъ *).

Конечно, по даннымъ одной школы дѣлать выводы для всѣхъ аналогичныхъ школъ было-бы немного рисковано, и я этого не дѣлаю. Я хочу только опубликовать матеріалъ, добытый Томскою школою и предложить другимъ воскреснымъ школамъ собрать по возможности больше данныхъ по этому весьма важному и животрепещущему вопросу.

Въ Томской воскресной школѣ эти данныя собирались такимъ путемъ: каждую вновь поступающую ученицу, послѣ обычныхъ опросовъ о ея имени, возрастѣ, сословіи, степени подготовки и т. п., спрашивали, чему желаетъ она научиться въ школѣ? Ея отвѣтъ, каковъ-бы онъ ни былъ, буквально записывался на особомъ бланкѣ.

Однѣ ученицы давали отвѣты вполнѣ точные, опредѣленные; напримѣръ: „читать и писать“, „развиться“, „вообще учиться“, „быть кассиршей“, „на учительницу“ и т. д.; другія — отвѣты колеблющіеся, нерѣшительные. Видно было, что ихъ запросы еще не вполнѣ сложились. Одна 17-лѣтняя дѣвушка, проучившаяся въ школѣ уже 4 года, отвѣтила: „на учительницу или акушерку“; другая, подростокъ, крестьянка, грамотная, впервые пришедшая въ школу, сначала выразила желаніе быть учительницей, но тутъже, спохватившись, сказала: „нѣтъ, пожалуй, лучше акушеркой“. Были и такіе отвѣты: „продолжать ученіе, чтобы можно было поступить куда-нибудь“, „научиться, чтобы поступить куда-нибудь, хоть въ учительницы“ (мало-грамотная, 12 лѣтъ, крестьянка). Были ученицы, которыя отвѣчали „не знаю“. Этихъ— меньшинство—всего 13.

Опрошено было 316 ученицъ; при чемъ получилось 30 разнообразныхъ отвѣтовъ. Если отвѣты ученицъ мы раздѣлимъ на двѣ категоріи, на отвѣты общеобразовательнаго характера и профессіональнаго, то первыхъ получимъ— 274, вторыхъ—42 или 13,3%.

Отвѣты второй категоріи: — быть кассиршей—3, выдержать экзаменъ за 4 класса—3, поступить куда-нибудь—10, на учительницу или акушерку—2, желаніе достигнуть цѣли—1, поступить въ городское училище—1, быть акушеркой — 4, поступить въ телеграфную контору — 1, на учительницу — 16. Ученицы, давшія отвѣты этой категоріи, дѣлятся такъ: по сословію — крестьянокъ—18, мѣщанокъ—24; по занятіямъ: домашнее хозяйство—24, швей и портнихъ—13, конфетчицъ—2, ученицъ рукодѣльной школы—3; по степени подготовки при поступленіи въ школу: неграмотныхъ—1, малограмотныхъ— 24, полу-грамотныхъ—2, грамотныхъ—15.

Въ частности быть учительницей изъявили желаніе — 9 лицъ, занимающихся домашнимъ хозяйствомъ, 3—швеи, 2—конфетчицы, 1—ученица руко-

*) Въ №№ 10—11, 12 „Русск. Школы“ 1903 г. въ „Хроникѣ воскресныхъ школъ“ напечатаны уже опыты подобнаго опроса учащихся въ воскресной школѣ.
Примѣч. ред.

дѣльной школы и 1—портниха; 1—неграмотная, 6—малограмотныхъ и 9 — грамотныхъ. Чтобы осуществить желаніе этихъ ученицъ, нужно ихъ готовить къ экзаменамъ по спеціальной программѣ. Можно поставить вопросъ ребромъ:— должна-ли воскресная школа удовлетворить эту группу учащихся?

Къ отвѣтамъ первой категоріи относятся слѣдующіе: „Вообще учиться" (7 отвѣтовъ), „читать и писать" (117 отвѣтовъ), „доучиться немного" и т. д. Были такія ученицы, которыя выражали желаніе научиться только читать или писать, одной ариѳметикѣ, „грамотѣ и далѣе, къ чему будетъ охота", „всему, чему возможно", „поучиться еще" и т. п.

Характеренъ такой отвѣтъ: „продолжать ученіе"; его дали 53 ученицы, въ большинствѣ случаевъ пробывшія въ школѣ два, три и болѣе лѣтъ: онѣ прошли весь курсъ, но ихъ запросы, очевидно, шли дальше. Не наталкиваетъ-ли это на мысль о необходимости расширить программу воскресной школы?

Ученицы, предъявившія къ школѣ это требованіе, по занятіямъ распредѣлялись такъ: домашнее хозяйство—30, швей—6, прачекъ—2, прислуги—2, остальныя—рукодѣльницы, ученицы модныхъ мастерскихъ, ученицы другихъ начальныхъ школъ, портнихи, служащія въ монополіи и пр.

Были отвѣты:—„научиться побольше", „учиться для развитія", „къ чему будутъ способности" и т. д.

Таковъ матеріалъ, въ его посильной обработкѣ, собранный школою для выясненія запросовъ учащихся. Не дѣлая никакихъ выводовъ, я ставлю только вопросъ—чему должна учить воскресная школа?

Какой характеръ должна носить она?

И пусть тѣ, которые интересуются этимъ вопросомъ, сдѣлаютъ въ своихъ школахъ попытки опредѣлить запросы учащихся, и обильный, тщательно собранный, провѣренный и разработанный матеріалъ дастъ отвѣтъ на этотъ наболѣвшій вопросъ.

Дмитрій Вольфсонъ.

---

*Иркутскія воскресныя школы 60-хъ годовъ *).*

Частныя воскресныя школы въ Сибири начали возникать въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Такія школы были въ Троицкосавскѣ, Омскѣ, Тобольскѣ, Нижнеудинскѣ, Томскѣ и другихъ городахъ. Но наибольшее количество воскресныхъ школъ было основано въ Иркутскѣ.

Первая частная воскресная школа открывается въ Иркутскѣ 15 ноября 1860 г. При торжествѣ открытія присутствуютъ: начальникъ края графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, начальникъ иркутской губерніи, представители училищнаго вѣдомства и многочисленные посѣтители. Помѣщается она въ зданіи приходскаго Преображенскаго училища. Учениковъ собралось 85 человѣкъ, большею частью подмастерья, портные, мебельщики въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ, около 20 человѣкъ взрослыхъ и 1—лѣтъ 40.

Всѣ они были безграмотны или знали только однѣ буквы. Преподавать согласились: священникъ Знаменскій, военные и гражданскіе чиновники и воспитанники старшихъ классовъ гимназіи и семинаріи.

20 ноября 1860 г. открывается 2-ая воскресная школа при гимназіи,

*) „Восточное Обозрѣніе" № 196, годъ 1903.

такъ какъ многимъ, желавшимъ учиться, было слишкомъ далеко ходить въ Преображенскую школу.

21 ноября 1860 г. основывается женская воскресная школа въ присутствіи высшаго начальства губерніи. Помѣщалась она въ зданіи женскаго училища. Въ день открытія явилось 25 дѣвицъ, большей частью дочерей мѣщанъ и полицейскихъ служащихъ; между ними 8 взрослыхъ отъ 17 до 22 лѣтъ.

На открытіе и веденіе школы, собрано было путемъ добровольнаго пожертвованія частныхъ лицъ и со спектакля 200 руб.

Изъ отчета о состояніи женской воскресной школы съ 21 ноября 1860 г. по іюнь 1861 г. видно слѣдующее. „Занятія происходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; предметы занятій — Законъ Божій, обученіе чтенію и письму по-русски и ариѳметика. Преподаватели — 4 учителя и 10 учительницъ. Порядокъ преподаванія слѣдующій: оно начинается сейчасъ-же по окончаніи обѣдни съ чистописанія. Общій классъ продолжается отъ 30 до 45 минутъ: затѣмъ въ общемъ классѣ преподается Законъ Божій. Классъ продолжается отъ 45 мин. до часу. Потомъ ученицы раздѣляются между преподавательницами на кружки и занимаются чтеніемъ; классъ продолжается 1 часъ. Съ апрѣля мѣсяца образованъ высшій классъ, въ которомъ завѣдующая школою занимается объяснительнымъ чтеніемъ. По окончаніи урока чтенія, полчаса посвящается на обученіе ариѳметикѣ. Обученіе начинается съ 10 часовъ, кончается въ половинѣ второго пополудни.

Постоянно посѣщаютъ школу 12 дѣвочекъ. Изъ нихъ 2 полуграмотны, 10 совершенно безграмотны. Изъ 12 ученицъ только одна умѣла писать; въ настоящее время пишутъ пять ученицъ. Цыфры знала и писала только одна ученица, теперь всѣ читаютъ цыфры, нѣкоторыя порядочно пишутъ, производятъ сложеніе и вычитаніе и легкія вычисленія надъ именованными числами. Школа обезпечена во всемъ. Для школы выписаны два журнала: „Подснѣжникъ“ и „Разсвѣтъ“.

Нѣкоторыя изъ непостоянныхъ посѣтительницъ находятся или въ услуженіи или занимаются работой и потому не всегда свободны; или же по домашнимъ обстоятельствамъ въ иные праздничные дни остаются дома для хозяйственныхъ работъ съ малолѣтними братьями. Особенно непостоянно посѣщаютъ школу взрослыя; зато надо дивиться, какимъ постоянствомъ, какимъ рвеніемъ къ образованію отличаются малолѣтнія, которыхъ отъ посѣщенія школы не удерживали даже стоявшіе морозы и недостатокъ теплой одежды; онѣ прибѣгали въ школу, несмотря на формальныя запрещенія родителей, чему собраны и имѣются доказательства.

Завѣдующему школою удавалось не разъ слышать жалобы дѣвочекъ на то, что ихъ подъ разными предлогами не пускаютъ въ школу; одинъ изъ преподавателей свидѣтельствуетъ, что ему пришлось слышать отъ одного лица (котораго двѣ дѣвочки обучаются въ школѣ) удивленіе,—что привлекаетъ ихъ въ школу: „Я ихъ удержать не могу“,—говорилъ онъ.

Завѣдующій школою слышалъ отъ двухъ, трехъ дѣвочекъ, что родители ихъ не одобряютъ воскресныхъ школъ, потому что сомнѣваются, можно-ли обучиться чему-нибудь въ такой школѣ, которая открыта только одинъ разъ въ недѣлю. Нерасположенію къ женскому образованію много способствуютъ два распространенные недоброжелателями слуха, къ несчастію, вкоренившіеся: первый тотъ, что грамотныхъ дѣвочекъ будутъ отправлять на Амуръ; другой— тотъ, что за обученіе будутъ рано или поздно взыскивать деньги.

„Кромѣ двухъ, упорно отстающихъ отъ прочихъ, всѣ остальныя отличаются

такой смышленностью, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой страстью къ ученію, что нельзя этому не подивиться, въ особенности, если принять въ соображеніе ихъ юный возрастъ. Особеннаго сожалѣнія заслуживаютъ три дѣвочки; онѣ посѣщали школу вопреки волѣ родителей. Судя по тому, что уже три класса онѣ не ходятъ, съ достовѣрностью слѣдуетъ заключить, что предубѣжденія родителей восторжествовали, а между тѣмъ, въ школѣ онѣ были лучшія, исправнѣйшія и даровитѣйшія ученицы".

Затѣмъ, 11 декабря 1860 г. въ Иркутскѣ была открыта 3-я мужская воскресная школа Крестовоздвиженская при училищѣ военнаго вѣдомства.

Такимъ образомъ, къ 1 января 1861 г. въ одномъ Иркутскѣ было четыре воскресныхъ школы—1 женская и 3 мужскихъ.

Преподавателями школъ были лица духовнаго званія, учебнаго вѣдомства, чиновники, воспитанники гимназіи и семинаріи.

Городской голова пожертвовалъ на нужды воскресныхъ школъ 200 р., и 520 р. были собраны съ благотворительнаго спектакля.

Въ 60-хъ годахъ въ селахъ Иркутской губерніи также возникли воскресныя школы.

„Положенное начало распространенія по Иркутской губерніи грамотности посредствомъ воскресныхъ школъ имѣло благія послѣдствія. По всѣмъ волостямъ Киренскаго округа крестьяне изъявили полную готовность на открытіе воскресныхъ школъ при всѣхъ приходскихъ училищахъ; преподаваніе Закона Божьяго приняли на себя мѣстные священники, а обученіе дѣтей другимъ предметамъ, по добровольному согласію приходскихъ учителей, принято ими на свою обязанность. Кромѣ того, обученіе мальчиковъ чистописанію и, такъ сказать, предварительному приготовленію къ письменнымъ занятіямъ приняли волостные писаря на свое попеченіе. А многіе зажиточные обыватели согласились на пренесеніе добровольныхъ пожертвованій для покупки книгъ и другихъ учебныхъ пособій, по заготовленію которыхъ воскресныя школы немедленно будутъ открыты" *).

Подобно тому, какъ въ Иркутской губерніи, воскресныя школы организовывались и развивались и въ другихъ губерніяхъ и областяхъ Сибири.

Дмитрій Вольфсонъ.

Хроника профессіональнаго образованія.

На съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. Съ 26 декабря минувшаго по 5 января текущаго года въ С.-Петербургѣ происходили занятія III-го съѣзда дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. Напомнимъ, что иниціатива въ дѣлѣ созыва подобныхъ съѣздовъ принадлежитъ постоянной коммиссіи по техническому образованію при Императорскомъ Техническомъ Обществѣ, ближайшимъ же поводомъ къ тому послужило изданіе въ 1888 г. Положенія о промышленномъ образованіи. Первый съѣздъ состоялся въ 1889 г. въ С.-Петербургѣ и второй въ Москвѣ въ 1895 г. Ростъ участниковъ ихъ наглядно свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ, которые дѣлаетъ у насъ профессіональное образованіе. На первомъ съѣздѣ присутствовало 1.070 членовъ, на второмъ—1.800 и на третьемъ до 3.000.

*) „Журналъ мин. нар. просв." 1861 г., іюнь.

Торжественное открытіе III-го съѣзда состоялось 26 декабря въ актовомъ залѣ университета предсѣдателемъ членомъ Госуд. Совѣта Н. П. Петровымъ. Въ числѣ присутствовавшихъ на открытіи находились члены Государственнаго Совѣта ген.-адъют. П. С. Ванновскій и статсъ-секретарь В. И. Вешняковъ, министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ статсъ-секретарь А. С. Ермоловъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія С. М. Лукьяновъ, товарищи предсѣдателя съѣзда В. И. Ковалевскій и Д. П. Коноваловъ, управляющій учебнымъ отдѣломъ министерства финансовъ И. А. Аноповъ, попечитель московскаго учебнаго округа П. А. Некрасовъ, помощникъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа В. А. Латышевъ, генералъ А. А. Савурскій, главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ А. Н. Горчаковъ, вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ графъ И. И. Толстой, городской голова П. И. Леляновъ, ген. отъ-арт. Н. Ф. Эгерштромъ и другіе почетные гости.

Н. П. Петровъ открылъ съѣздъ чтеніемъ слѣдующаго привѣтственнаго письма августѣйшаго покровителя съѣзда его императорскаго высочества великаго князя Александра Михаиловича: „Прошу Ваше Высокопревосходительство передать всѣмъ присутствующимъ на съѣздѣ мое крайнее сожалѣніе, что легкое нездоровье помѣшало мнѣ лично открыть настоящій съѣздъ. Привѣтствуя всѣхъ собравшихся на съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, я прежде всего обращаю вниманіе на ту почтенную роль, которую пополняетъ Императорское Техническое общество, дающее опору для дѣятельности постоянной коммиссіи по техническому образованію и созывающее уже третій съѣздъ. На этомъ съѣздѣ непосредственное ваше общеніе между собою, соединенное съ обзоромъ предусмотрительно устроенной выставки, безъ сомнѣнія послужитъ къ дальнѣйшему развитію дѣла и къ усовершенствованію пріемовъ обученія. Многое уже достигнуто на этомъ пути; но мы всѣ хорошо сознаемъ, какъ много еще надо сдѣлать, чтобы отвѣтить громаднымъ потребностямъ нашего обширнаго отечества и дать удовлетвореніе массѣ лицъ, желающихъ скорѣе обратиться къ производительному труду, отдавая предпочтеніе профессіональному образованію предъ отвлеченнымъ. Поэтому надо немедля приложить все стараніе для облегченія такого выбора, чтобы наше молодое поколѣніе скорѣе, съ бодрыми силами, здоровою душою и сознаніемъ государственной пользы начинало работу заполнѣнія тѣхъ пробѣловъ, которые, къ сожалѣнію, такъ часто ставятъ насъ въ экономическую зависимость отъ иностранцевъ.

„Великая княгиня Ксенія Александровна и я отъ всей души желаемъ вамъ полнаго успѣха въ трудахъ вашихъ, которые призваны послужить основаніемъ для мѣропріятій правительства".

Далѣе во вступительной рѣчи Н. П. Петровъ охарактеризовалъ задачи профессіональнаго образованія и съѣзда; при этомъ было указано, что занятія послѣдняго должны быть направлены главнымъ образомъ: 1) Къ выясненію возможно болѣе тѣсной связи техническаго и общаго образованія. 2) Къ выясненію, при какихъ условіяхъ техническія или профессіональныя школы, при изученіи прикладныхъ наукъ, могутъ безъ излишне большой затраты времени достигать умственнаго развитія своихъ учениковъ, равнокачественнаго съ развитіемъ, получаемымъ въ общеобразовательныхъ школахъ, имѣя въ виду не только познанія въ избранной спеціальности, но и общежитейскія взаимныя отношенія людей и такую наблюдательность, которая ставила-бы учениковъ техническихъ и профессіональныхъ школъ въ возможность во-время за-

мѣчать являющіяся разнообразныя потребности и пріискивать способы для удовлетворенія этихъ потребностей. 3) Къ выясненію недостатковъ прикладныхъ наукъ, разсматривая эти науки, какъ средство для достиженія не только профессіональнаго, но и общаго образованія.

Затѣмъ каѳедру занялъ бывшій товарищъ министра финансовъ В. И. Ковалевскій, рѣчь котораго, съ любезнаго его разрѣшенія, цѣликомъ напечатана въ первомъ отдѣлѣ этой книжки.

Рѣчь В. И. Ковалевскаго вызвала общіе продолжительные аплодисменты. Послѣ него предсѣдатель постоянной коммиссіи по техничекому образованію А. Г. Неболсинъ говорилъ о дѣятельности Техническаго общества въ области общаго и профессіональнаго образованія рабочихъ и ихъ дѣтей: предсѣдатель комитета выставки при съѣздѣ Е. П. Ковалевскій произнесъ рѣчь объ устройствѣ выставокъ; секретарь съѣзда А. Н. Альмедингенъ сообщилъ о подготовительныхъ и организаціонныхъ работахъ комитета съѣзда. Нынѣшній съѣздъ привлекъ болѣе 2.700 лицъ съ разныхъ концовъ Россіи.

Кончились рѣчи организаторовъ съѣзда, начались привѣтствія. Первымъ привѣтствовалъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія С. М. Лукьяновъ. Въ немногихъ словахъ онъ отмѣтилъ важное практическое значеніе съѣзда, совпадающаго по времени съ преобразовательными работами министерства народнаго просвѣщенія; въ трудахъ съѣзда министерство надѣется почерпнуть цѣнныя указанія по многимъ вопросамъ, которые будутъ несомнѣнно разработаны съѣздомъ подробно и съ тщательностью, присущей профессіональной техникѣ. Городской голова П. И. Леляновъ привѣтствовалъ съѣздъ отъ имени Петербурга. Затѣмъ произнесли привѣтствія попечитель московскаго округа П. А. Некрасовъ, проф. И. И. Боргманъ отъ С.-Петербургскаго университета, предсѣдатель думской коммиссіи по начальному образованію П. А. Потѣхинъ, проф. Денъ отъ С.-Петербургскаго политехническаго института, г. Андреевъ отъ педагогическаго общества Московскаго университета, М. П. Боткинъ отъ Императорской Академіи Художествъ, г. Сюзоръ отъ Общества архитекторовъ, г. Кромлевъ и др.

Съ 27 декабря начались самыя занятія съѣзда по секціямъ, которыхъ было образовано одиннадцать: 1) высшія техническія учебныя заведенія, 2) среднія и низшія техническія учебныя заведенія, 3) ремесленныя учебныя заведенія и учебныя ремесленныя мастерскія, 4) коммерческое образованіе, 5) мореходныя учебныя заведенія и рѣчныя училища, 6) женское профессіональное образованіе, 7) ремесленное ученичество, 8) художественно-промышленное образованіе и графическія искусства, 9) ручной трудъ, 10) курсы и школы для рабочихъ, 11) школьная гигіена и физическое воспитаніе въ техническихъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ (а подсекціей—обученіе и воспитаніе глухонѣмыхъ).

Отмѣчаемъ, на основаніи отчетовъ газетъ, содержаніе важнѣйшихъ докладовъ, заслушанныхъ секціями, и вызванныхъ ими постановленій.

Въ первой секціи. Проф. А. А. Брантъ прочелъ докладъ о способахъ пріема учащихся въ высшія учебныя заведенія. Онъ изложилъ исторію этого вопроса, вспомнилъ труды коммиссіи, занимавшейся подъ предсѣдательствомъ Н. И. Тавилдарова и признавшей необходимымъ для того, чтобы всѣ окончившіе курсъ реальнаго училища могли получить высшее образованіе, открыть для нихъ доступъ на всѣ факультеты университетовъ, кромѣ историко-филологическаго. Самъ докладчикъ высказался, какъ сторонникъ этой мѣры. За нее говорятъ факты и цыфры. Военно-Медицинская академія допустила уже

реалистовъ. Что касается цыфръ,—онѣ крайне интересны. Въ 1898 г. изъ 1.375 окончившихъ курсъ реальныхъ училищъ 1.350 пожелали поступить въ высшія учебныя заведенія. Къ нимъ присоединилась группа въ 904 лица, окончившихъ курсъ реальныхъ училищъ раньше. Въ техническія учебныя заведенія было принято изъ нихъ 1.324 лица, 930 получили отказъ. Въ томъ же году на физико-математическій факультетъ Юрьевскаго университета по двумъ отдѣленіямъ было принято всего 4 студента, а въ казанскомъ университетѣ на всѣ пять факультетовъ всего 106 студентовъ, по 20 на каждый факультетъ. Изъ этихъ цыфровыхъ данныхъ неизбѣженъ выводъ: если бы реалисты были допускаемы въ университетъ, не было бы отказовъ желавшимъ получить высшее образованіе, не было бы и конкурсныхъ экзаменовъ. Правильность этого вывода подтверждается еще и тѣмъ, что многіе реалисты стремятся въ техническія заведенія не по влеченію, а потому, что двери высшихъ общеобразовательныхъ разсадниковъ просвѣщенія для нихъ закрыты. Въ заключеніе проф. Брантъ высказалъ пожеланія: увеличить число техническихъ учебныхъ заведеній, чтобы всѣ желающіе учиться въ нихъ нашли себѣ мѣсто, открыть университеты для пріема реалистовъ на всѣ факультеты, кромѣ историко-филологическаго, и высказаться противъ пріема въ высшія учебныя заведенія послѣ конкурсовъ—по связямъ родителей и подъ давленіемъ слезъ и просьбъ. При обсужденіи этого доклада цѣнную мысль высказалъ предсѣдатель секціи директоръ Техническаго института проф. Зерновъ. Онъ указалъ, что количество техническихъ учебныхъ заведеній должно находиться въ связи съ состояніемъ промышленности государства. Открытіе значительнаго числа спеціальныхъ учрежденій можетъ грозить перепроизводствомъ техниковъ, инженеровъ и др. спеціалистовъ.

Проф. Сидоровъ въ своемъ докладѣ остановился на неудовлетворительной подготовкѣ молодыхъ людей, поступающихъ теперь въ высшія техническія учебныя заведенія. По мнѣнію докладчика, теперь къ слушателямъ ихъ нельзя и предъявлять надлежащихъ требованій, иначе изъ трехсотъ поступившихъ не кончитъ курса и тридцать человѣкъ. Не окончившіе будутъ виноваты только въ томъ, что они совершенно не подготовлены къ воспріятію высшаго техническаго образованія. Но можно ли винить людей за то, что они не сдѣлали того, чего отъ нихъ не требовали и о чемъ ихъ даже не предупредили. Что возможно сдѣлать въ четыре—пять лѣтъ, которыя проводитъ въ любой высшей школѣ молодой человѣкъ изъ совершенно не представляющаго своихъ будущихъ задачъ мальчика, попадающаго изъ средне-учебныхъ заведеній. Средняя школа совершенно не развиваетъ, а подавляетъ въ своихъ питомцахъ именно тѣ стороны ума, которыя необходимы будущему дѣятелю, будущему инженеру. Полнѣйшая неспособность къ самостоятельному мышленію, неумѣлость взяться за простѣйшее самостоятельное творчество, неясность и сбивчивость въ основныхъ понятіяхъ, поверхностное отношеніе къ дѣлу и мн. др.—вотъ главнѣйшіе недостатки поступающихъ въ высшую школу. Остается пожалѣть студента, мало повиннаго въ своей неподготовленности, и промышленность, получающую инженеровъ, часто разлагающихъ вертикальную силу на горизонтальную. Докладчикъ находилъ полезнымъ учредить особыя подготовительныя школы, имѣющія исключительною цѣлью подготовлять къ высшимъ техническимъ школамъ и не дающія поэтому никакихъ правъ, знаній и дипломовъ, но открывающія зато окончившимъ въ нихъ курсъ безпрепятственный доступъ въ высшія техническія школы, куда, кромѣ нихъ, никто уже приниматься не долженъ. Въ эти подготовительныя

школы могли бы быть принимаемы лица, прошедшія шесть классовъ гимназій или реальнаго училища и др. под. заведенія, что совершенно достаточно, чтобы закончить первоначальное образованіе. Принимать слѣдуетъ неограниченное количество, но выпускать изъ этихъ школъ можно только тѣхъ, кто выказалъ любовь и способность въ техникѣ и желаніе заниматься ею.

Второй докладъ проф. Сидорова былъ посвященъ вопросу „о средствахъ, которыя могутъ служить для установленія тѣсной связи между высшей технической школой и практической технической жизнью". Такими средствами могли бы прежде всего служить болѣе частыя и болѣе серьезныя экскурсіи учащихся на заводы и фабрики, въ сопровожденіи профессоровъ и преподавателей, которые теперь въ Россіи развиты весьма слабо. Далѣе, желательно участіе въ удобной формѣ профессоровъ технической школы въ дѣятельности промышленныхъ предпріятій, въ качествѣ консультантовъ, экспертовъ и т. п. Съ другой стороны, желательно привлеченіе талантливыхъ промышленныхъ дѣятелей въ качествѣ преподавателей спеціальныхъ предметовъ въ высшихъ техническихъ школахъ.

Проф. В. А. Косинскій и А. М. Соколовъ съ своей стороны обратили вниманіе на одностороннюю подготовку, которая дается въ нашихъ высшихъ техническихъ школахъ и которая имѣла въ виду исключительно интересы крупной промышленности.

Въ общемъ, какъ полагаетъ В. А. Косинскій, для поднятія нашей промышленности, необходимо раньше всего улучшеніе культурнаго образованія массы, затѣмъ распространеніе общихъ техническихъ знаній и, наконецъ, рядъ мѣръ экономическаго характера, организація мелкаго кредита и т. п. Для установленія связи высшей школы съ массою и для развитія промышленности страны докладчикъ рекомендовалъ учредить особый институтъ земскихъ инженеровъ, на подобіе земскихъ агрономовъ. Инженерамъ этимъ открылось бы широкое поле дѣятельности: они должны знакомиться съ мѣстными условіями и бытомъ губерніи, съ жизнью крестьянъ, ихъ знаніями; приходить послѣднимъ на помощь во всѣхъ затрудненіяхъ, двигать мелкую промышленность, и вообще стараться поднять благосостояніе ввѣреннаго округа. Кромѣ этого, докладчикъ рекомендовалъ введеніе въ программу техническихъ школъ, какъ особаго предмета, техники ремесла. Въ заключеніе онъ коснулся необходимости скорѣйшихъ реформъ средней и высшей школы.

Второй докладчикъ, профессоръ А. М. Соколовъ, говорилъ о нуждахъ кустарной промышленности и о согласованіи ихъ съ постановкою преподаванія въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ. Положеніе кустарной промышленности у насъ далеко не блестяще: министерство земледѣлія для развитія ея не располагаетъ достаточными средствами; земства далеко не всѣ ею занимаются. А между тѣмъ число рабочихъ, занимающихся этою промышленностью, достигаетъ десяти милліоновъ человѣкъ, въ томъ числѣ восемь милліоновъ зарегистрировано; ежегодная общая ихъ производительность около полутора миліарда. Изъ этихъ цифръ можно заключить о значеніи кустарной промышленности, которой принято предсказывать гибель изъ-за невозможности конкурировать съ крупною промышленностью. Съ такимъ взглядомъ на мелкое производство, впрочемъ, далеко не всѣ соглашаются: профессоръ Д. И. Менделѣевъ и многіе другіе указываютъ на жизнеспособность мелкой промышленности, которая прекрасно можетъ существовать на ряду съ крупною. Это же подтвердилъ рядъ данныхъ Франціи, въ которой 86 процентовъ падаетъ

на мелкое производство, Германіи и Австріи, имѣющей школы, выпускающей руководителей-техниковъ спеціально для такой промышленности. Все это является лучшимъ доводомъ, что десяти милліонамъ нашихъ кустарей рано отступать и давать дорогу крупной промышленности. Если кустарная промышленность существуетъ у насъ при далеко неблагопріятныхъ условіяхъ, то что она можетъ дать при извѣстной помощи и организаціи? Кто теперь учитъ кустарей, гдѣ они берутъ образцы своихъ работъ и усовершенствуютъ пріемы? У заѣзжаго торговца краснымъ товаромъ, у солдата; а больше передаются отъ отца къ сыну разъ выработанныя формы и пріемы. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще эксплоатированіе кустарей. Докладчикъ указалъ на ненормальности въ этомъ отношеніи техническаго образованія, ставящаго на первый планъ интересы привилегированнаго меньшинства. Надо заинтересовать техниковъ мелкою промышленностью и указать имъ на нужды кустарей.

Секція признала, что высшія техническія учебныя заведенія, не ограничиваясь только своей основной задачей давать систематическое обученіе слушателямъ, должны еще возможно шире удовлетворять несомнѣнно существующей потребности для инженеровъ и техниковъ, работающихъ въ практикѣ, пополнять и расширять ихъ техническій опытъ и познанія. Поэтому высшія техническія школы должны получить такую обстановку и быть поставлены въ такія условія, чтобы онѣ могли безъ всякихъ затрудненій и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ проявлять дѣятельность въ указанномъ направленіи—организацiей повторительныхъ и другихъ курсовъ, устройствомъ лабораторныхъ занятій, предоставленіемъ широкаго пользованія библіотекой и т. п. Въ этой своей дѣятельности высшія техническія школы должны работать совмѣстно съ учеными и техническими обществами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ выражены положенія о введеніи въ курсъ высшихъ техническихъ школъ изученія мелкихъ производствъ, а также о разрѣшеніи такимъ школамъ устраивать курсы для подготовки низшихъ техниковъ и инструкторовъ.

Во второй секціи инжен. Л. Я. Бершадскій сдѣлалъ докладъ по вопросу—„какимъ путемъ формируются низшіе техники и ремесленники за границей.“ По заключенію докладчика, для полученія вполнѣ умѣлыхъ, развитыхъ и, такъ сказать, художественно-подготовленныхъ ремесленниковъ изъ лицъ прошедшихъ промышленныя училища, весьма желательна дальнѣйшая спеціализація ихъ въ періодѣ формированія изъ ремесленниковъ въ подмастерья и мастера спеціальностей извѣстныхъ категорій. Для выработки изъ лицъ, прошедшихъ техническія училища, мастеровъ для крупной промышленности и низшихъ агентовъ технической службы желательно установленіе для нихъ соотвѣтственныхъ практическихъ занятій по окончаніи ими теоретическаго курса въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ. Желательно содѣйствовать организаціи въ уѣздныхъ городахъ среди ремесленниковъ и мастеровъ совѣтовъ, „по уставу совѣта рабочихъ въ механическомъ производствѣ г. Москвы“, при которыхъ могли бы установиться вечернія и воскресныя дополнительныя, образовательныя спеціальныя чтенія. Предсѣдателями этихъ совѣтовъ должны избираться фабричные инспектора, а руководителями—учителя при профессіональныхъ школахъ или реальныхъ училищахъ, а также инженеры, техники и т. п. Желательно содѣйствовать развитію „обученія перепиской“, такъ широко практикуемаго въ Америкѣ, но съ тѣмъ чтобы предметы обученія были составлены и выработаны спеціальной коммиссіей, напр., при ученомъ комитетѣ по техническому и профессіональному образованію министерства народ-

наго просвѣщенія, изъ лицъ, близко стоящихъ къ данной спеціальности, при содѣйствіи педагоговъ.

По вопросу о томъ, слѣдуетъ ли задавать ученикамъ уроки на домъ, докладчикъ г. Никольскій не настаивалъ на полномъ упраздненіи задаванія уроковъ, но требовалъ, чтобы эти уроки были строго размѣряемы съ количествомъ свободнаго времени у ученика. Секція высказалась за полное упраздненіе задаванія уроковъ въ среднихъ и низшихъ техническихъ училищахъ.

Вопросу объ улучшеніи состава преподавателей въ промышленныхъ школахъ былъ посвященъ докладъ Л. М. Брансона. Вопросъ о систематической подготовкѣ учебнаго персонала для промышленныхъ школъ имѣетъ большую важность въ виду того, что число такихъ школъ непрерывно растетъ и будетъ неизмѣнно продолжать расти. За время съ 1888 по 1901 годы вновь возникло свыше 140 заведеній и намѣчено новыхъ къ открытію еще 347, изъ нихъ 139 на первую очередь. Докладчикъ пришелъ къ цѣлому ряду выводовъ, принятыхъ секціей. Между ними интересны слѣдующіе:

Подготовка персонала для промышленныхъ школъ должна идти въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны необходимо дать возможность пополнить свои познанія уже существующему составу преподавателей и руководителей; съ другой—важно заблаговременно позаботиться объ образованіи новаго контингента учителей. Однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ слѣдуетъ признать командировки кандидатовъ въ учебныя, промышленныя и т. п. заведенія въ Россіи и за границей. При этомъ желательно, чтобы командируемыя лица, на ряду съ изученіемъ общей постановки заведеній, проводили извѣстное время въ непосредственной работѣ при мастерскихъ и фабрикахъ, совершенствуясь въ той или иной спеціальности.

По постановленію секціи, съ цѣлью пополненія образованія существующаго персонала, а равно для довершенія подготовки будущихъ учителей, представляется полезнымъ организовать въ нѣсколькихъ крупныхъ центрахъ при промышленныхъ училищахъ высшаго типа лѣтніе краткосрочные курсы для ознакомленія съ новѣйшими пріемами преподаванія въ области спеціальныхъ предметовъ и успѣхами техники по соотвѣтствующей спеціальности.

Въ третьей секціи В. В. Крыловымъ сдѣланъ былъ обширный докладъ—„Современное состояніе учебныхъ мастерскихъ по даннымъ третьяго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи“. Комитетомъ съѣзда были разосланы въ 150 учрежденій завѣдующимъ учебными мастерскими вопросные бланки, заключающіе въ себѣ 45 пунктовъ. На основаніи этого матеріала докладчикъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. Существующія учебныя мастерскія имѣютъ въ своей организаціи слѣдующіе существенные дефекты: 1) недостатокъ матеріальныхъ средствъ; 2) несоотвѣтствующій контингентъ руководителей; 3) слабое знакомство учащихся съ графической и технической грамотностью и недостатокъ общей грамотности; 4) отсутствіе системнаго обученія, и 5) недостаточная помощь (техническая и матеріальная) учащимся во время прохожденія курса въ учебной мастерской. Учебныя мастерскія, являясь наиболѣе дешевымъ и доступнымъ массѣ населенія средствомъ получать ремесленно-техническую подготовку, могутъ и должны при правильной организаціи содѣйствовать развитію существующихъ кустарныхъ промысловъ и установленію новыхъ по соотвѣтствію съ современными успѣхами техники и запросами жизни. Для достиженія указанной цѣли, по мнѣнію докладчика, необходимы: 1) возможно широкое

распространенiе учебныхъ мастерскихъ, какъ въ районахъ кустарной промышленности, такъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ таковой еще не существуетъ, когда къ развитiю промысловъ являются соотвѣтствующiя условiя (напр., мѣстности съ залежами пригодной глины для гончарнаго производства, мѣстности неудобныя для земледѣлiя, но пригодныя для культуры ивы); 2) достаточность средствъ на устройство, оборудованiе и содержанiе учебныхъ мастерскихъ, а также обезпеченiе ихъ надлежащимъ руководительствомъ спецiалистовъ техниковъ кустарнаго дѣла; 3) чтобы постановка дѣла обученiя ремесламъ, сохраняя практическiй характеръ и являясь системнымъ, по соотвѣтствiю съ современными требованiями техники ремесла или производства, на первыхъ порахъ обученiя включила въ себя знакомство учащихся съ графической и технической грамотностью; затѣмъ необходимо, чтобы учебныя мастерскiя могли содѣйствовать мелкой промышленности: путемъ руководства работою взрослыхъ кустарей и ремесленниковъ, которымъ мастерская передаетъ получаемые заказы или поручаетъ изготовленiе заказанныхъ издѣлiй по частямъ; путемъ распространенiя среди промысловаго населенiя образцовъ улучшенныхъ издѣлiй; путемъ снабженiя промышленности доброкачественными сырыми матерiалами и путемъ посредничества по сбыту издѣлiй, выполняемыхъ по указанiямъ учебной мастерской. Въ цѣляхъ-же достиженiя болѣе полныхъ результатовъ желательно, чтобы обучающiеся могли не только повысить общую грамотность, но и получить необходимыя практическiя свѣдѣнiя по прикладнымъ предметамъ, касающимся даннаго ремесла.

Тому же вопросу былъ посвященъ докладъ М. П. Ершова. Признано желательнымъ, чтобы ремесленныя учебныя заведенiя, находящiяся въ районахъ кустарной и ремесленой промышленности, ставили бы своими цѣлями улучшенiе и развитiе существующихъ промысловъ, а также и установленiе новыхъ: это послужило бы къ уменьшенiю отхожаго промысла, использованiю мѣстныхъ богатствъ природы и улучшенiю быта населенiя, а не подготовляло бы исключительно подмастерьевъ и рабочихъ для заводовъ и фабрикъ крупной промышленности. Учебныя заведенiя, находящiяся въ мѣстностяхъ со слабо развитой промышленностью вообще и въ сельскохозяйственныхъ районахъ, особенно должны стремится подготовлять работниковъ, знакомыхъ съ построенiемъ, ремонтомъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудiй и уходомъ за ними. Вслѣдствiе отсутствiя въ городахъ, селахъ и мѣстечкахъ подходящихъ лицъ, для содержанiя ученическихъ квартиръ, а также для привлеченiя учащихся изъ ближайшихъ мѣстностей, входящихъ въ районъ дѣйствiя даннаго учебнаго заведенiя, желательно устройство при каждомъ ремесленномъ учебномъ заведенiи общежитiя или пансiона. Для болѣе широкаго использованiя средствъ оборудованiя мастерскихъ и для большей доступности ремесленно-практическаго образованiя въ массѣ населенiя желательно, гдѣ позволятъ помѣщенiя мастерскихъ, установить правильный и постоянный прiемъ практикантовъ изъ числа лицъ, перешедшихъ предѣльный возрастъ или обладающихъ недостатками, препятствующими обученiю въ классахъ. Желательно ввести въ курсъ ремесленныхъ училищъ по уставу 1899 г. преподаванiе отечественной исторiи и географiи, съ отдѣломъ торгово-промышленной географiи. Безусловно необходимо, чтобы въ каждомъ ремесленномъ учебномъ заведенiи преподавались: технологiя ремеслъ и графическiя искусства, такъ какъ въ настоящее время въ нѣкоторыхъ училищахъ по особымъ уставамъ такого преподаванiя не установлено. Отсутствiе приноровленныхъ учебниковъ тормозитъ дѣло обученiя; въ виду этого желательно назначенiе конкурсовъ, какъ по составленiю учеб-

никовъ, такъ и всякаго рода справочныхъ книжекъ, доступныхъ по изложенію и цѣнѣ. Участіе же въ извѣстной долѣ прибыли учениковъ практическихъ классовъ возможно съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы выдача заработанныхъ суммъ производилась не ранѣе, какъ по окончаніи курса обученія и по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ. Въ виду недостатка средствъ, отпускаемыхъ на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій и дороговизны послѣднихъ, желательно по возможности привлекать къ изготовленію таковыхъ самихъ учащихся. Для улучшенія сбыта ученическихъ издѣлій желательна организація центральнаго или окружныхъ складовъ и печатаніе извѣстій о томъ, какія издѣлія имѣются на лицо и по какой мѣстной цѣнѣ.

П. Н. Терентьевъ обратилъ вниманіе на ремесленныя училища при фабрикахъ и заводахъ. Какъ образецъ ремесленнаго фабричнаго училища, докладчикъ ставитъ существующую уже 90 лѣтъ школу при Прохоровской мануфактурѣ, давшую много искусныхъ рисовальщиковъ и рѣзчиковъ, опытныхъ и свѣдущихъ набойщиковъ, красильщиковъ, ткачей и другихъ мастеровыхъ. Разбирая условія, при которыхъ фабричныя школы были бы надежнымъ источникомъ просвѣщенія и полезнаго практическаго знанія, докладчикъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ. Прежде всего, по мнѣнію докладчика, фабричныя школы должны непосредственно отвѣчать запросамъ самой промышленности. Тогда школа не будетъ казаться фабрикѣ или заводу ни чужой ни дорого стоющей. Фабрики непремѣнно на свой счетъ должны содержать школу уже въ видахъ большей ея въ этомъ случаѣ подвижности, приспособленности къ измѣняющимся условіямъ промышленности. Курсъ училищъ, смотря по характеру производства, долженъ быть 3—5 лѣтній, съ общеобразовательнымъ уровнемъ не ниже 2-хъ классныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Положенія докладчика встрѣтили полное сочувствіе.

Докладъ Н. Ф. Рудольфа касался устройства ремесленныхъ отдѣленій при общеобразовательныхъ школахъ. Указавъ при помощи статистическихъ данныхъ на несовершенство существующей системы ремесленнаго и профессіональнаго образованія, докладчикъ предложилъ на обсужденіе секціи 18 тезисовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе рекомендуютъ: для училищъ съ ремесленными классами—обученіе болѣе простымъ ремесламъ, съ выборомъ ихъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Лучше всего подойдутъ для сельскихъ училищъ столярное, кузнечное, простое мебельное и шорное ремесла, а для городскихъ—преимущественно художественныя ремесла. Минимальнымъ возрастомъ для приступленія къ изученію ремесла въ городскихъ и сельскихъ училищахъ надо признать 12-лѣтній; поэтому въ одноклассныхъ сельскихъ училищахъ къ изученію ремеслъ слѣдуетъ допускать лишь окончившихъ курсъ этихъ училищъ и достигшихъ указаннаго возраста.

С. Ф. Русова остановилась въ частности на желательности усилить содѣйствіе техническому образованію кустарей-гончаровъ Полтавской и Черниговской губерніи. Наше гончарное дѣло требуетъ серьезнаго улучшенія техники съ цѣлью сдѣлать его болѣе доходнымъ. Земства въ этомъ отношеніи уже начали работать. Въ Россіи насчитывается до 7.000.000 кустарей, изъ которыхъ не менѣе 10.000 дворовъ занимается гончарствомъ. Въ виду этого, въ докладѣ предлагается съѣзду: 1) взять на себя иниціативу по устройству въ селахъ гончарныхъ районовъ вечернихъ и воскресныхъ курсовъ для взрослыхъ и подростковъ по физикѣ и химіи, примѣнительно къ техникѣ гончарнаго дѣла, 2) обратиться съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія о введеніи въ курсъ начальныхъ училищъ тѣхъ-же мѣстностей рисо-

ванія и элементарной геометріи, 3) выбрать изъ своей среды коммиссію представителей земства для совмѣстнаго обсужденія плана и программъ, вырабатываемыхъ министерствомъ типовъ низшей керамической школы, а также обсудить и тѣ требованія, какимъ должны удовлетворять желаемые для земствъ и для кустарей инструкторы горшечно-кафельнаго дѣла. Поручить этой же коммиссіи выработать программу самаго общедоступнаго учебника керамики и просить министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ ассигновать извѣстную сумму денегъ для изданія его съ иллюстраціями, чертежами и крупнымъ шрифтомъ.

По *четвертой секціи* слѣдуетъ прежде всего отмѣтить рядъ докладовъ и постановленій, касающихся общей постановки учебнаго дѣла. Такъ, на основаніи отвѣтовъ, полученныхъ отъ преподавателей коммерческихъ школъ на запросъ о желательной роли попечительныхъ совѣтовъ состоялась единогласная резолюція въ томъ смыслѣ, что коммерческимъ учебнымъ заведеніямъ, въ лицѣ попечительныхъ совѣтовъ и педагогическихъ комитетовъ, предоставляется полная самостоятельность и свобода дѣйствій въ предѣлахъ закона, имѣющаго обозначить лишь общія основанія всего школьнаго строя.

По вопросу „общенія семьи и школы въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ“ секція приняла слѣдующія резолюціи: 1) собранія родителей, общія или по классамъ, могутъ собираться по иниціативѣ педагогическихъ комитетовъ, или по иниціативѣ самихъ родителей, причемъ въ послѣднемъ случаѣ они созываются особыми представителями изъ ихъ среды; 2) желательно участіе представителей изъ родительской среды въ засѣданіяхъ попечительныхъ совѣтовъ по дѣламъ учебно-воспитательнаго характера съ правомъ рѣшающаго голоса; 3) вопросъ о посѣщеніи уроковъ родителями рѣшается самостоятельно педагогическимъ комитетомъ каждаго учебнаго заведенія.

Въ отношеніи положенія преподавателей секціей сдѣланы слѣдующія постановленія: 1) Приглашеніе лицъ педагогическаго персонала во всѣхъ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ должно происходить по иниціативѣ педагогическихъ комитетовъ, представляющихъ избранныхъ ими кандидатовъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. 2) Перемѣщенія учителей коммерческихъ учебныхъ заведеній, „для пользы службы“, изъ одного учебнаго заведенія въ другое должны производиться съ ихъ согласія и, во всякомъ случаѣ, но выслушаніи заключеній педагогическихъ комитетовъ. 3) Увольненіе педагогическаго персонала коммерческихъ учебныхъ заведеній должно происходить не иначе, какъ при условіи представленія педагогическими комитетами своихъ заключеній. 4) Назначеніе директоровъ коммерческихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ не на обще-государственныя средства, должно производиться изъ кандидатовъ, избираемыхъ лицами или представителями учрежденій, которыя содержатъ эти учебныя заведенія. 5) Дѣти преподавателей всѣхъ коммерческихъ учебныхъ заведеній имѣютъ право на безплатное обученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи. 6) Штатные преподаватели всѣхъ коммерческихъ учебныхъ заведеній должны получать вознагражденіе въ видѣ постояннаго жалованья, а не поурочной платы, независимо отъ числа уроковъ. 7) Распредѣленіе уроковъ между преподавателями должно производиться педагогическими комитетами. 8) Прогрессивныя прибавки жалованья должны быть распространены на всѣ существующія коммерческія учебныя заведенія. 9) Желательно, чтобы § 20 положенія о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ, гласящій, что „лица женскаго пола могутъ быть опредѣляемы штатными преподавательницами коммерческихъ учебныхъ заведеній“, былъ дополненъ словами

„преподавательницами коммерческихъ учебныхъ заведенiй“, „какъ женскихъ, такъ и мужскихъ“.

Къ этой-же области надо отнести и слѣдующiя постановленiя секцiи: желательно, чтобы лица педагогическаго персонала коммерческихъ учебныхъ заведенiй принимали возможно широкое участiе въ общественной, особенно-же просвѣтительной дѣятельности, и чтобы въ этомъ имъ не ставилось препятствiй. Стремясь къ поднятiю педагогическаго персонала на уровень современныхъ требованiй, секцiя, между прочимъ, разослала вопросные листы съ просьбой высказаться о способахъ поддержанiя въ преподавателяхъ научныхъ и педагогическихъ интересовъ. Въ результатѣ оживленныхъ пренiй, вызванныхъ чтенiемъ свода отвѣтовъ на эти вопросные листы, принятъ рядъ резолюцiй, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующiя пожеланiя: 1) Желательно, чтобы было выработано нормальное положенiе о перiодическихъ учительскихъ съѣздахъ, всероссiйскихъ, областныхъ и предметныхъ, и чтобы право созыва таковыхъ съѣздовъ было предоставлено особому бюро при учебномъ отдѣлѣ или при педагогическихъ обществахъ или кружкахъ. 2) Желательно устройство въ научныхъ центрахъ такихъ курсовъ, на которыхъ преподаватели могли-бы дополнять свое педагогическое образованiе.

Кромѣ того, секцiя заслушала интересный докладъ г. Ольшевскаго: „О возможномъ проявленiи самодѣятельности преподавателей въ коммерческихъ учебныхъ заведенiяхъ“ и единогласно приняла положенiя этого доклада, которыя можно резюмировать такимъ образомъ. Теоретическiя и практическiя соображенiя по отношенiю къ ученикамъ и поддержанiе педагогическихъ и научныхъ интересовъ по отношенiю къ учителямъ говорятъ за предоставленiе возможно большей свободы преподаванiя всѣхъ, вообще, предметовъ, а спецiальныхъ, въ особенности. Свобода эта должна выражаться въ предоставленiи преподавателю возможности: 1) составленiя курса (въ предѣлахъ общихъ рамокъ, начертанныхъ педагогическими комитетами) и литографированiя его; 2) не быть связаннымъ какимъ-либо учебникомъ. Отмѣтимъ также пожеланiе секцiи о томъ, чтобы педагогическiй персоналъ коммерческихъ учебныхъ заведенiй былъ свободенъ отъ функцiй внѣшкольнаго надзора за учащимися.

Въ отношенiи постановки преподаванiя *предметомъ* продолжительныхъ и оживленныхъ дебатовъ былъ вопросъ о самодѣятельности учащихся. Секцiя постановила: 1) одной изъ основныхъ задачъ школы должно быть развитiе въ ученикахъ самодѣятельности и чувства общественной солидарности, для чего наиболѣе цѣлесообразными средствами могутъ служить: письменныя работы на избранныя самими учениками темы, самостоятельная разработка учениками отдѣльныхъ вопросовъ изъ курса, веденiе ученическихъ журналовъ, практическихъ курсовъ, устройство литературныхъ вечеровъ и вообще работы, дающiя просторъ инициативѣ; 2) необходимо сократить программу обязательныхъ предметовъ, чтобы удѣлить время для вышеуказанныхъ занятiй. Затѣмъ былъ выслушанъ докладъ Е. О. Ольшевскаго о желательности производства, гдѣ окажется это возможнымъ, опытовъ совмѣстнаго обученiя лицъ обоего пола въ торговыхъ школахъ. По мнѣнiю докладчика, это могло бы быть полезнымъ, какъ въ цѣляхъ учебно-воспитательныхъ, такъ и въ видахъ экономiи для тѣхъ школъ, гдѣ число мальчиковъ незначительно. Предложенiе г. Ольшевскаго принято. При обсужденiи типа нормальной торговой школы признано было желательнымъ установленiе для нея 4 или по крайней мѣрѣ 3 классовъ. Школы съ меньшимъ курсомъ признаны не достигающими цѣли, такъ какъ не имѣютъ шансовъ для дальнѣйшаго развитiя. По вопросу о внѣклассномъ чтенiи, секцiя

одобрила слѣдующія положенія: необходимо признать домашнее чтеніе однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ самодѣятельности и поднятія умственнаго уровня учащихся; школа должна сама руководить чтеніемъ учащихся всѣхъ возрастовъ и отказаться отъ посторонняго вмѣшательства въ это дѣло; выборъ книгъ не долженъ быть стѣсненъ официальнымъ каталогомъ, но регулироваться педагогическимъ комитетомъ заведенія; ученическія библіотеки должны удовлетворять разумнымъ запросамъ учащихся старшихъ классовъ; существующія при учебныхъ заведеніяхъ читальни должны располагать достаточнымъ количествомъ газетъ и журналовъ; контроль прочитаннаго осуществляется преподавателемъ въ формѣ литературныхъ бесѣдъ или рефератовъ, а для предоставленія учащимся возможности серьезно заняться самообразованіемъ необходимо уменьшить число обязательныхъ учебныхъ часовъ и ослабить современную многопредметность курса.

Въ частности относительно торговыхъ школъ сдѣланы слѣдующія постановленія: 1) желательно, чтобы правительство широко приходило на помощь торговымъ школамъ, какъ безпроцентнымъ и за пониженные проценты кредитомъ, такъ и безвозвратными единовременными и постоянными субсидіями, такъ какъ безъ этой правительственной помощи торговыя школы, разсчитанныя преимущественно на дѣтей небогатыхъ родителей, особенно въ небогатыхъ экономически районахъ, и не въ состояніи будутъ надлежаще развиваться при ограниченныхъ средствахъ; 2) желательно дать возможность мальчикамъ, служащимъ въ разныхъ торговыхъ заведеніяхъ, закончить свое спеціальное коммерческое образованіе, для чего необходимо: а) сократить ихъ рабочій день, и б) повліять путемъ убѣжденія на ихъ хозяевъ въ смыслѣ предоставленія мальчикамъ возможности посѣщать торговыя школы. Далѣе, по затронутому вопросу о переходѣ учениковъ изъ торговыхъ школъ въ общеобразовательныя секція постановила: 1) признавая цѣлью торговыхъ школъ подготовку низшихъ коммерческихъ агентовъ, секція считаетъ ненужнымъ связывать торговую школу со средними учебными заведеніями; 2) желательно, чтобы оканчивающимъ 3-хъ классныя и 4-хъ классныя торговыя школы предоставлены были права вольноопредѣляющихся 2-го разряда; 3) признавая преимущества за семестральной системой, желательно, чтобы она была принята во всѣхъ торговыхъ школахъ, которыя имѣютъ параллельные классы.

Въ *пятой секціи* разсматривались исключительно частные вопросы, разрѣшеніе которыхъ связано съ улучшеніемъ условій подготовки служащихъ для морского и рѣчного судоходства.

Въ *шестой секціи* В. Н. Тицъ прочелъ докладъ „О сообразованіи задачъ профессіональныхъ школъ съ потребностями практической жизни“. Послѣ обсужденія секція выработала слѣдующія положенія: 1) Цѣль всякой профессіональной школы—предоставить оканчивающимъ въ ней курсъ возможность удовлетворительнаго заработка въ избранной спеціальности. 2) Выборъ предметовъ спеціальнаго курса въ профессіональной школѣ долженъ быть сообразованъ съ мѣстными промыслами и потребностями и величиной заработной платы въ различныхъ отрасляхъ профессіональной работы въ данной мѣстности. 3) Предоставленіе оканчивающимъ курсъ въ профессіональныхъ школахъ возможности болѣе высокаго заработка можетъ быть достигнуто двоякимъ путемъ: а) подготовкой ученицъ не къ положенію заурядной работницы, а искусной мастерицы и руководительницы; б) введеніемъ въ курсъ школъ новыхъ спеціальностей, могущихъ расширить сферу женскаго труда въ данной мѣстности. 4) Для подготовки самостоятельныхъ мастерицъ профессіональныя школы

должны въ своей организаціи слѣдовать требованіямъ практической жизни и въ основу обученія вводить слѣдующія положенія: а) систематическое изученіе избраннаго ремесла во всѣхъ деталяхъ, дополненное изученіемъ свойствъ матеріаловъ, примѣняемыхъ въ данной спеціальности; б) основательное изученіе рисованія—какъ для выработки правильнаго глазомѣра и умѣнья создавать собственныя композиціи въ избранномъ ремеслѣ, такъ, въ особенности, и для выработки вкуса въ издѣліяхъ; в) знакомство съ экономической стороной своей спеціальности и умѣнье производить правильную расцѣнку издѣлій; г) умѣнье чисто и быстро работать съ соблюденіемъ необходимой экономіи въ матеріалѣ. 5) Для расширенія сферы примѣненія женскаго труда необходимо произвести изслѣдованіе современнаго положенія женской работы въ связи съ заработкомъ и ознакомленіе съ тѣми профессіями, которыя могутъ еще быть доступны для женщинъ. Исполненіе такой работы должно быть задачей общества поощренія женскаго труда и женскаго профессіональнаго образованія.

По вопросу о женскихъ учебныхъ мастерскихъ секція постановила поручить съѣзду ходатайствовать: о распространеніи женскихъ безплатныхъ учебныхъ ремесленныхъ мастерскихъ, съ пособіемъ отъ правительства или городовъ, съ цѣлью сокращенія ремесленнаго ученичества; объ устройствѣ убѣжищъ при женскихъ безплатныхъ учебныхъ ремесленныхъ мастерскихъ для извѣстной части учащихся; чтобы обученіе въ такихъ мастерскихъ велось систематически по установленной программѣ въ теченіе не менѣе 5-ти лѣтъ; чтобы мастерскія не только давали нужную подготовку въ ремеслѣ, но и воспитывали необходимыя нравственныя качества; чтобы учащіяся были ознакомлены со стоимостью и оцѣнкою матеріаловъ и изготовляемыхъ издѣлій; чтобы окончившія курсъ дѣвицы оставлялись при тѣхъ же мастерскихъ практикантками, по крайней мѣрѣ, на 1 годъ, съ опредѣленнымъ жалованьемъ; чтобы при мастерскихъ велось обученіе кулинарному искусству.

Точно также, согласно постановленію секціи, при начальныхъ народныхъ женскихъ училищахъ съ трехлѣтнимъ курсомъ крайне желательно устройство дополнительныхъ рукодѣльныхъ классовъ не менѣе, какъ съ трехгодичнымъ курсомъ и съ продолженіемъ въ нихъ обще-образовательныхъ занятій, въ общемъ, не менѣе второго класса пятигодичной школы.

Въ частности значительное вниманіе секція удѣлила докладу А. А. Лагоды: „Какія профессіональныя женскія учебныя заведенія съ общеобразовательнымъ курсомъ представляются наиболѣе соотвѣтствующими предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ жизни?“ На этотъ вопросъ, имѣющій несомнѣнное общественное значеніе г-жа Лагода предлагаетъ отвѣтъ въ четырехъ тезисахъ своего доклада: 1) современнымъ жизненнымъ требованіямъ удовлетворяютъ тѣ женскія профессіональныя школы съ общеобразовательнымъ курсомъ, которыя могутъ готовить желающихъ на полученіе званія начальной городской учительницы и вырабатываютъ образованныхъ мастерицъ; 2) ученицы послѣдняго класса школы должны спеціализироваться въ дамско-портномъ ремеслѣ, исключая только тѣхъ ученицъ, у которыхъ вполнѣ опредѣленно высказались способность и склонности къ другому рмеeслу; 3) въ профессіональной женской школѣ не должно быть многопредметности и не слѣдуетъ употреблять много времени на занятія теоріей, такъ какъ опытность и вкусъ въ работахъ вырабатываются только путемъ практиче скихъ занятій; 4) если соершенствованіе въ шитьѣ пріобрѣтается практикой, то кройка требуетъ изученія. Чтобы ученица по окончаніи курса могла самостоятельно работать дома и стать современемъ во главѣ мастерской, необходимо основательное знаніе кройки. Сек-

ція отнеслась, въ общемъ, вполнѣ сочувственно къ тезисамъ докладчицы и отмѣтила, что необходимо установить minimum знаній, обязательныхъ для ученицъ, поступающихъ въ профессіональныя школы.

Въ *седьмой секціи* занятія сосредоточивались на разработкѣ нормальнаго положенія о ремесленномъ ученичествѣ. При этомъ одни члены требовали сокращенія рабочаго дня до 8 или до 9 часовъ, а другіе указывали на безполезность подобной мѣры. При этомъ нѣкоторые представители ремесленнаго сословія доказывали, что если даже и дать ученикамъ больше свободы, то все же за недостаткомъ школъ имъ негдѣ будетъ пополнять образованіе. Доказательства ремесленниковъ были совершенно разбиты вице-предсѣдателемъ секціи, г. Ракѣевымъ, г-жей Мягковой изъ Тамбова и др. Въ Петербургѣ для 300 ремесленныхъ учениковъ устроена спеціальная школа попечительствомъ человѣколюбиваго общества совмѣстно съ русскимъ техническимъ обществомъ; но учениковъ въ эту школу приходится добывать чуть не силой, и комплекта учащихся въ ней не бываетъ никогда. Происходитъ это исключительно потому, что хозяева ремесленныхъ мастерскихъ не отпускаютъ учениковъ. Въ Тамбовѣ устроена подобная же школа, но посѣщается она почти исключительно взрослыми рабочими, умѣющими отстоять свои желанія, дѣтей же въ школѣ почти нѣтъ. Кое-какіе намеки на обученіе ремесленныхъ учениковъ можно встрѣтить только въ Царствѣ Польскомъ, прибалтійскихъ губерніяхъ и кое-гдѣ на югѣ.

Въ *восьмой секціи* А. Н. Бенуа сдѣлалъ сообщеніе—„Обзоръ современной постановки учебнаго дѣла въ художественно-промышленныхъ учебныхъ заведеніяхъ“. За послѣдніе годы художественно-промышленное образованіе, подъ энергичнымъ покровительствомъ министерства финансовъ, сдѣлало крупные и замѣтные успѣхи, хотя на немъ до сихъ поръ сказывается наша общая отсталость въ дѣлѣ просвѣщенія. Гибкость и разнообразіе типовъ художественно-промышленныхъ школъ содѣйствовали ихъ успѣху. У насъ имѣются рисовальные классы, художественно-ремесленныя мастерскія и художественно-промышленныя училища. Послѣднихъ немного—всего три: Строгановское въ Москвѣ, барона Штиглица и общества поощренія художествъ въ Петербургѣ. Эти высшія художественныя школы приготовляютъ художниковъ-творцовъ для нашей промышленности.

О желательныхъ измѣненіяхъ преподаванія графическихъ искусствъ и архитектуры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ сдѣлалъ докладъ Е. Е. фонъ-Баумгартенъ. Докладъ этотъ обсуждался въ соединенномъ засѣданіи I и VII секціи, пришедшихъ къ заключенію, что необходимо: 1) правильная подготовка по рисованію и проекціонному черченію до поступленія въ высшія учебныя заведенія; 2) уничтоженіе копировальныхъ работъ по рисованію и архитектурному черченію съ замѣною ихъ работами съ натуры по моделямъ; 3) чтеніе чертежа и критическій разборъ его; 4) введеніе большаго числа клаузурныхъ работъ; 5) пояснительныя лекціи до начала работъ и критическій разборъ по окончаніи проекта; 6) оцѣнка проекта двумя отмѣтками—за композицію и исполненіе; 7) занятія по спеціальной архитектурѣ. Кромѣ того, для спеціальныхъ архитектурныхъ учебныхъ заведеній необходимо: 1) дополненіе курса исторіи искусства исторіей быта, и 2) изученіе стилей вести параллельно съ рисованіемъ, лѣпкою (эскизной) и композиціями орнаментовъ и другихъ деталей характера данной эпохи.

Въ докладѣ, посвященномъ вопросу о постановкѣ преподаванія рисованія, Е. М. Маковскій пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Помимо воспитательнаго значенія искусства въ общемъ образованіи, будущность нашей промыш-

ленности вообще и кустарной въ особенности зависитъ отъ правильной постановки преподаванія графическихъ искусствъ въ нашей школѣ, гдѣ имъ должно быть отведено видное мѣсто; 2) всякая попытка хотя бы краткаго ознакомленія учащихся съ исторіей искусствъ, параллельно съ преподаваніемъ рисованія,—весьма желательна, такъ какъ вноситъ въ дѣло „живую душу"; 3) помимо рисованія съ предметовъ обыденной жизни, надо избрать русскій стиль, поражающій своею оригинальностью, самобытностью и красотой сочетанія линій и красокъ, и 4) учебныя заведенія должны имѣть свои маленькіе музеи съ достаточнымъ матеріаломъ для нагляднаго преподаванія графическихъ искусствъ. Секція, признавая цѣнность доклада Е. М. Маковскаго, приняла всѣ тезисы и постановила ходатайствовать предъ Императорской академіей художествъ о выработкѣ пособій по русскому стилю. Вмѣстѣ съ тѣмъ секція приняла предложеніе докладчика г. Крестіанполя: 1) желательны художественныя экскурсіи въ цѣляхъ эстетическаго развитія обучающихся рисованію. 2) признается цѣлесообразнымъ рисованіе на открытомъ воздухѣ попутно съ класснымъ обученіемъ рисованію. 3) Желательно предоставить преподавателю рисованія свободу при пользованіи данными ему для занятій часами, причемъ онъ могъ-бы въ цѣляхъ гигіеническихъ и художественно-педагогическихъ разнообразить классное обученіе рисованію уроками на открытомъ воздухѣ.

Въ частности относительно женскихъ учебныхъ заведеній высказаны слѣдующія пожеланія: 1) рисованіе должно считать однимъ изъ основныхъ предметовъ при обученіи женскимъ рукодѣліямъ; 2) для возбужденія въ ученицахъ интереса къ рисованію слѣдуетъ начинать въ общеобразовательной школѣ обученіе рисованію съ раскрашенныхъ таблицъ, а затѣмъ перейти къ рисованію карандашомъ и акварелью съ натуры цвѣтныхъ предметовъ домашней обстановки; 3) необходимо въ общеобразовательныхъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ заканчивать рисованіе методикой, чтобы дать возможность ввести рисованіе въ семью, причемъ должны быть приняты во вниманіе, кромѣ самаго рисованія: лѣпка, вырѣзываніе изъ бумаги, собираніе растеній и составленіе узоровъ изъ геометрическихъ фигуръ; 4) рисованіе съ натуры необходимо, такъ какъ оно развиваетъ наблюдательность, вдумчивое отношеніе къ природѣ и обогащаетъ фантазію; 5) желательно знакомить ученицъ съ исторіей искусствъ, какъ средствомъ для возбужденія и поддержанія интереса къ художественнымъ произведеніямъ.

Въ *девятой секціи* сдѣланъ былъ рядъ докладовъ о постановкѣ ручного труда въ общеобразовательной школѣ. Насколько выяснилось изъ сообщенія А. Д. Бутовскаго, ручной трудъ лучше всего поставленъ у насъ въ корпусахъ, гдѣ его преподаютъ теперь офицеры-руководители. За четырнадцать лѣтъ занятія имъ значительно развились, и теперь до тридцати пяти процентовъ учащихся посѣщаетъ уроки ручного труда. Секція высказалась за необходимость введенія ручного труда въ средней школѣ. Изъ доклада же К. Ю. Цируля видно, что въ общемъ занятіе ручнымъ трудомъ сильно возросло въ Россіи за послѣднія 7 лѣтъ (580 классовъ ручного труда въ 1903 г. противъ 193—въ 1896 г.). Секція постановила возобновить ходатайства I и II съѣздовъ: объ учрежденіи центральнаго для всей Имперіи института ручного труда во всѣ учительскіе институты и семинаріи.

Десятая секція подвергла обсужденію слѣдующіе коренные вопросы. 1) о подготовленности населенія къ техническому и профессіональному образованію; 2) о воскресныхъ школахъ, курсахъ и классахъ для рабочихъ; 3) о внѣшкольномъ образованіи взрослыхъ рабочихъ; 4) о школахъ для дѣтей ра-

бочихъ: 5) объ организаціи частной иниціативы въ дѣлѣ содѣйствія общему и профессіональному образованію. Секція заслушала рядъ интересныхъ докладовъ—г. Мокіевскаго: „Школа для дѣтей рабочихъ“, „Положеніе образованія рабочихъ“, „Школы для взрослыхъ рабочихъ“ и г. Четыркина: „Подготовительно-профессіональные классы техническаго общества“. Основываясь на работахъ подготовительной коммиссіи X секціи, г. Мокіевскій сообщилъ, что секціи извѣстно до 250 дѣтскихъ школъ при фабрикахъ и заводахъ съ 37 т. учениковъ и около 70 школъ для взрослыхъ рабочихъ, приблизительно, съ 9 т. учащихся. Считая это число вдвое меньшимъ дѣйствительнаго и принимая общее количество рабочихъ около 1.700 т. (исключены горныя и акцизныя предпріятія), въ томъ числѣ сотни тысячъ неграмотныхъ, а также принимая во вниманіе ясно выраженную потребность въ образованіи, какъ со стороны дѣятелей промышленности, такъ и рабочихъ, г. Мокіевскій выставилъ слѣдующіе тезисы: 1) дѣло образованія рабочихъ должно быть—согласно интересамъ промышленности и самихъ рабочихъ—поставлено возможно широко и, во всякомъ случаѣ, много шире, чѣмъ оно поставлено теперь, 2) независимо отъ развитія земскихъ и правительственныхъ дѣтскихъ школъ при фабрикахъ и заводахъ (или въ фабричныхъ районахъ), должны устраиваться вечерне-воскресныя школы для взрослыхъ рабочихъ, какъ съ техническими, такъ и съ общеобразовательными предметами преподаванія и въ такомъ числѣ и размѣрѣ, чтобы отказы желающимъ не могли имѣть мѣста; 3) эти школы не должны быть стѣснены программами начальныхъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ; 4) обязательно должны устраиваться школы для дѣтей рабочихъ; 5) существующія школы малолѣтнихъ рабочихъ не достигаютъ поставленной цѣли—образованія рабочихъ-подростковъ.

Между прочимъ, десятая секціи располагаетъ разработанными по широкой программѣ, въ высшей степени интересными свѣдѣніями, полученными отъ рабочихъ-подростковъ объ ихъ школьномъ житьѣ-бытьѣ. Любопытно отмѣтить, что изъ 1.544 учениковъ 294, по ихъ словамъ, поступили въ школу по побужденіямъ идеальнымъ, 454—по мотивамъ практическимъ, 183—для полученія льготъ и т. д.

Очень сочувственно отнеслась секція къ докладу П. Ф. Лесгафта о назначеніи школы, признававшаго, что „цѣль и задачи всякой школы—содѣйствовать развитію мысли ребенка, вырабатывать въ немъ самостоятельное критическое отношеніе къ своимъ поступкамъ и къ окружающему. Ребенку она должна давать правильное понятіе о личности, о человѣкѣ. Разсужденія о программахъ должны отойти на второй планъ, уступивъ свое мѣсто разсужденіямъ о духѣ школы. Вообще, утилитарное направленіе должно дать мѣсто гуманистическому. Развивать мысль, давать ей движеніе и посильную работу и вести ее отъ частнаго къ познаванію общаго—вотъ задача любой школы“.

Постановленія секціи, касающіяся значенія для экономической жизни и желательной постановки дѣла распространенія начальнаго образованія сводятся къ слѣдующему:

1) Ростъ промышленности и увеличеніе продуктивности труда находятся въ прямой зависимости отъ развитія образованія, безъ котораго профессіональное образованіе не достигаетъ своего назначенія. 2) Для поднятія роста національнаго богатства, зависящаго непосредственно отъ продуктивности труда производителя, является насущнѣйшею необходимостью введеніе всеобщаго обученія. 3) Необходимо возможно скорѣйшее введеніе въ Россіи всеобщаго обученія. 4) Независимо отъ развитія земскихъ и правительстнныхъ дѣтскихъ школъ при

фабрикахъ и заводахъ (или фабричныхъ районахъ) должны устраиваться въ достаточномъ количествѣ вечернія и воскресныя школы для взрослыхъ рабочихъ, какъ съ общеобразовательными, такъ и техническими предметами образованія. 5) Желательно, что средства, нынѣ ассигнуемыя министерствомъ народнаго просвѣщенія въ распоряженіе попечителей учебнаго округа для развитія начальнаго народнаго образованія, распредѣлялись бы при ближайшемъ участіи губернскихъ земствъ. 6) Права общественныхъ учрежденій, содержащихъ школы, должны быть расширены въ смыслѣ предоставленія имъ завѣдыванія не только матеріальною, но и учебною частью школьнаго дѣла. 7) Существующая организація училищныхъ совѣтовъ должна быть измѣнена, при чемъ, самый проектъ реформы долженъ быть выработанъ при участіи земскихъ и городскихъ учрежденій. 8) Учащіе начальныхъ школъ должны быть привлечены къ участію въ организаціи и веденіи школьнаго дѣла путемъ учрежденія при уѣздныхъ и городскихъ управахъ школьныхъ совѣтовъ или выборныхъ представителей отъ учащихъ. 9) Для ближайшаго завѣдыванія школами на мѣстахъ должны быть организованы коллективныя школьныя попечительства. 10) Необходимъ возможно скорѣйшій созывъ всероссійскаго съѣзда дѣятелей по народному образованію. 11) Преподаваніе въ начальныхъ училищахъ должно вестись на мѣстномъ народномъ языкѣ (не единогласно).

По вопросу объ организаціи внѣшкольнаго образованія наибольшее вниманіе привлекли къ себѣ доклады В. Я. Абрамова и В. И. Баума о смоленскихъ (въ Спб.) курсахъ и докладъ Д. Н. Поддерегина объ организаціи уроковъ для взрослыхъ. Первый докладъ, основанный на практикѣ прекрасно поставленныхъ смоленскихъ курсовъ, даетъ цѣнныя указанія о томъ, въ какомъ именно образованіи нуждаются рабочіе болѣе всего, и каковы общіе недостатки въ организаціи курсовъ для рабочихъ. Дополненіемъ къ этому докладу явилось сообщеніе г. Поддерегина, выяснившаго главныя, по его мнѣнію, условія, при которыхъ слѣдуетъ ожидать развитія курсовъ для рабочихъ. Однимъ изъ этихъ условій является обязательство владѣльцевъ промышленныхъ заведеній отпускать раза 3 въ недѣлю на 2 часа всѣхъ рабочихъ въ возрастѣ 15—18 лѣтъ для посѣщенія школы. Нѣтъ, конечно, надобности отпускать всѣхъ сразу—это можетъ повліять на дѣятельность предпріятія; рабочіе получаютъ отпускъ поочередно самыми небольшими группами съ утра и до вечера. Такимъ образомъ дѣйствуетъ, напримѣръ, школа въ Карлсруэ; въ школѣ обучаются 800 человѣкъ, но сразу занимаются не болѣе 100: такимъ образомъ занятія въ школѣ идутъ въ продолженіе 16 часовъ ежедневно. Въ качествѣ второй мѣры докладчикъ предлагалъ открывать помѣщенія всѣхъ учебныхъ заведеній,—конечно, когда это возможно,—для курсовъ для рабочихъ. При этомъ необходимы и спеціальныя помѣщенія, болѣе приспособленныя къ цѣлямъ преподаванія рабочимъ; но все же существующія учебныя заведенія представятъ главные пункты школъ для рабочихъ. Примѣняясь далѣе къ условіямъ дѣятельности рабочихъ, докладчикъ предлагалъ открывать сезонныя школы для рабочихъ, т. е. такія школы, которыя могли бы дополнять образованіе рабочихъ, въ извѣстное время года прекращающихъ или значительно уменьшающихъ свою работу. Секція съ своей стороны формулировала цѣлый рядъ пожеланій, осуществленіе которыхъ можетъ устранить формальныя препятствія для возможно широкаго распространенія внѣшкольнаго образованія.

Въ одиннадцатой секціи—учебной гигіены—были заслушаны на одну тему два доклада: д-ра В. Е. Игнатьева—о необходимости болѣе широкаго

знакомства съ физическимъ развитіемъ учащихся. Дополнеьно къ этому послужило сообщеніе д-ра Медема изъ Полтавы. Онъ тщательно изучалъ здоровье учащихся, причемъ производилъ наблюденіе надъ мальчиками въ продолженіе 20 лѣтъ и надъ дѣвочкамъ въ продолженіе 7 лѣтъ. Однимъ изъ важныхъ выводовъ, сдѣланныхъ докладчикомъ, является тотъ, что достаточно изучить какой-либо одинъ существенный физическій недостатокъ ученика, чтобы получить общее представленіе не только вообще о состояніи его здоровья, но и о его способностяхъ. Такимъ признакомъ можетъ, по мнѣнію докладчика, быть состояніе зрѣнія. И вотъ какія любопытныя данныя представилъ г. Медемъ въ этомъ отношеніи. Въ школу поступаютъ 30 проц. дѣтей съ испорченнымъ уже зрѣніемъ, близорукихъ мальчиковъ поступаетъ 10 проц., дѣвочекъ 12 проц., дальнозоркихъ -- 11 и 17 проц., съ совершенно испорченнымъ зрѣніемъ 2 и 5 процен. Число дѣтей съ нормальнымъ зрѣніемъ все падаетъ, число близорукихъ растетъ, дальнозоркихъ — уменьшается. Къ окончанію школы количество мальчиковъ съ ненормальнымъ зрѣніемъ возрастаетъ до 40 процентовъ и дѣвочекъ до 48 процентовъ Учащихся, у которыхъ оба глаза страдаютъ не одинаковыми недостатками, поступаетъ 8 проц., а при окончаніи школы процентъ повышается до 13; школа исправляетъ 5 проц. такихъ разстройствъ. Въ общемъ докладчикъ приходитъ къ тому выводу, что всѣ свои физическіе и другіе недостатки ученики получаютъ именно дома; здѣсь нужно особенно строгое наблюденіе за здоровьемъ ученика; наслѣдственныя причины имѣютъ свое значеніе, но онѣ представляютъ только почву, на которой и возникаютъ недостатки при плохомъ уходѣ за дѣтьми.

Затѣмъ секціей былъ заслушанъ рядъ докладовъ о лучшей постановкѣ школьной гигіены, о болѣе цѣлесообразномъ устройствѣ школьныхъ помѣщеній и о мѣрахъ борьбы съ заразными болѣзнями.

Почти всѣми секціями заслушано и одобрено предложеніе С. С. Григорьева объ учрежденіи постоянныхъ съѣздовъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, выработавъ предварительно положеніе объ этихъ съѣздахъ. Положеніе это, по мнѣнію г. Григорьева, должно быть выработано на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) съѣзды должны быть учрежденіемъ постояннымъ; 2) они собираются черезъ періоды, разъ навсегда установленные, безъ особаго на то каждый разъ разрѣшенія; 3) съѣзды имѣютъ свой исполнительный органъ въ лицѣ постояннаго комитета съѣздовъ; 4) комитетъ избирается самимъ съѣздомъ изъ числа его членовъ и дѣйствуетъ въ періоды между съѣздами; 5) главнѣйшія обязанности комитета заключаются въ томъ, чтобы заканчивать работы состоявшагося съѣзда, издавать его труды, ходатайствовать въ надлежащихъ учрежденіяхъ отъ имени съѣзда и принимать другія соотвѣтственныя мѣры къ осуществленію постановленій съѣзда, исполнять всѣ работы по организаціи слѣдующаго съѣзда, помогать устройству областныхъ съѣздовъ и содѣйствовать всѣми способами къ наилучшему выполненію задачъ съѣздовъ; 6) для выполненія возложенныхъ на комитетъ обязанностей предоставляется ему сноситься со всѣми учрежденіями и лицами, имѣть свои отдѣленія въ тѣхъ городахъ, гдѣ могутъ собираться съѣзды и приглашать къ работѣ лицъ, могущихъ оказать содѣйствіе комитету; 7) не менѣе, какъ за полгода до начала съѣзда, постоянный комитетъ избираетъ организаціонный комитетъ въ томъ городѣ, гдѣ долженъ собираться съѣздъ, и поручаетъ ему работы, необходимыя по устройству съѣзда; 8) средства съѣзда составляются: а) изъ членскихъ взносовъ, б) изъ ежегодныхъ взно-

совъ техническихъ, коммерческихъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеній по постановленію ихъ педагогическихъ совѣтовъ, в) изъ субсидій правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и г) изъ пожертвованій частныхъ лицъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что для членовъ съѣзда было организовано значительное число экскурсій и посѣщеній для осмотра различныхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, фабрикъ, заводовъ, музеевъ. Члены VIII секціи (художественно-промышленное образованіе и графическія искусства) 27 декабря осматривали центральное училище техническаго рисованія барона Штиглица и 28, послѣ утренняго засѣданія, осматривали художественныя мастерскія и классы Императорскаго общества поощренія художествъ. 30 декабря днемъ члены этой секціи ѣздили въ Петергофъ для осмотра Императорской гранильной фабрики. Члены I секціи (высшія техническія учебныя заведенія) 27 и 28 декабря осматривали первый отдѣлъ выставки высшихъ учебныхъ заведеній, устроенной въ зданіи технологическаго института, и 28 декабря днемъ была осмотрѣна одна изъ богатѣйшихъ по устройству и оборудованію въ Россіи механическая лабораторія при институтѣ инженеровъ путей сообщенія (проф. Н. А. Бѣлелюбскаго): 29 декабря члены этой секціи осматривали главную палату мѣръ и вѣсовъ. Члены VI секціи (женское профессіональное образованіе) 27 и 28 декабря осматривали выставку постановки преподаванія и экзамецаціонныхъ работъ женскаго коммерческаго училища и рукодѣльцой школы при домѣ Анатолія Демидова. Многіе изъ иногороднихъ членовъ съѣзда осматривали группами: Балтійской судостроительный и механическій заводъ, Путиловскій зоводъ, монетный дворъ и центральгую электрическую станцію на Обводномъ каналѣ. **В. Б—чъ.**

Θеодосійскіе курсы ручного труда.

(Впечатлѣнія курсиста).

Въ воскресенье 1 іюля при Θеодосійскомъ городскомъ училищѣ были открыты курсы ручного труда. Это XII-е по счету курсы происходятъ въ одномъ и томъ-же мѣстѣ. На этотъ разъ въ актовомъ залѣ городского училища насъ собралась немногочисленная семья—22 человѣка—всѣ служащіе въ различныхъ мѣстахъ Таврической губ. Были здѣсь городскіе учителя, были сельскіе, министерскіе и земскіе, были, наконецъ, учителя-татаре, служащіе въ татарскихъ министерскихъ училищахъ. Послѣ обычнаго молебствія и рѣчи директора народныхъ училищъ г. Дьяконова, иниціатора и устроителя этихъ курсовъ, мы разошлись въ ожиданіи занятій. Всѣ были настроены бодро и смѣло шли навстрѣчу далеко не легкой работѣ по ручному труду.

Пользуясь свободнымъ временемъ, мы небольшой группой отправились осматривать достопримѣчательности Θеодосіи. Многіе изъ учителей въ первый разъ попали въ этотъ городъ. Расположенный амфитеатромъ надъ большой бухтой, Θеодосія издали со стороны моря производила даже пріятное впечатлѣніе, но самъ по себѣ городъ намъ не понравился: отпечатокъ чего-то восточнаго, далекаго, чуждаго лежалъ на каждой улицѣ, въ каждомъ уголку. Кромѣ того, портъ удалилъ море отъ самого города, и потому въ немъ лѣтомъ—вѣчная духота. Мы успѣли осмотрѣть картинную галлерею Айвазовскаго и музей древностей, построенный еще въ 1811 г. Пораженные дивными картинами ма-

ститаго художника, мы вышли въ какомъ-то странномъ опьяненіи, словно насъ зачаровалъ невидимый, великій геній. Музей ничѣмъ особеннымъ не выдается. Я, какъ любитель-нумизматикъ, обратилъ вниманіе на многочисленныя монеты временъ Нерона, Филиппа, Александра Македонскаго и др.

2-го іюня мы приступили къ работѣ. Курсисты раздѣлились на двѣ группы. Одна, наиболѣе многочисленная, работала по дереву. Другая, прошедшая уже курсъ работъ по дереву, приступила къ работамъ по металлу. Занятія велись по программамъ, выработаннымъ С.-Петербургскимъ учительскимъ институтомъ, гдѣ во главѣ этого дѣла стоялъ извѣстный піонеръ ручного труда въ Россіи г. Цируль. Мы, соотвѣтственно характеру работъ, размѣстились въ двухъ комнатахъ. Руководилъ всѣми занятіями инспекторъ-учитель Н. И. Мырза. Ничего начальническаго не было въ этомъ человѣкѣ, и относился онъ все время къ намъ чисто по-товарищески, мягко, учтиво.

Тяжело было работать, когда температура, благодаря высокимъ, свѣтлымъ окнамъ, накалялась, когда приходилось еще въ нашей комнатѣ разводить огонь въ горнѣ для кузнечныхъ работъ. Мы должны были продѣлать рядъ №№ жестяницкихъ, кузнечныхъ и слесарныхъ. Устанешь, захочется отдохнуть, но посмотришь на сосѣда—потъ съ него градомъ льетъ, а онъ, воодушевляя себя пѣснью, бойко бьетъ молотомъ и физіономія при этомъ такая праздничная, что стыдно становится за себя и снова принимаешься за дѣло.

Занятія начинались у насъ въ 7 час. утра. Въ $9^1/_2$ час. была перемѣна въ 30 минутъ и затѣмъ работали до 12. Послѣ обѣда начинали занятія въ 5 ч. и продолжали до 7. Уставать мы стали всѣ порядочно и, чтобы внести нѣкоторое разнообразіе въ нашу поистинѣ геройскую работу, руководитель г. Мырза предложилъ намъ сдѣлать нѣсколько прогулокъ, на что мы отвѣтили полнымъ согласіемъ. Такъ, мы осмотрѣли двѣ метеорологическія станціи, электрическую станцію и двѣ табачныхъ фабрики. Самою интересною была прогулка на фабрики. Здѣсь мы наглядно увидѣли тѣ странныя условія, при которыхъ можетъ работать и жить человѣкъ и попасть въ которыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ онъ считаетъ для себя особеннымъ счастьемъ. Фабрика Стамболи мало сдѣлала улучшеній для своихъ рабочихъ, и мнѣ жутко дѣлалось, когда я смотрѣлъ на блѣдныя, изнуренныя лица серьезныхъ, вдумчивыхъ работниковъ. Фабрика т-ва „Самсонъ"—совершенно новая. Въ ней условія труда несравненно лучше—существуетъ электрическая вентиляція и проч. Несомнѣнно, эти небольшія прогулки принесли намъ пользу.

Большинство курсистовъ, пользуясь даровой квартирой, помѣстилось въ двухъ классныхъ комнатахъ городского училища. Здѣсь же они получали кипятокъ и кровати. Нѣкоторые, пріѣхавшіе съ семьями, жили на частныхъ квартирахъ. Между учителями царило полное согласіе. Некурящіе, пять человѣкъ, помѣстились въ отдѣльной комнатѣ.

Начальство позаботилось намъ дать и духовную пищу. Три раза въ недѣлю отъ 6 и часто до 8 часовъ вечера намъ читалъ лекціи мѣстный докторъ Ѳома Константиновичъ Алексѣевъ. Обыкновенно учителя, чинно усаживались на верстакахъ, стульяхъ, скамьяхъ въ обширной, свѣтлой мастерской, когда скорой походкой вбѣгалъ докторъ и начиналъ читать. г. Алексѣевъ-способный человѣкъ. Вышелъ онъ изъ бѣдной крестьянской семьи и своимъ настоящимъ положеніемъ обязанъ исключительно себѣ. Практика у него хорошая, и онъ уже успѣлъ нажить себѣ состояніе. Читалъ Алексѣевъ безплатно и читалъ... почти съ буквальною точностью рядъ статей Лункевича „Неразрѣшимыя проблемы біологіи", напечатанныя въ „Русскомъ Богатствѣ" за истек-

шій годъ. Бѣдный докторъ! Онъ и не предполагалъ, что народные учителя могутъ читать „Р. Б." и узнать источникъ, которымъ онъ такъ широко пользовался. Но спасибо и за это!

Вечерами послѣ прогулки въ городъ, учителя мирно располагались на своихъ кроватяхъ и вели разговоры. Послѣдніе носили обыкновенно бытовой характеръ, рисуя жизнь учителя при самой разнообразной обстановкѣ. Тутъ люди искренно изливали другъ предъ другомъ наболѣвшіе вопросы жизни, и интересно было слушать эту взаимную исповѣдь людей, большею частью настрадавшихся въ упорной борьбѣ съ обстоятельствами. Выплывали ужасные факты, рисующіе въ самомъ разнообразномъ освѣщеніи учительскую долю. Грустью вѣяло отъ этихъ разговоровъ. Учителя-юнцы настраивались особенно тревожно и слушали съ полнымъ вниманіемъ закаленныхъ въ бою служакъ. Иногда разговоры принимали другой характеръ. Это случалось или послѣ театра, который мы посѣщали, или же послѣ посѣщенія въ праздничный день библіотеки.

Татарскій учитель Джемилевъ особенно любилъ поговорить и часто ставилъ на разрѣшеніе самые серьезные и запутанные философскіе вопросы. Ничего не можетъ быть прекраснѣе картины, когда молодые, не изъѣденные ржавчиной жизни, юноши ведутъ споръ. Они воодушевляются, каждый стремится скорѣе вставить свое мнѣніе... Все живетъ, кипитъ, разгорается.

Незамѣтно приблизился и конецъ курсовъ. 12 іюля состоялось ихъ закрытіе. Конецъ, какъ и начало, завершился обычнымъ молебствіемъ. Сказалъ краткое слово священникъ, произнесъ рѣчь директоръ народныхъ училищъ.

На устроенную въ актовомъ залѣ училища выставку нашихъ издѣлій пришли посмотрѣть посторонніе посѣтители.

12-го же мы распрощались другъ съ другомъ и стали разъѣзжаться.

А. К.

Первый съѣздъ преподавателей русскаго языка въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ.

Сознаніе необходимости преобразовать весь строй нашей средней школы пробуждалось за послѣднія десятилѣтія не одинъ разъ; но долгое время это сознаніе являлось достояніемъ лишь отдѣльныхъ лицъ, которые тщетно поднимали свой голосъ въ защиту нашихъ дѣтей и юношества. Среди же большинства этотъ вопросъ не отличался особой ясностью и опредѣленностью: чувствовались недостатки средней школы, не могли не быть замѣчены плохіе результаты ея воспитательной и образовательной дѣятельности; но все это скорѣе чувствовалось, чѣмъ ясно сознавалось. Причины настроенія средней школы видѣли обыкновенно въ частныхъ недостаткахъ программъ и другихъ второстепенныхъ явленіяхъ, забывая главныя. Съ 1899 года начинается новая эпоха въ жизни русской средней школы. Уже не довольствуются частными исправленіями, циркулярными разъясненіями и предписаніями. И общество, и правительство начинаютъ ясно сознавать непригодность всего строя средней школы.

Предпринимается цѣлый рядъ работъ, имѣющихъ въ виду коренное преобразованіе: созываются коммиссіи, измѣняется программа гимназій:

упраздняется греческій языкъ, уменьшается курсъ латинскаго и т. д. Пусть эти работы не вполнѣ удовлетворили желанія общества и потребности времени, но онѣ начали собой эпоху оживленной дѣятельности въ сферѣ школьныхъ вопросовъ. Результаты этой дѣятельности сказались главнымъ образомъ въ измѣненіи общаго плана, общей программы. Но можно создать идеальный подборъ учебныхъ предметовъ, и распредѣленіе уроковъ, однако все это не принесетъ существенной пользы, если содержаніе каждаго учебнаго предмета, если методы его преподаванія не будутъ отвѣчать современнымъ требованіямъ науки и жизни.

Военное министерство сознало важность и жизненный, глубокій интересъ этой стороны школьнаго дѣла и немедленно же приступило къ выясненію этого наболѣвшаго вопроса. Августѣйшій Начальникъ военно-учебныхъ заведеній счелъ за благо созвать первый съѣздъ преподавателей русскаго языка въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ. Тотъ фактъ, что на первый съѣздъ были приглашены преподаватели именно русскаго языка, представляетъ весьма отрадное явленіе. Пора, наконецъ, признать, что преподаваніе родного языка должно быть краеугольнымъ камнемъ въ нашей школѣ.

Пора обратить вниманіе на жалобы учащихся, семей и общества на положеніе родного языка, серьезно отнестись къ тому факту, что вмѣсто расширенія кругозора, воспитанія, облагораживанія онъ превратился въ скучный, ненавистный дѣтямъ предметъ, имѣющій цѣлью правописаніе и заучиваніе ничего не дающихъ ни уму, ни сердцу грамматическихъ формулъ. Военное министерство первое во всеуслышаніе заявило объ этомъ, и ему принадлежитъ честь почина въ этомъ важномъ, имѣющемъ столь серьезное общественное значеніе, вопросѣ.

22-го декабря въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Константиновича, министровъ: военнаго и народнаго просвѣщенія, а также многихъ почетныхъ гостей торжественно открылся первый съѣздъ рѣчью Его Высочества, которою Онъ привѣтствовалъ членовъ съѣзда, призывалъ къ живой работѣ мысли, указывалъ на важное значеніе совмѣстной работы и выразилъ надежду на успѣхъ. Затѣмъ были произнесены рѣчи генераломъ Макаровымъ, генераломъ Острогорскимъ и г. Кульманомъ.

Вечеромъ того же дня былъ прочтенъ г. Щербой первый рефератъ на тему: „О служебномъ и самостоятельномъ значеніи грамматики, какъ учебнаго предмета“. Основныя положенія этого реферата—слѣдующія: 1) слѣдуетъ различать грамматику языка разговорнаго отъ грамматики языка литературнаго; 2) единственный методъ обученія правописанію — систематическое списываніе; орѳографическія же правила представляютъ лишь вспомогательное средство; 3) необходимо упростить правописаніе и не придавать ему особенно серьезнаго значенія; 4) самостоятельное значеніе можетъ имѣть лишь грамматика языка живого, разговорнаго; 5) существующіе школьные учебники никуда не годятся, такъ какъ смѣшиваютъ буквы съ звуками, письменный языкъ съ устнымъ, прошлое языка съ его настоящимъ; 6) преподаваніе грамматики въ низшихъ классахъ должно вестись безъ учебника и состоять въ наблюденіи и группировкѣ явленій живого языка самими учениками. Уже изъ этого краткаго изложенія видно, какъ рѣшительно г. Щерба порвалъ связи съ традиціоннымъ преподаваніемъ русскаго языка, какъ рѣшительно осудилъ содержаніе и методъ этого предмета въ средней школѣ. Такое рѣзкое осужденіе настоящаго и прошлаго не могло не вызвать самыхъ оживленныхъ, подчасъ рѣзкихъ возраженій. Въ связи съ рефератомъ

они охватили собой почти все, касающееся преподаванія грамматики русскаго языка, а кромѣ того обнаружили настроеніе членовъ съѣзда, ихъ желанія и симпатіи, ихъ пониманіе вопросовъ, связанныхъ съ русскимъ языкомъ, какъ наукой, такъ и учебнымъ предметомъ. Этотъ день, благодаря типичности реферата, обнаружилъ дѣленіе членовъ съѣзда на двѣ группы: одни требовали коренного измѣненія въ преподаваніи родного языка; другіе, воспитательные въ старыхъ традиціяхъ Буслаева и составителей русской грамматики по образцу латинской, протестовали противъ ломки стараго, рекомендуя ограничиться исправленіемъ частныхъ недочетовъ.

Всѣ рефераты и обсужденія вопросовъ можно раздѣлить на двѣ группы: одни касались постановки преподаванія грамматики, другіе же—чтенія и словесности. Обращаясь сперва къ вопросамъ о преподаваніи грамматики, сгруппируемъ, для удобства обозрѣнія, все, сюда относящееся, около перваго реферата, который такъ или иначе задѣвалъ многіе изъ нихъ. Первый вопросъ, о необходимости различать грамматику устнаго и письменнаго языковъ, вызвалъ не мало возраженій и породилъ рядъ недоразумѣній. Выяснилось весьма странное явленіе, что многіе изъ педагоговъ не различаютъ разговорнаго и литературнаго языка.

Нѣкоторые увлеклись до того, что доказывали, будто бы образованный человѣкъ, говоря о серьезныхъ вопросахъ, говоритъ на языкѣ литературномъ, на языкѣ Пушкина, Тургенева, безъ ихъ, конечно, художественныхъ достоинствъ. Г. Щерба рѣшительно поддерживалъ свое положеніе, доказывая, что каждый говоръ имѣетъ свою грамматику, грамматика же литературнаго языка есть въ значительной степени грамматика Московскаго говора, условно принятаго за правильный языкъ.

Исторію этого литературнаго языка въ краткой и конспективной формѣ представилъ съѣзду академикъ Соболевскій въ своей рѣчи. Положеніе г. Щербы нашло себѣ много горячихъ защитниковъ и, между прочимъ, въ лицѣ профессора Бодуэна де-Куртенэ. Но особенно цѣннымъ замѣчаніемъ по этому вопросу было мнѣніе академика Фортунатова, который въ своей рѣчи: „О преподаваніи грамматики русскаго языка въ средней школѣ“, указывалъ на нецѣлесообразное занятіе въ ней исключительно грамматикой книжнаго языка и странное игнорированіе грамматики и языка живого. Еще болѣе оживленныя пренія вызвало четвертое положеніе, которое является основнымъ вопросомъ по постановкѣ грамматики, касаясь, какъ цѣли, такъ и содержанія этого учебнаго предмета. Положеніе г. Щербы о преподаваніи грамматики, какъ самостоятельнаго предмета, вызвало какъ полное сочувствіе, такъ и рѣшительное осужденіе. Защитники положенія г. Щербы, понимая, впрочемъ, подъ грамматикой совершенно иное содержаніе, чѣмъ тотъ, доказывали, что занятіе грамматикой развиваетъ отвлеченное, дедуктивное мышленіе, пріучаетъ къ наблюденіямъ, стройной системѣ, знакомитъ учащихся съ духомъ русскаго языка, пробуждаетъ любовь къ нему и вводитъ въ духовный міръ русскаго народа. Нѣкоторыя изъ такихъ заявленій отличались большою неопредѣленностью, тогда какъ другія обнаруживали смѣшеніе понятій.

Говоря о языкѣ, какъ носителѣ духовнаго богатства народа, какъ выразителѣ его исторіи и внутренней жизни, они одновременно съ этимъ требовали, чтобы дѣти и юноши занимались главнымъ образомъ формальной грамматикой книжнаго языка.

Ставя вопросъ такимъ образомъ, навязывая формальной грамматикѣ несвойственныя ей цѣли и значеніе, нѣкоторые преподаватели, понятно, желали препо-

даванія грамматики, какъ самостоятельнаго предмета. Противники этого положенія высказались опредѣленнѣй и рѣшительнѣй. Особенно интереснымъ въ этомъ отношеніи является рефератъ г. Кульмана. Указавъ г. Щербѣ, что вопросъ о преподаваніи грамматики русскаго языка на физіологической основѣ не практиченъ, въ виду молодости этой науки, г. Кульманъ въ своемъ рефератѣ изложилъ тѣ цѣли, которыя навязывались учебной грамматикѣ, въ теченіе XIX-го столѣтія, въ зависимости отъ положенія ея, какъ науки. Сперва полагали, что грамматика можетъ научить правильно говорить, читать и писать; съ развитіемъ же языкознанія явилось стремленіе придать и учебной грамматикѣ научный характеръ, при чемъ ей ставились такія цѣли: ознакомиться съ основными законами языка, развить отвлеченное мышленіе, изощрить устную и письменную рѣчь. Далѣе г. Кульманъ указалъ на то, что ни одна изъ этихъ цѣлей не достигается въ настоящее время въ школѣ, что логико-грамматическая точка зрѣнія, внесенная Буслаевымъ, не имѣетъ достаточной научной почвы, что блестяще доказалъ профессоръ Потебня. *)

Въ зависимости отъ тѣхъ цѣлей, которыя каждый ставилъ учебной грамматикѣ, находились какъ содержаніе, такъ и объемъ ея.

Съ вопросомъ о преподаваніи грамматики русскаго языка связанъ и вопросъ о древне-церковно-славянскомъ языкѣ, выдвинутый г. Кульманомъ. Предложеніе его объ уничтоженіи курса древне-церковно-славянскаго языка въ кадетскихъ корпусахъ вызвало горячее сочувствіе большинства членовъ съѣзда. Что же касается существующихъ учебниковъ по грамматикѣ русскаго языка, то они единогласно были признаны неудовлетворяющими требованіямъ современной науки и научныхъ методовъ. Нѣкоторые члены съѣзда, однако, соглашаясь съ совершеннымъ изъятіемъ учебника въ первомъ классѣ, желали сохраненія его въ остальныхъ въ качествѣ конспекта и справочника по ороографіи, тогда какъ другіе требовали полной замѣны его задачниками и хрестоматіями. Относительно метода преподаванія грамматики родного языка всѣ высказались вполнѣ опредѣленно и единодушно: методъ долженъ быть индуктивный, основанный на разборѣ примѣровъ и наблюденіи фактовъ; ученики по возможности сами сопоставляютъ, сравниваютъ и обобщаютъ. Затѣмъ большинство членовъ съѣзда горячо поддерживало г. Кульмана, какъ въ вопросѣ объ индуктивномъ методѣ, изъятіи учебника и элементарно-практической постановкѣ грамматики въ младшихъ классахъ, такъ и въ вытекающихъ отсюда положеніяхъ, что заучиваніе опредѣленій нежелательно, и что систематическаго преподаванія съ теоретическими цѣлями въ младшихъ классахъ быть не можетъ.

Прекраснымъ дополненіемъ ко всѣмъ этимъ вопросамъ, касающимся цѣли, содержанія и метода учебной грамматики, явилась рѣчь академика Фортунатова, которая начиналась указаніемъ на то, что средняя школа даетъ меньше, чѣмъ могла бы дать, и что изученіе грамматики въ среднихъ школахъ даетъ нежелательные результаты: спутанность и смѣшеніе понятій.

Цѣль грамматики, по мнѣнію г. Фортунатова, не можетъ быть практическою, но при этомъ надо помнить различіе младшихъ и старшихъ классовъ,

---

*) Нѣкоторые рефераты и возраженія показали однако, что такіе взгляды на цѣли и результаты преподаванія грамматики не чужды многимъ и въ настоящее время; высказывались мнѣнія, что только грамматка и можетъ научить писать и говорить безукоризненно. Въ числѣ лицъ, приписывавшихъ грамматикѣ столь разнообразныя цѣли, былъ и г. Ооминъ, прочитавшій рефератъ „О преподаваніи грамматики въ кадетскихъ корпусахъ“.

которое обусловливаетъ и содержаніе и методъ. Въ младшихъ классахъ учебники нежелательны, систематическое преподаваніе немыслимо, сами ученики должны изъ фактовъ дѣлать выводы, обобщенія. Нельзя, однако, преподаваніе грамматики ограничить младшими классами: она должна имѣть мѣсто и въ старшихъ, гдѣ преподаваніе—теоретическое, гдѣ главное вниманіе обращается на значеніе грамматическихъ формъ, на синтаксисъ; затѣмъ уже идутъ общія свѣдѣнія изъ исторіи языка. При такой только постановкѣ дѣла преподаваніе грамматики можетъ осуществить цѣли: развить мышленіе черезъ наблюденіе надъ явленіями языка и породить сознательное отношеніе и любовь къ родному языку. Что касается существующихъ учебниковъ, то они совершенно неудовлетворительны, такъ какъ представляютъ рядъ грубыхъ ошибокъ: 1) смѣшеніе звуковъ съ буквами; 2) смѣшеніе фактовъ настоящаго съ фактами прошедшаго или никогда не существовавшаго и 3) смѣшеніе грамматическихъ классовъ словъ съ тѣмъ, что они означаютъ, смѣшеніе грамматики съ логикой.

Вопросъ объ орѳографіи вызвалъ самый оживленный обмѣнъ мнѣній, при чемъ всѣ единодушно высказались за крайнюю необходимость упростить наше правописаніе, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ оно не имѣетъ никакой научной основы. Многіе рѣшительно высказались и за изъятіе „Ѣ“, съ чемъ соглашался и академикъ Фортунатовъ. *)

Этому же вопросу былъ посвященъ весьма интересный докладъ г. Балталона, который, исходя изъ данныхъ психологіи, отрицалъ плодотворность диктанта и указывалъ на то, что въ Германіи и Франціи поднимался вопросъ о запрещеніи его закономъ. Велась борьба и у насъ такими педагогами, какъ Шереметьевскій, Вахтеровъ и Бунаковъ; въ томъ же направленіи работала коммиссія при Московскомъ педагогическомъ обществѣ и съѣздъ инспекторовъ народныхъ училищъ Московской губерніи, которые поднимали также вопросъ и объ упрощеніи орѳографіи.

Затѣмъ г. Балталонъ познакомилъ съѣздъ съ опытами нѣмецкаго педагога Лайя, которые привели автора къ выводу, что диктантъ—самый худшій способъ обученія правильному письму. Къ предлагаемому Лайемъ систематическому списыванію г. референтъ присоединилъ еще письменное изложеніе мыслей, при чемъ ученики спрашиваютъ учителя о всякомъ сомнительномъ случаѣ.

Предложеніе г. Кульмана о введеніи въ старшій классъ очерка исторіи русскаго языка вызвало рядъ возраженій, при чемъ одни ссылались на спеціальность такого курса, другіе на обремененіе средней школы предметами и т. п. Прекраснымъ отвѣтомъ на всѣ эти возраженія была рѣчь академика Шахматова: „Къ вопросу объ историческомъ преподаваніи русскаго языка въ средней школѣ“. Возставая противъ формальнаго преподаванія родного языка, противъ обилія матеріала, часто ненужнаго и скучнаго, г. Шахматовъ въ краткихъ и яркихъ чертахъ нарисовалъ цѣлую программу историческаго пре-

*) Г. Флеровъ въ своемъ докладѣ изложилъ систему обученія правильному письму. Исходя изъ того, что при процессѣ письма дѣйствуютъ четыре ассоціаціи: представленіе предмета, движеніе органовъ рѣчи, зрительные и слуховые образы, что и обусловливаетъ движеніе руки, г. референтъ рекомендовалъ весьма сложныя упражненія, основанныя на тщательномъ разборѣ словъ, сопоставленіи ихъ съ сходными и т. п. Эта система вызвала рѣзкое осужденіе, а г. Нечаевъ, между прочимъ, указалъ на существованіе въ ней внутреннихъ противорѣчій, на отсутствіе необходимости пользоваться всѣми ассоціаціями и, наконецъ, на то, что слуховыя ассоціаціи не помогаютъ, а мѣшаютъ правильному письму.

подаванія русскаго языка въ старшемъ классѣ. Такое преподованіе должно освѣтить весь ходъ умственнаго развитія русскаго народа, выполнить отечественную исторію, выяснить связь исторіи языка, съ политической и культурной исторіей народа. Надо знакомить не съ сухими формами и фактами, а съ жизнью языка и народа. Такое преподаваніе внушитъ уваженіе къ народу и странѣ, дастъ понятіе о народѣ, его исторіи и жизни *).

Затѣмъ г. Кульманомъ были предложены на обсужденіе членамъ съѣзда вопросы: 1) въ виду того, что цѣли, которыя ставились грамматикѣ, не достигаются, несмотря на блестяще выработанные методы, необходимо отказаться отъ этихъ цѣлей и ввести въ младшихъ классахъ элементарно-практическое преподаваніе; 2) въ старшемъ классѣ необходимо ввести очеркъ исторіи русскаго языка и 3) курсъ древне-церковно-славянскаго языка долженъ быть уничтоженъ. Для подготовленія формулировки отвѣтовъ составилась частная коммиссія, которая въ послѣдній день съѣзда и представила выработанныя ею положенія (см. ниже).

Вторая часть съѣзда была посвящена вопросу о веденіи чтеній и письменныхъ работъ, а также объ изученіи литературныхъ произведеніи. Докладъ г. Ельницкаго: „цѣль классняго, объяснительнаго чтенія словесныхъ произведеній и общія требованія относительно веденія его“, вызвалъ рѣзкое осужденіе. Въ рефератахъ г. Ходянова и г. Малышева выражена была другая точка зрѣнія на классное чтеніе. Удѣляя словотолкованію возможный минимумъ, они рекомендовали главное вниманіе обращать на истолкованіе основной мысли, общаго плана. Цѣль такого чтенія—не только содѣйствовать развитію ума, расширенію кругозора, усвоенію родного языка, но и воспитывать нравственныя начала. Объяснительное чтеніе, такъ понимаемое, должно быть краеугольнымъ камнемъ въ младшихъ классахъ и расширено на счетъ грамматики и орѳографіи. Г. Балталонъ, осуждая объяснительное чтеніе, которое за послѣднія двадцать лѣтъ выродилось въ уродливое словотолкованіе, настаивалъ на уничтоженіи и самаго термина „объяснительное“, съ которымъ связывается нежелательное содержаніе. Въ младшихъ классахъ должно быть воспитательное чтеніе, которое содѣйствуетъ интеллектуальному и нравственному развитію и удовлетворяетъ художественнымъ потребностямъ дѣтей. Матеріаломъ, пригоднымъ для этого, является богатая и очень цѣнная русская дѣтская литература; хрестоматіи же и отрывки должны служить цѣлямъ упражненій, но не воспитательнымъ. Вопросъ о преподаваніи теоріи словесности, встрѣтилъ полное отрицаніе; указывалось на то, что теоріи словесности, какъ науки, не существуетъ; не должна она существовать и какъ систематическій учебный предметъ. Относительно метода преподаванія русской словесности, точки зрѣнія, съ которой надо изучать литературныя произведенія, были высказаны различныя соображенія. Особенно настойчиво указывалось на то, что необходимо развивать у учащихся самостоятельную работу мысли, критическое отношеніе, чтобы выработать опредѣленный взглядъ на книгу и явленія жизни. Въ связи съ методомъ преподаванія словесности, былъ затронутъ и вопросъ о ея содержаніи, о томъ матеріалѣ, который наиболѣе пригоденъ для военныхъ училищъ. Г. Липовскій въ рефератѣ: „О необходимости введенія историческаго отдѣла въ курсъ исторіи литературы въ военныхъ училищахъ“ указывалъ на то,

*) Къ рефератамъ о преподаваніи грамматики относились еще доклады г. Книппера о взаимной помощи учителей русскаго и иностранныхъ языковъ и г. Синюхаева по вопросу о сложныхъ предложеніяхъ.

что много времени тратится на прохожденіе такихъ произведеній древней словесности, которыя почти не имѣютъ ни художественнаго ни историко-литературнаго интереса; для прохожденія же новѣйшей литературы и критики не остается времени. Положеніе о сокращеніи древней литературы въ пользу новой и о желаніи знакомства учащихся съ критикой встрѣтило у большинства полное сочувствіе и горячую поддержку. Были высказаны также пожеланія о введеніи изученія міровой литературы: Шекспира, Сервантеса, Шиллера, Гете и др. Затѣмъ г. Петровымъ былъ сдѣланъ докладъ: „О совмѣщеніи лекціоннаго способа преподаванія русскаго языка въ военныхъ училищахъ съ собесѣдованіями“. Вопросу о веденіи письменныхъ работъ, котораго коснулся въ своемъ рефератѣ и г. Липовскій, былъ посвященъ рефератъ г. Ельницкаго: „Обученіе письменному изложенію мыслей въ кадетскихъ корпусахъ“, основная идея котораго—предупрежденіе ошибокъ, предварительный разборъ и устный пересказъ.

Существующіе въ военныхъ училищахъ контрольные диктанты единогласно признаны нежелательными.

Г. Муратовскимъ былъ сдѣланъ докладъ о важномъ значеніи выразительнаго чтенія. Увлекшись своей идеей, авторъ приписывалъ этому искусству несвойственныя ему цѣли и качества, совѣтовалъ сдѣлать его обязательнымъ предметомъ и устроить для преподавателей лѣтніе курсы, гдѣ бы они ознакомились съ этимъ искусствомъ. Не раздѣляя увлеченія автора выразительнымъ чтеніемъ, члены съѣзда однако согласились съ очень важнымъ значеніемъ этого искусства въ школѣ.

Передъ обсужденіемъ послѣдняго вопроса, о внѣклассномъ чтеніи, предсѣдатель съѣзда, генералъ Макаровъ, предложилъ высказаться по слѣдующимъ четыремъ вопросамъ: 1) при организаціи внѣкласснаго чтенія, слѣдуетъ ли организовывать его для младшихъ и старшихъ классовъ одинаково, или же различно; 2) при стремленіи къ подъему литературной начитанности, слѣдуетъ ли имѣть въ виду всю массу учащихся, или же только ту ея часть, которая сама требуетъ отвѣтовъ на свои индивидуальные запросы; 3) при руководствованіи внѣкласснымъ чтеніемъ въ старшихъ классахъ, слѣдуетъ ли требовать отчета по составленной программѣ, или предоставить свободу высказать лишь свои мысли и впечатлѣнія; 4) принимая въ соображеніе жалобу учащихся на недостатокъ времени для чтенія, нельзя ли имѣть въ виду каникулярное время; указывая же передъ каникулами, что́ должно быть прочтено, не слѣдуетъ ли давать и соотвѣтствующія книги. Говорившіе по этимъ вопросамъ высказывали, что въ старшихъ классахъ необходима бо́льшая самодѣятельность, что внѣклассное чтеніе представляетъ весьма важный общеобразовательный элементъ, что слѣдуетъ, давая книги и опредѣляя для прочтенія необходимый матеріалъ, избѣгать принудительныхъ отчетовъ. Особенно рѣшительно высказался противъ формальнаго отношенія къ внѣклассному чтенію генералъ Острогорскій, который, указавъ на цѣли и важное значеніе внѣкласснаго чтенія, на извѣстный минимумъ чтенія для всѣхъ и полную свободу сверхъ этого, рекомендовалъ особенно тщательно избѣгать при отчетности регламентаціи и принужденія.

Вопросомъ о внѣклассномъ чтеніи закончились обсужденія рефератовъ. Въ послѣдній день съѣзда, 31 декабря, было доложено членамъ съѣзда постановленіе коммиссіи, составившейся изъ 40 человѣкъ, по поводу поставленныхъ вопросовъ. Изъ рефератовъ и ихъ обсужденій выяснилось существованіе двухъ направленій въ вопросѣ о грамматикѣ въ кадетскихъ корпусахъ. Представи-

тели одного направленія высказались за коренную реформу, другого—за частныя измѣненія. Формулировкѣ отвѣтовъ очень много помогли протоколы коммиссіи, обсуждавшей вопросы о постановкѣ преподаванія родного языка въ гимназіи Таганцевой. Многія положенія изъ этихъ протоколовъ, любезно доставленныхъ г. Кульманомъ, вошли цѣликомъ въ отвѣты коммиссіи. Единогласно были рѣшены слѣдующіе вопросы: 1) Единственно желательнымъ въ трехъ младшихъ классахъ средней школы является курсъ русской грамматики—элементарно-практическій. Цѣли такого курса—орѳографія, пунктуація и отчасти стиль; 2) при преподаваніи грамматики въ младшихъ классахъ необходима концентрація, при предоставленіи преподавателю извѣстной свободы; 3) изъ практическаго характера преподаванія грамматики вытекаетъ, что теоретическій учебникъ долженъ быть замѣненъ практическимъ задачникомъ съ справочникомъ по орѳографіи; 4) преподаваніе синтаксиса имѣетъ цѣлью ознакомить учащихся съ различными оборотами литературнаго языка и обогатить ихъ фразеологическимъ матеріаломъ. При обсужденіи вопросовъ о письменныхъ работахъ, коммиссія, принимая въ соображеніе, что письменныя работы, налагая страшный трудъ на учителей русскаго языка, лишаютъ ихъ возможности работать для себя и слѣдить за интересующимъ ихъ предметомъ и наукой, постановила предложить съѣзду, не признаетъ ли онъ возможнымъ возбудить ходатайство о вознагражденіи за исправленіе письменныхъ работъ. Затѣмъ коммиссія единогласно пришла къ рѣшенію о необходимости упростить правописаніе и предложила съѣзду ходатайствовать о запросѣ въ Академію наукъ о томъ, слѣдуетъ ли признавать руководство Грота обязательнымъ *).

Послѣ такой формулировки, сдѣланной коммиссіей и одобренной всѣми членами съѣзда, предсѣдатель, констатируя фактъ упадка грамотности въ военныхъ училищахъ, предложилъ высказаться по слѣдующимъ вопросамъ: 1) о цѣнности грамотности въ узкомъ смыслѣ; 2) о причинахъ малограмотности въ широкомъ смыслѣ и 3) о средствахъ для подъема грамотности въ военныхъ училищахъ. Отвѣтомъ на эти вопросы были рефератъ г. Балталона, о которомъ мы говорили выше, и рядъ мнѣній и возраженій, положенія которыхъ можно сгруппировать такъ: 1) съ педагогической точки зрѣнія цѣнно правописаніе въ широкомъ, а не въ узкомъ смыслѣ; 2) причины малограмотности: трудность существующей орѳографіи, цѣнность которой чрезмѣрно повышена Гротомъ, незнакомство преподавателей съ процессами письма, увлеченіе диктантомъ и трудность для учениковъ фиксировать одновременно вниманіе на содержаніе и изложеніе мыслей съ одной стороны и орѳографіи съ другой; 3) средствами могутъ служить: замѣна повѣрочнаго диктанта объяснительнымъ, систематическое списываніе, письменное изложеніе мыслей, писаніе наизусть и дѣленіе малоуспѣвающихъ на группы. Этимъ и были закончены работы съѣзда.

Въ два съ половиной часа прибылъ почетный предсѣдатель съѣзда Его Императорское Высочество, Великій князь Константинъ Константиновичъ. Генералъ Макаровъ въ произнесенной имъ рѣчи, отмѣтилъ двойной результатъ

*) По вопросамъ о внѣклассномъ чтеніи были высказаны слѣдующія соображенія коммиссіи: для младшихъ классовъ желательны постоянное руководительство учителя и устная провѣрка; здѣсь привлекается вся масса, тогда какъ въ старшихъ классахъ устанавливается извѣстный минимумъ, обязательный для всѣхъ, сверхъ котораго предоставляется полная свобода: отчетъ требуется лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это будетъ признано учителемъ русскаго языка необходимымъ. Для каникулярнаго чтенія желательно давать и соотвѣтствующія книги, о прочтеніи которыхъ требовать отчетъ.

съѣзда: одинъ подлежитъ еще учету дальнѣйшей работы, другой результатъ—нравственный: обмѣнъ мнѣній и подъемъ духа. Въ заключеніе генералъ Макаровъ отъ лица всѣхъ членовъ съѣзда выразилъ чувство глубокой благодарности Его Высочеству, какъ предсѣдателю съѣзда. Послѣ прочтенія г. Петровымъ стихотворенія г. Поспѣлова виновнику перваго съѣзда, гг. Долговъ и Карцевъ выразили отъ лица членовъ съѣзда и гостей другого вѣдомства Его Высочеству искреннюю благодарность за единеніе преподавателей русскаго языка и надежду, что за этимъ съѣздомъ послѣдуетъ рядъ другихъ, какъ въ военномъ, такъ и въ другихъ вѣдомствахъ.

Затѣмъ Его Высочествомъ была прочтена телеграмма на имя военнаго министра, гдѣ выражалась просьба повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства вѣрноподданической любви и безграничной преданности, а также благодарность военному министру „за матеріальное содѣйствіе и нравственное одобреніе“ участникамъ съѣзда. Съѣздъ былъ закрытъ словами Августѣйшаго почетнаго его предсѣдателя: „Господа! Выражая вамъ отъ всего сердца искреннюю благодарность за труды, положенные вами на пользу дорогихъ намъ военно-учебныхъ заведеній, и глубоко убѣжденный, что эти труды не пропадутъ даромъ, объявляю первый съѣздъ преподавателей русскаго языка въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ закрытымъ“.

Попробуемъ бросить теперь общій взглядъ на характеръ съѣзда, на тѣ результаты, которые онъ далъ и какіе можно ожидать въ будущемъ. Прежде всего не можетъ не обратить на себя вниманія рѣзкое столкновеніе двухъ направленій, что ярко выразилось уже съ самаго начала съѣзда: съ одной стороны—рѣшительный разрывъ съ старыми традиціями и новыя вѣянія научной мысли, съ другой—горячая защита стараго.

Рѣшительная, смѣлая постановка вопросовъ съ одной стороны вызвала сначала рѣшительный отпоръ съ другой. Къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить того обычнаго у насъ явленія, что нерѣдко спорили и доказывали одно и то же на разныхъ лишь языкахъ, а это долго мѣшало притти къ соглашенію. Главная ошибка сторонниковъ теперешней постановки русскаго языка заключалась въ томъ, что они смѣшали духъ языка, его внутреннее богатство съ формальной, внѣшней его стороной; ставъ на такую точку зрѣнія, они долго, конечно, не могли примириться съ упраздненіемъ формальной, теоретической граматики. Кромѣ того, очень немногіе сумѣли стать на болѣе объективную точку зрѣнія, отрѣшиться отъ воспоминаній своего школьнаго обученія, личныхъ симпатій и помнить только объ учащихся, ихъ способностяхъ и потребностяхъ.

Что касается результатовъ съѣзда, то прежде необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что горячность, вызванная неожиданнымъ столкновеніемъ двухъ направленій, значительно улеглась къ концу съѣзда. Было сдѣлано въ концѣ концовъ единодушно важное заключеніе: теперешнее преподаваніе русскаго языка въ средней школѣ не выдерживаетъ критики. Изъ этого рѣшенія вытекаетъ естественное слѣдствіе—необходимость серьезныхъ реформъ. Правда, часть членовъ съѣзда высказалась за частыя реформы; но если мы присмотримся внимательнѣй, то увидимъ, что здѣсь разногласіе лишь кажущееся: тѣ реформы, которыя признаны, какъ необходимыя, всѣми единогласно, въ сущности представляютъ коренныя измѣненія въ постановкѣ родного языка. Оживленный обмѣнъ мнѣній вполнѣ опредѣленно выяснилъ ошибки прошлаго, недостатки настоящаго и намѣтилъ желательныя измѣненія, и этотъ толчекъ явится побужденіемъ къ дальнѣйшей дѣятельности въ этомъ направленіи. Нельзя не

признать извѣстнаго значенія за подъемомъ духа, который испытали всѣ присутствовавшіе на съѣздѣ, но эти результаты, по выраженію предсѣдателя съѣзда не поддаются учету. Что сдѣлаетъ Главное Управленіе военно-учебными заведеніями, какъ оно осуществитъ желанія и рѣшенія съѣзда, это выяснится лишь въ будущемъ.

Съѣздъ далъ богатый матеріалъ, затронулъ почти всѣ вопросы, связанные съ постановкой родного языка въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ, а тѣмъ самымъ и въ средней школѣ; ясно была сознана необходимость не заплатъ на старомъ, а коренныхъ преобразованій; указаны были тормозящія дѣло преподаванія обстоятельства: формальное отношеніе, трудность правописанія и безтолковость въ его обученіи, увлеченіе диктантами, преувеличеніе цѣнности орѳографіи, неудовлетворительность учебниковъ, какъ по содержанію, такъ и въ методическомъ отношеніи и т. д.; обратили серьезное вниманіе на интересы и запросы учащихся, на необходимость считаться съ ихъ силами. Поставленъ вопросъ о развитіи самодѣятельности, критической мысли, о поднятіи любви къ чтенію, о литературномъ развитіи, о расширеніи объема новой и новѣйшей литературы. *Это* должно служить основой воспитательнаго значенія школы, а не система наказаній и полицейскій надзоръ. Былъ поднятъ вопросъ объ оживленіи преподаванія родного языка, были опредѣлены его цѣли въ средней школѣ, намѣчены содержаніе и методы его преподаванія. Остается только пожелать, чтобы военное министерство не откладывало въ долгій ящикъ рѣшеніе этого жизненнаго, наболѣвшаго вопроса, чтобы оно, воспользовавшись матеріаломъ, даннымъ съѣздомъ, полнѣе реализировало пожеланія, высказанныя представителями всѣхъ военныхъ учебныхъ заведеній, и, въ значительной степени, всего общества, удовлетворило назрѣвшимъ потребностямъ современной дѣйствительности. Будемъ надѣяться, что легче вздохнутъ дѣти и общество, причастныя къ военно-учебнымъ заведеніямъ, что осуществятся слова Августѣйшаго предсѣдателя съѣзда, въ которыхъ было выражено глубокое убѣжденіе въ томъ, что труды съѣзда не пропадутъ даромъ. Будемъ надѣяться, что струя свѣжаго воздуха и свѣта ворвется и въ школы другихъ вѣдомствъ и особенно въ народныя школы, гдѣ несчастныя дѣти въ продолженіе всѣхъ двухъ, трехъ лѣтъ своего обученія изнываютъ отъ безсмысленнаго заучиванія грамматическихъ и другихъ формулъ, чтенія мало понятнаго имъ часослова, изученія всякихъ орѳографическихъ тонкостей, въ то время какъ живое слово родного языка, чтеніе произведеній, уносящихъ дѣтей въ лучшій идеальный міръ, позорно изгнаны изъ школы...

М. И. К—въ.

Съѣздъ преподавателей естественныхъ наукъ.

Съ цѣлью выясненія положенія естественныхъ наукъ въ средней и низшей школѣ и для обсужденія цѣлей и методовъ ихъ преподаванія и вопросовъ педагогики вообще, въ г. Кіевѣ мѣстнымъ обществомъ преподавателей естественныхъ наукъ созывается, съ 31 марта по 3 апрѣля 1904 г. включительно, *третій кіевскій съѣздъ преподавателей естественныхъ наукъ.* Членами съѣзда могутъ быть, по уплатѣ членскаго взноса въ размѣрѣ 3 р., преподаватели естествовѣдѣнія, географіи, физики (съ космографіей) и химіи (съ технологіей) въ средней и низшей школѣ. Занятія съѣзда будутъ происходить въ общихъ и секціонныхъ собраніяхъ и состоять въ чтеніи и обсужде-

ніи рефератовъ и докладовъ, въ экскурсіяхъ, осмотрахъ и т. п. На съѣздѣ устраивается четыре секціи: а) секція географіи, б) секція естествовѣдѣнія, в) секція физики (съ космографіей) и г) секція химіи (съ технологіей). Обсужденію съѣзда подлежатъ слѣдующіе вопросы: а) значеніе естественныхъ наукъ въ общемъ образованіи, б) цѣли и методы преподаванія естественныхъ наукъ, в) способы подготовки и совершенствованія преподавателей естественныхъ наукъ, г) учебныя пособія по всѣмъ отдѣламъ естественныхъ наукъ, д) программы и планы преподаванія естественныхъ наукъ и е) обще-педагогическіе вопросы. („Торг. Пр. Г.“).

На Пироговскомъ съѣздѣ врачей.

На состоявшемся въ январѣ съѣздѣ въ соединенномъ засѣданіи отдѣловъ гигіены, общественной медицины и дѣтскихъ болѣзней заслушанъ былъ докладъ Ф. Л. Касторскаго „Къ вопросу о гигіенѣ преподаванія въ земской начальной школѣ“. Коснувшись физіологическихъ нормъ и психо-физіологическихъ особенностей школьнаго возраста въ соотвѣтствіи съ учебными занятіями и школьнымъ режимомъ вообще, докладчикъ указываетъ существующія уклоненія отъ гигіеническихъ нормъ и ихъ главнѣйшія причины и намѣчаетъ рядъ мѣръ для ихъ устраненія. Продолжительныя пренія, вызванныя докладомъ, сводятся въ общемъ къ слѣдующему: необходимо ввести въ учительскихъ семинаріяхъ и женскихъ гимназіяхъ преподаваніе психологіи и физіологіи; правила, нормирующія устройство учительскихъ лѣтнихъ курсовъ, устарѣли, а потому подлежатъ коренному измѣненію; существующій каталогъ школьныхъ библіотекъ долженъ быть упраздненъ, и къ обращенію среди народа должна быть допущена вся русская литература, пропущенная общей цензурой; школьнымъ врачамъ необходимо предоставить право участвовать въ работахъ училищныхъ совѣтовъ.

Проф. И. П. Скворцовъ въ своемъ докладѣ „Школьная гигіена и наши школы“ настаиваетъ, между прочимъ, на необходимости организовать врачебно-гигіеническій надзоръ, который касался бы, какъ всѣхъ сторонъ школьнаго быта, такъ и личныхъ особенностей каждаго учащагося, причемъ желательно, чтобы на будущихъ всероссійскихъ съѣздахъ врачей былъ образованъ спеціальный отдѣлъ по школьной медицинѣ и гигіенѣ.

По вопросу о спеціальной подготовкѣ для дѣятельности школьнаго врача А. П. Нечаевъ предложилъ слѣдующее: дѣятельность школьнаго врача должна касаться самыхъ разнообразныхъ сторонъ учебно-воспитательнаго дѣла въ томъ заведеніи, при которомъ онъ состоитъ. Школьный врачъ долженъ не только лѣчить больныхъ, но и заботиться о правильномъ развитіи организма здоровыхъ учащихся; являясь экспертомъ по вопросамъ гигіены, врачъ долженъ имѣть возможность близко изучить весь строй учебнаго заведенія, въ которомъ онъ служитъ; чтобы имѣть достаточный авторитетъ въ глазахъ педагогическихъ совѣтовъ, школьный врачъ самъ долженъ обладать извѣстной научной педагогической подготовкой; ближайшимъ средствомъ для практическаго осуществленія мысли о необходимости спеціальнаго образованія для школьнаго врача слѣдуетъ признать учрежденіе при медицинскихъ факультетахъ каѳедры энциклопедіи педагогики, въ составъ которой входили бы исторія педагогики, педагогическая психологія и школовѣдѣніе. Всѣ эти положенія докладчика были единогласно приняты. („Бирж. Вѣд.“).

На профессіонально-школьной выставкѣ.

При бывшемъ въ Петербургѣ III съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію была устроена выставка, отчасти демонстрировавшая сдѣланные Россіей въ данной области успѣхи. Всѣхъ отдѣловъ было 12 по числу секцій съѣзда. Главная часть выставки размѣстилась въ Соляномъ Городкѣ, а предметы, относящіеся по секціи высшихъ учебныхъ заведеній, размѣстились въ Технологическомъ Институтѣ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ приняли участіе почти всѣ высшія профессіональныя учебныя заведенія, какъ гражданскія, такъ и военныя. Въ Соляномъ Городкѣ при входѣ на выставку размѣщенъ III отдѣлъ ремесленныхъ учебныхъ заведеній, ремесленныхъ классовъ и отдѣленій при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ и учебныхъ мастерскихъ. Здѣсь сосредоточены были разнообразныя и многочисленныя учрежденія по подготовкѣ свѣдущихъ ремесленниковъ, начиная со сложной школьной организаціи и кончая практическими школами и учебными мастерскими. Всѣ экспонаты этого отдѣла въ виду различія организаціи, средствъ, учебныхъ плановъ и способовъ преподаванія раздѣлены на три главные подотдѣла: ремесленныя учебныя заведенія, ремесленные классы и отдѣленія при общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ и учебныя мастерскія. Кромѣ того въ этомъ отдѣлѣ были сосредоточены экспонаты дѣтскихъ нріютовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Изъ выдающихся экспонатовъ этого отдѣла необходимо отмѣтить экспонаты реальнаго и механико-техническаго отдѣленія пріюта Принца Ольденбургскаго, состоящіе изъ работъ электро-техническихъ, слесарныхъ, переплетныхъ, часовыхъ, музыкально-инструментальныхъ и другихъ. По изяществу и чистотѣ работы, а также по разнообразію эти экспонаты главенствуютъ въ отдѣлѣ. Во II отдѣлѣ размѣщены были работы учениковъ среднихъ и низшихъ техническихъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлью сообщать учащимся въ нихъ знанія и умѣнья, необходимыя техникамъ, какъ ближайшимъ помощникамъ инженеровъ и другихъ важныхъ руководителей промышленности. Здѣсь выдѣляются работы изъ дерева и металловъ учениковъ нѣжинскаго низшаго техническаго училища имени А. Ѳ. Кушакевича, издѣлія омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища и коллекція ручного труда воспитанниковъ громовскаго пріюта св. Сергія. IV отдѣлъ—отдѣлъ коммерческихъ училищъ—состоитъ изъ работъ учениковъ по рисованію, черченію и счетоводству. Изъ экспонатовъ надо отмѣтить вращательную витрину съ графическими работами учениковъ состоящаго подъ Августѣйшимъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михаиловича покровительствомъ коммерческаго училища В. Ф. Штюрмера. V отдѣлъ—мореходныя учебныя заведенія и разныя училища. Здѣсь самымъ крупнымъ экспонентомъ явилось с.-петербургское училище дальняго плаванія, выставившее учебную модель фокъ-мачты. Затѣмъ модель двухмачтовой шкуны, работы ученика, и двѣ витрины съ образцами стального и пеньковаго троса. Отдѣлъ VI, женскихъ профессіональныхъ учебныхъ заведеній и курсовъ, представлялъ собою самый обширный отдѣлъ выставки. Онъ даетъ наглядную картину развитія преподаванія рукодѣлій въ различныхъ женскихъ профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Имперіи. Самымъ крупнымъ и интереснымъ экспонентомъ здѣсь является Ксенінскій институтъ. Работы его питомицъ служатъ яркимъ свидѣтельствомъ постановки преподаванія рукодѣлія на должную высоту. Здѣсь все говоритъ за себя: и рисунки, выдающіеся по художественному исполненію, и женскія работы—словомъ, полная гармонія, какъ

въ предначертаніяхъ, послужившихъ основаніемъ для новаго и своеобразнаго учрежденія, такъ и въ выполненіи этихъ предначертаній. Пріюты и другія учрежденія вѣдомства Императрицы Маріи явились какъ бы представителями особаго типа общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ практическимъ характеромъ преподаванія. Отдѣлъ VII даетъ полную картину послѣдовательнаго хода практическаго обученія малолѣтнихъ и подростковъ обоего пола различнымъ ремесламъ въ частныхъ мастерскихъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ поставить состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Θеодоровны попечительство Императорскаго человѣколюбиваго общества для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство. Въ VIII отдѣлѣ выставки расположены экспонаты художественно-промышленныхъ училищъ, школъ и классовъ, общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній, приготовляющихъ учащихся къ профессіональной дѣятельности, труды и пособія по преподаванію графическихъ занятій частныхъ экспонентовъ, пособія, сочиненія и изданія по преподаванію рисованія, черченія и чистописанія. Выставленные экспонаты даютъ полную картину современнаго положенія художественно-промышленнаго образованія и преподаванія графическихъ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ Россіи и въ параллель имъ за границей, современную литературу по этимъ вопросамъ и тѣ результаты, которые получаются отъ примѣненія, между прочимъ, новыхъ идей, получающихъ широкое распространеніе въ педагогическихъ сферахъ за границей. IX отдѣлъ—ручной трудъ. Въ этомъ отдѣлѣ сосредоточены по большей части математическія коллекціи ученическихъ работъ съ параллельными и дополнительными къ курсу издѣліями. Экспонаты этого отдѣла показываютъ, что ручной трудъ можетъ служить не только воспитательнымъ и общеобразовательнымъ задачамъ нашей общеобразовательной школы, но и цѣлямъ начальнаго ремесленнаго и профессіональнаго образованія. На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ поставить коллекціи работъ учениковъ с.-петербургскаго учительскаго института и состоящаго при немъ 3-хъклассснаго городского училища. Второе мѣсто занимаетъ спб. фребелевское общество для содѣйствія первоначальному воспитанію. Отдѣлъ X занимаютъ школы, курсы и классы, публичныя и народныя чтенія, бесѣды и т. п. для рабочихъ, работницъ и дѣтей рабочихъ. Здѣсь находится громадная карта Россіи съ указаніемъ школъ для рабочихъ и ихъ дѣтей. По бокамъ ея—таблицы, показывающія современное состояніе общеобразовательныхъ учрежденій для рабочихъ и ихъ дѣтей. Здѣсь сосредоточены: школа пивоваренія имени С. Ю. Витте, школы Императорскаго русскаго техническаго общества и школа путиловскаго завода, очень интересная экспонатами, и др. Отдѣлъ XI демонстрируетъ школьную гигіену и физическое воспитаніе въ техническихъ и профессіональныхъ учебныхъ заведеніяхъ. XII отдѣлъ предоставленъ былъ земству и городамъ. Главное мѣсто здѣсь занимали Москва и вятское губернское земство. Москва представлена пятью училищами. Отдѣлъ этотъ полонъ діаграммъ и картограммъ, характеризующихъ состояніе элементарнаго народнаго образованія, положеніе земской школы въ Россіи и просвѣтительную дѣятельность губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. („Торг. Пр. Газ.“).

Школьные зубные врачи.

На заключеніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія поступило ходатайство комитета III всероссійскаго одонтологическаго съѣзда объ

учрежденіи штатныхъ должностей зубныхъ врачей при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, а также о введеніи преподаванія гигіены въ видѣ обязательнаго предмета. Ходатайство это подкрѣплено слѣдующими соображеніями: 1) Костоѣда зубовъ принадлежитъ къ наиболѣе распространеннымъ болѣзнямъ, особенно среди дѣтей школьнаго возраста, поражаемыхъ въ количествѣ 80—95 проц. 2) Болѣзни зубовъ, нарушая жевательную способность зубного аппарата и тѣмъ исключая въ большей или меньшей степени ея функціи изъ пищеварительнаго акта, ведутъ къ чрезмѣрному раздраженію стѣнокъ желудка и кишокъ неизмельченными и недостаточно прослюненными частицами твердой пищи; продолжительное дѣйствіе сказанныхъ факторовъ, при содѣйствіи бродильныхъ процессовъ, вызываемыхъ введенными въ желудокъ микроорганизмами изъ больной полости рта, ведетъ къ заболѣванію желудка и кишекъ, нарушая общее питаніе. 3) Порча зубовъ и негигіеническое содержаніе полости рта, превращая послѣднюю въ среду, благопріятную для развитія всевозможныхъ низшихъ микроорганизмовъ, дѣлаютъ ее также почвой, удобной для поселенія и размноженія патогенныхъ бактерій и тѣмъ даютъ мѣсто образованію заразнаго очага, изъ котораго инфекція легко можетъ быть перенесена въ ближайшія или болѣе отдаленныя части организма и, при соотвѣтствующихъ условіяхъ, угрожать и самой жизни. 4) Плохое состояніе зубовъ у дѣтей, которое встрѣчается въ настоящее время слишкомъ часто вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, несомнѣнно, вредно вліяетъ на питаніе, ростъ, нервную систему, а, слѣдовательно, при своемъ огромномъ распространеніи, должно играть роль фактора, способствующаго ослабленію подростающаго поколѣнія. („Нов.“).

Народные учителя въ Курской губ.

Въ губернскомъ земствѣ уже не разъ за послѣдніе годы возбуждался вопросъ о необходимости улучшить матеріальное положеніе учащихъ земскихъ школъ Курской губерніи. Съ одной стороны, это привлекло бы къ народной школѣ хорошо подготовленныхъ работниковъ и съ другой—они были бы поставлены въ условія, при которыхъ для нихъ открылась бы возможность отдавать свою исключительную заботливость школьному дѣлу. Вмѣстѣ съ ростомъ запросовъ, предъявляемыхъ народомъ къ начальной школѣ, этотъ вопросъ съ каждымъ годомъ все больше и больше занимаетъ общественныя учрежденія, работающія въ области народнаго образованія. Въ настоящее время годовое вознагражденіе учителей земской школы Курской губерніи, въ среднемъ, составляетъ 260 р., включая сюда и прогрессивныя прибавки по пятилѣтіямъ. На это жалованье народный учитель долженъ содержать не только себя, но и семью, если онъ женатъ и имѣетъ дѣтей. Такой низкій заработокъ ведетъ въ послѣднее время къ постоянному пониженію образовательнаго уровня учащихъ земскихъ школъ губерніи. „Школа, очевидно,—замѣчаетъ губернская управа въ своемъ докладѣ земскому собранію,—начинаетъ служить мѣстомъ временныхъ занятій, впредь до пріисканія удовлетворяющаго потребностямъ заработка, а *это чрезвычайно опасно*“. Учителями и учительницами временно дѣлаются лица, которымъ интересы школы совершенно чужды, которыя смотрятъ вонъ изъ нея съ перваго же дня поступленія. Съ цѣлью обезпечить начальной школѣ постояннаго и хорошо подготовленнаго работника, губернская

управа предложила земскому собранію повысить основное жалованье всѣмъ учащимъ съ цензомъ до 300 руб. въ годъ. Всѣхъ учителей и учительницъ съ цензомъ въ Курской губерніи имѣется 605, слѣдовательно, на осуществленіе проектируемой мѣры земству придется израсходовать въ 1904 г. 36.300 р. Собраніе согласилось съ докладомъ управы и постановило ассигновать на 1904 г. указанную сумму („Рус. Вѣст.“).

Грамотность въ Корочанскомъ уѣздѣ (Курской губ.).

Земскому собранію были представлены отъ воинскаго присутствія интересныя цифровыя данныя о количествѣ грамотныхъ среди подлежащихъ отбыванію воинской повинности. Хотя изъ общаго числа призываемыхъ 1.580 человѣкъ оказалось 600 грамотныхъ, но есть волости, въ которыхъ на 125 призываемыхъ оказалось грамотныхъ всего 9 человѣкъ. Корочанское земство чуть-ли не половину своего бюджета расходуетъ на начальное образованіе и, тѣмъ не менѣе, болѣе 8.000 дѣтей школьнаго возраста остаются за дверями школъ. Въ особенности много остается неграмотныхъ дѣвочекъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ рисуетъ докладъ земскаго врачебнаго совѣта настоящее положеніе нашей деревни: „Непроходное крестьянское невѣжество, почти поголовная безграмотность, отсутствіе примитивныхъ привычекъ соблюденія чистоты въ повседневной жизни, скученность и тѣснота помѣщеній—часто непреодолимой стѣной стоятъ противъ всѣхъ попытокъ борьбы съ заразными болѣзнями. Въ тѣхъ же обычныхъ случаяхъ, когда присоединяется и бѣднота населенія,—борьба съ заразными болѣзнями въ результатѣ часто сводится къ нулю“. („Р. Вѣд.“).

Училища на екатерининской жел. дорогѣ.

Директоръ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи сообщаетъ управленію екатерининской желѣзной дороги, что при обозрѣніи учебнымъ начальствомъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, устроенныхъ на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, обращено было, между прочимъ, вниманіе на слабую дисциплину въ этихъ училищахъ, по сравненію съ училищами другихъ категорій. Одною изъ наиболѣе важныхъ причинъ этого является переполненіе училищъ учащимся (есть классы, въ которыхъ на одного учителя приходится 80 человѣкъ). Кромѣ того, на постановку дисциплины въ желѣзнодорожныхъ училищахъ оказываютъ значительное вліяніе мѣстныя условія, какъ-то: домашній бытъ, среда и проч., для борьбы съ которыми по мнѣнію директора народныхъ училищъ, весьма недостаточно количество часовъ обязательнаго пребыванія учащихся въ школѣ во время утреннихъ урочныхъ занятій. Поэтому въ интересахъ воспитательнаго воздѣйствія на учащихся со стороны преподавателей, весьма желательна организація въ училищахъ чтеній для учащихся со свѣтовыми картинами, устройства дѣтскихъ спектаклей и другихъ развлеченій, а главнымъ образомъ ознакомленіе учащихся съ хорошей книгой и пріученіе ихъ къ чтенію такихъ книгъ. Но чтобы послѣдняя мѣра могла принять конкретную форму, необходимо имѣть при каждомъ училищѣ болѣе или менѣе полную ученическую библіотеку; какъ констатируетъ директоръ, библіотеки имѣются при очень немногихъ желѣзнодорожныхъ училищахъ. Въ виду этихъ соображеній и руководствуясь предложеніемъ попечителя учебнаго округа по данному вопросу,

директоръ народныхъ училищъ проситъ управленіе екатерининской дороги не отказать въ ассигнованіи необходимыхъ денежныхъ средствъ, какъ на организацію при каждомъ училищѣ въ районѣ дороги дѣтскихъ чтеній со свѣтовыми картинами, дѣтскихъ спектаклей и проч. развлеченій, такъ, въ особенности, и на устройство при каждомъ училищѣ библіотеки съ достаточнымъ запасомъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Кромѣ того, директоръ ходатайствуетъ о принятіи мѣръ, чтобы число учащихся у одного преподавателя достигало 40—50 человѣкъ и никоимъ образомъ не превышало установленной для этого нормы, т. е. 60 человѣкъ. („Югъ").

Ревизія желѣзнодорожныхъ училищъ западно-сибирскаго учебнаго округа.

Попечитель учебнаго округа, осмотрѣвъ въ минувшемъ декабрѣ и текущемъ январѣ всѣ желѣзнодорожныя училища Сибирской желѣзной дороги, состоящія въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и находящіяся въ районѣ Западно-Сибирскаго учебнаго округа, нашелъ ихъ отличающимися должнымъ благоустройствомъ, какъ относительно занимаемыхъ ими помѣщеній, такъ и въ учебно-воспитательномъ и административно-хозяйственномъ отношеніяхъ: къ числу наилучшихъ должны быть отнесены министерскія двухклассныя училища на станціи „Курганъ" и на станціи „Тайга". Нѣкоторые недостатки въ другихъ училищахъ зависятъ преимущественно отъ причинъ временныхъ и случайныхъ, а потому легко устранимы, и лишь техническіе классы въ Омскѣ нуждаются въ коренномъ преобразованіи. Замѣченные недостатки и мѣры, которыя слѣдовало-бы предпринять для нихъ устраненія, занесены г. попечителемъ въ имѣющуюся при каждой желѣзно-дорожной школѣ книгу для записи лицъ, ревизующихъ училище, гдѣ и изложены результаты ревизіи по каждой школѣ въ отдѣльности.

Поставляя объ этомъ въ извѣстность школьно-библіотечному комитету при управленіи Сибирской желѣзной дороги, попечитель округа высказываетъ надежду, что замѣченные имъ въ училищахъ недостатки будутъ устранены, а также приведены будутъ въ исполненіе пожеланія, изложенныя въ ревизіонныхъ книгахъ. („Сибирская Жизнь").

Нововведеніе въ С.-Петербургскомъ Историко-филологическомъ институтѣ.

Начало 1904-го года ознаменовалось для С.-Петербургскаго историко-филологическаго института введеніемъ въ кругъ институтскихъ наукъ педагогики.

Тридцать пять лѣтъ Институтъ выпускалъ въ школу педагоговъ, которые и въ глаза не видѣли педагогики. Послѣднія реформы средней школы обнаружили много недостатковъ въ дѣятельности педагоговъ. Можно съ увѣренностью сказать, что на созданіе этихъ недостатковъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ педагоговъ, которые вышли изъ института, не малое вліяніе имѣло полное отсутствіе въ институтѣ такихъ наукъ, какъ психологія и педагогика.

Нужно признаться, что Институтъ выпускалъ не педагоговъ, а, „историковъ", „словесниковъ" и „классиковъ". Очень можетъ быть, что лица,

окончившія Институтъ, имѣли много научныхъ свѣдѣній по предметамъ своихъ отдѣленій. Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи относительно преподаванія въ обществѣ укоренился такой взглядъ: всякому, знающему что-либо, не стоитъ никакого труда сообщить свои знанія другимъ и даже повліять на умственный и нравственный складъ другихъ, т. е. всякому, знающему что-либо, не стоитъ никакого труда быть учителемъ и даже воспитателемъ. Часто такъ думалъ и тотъ, кто, окончивши курсъ въ Институтѣ, мѣнялъ скамью аудиторіи на каѳедру класса. Смѣло всходилъ онъ на эту каѳедру и тутъ только убѣждался, что, даже зная предметъ, можно не умѣть сообщить свои познанія другимъ. Предъ нимъ были дѣти и юноши отъ 9-ти, 10-ти лѣтъ и до 18—20 лѣтъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою личность, свои способности, свои достоинства и недостатки. Надо было умѣть понять эту шумливую, часто шаловливую толпу. Слабые педагоги сразу терялись, не умѣя найти мѣрки для своихъ отношеній къ ученикамъ, а для болѣе энергичныхъ и живыхъ педагоговъ начиналось трудное время изученія психологіи и педагогики на практикѣ безъ изученія ихъ въ теоріи. При этомъ изученіи страдалъ не только учитель: не меньше его страдали и ученики...

Итакъ, Институтъ дождался педагогики. Конечно, нельзя ожидать, что теперь дѣло пойдетъ хорошо потому только, что Институтъ будетъ выпускать людей, слушавшихъ педагогику. Прежде всего надо отмѣтить, что вѣдь психологіи и до сихъ поръ нѣтъ среди наукъ института, да и педагогика получила на свою долю только четыре часа въ недѣлю (по два часа на II-мъ и III-мъ курсахъ) въ то время, какъ на одномъ второмъ курсѣ изъ 30-ти часовъ въ недѣлю 15 посвящено древнимъ языкамъ. Зато можно смѣло сказать, что молодому учителю теперь все-таки легче будетъ найти свою дорогу. Кромѣ того, нововведеніе 1904-го года вселяетъ надежду на то, что реформы, въ которыхъ очень и очень нуждается Институтъ, коснутся, наконецъ, и его... **И**.

Столѣтіе Минской гимназіи.

Минская гимназія 11-го декабря праздновала свой столѣтній юбилей. Основанная іезуитами еще въ 1641 г., она существовала подъ названіемъ „минской школы“ вплоть до изданія папой Климентомъ XIV въ 1773 г. своего знаменитаго бреве (Dominus ac Redemptor), которымъ орденъ іезуитовъ былъ объявленъ уничтоженнымъ, а послѣдователи Игнатія Лойолы были изгнаны изъ Польши. Послѣ этого она перешла въ вѣдѣніе коммиссіи народнаго просвѣщенія подъ именемъ областной школы, а въ 1793 году, послѣ второго раздѣла Польши, когда Минское воеводство было присоединено къ Россійской державѣ, переименовано въ „поіезуитскую школу“; въ 1799 г. сдѣлана „главнымъ губернскимъ училищемъ“, полгода спустя—„минскою губернскою школою“ и, наконецъ, въ 1803 г. переименована въ гимназію. Съ этого времени она и начинаетъ свое лѣтосчисленіе. Нынѣшній директоръ гимназіи г. Адо, желая достойнымъ образомъ ознаменовать день столѣтія ея, пригласилъ ко дню юбилея всѣхъ бывшихъ питомцевъ и учащихъ. На приглашеніе отозвалось около двухсотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились: извѣстный адвокатъ Спасовичъ, поэтъ Минскій (Виленкинъ) и публицистъ Василевскій (Буква). Торжество началось богослуженіемъ въ гимназической церкви. Вечеромъ состоялось чтеніе объ Александрѣ I. Во второй день торжества, 12-го декабря, въ присутствіи попечителя виленскаго учебнаго округа

Попова состоялся съ участіемъ оркестра и хора гимназистовъ торжественный актъ, на которомъ было прочтено краткое извлеченіе изъ исторической записки о гимназіи, составленной директоромъ гимназіи Адо. Въ началѣ акта попечитель округа обратился къ присутствовавшимъ на торжествѣ съ небольшой рѣчью, въ которой высказалъ тотъ взглядъ, что только при общей дружной работѣ учащихъ и учащихся, при взаимномъ довѣріи и возможно достигнуть въ дѣлѣ воспитанія благотворныхъ результатовъ. Закончилось торжество чтеніемъ привѣтственныхъ адресовъ и телеграммъ отъ всѣхъ почти средне-учебныхъ заведеній края, многихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и отъ бывшихъ питомцевъ. Кромѣ тогой гимназію привѣтствовали наше городское общественное самоуправленіе въ лицѣ городского головы Райкевича, редакція мѣстной газеты („Сѣверо-Запад. Край") и мѣстное общество любителей изящныхъ искусствъ. („Н. Вр.").

Въ обществѣ вспомоществованія студентамъ с.-петербургскаго университета.

28-го декабря, въ зданіи университета, въ залѣ совѣта состоялось экстренное собраніе членовъ общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ с.-петербургскаго университета по вопросу о предположеніи комитета ходатайствовать передъ правительствомъ о передачѣ столовой, принадлежащей обществу, с.-петербургскому университету съ возмѣщеніемъ обществу затраченныхъ на устройство столовой суммъ (около 165.000 р.). Предсѣдательствовалъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте. Въ собраніи присутствовали: бывшій предсѣдатель общества, членъ государственнаго совѣта П. П. Семеновъ, ректоръ университета А. М. Ждановъ, профессора П. П. Цитовичъ, И. И. Боргманъ, Н. В. Покровскій, О. Д. Хвольсонъ, Н. И. Карѣевъ, Д. М. Коноваловъ, А. П. Нечаевъ, В. И. Исаевъ, В. Г. Яроцкій и многіе другіе. Открывая собраніе, С. Ю. Витте въ теплыхъ словахъ поблагодарилъ членовъ общества за избраніе его въ предсѣдатели общества: „Выборъ этотъ высокоцѣненъ, во-1-хъ, потому, что онъ исходитъ отъ старѣйшаго разсадника просвѣщенія въ Россіи, и, во-2-хъ, потому, что меня избрали, несмотря на то, что я даже не состоялъ питомцемъ петербургскаго университета. Я попытаюсь приложить всѣ усилія, чтобы оправдать то высокое довѣріе, которымъ вы меня почтили". Затѣмъ С. Ю. предложилъ собранію произвести выборы новыхъ членовъ общества. Закрытою баллотировкою единогласно избраны были всѣ предложенныя лица, послѣ чего собраніе перешло къ обсужденію вопроса о передачѣ столовой. Секретаремъ общества было прочитано прошеніе на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ имени комитета, въ которомъ „комитетъ, полагая, что наилучшимъ способомъ разрѣшенія вопроса, въ смыслѣ сохраненія за столовой настоящаго ея значенія, могла-бы явиться передача ея въ вѣдѣніе с.-петербургскаго университета, на которомъ, естественно, лежитъ забота объ удовлетвореніи существеннѣйшихъ нуждъ ея питомцевъ,—проситъ г. министра ходатайствовать о семъ передъ правительствомъ". С. Ю. Витте, высказавъ свое глубокое убѣжденіе, что переходъ столовой изъ вѣдѣнія общества въ вѣдѣніе университета, при настоящемъ положеніи дѣлъ, является наилучшимъ, раціональнѣйшимъ разрѣшеніемъ этого вопроса, предлагаетъ собранію высказать свои мнѣнія по этому поводу. Вопросъ вызвалъ оживленныя пренія, длившіяся почти около трехъ часовъ. Къ мнѣнію предсѣдателя (т. е. за переходъ) при-

соединились П. П. Семеновъ, проф. Яроцкій, проф. Цитовичъ, противъ перехода горячо высказались В. В. Бартольдъ, П. К. Файбергъ, г. Сувольскій (послѣдніе два называли даже фактъ передачи столовой „продажею" ея) и нѣкоторые другіе. Много говорилось о томъ, что фактъ передачи столовой обществомъ университету является нарушеніемъ обязанностей общества передъ жертвователями (жертвовали, вѣдь, *обществу* на устройство столовой), которые, можетъ быть, и не пожелали-бы, чтобы ихъ жертвованія шли на столовую, находящуюся въ *вѣдѣніи университета*, какъ съ юридической, такъ и съ нравственной стороны. Противъ этого возражалъ предсѣдатель собранія, высказавъ свое убѣжденіе, что цѣлью жертвователей не была, именно, столовая, что они жертвовали вообще на недостаточныхъ студентовъ, желая только облегчить ихъ матеріальныя нужды. Нѣкоторыми членами о-ва высказывается мысль, чтобы за столовой, въ случаѣ ея перехода, сохранилось имя О. Ѳ. Миллера, что поддерживается большинствомъ голосовъ. Когда вопросъ о передачѣ столовой значительно уяснился и освѣтился благодаря преніямъ—предсѣдатель поставилъ его на баллотировку и большинствомъ голосовъ (67 противъ 26) собраніе рѣшило ходатайствовать о передачѣ столовой. („Нов.").

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Бактеріологическій институтъ при Томскомъ ун. Завѣтная мечта томскаго университета объ открытіи бактеріологическаго института близка къ осуществленію: министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило постройку такого института. Средства, необходимыя на постройку института, пожертвованы почетнымъ гражданиномъ В. Т. Зиминымъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ институтъ былъ посвященъ имени Ивана и Зинаиды Чуриныхъ. Кромѣ бактеріологическихъ изслѣдованій, при институтѣ предполагается также открыть отдѣленія для приготовленія противодифтеритной сыворотки, оспенной вакцины и пастеровской станціи для предохранительныхъ отъ собачьяго бѣшенства прививокъ. Большая часть капиталла, пожертвованнаго В. Т. Зиминымъ, около 70.000 руб., предполагается употребить на постройку зданія. Содержаніе же института будетъ обезпечиваться процентами съ остальной части пожертвованнаго капитала всего В. Т. Зиминъ пожертвовалъ 103.000 р.), а также доходами, имѣющими поступать отъ лѣченія и продажи цѣлебныхъ препаратовъ. („Бирж. В.“).

Высшіе женскіе курсы въ Казани. Положеніе о высшихъ женскихъ курсахъ въ Казани составлено въ предварительныхъ коммиссіяхъ. Рѣшено просить попечителя возбудить ходатайство о разрѣшеніи въ Казани высшихъ женскихъ курсовъ на выработанныхъ собраніемъ профессоровъ основаніяхъ и, въ случаѣ принципіальнаго согласія министра, испросить разрѣшеніе на образованіе временнаго комитета изъ пяти лицъ, который занялся бы до открытія курсовъ прінсканіемъ средствъ и другими необходимыми предварительными мѣрами по организаціи дѣла. Попечитель учебнаго округа отнесся къ ходатайству въ высшей степени сочувственно и обѣщалъ лично поддержать его передъ министромъ въ Петербургѣ, куда онъ уже выѣхалъ. Такимъ образомъ, дѣло высшихъ женскихъ курсовъ можетъ получить скорое разрѣшеніе и возможно, что съ осени въ Казани откроется новое высшее учебное заведеніе. Курсъ предполагается четырехлѣтній съ правомъ оставлять слушательницъ для дальнѣйшаго научнаго усовершенствованія, съ двумя факультетами: историко-филологическимъ и физико-математическимъ. Окончившимъ предполагается предоставить право преподаванія во всѣхъ классахъ женскихъ и низшихъ классахъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній съ предоставленіемъ пенсіи и многихъ служебныхъ правъ. Предполагается допускать окончившихъ къ ученымъ степенямъ. Педагогическіе предметы вводятся для желающихъ. („Вол. Вѣст.“).

Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ. Директоръ курсовъ В. И. Герье просилъ министерство народнаго просвѣщенія разъяснить, распространяется-ли

Высочайшее повелѣніе о дарованіи лицамъ, окончившимъ петербургскіе высшіе женскіе курсы, права преподавать въ старшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній и на московскіе курсы. На-дняхъ на эту просьбу полученъ утвердительный отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ особенно важенъ потому, что въ нынѣшнемъ учебномъ году на московскихъ курсахъ будетъ первый выпускъ учащихся. („Р. Л.").

Студенческая лавочка. Въ самый разгаръ предпраздничной сутолоки въ Варшавѣ появилась интересная новинка. На одной изъ главныхъ улицъ Варшавы открылась небольшая нарядная лавка съ письменными принадлежностями, открытками, альбомами и т. п. Продавцами состоятъ польскіе студенты университета и политехникума. Варшавская публика, падкая до всего новаго, такъ и хлынула туда. Въ толпѣ преобладаютъ дамы и молоденькія „паненки" даже изъ самыхъ отдаленныхъ кварталовъ города. Необыкновенныхъ „приказчиковъ" со всѣхъ сторонъ осаждаютъ вопросами:

— Чья это лавка?

— Почему въ ней продаютъ студенты?

Отвѣтъ однообразенъ и простъ:

— Лавка эта наша собственная. Уроковъ мы добыть не можемъ, а ѣсть надо.

Въ лавкѣ царитъ необыкновенное оживленіе. Покупатели не изсякаютъ. „Паненки",—дольше, чѣмъ слѣдуетъ,—роются въ открыткахъ. Студенты съ увлеченіемъ показываютъ свои товары и съ непривычки слишкомъ долго копаются при упаковкѣ. Многія дамы, очарованныя вниманіемъ и предупредительностью культурныхъ „торговцевъ", клянутся быть ихъ постоянными покупательницами— „до гробовой доски". Трудно было добраться до виновниковъ такого необычайнаго оживленія, но въ концѣ-концовъ все-таки удалось разспросить одного изъ нихъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ новаго предпріятія на американскій ладъ. Оказалось, что по иниціативѣ одного студента, который ознакомился теоретически и практически съ торговлей письменными принадлежностями, составилась компанія изъ 12-ти человѣкъ универсантовъ и политехниковъ. Каждый изъ нихъ долженъ былъ внести по 500 рублей, а кто не могъ, за того вносили заимообразно болѣе самостоятельные пайщики. Составился, такимъ образомъ, капиталъ въ 6.000 рублей, на который и рѣшено было учредить лавку. Закупкой матеріаловъ завѣдуетъ самъ иниціаторъ. Исполненіе роли приказчиковъ, разговоры съ покупателями, а главное—съ покупательницами, какъ новинка, настолько занимаютъ молодежь, что она пока не соблюдаетъ между собой никакой очереди и постоянно, почти въ полномъ составѣ, присутствуетъ въ лавкѣ. Кстати, открытіе этого коммерческаго предпріятія совпало съ рождественскими каникулами. Доходъ съ лавки предполагается дѣлить между пайщиками, число которыхъ увеличивается. Кромѣ того, часть барышей студенты рѣшили отчислить въ пользу недостаточныхъ товарищей („Р. Сл.").

Открытіе реальнаго училища въ Петропавловскѣ. 17 октября въ Петропавловскѣ состоялось открытіе реальнаго училища.

Открылъ училище попечитель учебнаго округа, который въ своей рѣчи, сказанной по этому случаю, говорилъ о значеніи школы, о томъ, что городское общественное управленіе должно оказывать училищу помощь не только матеріальную, но и главнымъ образомъ нравственную, что родители учащихся должны внимательнѣе относиться къ дѣйствіямъ педагогическаго персонала и

осторожнѣе подвергать ихъ критикѣ, особенно избѣгать критики въ присутствіи дѣтей, что дѣло воспитанія и обученія далеко не легкое дѣло, а потому родители должны оказывать помощь школѣ, слѣдя за внѣклассным поведеніемъ учащихся и за исполненіемъ учащимися домашнихъ работъ. Директоръ училища г. Бережковъ въ своей рѣчи остановился главнымъ образомъ на томъ, какой духъ долженъ царить въ школѣ, чтобы она выпускала изъ стѣнъ своихъ честныхъ, на все хорошее отзывчивыхъ тружениковъ, а не черствыхъ эгоистовъ, не видящихъ ничего, кромѣ своихъ личныхъ интересовъ. Духомъ любви и кротости, по словамъ г. Вережкова, должны быть проникнуты отношенія между учащимися. („Сибирская Жизнь").

Школа сидѣлокъ. Съ будущаго года въ Лужскомъ уѣздѣ, Петербургской губерніи, за счетъ уѣзднаго земства, при мѣстной уѣздной земской больницѣ имѣетъ быть организована спеціальная школа „сидѣлокъ", куда будутъ принимаемы дѣвицы не моложе 17-ти лѣтъ. Ученицы принимаются на полное содержаніе земства. Курсъ обученія—годичный, причемъ въ программу занятій входятъ элементарныя свѣдѣнія по анатоміи человѣка, гигіенѣ, по уходу за больными и по подачѣ первой помощи до прибытія врача. Обученіе сидѣлокъ возложено на больничнаго и санитарныхъ врачей уѣзднаго земства. По выдержаніи экзамена, „сидѣлки" пріобрѣтаютъ право поступленія въ больницы и въ пріемные покои на жалованіе 8—10 руб. въ мѣсяцъ, на готовомъ содержаніи. („Нов.").

Русско-персидская школа. Во Владикавказѣ основана русско-персидская школа. Нынѣ обучается тамъ 25 учениковъ при двухъ преподавателяхъ, и школа, кромѣ двухъ приготовительныхъ отдѣленій будетъ имѣть еще четыре класса, въ которыхъ будутъ проходиться языки татарскій, персидскій, арабскій, русскій и французскій, географія, исторія, геометрія, физика, естествовѣдѣніе, понятія объ основныхъ законахъ Россійской имперіи и пр. Выработанная владикавказскимъ персидскимъ вице-консуломъ Давудъ-ханомъ программа означенныхъ четырехъ классовъ уже представлена на утвержденіе. Обученіе въ школѣ безплатное, и всѣ учителя пользуются даровой квартирой при отопленіи и освѣщеніи. При школѣ впослѣдствіи будетъ учрежденъ пансіонъ. Для наблюденія за дѣлами школы учрежденъ совѣтъ изъ пяти почетныхъ персіанъ. Совѣту этому подчиненъ и учительскій персоналъ школы. („Кавк.").

Законоучители въ нач. школахъ. Щигровская уѣздная управа обратилась въ губернскую съ просьбой ходатайствовать въ надлежащемъ порядкѣ о допущеніи къ преподаванію Закона Божія учащихъ земскихъ школъ самостоятельно или подъ наблюденіемъ священниковъ. Ходатайство это вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что законоучители въ общемъ очень неаккуратно посѣщаютъ земскія школы, а иногда и совсѣмъ не ведутъ въ нихъ занятій по Закону Божію, вслѣдствіе чего въ послѣднихъ случаяхъ преподаваніе Закона Божія ведется учителемъ или учительницей, у которыхъ оно обыкновенно бываетъ поставлено очень хорошо. Кромѣ того, по мѣрѣ заполненія школьной сѣти и открытія школъ въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ церквей, случается, что одинъ и тотъ же законоучитель, состоя преподавателемъ въ двухъ, трехъ и болѣе школахъ, находящихся на значительномъ разстояніи одна отъ другой, физически не можетъ посѣщать ихъ съ должной аккуратностью. Такое положеніе щигровская уѣздная управа считаетъ ненормальнымъ и находитъ нужнымъ его измѣнить. („Рус. В.").

Льготы для народныхъ учителей. Рязанскимъ губ. земскимъ собраніемъ возбуждено очень важное для народныхъ учителей ходатайство. По закону, учителя прослужившіе не менѣе десяти лѣтъ, имѣютъ право безплатно учить своихъ дѣтей мужского пола въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія; дочери-же совершенно лишены этихъ правъ, между тѣмъ, въ настоящее время давать образованіе дочерямъ въ такой-же степени необходимо, какъ и сыновьямъ. Но если-бы такой законъ и существовалъ, то онъ мало улучшилъ-бы дѣло, такъ какъ учебныя заведенія этого вѣдомства находятся далеко не во всѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ. Въ виду этого губернское собраніе постановило ходатайствовать: 1) о распространеніи права безплатнаго обученія на дочерей народныхъ учителей, прослужившихъ десять лѣтъ и 2) о распространеніи этого права на учебныя заведенія не одного министерства народнаго просвѣщенія, но и другихъ вѣдомствъ. („Русск. Вѣд.“.)

Медали для народныхъ учителей. Учительницы и учителя земскихъ и городскихъ нар. школъ порадованы къ наступающему празднику Р. Хр. фактическимъ полученіемъ золотыхъ, малыхъ и большихъ медалей „за усердіе“ къ службѣ. Медали присуждены Министерствомъ нар. просв. по представленію и ходатайству мѣстныхъ начальствъ. Малыя медали выданы за 20-лѣтіе, а большія—за 30-лѣтіе безпрерывной учебной службы въ народныхъ школахъ для учащихся обоего пола. Медали—на станиславскихъ лентахъ и носятся на груди (малая медаль) и на шеѣ (большая медаль). Въ среднемъ расчетѣ на каждую губернію въ Европейской Россіи присуждено отъ 3-хъ до 5-ти медалей. Онѣ были разосланы по мѣсту назначенія въ осенніе мѣсяцы текущаго года; дошли же къ учительницамъ и учителямъ въ послѣднія недѣли декабря. („Н. Вр.“).

Школьныя сберегательныя кассы. Еще такъ недавно возникшія школьныя сберегательныя кассы не встрѣтили сочувствія въ земскихъ собраніяхъ. Одно земство за другимъ возбуждаютъ ходатайстяа объ ихъ закрытіи. Вопросъ о кассахъ обсуждался въ *таврическомъ* земскомъ собраніи по поводу доклада управы о признаніи нежелательности устройства сберегательныхъ кассъ при земскихъ народныхъ училищахъ. Вопросъ этотъ возникъ одновременно на симферопольскомъ и днѣстровскомъ земскихъ собраніяхъ и, согласно рѣшенію послѣдняго, вопросъ перешелъ на разсмотрѣніе губернскаго собранія. Огромнымъ большинствомъ голосовъ рѣшено возбудить ходатайство о закрытіи всѣхъ этихъ кассъ. („Од. Лист.“).

Земская выставка по народному образованію. Московское губернское земство предполагаетъ устроить лѣтомъ 1905 года въ Москвѣ первую общеземскую выставку по народному образованію, на которой будетъ собрано все, характеризующее и иллюстрирующее постановку дѣла народнаго образованія въ земскихъ губерніяхъ Россіи. С.-Петербургское губернское земское собраніе признало желательнымъ и вполнѣ своевременнымъ устройство подобной выставки въ Москвѣ, рѣшило принять въ ней участіе, поручивъ управѣ и коммиссіи по народному образованію выработать формы и подробности этого участія, и ассигновало 1.000 рублей на предварительные расходы по изготовленію экспонатовъ. Къ участію на выставкѣ въ качествѣ экспонентовъ будутъ привлечены также всѣ уѣздныя земства губерніи. („Рус. Вѣд.“).

Всеобщее обученіе въ Саратовской г. Министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило *саратовскую* земскую управу, что, разсмотрѣвъ ходатайство саратовскаго губ. земства о субсидіи изъ суммъ казны для достиженія всеобщаго обученія въ саратовской губерніи и признавъ таковое заслуживающимъ удовлетворенія, оно нашло возможнымъ, по мѣрѣ средствъ, содѣйствовать осуществленію предположеннаго дѣла. („Сар. Дн.").

Къ постройкѣ школьныхъ зданій. Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, какъ извѣстно, приходитъ на помощь земскимъ учрежденіямъ въ дѣлѣ школьнаго строительства безплатнымъ отпускомъ лѣсного матеріала изъ казенныхъ дачъ. Но часто бываетъ, что, по тѣмъ или инымъ причинамъ, министерство задерживаетъ отпускъ строительнаго матеріала и тѣмъ, естественно, затрудняетъ постройку школьныхъ зданій отдѣльными земствами. Въ виду этого, истекшее с.-петербургское губернское земское собраніе постановило возбудить ходатайство предъ указаннымъ министерствомъ о томъ, чтобы оно, не имѣя возможности немедленно удовлетворить требованія земства объ отпускѣ лѣса, выдавало денежныя субсидіи, равныя цѣнности строительнаго матеріала. („Бирж. В.").

Интересный проектъ. Мы слышали, что въ подлежащихъ учебно-административныхъ сферахъ разрабатывается слѣдующій интересный проектъ: всѣ школы сибирской жел. дор., находящіяся въ вѣдѣніи оренбургскаго учебнаго округа, западно-сибирскаго учебнаго окр., иркутскаго генералъ-губернаторства и мѣстныхъ по линіи дороги епархій,—передать въ вѣдѣніе западно-сибирскаго учебнаго округа. Ближайшее наблюденіе за этими школами предполагается поручить самостоятельному инспектору народныхъ училищъ сибирской жел. дор. съ подчиненіемъ г. попечителю западно-сибирскаго округа. („Спб. Ж.").

Передвижной музей учеб. пособій. 10-го января, въ новомъ зданіи с.-петербургской уѣздной земской управы состоялось торжественное освященіе и открытіе *передвижного музея учебныхъ пособій* для земскихъ школъ съ постояннымъ отдѣломъ, спеціально для учащихъ въ этихъ школахъ. Подъ передвижной музей и его постоянный неподвижной отдѣлъ отведены двѣ большія, свѣтлыя залы. Подвижной музей состоитъ изъ отдѣла по зоологіи, въ которомъ собрана прекрасная коллекція чучелъ птицъ и животныхъ, коллекція препаратовъ въ спиртѣ, коллекціи насѣкомыхъ и рядъ таблицъ и рисунковъ. Ботаническій отдѣлъ состоитъ изъ коллекцій и рисунковъ, травъ и растеній и получаемыхъ отъ нихъ пищевыхъ продуктовъ. Въ минералогическомъ отдѣлѣ имѣются небольшія коллекціи рудъ, минераловъ и почвы. Отдѣлъ технологіи составляетъ коллекція моделей земледѣльческихъ орудій, ткацкихъ станковъ и подробныя описанія нѣкоторыхъ техническихъ производствъ. Вся подвижная часть музея заканчивается отдѣлами по исторіи и географіи, въ которыхъ собраны разные глобусы, карты, учебники и т. п. Всѣ вещи этихъ перечисленныхъ отдѣловъ приспособлены для удобной перевозки въ спеціальныхъ ящикахъ и т. п. и будутъ выдаваться изъ музея, по требованіямъ земскихъ школъ, на извѣстный срокъ пользованія. Нѣкоторыя вещи имѣются въ нѣсколькихъ экземплярахъ. („Нов.").

Московское земство и попечительство о народной трезвости. Вслѣдъ за другими земствами московское губернское земство намѣрено возбудить ходатайство передъ министерствомъ финансовъ о передачѣ дѣла попеченія о народной трезвости въ вѣдѣніе земскихъ учреденій. Помимо довольно извѣстныхъ общихъ соображеній, передача дѣла насажденія трезвости земству нашей губерніи кажется послѣднему представляющей особенно благопріятныя условія. Дѣло въ томъ, что со времени введенія у насъ попечительствъ о народной трезвости прошло только три года, въ теченіе которыхъ попечительства не успѣли еще развить широко своей дѣятельности. Число общеобразовательныхъ заведеній попечительства ничтожно по сравненію съ такими-же учрежденіями земства, а потому реформа въ этой области не повлечетъ за собой ощутительной ломки. Въ основѣ мѣръ, содѣйствующихъ распространенію трезвости, какъ это признается и самимъ министерствомъ финансовъ, должны лежать распространеніе народнаго образованія и широкая организація такихъ общеобразовательныхъ учрежденій и мѣръ, какъ читальни, библіотеки, народныя чтенія, театры и т. п. Заботы-же о народномъ образованіи, школьномъ и внѣшкольномъ, по закону лежатъ на обязанности земскихъ учрежденій; на нихъ-же лежатъ заботы о народномъ здравіи, которыя также стоятъ въ непосредственной связи съ борьбой противъ алкоголизма. Вотъ почему выработка тѣхъ или другихъ мѣръ въ борьбѣ съ пьянствомъ должна, по мнѣнію земства, лежать на земскихъ учрежденіяхъ. Изъ вѣдѣнія этихъ учрежденій слѣдуетъ исключить только надзоръ за торговлей крѣпкими напитками, возлагаемый теперь на попечительства. („Р. Л.“).

Народный домъ въ Ельцѣ. Въ Ельцѣ съ весны начнетъ строиться Народный домъ имени Императора Николая II. Инціаторомъ является уѣздный предводитель дворянства А. А. Стаховичъ, который и собралъ на это дѣло 30.000 руб. Крупную часть этой суммы составляетъ субсидія министерства финансовъ; 2.000 руб. далъ городъ и на Орловской площади подарилъ очень дорогое центральное мѣсто; но городъ уклонился отъ руководительства дѣломъ, которое приняло на себя земство, тоже ассигновавшее 3.000 руб. Постройку предполагаютъ закончить къ осени. Домъ будетъ кирпичный, съ приспособленіями для аудиторіи и театра и обойдется въ 40.000 руб. Судя по постановкѣ въ другихъ мѣстахъ, народные дома преслѣдуютъ цѣли народнаго развлеченія, а воспитательнаго значенія не имѣютъ; поэтому и города не вполнѣ сочувственно относятся къ этому дѣлу. („Н. Вр.“).

Доброе дѣло. Петербургское общество школьныхъ дачъ получило отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, 500 руб. съ тѣмъ, чтобы на эти деньги отъ 20—25 воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній могли провести праздники Рождества на хорошемъ чистомъ воздухѣ, на зимней дачѣ, въ память Роберта фонъ-Гаартмана, за Сестрорѣцкомъ. („Нов.“).
